9(062) 902.6
3-32 3.-32

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

806. 59.

Т. XX.

www.library.chersonesos.org

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1897.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
Вице-Президентъ *В. Н. Юргевичъ.*

www.library.chersonesos.org

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія.

1) Къ вопросу о происхожденіи «готскаго стиля» предметовъ ювелирнаго искусства (Археологическія замѣтки по поводу золотыхъ вещей, найденныхъ въ Керчи лѣтомъ 1896 года). Таблица I. Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ* . . . . . 1— 15
2) Нимфея и первый «списокъ Нимфейскихъ гражданъ». Д. чл. *В. В. Шкорпилъ* . . . . . 16— 28
3) Апокрифическія сказанія объ Апостольской проповѣди по Черноморскому побережью. Время образованія этихъ сказаній. Отдѣлъ I. Глава I и II. Д. чл. *С. В. Петровскій* . . . . 29—148
4) Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма (По сообщеніямъ А. Л. Бертье-Делагарда). Д. чл. *В. В. Латышевъ* . . . . 149—162
5) «Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ. Четыре таблицы. Д. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ* . . . . . 163—199

II. Матеріалы.

1) Предположеніе о созывѣ Коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія. Сообщ. д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 1— 27
2) Румынскія доблести. Сообщ. д. чл. *А. А. Скальковскій* . . . . 28— 49
3) Акты 1787—1797 годовъ, извлеченные изъ дѣлъ Кубанскаго Войсковаго Архива и сообщенные д. чл. *Е. Д. Фелицынымъ* (Окончаніе) . . . . . 50— 59
4) Матерьялы по исторіи запорожья въ XVIII вѣкѣ. Сообщ. д. чл. *П. А. Ивановъ* . . . . . 59—100

III. Смѣсь.

1) Письмо Аббата Николя. Сообщ. д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . 1
2) Грамота папы Григорія XVI. Я. Де-Негри 1839 года. Сообщ. д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 2— 5
3) Грамота Императрицы Екатерины II-ой Ясскому Агѣ Маіору Константину Филодору. Сообщ. д. чл. *А. В. Лонгиновъ* . . . . 6— 8
4) Письмо Великаго князя Константина Павловича князю П. И. Шаховскому. Сообщ. д. чл. *А. В. Лонгиновъ* . . . . . 8— 9
5) Цементъ водопровода древняго Херсонеса. Проф. *С. Гаватаръ* 9— 11
6) Бумаги покойнаго поч. чл. *П. О. Бурачкова*. Д. чл. *А. И. Маркевичъ* 11— 16

IV. Некрологи.

1) Высокопреосвященный Савва архіепископъ Тверской. *П. Ѳ. Красносельцева* . . . . . 1— 4
2) Николай Федоровичъ Фанъ-деръ-Флитъ. *А. П. Маркевича* . . . 4— 10
3) Протоіерей Петръ Гавріиловичъ Лебединцевъ. *С. В. Петровскаго* 10— 13
4) Аббатъ Амедео Винья. Маркиза *І. О. де-Феррари* . . . . . 13— 16

V. Протоколы.

Доклады: 1) *В. В. Шкорпила*, Описаніе 12 камней съ греческими надписями, пріобрѣтенными въ 1896 году для Мелекъ-Чесменскаго музея *(298 засѣданіе)* . . . . . 1— 4
2) *А. А. Кочубинскаго*, О состояніи Аккерманской крѣпости, перешедшей въ вѣдѣніе Общества *(298 зас.)* 5— 8
3) Проф. *А. Л. Потылицына*, «О составѣ и происхожденіи золота надгробной пластинки изъ города Ольвіи», изд. Журн. Русск. Физич. Химич. Общ. при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, т. XXVII, вып. 4 *(299 засѣданіе)* . . . . . 17— 20
4) *А. П. Маркевича*, Письмо Императрицы Екатерины II генералъ-прокурору князю Вяземскому *(299 засѣданіе)* 20— 22
5) *В. П. Юргевича*, «Объ археологіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II» *(300 засѣданіе)* . . 23— 29
6) *Э. Р. фонъ-Штерна*, О новѣйшихъ поддѣлкахъ въ области керамики на югѣ Россіи *(301 засѣданіе)* . 37— 41
7) *А. П. Маркевича*, Борьба запорожскаго кошевого П. П. Калнышевскаго съ гайдамаками *(302 засѣданіе)* 45— 47
8) *Г. В. Шкорпила*, О древностяхъ, найденныхъ въ Болгаріи *(303 засѣданіе)* . . . . . 57— 63
9) *А. П. Маркевича*, Интересные документы, касающіеся исторіи Одессы изъ сборника И. И. Дмитренко *(304 засѣданіе)* . . . . . 68— 70
10) *Ю. А. Кулаковскаго*, О христіанствѣ Алановъ *(305 зас.)* 76— 77
11) *К. В. Шкорпила*, Древнія надписи, найденныя въ Болгаріи *(305 засѣданіе)*. Продолженіе къ помѣщеннымъ въ 297 и 298 протоколахъ . . . . . 77— 80

Приложенія.

1) Преміи находящіяся въ распоряженіи Общества.
2) Изданія Общества.

Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля" предметовъ ювелирнаго искусства.

(Археологическія замѣтки по поводу золотыхъ вещей, найденныхъ въ Керчи лѣтомъ 1896 г.).

Въ ноябрѣ прошлаго года извѣстный керченскій торговецъ древностями, Ермолай Запорожскій, привезъ въ Одессу изображенныя на прилагаемой таблицѣ (№ I) древности, найденныя, по его словамъ, вмѣстѣ въ одной керченской могилѣ. Такъ какъ эти вещи уже при бѣгломъ осмотрѣніи казались мнѣ интересными съ научной точки зрѣнія, то я въ ноябрьскомъ засѣданіи совѣта Общества заявилъ о желательности ихъ пріобрѣтенія для нашего музея, и совѣтъ уполномочилъ меня вести дальнѣйшіе переговоры и принять необходимыя для этой цѣли мѣры.

Первымъ моимъ дѣломъ было обратиться къ нашему почтенному сочлену В. В. Шкорпилу, завѣдующему музеемъ въ Мелекъ-Чесменскомъ курганѣ, съ запросомъ, дѣйствительно-ли предлагаемыя Ермолаемъ Запорожскимъ вещи найдены всѣ вмѣстѣ въ одной гробницѣ и не можетъ-ли онъ сообщить подробности о мѣстѣ ихъ нахожденія. Кто знаетъ, какъ рѣдко намъ удается получить цѣликомъ всѣ предметы, найденные въ одной могилѣ, кто знаетъ, какъ часто наши торговцы древностями изъ коммерческихъ соображеній соединяютъ вещи совершенно различнаго происхожденія въ одну серію или раздробляютъ вмѣстѣ найденные предметы на двѣ или три серіи, дополняя ихъ разнымъ негоднымъ и не относящимся къ нимъ хламомъ, и какъ они эти искусственно составленныя коллекціи преподносятъ покупателямъ и собирателямъ подъ флагомъ цѣльной находки,— кто знаетъ всѣ эти обычныя продѣлки, повторяю, тотъ пойметъ, какое значеніе для научной разработки нашихъ южно-русскихъ древностей имѣетъ точное установленіе происхожденія той или другой серіи предметовъ и какъ желательно въ случаѣ,

если такое установленіе возможно, заботиться о томъ, чтобы вмѣстѣ найденныя вещи не были по одиночкѣ проданы, разрознены, а цѣликомъ поступали въ наши музеи. Съ обычной предупредительностью В. В. Шкорпилъ немедленно отвѣтилъ на мой запросъ,— и этотъ отвѣтъ заставилъ меня довести переговоры съ г. Ермолаемъ Запорожскимъ до конца и пріобрѣсти предлагаемыя имъ вещи для нашего музея.

Г. Шкорпилъ въ своемъ письмѣ отъ 10-го декабря мнѣ сообщилъ, что лѣтомъ 1896 года на землѣ г. Верле, на Глиницѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ найдено христіанское надгробіе, изданное имъ въ 298 Протоколѣ засѣданій нашего Общества, открытъ былъ «погребокъ» съ двумя «прахами», мужскимъ — на правую сторону отъ входа, женскимъ — на лѣвую. Двери съ круглымъ сводомъ составили входъ въ гробницу, который, будучи обращенъ къ юго-востоку, находился на глубинѣ $1^1/_2$ саженей. Этотъ «погребокъ»,— чтобы удержать терминологію г. Шкорпила,— начали разбирать вечеромъ одного дня и кончили утромъ слѣдующаго; руководителемъ работъ былъ членъ нашего Общества А. А. Диринъ; въ первый день и г. Шкорпилъ присутствовалъ при раскопкѣ, въ которой, по его свидѣтельству, найдены были всѣ предлагаемыя намъ вещи [1]).

Мѣсто находки этихъ вещей такимъ образомъ вполнѣ выяснено и цѣльность пріобрѣтенной нами серіи, принадлежность всѣхъ предметовъ одной находкѣ не можетъ быть подвергнута сомнѣнію. Однако не только въ такой цѣльности заключается достоинство этихъ предметовъ; какъ мы сейчасъ увидимъ изъ ихъ ближайшаго разсмотрѣнія, они намъ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые небезъинтересные выводы относительно вопроса о такъ называемомъ «готскомъ стилѣ» предметовъ золотыхъ дѣлъ мастерства,— вопроса, сильно занимающаго въ послѣднее время западныхъ, особенно французскихъ ученыхъ.

Между предметами, найденными въ керченскомъ склепѣ, приковываетъ прежде всего наше вниманіе мечъ большихъ размѣровъ (таб. I, № 3[а]). Его длина 91 см.; какъ почти всѣ желѣзные предметы изъ нашихъ южныхъ кургановъ и могилъ, и этотъ мечъ сильно

[1]) Къ сожалѣнію, повидимому, не были при раскопкѣ сняты точныя мѣры склепа и не было обращено надлежащаго вниманія на положеніе костяка и на разъясненіе еще нѣкоторыхъ другихъ, важныхъ въ археологическомъ отношеніи, вопросовъ.

пострадалъ и покрытъ такимъ толстымъ слоемъ окиси, что чистить его по новому методу Крефтинга оказалось вполнѣ невозможнымъ; съ трудомъ удалось послѣ продолжительныхъ ваннъ довести его до теперешняго состоянія, и я не рѣшаюсь продолжать чистку, хотя, повидимому, подъ слоемъ окиси находятся еще кое-какіе предметы, не принадлежащіе первоначально къ клинку меча. При теперешнемъ состояніи меча мы видимъ, что къ клинку твердо пристали два камня въ золотой оправѣ, двѣ золотыя бляшки, служившія подкладкой для оправы такихъ-же камней, и съ боку золотая пластинка, оканчивающаяся змѣиною головою, глаза которой обозначены весьма тщательно вставленными маленькими круглыми гранатами. То странное на первый взглядъ обстоятельство, что эти камни, бляшки, и эта пластинка непосредственно прилегаютъ къ клинку меча и съ нимъ твердо соединены сплошной окисью, допускаетъ по моему только одно объясненіе: камни нѣкогда украшали ножны меча, и эта почти трехгранная пластинка окаймляла ихъ; ножны вполнѣ перетлѣли, путемъ процесса оксидаціи превратились въ одну массу съ клинкомъ меча, и вотъ почему части ихъ украшенія, оказывавшія по своему матеріалу больше сопротивленія разрушающему вліянія почвы и атмосферы, ощущаются теперь непосредственно на самомъ клинкѣ меча. Надѣюсь, что это объясненіе покажется вполнѣ убѣдительнымъ. Кстати замѣчу, что имъ разрѣшается и другой спорный вопросъ. Въ Императорскомъ Московскомъ Историческомъ Музеѣ хранится, тоже въ Керчи найденная, трехгранная пластинка съ змѣиной головой; она только лучшей сохранности, чѣмъ наша, и богато украшена вставленными въ чешуеобразномъ узорѣ красными стеклышками; но тѣмъ не менѣе общность типа какъ этой пластинки, такъ и нашей внѣ всякаго сомнѣнія. О значеніи этой пластинки ученые были различныхъ мнѣній; теперь по аналогіи, представляемой нашимъ мечомъ, оказывается, что правы были тѣ, которые и въ московской пластинкѣ усматривали украшеніе ноженъ меча. Однако возвратимся послѣ этого отступленія къ предмету нашего изслѣдованія.

Кромѣ клинка сохранилась и рукоятка меча (таб. I, № 3^{b}). Она состоитъ изъ золотой трубочки, которая сверху закрыта плоскимъ, круглымъ, тщательно отшлифованнымъ драгоцѣннымъ камнемъ—калхедономъ. Къ этому калхедону прикрѣплена металлическая остро-

конечная шапочка, украшенная на верху круглой золотой пуговкой; отъ этой пуговки натянуты до базиса, состоящаго изъ золотаго обруча, позолоченныя мѣдныя нитки, и пространство между ними наполнено вставленными кусками красной стекляной массы. Еще изящнѣе сработана другая рукоятка (таб. I, № 2), найденная около того-же костяка. Клинокъ не сохранился; можно предполагать, что это былъ кинжалъ; если имѣть въ виду, какъ сильно пострадалъ толстый большой мечъ, то неудивительно, что тонкій кинжалъ совсѣмъ разсыпался и что осталась одна рукоятка. Эта рукоятка состоитъ изъ одного куска весьма тщательно обработаннаго и отшлифованнаго горнаго хрусталя. Этому куску сверху приданъ видъ десятигранной площади; въ нее вдѣлано четыре металлическихъ штифтика, пространство между которыми наполнено правильными кругами изъ позолоченныхъ мѣдныхъ нитокъ; а въ эти гнѣзда вставлены опять куски красной стекляной пасты. Кромѣ того у того-же мужскаго костяка найдены: 1) двѣ золотыя пряжки [1]) со вставленными красными и зелеными камнями (таб. I, №№ 11 и 13); 2) два перстня: въ одномъ въ золотой оправѣ—большой сердоликъ съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ богини побѣды, стоящей на шарѣ (таб. I, № 9), другой перстень весь изъ золота, съ изображеніемъ мужчины и женщины, подающихъ другъ другу руки; надъ фигурами имѣются буквы ОМО, а подъ ними NOIA, такъ что получается слово ὁμόνοια —согласіе (таб. I, № 8); 3) золотая бляшка, которая, если судить по ея формѣ и имѣющимся изъ другихъ керченскихъ могилъ аналогіямъ [2]), служила для обшивки и украшенія кожанаго ремня, перевязи, на которой носился мечъ (таб. I, № 12). Эта бляшка довольно плохой сохранности, другія, повидимому, совсѣмъ пропали или настолько истлѣли, что казалось не стоющимъ труда собирать всѣ эти куски и фрагменты. Наконецъ въ склепѣ мужскаго скелета найдены были еще три драгоцѣнныхъ камня различной формы въ золотой оправѣ (таб. I, №№ 14, 15 и 16); одинъ изъ нихъ, какъ показываетъ сохранившійся внизу штифтикъ, предназначенъ былъ

[1]) Найдена еще третья большая пряжка (таб. I, № 17). Къ сожалѣнію, верхняя часть оправы со вставленными камнями пропала.

[2]) Срв. Antiquités du Bosphore Cimmérien, таб. XXIX, № 4.

для украшенія ремня или металлическаго предмета; можно предполагать, что и другіе должны были служить тѣмъ-же цѣлямъ.

При женскомъ скелетѣ найдена діадема или налобникъ изъ тонкаго листоваго золота (таб. I, № 1). Въ срединѣ налобника имѣется оттискъ римской императорской монеты, по ея бокамъ по четыре листа сельдерея, выбитые «repoussé» изъ золота, а не отдѣльно вставленные, какъ это часто бываетъ. Кромѣ того здѣсь найдены: два гладкихъ, дутыхъ браслета (таб. I, №№ 4 и 5), одинъ золотой, другой серебряный позолоченный, двѣ серьги (таб. I, №№ 6 и 7) въ видѣ маленькаго гладкаго обруча, одна золотая, другая серебряная, и кольцо изъ синяго стекла (таб. I, № 10).

Изъ этого краткаго описанія найденныхъ въ новооткрытой керченской могилѣ предметовъ явствуетъ, что по стилю и техникѣ работы главное наше вниманіе заслуживаютъ двѣ рукоятки, пластинка съ змѣиной головой и двѣ золотыя пряжки. Всякій, кто занимался изученіемъ нашихъ южно-русскихъ древностей, при первомъ взглядѣ на эти вещи долженъ замѣтить сходство между ними и серіей предметовъ, найденной лѣтъ восемь тому назадъ, если не ошибаюсь, въ окрестностяхъ Керчи. Эта серія сначала была во владѣніи г. А. В. Новикова въ Керчи, потомъ она имъ продана была Ермолаю Запорожскому, и главная часть ея—нѣкоторыя вещи попали въ частныя коллекціи—пріобрѣтена въ прошломъ году Императорскимъ Московскимъ Историческимъ Музеемъ. Въ этой серіи есть также такая золотая трехгранная бляшка съ змѣиной головой; есть золотыя пряжки со вставленными въ нихъ большими сирійскими гранатами, есть рукоятка изъ круглаго куска янтаря, верхняя часть котораго украшена такъ-же, какъ у насъ верхняя площадь рукоятки изъ горнаго хрусталя, вложенными въ круглыя гнѣзда изъ позолоченной проволоки красными стеклышками. Правда, золотыя пряжки и бляшка съ змѣиной головой теперешней московской коллекціи цѣннѣе и пышнѣе нашихъ,—но нѣтъ сомнѣнія, что стиль и техника работы вполнѣ тождественны. Эти предметы московской коллекціи сдѣлались въ то время еще, когда они принадлежали г. Новикову, предметомъ спеціальнаго изслѣдованія извѣстнаго археолога барона de Baye; онъ ихъ сопоставилъ съ предметами такъ называемой «меровингской эпохи» и на основаніи близости ихъ къ золотымъ вещамъ, най-

деннымъ, если мнѣ не измѣняетъ память, главнымъ образомъ, въ Венгріи, Германіи и Франціи, дошелъ до того результата, что названная серія предметовъ сработана «въ готскомъ стилѣ», что эта своеобразная техника принадлежитъ готамъ и что «керченская находка» должна быть вслѣдствіе этого признана украшеніемъ готской могилы, собственностью богатаго готскаго вельможи [1]). Сколько я знаю, результатъ изслѣдованій барона de Baye не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій [2])—и дѣйствительно сходство изслѣдуемыхъ имъ предметовъ съ работами такъ называемаго «готскаго стиля», найденными на западѣ, едва-ли можетъ быть оспариваемо. Однако это несомнѣнное сходство едва-ли позволяетъ сдѣлать всѣ тѣ выводы, къ которымъ пришелъ уважаемый баронъ de Baye. Если согласиться съ нимъ, то надо было-бы признать и пріобрѣтенныя нами древности —готской работой, и раскопанную лѣтомъ 1896 г. на Глинищѣ въ Керчи могилу—готскимъ склепомъ.

Но мнѣ думается, что существуютъ серьезные доводы, препятствующіе выставленію подобной догадки. Маленькая историческая и хронологическая справка, по моему, докажетъ справедливость этого послѣдняго утвержденія. При женскомъ костякѣ найдена была діадема, украшенная оттискомъ, какъ я выше сказалъ, отъ римской монеты императорскаго періода. Подобныя діадемы съ штемпелями монетъ римскихъ императоровъ—не рѣдкость

---

[1]) Публикація барона de Baye объ этой серіи золотыхъ вещей изъ Керчи мнѣ, къ сожалѣнію, теперь недоступна; но онъ неоднократно проводилъ подобные взгляды въ цѣломъ рядѣ другихъ статей, напр.: «Les bijoux Gothiques de Kertsch», 1888 (extrait de la Revue archéologique) p. 2 и 3, гдѣ онъ трактуетъ преимущественно о готскихъ предметахъ украшенія изъ коллекціи керченскихъ драгоцѣнностей г. Evans'a, въ «L'art chez les barbares à lachute de l'empire romain», въ журналѣ «L'anthropologie» 1890, № 4, p. 9 и 11, въ статьѣ «De l'influence de l'art des Gothes en occident», 1891, p. 3, 5 и слѣд., и «Bijoux Vandales des environs de Bone» (extrait des Memoires de la Société nationale des Antiquaires de France t. XLVIII) p. 3 и слѣд.

[2]) Мой почтенный товарищъ А. А. Кочубинскій обратилъ мое вниманіе на статью Hampel'a: Der Goldfund von Nagy-Szent-Miklós (Ungar. Revue, 1885), въ которой (срв. стр. 602 и слѣд.) дѣлаются намеки на связь культуры гепидовъ и готовъ съ греческой культурой городовъ сѣвернаго побережья Чернаго моря. Но эти довольно неопредѣленные намеки нельзя считать протестомъ противъ взглядовъ барона de Baye, статьи котораго впрочемъ появились уже послѣ изданія прекраснаго изслѣдованія Hampel'a. Вопроса о происхожденіи стили золотыхъ предметовъ богатаго «Клада Аттилы» Hampel не касается.

между нашими южно-русскими находками. У Ашика «Воспорское царство», III, фиг. 147, издана одна такая діадема, въ Antiquités du Bosphore Cimmérien, таб. III и IV—двѣ, одна съ портретомъ Марка Аврелія (173 по Р. Х.), другая съ головами Коммода и Марціи вмѣстѣ; но кромѣ того въ Эрмитажѣ и у частныхъ коллекціонеровъ хранятся еще нѣсколько такихъ діадемъ. На нашемъ налобникѣ вокругъ бородатой, большой и толстой мужской головы имѣется надпись: Maximianus Nob. Caes., т. е. nobilissimus Caesar. Какъ извѣстно, въ Римѣ было два императора этого имени и, если на монетахъ не выставлены ихъ praenomina, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ казаться затруднительнымъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ приписать данную монету, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Cohen'a [1]), «les traits du visage ne sont, à l'époque où nous-sommes, qu'un moyen de reconnaince très-douteux».

Однако въ данномъ случаѣ вопросъ этотъ рѣшается довольно опредѣленно. Максиміанъ старшій—Marcus Aurelius Valerius Maximianus Herculius, родомъ изъ Панноніи, получилъ въ 285 г. отъ Діоклетіана титулъ Цезаря. Со временъ Траяна вошло въ обычай обозначать этимъ титуломъ назначеннаго наслѣдника престола; особыхъ правъ этотъ титулъ не давалъ, и это какъ разъ было въ интересахъ недовѣрчиваго Діоклетіана, который старался еще болѣе сократить обычныя маловажныя почести, оказываемыя Цезарямъ. Но честолюбивый Максиміанъ вовсе не намѣренъ былъ довольствоваться этимъ положеніемъ; уже въ слѣдующемъ 286 году онъ заставилъ своихъ солдатъ провозгласить его «Августомъ». Діоклетіанъ предпочелъ вмѣсто того, чтобы начать междоусобную войну, признать совершившійся фактъ, и съ тѣхъ поръ Максиміанъ въ продолженіе двадцати лѣтъ является его младшимъ соправителемъ. Дата провозглашенія Максиміана императоромъ, указанная уже Cohen'омъ [2]), вполнѣ установлена Seeck'омъ [3]) въ его капитальномъ трудѣ о гибели античнаго

[1]) Cohen: Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain V, p. 432 и 435.

[2]) Cohen: Description и т. д. V, p. 429.

[3]) Otto Seeck: Geschichte des Unterganges der antiken Welt. Berlin 1895. I, S. 26 und Anhang zum ersten Bande, S. 416.

міра. Мнѣніе Niese [1]), будто Максиміанъ сдѣлался Августомъ только въ 292 году, положительно невѣрно [2]). Итакъ выходитъ, что Максиміанъ Геркулій былъ Цезаремъ только одинъ всего годъ; извѣстно дальше, что Діоклетіанъ старался въ это время сократить и безъ того ничтожныя почести и преимущества, присущія Цезарямъ; врядъ-ли онъ разрѣшилъ ему чеканить монеты, и наконецъ всѣ монеты, чеканенныя въ Александріи, съ надписью Maximianus Nob. Caes., принадлежатъ, какъ показываетъ приписка Γαλ(έριος), второму Максиміану. На основаніи этихъ данныхъ, наши нумизматы, по примѣру Cohen'a, приписываютъ всѣ монеты этого типа съ надписью Nob. Caes. только Галерію Максиміану. Но, если-бы въ общемъ и могло быть еще какое-нибудь сомнѣніе о принадлежности этихъ монетъ тому или другому Максиміану, то спеціально въ нашемъ случаѣ дѣло вполнѣ ясно. Максиміанъ Геркулій былъ правителемъ Италіи, Африки и острововъ Средиземнаго моря. Галерій Максиміанъ получилъ сейчасъ послѣ своего назначенія Цезаремъ управленіе Балканскимъ полуостровомъ, а сдѣлавшись императоромъ, онъ къ тому же взялъ себѣ еще и завѣдываніе Понтомъ—ясно, что найденная въ Керчи монета съ надписью Maximianus Nob. Caes. можетъ принадлежать только ему.

Діоклетіанъ, убѣдившись на дѣлѣ, что совмѣстное съ Максиміаномъ Геркуліемъ правленіе шло отлично, хотѣлъ и на будущее время узаконить такой порядокъ господства надъ громадной имперіей; онъ самъ былъ старикомъ и сына не имѣлъ, его соправитель былъ тоже не изъ молодыхъ и имѣлъ только малолѣтняго сына; притомъ предстояли весьма сложныя военныя операціи, и ввѣрить главное командованіе надъ войсками частнымъ полководцамъ являлось дѣломъ, какъ показалъ прежній опытъ, весьма опаснымъ. Все это заставило его предложить Максиміану заранѣе позаботиться о назначеніи преемника. Максиміанъ согласился и провозгласилъ Флавія Констанція Хлора, префекта своей гвардіи, Цезаремъ; выборъ самого Діоклетіана палъ на храбраго полуварвара, уроженца Сардики (Софіи), который въ своей юности былъ пастухомъ, а потомъ въ военной службѣ, благодаря своей неустрашимости, отвагѣ и красивой наружности, сдѣлалъ скорую и

[1]) B. Niese: Abriss der Römischen Geschichte. J. v. Müllers Handbuch III, S. 710.

[2]) Срв. Seeck: Anhang и т. д. S. 410.

блестящую карьеру—на Галерія Валерія, которому императоръ при усыновленіи далъ прозвище Maximianus Jovius. Этотъ актъ провозглашенія Галерія Цезаремъ совершился въ Никомидіи *1 марта 293 года*. Эта дата теперь установлена Sallet'омъ [1]) и Seeck'омъ [2]), показавшими, что принимаемая прежде датировка 292 г.[3]) не состоятельна. Итакъ Галерій былъ назначенъ Цезаремъ 1 марта 293 года и оставался такимъ, завѣдывая Балканскимъ полуостровомъ и пользуясь сильнымъ вліяніемъ на стараго Діоклетіана до 1-го мая 305 года, когда Діоклетіанъ и Максиміанъ Геркулій рѣшились на неслыханный до сихъ поръ шагъ,—на добровольное отреченіе отъ престола и на передачу императорской власти своимъ наслѣдникамъ. Сдѣлавшись императоромъ, Галерій въ короткое и смутное время царствованія,—онъ умеръ въ 311 году—получилъ въ управленіе восточную часть имперіи.

Монета, оттискъ которой мы имѣемъ на нашемъ налобникѣ, чеканена такимъ образомъ между первымъ числомъ марта 293 и первымъ числомъ мая 305 года; едва-ли многимъ позднѣе, спустя долгое время по смерти Галерія, изготовлена и эта похоронная діадема. Конечно всегда есть возможность предположить, что по какой нибудь случайности эта монета сохранилась въ частномъ владѣніи и что только по истеченіи извѣстнаго времени воспользовались ею для оттиска на діадемѣ,—но эта возможность является весьма невѣроятной по слѣдующимъ соображеніямъ. Какъ извѣстно, обыкновенно только монеты знаменитыхъ императоровъ, какъ Александра, Цезаря, Августа и т. д., долго сохранялись въ оборотѣ у публики и служили впослѣдствіи еще предметами украшенія. Къ числу этихъ императоровъ Галерія Максиміана, несмотря на воздаваемую ему Евтропіемъ [4]) похвалу: «vir et probe moratus et egregius in re militari» никоимъ образомъ причислить нельзя. Надо имѣть дальше въ виду, что Галерій, который только самчетвертъ управлялъ римской имперіей, царствовалъ недолго и никакимъ особеннымъ подвигомъ не ознаменовалъ короткое время сво-

[1]) v. Sallet: Die Daten der alexandr. Kaisermünzen, S. 90.

[2]) O. Seeck: Geschichte des Unterganges der antiken Welt, I, Anhang, S. 423.

[3]) Срв. напр. Cohen: Description и т. д. V, p. 592.

[4]) Eutropius: Breviarium ab urbe condita, X, 2, I.

его правленія. Мало того, мы знаемъ, что Константинъ велѣлъ намять этого императора передать проклятію: статуи его были низвержены [1]), его имя изъ оффиціальныхъ актовъ вычеркнуто [2]). Какъ дальше извѣстно, христіанство именно въ Крыму рано пустило глубокіе корни; фактъ распространенія его въ IV вѣкѣ въ Крыму вполнѣ доказанъ и не нуждается здѣсь еще въ подробныхъ подтвержденіяхъ [3]). Съ другой стороны также извѣстно, что христіане считали Галерія Максиміана главнымъ виновникомъ Діоклетіанова преслѣдованія; гуманный и мягкій отецъ церкви Лактанцій [4]) даже послѣ его смерти не считаетъ возможнымъ говорить о немъ иначе, какъ съ выраженіемъ сильнѣйшаго негодованія и презрѣнія: «ineat *huic bestiae*», пишетъ онъ, «naturalis barbaries et feritas». Мыслимо-ли же, послѣ изложеннаго, спрашиваю, чтобы послѣ смерти Максиміана его намять оставалась на Боспорѣ въ извѣстномъ почетѣ и чтобы считали удобнымъ тогда украсить погребальный палобникъ именно его портретомъ? Мнѣ кажется необходимымъ предположить, что эта діадема изготовлена была именно во время его царствованія, а не позже. Считаться съ возможностью, что изготовленная тогда діадема только впослѣдствіи попала въ могилу жены готскаго вельможи, по моему тоже врядъ-ли допустимо; не говоря уже о томъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что и у готовъ существовалъ обычай увѣнчивать головы покойниковъ золотыми вѣнками, укажу здѣсь только на одно просто техническое соображеніе:

---

[1]) Lactantius: De mortibus persecutorum, c. 42.

[2]) Orelli: Inscript. 1056.

[3]) Правда, древнѣйшимъ датированнымъ эпиграфическимъ памятникомъ христіанства на Боспорѣ является пока надпись 436/7 года (срв. В. В. Латышевъ: Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи, № 86); но по нашимъ историческимъ источникамъ не можетъ быть сомнѣнія, что уже столѣтіемъ раньше въ Боспорскомъ царствѣ существовали христіанскія общины и что христіанство имѣло значительное распространеніе въ средѣ туземнаго населенія (срв. Ю. Кулаковскій: Керченская христіанская катакомба 491 года, Матеріалы по археологіи Россіи, № 6, стр. 27 и приведенныя тамъ свидѣтельства). Однако нельзя вмѣстѣ съ Бруномъ (Черноморье, II, стр. 195) и Томашекомъ (W. Tomaschek: Die Goten in Taurien S. 10) ссылаться въ доказательство этого ранняго распространенія христіанства въ Крыму на участіе епископа Θеофила «Gothiae metropolis» въ Никейскомъ соборѣ 325 года: едва-ли здѣсь рѣчь идетъ о *Крымской* «Gothiae».

[4]) Lactantius: De mortibus persecutorum, c. 9.

налобникъ сработанъ изъ такого тонкаго куска листоваго золота, что продолжительное сохраненіе его внѣ защищающихъ его нѣдръ земли является вполнѣ немыслимымъ.

Итакъ я заключаю: какъ доказывать перстень съ греческой надписью, перстень съ изображеніемъ Ники и обычай, засвидѣтельствованный для пантикапейскихъ грековъ, класть діадемы съ оттискомъ монетъ римскихъ императоровъ и съ изображеніемъ листьевъ селдерея въ могилу покойниковъ—открытый лѣтомъ 1896 года на Глинищѣ въ Керчи склепъ предназначенъ и устроенъ былъ для похоронъ греческой четы, и покойники переданы здѣсь землѣ въ томъ именно періодѣ, который указывается оттискомъ монеты Максиміана на діадемѣ, т. е. *между 293 и 311 годомъ послѣ Р. Х.*

Могла-ли въ это время быть рѣчь о вліяніи готскаго искусства на пантикапейскихъ грековъ,—рѣчь о томъ, что такъ называемый «готскій стиль», который проявляется въ техникѣ и способѣ украшенія рукоятокъ и пряжекъ, найденныхъ въ нашей могилѣ, могъ получить широкое право гражданства въ странѣ, подчиненной давнему культурному вліянію Греціи, могла-ли наконецъ въ то время уже быть рѣчь о высоко-развитомъ золотыхъ дѣлъ мастерствѣ готовъ? Мнѣ кажется, для разъясненія этихъ вопросовъ маленькая историческая справка не будетъ лишней.

Готы являются на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря въ первой трети III вѣка; вслѣдствіе ихъ натиска части болѣе мелкихъ племенъ бастарновъ и карповъ, жившихъ на сѣверной границѣ римской территоріи, удаляются на правый берегъ Дуная. Первое столкновеніе между римлянами и готами относится къ 238 году [1]); такъ какъ ольвійскія и тирасскія монеты прекращаются монетами Александра († 235), то эти римскія владѣнія, лежащія внѣ границы римской имперіи, уже раньше сдѣлались добычей вновь явившихся враговъ. Съ 245 года начинаются набѣги готовъ и карповъ въ провинцію Мезію; императоръ Децій сражался здѣсь съ ними сначала успѣшно; однако въ битвѣ при Абриттѣ онъ былъ побѣжденъ и погибъ (251). Его преемникъ Галлъ заключилъ миръ съ готами и обязался имъ платить ежегодную дань.

[1]) Mommsen: Roemische Geschichte V, S. 217.

Одновременно съ войнами, которыя затѣмъ съ перемѣннымъ счастіемъ велись на нижнемъ Дунаѣ, сѣверные варвары еще другимъ путемъ вторгались въ римскую имперію; они совершали въ продолженіи почти двадцати лѣтъ набѣги по морю на Грецію и Малую Азію, и безнаказанно почти опустошали и разграбляли цвѣтущіе и богатые города и поселенія блаженнаго юга. Храбрый и образованный аѳинскій полководецъ, историкъ Дексиппъ, побѣдившій разграбившихъ Аѳины варваровъ, обозначаетъ эти набѣги общимъ названіемъ «скиѳскихъ»; но онъ ихъ ясно различаетъ отъ прежняго морскаго разбойничества; они и въ его глазахъ являются уже звеномъ того продолжительнаго передвиженія племенъ, которое вызвано было появленіемъ готовъ на берегахъ Дуная [1]). Участниками въ этихъ набѣгахъ называются кромѣ готовъ особенно борапы и западное германское племя—герулы. Можетъ быть, что маленькія группы этихъ племенъ, какъ полагаетъ авторъ новѣйшаго спеціальнаго труда по этому вопросу R. Loewe [2]), и оставались на постоянное поселеніе въ томъ или другомъ мѣстѣ опустошенныхъ ими областей; но въ общемъ эти экспедиціи отъ 250—269 года не имѣютъ цѣлью занятіе новыхъ земель, не имѣютъ характера завоеванія новыхъ мѣстъ жительства, и не можетъ быть случайнымъ то обстоятельство, что наше преданіе о такой постоянной оккупаціи ничего не знаетъ. Послѣ убіенія Галліена (268) готы и герулы снова предпринимаютъ экспедицію въ громадныхъ размѣрахъ на территорію римской имперіи; но на этотъ разъ вновь избранный императоръ Клавдій въ долинѣ Моравы при Наиссѣ выигралъ блестящую побѣду. Послѣ его смерти Авреліанъ продолжалъ начатое имъ дѣло возстановленія прежнихъ границъ имперіи; во Ѳракіи и Мезіи опять упрочено было римское господство. Хотя Дакія съ 254 г. и была навсегда потеряна для Рима, но за то рѣка Дунай осталась на довольно продолжительное время укрѣпленной границей между Римомъ и государствомъ готовъ, которое теперь за Дунаемъ консолидировалось. Враждебныя отношенія между Римомъ и сѣверными варварами все еще продолжались—лучшимъ доказательствомъ

[1]) Mommsen: Roemische Geschichte, V, S. 222.

[2]) Richard Loewe: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Halle 1896, S. 12.

этого служатъ «сарматскія войны» Діоклетіана и Максиміана [1]) — но до временъ Константина отряды готовъ и ихъ сподвижниковъ не осмѣливались больше перейти черезъ Дунай.

Въ какомъ положеніи, спрашивается, находилось въ то время Боспорское царство и греческія колоніи на югѣ Крыма, особенно Херсонесъ? Извѣстно, что эти крайніе пункты древней культуры почти во все время римской имперіи составляли самостоятельныя вассальныя государства подъ римскимъ суверенитетомъ [2]); римляне, отчасти изъ торговыхъ интересовъ [3]), но больше еще изъ политическихъ соображеній оказывали этимъ форпостамъ греческой цивилизаціи всякую поддержку. Отряды войска намѣстника Мезіи пребывали въ Пантикапеѣ и Херсонесѣ, чтобы дать понять варварамъ, что за этими греческими городами стоитъ могучая сила римскихъ легіоновъ, и боспорскимъ царямъ выдавались правильныя субсидіи изъ государственной казны, чтобы они ежегодными трибутами могли предотвращать враждебныя дѣйствія сосѣдей [4]). Какъ доказываетъ рядъ надписей изъ Херсонеса и Пантикапея и особенно боспорскія монеты, эти вассальныя государства умѣли цѣнить попеченія Рима и оставались во всѣ перипетіи внутреннихъ римскихъ междоусобицъ вѣрными подданными. Во время упомянутыхъ морскихъ набѣговъ сѣверныхъ варваровъ они, правда, не были въ состояніи противиться ихъ требованіямъ поставлять необходимые для совершенія этихъ экспедицій корабли [5]); можетъ быть Зосимъ и правъ, если онъ главную вину въ этомъ приписываетъ недостойнымъ и слабымъ властителямъ, которые послѣ прекращенія древняго царскаго рода заняли боспорскій

---

[1]) Срв. Юргевичъ: Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей XI, стр. 12.

[2]) Какъ прекрасно выяснено Моммсеномъ, степень зависимости отдѣльныхъ общинъ и государствъ въ восточной части имперіи отъ центральной власти была весьма различна, и также различны были установленные въ нихъ римлянами порядки. Такими обширными привилегіями, какъ Херсонесъ и Боспорское царство, пользовалась только еще Пальмира. Правда, римскіе намѣстники иногда при случаѣ вмѣшивались и въ вопросы внутренняго управленія этихъ государствъ (срв., напр., относительно Херсонеса Латышевъ: Надписи найденныя 1889—1891, № 33); но въ общемъ ихъ автономія была полная и едва-ли справедливо называть ее, какъ это дѣлали, «призрачной».

[3]) Orelli: Inscript. 750. (Донесеніе Плавтія Сильвана Эліана).

[4]) Mommsen: Roemische Geschichte V, S. 292 и 293.

[5]) Zosimos: Ἱστορία νέα I, 31.

престолъ; но и Фарсанесъ, о которомъ онъ говоритъ, чеканилъ свои монеты съ портретомъ римскаго императора, и въ общемъ старыя традиціи и римскій протекторатъ продолжали существовать[1]). Въ виду этого предположеніе Loewe[2]), будто герулы—позднѣйшіе крымскіе готы—уже при первомъ появленіи готовъ на берегахъ Чернаго моря, какъ ихъ авангардъ, заняли весь Крымскій полуостровъ, является довольно проблематическимъ; во всякомъ случаѣ они не завоевали ни боспорскаго царства, ни Херсонеса, самостоятельное существованіе которыхъ для этого времени еще достаточно засвидѣтельствовано; монеты боспорскихъ царей безъ перерыва чеканились до 335 года послѣ Р. Х.; Херсониты во время Константина успѣшно сражались съ Сарматами, и въ 366 году Боспоръ находился еще въ римскомъ владѣніи[3]). Вскорѣ послѣ того, правда, греки на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря были предоставлены на произволъ судьбы; только Юстиніанъ опять занимаетъ Крымскій полуостровъ—но въ этотъ промежутокъ времени Пантикапей былъ разрушенъ и погибъ въ погромѣ наплыва варваровъ.

Изъ этого краткаго историческаго очерка мнѣ кажется неопровержимо вытекаетъ, что въ предметахъ, найденныхъ въ пантикапейской могилѣ начала IV столѣтія нельзя усматривать готскую работу. О продолжительномъ вліяніи или господствѣ готовъ надъ греческими колонистами Крымскаго полуострова въ этотъ періодъ говорить нельзя, да и трудно предполагать, чтобъ пришедшій съ сѣвера народъ могъ обладать совершенной и своеобразной техникой обработки благородныхъ металловъ. Наоборотъ, этотъ воспріимчивый къ культурѣ народъ именно здѣсь, на югѣ, познакомился съ высокоразвитымъ золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, съ промысломъ металлургіи, который особенно выработался и процвѣталъ въ Эфесѣ, въ городахъ Виѳиніи и подъ ихъ вліяніемъ и въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Усвоивъ себѣ этотъ способъ работы, эту технику и этотъ стиль, готы распространяли добытыя здѣсь на югѣ знанія дальше и оставляли слѣды своего мастерства всюду

---

[1]) Mommsen: Roemische Geschichte V, S. 289.

[2]) R. Loewe: Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere, S. 112, 113, 160.

[3]) Ammianus Marcellinus: Rerum gestarum libri, XXVI, 10, 6.

по длинному пути своихъ скитаній. По зачатки и источникъ такъ называемаго «готскаго стиля» мы должны искать въ греческомъ художественномъ ремеслѣ Малой Азіи и Боспора. Изреченіе римскаго поэта: «victa Graecia victores cepit», примѣнимо и въ данномъ случаѣ, и лишній разъ подтверждается старая истина, что колыбелью утонченнаго вкуса, всего изящнаго и краснваго является Греція и ея культура.

Д. и. Э. фонъ-Штернъ.

Одесса,
2 апрѣля 1897 года.

Нимфея и первый „списокъ нимфейскихъ гражданъ".

Благодаря раскопкамъ, предпринятымъ въ прошломъ году нашимъ сочленомъ А. В. Новиковымъ въ Эльтыгенѣ [1]), число эпиграфическихъ памятниковъ города Нимфеи стало постепенно увеличиваться. Къ тремъ надписямъ, найденнымъ въ 1876 году Н. П. Кондаковымъ и тогдашнимъ директоромъ Керченскаго музея А. Е. Люценко (Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1876 г., стр. XIII, XXIII, XXVIII, XXIX; Отчетъ за 1877 г., стр. 279 и 280; В. В. Латышевъ, Inscr. P. II, №№ 102, 204, 288), присоединились въ 1896 г. три новыхъ: первая изъ нихъ, принадлежащая также, какъ и всѣ вышеупомянутыя, Мелекъ-Чесменскому музею, издана въ Протоколѣ 298 засѣданія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей подъ № 2, вторая, съ надписью Θεοφίλη(γυνὴ) Μόκκου, пріобрѣтена Археологической Коммиссіей и войдетъ въ ближайшее изданіе надписей, найденныхъ въ Южной Россіи, третья-же, принесенная А. В. Новиковымъ въ даръ Мелекъ-Чесменскому музею, составитъ предметъ настоящей замѣтки.

I.

По предположенію ученыхъ, Нимфея находилась въ 17-тиверстномъ разстояніи къ югу отъ Керчи, въ сѣверо-восточномъ углу той мѣстности, которая съ сѣвера ограничена плавнями, простирающимися отъ самаго моря на западъ, и Чурубатскимъ соляпымъ озеромъ, съ востока Керченскимъ проливомъ, съ юга Тобечикскимъ

[1]) То мѣсто, гдѣ, по опредѣленію изслѣдователей топографіи Боспора, находилась древняя Нимфея, принадлежитъ теперь г-жѣ М. Г. Новиковой.

ный уголъ этой мѣстности, высоко возвышается надъ моремъ и надъ плавнями, которыя производятъ впечатлѣніе высохшей бухты: когда проѣзжаешь по этой песчаной равнинѣ, чуть не вездѣ покрытой водою, и смотришь на Эльтыгенскія и Камышъ-бурунскія возвышенности, круто спускающіяся къ плавнямъ, такъ и кажется, что вся эта мѣстность составляла когда-то вмѣстѣ съ Чурубашскимъ озеромъ тотъ прекрасный портъ, о которомъ говоритъ Страбонъ (Strab. VII, p. 309, 4: χώρα... κώμας ἔχουσα καὶ πόλιν εὐλίμενον τὸ Νύμφαιον καλούμενον; срв. Fr. Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase. Paris 1843, V, p 249). Въ упомянутомъ углу Эльтыгенскаго имѣнія находился акрополь, возлѣ котораго, вѣроятно, по юго-западной сторонѣ, была расположена остальная часть Нимфеи. Существованіе акрополя подтверждается пока двумя доводами: во-первыхъ, акрополь былъ защищаемъ не только скалами, круто спускающимися къ морю и плавнямъ, но и рвомъ, который до сихъ поръ тянется по лѣвую сторону отъ дороги, если подниматься къ Эльтыгену отъ плавней, во-вторыхъ, раскопки П. П. Кондакова, хотя и не дали желаемыхъ результатовъ, все-таки доказали, что на этой площади было когда-то греческое поселеніе. Изъ-за этого-то укрѣпленнаго мѣста, вѣроятно, Аппіанъ и назвалъ Нимфею φρούριον (App. Mithr. 108).

Что именно здѣсь была Нимфея, подтверждается также словами безъименнаго автора перипла, сообщившаго, что Нимфея отстояла отъ Пантикапеи на разстояніи 85 стадій (Geographi Graeci minores, ed. C. Müller I, p. 414: ἀπὸ δὲ Παντικαπαίου πόλεως εἰς Τυριστάκην πόλιν στάδιοι ξ', μίλια η'. Ἀπὸ δὲ Τυριστάκης πόλεως εἰς Νυμφαῖον πόλιν στάδιοι κε', μίλια γ', γ'). Это приблизительно соотвѣтствуетъ теперешнему разстоянію Эльтыгена отъ Керчи: если принять въ разсчетъ аттическій стадій, который равняется 0,178 километрамъ (H. Nissen, Griech. und röm. Metrologie въ сборникѣ И. Мюллера, I, стр. 839), то разстояніе означенныхъ городовъ составитъ 15,13 километровъ или 16,13 верстъ. Безъименный авторъ перипла имѣлъ при опредѣленіи разстоянія, вѣроятно, въ виду не самый городъ, а высохшую теперь бухту.

Когда Нимфея была основана, о томъ нѣтъ у древнихъ писателей точныхъ свѣдѣній, но смѣло можно предположить, что Нимфея возникла въ скоромъ времени послѣ основанія Пантикапеи, лишь

только жители боспорской столицы замѣтили, что море въ южной части пролива замерзаетъ не на столь продолжительное время, какъ у самой столицы, или что оно иногда вовсе не покрывается льдомъ, въ то время какъ Пантикапея отрѣзывается отъ всякаго сообщенія съ прочимъ эллинскимъ міромъ [1]). Вѣроятно и удобная гавань, и изобиліе рыбы (Dubois, l c. pp. 250, 251) побудили пантикапейцевъ основать Нимфею. Страбонъ (VII, 209: μητρόπολις τῶν Βοσπο-ριανῶν; срв. Стефана Византійскаго s. v. Νύμφαιον) и Амміанъ Марцеллинъ (22, 8, 26: ... Bospori, ubi Milesiae sunt civitates, harumque velut mater omnium Panticapaeum) называютъ Пантикапею метрополіей всѣхъ боспорскихъ поселеній; кромѣ того и іоническая форма Εὐρυνόμο(υ) одной изъ нимфейскихъ надписей (B. Latyschev, Inscr. P. II, № 288) доказываетъ, что Нимфея была занята такимъ-же населеніемъ, какъ и Пантикапея (K. Ortmann, De regno Bosporano Spartocidarum. Halis Saxonum 1894, p. 16). Изъ вновь издаваемой надписи увидимъ, что и нимфейцы принимали въ свою среду варварскихъ жителей.

Свое имя получила новая колонія, вѣроятно, отъ пещеры надъ моремъ (Dubois l. c. p. 250), гдѣ, по всей вѣроятности, почитались нимфы. На древнихъ памятникахъ и въ рукописяхъ встрѣчаются формы Νύμφαιον, Νυμφαῖον (Anon. peripl. P. Eux. l. c.), Νυμφαία (Scylacis periplus 68, v. Geographi Graeci min. I, p. 57), Νύνφαιον (на монетахъ), Nymphaeum и Nimphi (Tab. Peutingeriana segm. IX, I); форма Νύμφαιον, въ которой на монетахъ вмѣсто буквы M вычеканено N, не представляетъ никакой загадки, какъ то думалъ П. Бурачковъ (Общій каталогъ монетъ Одесса 1884, стр. 133): μ передъ φ нерѣдко замѣняется въ надписяхъ буквою ν, напр. νυνφικά (K. Meisterhaus, Grammatik der attischen Inschriften. 2 Aufl. Berlin 1888, p. 64; срв. Fr. Blass, Ueber die Aussprache des Griechischen. Berlin 1888, p. 85, adn. 319) и ἀντὶ νυνφῶνος γαμίου въ изданной мною пантикапейской надписи (Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Др., т. XVIII. Одесса 1895, стр. 201).

На страницахъ исторіи имя Нимфеи впервые встрѣчается во второй половинѣ V вѣка. У Гарпократіона сохранилось извѣстіе, за-

[1]) Предположеніе А. В. Новикова.

имствованное у Кратера, что Нимфея ежегодно платила аѳинянамъ одинъ талантъ дани (Harpocrationis lexicon in decem oratores Atticos ex rec G. Dindorfii. Oxonii 1853, I, p. 215 s. v. Νύμφαιον... Κρατερὸς δὲ ἐν θ' τῶν ψηφισμάτων φησὶν ὅτι Ἀθηναίοις τὸ Νύμφαιον ἐτέλει τάλαντον); далѣе, на обломкахъ аѳинскихъ списковъ дани, относящихся къ 425/4 г. до Р. Хр., по весьма вѣроятному предположенію Кёлера, было начертано между прочимъ и названіе Нимфеи (B. Latyschev, Inscr. P. II, p. XIX). Изъ этого можно заключить, что Нимфея уже въ V столѣтіи достигла нѣкотораго значенія, такъ что могла войти въ составъ аѳинскаго морскаго союза; можетъ быть, она заключила этотъ союзъ, желая найти помощниковъ въ тяжкой борьбѣ со скиѳами. Присоединеніе Нимфеи къ делосскому союзу пріурочивается вообще къ той экспедиціи, которую, по свидѣтельству Плутарха (Pericl. c. 20), предпринялъ Периклъ въ Понтъ (A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit I², p. 263 adn. 4; В. Латышевъ, Изслѣд. объ исторіи и госуд. строѣ гор. Ольвіи, стр. 45 сл., В. Бузескулъ, Периклъ. Харьковъ 1889, стр. 264 сл.; K. Ortmann, l. c. p. 24). Дункеръ, посвятившій особую статью этой экспедиціи, старался доказать, что она могла имѣть мѣсто только весною или лѣтомъ 444 г. до Р. Хр. (В. В. Латышевъ, Ольвія, стр. 46).

Странное явленіе, что пантикапейская колонія Нимфея отложилась отъ своей метрополіи и вступила въ аѳинскій союзъ, можно объяснить только тѣмъ, что въ послѣдніе годы владычества Археанактидовъ боспорскіе города были почему-то недовольны правленіемъ этого семейства и воспользовались экспедиціей Перикла, чтобы примкнуть къ другому союзу. Можетъ быть, Нимфея играла въ жизни Археанактидовъ ту-же роль, какую она сыграла въ сверженіи Митридата Великаго.

Когда сицилійскій погромъ нанесъ смертельный ударъ аѳинскому могуществу, жители Нимфеи начали думать о новомъ союзѣ; тогда, должно быть, и случилось то, о чемъ говоритъ Эсхинъ въ своей рѣчи противъ Ктесифонта: аѳинянинъ Гилонъ передалъ врагамъ понтійскій городъ Нимфею, находившуюся тогда во власти Аѳинъ (Aesch. III, 171, 172: Γύλων... οὗτος προδοὺς τοῖς πολεμίοις Νύμφαιον τὸ ἐν τῷ Πόντῳ, τότε τῆς πόλεως ἐχούσης τὸ χωρίον τοῦτο κτλ.); осужденный за это аѳинянами на смерть, Гилонъ бѣжалъ въ Пантикапею и по-

лучилъ отъ боспорскаго правителя, которому передалъ Нимфею, въ награду городъ Кепы, лежащій на восточномъ берегу пролива. Гилонъ былъ, по всей вѣроятности, или начальникомъ нимфейскаго гарнизона (φρούαρχος), или занималъ какую-нибудь другую должность въ этомъ союзномъ городѣ (такія должности были: ἄρχων, ἐπίσκοπος и пр., см. G. Busolt, Die griech. Staats- und Rechtsaltertümer. 2 Aufl. München 1892, pp. 327, 328; мнѣніе Грота о томъ, чѣмъ Гилонъ занимался въ Нимфеѣ, привожу дальше).

На поступокъ Гилона нельзя, конечно, смотрѣть глазами Эсхина, который, произнося рѣчь противъ Ктесифонта, преслѣдовалъ извѣстную цѣль — очернить какъ можно больше Гилона и тѣмъ самымъ его внука, своего противника Демосоена. Мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что хорошія отношенія, существовавшія между Аѳинами и боспорскими царями, вовсе не измѣнились послѣ передачи Нимфеи (Передача эта случилась, вѣроятно, во время Сатира I, царствовавшаго отъ 407—387 г.: A. Shaefer, l. c. I, 264 сл., G. Grote, History of Greece. London 1869, XI, p. 68, adn.); изъ этого ясно, что Эсхинъ явно извращаетъ истину, называя врагами Аѳинъ тѣхъ, которые съ ними поддерживали самыя сердечныя отношенія. Подобнымъ образомъ нужно смотрѣть и на разсказъ о Гилонѣ. Во всемъ разсказѣ Эсхина не подлежатъ сомнѣнію только два пункта: во-первыхъ, передача Нимфеи боспорскимъ правителямъ, во-вторыхъ, штрафъ, наложенный на Гилона за эту передачу. (Послѣдняго факта нельзя отрицать, потому что самъ Демосоенъ въ одной изъ своихъ рѣчей доказываетъ, что дѣдъ его уплатилъ штрафъ, къ которому былъ аѳинянами присужденъ: Dem. 28, 2: ἐξετίσθη τὰ χρήματα καὶ πάντ' αὐτῷ διελέλυτο τὰ πρὸς τὴν πόλιν). Изъ сравненія всѣхъ относящихся сюда извѣстій получается, по мнѣнію ученыхъ, слѣдующій результатъ: послѣ сиракузскаго погрома Аѳины не могли удержать прежней гегемоніи надъ союзными городами и не могли оказывать покровительства столь отдаленному даннику, какимъ была Нимфея. Поэтому неудивительно, если поселившіеся тамъ аѳиняне, которые отправляли хлѣбъ въ Аѳины (Grote, l. c.) или занимали въ этомъ союзномъ городѣ какую-нибудь изъ вышеупомянутыхъ должностей, рѣшили передать Нимфею во власть боспорскаго царя. Гилонъ былъ, повидимому, главнымъ участникомъ этихъ событій, но такъ какъ, по убѣжденію

всѣхъ, нельзя было поступить иначе, а съ другой стороны, было-бы неудобно оставить такой поступокъ безъ наказанія, то Гилонъ былъ присужденъ къ штрафу. Такъ смотрятъ на эти событія, на сколько мнѣ извѣстно, всѣ новые изслѣдователи этихъ событій. (Кромѣ ук. мѣстъ см. еще G. Grote, op. c. XII, p. 302).

Имя Нимфеи встрѣчается еще разъ, въ разсказѣ о событіяхъ 63 года до Р. Хр.: когда Митридатъ Великій обдумывалъ послѣдній свой планъ, а именно, походъ противъ Италіи, въ ближайшихъ окрестностяхъ его столицы началось возстаніе; сначала возмутились фанагорійцы, за которыми въ скоромъ времени послѣдовали Херсонесъ, Ѳеодосія, Нимфея и другіе понтійскіе города (Appiani Mithr. 108; Th. Reinach, Mithradates Eupator, König von Pontos. Uebers. von A. Goetz. Leipzig 1895, p. 405). Слова Аппіана φρούρια ἀρτίληπτα τῷ Μιθριδάτῃ γενομενα указываютъ, что Нимфея была однимъ изъ тѣхъ городовъ, которые принимали дѣятельное участіе въ возстаніи Махара; но по возвращеніи Митридата въ Пантикапею должны были опять покориться великому старцу въ 65 году

Хотя Плиній говоритъ о Нимфеѣ, какъ объ исчезнувшемъ въ его время городѣ (Naturalis historia 4, 12, 86: ultra fuere oppida . . . . . Nymphaeum, Dia. Restat longe validissimum in ipso Bospori introitu Panticapaeum), однако tabula Peutingeriana, а еще болѣе эпиграфическіе памятники характеромъ письма доказываютъ, что Нимфея просуществовала нѣкоторое время (Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1877 г., стр. 279); конечно, она лишалась все болѣе и болѣе того значенія, которымъ пользовалась раньше. Можетъ быть, обмелѣніе бухты и вмѣстѣ съ тѣмъ нападенія все больше надвигавшихся варваровъ постепенно подрывали благосостояніе этого понтійскаго города и, наконецъ, его окончательно уничтожили.

Христіанскихъ памятниковъ, насколько знаю, въ Эльтыгенѣ до сихъ поръ не находили.

Остается еще добавить, что Нимфея чеканила свои монеты (П. Бурачковъ, Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ черноморскимъ колоніямъ. Одесса 1884, стр. 133).

II.

Сведши, по возможности, итоги всему, что было до сихъ поръ извѣстно о Нимфеѣ, приступимъ къ собственному предмету нашей

замѣтки, надѣясь, что раскопки, производимыя въ Эльтыгенѣ, доставятъ намъ новый матеріалъ и прольютъ новый свѣтъ на исторію этой понтійской колоніи[1]).

Въ первыхъ числахъ мѣсяца октября 1896 г., направо отъ дороги въ Эльтыгенъ, по направленію къ Чирубанскому озеру, рабочіе открыли «подбойную» гробницу[2]). Входъ былъ съ боку закрытъ плитами, изъ которыхъ одна оказалась исписанной буквами со стороны, обращенной къ «праху». Плита была разбита еще въ древности и составляла только небольшую часть большаго эпиграфическаго памятника, а именно лѣвый нижній уголъ; вдобавокъ, рабочіе, не подозрѣвая, что на другой сторонѣ, обращенной во внутрь гробницы, находится надпись, разбили плиту на двѣ части. Кстати добавимъ, что въ неразграбленной гробницѣ кромѣ остова не найдено ни одной вещи.

Уцѣлѣвшая часть плиты, сдѣланной изъ мѣстнаго известняка, имѣетъ въ выш. съ правой стороны 0,70 м., съ лѣвой только 0,13; максимальная ширина 1,05 м., толщ., 0,11. Все зеркало надписи было окаймлено узкой рамкой (шир. 0,04 м.), какъ это еще теперь видно по сохранившимся остаткамъ ея внизу и съ лѣвой стороны Надпись, состоящая изъ однихъ собственныхъ именъ, вырѣзана въ три столбца, но столбцы не отдѣлены другъ отъ друга вертикальною чертою, какъ на анапскомъ мраморномъ памятникѣ, содержащемъ агонистическій каталогъ изъ Горгиппіи (В. В. Латышевъ въ Журн. М. Нар. Просв. 1896 г. за мартъ. Отд. класс. филологіи стр. 113—127); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквы одного столбца заходятъ въ другой. Изъ перваго столбца сохранилось 11 строкъ, изъ которыхъ уцѣлѣли вполнѣ только послѣднія три, изъ втораго—19, а изъ третьяго—14. Ширина столбцовъ не одинакова: первый имѣетъ въ шир. 0,40 м., средній—0,43, а сохранившаяся часть третьяго

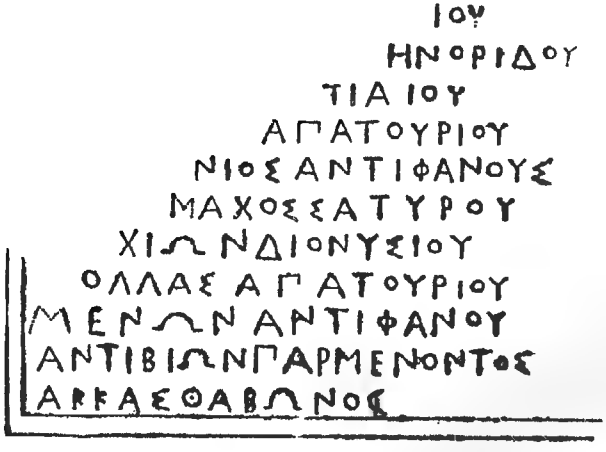
[1]) А. В. Новиковъ намѣренъ и въ этомъ году продолжать раскопки. Было-бы весьма желательно, чтобы онѣ производились на строго-научныхъ началахъ и чтобы каждая гробница и найденныя въ ней вещи описывались самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Такой дневникъ могъ-бы доставить наукѣ обильный матеріалъ, особенно въ данномъ случаѣ, такъ какъ дѣло касается мало еще извѣстной колоніи.

[2]) См. изображеніе «подбойной» гробницы въ приложеніи къ статьѣ А. А. Дирина «Мысъ Зюкъ» и сдѣланныя на немъ арх. находки въ Зап. Имп. Од. Общ. т. XIX, табл. IV, рис. 5.

около 0,23, такъ какъ patronymica почти совсѣмъ отбиты. Нѣкоторыя строки надписи сильно попорчены, кое-гдѣ въ буквахъ сохранились слѣды красной краски. Высота буквъ не вездѣ одинакова: въ одиѣхъ строкахъ она достигаетъ 0,027 м., въ другихъ уменьшается до 0,012 м.

По характеру буквъ надпись весьма похожа на большую надпись, найденную въ Анапѣ въ 1895 году. Наиболѣе характеристическія буквы (см. В. В. Латышевъ, ук. статья стр. 118, прим. 1) указываютъ на конецъ IV или начало III вѣка до Р. Хр. Это опредѣленіе подтверждается еще колебаніемъ окончаній ους и ου въ собственныхъ именахъ на ης: въ одномъ случаѣ вырѣзано Ἀντιφάνους, въ другомъ Ἀντιφάνου.

СТОЛБЕЦЪ I.



. . . . ίου
Ἀγ]ηνορίδου 10
Ἐσ]τιαίου
Ἀπατουρίου
Ἀπόλλω]νιος Ἀντιφάνους
Καλλίμ]αχος Σατύρου
Μοσ]χίων Διονυσίου 5
Ἰ]όλλᾶς Απατουρίου
Μένων Ἀντιφάνου
Ἀντιβίων Παρμένοντος
Ἄκκας Θάβωνος 1

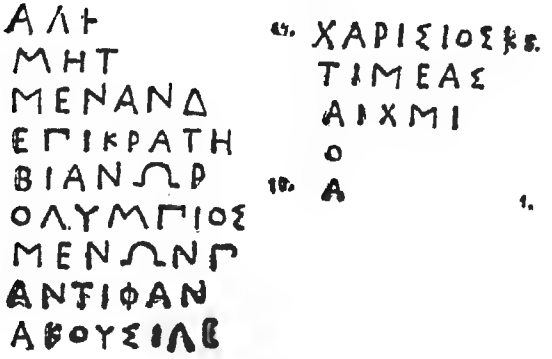
СТОЛБЕЦЪ II.

ΣΑΤΡΟΣΑΣΤΕΙΟ 19.
ΣΓΟΛΥΚΡΙΤΟΥ
Μ.ΣΧΙΩΝΟΣ
ΓΟΣΚΑΛΛΙΜΑΧΟΥ
ΔΗΜΟΚΡΑΤΗΣΤΑΤΤΙΩΝΟΣ 15.
ΦΙΛΟΣΣΩΣΙΒΙΟΥ
ΑΡΙΣΤΟΚΡΙΤΟΣΘΡΑΣΥΛΛΟΥ
ΗΡΑΚΛΕΙΔΗΣΠΛΟΥΣΙΟΣ
ΠΑΡΑΛΟΣΑΚΟΥΣΙΛΕΩ
ΧΑΛΚΙΔΕΥΣΠΟΛΥΚΡΙΤΟΥ 10.
ΙΠΠΟΜΑΧΟΣΔΙΟΔΩΡΟΥ
ΣΤΡΑΤΙΟΣΠΡΟΜΑΘΙΩΝΟΣ
ΘΑΒΥΤΤΙΩΝΘΑΓΥΟΣ
ΝΟΥΜΗΝΙΟΣΝΙΚΙΟΥ
ΚΑΛΛΙΓΕΝΗΣΠΡΩΤΑΓΟΡΟΥ 5.
ΑΓΙΝΤΑΣΠΥΛΛΟΥ
ΚΡΑΤΙΠΠΟΣΚΡΑΤΙΠΠΟΥ
ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΣΠΡΟΜΗΘΟΥ
ΑΝΤΙΦΑΝΗΣΠΡΟΜΑΘΙΩΝΟΣ 1.

Σάτυ]ρος Ἀστείο[υ 19
. . . . ς Πολυκρίτου
Μ[ο]σχίωνος
. . . γος Καλλιμάχου
Δημ]οκράτης Ταττίωνος 15
. . . φιλος Σωσιβίου
Ἀριστόκριτος Θρασύλλου
Ἡρακλείδης Πλούσιος
Πάραλος Ἀκουσιλεω
Χαλκιδεὺς Πολυκρίτου 10
Ἱππόμαχος Διοδώρου
Στράτιος Προμαθίωνος
Θαβυττίων Θάγυος
Νουμήνιος Νικίου
Καλλιγένης Πρωταγόρου 5

Ἀπίντας Γύλλου
Κράτιππος Κρατίππου
Ἀπολλώνιος Προμήθου
Ἀντιφάνης Προμαθίωνος 1

СТОЛБЕЦЪ III.



Ἀλή[της 14
Μητ[ρόδωρος
Μένανδ[ρος
Ἐπικράτη[ς
Βιάνωρ 10
Ὀλύμπιος
Μένων Π . . .
Ἀντιφάν[ης
Ἀκουσίλε[ως
Χαρίσιος Κ . . . 5
Τιμέας
Αἰχμέ[ας
Ὁ . . .
Ἀ . . 1

Передъ нами списокъ гражданъ города Нимфеи, но нужно жалѣть, что не сохранилось начало надписи, изъ котораго можно

было-бы узнать, какое было назначеніе этого эпиграфическаго памятника. Основываясь на дешевизнѣ матеріала, изъ котораго сдѣлана плита, можно, пожалуй, сказать только то, что памятникъ былъ поставленъ частными лицами, а не отъ имени государства.

Если расположить собственныя имена нашей надписи въ алфавитномъ порядкѣ, то получится слѣдующая таблица:

Ἀγ[ηνορίδης I, 10.
Αἰχμέ[ας III, 3.
Ἄκκας I, 1.
Ἀκουσίλεως II, 9 и III, 6.
Ἀλή[της III, 14.
Ἀντιβίων I, 2.
Ἀντιφάνης I, 3, 6; II, 1; III, 7.
Ἀ]πατούριος I, 4 и 8.
Ἀπίντας II, 4.
Ἀπολλώνιος I, 7; II, 2
Ἀριστόκριτος II, 13.
Ἀστεῖος II, 19.
Βιάνωρ III, 10.
Γύλλος II, 4.
Δημ]οκράτης II, 15.
Διόδωρος II, 9.
Διονύσιος II, 9.
Ἐπικράτης III, 11.
Ἑσ]τιαῖος I, 9.
Ἡρακλείδης II, 12.
Θαβυττίων II, 7.
Θάβων I, 1.
Θάγυς II, 7.
Θράσυλλος II, 13.
Ἰ]ολλᾶς I, 4.
Ἱππόμαχος II, 9.
Καλλιγένης II, 5.
Καλλίμαχος I, 6; II, 16.
Κράτιππος II, 3 bis.
Μένανδρος III, 12.
Μένων I, 3; III 8.
Μητ[ρόδωρος III, 13.
Μοσχίων I, 5; II, 17.
Νικίας II, 6.
Νουμήνιος II, 6.
Ὀλύμπιος III, 9.
Πάραλος II, 11.
Παρμένων I, 2.
Πλούσιος II, 12.
Πολύκριτος II, 10 и 18.
Προμαθίων II, 1 и 8.
Πρόμηθος II, 2.
Πρωταγόρας II, 5.
Σάτυρος, I, 6; II, 19.
Στράτιος II, 8.
Σωσίβιος II, 14.
Ταττίων II, 15.
Τιμέας III, 4.
Χαλκιδεύς II, 10.
Χαρίσιος III, 15.

Разсматривая этотъ перечень, мы видимъ, что населеніе Нимфеи въ концѣ IV вѣка до Р. Хр. было по преимуществу греческое, но что въ число гражданъ принимались и варварскія семейства; изъ шести варварскихъ именъ два встрѣчались и въ Пантикапеѣ: Θάγος (B. Latyschev, Inscr. P. II, № 94) и Ἄκκας, (Матеріалы по арх. Россіи, № 17, стр. 48). Остальныя имена Ἀπίντας[1]), Θαβυττίων, Θάβων и Ταττίων встрѣчаются въ первый разъ. Изъ чисто-греческихъ именъ нимфейской надписи новыми въ боспорской эпиграфикѣ являются слѣдующія: Αἰχμέας, Ἀλήτης, Ἀντιβίων, Ἀντιφάνης, Ἀριστόκριτος, Ἀστεῖος, Βιάνωρ, Γύλλος, Ἰολλᾶς (Въ удареніи этого имени я послѣдовалъ Бехтелю-Фику: Die griech. Personennamen. 2 Aufl. Göttingen 1894, стр. 189 s. v. Ἀρχεσίλας), Ἱππόμαχος, Κράτιππος, Μένων, Ὀλύμπιος, Πάραλος, Πλούσιος, Πολύκριτος, Χαλκιδεὺς и Χαρίσιος. Почти всѣ эти имена можно найти въ извѣстномъ словарѣ греческихъ собственныхъ именъ Пане-Бензелера (изд. 1870 г.), кромѣ Ἀντιβίων и Γύλλος. Ἀντιβίων—параллельная форма къ Ἀντίβιος, а въ имени Γύλλος, напоминающемъ вышеупомянутаго Гилона, нужно, по всей вѣроятности, искать корень словъ γύλιος или γύλλινα (см. Пане-Бензелеръ s. v. Γυλίδας). Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что во второмъ столбцѣ среди patronymica написано Πλούσιος—вѣроятно, прозвище Гераклида.

Такъ какъ большинство греческихъ именъ нашей надписи встрѣчается, главнымъ образомъ, въ Аттикѣ (изъ 50 именъ почти половину—23—можно найти въ сочиненіяхъ десяти аттическихъ ораторовъ), то, я думаю, не покажется слишкомъ смѣлымъ мое предположеніе, что многіе изъ означенныхъ въ каталогѣ гражданъ были потомками тѣхъ аѳинянъ, которые вмѣстѣ съ Гилономъ передали Нимфею во власть боспорскихъ правителей.

Если мы къ предыдущему списку прибавимъ еще собственныя имена нимфейскихъ надгробій (Δημήτριος, Εὐρύνομος, Θεοτείμα, Θεοφίλη, Μαστοῦς, Μόκκος, Μύρον, Παρρησία, Πύρρος, Φαρνάκης, Χρήστη),

---

[1]) Можетъ быть и Ἀπίντας, напоминающее своимъ сложеніемъ Ἀμύντας, слѣдовало бы причислить къ греческимъ именамъ.

то убѣдимся, что и въ другія, особенно римскія времена Нимфея была занята смѣшаннымъ населеніемъ—явленіе, которое замѣчается и въ прочихъ боспорскихъ городахъ.

Дѣйств. чл. В. Шкорпилъ.

Г. Керчь,
1-го Февраля 1897 г.

Сказанія объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному Черноморскому побережью.

(Очеркъ изъ исторіи древне-христіанской литературы).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказаніямъ объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному побережью Чернаго моря выпала въ исторіи какая-то исключительная судьба. Тогда какъ въ другихъ аналогичныхъ повѣствованіяхъ (напр. объ Апостолахъ Павлѣ, Іоаннѣ Богословѣ, Іаковѣ братѣ Божіемъ) главные географическіе пункты Апостольской дѣятельности уже точно намѣчены и установлены въ I—II вв. послѣ Р. Хр., сказанія о первыхъ проповѣдникахъ христіанства на сѣверъ и востокъ отъ Чернаго моря понынѣ разнятся между собой и въ указаніи лицъ трудившихся, и въ опредѣленіи главныхъ географическихъ пунктовъ ихъ миссіонерской дѣятельности[1]).

Далѣе, въ аналогичныхъ повѣствованіяхъ элементы легендарные, миѳическіе давно отдѣлены отъ историческихъ и исключены, или исправлены; сказанія объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному побережью Чернаго моря апокрифическія—полны «нелѣпыхъ» (ἄτοπα) чудесъ, церковныя—далеки отъ вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ,

---

[1]) Такъ церковное преданіе начала IV в. (Евсевій Памфилъ † 340 г., повторяющій κατὰ λέξιν Оригена † 254 г.) считаетъ Апостоломъ сѣвера Андрея Первозваннаго и говоритъ, что онъ проповѣдывалъ въ Скиѳіи. Указаніе «въ Скиѳіи» не точно въ виду того, что кромѣ Скиѳіи европейской существовала еще Скиѳія азіатская. Съ IV по VIII в. краткія церковныя извѣстія и апокрифическія сказанія признаютъ сотрудниками Ап. Андрея Первозваннаго Апостоловъ Матѳея, Варѳоломея, Петра, Симона Кананита, Филиппа; спутниками его называются Руфъ, Александръ, Филемонъ; центръ ихъ миссіонерской дѣятельности составляетъ сѣверо-восточное побережье Чернаго моря и восточное болѣе, чѣмъ сѣверное. Въ распространенныхъ греческихъ сказаніяхъ съ IX в. число Апостоловъ-сотрудниковъ Ап. Андрея Первозваннаго значительно уменьшается, напротивъ количество спутниковъ замѣтно возрастаетъ; центръ проповѣднической дѣятельности переносится съ сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря на юго-восточное. Наконецъ, въ XII в. возникаетъ повѣствованіе русскаго склада, по которому Ап. Андрей Первозванный, безъ соучастія другихъ Апостоловъ проповѣдуя на сѣверъ отъ Чернаго моря, поднимается по Днѣпру до Кіевскихъ горъ, а по позднѣйшимъ редакціямъ сказанія достигаетъ даже стараго Новгорода.

какъ напр. повѣрить тому, что Ап. Андрей достигъ изъ греческой провинціи Ахаіи въ одну ночь до отдаленной страны Мирмидонянъ—антропофаговъ?; или какъ признать достовѣрнымъ коптскій разсказъ, что тотъ же Ап. Андрей со своими спутниками, проглоченные морскимъ чудовищемъ, въ три дня достигли города Аціанось, куда при обыкновенныхъ условіяхъ они прибыли-бы только чрезъ 40 дней?! Правда въ позднѣйшихъ греческихъ сказаніяхъ подобныхъ свѣденій нѣтъ. Но если присмотрѣться къ содержанію этихъ позднѣйшихъ сказаній объ Апостолѣ Андреѣ (напр. «Похвала св. и всехвальному Ап. Андрею» Никиты Пафлагона, «О жизни, дѣяніяхъ и кончинѣ св. всехвальнаго Первозваннаго Ап. Андрея» Епифанія монаха, «Сказаніе о св. Апостолѣ Христовомъ Андреѣ» Симеона Метафраста и проч.), то станетъ ясно, что взамѣнъ невѣроятныхъ приключеній, которыми переполнены апокрифы, они ничего исторически-достовѣрнаго не даютъ. Эти православныя сказанія представляютъ переработку древнихъ апокрифовъ, компиляцію ихъ въ новомъ духѣ, сообразно съ новыми понятіями и требованіями. Если считать ничтожной достовѣрность апокрифическихъ сообщеній о проповѣди Апостольской на побережьи Чернаго моря, то тѣмъ болѣе далеки отъ вѣроятія должны быть тѣ-же сообщенія передѣланныя, приспособленныя къ новымъ тенденціямъ. Затѣмъ, содержаніе апокрифовъ въ преобладающей части легендарно, фантастично; однако рядомъ съ вымыслами встрѣчаются географическія указанія, этнографическія замѣтки, сообщенія касательно древняго языческаго культа, имена царей, мѣстностей и городовъ, гдѣ Ап. Андрей и его спутники проповѣдывали. Эти послѣднія свѣденія, какъ относительно близкія ко времени и мѣсту Апостольской проповѣди, конечно, могутъ быть или показателемъ исторически-достовѣрнаго, скрывающагося за легендарнымъ матеріаломъ, или по крайней мѣрѣ быть отголоскомъ древнѣйшихъ преданій объ Апостольской миссіи, хранившихся въ разныхъ пунктахъ Черноморскаго побережья. Въ позднѣйшихъ греческихъ «житіяхъ» апокрифическія крайности сглажены, чудесное переведено на языкъ обыкновенныхъ явленій; но обработка коснулась и данныхъ втораго порядка и или уничтожила, или перемѣнила эти данныя. Поздніе сказанія, слѣдовательно, въ собственномъ смыслѣ новы: они предлагаютъ апокрифическій мате-

ріалъ въ такой окраскѣ, въ такомъ изъясненіи, съ такой топографіей, какія казались наиболѣе вѣрными писателямъ VIII—IX и слѣд. вѣковъ. Можно-ли субъективную вѣроятность считать исторической достовѣрностью, — ясно само собой. А съ другой стороны, очевидно, что позднѣйшая греческая литература объ Апостольской проповѣди въ Черноморьи, — хотя на церковный взглядъ и болѣе цѣнна, чѣмъ апокрифическая, — съ исторической точки зрѣнія стоитъ гораздо ниже апокрифической, такъ какъ представляетъ продуктъ не просто личнаго творчества, но творчества исключительнаго въ своемъ стремленіи передѣлать и тѣ немногіе остатки достовѣрнаго, которые хранились въ апокрифахъ.

Отечественная научная литература по вопросу объ Апостольской проповѣди на сѣверо-восточныхъ Черноморскихъ берегахъ вращается около трехъ — четырехъ пунктовъ:

a) изслѣдуютъ достовѣрность лѣтописнаго сказанія о посѣщеніи Ап. Андреемъ Кіева;

b) изслѣдуютъ достовѣрность позднихъ греческихъ сказаній о проповѣди Ап. Андрея по сѣверо-восточному побережью Чернаго моря;

c) разсматриваютъ достовѣрность древне-греческаго православнаго преданія о проповѣди его въ Скиоіи и

d) намѣчаютъ вопросъ объ основѣ этого древне-греческаго преданія.

Легко понять, что всѣ научные труды по этимъ вопросамъ распадаются на двѣ группы. Одну образуютъ тѣ, тенденція которыхъ, по словамъ проф. Голубинскаго (Ист. Р. Церкви т. I, стр. 1—2) такова, что «мы русскіе составляемъ въ христіанской церкви народъ никакъ не послѣдній и наше христіанство ведетъ свое начало точно также отъ самихъ апостоловъ, какъ у кого-бы то ни-было. Апостолы насъ посѣтили, благословили нашу землю, включили ее въ составъ церкви христіанской.» Другая тенденція сводится къ тому, что Ап. Андрей въ Кіевѣ не былъ и, слѣдовательно, основателемъ русскаго христіанства считаться не можетъ. Сообразно съ этими тенденціями, въ однихъ изслѣдованіяхъ о пребываніи Первозваннаго Апостола на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря сила аргументаціи направлена на то, чтобы выставить греческія свидѣтельства и преданія о немъ, какъ несомнѣнно достовѣрныя и лѣтописный разсказъ обосновать на будто-бы Апостольскомъ, непререкаемомъ преданіи о проповѣди

Андрея Первозваннаго въ Скиѳіи[1]). Труды втораго рода напротивъ тѣми же греческими сказаніями и преданіями пользуются какъ противовѣсомъ лѣтописному повѣствованію, и пытаются или разъяснить послѣднее независимо отъ греческихъ источниковъ, или, сопоставивъ русскій разсказъ съ древними апокрифами, изъ этихъ послѣднихъ объясняютъ возникновеніе нѣкоторыхъ его деталей, опредѣляютъ мотивы его образованія, степень достовѣрности сообщаемыхъ фактовъ и т. д.[2]).

Чѣмъ вопросъ изъ выше указанныхъ частнѣе, тѣмъ соображеній, взглядовъ, рѣшеній по поводу его встрѣчается больше и наоборотъ, чѣмъ онъ сложнѣе, — тѣмъ мнѣній меньше, сужденія неопредѣленнѣе.

Насколько направленіе, принятое въ данномъ отношеніи отечественной литературой цѣлесообразно, показываетъ простое соображеніе. Очевидно, первый и главный какъ для защиты такъ и для критики вопросъ,—достовѣрно, или не достовѣрно лѣтописное сказаніе о посѣщеніи Ап. Андреемъ кіевскихъ высотъ. Вопросъ этотъ имѣетъ характеръ прикладной, но сколько положительное рѣшеніе его разсматривается какъ благопріятное для русскаго христіанства въ томъ смыслѣ, что оно по первокорню своему чрезъ проповѣдь Андрея Первозваннаго можетъ быть названо Апостольскимъ. Какъ прикладной, онъ можетъ быть рѣшенъ и въ ту и въ другую сторону,—и положительно и отрицательно,—независимо отъ доказательной силы греческихъ сказаній объ Ап. Андреѣ,—подъ вліяніемъ лишь той тенденціи, сторонникомъ которой является изслѣдователь. Съ другой стороны, этотъ первый вопросъ стоитъ въ неразрывной связи съ вопросомъ вторымъ, болѣе общимъ — насколько достовѣрны греческія (церковныя) преданія и сказанія о проповѣди Ап. Андрея по Черноморскимъ берегамъ. Пріуроченіе же проповѣди Ап. Андрея къ сѣ-

---

[1]) М. Макарій. Введеніе въ исторію русской церкви. Изд. II, 1868 стр. 10—14 и дал. Малышевскій. «Спутники и ученики Св. Ап. Андрея.» Труды К. Д. Академіи 1889 г. кн. 12; «Сказаніе о посѣщеніи русской страны Св. Ап. Андреемъ.» Кіевъ 1888 г. Леопардовъ. «О благословеніи Св. Андреемъ Первозваннымъ Кіевскихъ высотъ». Кіевъ 1891 г. «О началѣ Славяно-Руси». Кіевъ 1892 г.

[2]) Голубинскій — Исторія Русской Церкви. Москва 1880 г. т. I. стр. 5—9 и проч. Васильевскій. Хожденіе Ап. Андреи въ странѣ Мирмидонянъ. Русско-Византійскіе отрывки. Журналъ М. П. Просвѣщенія 1877 г. кн. 1—2.

веро-восточному Черноморью въ свою очередь неразрывно связано съ вопросомъ о историко-географическомъ положеніи Скиѳіи, гдѣ по древнѣйшему церковному преданію онъ проповѣдывалъ. Изслѣдующій достовѣрность лѣтописнаго сказанія оказывается, слѣдовательно, предъ дилеммой—или онъ долженъ признать церковное преданіе IV в. о дѣятельности Ап. Андрея въ Скиѳіи a priori непререкаемымъ, имѣющимъ въ виду Скиѳію европейскую и вполнѣ достаточнымъ для объясненія позднѣйшихъ преданій и сказаній; или,—имѣя въ виду, что преданіе есть вообще отголосокъ историческаго факта иногда и невѣрный,—долженъ установить, на чемъ это древне-греческое (IV в.) преданіе о Скиѳіи, какъ удѣлѣ Ап. Андрея, основано, какихъ историческихъ фактовъ отраженіемъ оно служитъ, какую именно часть (европейскую или азіатскую) Скиѳіи разумѣетъ.

Едва-ли ошибемся, сказавъ, что послѣдній изъ указанныхъ нами пунктовъ,—на чемъ основано древне-греческое преданіе (IV в.) о проповѣди Ап. Андрея въ Скиѳіи,—по самому существу дѣла становится пунктомъ первымъ, исходнымъ. Анализъ его долженъ предшествовать изученію греческихъ сказаній и житій, говорящихъ объ Апостольской проповѣди по берегамъ Чернаго моря. Сопоставленіе результатовъ этого анализа съ данными позднѣйшихъ греческихъ сказаній будетъ второй ступенью переходной къ обслѣдованію лѣтописнаго повѣствованія. Рѣшеніе вопроса,—достовѣрно, или не достовѣрно послѣднее, оказывается только выводомъ изъ всей предшествующей работы. Полная разгадка достовѣрности, или недостовѣрности позднѣйшихъ греческихъ и иныхъ сказаній о проповѣди Ап. Андрея въ Черноморьи, лежитъ, такимъ образомъ, въ изученіи дѣйствительныхъ или мнимыхъ событій, отзвукомъ коихъ служитъ древнѣйшее церковное преданіе объ Апостольской миссіи въ Скиѳіи. Рѣшительное сужденіе о происхожденіи лѣтописнаго повѣствованія и элементахъ исторической правды, содержащихся въ немъ, можетъ быть произнесено, лишь когда данныя этого повѣствованія будутъ сопоставлены съ данными позднѣйшихъ греческихъ сказаній и чрезъ нихъ съ результатомъ анализа основъ древняго краткаго преданія о Скиѳіи, какъ мѣстѣ дѣятельности Ап. Андрея.

Доселѣ научная критика,—если имѣть въ виду мнѣнія высказанныя въ печати проф. Голубинскимъ и Васильевскимъ, направля-

лась противъ достовѣрности краткихъ церковныхъ преданій о Черноморской миссіи и подробныхъ житій Ап. Андрея, а апокрифическія данныя о томъ же предметѣ признавала фабулами или въ силу непосредственнаго впечатлѣнія, какое производитъ на читающаго ихъ содержаніе (Голубинскій), или въ силу того же впечатлѣнія, прикрытаго односторонним пониманіемъ отзывовъ объ апокрифахъ, высказанныхъ христіанской древностью (Васильевскій). Непосредственное впечатлѣніе, какъ критерій достовѣрности или недостовѣрности апокрифическихъ данныхъ, конечно, не имѣетъ научной цѣнности и обнаруживаетъ, что въ основѣ отрицанія, — какъ и въ основѣ защиты достовѣрности извѣстій о Черноморской миссіи Ап. Андрея лежитъ субъективный психологическій мотивъ. Вопросъ объ отношеніи краткихъ извѣстій древности къ апокрифамъ и обратно апокрифическихъ данныхъ къ церковнымъ преданіямъ объ Ап. Андреѣ остается, такимъ образомъ, открытымъ; вопросъ о присутствіи въ апокрифическихъ сообщеніяхъ объ Ап. Андреѣ элементовъ историческихъ нерѣшеннымъ; вопросъ объ источникахъ для позднѣйшихъ греческихъ сказаній о томъ же Апостолѣ подлежащимъ внимательному пересмотру.

Освѣтить эти обойденные пункты и отвѣтить на нихъ по возможности,—наша главная цѣль. Полагаемъ, она достигается путемъ анализа слѣдующихъ положеній:

что мѣсто проповѣднической дѣятельности Ап. Андрея по древнимъ апокрифическимъ сказаніямъ составляетъ сѣверо-восточное побережье Чернаго моря;

что эти древнія не церковнаго корня сказанія содержатъ въ себѣ историческую истину, или отголосокъ ея;

что по этимъ сказаніямъ Ап. Андрей не единственный просвѣтитель Черноморскаго побережья, но имѣлъ сотрудниковъ изъ числа 12 апостоловъ, хотя между послѣдними и занималъ первенствующее положеніе;

что апокрифическія данныя о проповѣди Ап. Андрея древнѣе наличныхъ краткихъ церковныхъ извѣстій о томъ же;

что въ процессѣ историческаго существованія нѣкоторые апокрифы объ Ап. Андреѣ и его сотрудникахъ, бывъ подвергнуты не-

однократнымъ передѣлкамъ, измѣненіямъ и очищеніямъ, утратили не только свою первоначальную тенденцію, но и первоначальную историческую точность;

что, наконецъ, позднѣйшія греческія сказанія о просвѣтительной дѣятельности Ап. Андрея, при видимо полной точности (напр. въ географическихъ и этнографическихъ указаніяхъ) и обстоятельности, представляютъ передѣлку апокрифовъ и въ качествѣ доказательства факта Черноморской проповѣди Ап. Андрея не имѣютъ историческаго значенія.

Сообразно съ цѣлью изслѣдованія въ основу его мы полагаемъ тексты древнихъ апокрифическихъ сказаній о проповѣднической дѣятельности Ап. Андрея и его сотрудниковъ по Черноморскимъ берегамъ; самый же трудъ дѣлимъ на слѣдующія три части:

1) О времени образованія этихъ апокрифическихъ сказаній.

2) Объ ихъ исторической цѣнности.

3) О краткихъ церковныхъ извѣстіяхъ и позднѣйшихъ греческихъ житіяхъ Св. Ап. Андрея и отношеніи тѣхъ и другихъ къ апокрифическимъ сказаніямъ.

Тексты апокрифическихъ сказаній приводятся нами частью въ буквальномъ переводѣ, частью въ сокращеніи по:

Acta Apostolorum Apocrypha . . . ed. Tischendorf. Lips. 1851 t. I.

Codex Apocryphus Novi Testamenti . . . . . ed. J. A. Fabricius. Hamburgi. 1708 t. II.

The conflicts of the Holy Apostles, an Apocryphal book of the early eastern Church, translated from an Ethiopic MS. . . . . Malan. London. 1871.

Apocryphal Acts of the Apostles ed. from syriac MS. Wright. London. 1871 t. I—II.

Catalogus codicum copticorum. Zoëga. Synaxarium d. Koptischen Christen. Wüstenfeld.

Andreas und Elene J. Grimm. Cassel. 1840.

Dichtungen der Angelsachsen. Grein. Cassel und Göttingen. 1863. Bd. II, s. 1—46.

Опираясь на взаимную внутреннюю связь апокрифическихъ сказаній, мы дѣлимъ ихъ на шесть группъ:

Первую—составляютъ коптскіе акты Ап. Андрея;

вторую—сказанія объ апостольской проповѣди у человѣкоядцевъ;
третью—дѣянія Апостоловъ въ странѣ варваровъ;
четвертую—акты Ап. Матоея;
пятую—дѣянія Апостоловъ у Кадарянъ.
шестую—сказанія о проповѣди Ап. Варооломея въ г. Ельва, объ его мученической кончинѣ, Авдіевы «дѣянія» Апостоловъ Симона Іуды и Филиппа.

Отдѣлъ I.

Апокрифическія сказанія объ Апостольской проповѣди по Черноморскому побережью. Время образованія этихъ сказаній.

ГЛАВА I.

Время образованія оригинальныхъ и переводныхъ апокрифическихъ сказаній объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря.

Приведенныя нами апокрифическія сказанія объ Апостольской проповѣди могутъ быть раздѣлены по времени образованія на три группы. Въ составъ первой входятъ греческія сказанія, служившія *оригиналами* для позднѣйшихъ переводовъ и передѣлокъ. Таковы «Дѣянія Ап. Андрея и Матѳея въ городѣ антропофаговъ» и «Дѣянія Ап. Андрея и Петра въ странѣ варваровъ». Вторая группа состоитъ изъ *переводовъ*, которые или буквально повторяютъ греческій текстъ сказанія, съ незначительными сокращеніями и измѣненіями, (какъ напр. сирійская «исторія Апостоловъ Андрея и Матѳея», ѳіопская «книга проповѣди Ап. Матѳея въ городѣ Ba'alatsaby», ѳіопское сказаніе о «проповѣди Ап. Іуды—Ѳаддея въ Сиріи — Дакіи», славяно-русское сказаніе о проповѣди «Ап. Петра и Андрея во градѣ варварскомъ»); или,—сохраняя въ основѣ характеръ греческаго сказанія, при развитіи частностей содержанія даютъ полный просторъ дополненіямъ (таково англо-саксонское сказаніе «Андрей»). Къ третьей группѣ относятся *переработки*, измѣняющія содержаніе и характеръ древнихъ греческихъ сказаній (греческое «мученичество Ап. Матѳея», «дѣянія

блаженнаго Ап. Андрея», «дѣянія Ап. Матоея», «дѣянія Ап. Симона и Іуды», «дѣянія Ап. Филиппа» и «дѣянія Ап. Варѳоломея въ Индіи», приписываемыя Авдію Вавилонскому) и *новообразованія*, подъ которыми мы разумѣемъ оригинальные по сюжету апокрифы, встрѣчающіеся только на одномъ какомъ-либо языкѣ (ѳѳіопское «хожденіе къ Кацаренамъ—Кадаренамъ», ѳѳіопскія повѣствованія о «проповѣди Ап. Варѳоломея въ г. Ельва и его мученичествѣ», и коптскіе акты «о проповѣди Апостола Андрея въ гг. Акрадисъ и Луддъ»).

Безспорно, что особый интересъ возбуждаютъ сказанія первой группы. Судя по повтореніямъ въ переводахъ, они имѣли въ свое время широкое распространеніе. Измѣненія въ содержаніи, духѣ и характерѣ, которыя наблюдаются въ ихъ разныхъ редакціяхъ, даютъ право предполагать, что эти сказанія съ давняго времени подвергались неоднократному очищенію. Отъ опредѣленія вѣка, когда они возникли, зависитъ опредѣленіе времени появленія переводныхъ апокрифовъ. Наконецъ, сопоставленіе ихъ духа и характера съ духомъ и характеромъ разныхъ сказаній третьей группы обнаруживаетъ процессъ приспособленія еретическихъ повѣствованій къ церковнымъ взглядамъ на мѣста и обстоятельства Апостольской проповѣди.

Время образованія сказаній первой группы опредѣляется, если не вполнѣ то во всякомъ случаѣ приблизительно точно, путемъ выясненія специфическихъ особенностей ихъ характера, насколько послѣдній выступаетъ въ самыхъ сказаніяхъ и отмѣчается древней святоотеческой литературой и рѣшеніемъ вопроса, когда жилъ авторъ древнѣйшей редакціи этихъ апокрифическихъ сказаній, такъ называемый, Леуцій Харина.

Уже поверхностное знакомство съ содержаніемъ апокрифовъ первой группы приводитъ къ мысли, что они составлены въ антицерковномъ духѣ и въ свое время были средствомъ для популяризаціи гностическихъ, докетическихъ и манихейскихъ идей. Если-же детально сопоставить содержаніе этихъ сказаній съ содержаніемъ послѣапостольскаго гносиса, насколько послѣднее выяснено современной наукой, то это первое впечатлѣніе о характерѣ, духѣ и значеніи греческихъ апокрифовъ получаетъ твердость сужденія, отвѣчающаго дѣйствительности. По сужденію Неандера и Баура, изслѣдовавшихъ гносисъ послѣапостольскаго времени, послѣдній представляетъ опытъ религіозной философіи;

прецедентами его въ началѣ христіанской эры были религіозно-философскій синкретизмъ, іудейская философія въ Александріи и Палестинская каббала. Гностики—это люди съ потребностью вѣры, стремившіеся составить цѣльное міросозерцаніе, создать систему настолько законченную, чтобы она могла обнять всѣ стороны знанія философскаго, отвѣтить на всѣ запросы богословскіе и космологическіе. За образецъ себѣ они брали языческія мистеріи, переносили ихъ на христіанскую почву, для обозначенія разнообразныхъ положеній и обнаруженій духовной жизни любили пользоваться еврейскими словами, таинственными терминами древне-библейскаго происхожденія, сирскими малопонятными фразами и надѣялись, будто такая терминологія всего проще и скорѣе откроетъ имъ дверь въ таинственную область неизвѣстнаго. По Гизелеру и Шаффу, гностики располагали особыми аллегорическими памятниками, будто-бы содержавшими тайное эзотерическое ученіе Христа и Апостоловъ. Василидіане, напр., производили свое ученіе отъ Ап. Матоія и Главкія, герменевта Петрова; Валентиніане отъ Теодада, ученика Павлова и т. д. Для наилучшаго проведенія этого ученія въ народное сознаніе, они облекали его въ живыя картины, образы, аллегоріи. Догматическій остовъ гностическихъ системъ излагается Неандеромъ, Герцогомъ, Гергенрётеромъ и др. въ такой схемѣ. Абсолютному духовному началу противуположно матерьяльное, разсматриваемое или какъ пассивная граница бытія, или какъ активная злая сила. Въ томъ и другомъ случаѣ непосредственное происхожденіе міра отъ Бога немыслимо и для устраненія соприкосновенія между абсолютнымъ и матеріей вводится особое творческое начало—деміургъ. Смотря по тому, какой дуализмъ проводится системой — сильный или слабый, деміургъ представляется то духовнымъ существомъ, творящимъ міръ по необходимости, то врагомъ Бога, вопреки волѣ Бога, творящимъ міръ. При дуализмѣ слабомъ, Богъ, чтобы устранить соприкосновеніе свое съ матеріей, эманатически развиваетъ изъ себя цѣлый духовный міръ—эоновъ. При дуализмѣ сильномъ, верховныя начала — добро и зло противустоятъ другъ другу прямо и непосредственно. Цѣль міроваго процесса и тамъ и здѣсь одна—освобожденіе духа изъ узъ матеріи. Поворотный пунктъ въ исторіи этого процесса — Христосъ, искупитель, просвѣщающій духовные элементы міра познаніемъ ихъ

собственной природы. Искупленіе, такимъ образомъ, равносильно наученію, руководству. При дуализмѣ слабомъ, Христосъ дѣйствуетъ не вопреки деміургу, напротивъ даже за одно съ нимъ; по собственной волѣ онъ оставляетъ горній міръ, живетъ и дѣйствуетъ въ другомъ дѣйствительномъ человѣкѣ. При дуализмѣ сильномъ, ни единеніе, ни соприкосновеніе матеріи съ духомъ невозможно; человѣческая природа Христа разрѣшается въ чистый призракъ и гностицизмъ переходитъ въ докетизмъ.

Наконецъ, что касается гностической морали, то основная задача нравственной жизни человѣка полагается ею въ освобожденіи духа изъ узъ матеріи, въ побѣдѣ духа надъ плотью. Путь къ достиженію этой цѣли двойной: или жестокія ограниченія, аскетизмъ,—или полнѣйшая разнузданность, либертинизмъ, злоупотребленіе плотью. Общій тонъ всѣхъ гностическихъ системъ—минорный, нессимистическій: всѣ онѣ варьируютъ одну и ту же идею всеобщаго возстановленія и ни одна система не можетъ указать, въ чемъ цѣль міровой жизни: бытіе міра или несчастіе, или случайность, или ошибка.

Обращаясь отъ обыкновеннаго представленія о содержаніи гносиса къ содержанію греческихъ апокрифическихъ «хожденій» Апостоловъ Андрея, Матѳея и Петра, отмѣтимъ прежде всего ту особенность, что эти апокрифы располагаютъ богатымъ аппаратомъ чудесъ, видѣній, явленій ангеловъ, небесныхъ голосовъ, говорящихъ животныхъ, бѣсовъ противодѣйствующихъ апостоламъ и т. п. Въ нихъ встрѣчаемъ частыя указанія на свѣтъ, сходящій съ неба, на таинственные знаки Мессіи, на служебное дѣйствіе огня, воды, облаковъ, вѣтровъ, на повиновеніе апостоламъ неодушевленныхъ предметовъ, растеній, животныхъ, даже ангеловъ. Весь этотъ аппаратъ придаетъ сказаніямъ необычайную живость, сценичность. Дѣйствія, эпизоды, приключенія возникаютъ быстро, почти внезапно, образуютъ пеструю цѣпь фантастическихъ картинъ, смѣняются какъ въ калейдоскопѣ. Визіонерный элементъ развитъ до такой степени, что одну его разработку можно считать главной задачей этихъ сказаній. Сатана и демоны дѣйствуютъ всюду и всегда. Они то надѣваютъ на себя приличныя случаю личины — старика, волка, ворона, ефіопа и возбуждаютъ противъ апостоловъ гнѣвъ начальниковъ, старѣйшинъ, царей; то они явно издѣваются надъ апостолами; то, оставаясь невидимыми, даютъ

ихъ врагамъ коварные совѣты; то, овладѣвъ людьми, мучатъ ихъ. Христосъ — какъ руководитель и покровитель является апостоламъ постоянно, чаще всего въ видѣ прекраснаго младенца или отрока, иногда въ образѣ кормчаго; иногда апостолы только слышатъ Его голосъ, выходящій изъ среды горняго свѣта, иногда видятъ Его и узнаютъ съ перваго слова, иногда (какъ ап. Матоей въ сказаніи о мученичествѣ) не понимаютъ, что это Онъ, послѣ очень внушительныхъ указаній. Заключенность апостоловъ въ сферу видѣній тоже не обойдена. Ап. Матоея напр., во время перенесенія его тѣла, видятъ то покоящимся, то идущимъ сзади и спереди посилокъ, на которыхъ лежитъ его тѣло, то стоящимъ на морѣ, въ семи стадіяхъ отъ берега. Апостолъ Андрей, при посѣщеніи города антропофаговъ, сперва остается невидимымъ и людямъ и демону; позднѣе, во время мученій, антропофаги не слышатъ его разговора съ Христомъ; точно также антропофаги не видятъ Апостола Матоея, когда онъ удаляется изъ города въ сопровожденіи плѣнниковъ, выпущенныхъ Апостоломъ Андреемъ, не видятъ его во время бесѣды съ епископомъ Платономъ и воины Фульвановы. Вся эта картинность, образность, наглядность цѣнна, однако, не сама по себѣ, а потому, что служитъ нанудобнымъ средствомъ проводить незамѣтно, но настойчиво элементарныя гностическія понятія и убѣждать легковѣрнаго читателя, будто гностицизмъ дѣйствительно располагаетъ тайнымъ ученіемъ Христа. Въ апокрифѣ «мученичество Матоея» Іисусъ, явившійся Апостолу на горѣ, въ образѣ младенца, до такой степени мало походитъ на Іисуса Назарянина, что Матоей принимаетъ его за призракъ, за мечту, за вифлеемское дитя, видѣнное имъ нѣкогда въ раю. «Я — рай, я — параклитъ, я — отецъ эоновъ, я крѣпость воздержныхъ, вѣнецъ дѣвъ, похвала дѣвственниковъ» и т. д., разубѣждаетъ Апостола этотъ докетическій Христосъ и, конечно, цѣль разубѣжденія та, чтобы въ умѣ всякаго читателя дѣяній Матоея образовать истинное съ гностической точки зрѣнія представленіе о Христѣ. Въ англосаксонской редакціи хожденія Андрея къ антропофагамъ, которая представляетъ растянутый перифразъ греческаго текста, встрѣчается цѣлая серія гностическихъ терминовъ, раскрывающихъ понятіе о Христѣ. Онъ называется «владыкой побѣды», «подателемъ жизни», «царемъ славы», «вождемъ воинствъ», «отцомъ ангеловъ», «княземъ свѣтонос-

нымъ», «помощникомъ духовъ» (эоновъ), «учителемъ жизни», «архонтомъ» и т. д. Если гностическій смыслъ нѣкоторыхъ изъ этихъ опредѣленій («царь славы», «вождь воинствъ») слабъ, а другихъ («податель жизни», «владыка побѣды») сомнителенъ, то все таки остается значительное большинство терминовъ или гностическаго корня, или имѣющихъ условный гностическій смыслъ. Такъ, «архонтомъ», «княземъ свѣтоноснымъ» Онъ называется въ духѣ системы Василида, который отъ несущаго Бога отличалъ нерождшаго Богу великаго князя — «ὁ μέγας ἄρχων», — и сына его — Христа, тоже архонта еще болѣе высокаго, мудраго и прекраснаго, чѣмъ самъ великій архонтъ. Наименованія «отецъ ангеловъ», «помощникъ духовъ» напоминаютъ ученіе того же Василида, въ передачѣ Иринея и Епифанія, по которой архонтъ гебдомады со своими духами — эонами, иначе ангелами, началами, властями и т. д., развившимися изъ него самого, нападаетъ на царство хаоса и помогаетъ силамъ свѣта побѣдить матерію. «Владыка жизни» — выраженіе, можетъ быть, заимствованное изъ исторіи плиромы гностика Валентина. По этой исторіи «умъ», или «отецъ» въ сизигіи съ «истиной» производитъ «слово» и «жизнь» — «Христа и Духа». Если «слово» тождественно съ «христомъ» (мужскій эонъ) а «жизнь» съ «духомъ» (женскій эонъ), то переходъ къ положенію: Христосъ — «владыка жизни» не представляетъ ничего чрезвычайнаго. Наконецъ, названіе «учитель жизни» буквально встрѣчается въ богословіи Валентина. Христосъ по этому богословію всѣмъ эонамъ разъяснилъ природу сизигіи, доказалъ имъ, что въ непостижимости первоначала заключается причина вѣчнаго существованія плиромы и ея эоновъ, что доступное познанію вполнѣ открыто въ сынѣ, что всѣ эоны должны пѣть благодарный гимнъ верховному началу за свое бытіе и т. д. Онъ, такимъ образомъ, — «учитель жизни» въ смыслѣ переносномъ, — поскольку далъ толчекъ новой радостной жизни эоновъ, которая замѣнила ихъ болѣзненное заблужденіе, но онъ и «учитель жизни» буквально, такъ какъ система Валентина говоритъ, что «духъ св. или жизнь» научены былъ Христомъ водворить между эонами равенство, — условіе истиннаго покоя. Въ томъ же гностическомъ духѣ говоритъ «хожденіе къ антропофагамъ» и о крестѣ. Крестъ по этому сказанію — священный и таинственный

знакъ Мессіи; онъ у каждаго изъ Апостоловъ начертанъ на челѣ; предъ нимъ трепещутъ небо и земля; онъ *предѣлъ*, за который не распространяется власть демоновъ; онъ положительная сила, творящая чудеса. И въ системѣ Валентина крестъ оказывается именно *предѣломъ*, отдѣляющимъ плиому — полноту духовнаго бытія отъ матеріи. И здѣсь, какъ положительная сила, онъ заставляетъ трепетать небо, землю и демоновъ, — творить чудеса. Какъ отрицательное начало, раздѣляющее все разнородное, онъ оказывается у Валентина тоже знакомъ Христа Мессіи, дѣйствуетъ сообразно съ дѣйствіями послѣдняго: крестъ ограничиваетъ напр. стремленіе низшаго женскаго эона — «Софіи» къ «Вожделенному»; крестъ выбрасываетъ плодъ «мудрости» — «энтимезисъ» за границу плиромы въ то время, какъ Христосъ успокаиваетъ «мудрость»; крестъ доставляетъ Христу, — когда Христосъ простеръ на крестѣ свои руки, — возможность, не покидая плиромы, коснуться «энтимезисъ», сообщить ей видъ, форму, возбудить въ ней жизнь, самосознаніе и т. д. Привязанность гностиковъ къ таинственному, предположеніе, что чѣмъ фразеологія будетъ темнѣе, непонятнѣе, тѣмъ таинственное станетъ ближе, доступнѣе проступаютъ въ «хожденіяхъ Андрея и Матоея», «Андрея и Петра» неоднократно. Сказанія какъ-бы подчеркиваютъ, что въ важнѣйшіе моменты жизни Апостолы обращаются къ Богу съ молитвой на еврейскомъ языкѣ. По еврейски-же объясняется съ ними и Христосъ, когда въ трудную для своего Апостола минуту Онъ является, ободряетъ, укрѣпляетъ. Въ апокрифѣ «хожденіе къ варварамъ» встрѣчаемъ нѣчто вродѣ гностическаго заклинанія, или заговора, непосредственнымъ результатомъ котораго является чудо: Андрей, взявъ у Петра плугъ, начинаетъ сѣять, говоря: «посѣвъ, въ землѣ укрѣпляясь, на полѣ справедливыхъ всходи и на свѣтъ выходи».... и, посѣвъ немедленно всходитъ, растетъ, зрѣетъ, даетъ обильный урожай. «Хожденіе къ антропофагамъ» прозрачно указываетъ на существованіе эсотерическаго ученія, эсотерическихъ чудесъ, даже приводитъ одинъ изъ разсказовъ о такихъ чудесахъ. Вступившій въ темницу Андрей съ удивленіемъ спрашиваетъ Матоея: «братъ мой, какъ ты вступилъ сюда?.. Гдѣ святыя тайны, которымъ ты былъ наученъ? Ибо если ты произнесешь ихъ, небо и земля затрепещутъ?!» (сир. ред.). Въ другомъ мѣстѣ (англосакс. ред.) тотъ-же

Андрей, выражаясь словами апокрифа, «обнаруживаетъ тайну», говоря, что истинное вѣденіе сохранили богобоязненные мужи «благочестивые мудрые избранники Іисусъ и Товія». Наконецъ, повѣсть о сфинксѣ, разсказанная Андреемъ Іисусу во время морскаго путешествія, очевидно, — отрывокъ изъ гностическихъ апокрифовъ, иллюстрація къ «святымъ тайнамъ, и которыя изучалъ Матѳей.

Гдѣ догматическая и мистическая тенденціи почему-либо отступаютъ на второй планъ, тамъ въ апокрифическихъ хожденіяхъ выдвигается элементъ аскетическій. «Мученичество Матѳея» и «хожденіе къ варварамъ» отмѣчаютъ превосходство безбрачной жизни предъ брачной и ставятъ внѣбрачную жизнь первымъ условіемъ слѣдованія Христу. По греческой редакціи «хожденія къ варварамъ» Андрей говоритъ напр. Онисифору: «если отречешься отъ жены своей... будешь творить знаменія». «Фульванъ приходитъ въ ярость и обѣщаетъ сжечь Апостола, потому — читаемъ въ «мученичествѣ Матѳея», — что жена его, невѣстка и сынъ неотступно слѣдуютъ за Апостоломъ». Другой излюбленной темой гностической морали оказывается добровольная нищета и презрѣніе къ богатству. Апостолъ Андрей, прежде чѣмъ вступить на судно, заявляетъ кормчему, что плату за провозъ онъ дать не можетъ и «что ни хлѣба, ни пищи съ нами нѣтъ». «Не думайте, что изъ за упрямства мы не даемъ вамъ платы», — поясняетъ онъ, — отсутствіе необходимыхъ средствъ, нищета заповѣданы Христомъ. И по сказанію «хожденіе къ варварамъ», апостолы тоже «дошли до крайности» (ὑστερήθημεν), — не имѣютъ хлѣба насущнаго. Мотивы гностической этики — готовность подвергаться жестокимъ испытаніямъ и страданіямъ, положеніе, что цѣль жизни составляетъ свобода духа отъ узъ плоти, — заботливо облекаются въ живые образы и картины. «Предупреждаю» — говоритъ напр. Андрею Іисусъ, — «что антропофаги подвергнутъ тебя жестокимъ мукамъ, будутъ рвать твое тѣло, кровь твоя будетъ литься на землю какъ вода. ... великимъ пыткамъ тебя подвергнутъ; — ты противустой, будь твердъ, вспомни муки, которыя я вынесъ».. (сир. ред.). «Вы подвергаетесь трудамъ (испытаніямъ) выше силъ человѣческихъ», говоритъ Іисусъ Петру и Андрею, посылая ихъ въ градъ варварскій, — «но дерзайте. Я успокою васъ... въ царствѣ отца моего». Вообще, всякій штрихъ, всякая черта непремѣнно оживляютъ

и укрѣпляютъ одно впечатлѣніе: — жизнь Апостоловъ — это цѣпь искушеній, мученій, трудовъ, нравственныхъ страданій и физическихъ болей. Какъ элементъ гностической (собственно эвіонитской) нравственности, выступаютъ въ сказаніяхъ воздержаніе отъ мяса и соблюденіе строжайшихъ постовъ. Правда, ни одинъ изъ разсматриваемыхъ апокрифовъ не предъявляетъ требованій въ этомъ родѣ категорически, но категорическая форма и не пригодна при популяризаціи какого-бы то ни было ученія. Задачу популяризаціи составляетъ облечь сухія теоретическія положенія въ наглядныя формы, подѣйствовать на воображеніе читателя, внушить послѣднему должную идею. А что работа въ такомъ направленіи производилась дѣйствительно, обнаруживаютъ самыя сказанія. «Мученичество Матоея» проводитъ напр. мысль о гностическомъ вегетаріанизмѣ слѣдующимъ образомъ. Іисусъ, убѣждая Матѳея проповѣдывать антропофагамъ, обѣщаетъ ему: «когда жезлъ, данный Апостолу, выростетъ и станетъ большимъ плодоноснымъ деревомъ, когда отъ вѣтвей его истечетъ медъ, а отъ корней забьетъ ключъ; когда антропофаги станутъ купаться въ источникѣ отъ ключа и пить напитокъ, приготовляемый изъ плодовъ дерева и меда;—тогда тѣла ихъ измѣнятся, вернутся имъ человѣческія чувства, они увидятъ свою наготу, станутъ употреблять одежду, примѣнятъ огонь при жертвоприношеніяхъ, начнутъ печь хлѣбъ, познаютъ Іисуса и Небеснаго Отца». Очевидно, пищу культурнаго человѣка, по этому изображенію составляютъ вода, медъ и хлѣбъ; антропофаги, питающіеся исключительно мясомъ, принимая христіанство, совершенно забываютъ объ употребленіи мяса; естественный выводъ отсюда, что мясо не должно быть употребляемо христіанами въ пищу. Въ Сирійскомъ сказаніи о проповѣди мучениковъ Андрея и Матоея читаемъ: «и сказалъ имъ (плѣнникамъ, которые съ Апостоломъ Матѳеемъ сидѣли въ темницѣ) Андрей: отправляйтесь теперь въ нижнюю часть города. На пути вы найдете смоковницу, сядьте подъ ней и питайтесь ея плодами, пока я къ вамъ не приду. И если я даже замедлю, тамъ найдется пищи для васъ гораздо больше, чѣмъ вамъ надо». Мораль сего повелѣнія очевидна: если пищей некрещеныхъ должна быть пища растительная, то тѣмъ болѣе не можетъ быть пищей истинныхъ христіанъ мясо

О суровости поста, который рекомендуется апокрифами, можно судить только относительно, исходя изъ тѣхъ данныхъ, какія имѣются на лицо. Апостолъ Матѳей, брошенный въ темницу, долженъ по необходимости питаться травою, которую антропофаги предлагали въ пищу всѣмъ своимъ плѣнникамъ, терявшимъ человѣческій смыслъ. Такъ какъ на Матѳея волшебный напитокъ не дѣйствуетъ и травоядным звѣремъ онъ себя не считаетъ, то очевидно и травой не питается, слѣдовательно, остается безъ пищи всѣ 27 дней, (а по эѳіопской редакціи сказанія и болѣе), до прибытія Апостола Андрея. О томъ, чѣмъ питался Апостолъ Андрей, когда проповѣдывалъ антропофагамъ, сказанія не упоминаютъ; остается предполагать, что онъ безусловно все время постился. По сказанію о проповѣди «въ городѣ варварскомъ», Апостолы кромѣ хлѣба ничего не вкушали. Наконецъ, «мученичество Матѳея» мысль объ апостольской пищѣ совершенно игнорируетъ.

Закончимъ этотъ вопросъ о гностическомъ элементѣ въ греческихъ апокрифахъ замѣчаніемъ Липсіуса (Die Apokryphen Apostelgeschichten Bd. 1, s. 9). «Особый интересъ возбуждаютъ,—говоритъ онъ,—встрѣчающіеся въ разныхъ актахъ, между прочимъ и въ актахъ Петра—Андрея, Андрея—Матѳея, остатки гностическихъ молитвъ. Внимательное изученіе этихъ просительныхъ, благодарственныхъ и хвалебныхъ молитвословій, наводитъ на мысль, что не всѣ апокрифы возникали въ однихъ и тѣхъ-же гностическихъ кругахъ. Большая часть ихъ обязана своимъ существованіемъ сирійскому, главнымъ образомъ малоазійскому народному гносису; въ иныхъ сквозятъ маркіонитскія воззрѣнія, въ другихъ можно отличить вліяніе вардезанскаго ученія; есть и такіе, гдѣ по всѣмъ даннымъ первая, конечно, еретическая редакція молитвъ подверглась православной переработкѣ».

Ясно, что разногласіе о духѣ греческихъ апокрифовъ можетъ касаться только существенно неважныхъ подробностей; общее-же сужденіе о характерѣ и значеніи ихъ стоитъ прочно: эти сказанія возникли въ разнообразныхъ еретическихъ кругахъ, излагаютъ ученіе и съ догматической и съ моральной сторонъ гностическое, манихейско-докетическое; первоначальною цѣлью образованія ихъ было популяризовать гносисъ, ввести его идеи въ сознаніе народа, убѣ-

дить массу въ превосходствѣ гносиса надъ ученіемъ христіанской церкви. Открытымъ вопросомъ при сопоставленіи содержанія апокрифическихъ греческихъ сказаній съ научнымъ представленіемъ о гностицизмѣ остается, слѣдовательно, одинъ: къ какому вѣку отнести начало подобной популяризаціи. Конечно, она могла имѣть мѣсто въ пору разцвѣта гностическихъ системъ—во II вѣкѣ; но могла она начаться и значительно позже—напр. въ IV вѣкѣ, такъ какъ гностическія системы (напр. маркіонитство) въ это время составляли еще нѣкоторую силу и на востокѣ и на западѣ; могла, наконецъ, въ подобной популяризаціи быть сознана нужда и въ періодъ полнаго упадка гносиса, въ V—VI вѣкахъ, когда для оживленія его у представителей и поборниковъ гностицизма вполнѣ естественно являлась мысль распространить въ народѣ основныя гностическія идеи и правила, воспользовавшись «апостольскими хожденіями». Выводъ изъ сказаннаго понятенъ: всякое сужденіе о времени образованія греческихъ апокрифовъ, основанное на изученіи только преобладающей въ нихъ тенденціи, спорно, не исключаетъ возможность другаго, болѣе вѣроятнаго сужденія о томъ-же предметѣ. Съ научной точки зрѣнія не исчезаетъ, а лишь ограничивается до извѣстнаго minimum'а эта спорность даже и въ томъ случаѣ, когда въ опредѣленіе времени образованія греческихъ апокрифовъ вводится такой вѣскій ингредіентъ, какъ отзывы о нихъ отцовъ церкви восточной и западной.

«Различныя еретическія партіи,—говоритъ Липсіусъ (l. c. t. 1, s. 47), — особенно гностическія секты пользовались цѣлой серіей апокрифовъ, къ числу которыхъ принадлежали и πράξεις или περίοδοι Андрея — Петра, Андрея — Матѳея. Эти πράξεις и περίοδοι встрѣчаются по отзывамъ церковныхъ писателей въ употребленіи еретиковъ съ очень ранняго времени. Еретики вездѣ ихъ ставятъ или рядомъ съ каноническими книгами, или на мѣсто послѣднихъ и усвояютъ имъ тотъ непремѣнный авторитетъ, какой издревле церковь усвояла книгамъ Св. Писанія». Первый въ такомъ духѣ историческій отзывъ о греческихъ апокрифахъ принадлежитъ Евсевію. Въ третьей книгѣ (гл. 25, ed. Cantabrigiae, a. 1720, p. 118—120) своей Церковной Исторіи, Евсевій, различая писанія «ὁμολογούμενα», «ἀντιλεγόμενα» и «νόθα», настаиваетъ сверхъ того на суще-

ствованіи четвертаго класса произведеній,—«τὰς ὀνόματι τῶν ἀποστόλων πρὸς τῶν αἱρετικῶν προφερομένας», каковы «евангеліе Матѳея», «дѣянія Андрея и другихъ апостоловъ» (Ἀνδρέου καὶ. . . τῶν ἄλλων ἀποστόλων πράξεις) и утверждаетъ, что ни одинъ церковный писатель никогда не пользовался ими въ значеніи источника, такъ какъ эти πράξεις a) по языку своему рѣзко отличаются отъ подлинныхъ апостольскихъ дѣяній, b) проводятъ тенденціи еретическія, c) излагаютъ ученіе нелѣпое и нечестивое (ἄτοπα καὶ δυσσεβῆ). Подобнымъ образомъ Епифаній (Haer. 47, 1; 61, 1; 63, 2) сообщаетъ, что «такъ называемыя дѣянія», или «апокрифы» (αἱ λεγομέναι πράξεις, ἀπόκρυφα) были въ употребленіи у Енкратистовъ, Апотактиковъ или Апостоликовъ, Оригеніанъ, вообще у сторонниковъ дуалистическихъ аскетическихъ воззрѣній. По его сужденію сравнительно съ «παράδοσεις» т. е. съ церковными преданіями, дѣянія эти (Андрея, Іоанна, Ѳомы) не имѣютъ никакого значенія и авторитета (Haer. 51, 6; 45, 4). Филастръ Брешіанскій, писавшій около 380 года (Haer. 88), признаетъ, что «scripturae absconditae, id est apocrypha . . . non ab omnibus legi debent, quia non intelligentes multa addiderunt, quae voluerunt, haeretici. Nam Manichaei apocrypha beati Andreae Apostoli, id est actus, quos fecit veniens de Ponto in Graeciam, quos conscripserunt tunc discipuli sequentes Apostolorum. Unde et habent Manichaei et alii tates Andreae beati et Ioannis actus evangelistae beati et Petri similiter apostoli et Pauli pariter apostoli. In quibus quia signa fecerunt magna et prodigia ut pecudes et canes et bestiae loquerentur, etiam et animas hominum tates velut canum et pecudum similes imputaverunt esse haeretici perditi». Даже безъ интерполяціи, къ какой прибѣгаетъ Линсіусъ (l. c. t. I, s. 52—53), чтобы освѣтить странный, какъ-бы недосказанный смыслъ этихъ реченій, легко понять, что Филастръ различаетъ двѣ редакціи апокрифовъ: редакцію церковную — «actus (Apostolorum), quos conscripserunt tunc (т. е. когда Апостолъ шествовалъ) discipuli sequentes Apostolorum» и редакцію еретическую, принадлежавшую манихеямъ и подобнымъ имъ еретикамъ. Первая редакція по Филастру подлинная,—во второй данъ широкій просторъ всякимъ искаженіямъ, извращеніямъ, добавкамъ, вымысламъ и нелѣпостямъ. Первая редакція начальная,—вторая позднѣйшая, производная. Первая, судя по ходу рѣчи Филастра,

имѣла мѣсто въ христіанскихъ общинахъ и Филастръ намекаетъ, что «morum causa» церковныя сказанія должны быть читаемы твердыми въ вѣрѣ—«perfectis». Еретическая редакція, напротивъ, допускается какъ уступка: «non ab omnibus legi debent (sed a perfectis)». Августинъ (387—430 г.) неоднократно[1]) говоритъ о широкомъ распространеніи апокрифическихъ писаній среди манихеевъ и маркіонитовъ, о томъ уваженіи, какимъ они пользовались въ еретическихъ кругахъ [«vobis scripturae apocryphae tanto graviores sunt, quanto a catholico canone secluduntur» . . . . «Illae scripturae (apocryphae) a Manichaeis tamquam verae et sincerae acceptantur. . . . Ipsi (Manichaei) dicunt scripturas apocryphas incorruptissimas . . . verissimasque esse»]; объ отношеніи ихъ къ церковному преданію («historia», «ecclesiastica historia», «literae patrum»), объ ихъ авторѣ, наконецъ о времени первоначальнаго образованія. Въ трактатѣ: «Contra Faustum XXII, (ed. ead. t. VIII, col. 290) читаемъ: «legunt scripturas apocryphas Manichaei a nescio quibus sotoribus fabularum sub apostolorum nomine scriptas, quae suorum scriptorum temporibus in auctoritatem sanctae ecclesiae recipi mererentur, si sancti et docti homines, qui tunc. . . erant et examinare talia poterant, eos vera locutos esse cognoscerent». Т. е. по разсказамъ Манихеевъ апокрифы ведутъ начало отъ апостоловъ, авторитетъ ихъ опирается на авторитетъ Св. церкви и если-бы святые и ученые мужи, жившіе въ вѣкъ ихъ составленія возстали, то подтвердили-бы истинность ихъ содержанія. По сужденію Св. отца, напротивъ, эти сказанія писаны какими то кропателями басенъ (sutoribus fabularum), слѣдовательно, не только апостольскій или каноническій авторитетъ ихъ споренъ, но и содержаніе ихъ подложно, фактъ-же, что манихеи пользуются ими изъ вторыхъ рукъ, наводитъ на мысль, что если эти сказанія по времени образованія и относятся къ порѣ древняго гностицизма, то въ этомъ обстоятельствѣ implicite содержится самый вѣскій аргументъ противъ ихъ апостольскаго происхожденія

[1]) Opera ed. Antverp. 1700 t. VIII, col. 347: de actis cum Felice Manichaeo II, 6; ibid t. VIII, col. 291: contra Faustum XXII, 79; ibid. t. VIII, col. 99; advers. Adimantum Manich. c. 17; ibid. t. III p. II. col. 139: De sermoni Domini in monte 1, 20, 65; ibid. t. VIII col. 404: Contra adversarios legis et prophet. I, 20.

и правдоподобія. Несомнѣнно и Еводій, современникъ Августина, называющій по имени автора греческихъ апокрифическихъ «дѣяній», (De fide contra Manichaeos cap. 38 in Augustini Opp. t. VIII, append. col. 31 ed. ead.: «in actibus Leucii, quae sub nomine Apostolorum scribit») и составитель трактата «De vera et falsa poenitentia» (August. Opp. t. VI, ap. col. 716), приводящій выдержку (cap. 32) изъ апокрифовъ объ Апостолѣ Андреѣ, имѣютъ въ виду ту-же полемическую цѣль—указать, какая вообще антихристіанская проповѣдь влагается еретиками въ уста Апостоловъ и въ частности (у анонимнаго автора «de vera et falsa poenitentia»), что въ изображеніяхъ еретиковъ Апостолы ничѣмъ не отличаются отъ заурядныхъ гностиковъ-пневматиковъ.

По суду папы Иннокентія I (402—417 г.) (Epist. ad. Exuperium VI, 13 ed. Constant. I, 796) апокрифы, «sub nomine Petri et Johannis, quae a quodam Leucio scripta sunt, vel sub nomine Andreae, quae a Nexocharide et Leonida philosophis (scripta sunt), . . . non solum repudianda, verum etiam damnanda» . . . «Отвергать и осуждать», даже «силой отбирать и сожигать» апокрифы предписываетъ западнымъ епископамъ и папа Левъ I (440—461), мотивируя такія крайнія мѣры тѣмъ, что эти еретическія басни «habent multarum falsitatum seminarium . . . vacuae sunt venenis et per fabularum illecebras hoc latenter operantur, ut mirabilium narratione seductos laqueis cujuscunque erroris involvant» (Ep. 15 ad Turibium. Opp. ed. Ballerin. I, 706). Турибій Асторгійскій въ письмѣ къ епископамъ Ціпонію и Идацію понимаетъ этотъ циркуляръ Льва I такимъ образомъ: «Несомнѣнно, все достойное удивленія, а равно и добродѣтели святыхъ апостоловъ, какъ онѣ описаны въ апокрифахъ, или были, или могли быть», слѣдовательно, это такая сторона въ содержаніи апокрифовъ, которая и не опасна и даже не безполезна; —напротивъ «пренія и разсужденія содержатъ вредныя понятія» (constat, disputationes assertionesque sensuum malignorum esse insertas), въ нихъ то именно и таится все «зло, всѣ тѣ безчисленныя богохульства, какія замѣняютъ нашимъ доморощеннымъ еретикамъ содержаніе св. Евангелій». По мнѣнію Турибія, книги апокрифическія особенно дѣянія Андрея «или составлены или искажены» (vel compositos, vel infectos esse, manifestum est) основателями секты со-

временныхъ ему Прискилліанъ, учениками Манеса, самимъ Манесомъ и святотатцемъ Леуціемъ (Люціемъ), котораго Турибій по всему считаетъ тоже манихеемъ или прискилліанистомъ. (Op. Leon. M. ed. Baller. I, 711 sq.). Наконецъ, въ духѣ папъ предшественниковъ относится къ апокрифамъ и декретъ Геласія I (492—496 г.), который въ число книгъ отреченныхъ включаетъ «дѣянія Андрея, Петра, Филиппа» и всѣ вообще апокрифы, составленные Леуціемъ, ученикомъ дьявола», (quos fecit Leucius discipulus diaboli).

Изъ отцовъ восточной церкви, отзывающихся объ апокрифахъ, укажемъ прежде всего на ближайшаго по времени къ Епифанію, Амфилохія Иконійскаго (присутств. на вс. соб. 381 г.) — автора утраченнаго сочиненія «περὶ τῶν ψευδεπιγράφων τῶν παρὰ αἱρετικοῖς». Сочиненіе это было читано на VII вселенскомъ соборѣ и по сохранившимся въ дѣяніяхъ собора выдержкамъ видно, что крайнее ототрицательное сужденіе объ апокрифическихъ «хожденіяхъ» было высказано на востокѣ ранѣе, чѣмъ на западѣ. «Δίκαιον δὲ ἡγήσασθε πάσαν αὐτῶν,—говоритъ Амфилохій,—γυμνῶσαι τὴν ἀσέβιαν καὶ δημοσιεῦσαι αὐτῶν τὴν πλάνην, ἐπειδὴ καὶ βιβλία τινὰ προβάλλονται ἐπιγραφὰς ἔχοντα τῶν ἀποστόλων, δι' ὧν ἁπλουστέρους ἐξαπατῶσιν . . . τὰ βιβλία ταῦτα . . . οὐχὶ τῶν ἀποστόλων πράξεις, ἀλλὰ δαιμόνων συγγράμματα» [1]).

Что рѣчь идетъ именно о «хожденіяхъ», приписываемыхъ Леуцію, показываетъ приводимый далѣе фрагментъ изъ актовъ Апостола Іоанна; что соборъ вполнѣ согласился съ характеристикой апокрифовъ, данной Амфилохіемъ, видно изъ постановленія «да не дерзнетъ кто-либо списывать сію нечестивую (μιαρὸν) книгу» (фрагменты изъ актовъ Іоанна). Отъ средины V вѣка сохранилась замѣтка Θеодорита (Αἱρετικῆς κακομυθίας ἐπιτομὴ. Migne Gr. ser. t. 83; III, 4) о четыредесятникахъ, что «они пользуются и подложными дѣяніями апостоловъ и иными поддѣлками, . . . которыя именуютъ апокрифами». Тимоѳей, пресвитеръ константинопольскій (Fabricius. Cod. apocryph. t. I. p. 138) въ письмѣ о приходящихъ ко св. церкви (Περὶ τῶν προσερχομένων τῇ ἁγ. ἐκκλησίᾳ ed. Meurs. p. 117), перечисливъ апокрифы, бывшіе въ употребленіи у манихеевъ, гностиковъ, николаитовъ и валентиніанъ между прочимъ и «πράξεις» Ан.

[1]) Р. пер. Дѣянія вселен. соборовъ т. VII, Казань 1873, стр. 398—399.

Андрея, прибавляетъ: «Берегитесь, не принимайте книгъ, кои у нечестивыхъ закрѣплены (утверждены) надписаніемъ имени нашего,... ибо мы знаемъ, что Симонъ и Клеобій составили книги ядомъ напоенныя» («scimus, quippe Simonem et Cleobium venenatos libros composuisse»). Обработавшій въ концѣ VII в. (680 г.) сказаніе объ успеніи Богоматери, Іоаннъ архіепископъ Солунскій (Bonnet in Hilgenfeld's Zeitschrift 1880, s. 239 etc.) выразительно указываетъ, что поводъ ему дали, нерѣдко встрѣчающіяся у современниковъ и предшественниковъ его, переработки въ православномъ духѣ древнихъ апокрифическихъ, еретическихъ сказаній о хожденіяхъ апостоловъ: «Οὕτω γὰρ εὑρήκαμεν χρησαμένους καὶ τοὺς ἔναγχος ἡμᾶς προηγησαμένους καὶ τοὺς πολλῷ πρὸ αὐτῶν ἁγίους πατέρας, τοὺς μὲν περὶ τὰς καλουμένας ἰδικὰς περόδους τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ. . . . Ἀνδρέου» . . . По Синопсису псевдо-Аѳанасія (Montfaucon. Opp. Athanasii II, 202), такія передѣлки старинныхъ текстовъ производили, тщательно выдѣляя «самое истинное и богодухновенное» (ἀληθέστερα καὶ θεόπνευστα) и устраняя «все привнесенное, ложное, достойное презрѣнія, словомъ все, что свойственно апокрифу, а не истинному познанію» (παραγεγραμμένα . . . καὶ νόθα καὶ ἀπόβλητα . . . ἀποκρυφῆς μᾶλλον ἢ ἀναγνώσεως ὡς ἀληθῶς ἄξια). Критеріемъ при разграниченіи матерьяла служили, конечно, съ одной стороны прежніе отзывы церкви объ апокрифахъ, съ другой современное пользованіе ими разныхъ еретическихъ партій и сектъ. Такъ, Никифоръ Константинопольскій (806—815 г.) говоритъ, что апокрифы (по его стихометріи это—«хожденія Петра, Іоанна и Ѳомы»; Credner. Zur Geschich. des Kanons s. 122), бывшіе прежде въ употребленіи у проклятыхъ докетовъ (ἐξαγίστων Δοκητῶν), въ его время нашли почетное мѣсто у нечестивыхъ и вѣрящихъ всякимъ сказкамъ (ἀνοσίους καὶ μυθώδεις) иконоборцевъ. Для Никифора Каллиста (H. E. II, 34, 46), какъ и для Евсевія Памфила «ψευδώνυμος γνῶσις» т. е. апокрифическія сказанія объ апостолахъ—представляютъ произведенія безбожниковъ; ни одинъ церковный писатель никогда ими не пользовался, отъ подлинныхъ апостольскихъ писаній они отличаются не только содержаніемъ—излагаютъ ученіе нехристіанское, но и терминологіей; нѣтъ у нихъ точекъ соприкосновенія съ «церковными исторіями». Выводъ отсюда дѣлается крайній, но не единственный въ своемъ родѣ: долгъ вся-

каго православно-мыслящаго человѣка уничтожать и истреблять эти апокрифы, (хожденія Петра, Андрея и проч.), такъ какъ они—лживыя, нелѣпыя и во всѣхъ отношеніяхъ вредныя книги.

Точно также Фотій патріархъ (857—886) въ своей Библіотекѣ (cod. 114 ed. Bekker p. 90) называетъ «αἱ λεγόμεναι τῶν ἀποστόλων περίοδοι» образцомъ глупостей и противорѣчій. «Вся книга и по формѣ, и по содержанію,—говоритъ онъ,—представляетъ сводъ безконечныхъ ребячествъ, невѣроятностей, нечестивыхъ и безбожныхъ мыслей. Если-бы кто вздумалъ назвать ее источникомъ и матерью всякой ереси, то онъ ни на іоту-бы не ошибся» (ἡ βίβλος μυρία παιδαριώδη καὶ ἀπίθανα καὶ ἀσεβῆ καὶ ἄθεα περιέχει· ἣν εἰπών τις πάσης αἱρέσεως πηγὴν καὶ μητέρα, οὐκ ἂν ἀποσφαλείη τοῦ εἰκότος). По cod. 179 (ed. ead. p. 125), въ этой книгѣ излагаются дѣянія Петра, Іоанна, Ѳомы, особенно Андрея и другихъ апостоловъ; всѣ они въ древнее время имѣли широкое распространеніе среди манихеевъ, изъ которыхъ напр. Аганій высоко цѣнилъ хожденія Андрея. Авторъ цѣлаго сборника и въ частности отдѣла «οἱ περίοδοι Ἀνδρέου» по Фотію, какъ и по указанію предшествовавшихъ ему церковныхъ писателей—Леуцій Харина.

Всѣ приведенныя свидѣтельства древности объ апокрифахъ распадаются по своему содержанію на три группы: a) свидѣтельства, имѣющія въ виду вообще еретическій характеръ апокрифовъ [1]); b) свидѣтельства, указывающія, какія именно еретическія секты пользовались апокрифами [2]) и c) свидѣтельства о переработкѣ древнихъ еретическихъ апокрифовъ въ православномъ духѣ [3]). Свидѣтельства первой группы не имѣютъ никакого значенія при опредѣленіи времени первоначальнаго образованія греческихъ апокрифовъ. Единственный выводъ на основаніи ихъ можетъ быть сдѣланъ тотъ, что церковь восточная и западная признавала сказанія, надписанныя «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων», еретическими уже въ началѣ IV вѣка. О какомъ нибудь «авторитетѣ» этихъ твореній въ церковныхъ кру-

[1]) Евсевія Памфила, Иннокентія 1, Льва 1, Геласія, Амфилохія Иконійскаго и Никифора Каллиста.

[2]) Епифанія, Филастра, Августина, Еводія, Турибія, Ѳеодорита, Тимоѳея Константинопольскаго, Никифора Каллиста и Фотія.

[3]) Турибія, Іоанна Солунскаго и псевдо-Аѳанасіева Синопсиса.

гахъ, о какой-нибудь постановкѣ ихъ вслѣдъ за каноническими, или неканоническими писаніями издревле не могло быть и рѣчи. Напротивъ, западъ гораздо ранѣе Иннокентія I, а востокъ задолго до втораго Никейскаго собора (787 г.) одинаково рѣшительно высказались противъ нихъ, высказались въ самомъ общемъ духѣ, имѣя въ виду прошлое и будущее, распространяя свое veto столько же на греческія, сколько и на латинскія редакціи апокрифовъ.

Свидѣтельства второй группы мы признаемъ самыми цѣнными для опредѣленія времени первоначальнаго образованія апокрифическихъ «хожденій». Эти свидѣтельства называютъ разныя еретическія секты, пользовавшіяся апокрифическими «хожденіями». Выяснивъ древнюю сектантскую исторію изъ источниковъ болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ данныя апокрифовъ и установивъ, по возможности точно, хронологію древнихъ ересей, получаемъ вполнѣ достаточное основаніе, чтобы судить насколько древни-еретическія редакціи «апостольскихъ хожденій». Съ другой стороны, нѣкоторыя изъ этихъ свидѣтельствъ очень выразительно отмѣчаютъ специфическій характеръ современныхъ имъ апокрифовъ. Сопоставленіе такихъ свидѣтельствъ съ дошедшими до насъ «хожденіями» можетъ привести къ предположенію, что въ настоящее время подъ извѣстными именами сохраняются у насъ апокрифы тѣ-же, какіе подъ тѣми-же именами находились въ обращеніи у древнихъ сектантовъ, что они дошли до насъ въ томъ-же, или почти въ томъ же видѣ, въ какомъ существовали у еретиковъ; что при извѣстныхъ объясненіяхъ считаемое въ этихъ «хожденіяхъ» за сектантское и на самомъ дѣлѣ должно быть признано несомнѣнно сектантскимъ.

Первая и, такъ сказать, излюбленная ересь, которую отмѣчаютъ свидѣтельства объ апокрифическихъ «хожденіяхъ» — манихейство. Филастръ, Августинъ, Еводій, Турибій Асторгійскій, пресвитеръ Тимоѳей, патріархъ Фотій,—всѣ сходятся въ томъ, что «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων» имѣли широкое примѣненіе въ манихейскихъ кругахъ. Съ исторической точки зрѣнія такая солидарность объясняется легко. Манихейская секта образовалась, судя по актамъ, приписываемымъ Архелаю епископу Касхарскому [1]), во второй половинѣ III

[1]) Acta disputationis S. Archelai Cascharorum in Mesopotamia episcopi cum Manete. Migne. Patrol. graec. t. X. p. 1405—1528.

вѣка. Въ римской имперіи она распространилась и сдѣлалась извѣстною въ IV и V вѣкахъ. На основаніи актовъ Архелая писали о манихействѣ Кириллъ Іерусалимскій, Епифаній Кипрскій, блаженный Іеронимъ, Сократъ [1]). Евсевій, опирающійся въ своей Исторіи на извѣстія древнихъ, отзывается о манихействѣ неопредѣленно, очевидно, потому, что къ его времени оно не получило еще широкой извѣстности [2]). Послѣ Евсевія писали противъ манихейской ереси Ефремъ Сиринъ [3]), Александръ Ликопольскій, Титъ Бострійскій, Дидимъ Александрійскій [4]). Вообще, писать противъ манихейства въ IV и V вѣкахъ была такая-же почти настоятельная необходимость, какъ во II вѣкѣ полемизировать съ маркіонитами. Неудивительно, такимъ образомъ, что Филастръ, Августинъ, Еводій и др. въ своихъ сочиненіяхъ противъ манихеевъ сходятся и въ сужденіи относительно употребленія ими апокрифическихъ «хожденій». Во второй половинѣ V вѣка, когда эта ересь, впервые явившаяся на востокѣ, признавалась западомъ «доморощеною», Турибій Асторгійскій колебался уже признать-ли «апостольскія хожденія» «составленными» руками манихеевъ, или только «искаженными». Колебаніе естественное, если допустить, что къ этому времени, существовали разнообразныя редакціи «хожденій», въ которыхъ съ трудомъ можно было разобраться, а точныхъ свѣденій о болѣе раннемъ употребленіи ихъ Турибій не имѣлъ. Но для Филастра и Августина такая давность внѣ сомнѣнія. Первый наряду съ манихеями ставитъ другихъ такихъ-же еретиковъ (et alii tales), которые пользовались апокрифами, второй говоритъ, что манихеи приняли «хожденія» отъ маркіонитовъ.

Маркіонъ—современникъ Іустина философа и Поликарпа [5]). Секта, основанная имъ, имѣла значительное вліяніе и въ Римѣ

---

[1]) Migne. Patrol. t. X. p. 1421—1426. Veterum testimonia de s. Archelai disputatione.

[2]) Historia ecclesiastica. Ed. Cantabrigiae MDCCXX lib. VII, c. 31 p. 365.

[3]) Творенія Ефрема Сирина. Русск. переводъ. Изд. М. Д. Ак. ч. 1—8, 1848—1854.

[4]) Migne. Patrol. t. XVIII. Ἀλεξάνδρου Λυκοπόλεως επ. πρὸς τὰς Μανιχαίων δόξας. 412—449. Τίτου Βόστρων.—Λόγοι κατὰ Μανιχαίων 1069—1257. t. XXXIX Δοδύμου Ἀλεξανδρέως κατὰ Μανιχαίων. 1085—1109.

[5]) Ср. сочиненія Св. Іустина р. п. М. 1864, Аполог. 1, 26, стр. 64. Сочиненія Св. Иринея р. п. М. 1871, стр. 280. Противъ ересей кн. III, гл. 4, 3. Eusebii P. H. E. Ed. Cantabrigiae, p. 154—156, lib. IV, cap. XI.

и вообще на западѣ еще во II вѣкѣ. Ученіе его распространилось быстро по Малой Азіи, Сиріи, Арменіи, въ Карѳагенѣ, такъ что почти всякій изъ учителей церкви послѣднихъ десятилѣтій II в. и первыхъ III-го считалъ своимъ долгомъ опровергать Маркіона. Какъ секту, имѣющую наиболѣе сильное вліяніе на современниковъ, разсматриваетъ маркіонитство Иринеи [1]). Противъ Маркіона писали въ сороковыхъ годахъ II столѣтія Іустинъ Философъ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Филиппъ Горсинскій, Модестъ, Родонъ [2]); въ III в. Ипполитъ [3]) и Тертулліанъ [4]). Если-бы и было слишкомъ поспѣшно заключить на основаніи этихъ данныхъ, что редакція апокрифическихъ хожденій, принадлежавшая по Августину Маркіонитамъ, явилась въ концѣ II вѣка, то все-таки не невѣроятнымъ остается, что въ III в. она уже была. Въ пользу такого предположенія прежде всего самъ Августинъ [5]), который, отрицая церковное происхожденіе «хожденій», не отвергаетъ, что эти «хожденія» по времени образованія принадлежатъ порѣ древняго маркіонитства. Съ другой стороны, это предположеніе косвенно оправдывается свидѣтельствомъ Епифанія. По Епифанію «αἱ λεγομέναι πράξεις были въ употребленіи у энкратитовъ, апостоликовъ и оригеніанъ. Всѣ три секты описываются во второй книгѣ Панарія, какъ секты послѣ-Иринеевскаго времени. Энкратиты древнѣе прочихъ; ихъ зналъ и противъ нихъ писалъ во II в. Музанъ [6]). Строматы Климента также упоминаютъ объ энкратитахъ, какъ о выдающейся сектѣ II в. [7]). Сообщаетъ нѣкоторыя свѣденія о нихъ и Иринеи [8]). Очевидно и въ III в. историческое существованіе энкратитовъ не кончилось, потому что описывающій ихъ Епифаній пользуется въ Панаріѣ источниками послѣ-Иринеевскаго происхожденія. Объ апостоликахъ (Пан. ер. 61) Епифаній говоритъ настолько неопредѣленно, что трудно выяснить, были-ли по его

[1]) Противъ ересей кн. 1, гл. 27; II, 3 и проч.

[2]) Euseb. IV, 18, 24, 25; V, 13. Hieron. XIII, XXV, XXX, XXXII, XXXVII. Theodor. 1, 24—25.

[3]) Epiphan. Παναρ. Haeres. XLII. Lipsius. D. Quellen Epiphanios s. 197—207.

[4]) Migne. Patrol. lat. t. II p. 239—524. Adversus Marcionem libri quinque.

[5]) Contra Faustum XXII, 79 (ed. Anverp. t. VIII, col. 290).

[6]) Euseb. H. E. ed. cit. lib. IV, 28.

[7]) Migne. Patrolog. gr. t. IX p. 1235—1246.

[8]) Противъ ересей р. п. кн. I, гл. 28, стр. 109.

мнѣнію они сектой самостоятельной, или представляли только отрасль энкратитовъ (ер. 47). Наконецъ, двѣ секты, называемыя въ Панаріѣ оригеніанами или оригенистами (Ὠριγενιάνοι αἱσχροί и Ὠριγενιάνοι τοῦ Αδαμαντίου) и опровергаемыя съ особеннымъ усердіемъ [1]), являются, можетъ быть, главнымъ образомъ вслѣдствіе сильнаго предубѣжденія автора противъ памяти Оригена. Что касается оригенистовъ перваго разряда, то Епифаній самъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы эта противуестественная и гнусная секта, (если она и существовала какъ особая секта), на самомъ дѣлѣ происходила отъ Оригена, или имѣла къ нему отношеніе. Въ оригенистахъ-же втораго рода Епифаній видитъ дѣйствительныхъ почитателей Оригена, скорѣе не секту, а богословскую партію, которая раздѣляла заблужденія своего учителя, между прочимъ неточныя представленія его о Св. Троицѣ. Такъ какъ 60, 61, 63 и 64 главы Панарія, описывающія эти три ереси, входятъ въ составъ книги (II), которая обнимаетъ періодъ времени отъ Ипполита по первое десятилѣтіе IV вѣка, то, очевидно Епифаніемъ взята исторія всѣхъ трехъ сектъ за III столѣтіе, очевидно, и замѣчаніе его объ употребленіи въ этихъ сектахъ, такъ называемыхъ, «дѣяній» надо относить къ III-же вѣку; очевидно, наконецъ,—если имѣть въ виду свидѣтельство Иринея, что энкратиты произошли отъ Сатурнина и Маркіона [2]),—въ этихъ сектантскихъ кругахъ принята была та самая Маркіонова редакція апокрифическихъ «хожденій», на которую указываетъ Августинъ.

Въ «Ἐπιτομή» Θеодорита встрѣчаемъ упоминаніе, что подложными «дѣяніями апостоловъ» («αἱ λεγόμεναι πράξεις» Епифанія) пользовались четыредесятники. Ἐπιτομή, какъ извѣстно, представляетъ опытъ систематизаціи и осмысленнаго изложенія древнѣйшихъ извѣстій объ ересяхъ и лишь по мѣстамъ даетъ новыя свѣденія, добытыя личнымъ наблюденіемъ Θеодорита [3]). Къ числу такихъ отшедшихъ въ область преданія ересей слѣдуетъ отнести и четыредесятниковъ Начало ихъ распространенія принадлежитъ временамъ

[1]) Ранάр. LXIII, LXIV.

[2]) Противъ ересей р. н. стр. 109, кн. I. гл. 28.

[3]) Θеодоритъ даже выражаетъ опасеніе, что его будутъ упрекать за то, что онъ вновь выводитъ изъ тьмы забвенія на свѣтъ ереси, потерявшія значеніе въ исторіи.

Иринея [1]). У Ипполита въ философумена́хъ четыредесятники описываются наряду съ сектами монтанистовъ и поэтіанъ, какъ ересь болѣе или менѣе значительная, остатки которой держались еще въ Римѣ и другихъ мѣстахъ (ср. VIII, 18 и IX кн. философуменовъ). Подробнѣе чѣмъ философумены характеризуютъ четыредесятниковъ Епифанія (ер. L) и псевдо-Тертулліанъ (с. LI). Евсевій и Іеронимъ кромѣ круга пасхальнаго, составленнаго Ипполитомъ, видимо различаютъ два его сочиненія о пасхѣ, — «τὸ περὶ τοῦ πάσχα συγγράμματα» и просто «περὶ τοῦ πάσχα» (см. Bucherii in canon. Paschal. animadversiones. Migne t. X p. 885—902), вызванныя не только практическими нуждами церкви, но и державшимся при Ипполитѣ въ Римѣ расколомъ четыредесятниковъ. Ѳеодоритъ относитъ ихъ къ группѣ еретиковъ, которые отличались отъ православныхъ христіанъ частными мнѣніями, главнымъ образомъ по вопросамъ практическаго свойства. Такими онъ считаетъ николаитовъ, монтанистовъ, новатіанъ, непотіанъ. Представляется возможнымъ изъ всѣхъ этихъ данныхъ сдѣлать не только тотъ прямой выводъ, что Ѳеодоритъ, говоря о четыредесятникахъ, имѣетъ въ виду Ипполитово время (III в.), но и выводъ повидимому менѣе достовѣрный, что апокрифическія «дѣянія» Апостоловъ, употреблявшіяся у четыредесятниковъ, принадлежатъ въ этой своей редакціи не третьему, а второму вѣку. Обратимъ вниманіе на слѣдующее. Четыредесятники, упоминаемые въ Ἐπιτομή также какъ и четыредесятники философуменъ,—секта раскольническаго типа. Оба памятника параллельно этой сектѣ ставятъ монтанистовъ и николаитовъ. Четыредесятникамъ усвояетъ пользованіе апокрифическими «πράξεις» Ѳеодоритъ. О томъ-же говоритъ примѣнительно къ николаитамъ Тимоѳей Константинопольскій. Съ другой стороны, тотъ-же Тимоѳей упоминаетъ объ валентиніанахъ и вообще о гностикахъ, пользовавшихся въ числѣ прочихъ апокрифовъ и «πράξεις» Андрея. Не утверждая пока прямо, что всѣ три писателя имѣютъ въ виду еретиковъ II вѣка, мы ставимъ только вопросъ,—нѣтъ-ли болѣе тѣснаго соотношенія между николаитами, четыредесятниками и валентиніанами, чѣмъ соотношеніе по извѣстному принципу, какое даетъ имъ напр. Ѳеодоритъ? Нельзя-ли так-

[1]) Ириней. Отрывки. Р. и. М. 1871 г. Стр. 693—694.

же, въ виду существованія николаитовъ и валентиніанъ во II в., допустить, что принадлежавшая имъ по Тимоѳею редакція апостольскихъ «хожденій» отличалась отъ редакціи маркіонитовъ и образовалась ранѣе ея, именно во II вѣкѣ?

Вопросъ о жизненномъ соотношеніи николаитовъ и четыредесятниковъ, николаитовъ и валентиніанъ не можетъ быть выясненъ ни на основаніи классификаціи, такъ какъ классификаціи ересей и въ древнее и въ новое время были крайне разнообразны [1]), слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія вся исторія ересей древнѣйшаго періода—апостольскаго и послѣ апостольскаго имѣетъ на самомъ дѣлѣ только предположительный характеръ; ни путемъ сопоставленія различныхъ ересеологическихъ памятниковъ древности, потому что различные памятники очень часто разсматриваютъ одну и ту же секту въ разные моменты ея развитія. Древнія секты не отличались устойчивостью воззрѣній, подвергались разнообразнымъ иногда даже коренным передѣлкамъ; взгляды мѣняли не только послѣдователи, ученики, но даже сами основатели; не рѣдко секты заимствовали одна у другой воззрѣнія прежде чуждыя; изъ двухъ сектъ, повидимому мало имѣющихъ общаго, часто образовывалась третья, представлявшая соединительное звѣно между ними; разныя мелкія отрасли быстро возникали одна за другой и еще быстрѣе переживали свое значеніе [2]).

---

[1]) Напр. въ философуменахъ ересь Іустина въ V кн. ставится прежде ересей Симона мага, Валентина и Василида, а въ X кн. послѣ ихъ.—Ереси докетовъ Монойма и Татіана въ VIII книгѣ поставлены послѣ Маркіонитства и его отраслей, а въ X прежде.—Ересь Гермогена въ VIII кн. прежде четыредесятниковъ, монтанистовъ и ноэтіанъ, а въ X—въ числѣ самыхъ послѣднихъ ересей, между Каллистіанами и Елкезаитами. У Епифанія въ основу общаго обозрѣнія сектъ положенъ искусственный принципъ соотвѣтствія ересей по числу 80—наложницамъ Соломона, о которыхъ говорится въ кн. Пѣснь Пѣсней гл. VI, ст. 8—9; а въ основу дѣленія ересей на частныя группы—время ихъ появленія. Ѳеодоритъ Кирскій классифицируетъ ереси, принимая во вниманіе различіе въ самыхъ основныхъ принципахъ ихъ ученія, преимущественно въ догматахъ о началѣ міра и о воплощеніи. Сочиненіе Филастра «объ ересяхъ» представляетъ смѣсь разнообразныхъ свѣдѣній объ языческихъ религіозныхъ и философскихъ заблужденіяхъ, объ іудейскихъ сектахъ, о христіанскихъ ересяхъ съ разнохарактерными частными мнѣніями, безъ всякаго хронологическаго, топографическаго, систематическаго, или какого-бы то ни было порядка и почти безъ всякихъ указаній на время и мѣсто распространенія этихъ ересей и мнѣній, на источники, изъ которыхъ заимствованы свѣдѣнія о нихъ.

[2]) Напр. объ Апеллесѣ, упоминаемомъ въ философуменахъ, извѣстно, что онъ не отличался устойчивостью своихъ воззрѣній и мѣнялъ ихъ не разъ: сначала былъ послѣдователемъ маркіонитства, потомъ самостоятельно преобразовалъ это ученіе, наконецъ,

При такой неустойчивости, конечно, ускользала изъ вида прежняя историческая связь данной ереси съ ересями ей однородными и историкъ-полемистъ обращалъ главное вниманіе на новыя детали, имѣвшія современный интересъ. Иринеи напр. имѣлъ въ виду состояніе сектъ въ третьей четверти втораго столѣтія, а Ипполитъ зналъ ихъ въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ находились подъ самый конецъ II и въ началѣ III вѣка. Нѣсколько десятилѣтій, очевидно, много значили въ исторіи внутренняго развитія сектъ, такъ какъ Ипполитъ не только сообщаетъ свѣденія о новыхъ сравнительно съ Иринеемъ еретикахъ, но и прежнія секты напр. докетовъ, симоніанъ, валентиніанъ представляетъ въ иномъ свѣтѣ, съ иными чертами, чѣмъ какія находимъ у Иринея [1]). Составляющему представленіе о живой исторической связи древнихъ ересей грозитъ, такимъ образомъ, полная возможность считать однородными ереси разныхъ корней и разныхъ направленій и рѣзко раздѣлять отрасли отъ ихъ дѣйствительнаго корня.

За исходную точку при сужденіи о жизненномъ соотношеніи николаитовъ и валентиніанъ мы беремъ историческія данныя касательно ихъ происхожденія. Обѣ ереси зародились, насколько извѣстно, на востокѣ [2]); на востокѣ, слѣдовательно, находились корни, изъ которыхъ эти ученія выростали; тамъ были и условія, подъ вліяніемъ которыхъ они слагались. На западъ эти ученія проникли уже потомъ, во второй стадіи своего развитія и здѣсь, весьма вѣроятно, подъ воздѣйствіемъ иныхъ условій среды и духа измѣнили свой первоначальный характеръ. Такъ представляется дѣло у Иринея, который впервые поставилъ валентиніанъ въ генетическую связь съ еретиками, имъ предшествовавшими и сдѣлалъ попытку возвести ихъ системы къ родоначальной,—ученію Симона Волхва

сблизившись съ Монтанистами и Валентиніанами, значительно поддался ихъ вліянію. Точно также по философуменамъ видоизмѣнилось и ученіе Маркіона (VII кн. гл. 29—31 и X кн. гл. 19).

[1]) Ивановъ-Платоновъ. Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. М. 1877, стр. 225, 191 прим. 43.

[2]) Валентинъ родомъ египтянинъ около 140 года прибылъ изъ Александріи въ Римъ и здѣсь, или на островѣ Кипрѣ, скончался (Иринеи.—Пять книгъ противъ ересей. Р. п. стр. 4, прим. 5). О николаитахъ въ церквахъ Ефесской, Пергамской и Ѳіатирской,—Апокалипсисъ гл. 2, ст. 1, 2, 6, 12, 14, 15, 18, 20.

(Прот. ерес. кн. I, гл. 24—31). Характеристика валентиніанъ и николаитовъ, данная при этомъ Иринеемъ, такова, что указываетъ на дѣйствительную коренную связь однихъ еретиковъ съ другими. «Совершеннѣйшіе изъ валентиніанъ,—говоритъ Ириней,—безъ разбора ѣдятъ идоложертвенныя яства .... а другіе до пресыщенія предаются плотскимъ наслажденіямъ, говоря, что воздаютъ плотское плотскому ... и дѣлаютъ много иного мерзкаго и безбожнаго». (Прот. ер. кн. I, гл. VI, 3, 4). «Николаиты.... живутъ развратно. Свойства ихъ вполнѣ обозначены въ апокалипсисѣ Іоанна, гдѣ сказано, что они учатъ, что ничего нѣтъ законопреступнаго въ нецѣломудріи и въ яденіи идоложертвеннаго» (ib кн. I, гл. 27). «Источникъ, отъ котораго произошли всѣ ереси (слѣд. и николаитство съ валентиніанствомъ),— Симонъ Самарянинъ, образовавшій свою секту», послѣдователи которой учили, что они «какъ свободные дѣлаютъ, что хотятъ, что этотъ міръ разрушится и они освободятся отъ власти сотворившихъ міръ» ... «Мистическіе жрецы этой секты живутъ сладострастно и занимаются дѣлами волхвованія, какъ каждый изъ нихъ можетъ. Они употребляютъ заклинанія и заговоры. Любятъ прибѣгать къ средствамъ, возбуждающимъ любовь и влеченіе, къ, такъ называемымъ, духамъ домашнимъ и наводящимъ сонъ и къ другимъ забавнымъ продѣлкамъ». (Ibid. кн. I, гл. 24).

Очевидно, николаиты, которыхъ Ириней зналъ и лично, [до 160 г., около котораго онъ по словамъ Григорія Турскаго (Histor. Franc. I, 29) былъ посланъ св. Поликарпомъ въ Галлію], и по историческимъ памятникамъ, воспроизведены имъ въ первой фазѣ развитія. Можно даже допустить, что въ третьей четверти II столѣтія эта фаза не измѣнилась, такъ какъ иначе или Ириней дополнилъ-бы свое описаніе, или Иринея дополнилъ-бы Ипполитъ [1]). Но и валентиніанъ, которые явились гораздо позже чѣмъ николаиты и были Иринею также лично (кн. I, предисл. 2) извѣстны, VI гл. I кн. описываетъ тоже въ первой фазѣ ихъ развитія. Судя по тому, что эта фаза являетъ полное совпаденіе морали валентиніанъ съ моралью николаитовъ и симоніанъ, которые николаитамъ современны

---

[1]) Φιλοσοφούμενα, ἢ κατὰ πασῶν αἱρεσέων ἔλεγχος. Migne. Patrol. gr. t. XVI, 3008—3454; VIII, 19 описываетъ николаитовъ чертами апокалипсиса.

и на взглядъ Иринея однородны, валентиніане заимствовали отъ николаитовъ основные принципы этики, подобно тому какъ нѣкоторыя теогоническія и космогоническія понятія симоніанъ могли быть приняты ими во вниманіе при выработкѣ собственной теогонической —космогонической системы. Таково на основаніи Иринея отношеніе этихъ двухъ сектъ въ первой фазѣ ихъ развитія.

Въ 70—80 г. II вѣка валентиніанство оказывается системой значительно развитой, имѣетъ свою теогонію и космогонію, свою мораль, разбивается на нѣсколько школъ. Епифаній въ Панаріѣ отзывается съ большой похвалой объ опроверженіи Ипполита на валентиніанъ (ересь XXXI, гл. 33). Хотя спеціальныя сочиненія Ипполита противъ валентиніанъ неизвѣстны [1]), однако, въ Философуменахъ встрѣчаемъ подробное обличеніе валентиніанства (VI кн.), нѣкоторыя особенности при описаніи его сравнительно съ описаніемъ Иринея, извѣстіе объ ученіи Вардесана, сложившемся первоначально подъ вліяніемъ валентиніанъ (кн. VI, 35) и наконецъ, свѣденія, что валентинова школа раздѣлилась послѣ основателя на двѣ отрасли —восточную и италійскую, причемъ каждая развивала основные принципы по своему. Одновременно съ Ипполитомъ, Тертулліанъ въ сочиненіи «Adversus Valentinianos» [2]) приводитъ нѣсколько новыхъ извѣстій, (напр. о Теотимѣ и Аксіоникѣ —представителяхъ современнаго валентиніанства), подтверждающихъ развѣтленіе секты на различныя отрасли. Позднѣе Тертулліана, Климентъ Александрійскій въ Строматахъ [3]), и Оригенъ [4]) по живымъ александрійскимъ преданіямъ и подлиннымъ источникамъ частью воспроизводятъ Иринеево описаніе валентиніанства, частью сообщаютъ новыя свѣденія о немъ, особенно о, выродившейся изъ валентиніанства, вардесановой ереси. Въ общемъ, на основаніи этихъ ересеологическихъ данныхъ, дѣло можно представлять себѣ такимъ образомъ: въ концѣ II столѣтія и въ началѣ III валентиніанство держится, разбившись на разнообразныя отрасли и составляя новыя сектант-

[1]) Иванцовъ Платоновъ. Ереси и расколы стр. 214, прим. 99 и 32.

[2]) Migne. Cursus Comp. Patrol. t. II, p. 525—596; особ. cap. IV, XXXIII—XXXIX.

[3]) Migne t. VIII, 685—1381. Στρωματεῖς Λογ. II, III, IV.

[4]) Если только Оригенъ, дѣйствительно, авторъ приписываемаго ему сочиненія, Ἀδαμαντίου Διάλογος περὶ τῆς εἰς Θεὸν πίστεως. Migne, t. XI, 1713—1885.

скія сочетанія;—очевидно, въ его историческомъ существованіи наступила вторая фаза—переходная къ тому полному разложенію, которое въ концѣ IV в. описывалъ Епифаній.

Объ отношеніи валентиніанства къ николаитству за эту вторую фазу ничего не извѣстно. Ипполитъ [1]), Климентъ Александрійскій [2]), Псевдо-Тертулліанъ [3]) говорятъ о николаитахъ словами Иринея. Что эта секта имѣла какую нибудь теогонію или космогонію, никто не упоминаетъ. Въ IV вѣкѣ Епифаній (Παναρ. 25) приписываетъ николаитамъ обожаніе разныхъ таинственныхъ именъ и надѣляетъ ихъ чертами василидіанъ и офитовъ; но подобное описаніе можно съ одинаковымъ правомъ разсматривать и какъ признакъ крайняго разложенія николаитства въ эпоху ближайшую къ тому времени, когда Епифаній писалъ, и какъ результатъ смѣшенія авторомъ представленій о разныхъ сектахъ. Вѣроятнѣйшимъ представляется мнѣніе Θеодорита, что въ III вѣкѣ ересь николаитовъ постепенно обратилась въ секту раскольническаго типа, а съ началомъ IV вѣка и совершенно утратила свои отличительныя черты.

Еще менѣе данныхъ къ опредѣленію взаимоотношенія валентиніанъ и четыредесятниковъ. Единственный въ этомъ отношеніи свидѣтель, Евсевій приводитъ фактъ, что въ ученіи римскаго пресвитера Флорина, противъ котораго писалъ Ириней, отразилось совмѣстное вліяніе Валентинова гностицизма и раскола четыредесятниковъ [4]). Конечно, подобное явленіе можно разсматривать, какъ доказательство нѣкоторыхъ отношеній валентиніанъ къ сектѣ четыредесятниковъ, даже нѣкотораго взаимнаго сліянія ихъ въ теоріи. Нѣтъ прямыхъ основаній отрицать что и позднѣе, когда валентиніанство стало разлагаться на мелкія секты, подобная синкретизація неоднородныхъ идей, искаженіе и смѣшеніе первоначальныхъ сектантскихъ понятій, переходъ представленій изъ одной секты въ другую были возможны. Аналогіи въ такомъ родѣ дастъ Епифаній [5]); но ни онъ, ни Θеодоритъ ни однимъ словомъ не отвѣчаютъ рѣшительно на вопросъ объ

[1]) Φιλοσοφούμ. VII, 3.
[2]) Στρωματ. II, 20, III, 4.
[3]) Pseudo-Tertul. C. XLVI.
[4]) H. E. V, 15, 16, 20, 24.
[5]) Παναρ. XXI, XXV, XXVI, XXVII, XXXVII, XL, LIII.

отношеніи позднихъ валентиніанъ къ четыредесятникамъ предъ-Епифаніевскаго періода.

Вѣроятнѣйшій выводъ изъ всего сказаннаго о взаимоотношеніи валентиніанъ, николаитовъ и четыредесятниковъ на нашъ взглядъ таковъ.

Тимоѳей Константинопольскій, объединяющій валентиніанъ, николаитовъ и четыредесятниковъ тѣмъ, что у всѣхъ этихъ еретиковъ находились въ обращеніи «πράξεις» Андрея, своимъ указаніемъ наводитъ на мысль о возможности жизненнаго историческаго отношенія этихъ трехъ сектъ. Данныя древней ересеологіи подтверждаютъ, что такое отношеніе, дѣйствительно, было во II в. и между николаитами-валентиніанами, и между валентиніанами-четыредесятниками. Совершенно естественно возникаетъ отсюда предположеніе, что время взаимоотношенія этихъ сектъ есть именно то время, когда и у валентиніанъ, и у четыредесятниковъ, и у николаитовъ находились въ обращеніи «πράξεις» Андрея. Сомнительно, чтобы три разныхъ секты пользовались одной редакціей апокрифическихъ πράξεις; но во первыхъ вторая половина II вѣка и особенно конецъ его въ исторіи древнихъ сектъ представляютъ ту критическую эпоху, когда большая часть старыхъ гностическихъ ученій стала терять прежнюю цѣльность и самостоятельный характеръ, разбиваться на мелкія отрасли, мѣнять старыя идеи на новыя;—во вторыхъ нельзя опускать изъ вида, какое служебное значеніе имѣли апокрифы у древнихъ еретиковъ. Апокрифы были средствомъ для прикрытія и проведенія въ народъ сектантскихъ воззрѣній. Производилась-же эта популяризація такъ искустно, что подъ внѣшней формой легендарнаго сказанія, повидимому, самаго наивнаго, даже современники и слушатели часто не въ силахъ были открыть внутренній смыслъ еретическихъ тенденцій; эзотерическое и экзотерическое ученіе составлялись и формулировались иногда такъ двусмысленно, что одни и тѣже формулы могли имѣть двоякое значеніе—вульгарное, легендарное, миѳологическое для простыхъ членовъ секты и высшее философское для избранныхъ. Такой условной, неопредѣленной формой достигались одновременно двѣ цѣли: мѣста, имѣвшія въ обращеніи между сектантами еретическій смыслъ, на церковный взглядъ оказывались имѣющими смыслъ только легендарный, во вторыхъ такими мѣстами

весьма легко было пользоваться еретикамъ разныхъ партій, разныхъ оттѣнковъ и направленій. Редакція апокрифа, слѣдовательно, могла оставаться одна и та же, по смыслъ, связанный съ даннымъ мѣстомъ апокрифа, представитель валентиновой системы могъ имѣть свой, а николаитъ, или четыредесятникъ свой.

Высказывая такой взглядъ, что валентиніане, николаиты и четыредесятники пользовались одной общей редакціей «πράξεις» Андрея во II вѣкѣ, что эта редакція первоначально могла явиться у николаитовъ, какъ древнѣйшихъ еретиковъ, а затѣмъ отъ нихъ перейти къ четыредесятникамъ и валентиніанамъ, что сравнительно съ редакціей маркіонитовъ эта редакція была самостоятельной,—мы не утверждаемъ, однако, что на основаніи приведенныхъ данныхъ такой взглядъ долженъ быть признанъ достовѣрнымъ. Окраска свидѣтельству пресвитера Тимоѳея можетъ быть придана и иная. Дѣло можно представить и такъ, что апокрифическія «πράξεις» Андрея явились первоначально у валентиніанъ, и отъ нихъ перешли къ николаитамъ и четыредесятникамъ; могло быть, что каждая изъ этихъ трехъ сектъ имѣла свою редакцію «πράξεις»; наконецъ, могло быть, что время образованія этихъ редакцій не II, а III вѣкъ.

Взглядъ свой мы называемъ, поэтому, только вѣроятнымъ и думаемъ, что окончательное подтвержденіе ему дастъ рѣшеніе вопроса объ *авторѣ древнихъ греческихъ* апокрифовъ.

Авторомъ древнихъ греческихъ апокрифическихъ сказаній объ Апостолахъ принято [1]) считать Леуція, или по другимъ чтеніямъ Левкія, Люція [2]) Харину. Основаніе къ тому находятъ въ цитатахъ Августина (Act. cum Felice Manich. II, 6. Opp. t. VIII, col. 347) и

---

[1]) Fabricius.—Cod. apocr. I, 42, II, 768, III, 624; Grabe.—Specilegium I, 58, 77, 324; Thilo.—Acta Andreae et Matthiae p. XII; Acta Thomae p. LXXV, Halle 1846; Fragmenta actuum S. Ioannis a Leucio Charino conscriptorum t. I. Halle 1847; Beausobre — Histoire critique de Manichée et du Manicheisme. Amsterd. 1734, t. I, 348; Kleuker.—Die Apocryphen des N. T. s. 318, ff.; Zahn.—Acta Ioannis. Erlangen 1880, s. LX etc.; Overbeck. — Theologische Literaturzeitung 1881, nr. 2; Holtzmann. — Hilgenfelds Zeitschrift, 1881, I; Max Bonnet.—Revue critique, 1880, nr. 23; Lipsius.—Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Bd. I, 83—117.

[2]) Разночтенія этого имени по рукописямъ и у древнихъ авторовъ приводитъ Липсіусъ l. c. bd. I, s. 83—84.

Еводія (Die fide cap. 4, in Opp. August. t. VIII, append. col. 25) изъ актовъ написанныхъ Леуціемъ, (Август.: «acta scripta a Leucio, quae tamquam actus apostolorum scribit»; Евод.: «attendite in actibus Leucii, quos sub nomine apostolorum scribit»); въ вышеприведенныхъ отзывахъ объ апокрифахъ папы Иннокентія, Турибія Асторгійскаго, Геласіева декрета, Амфилохія Иконійскаго и патріарха Фотія [1]); въ письмахъ псевдо-Мелитона (Bibl. Patr. Max. II, 2, 212) и псевдо-Іеронима (Tischendorf. Evang. apocr. ed. II, p. 52 sq.). Нѣкоторое разногласіе замѣтно при опредѣленіи еретическихъ убѣжденій, которыхъ Леуцій держался. Такъ, Фабриціи и Тило считаютъ его манихеемъ; по Грабе онъ—маркіонитъ; для Бособра—маркосіанинъ; Цанъ (Acta Ioannis, Erlangen 1880, s. LXVI, LXVII sq.) старается доказать, что Леуцій былъ «ученикомъ и спутникомъ Апостола Іоанна и, внѣ всякаго сомнѣнія, считался въ древнѣйшее время авторитетомъ въ церковныхъ кругахъ». Липсіусъ, критически относящійся (Apokryph. Apostelgesch. bd. I, s. 91—117.) къ гипотезѣ Цана, напротивъ, признается, что изслѣдователь вопроса о личности Леуція, при имѣющихся средствахъ, не можетъ выйти изъ круга предположеній. «Допуская, что Харина былъ спутникомъ Евангелиста Іоанна,—говоритъ онъ,—мы должны признать его авторомъ только «хожденій Іоанна» (περίοδοι Ἰωάννου) и, такимъ образомъ, впадаемъ въ противорѣчіе съ тѣми древними писателями, которые усвояютъ Леуцію цѣлый сборникъ апокрифическихъ «хожденій». Съ другой стороны, если несомнѣнно, что имя Леуція съ самаго начала, дѣйствительно, стояло въ заголовкѣ цѣлаго сборника апокрифовъ, то невѣроятно, чтобы онъ, описывающій, какъ очевидецъ, хожденія многихъ (если не всѣхъ) Апостоловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ спутникомъ и біографомъ исключительно одного изъ нихъ (Ап. Іоанна). Близко къ истинѣ, что лицу написавшему «хожденія Іоанна» принадлежатъ и «дѣянія Петра»;—въ такомъ случаѣ авторъ ихъ—дѣйствительно неизвѣстный намъ гностикъ Леуцій Харина и главная опора гипотезы Цана—свидѣтельство Епифанія (Haer. 51, 6) оказывается непровѣренной датой;—но можно допустить и наоборотъ, что свидѣтельство Епифанія вѣрно,—

[1]) См. стр. 50—53.

тогда рѣшеніе вопроса получится совершенно другое. Точно также изслѣдователь будетъ одинаково правъ и когда признаетъ, что подъ маской живой исторической личности «нѣкоего юнаго друга Іоанна Ефесскаго» (Zahn s. CXLV) выступаетъ біографъ гностикъ, и когда не найдетъ въ этомъ предположеніи ничего напоминающаго «натуральную гипотезу»[1]).

Еще большей неопредѣленностью страдаютъ рѣшенія вопроса о времени жизни Харины. Грабе думаетъ, что онъ жилъ во II в.; Тило относитъ его къ VI в., къ эпохѣ перерожденія и упадка маркіонитства; Фабрицій склоняется въ пользу III столѣтія. Бособоръ, Клейкеръ (Die Apokryphen des N. T. s. 318 ff.) и Цанъ отождествляютъ Леуція Харину съ Левкіемъ, ученикомъ Іоанна Богослова, о коемъ упоминаетъ Епифаній (въ 6, 51 Haer.) и, такимъ образомъ, временемъ жизни его признаютъ I вѣкъ. Наконецъ, Липсіусъ послѣ тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ, какія приводятся въ пользу тожества Леуція Харины и Епифаніева Левкія, дѣлаетъ такой выводъ: «если подъ мнимымъ «ученикомъ Іоанна» (т. е. Левкіемъ) разумѣть неизвѣстнаго писателя—гностика, то вопросъ о времени, когда жилъ Леуцій — авторъ апокрифическихъ актовъ Іоанна исчерпывается тѣмъ, что эти акты уже во II в. были составной частью сборника извѣстнаго подъ названіемъ «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων». Если же имя Леуцій понимать чисто исторически, какъ имя автора разныхъ гностическихъ сказаній объ апостолахъ, то опредѣленіе вѣка, когда онъ жилъ, будетъ зависѣть отъ установки наиболѣе вѣроятнаго времени образованія самыхъ раннихъ, правдоподобно приписываемыхъ ему, частей этого гностическаго сборника. Конечно, невѣроятно было-бы «περίοδοι Θωμᾶ»—памятникъ первой половины III-го вѣка считать произведеніемъ того самаго автора, который составилъ «περίοδοι Ἰωάννου». Но и утверждать въ данномъ случаѣ что-нибудь болѣе положительное невозможно. Прочно стоитъ одно: имя писателя апокрифовъ—Леуцій Харина—не выдумано, а держится на преданіи; однако раньше, чѣмъ открывать подъ этимъ именемъ дѣйствительнаго, или мнимаго составителя «дѣяній Іоанна», изслѣдователь долженъ имѣть въ виду,

[1]) Die Apokryph. Apostelgeschichten bd. I, s. 116.

что полное собраніе апокрифовъ «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων» относится къ IV вѣку.»[1])

Пересматривая древнія церковныя свидѣтельства о Харинѣ, мы находимъ въ нихъ одну общую особенность—темноту, неопредѣленность. Отцы V в. также мало имѣютъ точныхъ представленій о времени его жизни и характерѣ еретичества какъ и писатели IX в. Голосъ большинства (Августинъ, Еводій, Турибій, Фотій) за то, что онъ манихей; по мнѣнію нѣкоторыхъ (псевдо-Ипполитъ)—«ученикъ манихеевъ», вообще представитель манихейскаго дуализма. Однако, эта кажущаяся точность говоритъ не столько въ пользу дѣйствительной принадлежности Леуція къ сектѣ манихеевъ, сколько указываетъ среду, въ которой распространялись его творенія, когда манихейство вызывало церковную полемику. Неудивительно было, если имя Харины пользовалось среди манихеевъ широкой извѣстностью и творенія его считались священными,—неудивительно было простымъ церковнымъ читателямъ полагать, будто всѣ апокрифы объ апостолахъ составлены Харипой, а церковнымъ историкамъ IV и V вв. въ силу того-же мотива отождествлять сектантскія убѣжденія манихеевъ съ еретическими воззрѣніями Леуція и безъ особенной разборчивости называть его манихеемъ. Первыя церковныя извѣстія о Леуціѣ встрѣчаемъ въ концѣ IV, началѣ V в.; источникъ ихъ—полемика, выяснившая, что авторъ собранія апокрифовъ, которое замѣняетъ у манихеевъ св. канонъ,—Леуцій Харипа; данныхъ въ пользу того, что древніе писатели хорошо знали это собраніе,—нѣтъ, напротивъ многое убѣждаетъ, что они пользовались имъ случайно, знакомы были съ нимъ изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ; такимъ образомъ становится совершенно вѣроятнымъ, что и о сущности воззрѣній Леуція представленія ихъ были смутны и особеннаго интереса имя его въ нихъ не возбуждало, и не было настоятельной нужды опредѣлять хронологически точно, когда онъ жилъ. «Legunt scripturas apocryphas Manichaei a nescio quibus sutoribus fabularum sub apostolorum nomine scriptas», замѣчаетъ Августинъ (contra Faustum XXII, 79),—но кто эти «sutores», современны-ли ему, или жили раньше, къ какой сектѣ принадлежали, не поясняетъ и не

[1]) Ib. в. 117, пар. 85.

высказывастъ никакого желанія пояснять. Впослѣдствіи, когда ему пришлось имѣть подъ руками кодексъ апокрифовъ, приписываемыхъ Л. Харинѣ, онъ упоминаетъ имя автора, но опять таки не въ цѣляхъ историческихъ, а чтобы указать манихею Феликсу, кого онъ— Феликсъ считастъ авторитетомъ и кому именно церковь не усвояетъ никакого значенія.

Въ концѣ IV в. Паціанъ Барселонскій писалъ Симпроніану (ep. I ad Sympronian. Gallandi. VII, 257) о монтанистахъ: «hi plurimis utuntur auctoribus. Nam puto et Graecus Blastus ipsorum est; Theodotus quoque et Praxeas vestros aliquando docuere: ipsi illi Phryges nobiliores, qui se animatos mentiuntur a Leucio, se institutos a Proculo gloriantur, Montanum et Maximillam et Priscillam sequuti quam multiplices controversias excitarunt de paschali die, de paracleto, de apostolis, de profetis, multaque alia sicut et hoc de catholico nomine, de venia poenitentiae». Здѣсь свѣденія о Леуціѣ имѣютъ какъ-будто бы точный историческій характеръ. Онъ упоминается на ряду съ авторами, которые въ обращеніи у монтанистовъ: Властъ, Ѳеодотъ, Праксей ихъ учили, Прокулъ утвердилъ, а Леуцій вдохнулъ въ нихъ жизнь. Конечно, не безъ участія Леуція сложились и вѣроисповѣдные пункты, отличающіе монтанистовъ отъ православныхъ: ихъ мнѣніе о празднованіи пасхи, о Параклитѣ, объ апостолахъ и пророкахъ, о терминѣ «каѳолическій», о покаяніи.

Кто же эти Властъ, Ѳеодотъ и Праксей? Что за «Phryges nobiliores», утверждающіе по Паціану, что ихъ Прокулъ утвердилъ, а вдохнулъ жизнь Леуцій? Источникъ свѣденій, сообщаемыхъ Паціаномъ,—говоритъ Липсіусъ[1]),—псевдо-Тертулліаново твореніе «adversus omnes haereses». Изъ него заимствованы имена «Властъ, Ѳеодотъ, Праксей» и даже въ той послѣдовательности, какъ ставитъ ихъ псевдо-Тертулліанъ (Haeres 21—25). Разница только въ томъ, что «libellus» псевдо-Тертулліана отличаетъ Власта отъ монтанистовъ (praeterea his omnibus accedens) и описываетъ Ѳеодота съ Праксеемъ какъ монархіанъ; письмо-же Паціана, напротивъ, смѣшиваетъ всѣхъ трехъ еретиковъ съ монтанистами. Ѳеодотъ Паціана—или

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, 93. Lipsius. Quellen ältest. Ketzergeschich. s. 142, 256.

монархіанинъ, или мельхиседекіанинъ, сомнительно, чтобы монтанистъ (единственное основаніе—Евсевій Hist E. V, 3, 4, 14—16), во всякомъ случаѣ, на основаніи связи съ Праксеемъ,— одинъ изъ его предшественниковъ по убѣжденіямъ. Равнымъ образомъ и «Phryges nobiliores» лишь полнѣйшему незнанію фактовъ обязаны тѣмъ, что получили въ свои основатели Прокула и Леуція. По псевдо-Тертулліану, Прокулъ или Проклъ,— глава тѣхъ монтанистовъ, которые въ христологіи не отступали отъ церковнаго ученія, слѣдовательно отличались отъ монтанистовъ—модалистовъ, или патрипассіанъ, главой которыхъ псевдо-Тертулліанъ называетъ Эсхина. «Phryges nobiliores» Паціана—именно патрипассіане. Съ другой стороны, странно, какъ эти «nobiliores Phryges», утвержденные непатрипассіанинома Прокломъ, призваны къ историческому бытію Леуціемъ. По сужденію Линсіуса, здѣсь можно допустить одно изъ двухъ толкованій: или Паціанъ греческое «κατὰ Αἰσχίνου» прочиталъ «κατὰ Λευκίου» и, такимъ образомъ, лицомъ одухотворившимъ монтанистовъ признаалъ вмѣсто историческаго Эсхина какого-то фиктивнаго Левкія; или онъ слыхалъ, что секта модалистовъ опирается на авторитетъ Леуція, якобы ученика самихъ апостоловъ, автора апокрифическихъ сказаній о нихъ (апостолахъ) и эту секту идентифицировалъ съ монтанистами, полагая въ простотѣ души, что «фригійцы», дѣйствительно, обязаны Проклу своимъ основаніемъ, а Леуцію развитіемъ. Въ сущности безразлично, какая изъ двухъ этихъ догадокъ ближе къ правдѣ. Цѣнность Паціановыхъ указаній видна уже изъ его сужденія о Θеодотѣ и Праксеѣ. Но если «Левкія» Паціана считать за дѣйствительнаго Леуція—автора апокрифическихъ сказаній объ апостолахъ, то не будетъ сомнѣнія, что Паціанъ имѣлъ о немъ самыя смутныя представленія, едва-ли читалъ его «περίοδοι» и во всякомъ случаѣ не зналъ точно, когда онъ жилъ и къ какой сектѣ принадлежалъ.

Послѣднее свидѣтельство о Леуціѣ, по крайней мѣрѣ упоминаніе этого имени, находимъ у Епифанія въ Панаріѣ LI, 6. «Ἔνθεν γὰρ οἱ περὶ Κήρινθον,—пишетъ Епифаній,—καὶ Ἐβίωνα φιλὸν αὐτὸν ἄνθρωπον (Христὸν) κατέσχον καὶ Μήριθον καὶ Κλεόβιον εἶτ' οὖν Κλεόβουλον, καὶ Κλαύδιον, καὶ Δημᾶν, καὶ Ἑρμογένην τοὺς ἀγαπήσαντας τὸν ἐνταῦθα αἰῶνα καὶ καταλείψαντας τὴν ὁδὸν τῆς ἀληθείας. Ἀντιλέγοντες γὰρ τοῖς τοῦ Χριστοῦ

μαθηταῖς κατ' ἐκεῖνο καιροῦ ἀπὸ τῆς κατὰ τὸν Ἀβραὰμ καὶ Δαβὶδ γενεαλογίας τὴν αὐτῶν ἄνοιαν παριστᾶν ἐπειρῶντο, οὐ καλῶς μὲν οἰόμενοι, πλὴν ἐντεῦθεν τὴν πρόφασιν θηρώμενοι. ἀντιλέγοντο γὰρ πολλάκις ὑπὸ τοῦ ἁγίου Ἰωάννου καὶ τῶν ἀμφ' αὐτὸν Λευκίου καὶ ἄλλων πολλῶν». Итакъ, «послѣдователи Керинѳа, Евіона, Мерисоа, Клеобія, Клеобула, Клавдія, Дема и Гермогена, возлюбившихъ міръ сей и оставившихъ путь истины, признавали Христа только человѣкомъ». Ихъ возраженія имѣли исходнымъ пунктомъ земное происхожденіе Спасителя отъ Авраама и Давида и выводились не изъ догматическихъ, а изъ критико-экзегетическихъ основаній. Направлены были эти возраженія главнымъ образомъ «противъ Св. Іоанна, единомысленнаго съ нимъ Левкія и многихъ другихъ». Прямой выводъ отсюда, конечно, тотъ, что Левкій упоминаемый Епифаніемъ,—ученикъ апостольскій, жилъ въ I—II вѣкѣ и по религіознымъ убѣжденіямъ былъ совершенно православный человѣкъ. Одно-ли и тоже лицо этотъ Левкій съ Леуціемъ—авторомъ апокрифовъ, изъ свидѣтельства Епифанія не видно, а судя по разбору гипотезы Цана[1]) Липсіусомъ[2]), подобное тожество и доказать невозможно. Тѣмъ не менѣе, позволимъ себѣ замѣтить,—нельзя отрицать, что и Цанъ велъ свое доказательство тожества Епифаніева Левкія съ Леуціемъ Харипой слишкомъ пристрастно. Его главный аргументъ въ пользу этого тожества,—соображеніе, будто Епифаній почерпнулъ свѣденія объ еретикахъ,—противникахъ Іоанна Богослова изъ апокрифическихъ актовъ Іоанна, составленныхъ Леуціемъ,—есть собственно petitio principii. Оказывается, что авторъ актовъ Іоанна еретикъ выставляетъ себя врагомъ вполнѣ солидарныхъ съ нимъ еретиковъ. Эту ложь церковный историкъ принимаетъ за чистую правду и объявляетъ Левкія еретика ученикомъ Іоанна Богослова. Но откуда Цану извѣстно, что Левкій надѣлъ на себя маску и откуда онъ знаетъ, что Епифаній ему вѣритъ? Въ актахъ Іоанна нѣтъ на это никакого намека, а Епифаній вовсе не такой человѣкъ, чтобы сталъ довѣрять завѣдомо еретикамъ; наконецъ—и самое главное, какъ понимать самого Цана, который одновременно утверждаетъ, что Епифаній «основательно изу-

[1]) l. c. s. LXII sq.

[2]) Die Apokr. Apostelg. s. 96—103.

чилъ апокрифы» Леуція и что онъ «не читалъ этихъ апокрифовъ?» Нѣкоторая односторонность замѣчается и въ разборѣ Цановой гипотезы Липсіусомъ. Разборъ этотъ клонится къ тому, что Епифаній заимствовалъ свои свѣденія о полемикѣ Апостола Іоанна, Левкія и проч. съ Меринѐомъ, Клеобіемъ, Демомъ, Гермогеномъ и друг. не изъ леуціанскихъ актовъ Іоанна,—но откуда именно, неизвѣстно. Авторъ какъ бы намѣренно избѣгаетъ объяснить свидѣтельство Епифанія и не останавливается ни на чемъ положительномъ[1]). Между тѣмъ прямой отвѣтъ объ источникѣ Епифаніевыхъ свѣденій можетъ быть данъ и въ извѣстномъ смыслѣ проливаетъ свѣтъ на упоминаемаго имъ Левкія.

LI haer. Епифаніева Панарія посвящена описанію секты алоговъ. Имѣетъ она вполнѣ историческій характеръ, отличается отчетливостью и опредѣленностью свѣденій, но не самостоятельна, а заимствована Епифаніемъ у Ипполита[2]). Алоги секта древняя, распространявшаяся въ Римѣ одновременно съ Θеодотіанами, Мельхиседекіанами, Ноэтіанами и друг. въ концѣ II, началѣ III в. Зарожденіе ея имѣлъ въ виду еще св. Ириней, когда говорилъ: «другіе, отметая даръ духа, въ послѣднія времена по волѣ Отца излитый на родъ человѣческій, не принимаютъ того вида, какой представляетъ Евангеліе Іоанна..., отвергаютъ и Евангеліе и пророческій духъ»[3]). Ипполитъ писалъ не только объ Апокалипсисѣ[4]) («главы противъ Кая»), но и объ Евангеліи Іоанна, оспариваемыхъ алогами («ὑπὲρ τοῦ κατὰ Ἰωάννην εὐαγγελίου καὶ ἀποκαλύψεως»). Въ философуменахъ объ алогахъ и объ ихъ мнѣніяхъ нѣтъ никакого упоминанія, очевидно, потому, что представители этого направленія въ то время, какъ были писаны философумены, уже не существовали и ихъ мнѣнія потеряли всякое значеніе. Нѣтъ объ алогахъ прямаго упоминанія и въ, такъ называемомъ, «libellus pseudo-Tertulliani», который считается передѣлкой «βιβλιδάριον» Ипполита. Для объясненія свѣденій, сообщаемыхъ о нихъ Епифаніемъ, остается допустить,

[1]) См. выше стр. 66—67.

[2]) Иванцовъ-Платоновъ. Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ. Стр. 156—159, прим. 63, 64.

[3]) Св. Ириней. Пять книгъ противъ ересей. р. п. стр. 313.

[4]) Fabricius t. I p. 222.

слѣдовательно, только одно, что онъ писалъ на основаніи подлинной «βιβλιδάριον» Ипполита, которая была составлена гораздо ранѣе философуменовъ[1]). Представляется секта алоговъ у Епифанія въ слѣдующихъ чертахъ. Алоги отрицаютъ Апокалипсисъ Іоанна и сомнѣваются въ подлинности его Евангелія. Они отрицаютъ Божественное Слово, т. е. не принимаютъ, раскрываемое въ Евангеліи Іоанна, ученіе о Λόγος'ѣ. Отсюда и ихъ названіе — «алоги» (ἄλογοι) — «противники Слова» (Haer. LI, 3), или иначе «безсловесные, безсмысленные» (Haer. LI, 7). Возраженія, приводимыя алогами противъ Евангелія Іоанна, вытекаютъ не изъ догматическихъ, а изъ критико-экзегетическихъ основаній и опираются главнымъ образомъ на несходство Евангелія Іоаннова съ тремя другими Евангеліями. Секта вообще относится къ религіи разсудочнымъ, раціоналистическимъ образомъ (ib. c. 35) и составляетъ реакцію противъ монтанизма[2]). Одни изъ алоговъ по Епифанію отрицаютъ истинныя откровенія и пророчества, другіе, увлекаясь полемикой съ хиліазмомъ, отвергаютъ подлинность Апокалипсиса, на которомъ монтанисты хотѣли обосновать свои чаянія царства Христова; третьи къ отрицанію Апокалипсиса присоединяютъ критику Евангелія Іоанна и апостольскихъ писаній; наконецъ, есть и такіе, что признаютъ Іисуса Христа «единымъ точію человѣкомъ».

Переходимъ отъ этой общей характеристики алоговъ къ тому, что говоритъ Епифаній о противникахъ Ап. Іоанна въ 6 гл. LI Haer... Ближайшіе послѣдователи, ученики Керинѳа, Евіона, Мерисѳа, Клеобія и проч., по его словамъ, изъ всего ученія о Христѣ удержали только то, что Онъ — человѣкъ (ψιλὸν αὐτὸν ἄνθρωπον κατέσχον); они отвергаютъ Евангеліе Іоанна и стараются свое безсмысліе (τὴν αὐτῶν ἄνοιαν) обосновать сколько на превратномъ толкованіи апостольскаго ученія, столько и на критико-экзегетическихъ изысканіяхъ. Рѣчь и здѣсь, очевидно, идетъ о тѣхъ же алогахъ, которымъ посвящена вообще LI Haer... Помимо совпаденія въ общемъ, это подтверждается и примѣненіемъ къ Евіону, Керинѳу и проч. терминовъ «ἀνόητος», «ἄνοια», которые усвоены у Епифанія исключительно алогамъ.

[1]) Иванцовъ-Платоновъ. Ереси и расколы. Стр. 159, прим. 63, 64, 46, 17.

[2]) Lipsius. Die Quellen d. ältest. Ketzergeschichte s. 93—115.

Далѣе, что касается именъ еретиковъ, упоминаемыхъ Епифаніемъ, то о Керинѳѣ церковное преданіе со временъ Иринея говоритъ, какъ о врагѣ Апостола Іоанна и докетѣ, учившемъ, что Іисусъ былъ сынъ Іосифа и Маріи, лишь при крещеніи соединившійся съ Христомъ[1]). О Мерисѳѣ, какъ отдѣльномъ лицѣ, у самого Епифанія нѣтъ точныхъ свѣденій. Въ 6, LI Наег. это имя, повидимому, взято имъ изъ преданія. По 8, XXVIII Наег., Мериѳіане (Μηρινθιάνοι), какъ имя секты въ φάσις, которымъ онъ пользовался, поставлено было рядомъ съ Керинѳіане (Κηρινθιάνοι). Объяснять это названіе Епифаній избѣгаетъ; въ видахъ увеличенія числа еретиковъ ставитъ его на ряду съ именемъ «Керинѳъ» и пользуется обоими словами «Керинѳъ»—«Мерисѳъ», «Керинѳіане»—«Мериѳіане» подобно тому, какъ въ другомъ мѣстѣ пользовался словами «Назареи»—«Назореи» «Оссеи»—«Ессеи»—«Іессеи». Мериѳъ, или Мерисѳъ—отсюда личность скорѣе фиктивная, чѣмъ реальная. Возможно, что Клеобій Епифанія есть тотъ самый Клеобій, который вмѣстѣ съ Симономъ магомъ былъ главой древнѣйшей гностической секты, описываемой Иринеемъ[2]) и по Егезиппу (у Евс. Н. Е. IV, 22, 5), Апостольскимъ постановленіямъ (VI, 8, 16) и Тимоѳею Константинопольскому (Fabricius. C. apocr. t. I, p. 138—140), «писалъ книги (подъ именами Христа и Апостоловъ) ядомъ напоенныя». Имена «Дема и Гермогена, возлюбившихъ міръ сей и оставившихъ путь истины», встрѣчаемъ въ актахъ Павла и Ѳеклы[3]), памятникѣ высоко цѣнившемся православными IV в. Здѣсь обѣ эти личности изображаются какъ и у Епифанія людьми любившими жить по мірскому,—душевно относящимися къ религіи, лицемѣрно слѣдовавшими за Ап. Павломъ, проповѣдникомъ воздержанія (ἐγκρατεία). Что̀ Епифаній ставитъ ихъ въ связь съ противниками Ап. Іоанна, легко можно объяснить близостью, почти совпаденіемъ мѣстъ, гдѣ оба Апостола трудились и съ другой стороны желаніемъ увеличить число еретиковъ, отрицавшихъ божественность Спасителя. Заимствовалъ-ли Епифаній эти два имени въ той связи, какая у него, изъ твореній

---

[1]) Ириней. Противъ ересей. Кн. I, гл. XXVI, 1. р. и. стр. 105—106.

[2]) Ib. Кн. I гл. XXIII; р. и. стр. 93—97.

[3]) Tischendorf. Acta app. apocr. p. 40 sq... R. A. Lipsius. Acta app. apocr. Lipsiae 1891 p. 235, 238, 244—246.

Ипполита, или нѣтъ,—рѣшить весьма трудно, тѣмъ болѣе что, по списку 70-ти учениковъ у пс. Дороѳея [1]), твердо-установившагося церковнаго преданія о Демѣ и Гермогенѣ не было. Именно, у пс. Дороѳея Гермогенъ, на основаніи 2 Тим. I, 15, соединяется съ Фигеллomъ и оба характеризуются, какъ единомышленники Симона, т. е. какъ еретики-раціоналисты апостольскаго вѣка. За ними слѣдуетъ Демъ, по 2 Тим. IV, 10 «оставившій меня (Ап. Павла) и возлюбившій нынѣшній вѣкъ», къ чему пс. Дороѳей прибавляетъ, что Демъ, покинувъ Апостола, сдѣлался языческимъ жрецомъ въ Солуни. Первые два еретика названы въ спискѣ просто «ἑτεροδοξήσαντες»; отступничество Дема оттѣнено болѣе; наконецъ, ко всѣмъ тремъ примѣнимы слова I посл. Іоанна II, 19: «отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ». Ясно, что связь Дема и Гермогена у Епифанія могла образоваться на основаніи 2 Тим. I, 15, но можетъ быть онъ располагалъ и другимъ источникомъ, гдѣ между этими двумя лицами не стоялъ третій промежуточный—Фигеллъ. Наконецъ, Евіона называетъ впервые Ипполитъ въ своей синтагмѣ, затѣмъ Тертулліанъ [2]); ранѣе ихъ упоминаетъ объ евіонитахъ Иринеи [3]). Всѣ три писателя сходятся въ томъ, что о Господѣ евіониты были такого-же мнѣнія какъ и Керинѳъ. Епифаній, пользующійся въ отдѣлѣ «Евіонъ и Евіониты (Haer. 30) кромѣ синтагмы Ипполита еще другимъ какимъ-то болѣе содержательнымъ источникомъ, вѣроятно его «βιβλιδάριον», говоритъ, что евіониты признавали одно начало бытія, но Христа считали простымъ человѣкомъ (φιλὸν δὲ ἄνθρωπον τὸν Κύριον προσηγόρευσαν), т. е. буквально повторяетъ тоже, что и въ 6, LI Haer. о противникахъ ап. Іоанна.

Представляется наивѣроятнымъ, что перечень еретиковъ, данный Епифаніемъ, есть резюме его ересеологическихъ обобщеній. 6 гл. LI Haer. Папарія говоритъ объ родоначальникахъ секты алоговъ, заявившей себя въ Римѣ къ концу II столѣтія. По мысли Епифанія всѣ эти еретики,—Керинѳъ, почитавшій Христа только человѣкомъ, Клеобій гностикъ, авторъ хульныхъ измышленій противъ Христа и апостоловъ, Демъ

---

[1]) Ducange. Append. ad. Chron. Pasch. II, 124, ed. Bon., Lipsius. Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 100.

[2]) Lipsius. Zur Quellenkritik d. Epiphanios. Wien. 1865, s. 138.

[3]) Иринеи. Противъ ересей кн. I, гл. XXVI, 2. р. и. 106 стр.

и Гермогенъ—древніе раціоналисты, Евіонъ во взглядахъ подобный Керинѳу,—такъ же безсмыслены (ἀνόητοι) какъ и алоги, раціоналистически относящіеся къ предметамъ вѣры. Алоги конца II вѣка повторяютъ то, что говорилъ кружокъ древнихъ еретиковъ. При одинаковости общаго направленія, алоги имѣютъ различныя частныя мнѣнія,—тоже было на взглядъ Епифанія и сто лѣтъ назадъ, когда жили Керинѳъ, Клеобій, Гермогенъ, Демъ и Евіонъ,—личные враги Апостоловъ. Слѣдовательно, корни позднѣйшей ереси (алоговъ) глубже, чѣмъ кажется на первый взглядъ; ересь эта гибельнѣе, вреднѣе другихъ, такъ какъ возникла еще въ вѣкъ апостольскій.

Какое отношеніе имѣетъ первая половина приведенной выдержки изъ 6 гл. LI Haer. ко второй, гдѣ рѣчь идетъ объ, единомысленномъ съ Апостоломъ Іоанномъ, Левкіѣ и многихъ другихъ?

Эту вторую половину на нашъ взглядъ можно принимать двояко: безъ измѣненій и—какъ ошибку, въ свое время недосмотрѣнную авторомъ. Въ первомъ случаѣ, когда Левкій остается ученикомъ Апостола, мыслящимъ вполнѣ солидарно съ нимъ, вторая половина выдержки Епифанія показываетъ только то, что онъ имѣлъ такія же смутныя представленія о Левкіѣ,—предполагается, что его Левкій и Леуцій Харина одно и то-же лицо,—какъ и Папіанъ, какъ и Августинъ, какъ и другіе церковные писатели. Второе пониманіе, что слова Епифанія о Левкіѣ ошибочны, требуетъ прежде всего обоснованій, возможна-ли была-бы для Епифанія такая крупная ошибка, или по крайней мѣрѣ такой важный недосмотръ. Недостатка въ намекахъ и аналогіяхъ нѣтъ. Панарій не писанъ Епифаніемъ лично, а диктованъ переписчикамъ [1]; по окончаніи, работа, быть можетъ, даже не была провѣрена, сопоставлена съ источниками; явилась она, когда Епифаній переживалъ преклонные годы (между 65—70 г. его жизни) [2]. Уже по одному этому, если принять во вниманіе поспѣшность писанія, забвеніе авторомъ разныхъ фактовъ, недостаточно ясныя представленія объ иныхъ предметахъ и т. д., ошибки, неточности, переиначиванія оказываются возможными, даже

[1]) Migne. C. c. p. t. XLII, p. 832; XLIII, p. 238.

[2]) Бл. Іеронимъ въ De viris illustr. (c. 114) пишетъ объ Епифаніѣ: «Superest usque hodie et in extrema jam senectute varia cudit opera».

неизбѣжными. Въ описаніи первыхъ сектъ Иринея Епифаній встрѣчаетъ напр. извѣстіе, что Менандръ былъ *преемникомъ* Симона волхва, —это названіе *преемникъ* въ его передачѣ обращается въ *ученикъ* [1]). У Иринея еретики Сатурнинъ и Василидъ называются учениками Симона и Менандра, но, конечно, учениками по духу, по смыслу, а не какъ непосредственные слушатели-современники Симона и Менандра, (Симонъ, какъ извѣстно, современникъ Апостоловъ, а Сатурнинъ и Василидъ распространяли свое ученіе въ царствованіе Адріана); Епифаній же, буквально понявъ слова Иринея, представляетъ, что Василидъ и Сатурнинъ были непосредственные ученики Симона и Менандра и на этомъ основаніи относитъ образованіе сектъ сатурниніанъ и василидіанъ вмѣстѣ съ симоніанами и менандріанами къ апостольскому вѣку [2]). У Иринея ересь Керинѳа описывается послѣ ереси Карпократа, хотя Керинѳъ, современникъ Апостола Іоанна, былъ несомнѣнно старше Карпократа, современника Сатурнина и Василида; у Епифанія-же изъ Иринеевыхъ описаній получилось, что Керинѳъ заимствовалъ свое ученіе о лицѣ Іисуса Христа у Карпократа [3]). При описаніи отраслей валентиніанства, Епифаній рядомъ съ Секундомъ ставитъ въ число Валентиновыхъ учениковъ Исидора и Епифана; между тѣмъ Исидоръ былъ ученикъ Василида, а Епифанъ сынъ Карпократа; Василидъ-же и Карпократъ—еретики древнѣйшіе Валентина, притомъ Епифанъ умеръ ранѣе отца своего Карпократа [4]). Рядъ подобныхъ неточностей и даже грубыхъ ошибокъ, особенно въ хронологическомъ отношеніи, проходитъ чрезъ весь Панарій [5]).

Не удивительно, что и вторая половина разсматриваемаго сообщенія изъ 6, LI Haer. представляетъ также или переиначеніе мысли первоисточника, которымъ Епифаній пользовался при составленіи LI ереси, или ошибку, вытекающую изъ неяснаго представленія объ

---

[1]) Ириней. Противъ ересей кн. 1, гл. XXIII, 5 и Панар. ер. XXII.

[2]) Ириней, ib. кн. I, гл. XXIV, 1; Евсевій Ц. И., кн. IV, гл. 7; Панар. ер. XXIII и XXIV.

[3]) Ириней, ib. кн. I, гл. XXV—XXVI; Панар. ер. XXVIII, 1.

[4]) Панар. ер. XXXII; Стромат. lib. II, p. 409; lib. III, p. 427; lib. VI p. 641.

[5]) Напр. Философ. IX, 7 и Панар. ер. LVII, 1. Панар. ер. LXVI, гл. 3 и гл. 20; Панар. ер. LVII, гл. I и Философ. кн. IX, 7, II. Панар. ер. LXVIII, гл. 6—7; 10—11, 13 и т. д.

еретикахъ Апостольскаго вѣка. Не «καὶ τῶν ἀμφ' αὐτὸν Λευκίου καὶ ἄλλων πολλῶν»—слѣдовало-бы читать поэтому, а «καὶ οἱ ἀμφ' αὐτὸν Λεύκιος καὶ ἄλλοι πολλοί»,—т. е. «посему,—въ силу совмѣстнаго противодѣйствія Апостолу Іоанну еретиковъ Керинѳа, Клеобія, Дема, Гермогена, Евіона,—часто противорѣчили его ученію и бывшіе съ нимъ, — его прежніе спутники, ученики, напр. Левкій и многіе другіе». Левкій при такой перемѣнѣ текста оказывается ученикомъ апостольскимъ, отпавшимъ отъ истины и возлюбившимъ міръ сей, какъ отпали Демъ и Гермогенъ, противорѣчащимъ Евангелисту Іоанну въ раціоналистическомъ духѣ, заодно съ Керинѳомъ, Евіономъ и др., отвергавшими ученіе о божествѣ Христа, противорѣчащимъ Евангелисту Іоанну также, какъ противорѣчили ему алоги II вѣка. Допускаемая перемѣна, очевидно, сближаетъ по основной идеѣ первую половину выдержки изъ 6, LI Haeres. со второй и, какъ намъ кажется, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на загадочную личность Леуція Харины. Если Левкій Епифаній сперва ученикъ Ев. Іоанна, а потомъ, подъ вліяніемъ борьбы раціоналистовъ съ Апостоломъ, отступникъ и въ силу тожества его идей съ идеями Керинѳа, Евіона и проч.—родоначальникъ позднѣйшихъ алоговъ, если онъ противорѣчилъ истинѣ такимъ-же наглядным и вредоноснымъ способомъ, какъ напр. Клеобій, сравненіе съ которымъ возможно въ виду всего построенія рѣчи Епифанія;—то нѣтъ серьезныхъ основаній отрицать тожество этого Епифаніева Левкія съ Леуціемъ Харипой, гностикомъ, докетомъ, еретикомъ, отвергавшимъ въ своихъ апокрифическихъ «періодахъ» именно Іоанново ученіе о второмъ лицѣ Св. Троицы, личностью настолько съ одной стороны для всѣхъ церковныхъ историковъ темною, что одна эта темнота заставляетъ считать его фикціей воображенія ересеологовъ и съ другой стороны настолько популярною, что его именемъ пользовались еретики самыхъ разнообразныхъ сектъ и направленій, что ему приписывались церковными полемистами апокрифы издревле (съ V в.), что его, наконецъ, какъ «ученика дьявола», устами римскихъ папъ проклипалъ въ V—VI в. весь западъ, а съ VIII вѣка (787 г.) и востокъ.

«Manichaei apocrypha beati Andreae Apostoli, id est actus, quos fecit veniens de Ponto in Graeciam, — говоритъ современникъ Епифанія, Филастръ Брешіанскій, — quos conscripserunt tunc disci-

puli, sequentes apostolorum, (falsaverunt)». Извращена была, очевидно, по мысли Филастра, манихеями редакція апокрифическихъ актовъ первоначальная, принадлежавшая апостольскимъ ученикамъ, описывавшимъ разныя событія на мѣстѣ. Исторически, однако, невѣрно, что манихеи извратили первоначальную редакцію апокрифовъ. Они приняли апокрифы отъ маркіонитовъ, слѣдовательно, если извращеніе и было, то касалось не первоначальной редакціи актовъ, а маркіонитской, слѣдовательно далѣе, ранѣе маркіонитской редакціи была начальная редакція та именно, которая принадлежала по Филастру апостольскимъ ученикамъ. Значеніе за свидѣтельствомъ Филастра остается, такимъ образомъ, въ томъ лишь отношеніи, что онъ на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ признаетъ существованіе апокрифовъ еще въ I в. Извращеніе касалось,—говоритъ Филастръ, — актовъ Апостола Андрея. Но эти акты, по свидѣтельству церковныхъ писателей восточныхъ и западныхъ, составляли только часть сборника извѣстнаго подъ именемъ «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων», въ составъ котораго входили «дѣянія апостоловъ Петра, Іоанна, Андрея, Ѳомы и Павла»[1]). Когда образовался этотъ сборникъ съ точностью опредѣ-

[1]) Такъ Амфилохій Иконійскій (Дѣянія II Ник. Собора ed. Mansi, XIII, 176), приводя фрагментъ изъ актовъ Ап. Іоанна называетъ произведеніе, откуда взята цитата, «τῶν ἀποστόλων πράξεις». Ѳеодоритъ (Haer. Fab. III, 4) говоритъ о четыредесятникахъ: «κέχρηνται ταῖς πεπλανημέναις τῶν ἀποστόλων πράξεσιν». Дѣянія II Никейскаго Собора упоминаютъ о трехъ выдержкахъ изъ «τῶν ψευδεπιγράφων περιόδων τῶν ἁγίων ἀποστόλων». Епифаній монахъ (Dressel, p. 13) цитуетъ: «ὡς ἐν ταῖς τῶν ἀποστόλων περιόδοις ἐμφέρεται». Фотій патріархъ (Bibl. cod. 114) упоминаетъ о книгѣ «αἱ λεγόμεναι τῶν ἀποστόλων περίοδοι» и говоритъ, что въ составъ ея входили «πράξεις Πέτρου, Ἰωάννου, Ἀνδρέου, Θωμᾶ, Παύλου»; онъ-же свидѣтельствуетъ, что манихей Агапій пользовался «ταῖς λεγομέναις πράξεσιν τῶν δώδεκα ἀποστόλων καὶ μάλιστα Ἀνδρέα». Августинъ (c. Felice Manich. II, 6; Opp. t. VIII, col. 347) ссылается «in actibus scriptis a Leucio, quos tamquam actus apostolorum scribit». Онъ-же (Contr. Faustum XXII, 79; Opp. t. VIII, col. 290) приводитъ выдержку изъ дѣяній Ѳомы, замѣчая, что эти дѣянія—«scripturae apocryphae. . .sub apostolorum nomine scriptae». Еводій (De fide cum Manich. c. 38; August. Opp. t. VIII, append. c. 31) ссылается «in actibus Leucii, quos sub nomine apostolorum scribit». Псевдо-Мелитонъ (Bibl. Patr. Max. II, 2, 212), упоминаетъ о Леуціѣ, «qui scripsit apostolorum actus, Ioannis Evangelistae et sancti Andreae, vel, Thomae apostoli» . . . «plurima de apostolorum actibus in libris suis inseruit». Евсевій (H. E. III, 25) считаетъ еретическими твореніями «πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ἰωάννου καὶ τῶν ἄλλων ἀποστόλων». Подобнымъ образомъ Епифаній (Haer. 63, 2) называетъ еретическими «πράξεις Ἀνδρέου καὶ τῶν ἄλλων», а также (Haer. 47, 1) «πράξεις Ἰωάννου καὶ Θωμᾶ. . . Πέτρου, Παύλου». Турибій Асторгійскій (Leonis M. Opp. ed. Ballerini I, 711 sq.) отмѣчаетъ «actus, qui S. Thomae dicuntur, actus illos, qui vocantur S. Andreae, illos, qui appellantur S. Ioannis, quos sacrilego Leucius ore conscripsit, illos, qui dicun-

лить невозможно [1]). Извѣстно, однако, что какъ отдѣльныя «дѣянія» такъ и полное собраніе ихъ въ разныхъ редакціяхъ почитались еретиками разныхъ сектъ наряду съ каноническими книгами Новаго Завѣта, даже замѣняли эти послѣднія и издревле приписывались Леуцію Харинѣ. Становится ясно, когда сопоставимъ съ этими данными свидѣтельство Филастра о редакціи апокрифовъ, принадлежавшей апостольскимъ ученикамъ, что свидѣтельство это или сомнительно, такъ какъ характеръ апокрифовъ издревле не христіанскій и авторъ ихъ по общей традиціи еретиковъ и церковныхъ писателей не апостольскіе ученики, а Леуцій Харина; или это свидѣтельство правдоподобно и косвенно дополняетъ тѣ соображенія, какія высказаны нами относительно тожества Епифаніева Левкія съ Леуціемъ Харипой. По Епифанію Левкій—отпавшій отъ Евангелиста Іоанна ученикъ; Филастръ не приводитъ личныхъ именъ и говоритъ вообще объ ученикахъ, сопровождавшихъ Апостола Андрея. Изъ словъ Епифанія можно вывести, что апокрифы писалъ Левкій; по Филастру «апокрифы блаженнаго Ап. Андрея, т. е. его дѣянія написаны сопровождавшими его учениками». По Епифанію Левкій противорѣчитъ въ своихъ апокрифахъ ученію евангелиста Іоанна Богослова; Филастръ о содержаніи первоначальныхъ актовъ Ап. Андрея умалчиваетъ, однако называетъ ихъ апокрифическими. Вполнѣ естественно предположить, что оба церковные писателя говорятъ одно и тоже и объ одномъ и томъ-же лицѣ; только одинъ изъ нихъ (Филастръ) внушительно выдвигаетъ свою личную точку зрѣнія, будто апокрифы первоначальнымъ происхожденіемъ обязаны апостольскимъ ученикамъ, т. е. что основная

---

tur S. Thomae et his similia». Іоаннъ Солунскій перечисляетъ «ἰδικαὶ περίοδοι τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου καὶ Ἀνδρέου καὶ Ἰωάννου». Точно также письмо Иннокентія I къ Евсуперію (ep. VI, 13, Constant. I, 796) указываетъ творенія «sub nomine Petri et Iohannis, quae a quodam Leucio scripta sunt [vel sub nomine Andreae, quae a Nexocharide et Leonida philosophis], vel sub nomine Thomae et si qua sunt alia». Наконецъ, декретъ Геласія исчисляетъ «actus Andreae, Thomae, Petri, Philippi» и всѣ вообще творенія Леуція, какъ книги церковью безусловно отвергаемыя.

[1]) По Липсіусу (Die Apokr. Apostelg. bd. I, s. 80) «достовѣрно, что уже ко времени Евсевія подъ именемъ περίοδοι или πράξεις τῶν ἀποστόλων существовалъ сборникъ сказаній, замѣнявшихъ у еретиковъ каноническія книги, въ составъ котораго входили «дѣянія Апостоловъ Петра, Павла, Іоанна, Андрея и Ѳомы». Возможно, что разныя части этого сборника возникли въ разное время. Всѣ онѣ, однако, древнѣе IV вѣка. Слѣды актовъ Петра, Павла и Іоанна восходятъ къ концу II столѣтія; дѣянія Ѳомы принадлежатъ III вѣку».

ихъ редакція была строго христіанская; другой-же (Епифаній) даетъ право думать, что апокрифы хотя и явились въ вѣкъ апостольскій, но на почвѣ враждебной христіанству: ихъ авторомъ былъ отступникъ, еретикъ. Общее церковное преданіе два эти взгляда совмѣщаетъ и дѣлаетъ предметъ конкретнымъ, утверждая: апокрифическія дѣянія св. Апостоловъ Петра, Іоанна, Андрея, Ѳомы и Павла составлены Леуціемъ Харином.

Сужденіе наше, вытекающее изъ всего сказаннаго объ авторѣ апокрифовъ, таково. Вопросъ о личности Леуція Харины есть въ сущности вопросъ о первой, или начальной редакціи апокрифическихъ «хожденій» (περίοδοι), «дѣяній» (πράξεις). Анализъ свидѣтельства Епифанія Кипрскаго выяснилъ, что такой редакціей можно признавать редакцію апокрифовъ, бывшую въ обращеніи у алоговъ, еретиковъ II вѣка, которые по своему духу, по своимъ взглядамъ и полемикѣ были прямыми послѣдователями еретиковъ апостольскаго вѣка, отрицавшихъ божество Іисуса Христа. Эта редакція принадлежала концу I, началу II в. и въ основѣ своей была антихристіанскою, такъ какъ сложилась на почвѣ гностико-докстической полемики съ евангельскимъ ученіемъ. Есть слѣдъ, что она появилась впервые въ кругахъ, близко соприкосновенныхъ съ Апостолами и, конечно, это можно понимать такъ, что составитель апокрифовъ былъ отступникъ, близко знавшій Апостоловъ, сопровождавшій нѣкоторыхъ изъ нихъ и такъ, что онъ (составитель) воспользовался въ своихъ цѣляхъ краткими записями, замѣтками, принадлежавшими истинымъ ученикамъ, дѣйствительнымъ спутникамъ Апостоловъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдъ этотъ имѣетъ основаніе уже въ самомъ содержаніи апокрифическихъ «хожденій», которыя излагаютъ странствованія Апостоловъ, чудеса, совершенныя ими на пути, описываютъ ихъ подвиги, страданія и т. д. Съ IV—V в. церковное преданіе считаетъ авторомъ цѣлаго собранія апокрифовъ Леуція Харину. Подлинно-ли авторъ первоначальной редакціи «хожденій», назывался такимъ именемъ, прямыхъ указаній нѣтъ. Какъ понимать это названіе—въ смыслѣ-ли личномъ, т. е. допуская, что отступникъ Леуцій Харина составилъ еще въ I в. дѣянія св. Апостоловъ Петра, Іоанна, Андрея, Ѳомы и Павла, которыя позднѣе достались манихеямъ, или понимать какъ имя собирательное, включающее

въ себя недошедшія до насъ имена разныхъ авторовъ и редакторовъ апокрифическихъ «хожденій», (что вполнѣ естественно, такъ какъ кромѣ редакціи алоговъ были еще редакціи валентиніанъ, маркіонитовъ и манихеевъ),—прямыхъ указаній тоже не находимъ. И намъ представляется, что ущерба для существа дѣла въ этой неопредѣленности никакого нѣтъ, такъ какъ ничего новаго имя «Леуцій Харина»,—будетъ-ли оно личное или собирательное,—ни прибавить къ тому, что первая редакція апокрифовъ явилась въ I в., ни убавить отъ этого главнаго положенія, не можетъ. Гораздо важнѣе и настоятельнѣе вопросъ,—къ какому вѣку относятся греческія редакціи апокрифическихъ дѣяній св. Андрея, Петра и друг. Апостоловъ, дошедшія до нынѣ и составляющія наличный предметъ нашего вниманія.

Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ «дѣяніямъ Ап. Андрея и Матѳея» (πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου εἰς τὴν πόλιν τῶν ἀνθρωποφάγων). Гностическая основа ихъ несомнѣнна [1]). Историческихъ редакцій ихъ указано четыре: самая поздняя манихейская (свидѣтельства Фотія, Тимоѳея Константинопольскаго, Филастра, Турибія, Еводія, Августина) двѣ посредствующихъ—маркіонитская III вѣка (свидѣтельства Филастра, Августина, Епифанія и Иринея) и валентиніанская средины II вѣка (свидѣтельства Ѳеодорита и Тимоѳея Константинопольскаго) и самая ранняя, относящаяся къ концу I, началу II в.,—редакція алоговъ (свидѣтельства Епифанія и Филастра). Отрицать, что редакціи эти различались, невозможно. Пря-

---

[1]) «Πράξεις Ἀνδρέου» ed. Tischendorf. Сюда прямо относятся sec. 4 и 15; p. 135, 148: неоднократно встрѣчающаяся въ апокрифахъ черта, что Апостолъ выражаетъ сомнѣніе вопреки ясному повелѣнію Господа (напр. достигнуть въ теченіи трехъ дней отдаленной страны антропофаговъ) и не подвергается осужденію за такое сомнѣніе; sec. 18 и 33; p. 148, 168: явленія Христа въ образѣ дитяти; sec. 3, 4, 22; p. 134, 135, 153: явленія Христа въ сіяніи и во гласѣ; sec. 5, p. 136: явленіи Христа въ видѣ кормчаго; sec. 3, sq. 16, sq.: чудесное плаваніе Ап. Андрея въ страну антропофаговъ; sec. 21, p. 151: перенесеніе Ап. Матоея въ облакѣ на гору, гдѣ Ап. Петръ училъ; sec. 24, p. 156: невидимость Ап. Андрея; sec. 22 и 23, p. 153, 155: выпаденіе мечей изъ рукъ; sec. 24, 26, 27, p. 156, 159 sqr.: бесѣды Апостола съ бѣсами; sec. 27, p. 159 sqr.: знакъ креста на челѣ Апостола; sec. 29, p. 162: чудо съ изображеніемъ въ тюрьмѣ, источающимъ воду; sec. 6, p. 137: наименованіе Христа «ἀγαθὸς θεός; sec. 10 и 14, p. 141, 144: отрицаніе человѣческой природы во Христѣ и sec. 12—15, p. 143 sq.: разсказъ о сфинксахъ.

мое указаніе на такое различіе даютъ слова Филастра о манихеяхъ, извратившихъ дѣянія блаженнаго Ап. Андрея, чрезъ внесеніе въ нихъ «signa magna et prodigia, ut pecudes et canes et bestiae loquerentur, etiam et animas hominum tales, velut canum et pecudum». Но съ другой стороны несомнѣнно, что эти редакціи не различались и крайне рѣзко Всѣ апокрифическія «дѣянія—хожденія», въ томъ числѣ и «дѣянія» Ап. Андрея всегда пользовались у еретиковъ авторитетомъ священныхъ книгъ, иногда даже замѣняли церковный канонъ,—трудно допустить, чтобы при такомъ условіи онѣ были несходны, напр. до противуположности. Основной стержень этихъ «хожденій» — факты, (выдуманные, или дѣйствительные безразлично), изъ жизни Апостоловъ;—при популярности, какую апокрифы имѣли среди еретиковъ, не легко было-бы мѣнять факты прежніе, издревле по еретическому преданію шедшіе, на новые, неизвѣстные простому народу, среди котораго старались распространить свои убѣжденія и взгляды еретики. Вѣроятно, фактическое содержаніе «дѣяній» Ап. Андрея и у манихеевъ оставалось, поэтому, тоже что и у валентиніанъ, что и у алоговъ. А измѣненія, если и были, то только тамъ, гдѣ удобно было ихъ допустить, напр. въ молитвахъ, въ рѣчахъ, которыя вложены въ уста Апостоловъ, въ различныхъ терминахъ, опредѣленіяхъ и т. п. Наконецъ, противъ рѣзкаго различія этихъ четырехъ редакцій и служебное значеніе апокрифовъ. Апокрифы были средствомъ сохраненія еретическихъ идей. Эзотерическое и экзотерическое ученіе формулировалось и включалось въ нихъ такъ двусмысленно, что одни и тѣ-же положенія имѣли двоякое значеніе, —для простыхъ членовъ секты—легендарное, миѳологическое, для избранныхъ—высшее, философское. Такой условной, неопредѣленной формой, конечно, весьма легко и удобно было пользоваться еретикамъ разныхъ партій, разныхъ направленій и оттѣнковъ, — слѣдовательно, не было и настоятельной нужды редактировать «хожденія» существеннымъ образомъ всякій разъ, когда одна секта заимствовала ихъ у другой.

Такимъ образомъ, греческая редакція «дѣяній» Ап. Андрея, дошедшая до насъ, принадлежитъ половинѣ II вѣка и, можетъ быть, концу I, началу II столѣтія.

За «дѣяніями Ап. Андрея въ городѣ антропофаговъ» слѣдуютъ «дѣянія св. Ап. Андрея и Петра въ странѣ варваровъ» (ed. Tischendorf. «Πράξεις τῶν ἁγίων Ἀποστόλων Πέτρου καὶ Ἀνδρέου»). Гностическое происхожденіе ихъ также не возбуждаетъ сомнѣній[1]). Съ литературной стороны эти «дѣянія» составляютъ продолженіе проповѣди Ап. Андрея у антропофаговъ. Сравнительно съ цѣлыми періодами Ап. Андрея они являются составной ихъ частью. Такимъ образомъ, въ древнемъ собраніи апокрифовъ, дѣянія св. Ап. Андрея и Матѳея составляли съ дѣяніями св. Ап. Петра и Андрея одно связное цѣлое. Греческая фрагментарная редакція ихъ, дошедшая до насъ, слѣдовательно, также древня какъ и редакція дѣяній Ап. Андрея и Матѳея[2]).

Судя по видимой литературной связи[3]), слѣдовало-бы послѣ «дѣяній Ап. Петра и Андрея» поставить греческую редакцію «мученичества Ап. Матѳея» (Μαρτύριον Ματθαίου ed. Tischendorf), признать это «мученичество» продолженіемъ «дѣяній у варваровъ», составлявшимъ съ «дѣяніями Ап. Андрея—Матѳея» одно неразрывное цѣлое и допустить, что сохранившаяся редакція его образовалась одновременно съ дошедшими редакціями дѣяній Ап. Андрея и Матѳея, Андрея и Петра. Именно изъ того, что Ап. Матѳей находится на горѣ, куда отнесло его по «дѣяніямъ Ап. Андрея въ городѣ антропофаговъ» (Tischen-

---

[1]) Сюда относятся: явленія Христа въ образѣ дитяти (ed. Tischendorf. p. 162—195); предъявленное Апостолами Онисифору требованіе отречься не только отъ богатствъ, но и отъ жены (p. 164); разсказы о чудесно выростающемъ посѣвѣ, о блудницѣ, о верблюдѣ, проходящемъ сквозь уши иглы. О теоретическихъ представленіяхъ гностическаго корня можно судить въ этихъ «дѣяніяхъ» по словамъ Ап. Петра: «ὁ σπόρος, ὁ εἰς τὴν γῆν ἐῤῥιμένος (ῥιμένος) ἐν τῷ ἀγρῷ τῶν δικαίων ἔρχου καὶ ἐλθὲ (ἔλθω) εἰς τὸ φῶς».

[2]) Возраженіе противъ того, что редакція «дѣяній» Ап. Андрея и Петра первоначальна, опирается единственно на выраженіе: «Πέτρε, Ἐπίσκοπε ὅλης τῆς ἐκκλησίας μου, χαῖρε». Но данныхъ признавать на основаніи только этихъ словъ цѣлый разсказъ редактированнымъ въ церковномъ духѣ столько же, сколько считать эти одни слова позднѣйшей вставкой переписчика, державшагося извѣстныхъ воззрѣній на римскихъ епископовъ.

[3]) Въ «мученичествѣ» также какъ и въ «дѣяніяхъ Ап. Андрея—Матѳея» городъ антропофаговъ оказывается прямой цѣлью миссіонерскихъ трудовъ собственно Ап. Матѳея, тогда какъ Андрей Первозванный является сюда случайно, чтобы помочь Ап. Матѳею. Начало «мученичества»—«κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν ἦν ἐν τῷ ὄρει καταμόνας ἡσυχάζων ὁ ἅγιος ἀπ. . . κ. εὐαγγ. . . Ματθαῖος», съ одной стороны позволяетъ считать этотъ памятникъ фрагментомъ, а съ другой напоминаетъ конецъ «дѣяній» Ап. Андрея въ городѣ антропофаговъ и особенно фразу, встрѣчающуюся въ этихъ «дѣяніяхъ»: «καὶ ἐπέταξεν Ἀνδρέας νεφέλῃ καὶ ἦρεν ἡ νεφέλη Ματθαῖον . . . . καὶ ἀπέθετο . . . . ἐν τῷ ὄρει, ὅπου ἦν ὁ Πέτρος» . . . . καὶ ἔμειναν πρὸς αὐτόν».

dorf p. 151), облако, одинъ, какъ будто-бы слѣдуетъ, что Ап. Петръ, учившій тамъ (на этой горѣ), Ап. Андрей, возвратившійся туда отъ антропофаговъ и его ученики Александръ и Руфъ уже удалились въ страну варваровъ.

Но во-первыхъ, если допускать, что «мученичество» Ап. Матѳея составляло первоначально связное цѣлое съ «дѣяніями у антропофаговъ и варваровъ», то надо допускать, что оно и, дѣйствительно, слѣдуетъ за этими дѣяніями. Такой послѣдовательности, однако, не видно. По «дѣяніямъ» Ап. Андрей и Матѳей, Руфъ и Александръ чудеснымъ образомъ переносятся на гору, къ Ап. Петру. Отсюда всѣ они въ томъ числѣ и Матѳей Апостолъ идутъ въ страну варваровъ. По «мученичеству» напротивъ Ап. Матѳей, съ горы, куда его принесло облако, отправляется не къ варварамъ, а къ антропофагамъ, докончить дѣло просвѣщенія, начатое тамъ Ап. Андреемъ. Допустимъ, что въ «дѣяніяхъ» ошибка,—авторъ случайно въ число Апостоловъ, проповѣдующихъ варварамъ, включилъ и Матѳея; но тогда нѣтъ основанія считать «мученичество» первоначальной составной частью «дѣяній Ап. Андрея»: оно совершенно самостоятельный, отдѣльный отъ «дѣяній» апокрифъ.

Съ другой стороны и успокоиться на этомъ послѣднемъ соображеніи нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ само собой очевидно, что судьба трехъ Апостоловъ Петра, Андрея и Матѳея излагается не въ спеціальныхъ для каждаго изъ нихъ актахъ, но совмѣстно, въ одномъ сложномъ повѣствованіи. Если случайно рядомъ съ тѣмъ, или другимъ Апостоломъ, о которомъ въ апокрифѣ идетъ рѣчь, упоминается какой-нибудь другой Апостолъ, или сотрудникъ, какъ напр. въ дѣяніяхъ Ап. Андрея, Ап. Матѳей, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что этотъ апокрифъ описываетъ жизнь и труды непремѣнно одного изъ трехъ—только Ап. Петра, только Ап. Андрея, только Ап. Матѳея.

Во вторыхъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ имѣющейся редакціей «мученичества» оказывается, что въ такомъ видѣ оно даже не могло быть составной частью «дѣяній» Ап. Андрея. Прежде всего странствованіе Ап. Матѳея въ городъ антропофаговъ въ «мученичествѣ» обставлено такъ, какъ будто-бы Апостолъ отправлялся сюда въ первый разъ и цѣль его странствованія вовсе не

восполнить дѣло Ап. Андрея, но вообще проповѣдывать христіанство антропофагамъ и цивилизовать ихъ. По «дѣяніямъ» Ап. Андрея между тѣмъ совершенно иначе: Матѳею Евангелисту поручено проповѣдывать вѣру Христову антропофагамъ, но такъ какъ дѣятельность его пассивна, то вотъ на помощь ему посылается Ап. Андрей и послѣднему передается дѣло, которое впервые дано было Евангелисту Матѳею. Далѣе, «мученичество» не только противорѣчитъ само себѣ, упоминая объ устройствѣ христіанской церкви и, предшествовавшихъ прибытію Ап. Матѳея, трудахъ среди антропофаговъ епископа Платона, но и невольно выдаетъ, что авторъ его зналъ о первомъ посѣщеніи Ап. Матѳеемъ города антропофаговъ, когда на помощь ему явился Ап. Андрей (Tischendorf p. 169, 6). Замѣтка-же, что оба Апостола общими трудами основали у антропофаговъ церковь, не только не связываетъ этотъ апокрифъ съ «дѣяніями» Ап. Андрея, но самымъ рѣшительнымъ образомъ разрываетъ: на дѣлѣ по «дѣяніямъ», когда Ап. Андрей страдалъ, училъ и крестилъ въ городѣ антропофаговъ, Ев. Матѳей пребывалъ «на горѣ», а послѣ того какъ Андрей Первозванный оставилъ антропофаговъ, онъ никогда не трудился среди нихъ еще разъ одновременно съ Ап. Матѳеемъ. Наконецъ, на ту-же отдѣльность нашей редакціи «мученичества» отъ «дѣяній» указываетъ и встрѣчающееся въ ней названіе города антропофаговъ Мόρνη,—такую усѣченную форму отъ слова Μορμυκών скорѣе могъ употребить переписчикъ, а не авторъ сказанія.

Въ третьихъ, хотя первоначальный чисто гностическій складъ «мученичества» и очевиденъ [1]), однако наряду съ элементами древними встрѣчаемъ въ настоящей его редакціи и признаки времени болѣе поздняго, чѣмъ II вѣкъ. Сюда, къ такимъ признакамъ—отно-

[1]) Такъ въ уста Господа Іисуса вложена гностическая рѣчь: «ὁ παράθεισος ἐγώ, ὁ παράκλητος ἐγώ, ἡ δύναμις τῶν ἄνω δυναμέων ἐγώ, ἡ ἰσχὺς τῶν ἐγκρατευομένων ἐγώ, ὁ στέφανος τῶν παρθένων ἐγώ» etc. И дальнѣйшія опредѣленія Іисуса «ὁ τῶν αἰώνων πρεσβύτερος . . . τῶν αἰώνων τούτων πάντων πατήρ» звучатъ гностически. Къ числу древнихъ еретическихъ воззрѣній относится также, что невѣрующіе—«ἄμορφοι», а увѣровавшіе—«διὰ Χριστοῦ μεμορφωμένοι»; отсюда «μόρφωσις διὰ τῆς γνώσεως» (p. 171); что Апостолъ въ виду страданій утвердился въ любви (p. 172). Обстановка мученичества Ап. Матѳея какъ и обстановка дѣяній Ап. Андрея у антропофаговъ вся строго гностическая: Апостолу неоднократно является Іисусъ Христосъ въ образѣ дитяти (p. 167—170, 175, 178, 183, 185); изгнанный Ев. Матѳеемъ, демонъ принимаетъ видъ воина и внушаетъ Фульвану убить Апостола (p. 174 sq.); ангелъ принуждаетъ демона говорить правду (p. 175); воины не видятъ Ап. Матѳея хотя и слышатъ его голосъ (p. 175); знаменія сопровождаютъ его кончину (p. 183, 185). Наконецъ,

сятся знакомство редактора съ іерархическимъ устройствомъ (Tischendorf p. 168, 187), указанія на монашество (p. 176) на почитаніе мощей (p. 179), на заупокойныя службы (p. 184), на сорокадневный постъ (p. 167) и особенно разработка литургическихъ формъ, которыя описаны весьма тщательно (p. 184 sq. 172 sq.) [1]). Правда, въ гимнахъ какъ будто-бы слышится еще еретическій отзвукъ прошлаго: буквально они составлены изъ словъ разныхъ псалмовъ; въ связи-же, какая этимъ словамъ дана, получается нѣчто новое, спеціальное, подъ чѣмъ легко могли скрываться гностическія представленія. За то начало «мученичества», напоминающее 16 ст. II гл. Ев. Матѳея и слово ἐφφαθά (p. 178), взятое изъ 34 ст. 7 гл. Ев. Марка, представляютъ несомнѣнно исправленіе древняго текста. Другой аргументъ, подтверждающій, что настоящая редакція «мученичества» не первоначальна,—составляетъ его изложеніе. Помимо тѣхъ несообразностей и противорѣчій, какія отмѣчены нами выше, многое въ немъ оказывается безсвязнымъ и измѣненнымъ. Таково напр., участіе въ судьбѣ Ап. Матѳея епископа Платона, который по англосаксонской легендѣ «Андрей», поставленъ для антропофаговъ Ап. Андреемъ и по «мученичеству» хорошо извѣстенъ, тогда какъ въ греческихъ «дѣяніяхъ» Ап. Андрея о Платонѣ вовсе нѣтъ упоминанія. Таковъ разсказъ объ изгнаніи Ап. Матѳеемъ демоновъ изъ

въ гностическомъ духѣ Ап. Матѳей обращается къ сатанѣ—«σὺ Ἀσμοδαῖε βεελζεβοὺλ σατανᾶ» (p. 173) и читаетъ предъ кончиной по еврейски молитву—«Ἀδωναΐ ἐλωὶ σαβαὼθ μαρμαρ μαρμουνθ» (p. 181).

[1]) Епископъ принимаетъ Евангеліе и псалтирь, приказываетъ чтецу найти отмѣченное мѣсто и возглашаетъ: «дорога въ очахъ Господнихъ смерть святыхъ Его»! (Пс. 115, 6); Затѣмъ: «ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищаетъ меня» (Пс. 3, 6). Общество отвѣчаетъ пѣніемъ словъ псалма: «онъ слегъ; не встать ему болѣе» (40, 9); «нынѣ возстану, говоритъ Господь» (Пс. II, 6) и всѣ взываютъ: «аллилуія» (cod. Vindobon.: и всѣ возгласили потомъ: аллилуія». И.: «возстану, говоритъ, Господь, поставлю въ безопасности того, кого уловить хотятъ» (Пс. II, 6) и всѣ взываютъ: «аллилуія»!). Епископъ полагаетъ евангеліе и всѣ взываютъ: «Слава тебѣ, прославляемый на небѣ и на землѣ». Затѣмъ слѣдуетъ приношеніе Св. жертвы за Ап. Матѳея и Евхаристія (p. 184—185). Крещеніе состоитъ изъ осѣненія крестнымъ знаменіемъ, помазанія елеемъ и погруженія; при погруженіи произносится формула—«во имя Отца и Сына и Св. Духа». На возрожденнаго надѣвается бѣлая одежда и затѣмъ онъ причащается тѣла и крови подъ видомъ хлѣба и вина, смѣшаннаго съ водой. Формула пріобщенія такова: «сіе тѣло Христа и сія чаша Его за насъ изліянной крови да будутъ тебѣ во оставленіе грѣховъ, въ жизнь (вѣчную)». Голосъ съ высоты подтверждаетъ: аминь, аминь! (p. 186).

Зифагіи, Фульвана и Ербы. Очевидно и ранѣе гдѣ-то была рѣчь объ этомъ демонѣ, но гдѣ именно изъ настоящей редакціи «мученичества» не видно; позднѣйшій редакторъ ограничился только тѣмъ, что одного демона передѣлалъ во многихъ и такимъ образомъ допустилъ лишнее противорѣчіе и съ непосредственно-предшествующимъ и съ послѣдующимъ (p. 170, 174, sq.).

Всѣмъ сказаннымъ достаточно оправдываются слѣдующіе два вывода касательно «мученичества Ап. Матѳея»: а) это «мученичество» (на основаніи 1 и 2 пунктовъ) въ первоначальной свой редакціи не составляло части, продолженія[1]), или дополненія «дѣяній» Ап. Андрея и Матѳея, Андрея и Петра; отъ этихъ «дѣяній» оно зависѣло только литературнымъ образомъ. b) Настоящая, дошедшая до насъ редакція «мученичества» не первоначальна, а представляетъ передѣлку болѣе ранней. Эта послѣдняя была чисто гностическая и принадлежала (какъ можно видѣть изъ 3-го пункта) концу II, началу III в. (валентиніанская, или маркіонитская). Первая-же, т. е. греческая редакція, сохранившаяся понынѣ, явилась въ концѣ IV, началѣ V в. и составлена, вѣроятно, какимъ-нибудь благочестивымъ, но мало образованнымъ и совершенно незнакомымъ съ гностицизмомъ греческимъ монахомъ.

Ближайшимъ дополненіемъ къ группѣ разсмотрѣнныхъ греческихъ сказаній являются переводы и передѣлки ихъ на сирійскомъ, ефіопскомъ, англосаксонскомъ и древне-славянскомъ языкахъ, частью сокращающіе, частью расширяющіе основной текстъ апокрифовъ. Таковы: «исторія мучениковъ Матѳея и Андрея, блаженныхъ Апостоловъ, какъ они обратили городъ собакъ, жители коего были кани-

[1]) Къ вышесказанному въ 1 и 2 пунктахъ можно прибавить еще слѣдующее: начало «мученичества» разсказываетъ, что Ап. Матѳей, явившагося ему, Господа Іисуса принялъ за, видѣнное имъ въ раю, виѳлеемское дитя. Предполагается, значитъ, что читателю извѣстенъ разсказъ объ этомъ видѣніи. Такой разсказъ подъ заглавіемъ «повѣствованіе о дѣяніяхъ Ап. Матѳея въ странѣ Каганатъ», дѣйствительно, встрѣчаемъ въ собраніи сѳіопскихъ (абиссинскихъ) апокрифовъ, собранныхъ и изданныхъ на англ. языкѣ Malan'омъ. (The conflicts of the holy Apostles p. 43—56). Такимъ образомъ, если предположить, что коптскіе апокрифы были переведены съ греческаго, «мученичество»—Матѳея оказывается фрагментомъ, входящимъ въ составъ особой группы гностическихъ сказаній, имѣющихъ связь съ «дѣяніями» Ап. Андрея и Матѳея только видимую, а не дѣйствительную.

балы»[1]); «книга проповѣди Матѳія, Апостола Господа нашего Іисуса Христа . . . . въ городѣ Ba'alatsaby»[2]); англосаксонское сказаніе «Андрей»[3]); «проповѣдь блаженнаго Іуды, брата Господня, коего имя было Ѳаддей, которую онъ совершилъ въ Сиріи и Дакіи»[4]) и древне-славянское «хожденіе Апостоловъ въ страну варваровъ»[5]). Первыя три редакціи имѣютъ своимъ предметомъ «дѣянія Ап. Андрея и Матѳея въ городѣ антропофаговъ»; послѣднія двѣ—«дѣянія Ап. Андрея и Петра въ странѣ варваровъ». Отношеніе позднѣйшихъ редакцій къ первоначальнымъ таково: сирійская «исторія мучениковъ Ап. Матѳея и Андрея» представляетъ сокращеніе греческихъ «πράξεις»; ефіопская «книга проповѣди» сокращаетъ сирійскую; англосаксонская легенда расширяетъ основной греческій текстъ своеобразными описаніями, отступленіями, перифразами и заимствованіями изъ другихъ источниковъ. Древне-славянское «хожденіе въ страну варваровъ» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть соотвѣтствующій фрагментарный греческій текстъ, частью его сокращаетъ, частью дополняетъ, иногда передаетъ въ буквальномъ, но плохомъ переводѣ. Повидимому, славянскій переводчикъ пользовался не той фрагментарной редакціей «дѣяній», которая дана Тишендорфомъ, но другой, болѣе распространенной въ мѣстахъ соотвѣтствующихъ сохранившимся фрагментамъ и полной, (имѣвшей разсказъ о вступленіи апостоловъ въ городъ варваровъ и проч.), хотя недоконченной (эпизода съ Онисифоромъ нѣтъ вовсе). Ефіопская «проповѣдь блаженнаго Іуды» содержитъ тоже что и «дѣянія Ап. Андрея—Петра». Имя Андрей замѣчено созвучнымъ Ѳаддей; о спутникахъ апостоловъ, называемыхъ греческой и древне-славянской редакціями, нѣтъ никакого упоминанія. Самое хожденіе къ варварамъ поставлено въ связь съ раздѣленіемъ между апостолами странъ міра для проповѣди, вслѣдъ за вознесеніемъ. Текстъ представляетъ сокращенное изложеніе I-го греческаго фрагмента и его непосредственнаго продолженія на древне-славянскомъ языкѣ. II-й греческій фраг-

[1]) Wright.—Apocryphal Acts of the Apostles ed. from syriac manuscripts. V. II. p. 93—115.

[2]) Malan.—The Conflicts of the Holy Apostles translat. from an Ephiopic MS. c. XII, p. 147—163.

[3]) Grein. Dichtungen d. Angelsachsen Bd. II, p. 1—46.

[4]) Malan. Ibid. c. XV, p. 221—229.

[5]) Тихонравовъ.—Памятники отреченной литературы т. II, 5—10.

мент въ ефіопской редакціи расширенъ и дополненъ; начало III-го измѣнено и расширено, средина сокращена, (явленія Іисуса напр. нѣтъ вовсе), конецъ также (Онисифоръ обращается вслѣдъ за первымъ чудомъ Апостола съ верблюдомъ и иглой; разсказа о вторичномъ прохожденіи сквозь игольныя уши верблюда съ женой блудницей здѣсь нѣтъ). Разсказъ оканчивается общимъ повтореніемъ II-го греческаго фрагмента и обыкновеннымъ благожеланіемъ редактора читателямъ.

Время образованія всѣхъ этихъ переводовъ можетъ быть опредѣлено только приблизительно. Древнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать сирійскую «исторію мучениковъ, Ап. Матеея и Андрея». Несомнѣнно, что въ настоящемъ видѣ «исторія» эта является очищеніемъ древнихъ гностическихъ дѣяній, но очищеніемъ поверхностнымъ, не устраняющимъ всего того, что имѣетъ специфически-еретическій оттѣнокъ. Такъ, большая часть текста[1]) здѣсь буквально повторяетъ греческую редакцію «дѣяній»; сокращенный перифразъ ничтоженъ[2]); измѣнены только цифровыя данныя[3]) и относительно

---

[1]) Напр., характеристика антропофаговъ (Wright. p. 93, пар. Tischendorf. «πράξεις», sec. 1); описаніе явленія Іисуса Христа Ап. Матеею въ тюрьмѣ (Wr. p. 94—95; пар. «πράξεις» sec. III); разговоръ Ап. Андрея съ Іисусомъ въ Ахаіи (Wr. p. 96; пар. πράξεις коп. sec. IV) и разговоръ его съ кормчимъ (Wr. p. 97—98, пар. πράξεις sec. VII; Wr. p. 98—100, пар. πράξεις sec. VIII—XI); переплесеніе Ап. Андрея и спутниковъ его Ангелами на берегъ (Wr. p. 101, пар. πράξ. sec. XVI сред.); бесѣда Ап. Андрея съ учениками на берегу и благодарственная молитва Ап. Андрея (Wr. p. 101—102; пар. πράξ. sec. XVII и начало XVIII); рѣчь Іисуса объ Ап. Матеѣ и страданіяхъ Ап. Андрея (Wr. p. 102, пар. πράξ. sec. XVIII сред.); разсказъ о вступленіи Ап. Андрея въ городъ (Wr. p. 103, пар. πράξ. sec. XIX нач.); рѣчь Ап. Андрея сатанѣ (Wr. p. 104, пар. πράξ. sec. XX); рѣчь Ап. Андрея освобожденнымъ изъ тюрьмы (Wr. p. 104, пар. πράξ. sec. XX—XXI); разсказъ объ облакѣ (Wr. p. 105, пар. πράξ. sec. XXI); открытіе палачей и рѣшеніе старѣйшинъ (Wr. p. 105—106, пар. πράξ. sec. XXII); сцена со старикомъ (Wr. p. 107, пар. πράξ. sec. XXIII) и все почти остальное (Wr. p. p. 108—115; пар. πράξ. sec. XXIV—XXXIII).

[2]) Начало апокрифа (Wr. p. 93, пар. πράξ. sec. I); разсказъ о вступленіи Ап. Андрея съ учениками на судно (Wr. p. 96—97, пар. πράξ. sec. V—VI); описаніе наводненія (Wr. p. 112, пар. πράξ. sec. XXX).

[3]) Напр., обѣщаніе избавить чрезъ 25 дней (Wr. p. 95, пар. πράξ. sec. III), а не чрезъ 27, хотя, повидимому, это описка, такъ какъ далѣе (Wr. p. 95) сходно съ греческой редакціей указано 27. Число плѣнныхъ по сирійской редакціи не 270+49, но 45 только (Wr. p. 104, пар. πράξ. sec. XXI),—очевидный пропускъ. Наконецъ, стариковъ по сир. редакціи 260, по греч.—217 (Wr. p. 107, пар. πράξ. sec. XXIII).

освобожденныхъ съ Ап. Матоесмъ плѣнниковъ сказано, что они идутъ не «въ нижнюю часть города», а въ «восточную» (сп. Tischendorf. «πράξεις» sec. XXI, пар. Wright, II, p. 104); нѣтъ совершенно упоминанія о срокѣ, по истеченіи котораго антропофаги съѣдали плѣнныхъ (Tischendorf. «πράξεις» sec. I; пар. Wright. p. 93) и о днѣ прихода палачей въ тюрьму (Tischendorf sec. IV, пар. Wright. p. 95); нѣтъ разсказа о сфинксѣ (Tischendorf, sec. XII—XV); объ ангелахъ, стоящихъ окрестъ апостоловъ (ib. sec. XVII; пар. Wright. p. 101—102); объ явленіи Господа Іисуса въ видѣ дитяти Ап. Андрею (ib. sec XVIII; пар. Wright. p. 102) и о томъ, что Апостола въ городѣ никто не видѣлъ (ib. sec. XIX; пар. Wright. p. 103); но взамѣнъ этихъ пробѣловъ встрѣчаются вставки, какихъ не находимъ въ греческой редакціи [1]). По всему ясно, что слабое очищеніе первоначальнаго греческаго текста производилось не церковнымъ редакторомъ, а еретикомъ и въ цѣляхъ наилучшаго приспособленія болѣе древняго сказанія къ новѣйшимъ представленіямъ сирійскаго гносиса. Въ духѣ Сатурнина сирійская «исторія Ап. Матѳея и Андрея» проводитъ напр. чрезъ все повѣствованіе мысль, что люди одушевленные Богомъ,—пневматики (образецъ ихъ Ап. Андрей и Матѳей) терпятъ въ жизни жестокія преслѣдованія со стороны сотворенныхъ сатаной,—людей матерьяльныхъ, не имѣющихъ образа и подобія Божія (образецъ—антропофаги). Согласно съ ученіемъ того-же Сатурнина развивается положеніе, что Мессія, явившійся вцервые какъ и всегда являющійся призрачно, научаетъ людей совершенно освобождаться отъ узъ матеріи, отъ власти сатаны и его слугъ посредствомъ гносиса («святыхъ тайнъ») и строжайшаго аскетизма. Мясную пищу Сатурнинъ недопускалъ; тѣмъ болѣе даетъ понять сирійская «исторія»,—отвратительно употребленіе въ пищу и питье человѣческаго мяса и крови,—открытое и ужасное служеніе сатанѣ. Эти лишь

---

[1]) Такъ расширена молитва Ап. Матѳея по ослѣпленіи (Wr. p. 94, пар. πράξ. sec II); о палачахъ сказано, что они приходили два раза (Wr. p. 95, пар. πράξ. sec. IV), рѣчь Господа Іисуса Ап. Андрею на берегу по пробужденіи, распространена (Wr. p. 102—103 пар. πράξ. sec. XVIII); въ разговорѣ Ап. Андрея съ Ев. Матѳеемъ встрѣчаемъ слова: «гдѣ святыя тайны, которымъ ты былъ наученъ; ибо если ты произнесешь ихъ небо и земля затрепещутъ» (Wr. p. 103). Словъ этихъ нѣтъ въ греческой редакціи «двѣнній».

краткія данныя и можемъ мы отмѣтить, какъ исходный пунктъ при опредѣленіи времени образованія разсматриваемой сирійской редакціи. Если она—передѣлка валентиніанской редакціи, «дѣяній Ап. Андрея и Матѳея», то, очевидно, не могла появиться ранѣе средины II в. Если на ней, дѣйствительно, отразилось вліяніе, такъ называемаго, сирійскаго гносиса и въ видахъ его популяризаціи она составлена, то опять-таки несомнѣнно, что самое раннее ея появленіе не восходитъ далѣе конца II, начала III в., когда идеи Сатурнина, жившаго при Адріанѣ (117—138), естественно было послѣдователямъ его популяризовать. Наконецъ, самый поздній срокъ для составленія сирійской «Исторіи» апостольскихъ дѣяній у антропофаговъ—IV вѣкъ, когда сирійскій гносисъ (маркіонитство) составлялъ еще нѣкоторую силу на востокѣ и едва-ли вѣроятно—VI, или VII ст., такъ какъ въ этотъ періодъ маркіонитство совершенно слилось съ, аналогичнымъ ему по исходному пункту, манихействомъ.

Ефіопскія редакціи обѣ,—«книга проповѣди Ап. Матѳея. . . . въ Ba'alatsaby» и «проповѣдь блаженнаго Іуды . . . . Ѳаддея въ Сиріи и Дакіи»,—образовались послѣ сирійской «исторіи мучениковъ, блаж. Ап. Матѳея и Андрея». Въ этомъ убѣждаетъ прежде всего сличеніе текста ефіопской редакціи «проповѣди въ Ba'alatsaby» съ текстомъ аналогичнаго сирійскаго сказанія. Текстъ ефіопскій буквально повторяетъ большую часть легенды по сирійской редакціи, мѣстами сокращая ее, мѣстами дополняя выдержками изъ редакціи греческой. Въ сирійской редакціи есть ясное указаніе на то, что она переведена съ греческаго («и увидѣлъ Апостолъ статую, которая *по греčески* называется алавастръ» Wright. II, 112); ефіопская своей замѣткой, что «Андрей проповѣдывалъ въ Сиріи», (Malan. p. 148), какъ бы намѣчаетъ родину оригинала, который преимущественно имѣлся въ виду при составленіи сказанія. Заимствованія изъ греческой редакціи, пополняющія сирійскій текстъ, (напр., упоминаніе объ орлахъ, которые отнесли души учениковъ Ап. Андрея въ рай, о томъ, что никто не видѣлъ Ап. Андрея, вступившаго въ городъ, имена учениковъ—Александръ и Руфъ), показываютъ, что ефіопская редакція компилятивна. По началу ея можно было бы думать, что компиляція производилась въ церковномъ духѣ, но чѣмъ дальше вчитываемся, чѣмъ больше всматриваемся, тѣмъ менѣе находимъ для

такого предположенія основаній. Тѣ же, что и въ сирійской, что и въ греческой редакціяхъ, явленія Іисуса во образѣ дитяти, тоже участіе въ судьбѣ Апостоловъ бѣсовъ, тѣ же намеки на гностическое эзотерическое ученіе, на подчиненіе Апостоламъ ангеловъ и т. д. Встрѣчающіеся по мѣстамъ тексты изъ каноническихъ Евангелій не ослабляютъ впечатлѣнія, что редакторъ еѳіопскаго сказанія былъ еретикъ, напротивъ поддерживаютъ: эти тексты или приводятъ, внезапно—по гностически—являющійся, Христосъ, или они доказываютъ разныя гностическія воззрѣнія (напр. Malan. p. 148, 149, 152, 154, 159 и пр.). Вѣроятный отсюда выводъ, что еѳіопская редакція дѣяній у антропофаговъ не древнѣе конца IV столѣтія и за этотъ выводъ стоятъ нѣкоторымъ образомъ и чисто историческія данныя. Такъ извѣстно, что Еѳіопская, или Абиссинская церковь обязана своимъ происхожденіемъ экспедиціи, предпринятой въ началѣ IV в., съ цѣлью научнаго изслѣдованія Абиссиніи, Меропіемъ Тирскимъ философомъ. Экспедиція эта не удалась; Меропій и его товарищи были убиты; два его родственника и ученика, Едезій и Фрументій взяты въ плѣнъ. Фрументій при помощи гностическихъ торговцевъ, посѣщавшихъ Абиссинію, ввелъ въ ней христіанское ученіе и богослуженіе и впослѣдствіи былъ первымъ Аксумскимъ Епископомъ. Эти событія относятся къ половинѣ IV в. Съ другой стороны, въ собраніи еѳіопскихъ апокрифовъ Malan'a, къ числу которыхъ принадлежитъ и «книга проповѣди Матѳея въ Ba'alatsaby», встрѣчается «мученичество Св. Ев. Матѳея» (p. 56—60), приводящее буквально постановленіе Халкидонскаго собора о соединеніи естествъ въ лицѣ Христа Спасителя («пріялъ плоть человѣческую отъ Дѣвы Маріи и, бывъ Богомъ, сталъ человѣкомъ безъ сліянія, безъ смѣшенія, безъ раздѣленія» = ἀσυγχύτως, ἀτρέπτως, ἀδιαιρέτως = without confusion, without mixture and without division). «Въ виду того, что еѳіопская (коптская) церковь, а вмѣстѣ съ ней и абиссинская,—говоритъ Лицсіусъ,—держатся монофизитства (съ 537 г.), остается вопросомъ, представляетъ-ли данное мѣсто текстъ оригинальный, или оно—вставка позднѣйшаго переписчика, державшагося воззрѣній, формулированныхъ на Халкидонскомъ соборѣ». Такъ какъ дальнѣйшее содержаніе мученичества обнаруживаетъ вѣру въ троичность Лицъ, въ нераздѣльность Ихъ и т. п., то по соображенію Лицсіуса, это

ѣсто оригинально, первоначально, а не прибавка ефіопская. Образованіе собранія коптскихъ сказаній и ефіопскій переводъ ихъ относятся, такимъ образомъ, на его взглядъ, къ періоду времени между 400 и 540 годами[1]). Къ этой датѣ остается прибавить только одно,—чего и Линсіусъ не отрицаетъ,—именно, что по одному памятнику литературы нельзя судить о цѣломъ собраніи ихъ и что если цѣлое собраніе принадлежитъ извѣстной эпохѣ, то отдѣльныя части его могли появиться гораздо ранѣе[2]).

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ англосаксонской легендѣ «Андрей». Первый издатель ея Гриммъ въ Proleg. (XIII—XIV) къ тексту говоритъ: «несомнѣнно, что основа этого сказанія, очищеннаго отъ поэтическихъ прикрасъ и подробностей въ мелочахъ, опирается на довольно ранніе апокрифическіе преданія». Слѣдующее за тѣмъ у него сопоставленіе содержанія англосаксонской редакціи съ латинскимъ текстомъ Авдіевыхъ «дѣяній» (Fabricius. Cod. Apocr. N. T. t. II, s. 457—460) и съ греческими «Πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου» по Cod. Париж. библіот. №№ 808 и 1556, даетъ ему право замѣтить: «вотъ несомнѣнно тотъ источникъ, изъ котораго непосредственно прямо вытекаетъ англосаксонскій мифъ объ Апостольской проповѣди у антропофаговъ. Объ немъ—этомъ источникѣ—англосаксы могли имѣть свѣденія еще въ концѣ VII вѣка, такъ какъ, по Тило, Леуцій Харина,—періоды коего на западѣ были распространены и переработывались,—жилъ въ VI вѣкѣ, а, такъ называемая, «Historia Apostolorum» Авдіи существовала уже въ VII столѣтіи . (Ibid. Proleg p. XVIII—XIX). Линсіусъ, касаясь того же вопроса, соглашается съ мнѣніемъ Гримма, что легенда «Андрей» принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ англосаксонской литературы, находитъ, что какъ «Елена» представляетъ обработку латинскихъ актовъ Киріака, такъ и «Андрей» заимствованъ тоже изъ какой нибудь латинской переработки, и непосредственной связи съ греческими актами не имѣетъ. Англосаксонская обработка,—на его взглядъ,—сильно отличается отъ греческаго текста и эти уклоненія именно такого рода, что ихъ нельзя считать продуктомъ личнаго творчества англосак-

[1]) Lipsius. Die Apostelgesch. bd. I. s. 223—224.
[2]) Ibid. bd. I. s. 81.

сонскаго поэта. Такъ, сказаніе считаетъ Ахайю страной, откуда Ап. Андрей предпринимаетъ морское путешествіе къ антропофагамъ; напротивъ по древнему греческому преданію удѣломъ Андрея Первозваннаго была Скиѳія, а не Ахайя. Далѣе, сфинксъ языческаго храма (Tischendorf. sec. XII—XV, p. 143 sq.) замѣненъ здѣсь двумя изображеніями—херувима и серафима, высѣченными на стѣнѣ Іерусалимскаго храма; Ап. Андрей борется въ темницѣ съ двумя бѣсами—отцомъ и сыномъ; въ сказаніе введено, неизвѣстное «Πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου», поставленіе Апостоломъ Платона въ епископа антропофаговъ, о чемъ упоминаетъ другой апокрифъ—«мученичество Матоея» (Tischendorf. p. 170 sq.) и т. д.[1]). На основаніи такихъ вставокъ и измѣненій можно, конечно, предполагать, что авторъ англосаксонскаго сказанія имѣлъ подъ рукой латинскій источникъ позднѣйшаго происхожденія, при переводѣ котораго далъ широкій просторъ своему поэтическому дарованію; но въ виду тѣхъ же вставокъ можно признать его и болѣе искуснымъ компиляторомъ, полагать, что онъ пользовался при составленіи легенды разными и греческими и латинскими редакціями «дѣяній». Вѣкъ появленія легенды Линсіусомъ не опредѣленъ. Однако, принимая во вниманіе, что англосаксы крестились въ концѣ VI в. (крещеніе Этельберта въ 597 г.), а въ слѣдующемъ столѣтіи,—когда соединились церкви англосаксонскихъ королевствъ, дотолѣ бывшія независимыми одна отъ другой,—у нихъ появились школы, ученики которыхъ будто-бы говорили не только на латинскомъ, но и на греческомъ языкахъ, основаны были монастыри, заведены библіотеки и распространилась письменность[2]),—можемъ относить составленіе англосаксонскаго сказанія «Андрей» самое раннее ко второй половинѣ VII вѣка.

[1]) Lipsius. Die Apokr. Apostelgesch. bd. I p. 547.

[2]) Робертсонъ. Исторія христіанской церкви. т. I, стр. 593—595, Сп. 1890.

ГЛАВА II.

Время образованія переработанныхъ и новыхъ апокрифическихъ сказаній объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному побережью Чернаго моря.

Третью группу апокрифическихъ сказаній объ апостольской проповѣди въ Черноморьѣ составляютъ латинскія *передѣлки* гностическихъ πράξεις и *новообразованія*, т. е. оригинальныя по сюжету легенды, встрѣчающіяся только на одномъ какомъ либо языкѣ. Передѣлками мы считаемъ: «de gestis beati Andreae Apostoli» (Fabricius. Cod. apocr. t. II; p. 457 etc.); «de rebus gestis a beato Matthaeo Apostolo» (ibid. t. II, p. 637—668); «de sanctis Simone et Iuda» (ibid. p. 629—636); «de rebus gestis a beato Philippo ap.» (ibid. p. 736—742) и «de rebus per Indiam a beato Bartolomeo gestis» (ibid. p. 669—687);—новообразованіями: коптско-ѳѳіопскія сказанія—«хожденіе къ Казаренамъ—Кадаренамъ», «проповѣдь Ан. Варѳоломея въ г. «Ельва», «мученичество Ан. Варѳоломея» и «проповѣдь Ан. Андрея въ г. Акрадисъ и Луддъ».

Такъ какъ латинскіе апокрифы входятъ въ собраніе, извѣстное подъ именами «virtutes apostolorum», «miracula apostolorum», «passiones apostolorum», «historia apostolica», historia certaminis apostolici», которое приписывается разнымъ авторамъ и особенно ученику Апостольскому Авдіи Вавилонскому, то судить о древности ихъ можно по двумъ основаніямъ: имѣя въ виду время, когда литературный процессъ составленія «апостольской исторіи» закончился и сопоставляя специфическія особенности содержанія этихъ апокрифовъ съ данными исторіи о состояніи христіанскаго ученія, христіанскихъ обрядовъ и церковной жизни въ началѣ среднихъ вѣковъ.

За исходный пункт при опредѣленіи древности «historia apostolica» принимаемъ указанія, относящія первую редакцію ея къ апостольскому времени. Многія рукописныя и нѣкоторыя печатныя [1]) сказанія о страданіяхъ Ап. Симона и Іуды снабжены эпилогомъ, который гласитъ, что дѣянія св. Апостоловъ написаны на еврейскомъ языкѣ Авдіей, спутникомъ Ап. Симона и Іуды, первымъ Вавилонскимъ епископомъ, ученикомъ его Евтропіемъ переведены на греческій языкъ, а Африканомъ раздѣлены на 10 книгъ и изложены по латыни: «scripsit autem gesta sanctorum apostolorum Abdias Episcopus Babyloniae, qui ab ipsis apostolis ordinatus est, sermone hebraeo. Quae omnia a discipulo ejusdem Abdiae, Eutropio nomine, in graecum translata sunt. Quae universa nihilo minus ab Africano in decem libris descripta sunt». . . . Съ другой стороны, въ томъ-же сказаніи встрѣчается какъ-бы варіантъ этого эпилога, по которому авторомъ труда объ Апостолахъ былъ не Авдія Вавилонскій, но Кратонъ, или Гратонъ, тоже апостольскій ученикъ, трудъ его также дѣлился на 10 книгъ и тоже былъ переведенъ на латинскій языкъ Африканомъ исторіографомъ: «ordinaverunt autem apostoli in civitate episcopum nomine Abdiam, qui cum ipsis venerat a Iudaea, qui et ipse viderat oculis suis Dominum et repleta est civitas ecclesiis. Quibus rite ordinatis, profecti sunt. Sequebantur autem eos turbae discipulorum et eo amplius viri. Circumierunt autem duodecim provincias Persidis et civitates earum in quibus, quae egerint et quae passi sunt per annos tredecim, longa narratione scripsit Grathon ipsorum apostolorum discipulus in decem librorum voluminibus universa comprehendens. Quae omnia Africanus historiographus in latinam transtulit linguam. Nam volentibus scire, quae fuerint apostolorum principia praedicationis, vel quo fine mundum reliquerint et ad coelestia regna migraverint, ista sufficiant» [2]). Послѣдняя фраза этого варіанта даетъ понять, что исторія дѣяній Ап. Симона и Іуды въ Персіи составляетъ только отрывокъ цѣлаго труда Кратона, обнимавшаго и «начала проповѣди Апостольской», т. е. virtutes и «образъ кончины ихъ», или passiones. Наконецъ, въ Ба-

[1]) Рукописныя passiones цитируетъ Липсіусъ,—Die Apostelgeschichten bd. I, 149; изъ печатныхъ изд. можно указать изд. 7. A. Fabricius. — Codex Apocr. N. Test. Hamb. 1703, 8, t. II, p. 387—742.

[2]) Fabricius,—Cod. Apocr. N. T. t. II, p. 629.

зельскомъ изданіи (Wolfgang Lasius) латинскихъ апокрифовъ (Abdiae Episcopi Babyloniae Historia Certaminis Apostolorum. Basel. 1551) эпилогъ къ дѣяніямъ Ап. Симона и Іуды, въ соединеніи съ прологомъ «дѣяній» Ап. Петра, оказывается переработаннымъ въ предисловіе, которое излагается отъ лица Африкана и изъ котораго видно, что Африканъ, дѣйствительно, перевелъ съ греческаго на латинскій десять книгъ сказаній объ Апостолахъ: «licet plurima de apostolicis signis sacra evangeliorum et illa, quae ab ipsis actibus nomen accepit, narret historia, tamen nobis visum est, ut retractatis exemplaribus ac voluminibus istis de uniuscujusque virtutibus, quantum invenire possumus, libros singulos conscribamus, ut etiam si alicui delectatio fuerit inquirendi, quod ille, aut ille proprium gessit apostolus, singillatim repperiatur in singulis. Illud etiam placuit, ut his virtutibus passionum historiae connectantur»...

Какъ примирить эпилогъ съ варіантомъ и насколько всѣ три указанія соотвѣтствуютъ дѣйствительности?

Предполагать, что въ варіантѣ первоначальное имя Авдіи замѣнено именемъ Кратона случайно, или по недоразумѣнію, основаній нѣтъ, какъ нѣтъ основаній допускать, что одна и та-же «historia apostolica» приписывалась разнымъ авторамъ[1]). Сравнительно съ эпилогомъ варіантъ тѣмъ особенно и отличается, что авторство Авдіи здѣсь исключено въ силу положительныхъ данныхъ. «Апостолы Симонъ и Іуда,—говоритъ авторъ варіанта,— странствовали по Персіи въ теченіи 13 лѣтъ, послѣ того какъ рукоположили Авдію въ епископа для Вавилона. Все, что совершили и претерпѣли они за эти 13 лѣтъ описалъ не Авдія, а Кратонъ очевидецъ и ученикъ апостоловъ», такъ какъ въ санѣ вавилонскаго епископа Авдія и по удаленіи Ап. Симона—Іуды въ Персію оставался, очевидно, въ Вавилонѣ. Эпилогъ «scripsit autem gesta» и проч. оказывается, поэтому, лишь подражаніемъ тому указанію на Кратона, какое дано въ исторіи Ап. Симона и Іуды. Вѣроятно, имя Кратона въ оригиналѣ, которымъ пользовался составитель эпилога, было или опущено, или искажено. Вѣроятно, желая возстановить мнимую правду, составитель эпилога и призналъ «ученикомъ

[1]) Ibid. Cod. Apoc. t. II, p. 629, n. 5.

апостольскимъ», авторомъ десяти книгъ апостольскихъ дѣяній и страданій Авдію, о которомъ предъ тѣмъ шла рѣчь. Прямымъ слѣдствіемъ этого явилось, что Африканъ переводилъ творенія не Кратона, но Авдіи. Дальнѣйшая подробность относительно оригинальнаго языка «дѣяній» нашла основаніе въ замѣчаніи варіанта объ Авдіѣ, какъ выходцѣ изъ Іудеи, который, конечно, (предполагается) и говорилъ, и писалъ на родномъ языкѣ. Текстъ греческій оказывался по всему переводнымъ и надо было указать переводчика. Составитель эпилога не усумнился назвать такимъ переводчикомъ Евтропія, извѣстнаго компилятора, «Breviarium Romanae historiae» котораго онъ, можетъ быть, читалъ. Къ тому-же и нѣкоторое побочное основаніе имѣлось: этотъ Евтропій открылъ въ римскихъ анналахъ письмо Лентула о ликѣ Спасителя [1]). Отчего бы онъ не могъ также заняться и переводомъ твореній Авдіи съ еврейскаго языка на греческій?! Обработанный подобнымъ образомъ, варіантъ составитель присоединилъ къ исторіи Ап. Симона и Іуды, какъ эпилогъ. Повидимому, не было особыхъ препятствій обратить его въ эпилогъ и цѣлаго сборника. Въ рукописяхъ, такъ называемаго, «Авдіи» «passio Simonis et Iudae» составляетъ конецъ всѣхъ дѣяній и часто за словами эпилога «scripsit autem gesta» etc. встрѣчается замѣтка «explicinnt miracula et passiones apostolorum». Конецъ дѣяній Ап. Симона и Іуды—конецъ латинскихъ апокрифовъ,—слѣдовательно, эпилогъ послѣдняго сказанія—эпилогъ всѣхъ сказаній: «всѣ (сіи) дѣянія св. апостоловъ писалъ Авдія, епископъ Вавилонскій». Однако, спутанность представленій у составителя эпилога здѣсь также очевидна, какъ и ранѣе. Онъ самъ утверждаетъ, что Авдія «ordinatus ab ipsis apostolis» и эти Апостолы по ходу его рѣчи не вообще всѣ Апостолы, но именно Симонъ и Іуда. Какъ ставленникъ Симона и Іуды, какъ очевидецъ начала ихъ проповѣднической дѣятельности, Авдія естественно могъ описывать «principia praedicationis» этихъ апостоловъ, что отмѣчаетъ и варіантъ; о послѣдующихъ-же трудахъ ихъ онъ могъ совершенно не знать, равнымъ образомъ могъ не имѣть свѣденій и о трудахъ прочихъ осьми апостоловъ. Далѣе, по смыслу эпилога, выдержка изъ твореній Авдіи

[1]) Ibid. t. I, p. 302.

исчерпывается началомъ первой и концомъ десятой книги сборника. Если вспомнить исторію Ап. Симона и Іуды, то такое указаніе понятно; если, напротивъ, то-же указаніе примѣнить къ цѣлому собранію апокрифовъ, то оно станетъ совершенно безсмысленнымъ. Гипотеза, будто Авдій сн. Вавилонскій – авторъ латинскаго собранія апокрифовъ, такимъ образомъ,—недоразумѣніе. Ни въ одной рукописи «virtutes et passiones» это имя не встрѣчается по словамъ Линсіуса [1]) какъ имя автора, которому принадлежитъ сборникъ. Ни въ одной рукописи «дѣяній» нѣтъ также, приведеннаго въ Базельскомъ изданіи латинскихъ апокрифовъ, указанія на Африкана. Къ тому-же извѣстно[2]), что Африканъ писалъ по гречески, а не по латыни. Единственное основаніе, что это собраніе составлено Кратономъ, можно находить въ свидѣтельствѣ Стефана Преторія[3]) о Кратонѣ, какъ авторѣ «дѣяній» Ап. Симона и Іуды и «исторіи» Ап. Варооломея; но во-первыхъ, по вполнѣ справедливому замѣчанію Линсіуса [4]), начальныя слова «исторіи» Ап. Варооломея—«ex Crathone horum apostolorum discipulo» слѣдуетъ считать концомъ предшествующихъ ей фрагментарныхъ дѣяній Ап. Симона и Іуды; во вторыхъ, есть положительныя доказательства въ пользу того, что эта «исторія» сложилась на иной почвѣ, чѣмъ Кратоново сказаніе объ Ап. Симонѣ и Іудѣ [5]). Авторство Кратона ограничивается, слѣдовательно, составленіемъ только «passio Simonis et Iudae» и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть распространено на весь составъ латинскихъ апокрифическихъ сказаній объ Апостолахъ. Однако и этотъ выводъ не настолько убѣдителенъ, чтобы устранить сомнѣніе и относительно такого минимальнаго авторства. Несомнѣнно[6]), что Авдіевы апокрифы вообще представляютъ переработку древнихъ гностическихъ источниковъ. Несомнѣнно, что и дѣянія Ап. Симона—Іуды также переработка. Отсюда имя «Кратонъ» можно съ бо́льшимъ правомъ считать за намекъ позднѣйшаго компилятора на старинный источникъ, которымъ онъ пользовался, чѣмъ за собственное имя

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, 120.
[2]) Gelzer. Sextus Julius Africanus. Lpz. 1880, thl. I, 18.
[3]) Fabricius, t. II, 931.
[4]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, 121.
[5]) Dictionary of Christian Biography, art. Abdias t. I, p. 2.
[6]) Доказательства указаны будутъ ниже.

извѣстнаго лица. Никакой Кратонъ—Гратонъ, ученикъ и спутникъ Апостоловъ, проповѣдывавшихъ въ Персіи, нигдѣ кромѣ дѣяній Ап. Симона—Іуды, не упоминается. Цанъ отождествляетъ[1]) его съ философомъ Кратономъ, называемымъ въ дѣяніяхъ Ап. Іоанна[2]), но помимо того, что имена Кратонъ (фиктивное) и Кратесъ[3]) (дѣйствительное) не тождественны, представляется невѣроятнымъ, какимъ образомъ одно и тоже лицо сопровождало въ теченіи 13 лѣтъ Апостоловъ по провинціямъ Персіи и жило въ Ефесѣ, такъ сказать, на глазахъ Евангелиста Іоанна безвыходно. Личность Кратона, слѣдовательно, легендарна столько-же сколько и личность его конкурента,—Авдіи. Впервые имя Авдіи, какъ Вавилонскаго епископа, поставленнаго апостолами, встрѣчается у псевдо-Кратона (passio Simonis et Iudae). По Сократу[4]) и Ѳеодориту[5]), персидскій епископъ Абда (Abda) изгналъ бѣса изъ сына царя персидскаго и разрушилъ храмъ бога солнца; но эти свѣденія легко могли быть почерпнуты историками изъ апокрифическаго повѣствованія о разрушеніи Симономъ и Іудой храма солнца въ персидской области Сваниръ[6]); съ другой стороны епископъ Абда оказывается здѣсь современникомъ Кирилла Александрійскаго, а не ученикомъ Апостоловъ. Созоменъ въ спискѣ епископовъ, казненныхъ Сапоромъ, приводитъ[7]) имя «Abdas»; однако, по Wright'y (Dictionary of Christian Biography. Artic. Abda t. I, p. 1) и Бособру (Histoire critique de Manichée et du Manichéisme I. 408) имена «Abda» и «Abdas» совсѣмъ не тождественны съ семитическимъ «Ἀβδίας», которое звучитъ близко сходно съ «Addäus» или Thaddäus». «Авдіей» называетъ затѣмъ Руфинъ въ переводѣ церковной исторіи Евсевія, «Abdum, quemdam Abdi filium podagra laborantem»[8]), котораго Ап. Ѳаддей исцѣлилъ по Едесскимъ актамъ вслѣдъ за Авгаремъ. О тожествѣ лицъ, конечно, и здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи. Менологъ Василія[9]), подъ 5 сентября

[1]) Acta Ioannis. s. LXXX, sq.

[2]) Fabricius II, 557 sq.

[3]) Lipsius.—Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 98; Fabricius t. II, 557.

[4]) Historia eccles. (Cantabr. MDCCXX) l. VI, c. 8, p. 353—354.

[5]) Hist. eccl. V, 39.

[6]) Fabricius, t. II, p. 631 sq.

[7]) Historia eccles. Ed. Cantabr. lib. II, c. 13. p. 61.

[8]) Eccles. historia ed. Cantabr. MDCCXX. lib. I, c. 13, p. 40.

[9]) Migne. Patrol. gr. CXVII, 32.

помѣщаетъ память Авдіи (Ἀβδίου) Персидскаго, но ни званіе этого мученика, ни время его жизни здѣсь не опредѣлено. Наконецъ, нѣтъ имени Авдіи, какъ Апостольскаго ученика ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ учениковъ Апостольскихъ (пс. Дорооея, пс. Епифанія, пс. Ипполита) и увѣреніе Вольфганга Лазія, Воссія и Каве, что Авдія одинъ изъ 72, очевидно, имѣетъ въ своей основѣ только слова пс. Кратопова «passio Simonis et Iudae»: — «ordinaverunt... apostoli.. Abdiam... qui et ipse viderat oculis suis Dominum».

Итакъ, по мнимо-точнымъ указаніямъ эпилога «passio Simonis et Iudae», его варіанта и пролога къ «дѣяніямъ» Ап. Петра судить о дѣйствительной давности латинскихъ апокрифовъ невозможно.

Изложимъ и разсмотримъ теперь гипотезу Линсіуса о составѣ псевдо-авдіевыхъ апокрифовъ, о крайнемъ предѣлѣ ихъ образованія и объ ихъ источникахъ.

Разнообразные тексты сказаній, входящихъ въ составъ, такъ называемаго, Авдіева сборника и рецензіи текстовъ,— говоритъ Линсіусъ[1]),— «дѣлаютъ весьма затруднительнымъ возстановленіе первоначальнаго собранія, если только можетъ быть рѣчь о какомъ либо общемъ собраніи»... Что трудъ этотъ «принадлежитъ не одному автору, нечего и доказывать; но первоначальное, разобщенное существованіе частей его, какъ самостоятельныхъ произведеній, нуждается въ предварительной аргументаціи». Изученіе рукописей дастъ во всякомъ случаѣ тотъ положительный выводъ, что «издревле существовали двѣ группы сказаній, изъ которыхъ одна носила названіе «virtutes», или «miracula», другая надписывалась «passiones». Первая группа имѣла прологъ «licet plurima» и возникла постепенно; поэтому въ настоящій составъ ея входятъ разнородныя, болѣе и менѣе древнія, болѣе и менѣе поздніе сказанія объ Ап. Петрѣ, Павлѣ, Андреѣ, Іоаннѣ и Ѳомѣ[2]). Единственно-ли это собраніе (virtutes) и первоначально-ли — вопросъ. Мысль объединить, имѣвшіяся на лицо, апостольскія «passiones» издавна возбуждала живой интересъ и многіе останавливались, пытаясь ее осуществить. Съ другой стороны, рукописи обнаруживаютъ, что, независимо отъ «virtutes», существовалъ сборникъ

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I. s. 124—134.
[2]) Ibid. s. 149, 150.

мученичествъ—«liber passionum XII apostolorum», который такъ же подвергался неоднократнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ, особенно часто переписывался, а иногда и дополнялся свѣденіями изъ бывшаго уже въ обращеніи собранія «virtutes». Наконецъ, композиція собранія «de virtutibus», или «de miraculis apostolorum» такова, что прямо предполагаетъ существованіе особаго самостоятельнаго собранія «passiones», которое обнимало мученія семи Апостоловъ—Іакова брата Божія, Филиппа, Іакова Заведеева, Варооломея, Матѳея, Симона и Іуды и оканчивалось эпилогомъ «scripsit autem gesta» etc. [1]). Время образованія сборника «virtutes» опредѣляется тѣмъ, что сочиненіе Григорія Турскаго «de miraculis beati Andreae» составляетъ его существенную часть. Григорій былъ епископомъ съ 573—595 г.; житіе Ап. Андрея написано имъ послѣ «de gloria martyrum». Отсюда можно полагать, что собраніе «virtutes» въ цѣломъ видѣ явилось не ранѣе конца VI вѣка. Собраніе «passiones» немного древнѣе. О немъ не знаетъ посвященная папѣ Вигилію (540—555) «historia apostolica» Аратора, но Григорій Турскій въ сочиненіи «de gloria martyrum» цитуетъ уже «passio Thomae» и «historia agonis Bartholomaei»; а Венанцій Фортунатъ († 609 г.) ясно указываетъ, что въ его время былъ извѣстенъ сборникъ «passiones XII Apostolorum». Подъ конецъ VII в. нѣкоторыя свѣденія изъ этого сборника заимствуются мартирологомъ бл. Іеронима и еще позднѣе въ трактатѣ Бэды († 735 г.) «retractationes in acta apostolorum» значительная часть исторій, составляющихъ сборникъ «apostolorum passiones», sive «historiae in quibus apostolorum passiones continentur»,—называется «апокрифами». По всѣмъ этимъ даннымъ «passiones apostolorum» въ полномъ составѣ явились около второй половины VI столѣтія. О большей части сказаній, относящихся къ обѣимъ группамъ («virtutes» и «passiones»), слѣдуетъ сказать, что они,—хотя и имѣютъ источникомъ греческіе апокрифы,—писаны первоначально на латинскомъ языкѣ. Родина ихъ—франкскіе монастыри, обнаружившіе въ концѣ VI, началѣ VII в. широкую литературную дѣятельность. Цѣнность собраній («virtutes et passiones») устанавливается тѣмъ, что большая часть содержащихся въ нихъ свѣденій почерпнута изъ древнихъ источниковъ,

[1]) Ibid. s. 151, 158.

отъ которыхъ намъ досталось вообще очень немногое. Такъ, можно думать, что «virtutes Andreae» представляютъ переработку гностическихъ «περίοδοι Ἀνδρέου»; источникъ «passio Simonis et Iudae» составляетъ «longa narratio» Апостольскаго ученика Кратона, изъ 10 книгъ котораго наличный текстъ (passio) извлеченъ. «Passio Matthaei», судя по его современной (ed. Fabricius II, 608, 653, etc.) редакціи,—переработка текста, положеннаго въ основу «passio Simonis et Iudae», слѣдовательно можетъ быть разсматриваемо, какъ второе извлеченіе изъ книгъ Кратона и настоящій видъ свой получило, вѣроятно, между 550—580 г. Наконецъ, «Passio Philippi», стоящее внѣ связи съ гностическими «περίοδοι Φιλίππου», по нѣкоторымъ даннымъ восходитъ къ вѣку Поликрата Ефесскаго, упоминаемаго Евсевіемъ (H. E. III, 31; ed. Cantabr. p. 125), но прямо-ли почерпнуто изъ древняго источника, или представляетъ обработку церковнаго преданія, сказать рѣшительно невозможно [1]).

Таковы главныя мысли гипотезы Линсіуса. Въ изложеніи подробномъ, съ удержаніемъ частностей она имѣетъ всѣ качества гипотезы научно поставленной и тщательно обоснованной. Единственный пробѣлъ лишь въ томъ, что, при хронологически точномъ опредѣленіи крайне поздняго срока, къ которому собранія «passiones» и «virtutes» вполнѣ завершились, въ ней нѣтъ указаній, когда начался процессъ переработки въ церковномъ духѣ гностическихъ сказаній, составляющихъ и по мнѣнію Линсіуса первоисточникъ псевдо-Авдіевыхъ апокрифовъ. Опредѣленіе-же такого ранняго предѣла имѣетъ неотъемлемое значеніе во-первыхъ потому, что при немъ исторія «passiones» и «virtutes» получаетъ свое начало, во-вторыхъ,—устанавливается время возникновенія первыхъ церковныхъ редакцій отдѣльныхъ «passio» и «virtutes». Ни то, ни другое, очевидно, не дается хронологическими датами Линсіуса, примѣнимыми исключительно къ полнымъ собраніямъ «passiones» и «virtutes», отдѣльныя части которыхъ притомъ подвергались ранѣе неоднократной церковной цензурѣ. Съ этимъ пробѣломъ органически соприкасаются два вопроса—объ элементахъ гностическихъ, удержавшихся въ латинскихъ апокрифахъ, несмотря на неоднократное очищеніе и о томъ,

[1]) Ibid. s. s. 165, 168, 169—170, 174, 176, 177, 178.

какому времени отвѣчаютъ, встрѣчающіяся въ «passiones» и «virtutes» псевдо-Авдіи, разнообразныя указанія на обряды, обычаи и вѣроученіе. И опять-таки ясно, что отъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ зависитъ опредѣленіе самаго ранняго времени происхожденія тѣхъ древнихъ текстовъ, которые служили матерьяломъ для переработки въ тексты современные. Итакъ, пользуясь гипотезой Липсіуса, какъ предположеніемъ доказаннымъ и принимая выводъ о времени завершенія собраній «passiones» и «virtutes» въ качествѣ несомнѣннаго, мы считаемъ необходимымъ для законченности представленія дополнить ее въ вышеуказанныхъ отношеніяхъ.

Первое извѣстіе о переработкѣ гностическихъ апокрифовъ въ сказанія церковныя содержитъ письмо Турибія Асторгійскаго къ Цепонію и Идацію. «Ut autem mirabilia illa atque virtutes, quae in apocryphis scripta sunt,—пишетъ Турибій,—sanctorum apostolorum vel esse, vel potuisse esse non dubium est, ita disputationes assertionesque illis sensuum malignorum ab haereticis, constat, esse insertas, ex quibus scripturis diversa testimonia blasphemiis omnibus plena sub titulis suis adscripta digessi» [1]). Такимъ образомъ достаточно ясно, что̀ въ апокрифахъ церковно, или по крайней мѣрѣ можетъ быть признано церковнымъ и что̀ слѣдуетъ считать еретическимъ. Церковны чудеса и дѣянія («mirabilia atque virtutes») Апостоловъ; нецерковны, влагаемыя въ ихъ уста, рѣчи и ученіе. Если припомнить, что письмо Турибія было разъясненіемъ папскаго циркуляра и развивало мысли, высказанныя изъ Рима, то станетъ понятно, что Турибій своимъ разграниченіемъ церковныхъ и нецерковныхъ элементовъ въ апокрифахъ только намѣчалъ принципъ, какому вообще слѣдовали при переработкѣ гностическихъ памятниковъ на западѣ и какому слѣдовать внушалось папой и въ Испаніи. Слова Турибія о церковномъ элементѣ въ апокрифахъ, слѣдовательно, съ одной стороны — программа новыхъ желательныхъ представителямъ церкви работъ, которыя настоятельно необходимы для замѣны, широко распространившихся среди простаго народа, еретическихъ апокрифовъ, съ другой стороны,—критерій, по которому можно судить при точномъ исполненіи папскаго циркуляра, что̀ уничтожается,—книга-ли чисто ере-

[1]) Opera Leonis M. ed. Ballerini. I, 711 sq.

тическая, или переработка въ церковномъ духѣ. Турибій, какъ видно, самъ не читалъ подобныхъ церковныхъ переработокъ, можетъ быть потому, что въ Испаніи въ его время онѣ были еще мало распространены, или вовсе не встрѣчались; но въ Римѣ, въ Италіи, на востокѣ такое отсутствіе ихъ около половины V вѣка оказывается прямо невозможнымъ и въ виду тона папскихъ приказаній слишкомъ рѣшительнаго, который былъ бы неумѣстенъ при отсутствіи наличныхъ, переработанныхъ въ церковномъ духѣ, сказаній, могущихъ замѣнить простому народу еретическое чтеніе, и въ виду рѣзкихъ отзывовъ о гностическихъ апокрифахъ, высказанныхъ ранѣе Льва I-го, что опять-таки было возможно лишь при существованіи церковныхъ передѣлокъ, которыя, какъ произведенія новыя, мало извѣстныя, не могли сразу вытѣснить старинныя, популярныя хотя по характеру и нецерковныя сказанія. Турибій писалъ въ половинѣ V-го вѣка; его термины для опредѣленія церковныхъ элементовъ въ гностическихъ сказаніяхъ— «mirabilia apostolorum», «virtutes apostolorum» — настолько характерны, что при сопоставленіи ихъ съ надписаніями церковныхъ передѣлокъ, постоянно встрѣчающимися въ латинскихъ манускриптахъ— «virtutes apostolorum», «miracula apostolorum», — само собой является предположеніе, не существовали-ли уже въ его время повѣствованія объ апостолахъ, носившія названія «mirabilia», «virtutes», «miracula» и т. п. Во всякомъ случаѣ сопоставленіе циркуляра папы Льва I-го, письма Иннокентія I-го Ексуперію и письма Турибія Асторгійскаго Цепонію и Идацію [1]) устанавливаетъ, что въ началѣ V вѣка мысль о замѣнѣ популярныхъ среди простаго народа еретическихъ апокрифовъ сказаніями церковнаго склада созрѣла на западѣ окончательно и, быть можетъ, уже при папѣ Иннокентіѣ (402—417 г.) появились первые образцы латинскихъ «virtutes», «passiones», «miracula sanctor. apostolorum» и т. д.

Пятый вѣкъ и особенно начало шестаго составляютъ въ исторіи церковной апокрифической литературы запада время накопленія матерьяловъ. Одни сказанія очищались отъ еретическихъ примѣсей, передѣлывались, (какъ доказываютъ это «virtutes» и «passiones» Ап.

[1]) Ibid. ed. Ballerini. Ep. 15, I, 706. Constant. Epp. pontif. I, 796; ep. VI, 13.

Петра, Павла, Іоанна, Андрея и Ѳомы, соотвѣтствующія «περίοδοι» и «πράξεις» тѣхъ-же Апостоловъ); другія (напр. «passio Simonis et Iudae») извлекались въ видѣ сокращеній изъ источниковъ слишкомъ обширныхъ («десять книгъ Кратона»), или компилировались; иныя, повидимому, возникали вновь. По сохранившимся переработкамъ, редакціямъ и рецензіямъ текстовъ [1]), измѣненія одного и того же сказанія повторялись неоднократно. «De quibusdam (изъ Апостоловъ) exstant libri,—читаемъ въ прологѣ къ «virtutes Andreae», редакція которыхъ приписывается [2]) Григорію Турскому,—in quibus proprie actiones eorum denotantur. De plerisque enim nihil aliud, nisi passionum scripta suscipimus. Nam repperi librum de virtutibus sancti Andreae apostoli, qui propter nimiam verbositatem a nonnullis apocryphus dicebatur. De quo placuit, ut retractatis enucleatisque tantum virtutibus, praetermissis his, quae fastidium generabant, uno tantum parvo volumine admiranda miracula clauderentur, quod et legentibus praestaret gratiam et detrahentium auferret invidiam, quia inviolatam fidem non exigit multitudo verbositatis» etc. . . . Здѣсь даны почти всѣ указанія, чтобы судить о процессѣ превращенія нецерковныхъ апокрифовъ въ церковныя благочестивыя легенды. Автору «virtutes Andreae» извѣстны книги объ апостолахъ, описывающія ихъ «actiones». Есть сказанія объ ихъ кончинѣ («passiones»). Есть носящія заглавіе «virtutes», но страдающія многословіемъ («verbositas»). Долгъ его, какъ члена церкви («quod et legentibus praestaret gratiam») и какъ искоренителя превратныхъ мнѣній («et detrahentium auferret invidiam») переработать послѣднія: онъ обязанъ выпустить все, что шокируетъ стыдливость («quae fastidium generabat») и восполнить пробѣлъ изъ другаго источника изложеніемъ удивительныхъ и, конечно, поучительныхъ чудесъ Апостола («uno tantum parvo volumine admiranda miracula clauderentur»). И онъ, дѣйствительно, перерабатываетъ по такой программѣ текстъ псевдо-Авдіева сказанія объ Ап. Андреѣ (Fabricius II, 456 sq.), въ свою очередь тоже очищенный предшественниками, но болѣе распространенный и хранящій нѣкоторые

[1]) Lipsius. Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 135—148.

[2]) Ibid. s. 137.

гностическіе слѣды. Или другой прологъ[1]), представляющій подражаніе приведенному[2]), говоритъ: «licet plurima de apostolicis signis . . . . narret historia, tamen nobis visum est, ut retractatis exemplaribus ac voluminibus . . . de uniuscujusque virtutibus, quantum invenire possumus libros singulos conscribamus, ut etiam si alicui delectatio fuerit inquirendi, quod ille, aut ille proprium gessit apostolus, singillatim repperiatur in singulis Illud etiam placuit, ut his virtutibus passionum historiae connectantur. Nam de multis apostolis nihil aliud ad nos praeter ipsarum passionum monumenta venerunt» . . . etc. Новаго сравнительно съ прологомъ Григорія Турскаго сказано мало: также упоминаются историческіе разсказы о чудесахъ апостоловъ, (historiae de signis), хотя и выставлено на видъ, что автору извѣстны цѣлые томы и экземпляры подобныхъ разсказовъ; также указываются «passiones» и «virtutes» каждаго Апостола, существующія, однако, отдѣльно, почему у автора возникла мысль связать ихъ, дабы всякій желающій знать, что именно тотъ или другой Апостолъ совершилъ, тотчасъ и удовлетворялъ свое желаніе, а не искалъ по разнымъ книгамъ, не перелистывалъ цѣлые томы; также съ оттѣнкомъ нѣкоторой горечи замѣчается по адресу прежнихъ писателей, что о многихъ Апостолахъ они ничего не могли оставить кромѣ описанія ихъ кончины. . . . Но если взглянуть на дѣло нѣсколько иначе, если два эти пролога перечитать, какъ итогъ минувшихъ работъ, то окажется, что, дѣйствительно, V и начало VI столѣтія были временемъ усиленнаго очищенія и превращенія церковными писателями запада матерьяловъ гностическихъ въ матерьялы агіологическіе. Составлялись «historiae de apostolicis signis», «historiae de actionibus apostolorum», «passiones», «virtutes sanctorum apostolorum», «miracula apostolorum», писались и «parva volumina», и цѣлые «exemplares» такихъ «исторій» и вся эта работа велась по началу указанному Турибіемъ: — «mirabilia atque virtutes (s. apostolorum) vel esse, vel potuisse esse, non dubium est». Доказательство на лицо. Правило Турибія—Льва I повторяется, настойчиво внушается ли-

[1]) Abdiae Episc. Historia Certaminis Apostolorum ed. Lazius, Basel. 1551, lib. I. Lipsius. Ibid. s. 118, 1; 157.

[2]) Lipsius. Ibid. s. 157, 162.

цамъ, занимающимся компиляціей, очищеніемъ древнихъ гностическихъ сказаній и составленіемъ новыхъ церковныхъ апокрифовъ въ письмахъ псевдо-Іеронима, и псевдо-Мелитона [1]), которыя принадлежатъ, какъ доказываетъ Линсіусъ, концу V-го, началу VI-го столѣтія [2]).

Конечно, на первыхъ порахъ, въ V в. многія изъ работъ не только оказывались неудовлетворительными на взглядъ лицъ компетентныхъ въ агіографіи, но и имѣли характеръ отрывочный: преобладали сказанія объ отдѣльныхъ Апостолахъ, о разныхъ событіяхъ и случаяхъ въ ихъ жизни, объ ихъ чудесахъ, объ обстоятельствахъ ихъ кончины и т. п. Даже такія законченныя въ извѣстномъ смыслѣ вещи, какъ «epistola presbyterorum et diaconorum Achaiae», какъ «passio Philippi», или какъ «passio Matthaei» въ первое время, надо полагать [3]), стояли совсѣмъ одиноко, внѣ связи съ однородными, однопредметными сказаніями. Исключеніе, можетъ быть, имѣемъ въ «virtutes Petri, Pauli, Andreae, Iohanni et Thomae», какъ передѣлкѣ законченнаго собранія древнихъ гностическихъ «περίοδοι», или «πράξεις», но за недостаткомъ прямыхъ указаній и это прямо не утверждаемъ. Систематизація вступила въ права лишь послѣ того, какъ сознано было неудобство обыкновенному читателю пользоваться обширнымъ, накопившимся за полтора вѣка матерьяломъ, послѣ того какъ возникла мысль критически отнестись къ выполненной работѣ и выдѣлить изъ нея наилучшіе по содержанію, по стилю, по непосредственному впечатлѣнію образцы. Такимъ дѣломъ, дѣйствительно [4]),

---

[1]) Fabricius. Cod. apocr. I, 7 cet.; Tischendorf. Apocal. apocr. Lips. 1866, p. 124 cd. II, p. 51, sq. Первое письмо пс. Іеронима: . . . . «Selencus, qui passiones apostolorum conscripsit, hunc libellum (de nativitate s. Mariae) composuit. Sed sicut de virtutibus eorum et miraculis, per eos factis vera dixit, de doctrina vero eorum plura mentitus est, ita et hic multa non vera de corde suo confinxit». Первое письмо пс. Мелитона: «volo sollicitam esse fraternitatem vestram de Leucio . . . Quaedam de virtutibus quidem, quae per eos (apostolos) Dominus fecit, vera dixit; de doctrina vero multa mentitus est. «Второе письмо пс. Мелитона предъ латинскимъ текстомъ «Transitus Mariae» (Bibl. Patr. Max. II, 2, 212): «saepe scripsisse me memini de quodam Leucio, qui . . . . plurima de apostolorum actibus in libris suis inserait. Et de virtutibus quidem eorum multa et varia (vera) dixit, de doctrina vero eorum plurima mentitus est, asserens eos aliter docuisse et stabiliens, quasi ex eorum verbis sua nefanda argumenta».

[2]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 106.

[3]) Ibid. s. 149—150.

[4]) Ibid. s. 170.

можно было заняться только въ половинѣ VI вѣка. Къ этому времени франкскіе монастыри еще оставались центрами живаго литературнаго дѣла, жажда благочестиваго знанія была сильна, мѣстные интересы проявляли иногда значительное дѣйствіе. Что касается собственно новаго направленія, которое принималъ вѣковой трудъ, то препятствій никакихъ не предвидѣлось. Матерьялъ накопился обширный, разнообразный, составленный въ церковномъ духѣ, не было необходимости ни вѣрно передавать древніе оригиналы, ни преслѣдовать цѣли науки, или назиданія, надо было только дать въ руки народу возможно полное собраніе сказаній о дѣяніяхъ и жизни св. Апостоловъ, главнымъ образомъ объ ихъ чудесахъ и мученической кончинѣ. Надо было, слѣдовательно, еще разъ пересмотрѣть все, еще разъ переработать то, что служило прежде догматическимъ цѣлямъ, размѣстить матерьялъ; выраженія, продолжавшія вслѣдствіе недосмотра, или непониманія прежнихъ редакторовъ носить еретическій оттѣнокъ, замѣнить вполнѣ церковными оборотами и, гдѣ слѣдуетъ, оживить повѣствованіе [1]). Собранія «virtutes» и «passiones», приписываемыя Авдіи Вавилонскому, Григорію Турскому, Африкану,—образцы такихъ компилятивныхъ систематизаторскихъ работъ VI вѣка. По нимъ можно судить, насколько удачно группировка матерьяла производилась, какъ глубоко неоднократное редактированіе сгладило старыя гностическія особенности апокрифовъ, насколько древни первыя церковныя редакціи сказаній, слѣды которыхъ (редакцій) отразились въ редакціяхъ переработанныхъ, дошедшихъ донынѣ.

Что систематизація отдѣльныхъ «passiones» и «virtutes» въ цѣлые сборники была дѣломъ произвольнымъ, а иногда и прямо механическимъ, въ этомъ достаточно убѣждаютъ крайнее разнообразіе въ расположеніи сказаній [2]), сочетаніе съ «passiones» и «virtutes» та-

[1]) Однимъ изъ средствъ къ оживленію повѣствованія по взгляду позднѣйшихъ редакторовъ было частое употребленіе личныхъ формъ: не только тщательно сохранялись въ мѣста оригинала, гдѣ повѣствователь говорилъ въ первомъ лицѣ, но намѣренно вводились въ разсказъ очевидцы, свидѣтели даннаго событія (Fabric. II, 445, sq., 447, 514, 549, 584, 588, 589 и т. д.).

[2]) Такъ, иногда «passiones» располагались въ календарной послѣдовательности, именно: «passio» Ап. Филиппа и Іакова Малаго (память 1 мая), затѣмъ Ап. Петра и Павла (29 іюня), Іакова Заведеева (25 іюля), Варѳоломея (24 августа), Матѳея (21 сентября), Симона и Іуды (28 октября), Андрея (30 ноября), Ѳомы (21 декабря) и Іоанна (27 декабря).

кихъ прологовъ и эпилоговъ, которые не имѣютъ къ нимъ прямаго отношенія [1]), включеніе въ сборники разсказовъ, стоящихъ внѣ логической связи съ предыдущими и послѣдующими повѣствованіями [2]). Что очищеніе направлялось на древніе гностическіе элементы и по мѣстамъ сгладило ихъ очень глубоко, доказывается сопоставленіемъ разныхъ латинскихъ редакцій одного и того же сказанія и анализомъ наличнаго содержанія церковныхъ переработокъ.

Такъ, сравненіе редакціи «virtutes Andreae», приписываемой Григорію Турскому[3]), съ текстомъ тѣхъ же «virtutes» пс. Авдіи[4]) обнаруживаетъ, что редакція Григорія не просто короче Авдіевой редакціи, но и комбинируетъ сокращенный текстъ послѣдней съ сказаніемъ о чудесахъ при гробѣ Апостола. Редакціи Авдіевой недостаетъ пролога и эпилога, которые даны у Григорія,—за то ея изложеніе гораздо подробнѣе и на взглядъ Григорія даже страдаетъ

Иногда редакторъ принималъ во вниманіе труды апостоловъ, ихъ извѣстность и мѣсто, какое кто занималъ въ спискѣ двѣнадцати. «Passiones» Ап. Петра и Павла тогда стояли на первомъ мѣстѣ, за ними слѣдовало мученичество Ап. Андрея; самыми послѣдними были «passiones» Ап. Матѳея, Симона и Іуды. Часто встрѣчается такой распорядокъ: «passio» Ап. Ѳомы, «passio» Варѳоломея, затѣмъ Ап. Матѳея, Симона и Іуды, или только Варѳоломея, Матѳея, Симона, Іуды и опять Ѳомы, Варѳоломея. Въ четырехъ кодексахъ заключеніе собранія составляютъ «passiones» Ап. Матѳея, Симона и Іуды; въ трехъ случаяхъ—«passiones» Филиппа и Іакова брата Божія. «Passio» Ап. Іакова и «passio» Ап. Филиппа вообще слѣдуютъ одно за другимъ. Порядокъ: «passio» Матѳея, «passio» Симона и Іуды, «passio» Филиппа находимъ въ одномъ кодексѣ. Четыре раза вслѣдъ за «passio» Ап. Андрея встрѣчается «passio» Іакова брата Божія; два раза—Ап. Іакова Заведеева.

[1]) Таковъ прологъ «passio Matthaei»: «quoniam deo cura est» sq. (Lipsius.—Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 147), который суди по его характеру былъ первоначально введеніемъ въ какое то самостоятельное сочиненіе, не принадлежавшее къ составу «passiones». Когда «passio Matthaei» стало частью собранія, это введеніе получило значеніе пролога. Таковъ и эпилогъ того-же «passio Matthaei»: «Zaroës autem et Arfaxat, illi duo magi» sq., впервые присоединенный къ повѣствованію, когда происходила систематизація «passiones». Такъ какъ онъ указываетъ на слѣдующую книгу (sequens libellus), т. е. на «passio Simonis et Iudae», то, очевидно, при образованіи собранія «passiones» мученичество Симона и Іуды слѣдовало непосредственно послѣ мученичества Матѳея. Позднѣе нѣкоторыя книги изъ этого собранія выпали, въ томъ числѣ и «passio Simonis et Iudae». Эпилогъ, однако, продолжаетъ оставаться и въ такихъ укороченныхъ сборникахъ напр. Cod. Paris. lat. 17002 и 11748, гдѣ вслѣдъ за «passio Matthaei» стоитъ «martyrium Mauricii».

[2]) Напр., постановка «passio Matthaei» ранѣе «passio Simonis et Iudae». Lipsius l. c. bd. I, s. 147—148, 177.

[3]) Cursus comp. Patrol. s. l. t. LXXI. p. 730 sq.

[4]) Fabricius II, p. 456 sq.

«nimia verbositate». Текстъ Григорія совершенно чуждъ гностическихъ остатковъ; пс. Авдіева редакція, напротивъ и при Григоріѣ содержала, и теперь сообщаетъ такія вещи, «quae fastidium generant». Григорій, очевидно, передѣлывалъ Авдіеву редакцію въ строго церковномъ духѣ; послѣдняя если и подвергалась ранѣе Григорія очищенію, то далеко не такому тщательному.

Подобнымъ образомъ въ «de reb. gestis a Matthaeo» (Fabricius II, 636 sqq.), составляющемъ часть пс. Авдіева сборника, на ряду съ данными, свидѣтельствующими, что настоящая редакція не ранѣе VI вѣка, находимъ указанія, что эта редакція не первоначальна. Апокрифъ влагаетъ въ уста Апостола рѣчи частью формально богословскаго характера, напр. о первоначальномъ языкѣ и чудѣ раздаянія языковъ въ день сошествія Св. Духа, о вавилонскомъ столпотвореніи и столпѣ церкви, о раѣ, сатанѣ, грѣхопаденіи и искупленіи; частью разсужденія о святости монашескихъ обѣтовъ вообще и особенно обѣта безбрачія, который при нравственной дозволительности брака долженъ быть исполняемъ и сохраняемъ твердо, ибо совершенно согласенъ съ Божіей волей. Въ текстѣ разсѣяны указанія на церковное устройство и церковныя воззрѣнія позднѣйшаго времени, на цвѣтущее положеніе монашества, на развитіе покаянной дисциплины, (Fabricius II, 656 sq.), на значеніе евхаристіи какъ жертвы, на пресуществленіе и. т. д. Эдвину царю усвояется здѣсь титулъ «rex christianissimus», впервые данный папою Анастасіемъ II королю франковъ Хлодвигу, при его обращеніи въ христіанство (496 г.). Все это говоритъ за принадлежность пс. Авдіевой редакціи «passio Matthaei» VI ст. Однако, уже при сличеніи списковъ ея оказывается, что одна и таже редакція подвергалась очищенію. Такъ, въ спискѣ Фабриція (p. 648) встрѣчается выраженіе: «Dei filius, qui in praecepto patris sui hominem fecerat, pro nostra fragilitate dignatus est hominis assumere formam, non amittens suam deitatem». Въ ватиканской рукописи (Acta Sanct. Septemb. t. VI, p. 220 sq.) слова эти выпущены и, надо думать, вслѣдствіе монофизитскаго значенія, которое имъ легко можно было усвоять. Далѣе, текстъ латинскаго «passio» (Fabricius 653, 16) прямо замѣчаетъ, что онъ не оригиналенъ: esset autem longum recensere, quomodo omnia simulacra omniaque templa destructa sunt:

quae omnia propter copiam rerum praeteriens, quo ordine passionum sanctam celebraverit, retexam.» Судя-же по отношенію «res gestae a Matthaeo» къ «de sanctis Simone et Iuda»[1]), по той легкости съ какою имена «Euphenissa», «Euphranon» или «Euphranor» могутъ быть грецизированы (Euphenissa = Εὐφραίνουσα, Euphranon = Εὐφραίνων, Εὐφράνωρ), наконецъ по употребленію въ латинской редакціи чисто греческаго имени Iphigenia,—можно полагать, что «passio Matthaei» извлечено изъ греческаго апокрифа, существовавшаго несомнѣнно ранѣе VI вѣка. Было-ли это извлеченіе вмѣстѣ и передѣлкой источника, единственный-ли примѣръ такой передѣлки представляетъ редакція пс. Авдіи, за отсутствіемъ прямыхъ указаній и главное книгъ Кратона, откуда матерьялъ «passio Matthaei» былъ заимствованъ[2]), положительно сказать нельзя. Можно допустить лишь слѣдующую, наиболѣе вѣроятную догадку. Вопреки общему принципу церковныхъ редакторовъ—«mirabilia atque virtutes (apostolorum) vel esse, vel potuisse esse non dubium est, ita disputationes assertionesque illis sensuum malignorum ab haereticis, constat esse, insertas»,—принципу, строго проводившемуся при очищеніи апокрифическихъ «passiones» и «virtutes», авторъ «passio Matthaei» не выпускаетъ, а приводитъ рѣчи апостола о разныхъ предметахъ и особенно распространяется о монашескихъ обѣтахъ, о безбрачіи. Насколько рѣчи эти принадлежатъ ему,—автору псевдо-Авдіевой редакціи, а не заимство-

---

[1]) Связь «passio Matthaei» съ «passio Simonis et Iudae» въ дошедшихъ до насъ текстахъ видна изъ слѣдующаго: маги Зароёсъ и Арфаксадъ,—противники обоихъ апостоловъ (Симона и Іуды)—тѣ самыя лица, которыя упоминаются и въ «passio Matthaei». «Invenerunt,—говорится въ «passio Simonis» etc.,—(apostoli) ibi duos magos Zaroën et Arfaxat, qui a facie sancti Matthaei Apostoli de Aethiopia fugerunt». И въ рукописныхъ сборникахъ «страданій», и въ печатномъ текстѣ Nausea «passio Simonis et Iudae» слѣдуетъ непосредственно за «passio Matthaei». Кромѣ того, въ концѣ послѣдняго часто встрѣчается такое прибавленіе: «Zaroës autem et Arfaxat, illi duo magi ab ea hora, qua suscitavit apostolus Matthaeus . . . filium regis mortuum, fugientes ab Aethiopia in Persidem devoluti sunt regionem, nihilominus illic peiora facientes. Sed (sicut praefati sumus), quia Deo cura est de hominibus, et homo illi est carum animal si seipsum non vilem facit negligendo, missi sunt ad Persidem sancti Apostoli Iudas Zelotes et Simon Cananaeus, qui qualiter cum eis conflixerint et superaverint in Dei nomine, sequens libellus ostendit». Вообще-же псевдо-Авдіева редакція подъ конецъ «passio Matthaei» (Fabricius II, 653) имѣетъ фразу: «interea magi timentes fugerant ad Persas».

[2]) Die apokr. Apostelgesch. bd. I. s. 177.

ваны изъ общаго источника «passio»,—книгъ Кратона, судить трудно. Вышеприведенная монофизитская фраза наводитъ на мысль, что авторъ, влагая въ уста Апостола эти рѣчи, хотѣлъ провести подъ покровомъ «passio» несторіанскія воззрѣнія, но въ такомъ случаѣ оригинальны лишь рѣчи формально богословскаго содержанія; все же остальное—объ обѣтахъ, о безбрачіи, объ аскетизмѣ изложено такъ, какъ будто-бы аналогичныя-же хотя и совершенно въ другомъ духѣ рѣчи находились въ оригинальномъ «passio Matthaei», служившемъ источникомъ для пс. Авдіевой редакціи. Быть можетъ, оригиналъ этотъ излагалъ гностическія (манихейскія) воззрѣнія на бракъ, на воздержаніе отъ мяса, на соблюденіе строжайшихъ постовъ и т. п. Церковный редакторъ,—если только подобное предположеніе вѣроятно,—легко воспользовался такими разсужденіями и сохранилъ ихъ, приспособивъ къ церковному ученію о бракѣ и безбрачіи и къ современнымъ понятіямъ о монашествѣ, съ его обѣтами. Правдоподобность этой догадки не увеличивается путемъ анализа пс. Авдіевой редакціи «passio»; но ее можно подтвердить косвенно,—изученіемъ спиѳическихъ особенностей «passio Simonis et Iudae», источникомъ котораго были 10 книгъ Кратона, доставившія, по Липсіусу, матерьялъ и пс. Авдіеву творенію «de reb. gestis ab ap. Matthaeo».

Латинскіе акты Апостоловъ Симона и Іуды (Fabricius II, 628 sq.), какъ сказано ранѣе[1]),—извлечены изъ древняго памятника, приписываемаго нѣкоему Кратону. «Circumierunt autem (s. apostoli) duodecim provincias Persidis et civitates earum, in quibus quae egerint et quae passi sint per annos tredecim, longa narratione scripsit Craton (Grathon) ipsorum apostolorum discipulus... Quae (omnia) Africanus historiographus in latinam transtulit linguam. Nam volenti scire, quae fuerint Apostolorum principia praedicationis, vel quo fine mundum reliquerint,.. ista sufficiant». Извлеченіе пс. Авдіи сдѣлано было, надо думать, не изъ подлинной, болѣе древней греческой редакціи, но изъ переводной, приписываемой имъ Африкану. Насколько послѣдняя (латинская) отличалась отъ первой (греческой), опредѣлить точно нельзя, но что она представляла передѣлку основнаго текста, внѣ сомнѣній. Еще Фабрицій обратилъ вниманіе на манихейскую тенденцію ученія маговъ Зароёя и Арфак-

[1]) Стр. 97, 107.

сада, какъ на терминъ a quo для опредѣленія времени образованія пс. Авдіевыхъ дѣяній Ап. Симона и Іуды. Маги считаютъ ветхозавѣтнаго Бога Богомъ инспиимъ; Моисея называютъ «maleficus»; пророковъ—людьми, находящимися подъ воздѣйствіемъ инспаго Бога. По ихъ антропологіи человѣческая душа есть составная часть божественной субстанціи, а тѣло сотворено злымъ богомъ. «Къ этому,—говоритъ Линсіусъ[1]),—можно добавить, что такіе взгляды, (напр. отождествленіе Бога ветхозавѣтнаго съ deus malus), встрѣчаются не у манихеевъ только, но и у другихъ болѣе древнихъ еретиковъ, напр. у каинитовъ; но такъ какъ маги «passio Simonis» etc. оказываются вмѣстѣ и защитниками персидскаго культа солнца и луны, то больше основаній находить здѣсь указаніе на манихейство, особенно если припомнить слова Фабриція о той важной роли, какая отведена была солнцу и лунѣ въ ученіи манихеевъ». Антиманихейская тенденція, отличающая дѣянія Симона и Іуды, принадлежитъ несомнѣнно церковному редактору; но редактору пс. Авдіева сказанія, или редактору источника, которымъ первый пользовался?—По всему болѣе вѣроятно послѣднее, чѣмъ первое. Пс. Авдіева редакція—извлеченіе; предполагается, слѣдовательно, что авторъ ея не задавался никакими особыми цѣлями, бралъ готовый матерьялъ и только выдѣлялъ изъ него на собственный взглядъ существенно важное. Ученіе маговъ какъ и рѣчи апостоловъ, поэтому, могли быть буквально перенесены изъ источника. Едва-ли далѣе редактору пс. Авдіева «passio Simonis», включившему этотъ памятникъ въ собраніе другихъ апокрифовъ и могла предноситься антиманихейская тенденція. Главную задачу его составляло—дать народу собраніе сказаній о дѣяніяхъ и жизни Св. Апостоловъ, преимущественно объ ихъ чудесахъ и мученической кончинѣ. Источникъ, который у него былъ подъ руками при составленіи «passio Simonis», такому требованію удовлетворялъ, характеръ имѣлъ церковный, даже полемическій,—оставалось только воспользоваться содержаніемъ, подвергнувъ его, можетъ быть, самому ничтожному очищенію. Мы склонны, такимъ образомъ, допустить, что антиманихейскій духъ пс. Авдіевой редакціи «passio Simonis et Iudae» есть

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. II bd. 2. hf. s. 172.

собственно духъ той латинской редакціи, которая приписана Африкану. «Африканъ перевелъ все, что составилъ Кратонъ». О трудѣ Кратона кромѣ того, что онъ былъ «longa narratio», дѣлился на 10 книгъ, излагалъ событія автору непосредственно знакомыя,—ничего неизвѣстно. Но и приблизительное время его появленія, и тѣ слѣды, какіе отъ него остались чрезъ латинскую редакцію пс. Африкана въ редакціи пс. Авдіи, позволяютъ отнести этотъ трудъ къ группѣ гностическихъ апокрифовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων». Именно, если принять, какъ вѣрный, терминъ a quo, указанный Фабриціемъ, въ силу котораго появленіе пс. Африкановой редакціи дѣяній Симона и Іуды принадлежитъ началу IV вѣка,—составленіе актовъ этихъ Апостоловъ Кратономъ произошло не позднѣе III вѣка. Если выдѣлить изъ пс. Авдіева текста «de s. Simone et Juda» и сгруппировать такія напр. чудесныя событія, какъ разговоръ новорожденнаго младенца (с. 18), повиновеніе Апостоламъ тигровъ (с. 19), нападеніе змѣй на маговъ (с. 16), явленіе предъ народомъ демоновъ въ видѣ «черныхъ, обнаженныхъ: ужаснаго вида сѳіоновъ» (с. 22), или такія замѣчанія, какъ напр., «апостолы предъ кончиной говорили другъ съ другомъ *на еврейскомъ* языкѣ»,.... «только апостолы видѣли Господа среди ангеловъ»,... «апостоламъ только являлся ангелъ Господень; они только слышали его голосъ», а изъ народа никто ничего не видалъ и не слыхалъ (с. 22),—если выдѣлить подобныя чудеса и замѣчанія, то будетъ ясно, что характеръ ихъ чисто гностическій, что они сочинены были впервые не церковнымъ редакторомъ и, слѣдовательно, принадлежали греческой, такъ называемой, Кратоновой редакціи. Переводчикъ Кратонова труда, мнимый исторіографъ Африканъ, привнесъ въ свой переводъ антиманихейскую тенденцію, по всей вѣроятности, измѣнилъ духъ оригинала, очистилъ послѣдній отъ гностическихъ крайностей, но не настолько тщательно, чтобы слѣдовъ гностицизма не осталось вовсе. Пс. Авдій же, надо полагать, былъ менѣе прозорливъ чѣмъ пс. Африканъ и въ пропускахъ послѣдняго совершенно не видѣлъ остатковъ древняго гностицизма.

Примѣнительно къ «passio Matthaei» этотъ анализъ «passio Simonis» имѣетъ слѣдующее значеніе. «Passio Matthaei» проводитъ антигностическую тенденцію, по крайней мѣрѣ гностическія (мани-

хейскія) воззрѣнія на безбрачіе, постъ и т. д. излагаетъ въ церковной окраскѣ. Въ виду этого мы догадываемся, что оно—передѣлка древняго гностическаго источника. Акты Ап. Симона и Іуды несомнѣнно составлены въ антиманихейскомъ духѣ и несомнѣнно представляютъ передѣлку гностическихъ «дѣяній». Такъ какъ первоисточникъ «passio Matthaei» и «passio Simonis» одинъ и тотъ-же—книги Кратона, такъ какъ тенденціи того и другаго «passio» сходны, то вполнѣ правдоподобно считать «passio Matthaei» церковной передѣлкой гностической редакціи, а не извлеченіемъ только изъ нея. Съ другой стороны, на основаніи анализа «passio Simonis» etc., на ряду съ предположеніемъ, что пс. Авдіева редакція «passio Matthaei» относится къ VI вѣку, открывается возможность другаго предположенія, что существовала болѣе ранняя редакція этого «passio» въ IV столѣтіи. Именно: антиманихейская тенденція «passio Simonis» внесена пс. Африканомъ; по аналогіи не трудно допустить, что ему-же принадлежитъ подобная тенденція и «passio Matthaei». Такимъ образомъ,—если терминъ a quo, указанный Фабриціемъ и принимаемый Линсіусомъ, вѣренъ,—уже въ IV в. «passio Matthaei» было извлечено изъ книгъ Кратона и переработано церковнымъ редакторомъ. Эта переработка положена была затѣмъ позднѣйшимъ редакторомъ въ основу пс. Авдіева текста того-же «passio» и оно присоединилось къ полному собранію апостольскихъ дѣяній, причемъ первоначальныя указанія на безбрачіе, бракъ, святость обѣтовъ и т. д. легко гармонизовались съ позднѣйшими церковными взглядами на тѣ-же предметы.

Въ примѣненіи къ болѣе общему вопросу о древности первыхъ редакцій латинскихъ сказаній, анализъ «passio Simonis et Iudae» оказывается ключемъ, съ помощью котораго открываемъ общій источникъ западныхъ апокрифовъ, приблизительно—раннее время ихъ появленія и нѣкоторымъ образомъ даже процессъ превращенія редакцій древнѣйшихъ въ тексты намъ извѣстные.

Книги Кратона, лежащія въ основѣ пс. Авдіевой редакціи «passio Simonis et Iudae»—памятникъ чисто гностическаго содержанія изъ числа апокрифовъ, употреблявшихся еретиками II—III вѣка. Эти же самыя книги дали сюжетъ и для «passio Matthaei». Пс. Авдіева редакція дѣяній Ап. Андрея, не смотря на всѣ предварительныя очищенія, хранитъ и понынѣ сходство съ гностическими ак-

тами того-же Апостола, изданными Тишендорфомъ. Разсказъ о проповѣди Ап. Филиппа въ Скиѳіи (Fabricius t. II, 738 etc.), въ виду его особенностей, свойственныхъ только гностическимъ сказаніямъ, необходимо считать или буквальнымъ заимствованіемъ изъ недошедшихъ до насъ греческихъ «πράξεις» этого Апостола, или ихъ слабой передѣлкой. Ясно, что прототипами первыхъ двухъ актовъ («de s. Simone et Iuda» и «de reb. g. a Matthaeo») были еретическія сказанія—греческія или латинскія безразлично, а прототипами двухъ послѣднихъ («de gestis ap. Andreae» и «de reb. g. a Philippo»)—сказанія сходныя съ еретическими. Въ корнѣ тѣ и другія приближаются слѣдовательно, къ гностическимъ «πράξεις—περίοδοι», приписываемымъ Леуцію Харинѣ.

Самое раннее время появленія передѣлокъ еретическихъ апокрифовъ въ церковно-полемическомъ духѣ, какъ видно изъ анализа «passio Simonis»,—IV в. Крайній срокъ, къ которому окончилось очищеніе и составъ собраній «passiones и virtutes» завершился — конецъ VI вѣка. Въ IV в. переработка гностическаго матерьяла, полагаемъ, производилась случайно, по личному почину редакторовъ. Очищенные апокрифы проводили такую или иную тенденцію. Въ V вѣкѣ неоднократныя требованія папъ обратили переработку гностическихъ сказаній въ дѣло общее для всѣхъ церковныхъ агіографовъ и тенденціозность прежнихъ временъ уступила мѣсто стремленію подготовить для простаго народа сборникъ церковныхъ сказаній о дѣяніяхъ и кончинѣ Св. Апостоловъ взамѣнъ тѣхъ еретическихъ сказаній, которыя досель народъ читалъ. Наконецъ, VI ст. было по преимуществу временемъ систематизаціи подготовленнаго матерьяла; окончательное очищеніе прежнихъ церковныхъ редакцій апостольскихъ «passiones» и «virtutes» производится теперь въ центрахъ западной образованности—франконскихъ монастыряхъ; результатъ этого послѣдняго очищенія составляютъ разные сборники апокрифовъ въ томъ числѣ и сборникъ пс. Авдіи.

Процессъ превращенія древнѣйшихъ редакцій въ тексты намъ извѣстные былъ не всегда одинъ и тотъ-же. Редакціи поздніе представляютъ иногда только сокращеніе раннихъ, (ср. напр. пс. Авдіеву редакцію «virtutes Andreae»—сказаніе о проповѣди въ Мирлидонѣ и «περίοδοι Ἀνδρέου»—проповѣдь антропофагамъ), иногда

компилируютъ нѣсколько источниковъ (редакція Григорія Турскаго «virtutes Andreae»). Пс. Авдіева редакція «passio Simonis» etc. образовалась чрезъ очищеніе редакціи пс. Африкана, а эта послѣдняя имѣла въ основѣ редакцію пс. Кратона, но оригинальный текстъ, какъ мы видѣли, въ латинской передачѣ проводилъ новую (антиманихейскую) тенденцію. Можно предполагать также, что иногда первоначальное сказаніе расширялось, а иногда нѣкоторые эпизоды на взглядъ редакторовъ почему-либо характерные (напр. чудо Ап. Филиппа съ дракономъ) буквально удерживались въ прежней редакціи.

Вопросъ о латинскихъ переработкахъ можно было-бы считать исчерпаннымъ тѣми соображеніями, какія только что высказаны, если-бы въ числѣ апокрифовъ, относящихся къ этой группѣ не стояло пс. Авдіево сказаніе «de rebus per Indiam a beato Bartholomaeo gestis». Выдѣлить же это сказаніе изъ числа другихъ мы считаемъ необходимымъ вслѣдствіе исключительнаго отношенія его латинской редакціи къ редакціи греческой: редакціи дѣяній Ап. Андрея, Матоея, Симона—Іуды и Филиппа представляютъ переработку древнихъ греческихъ текстовъ; дѣянія Ап. Варѳоломея въ Индіи, напротивъ, оказываются переработанными въ греческой редакціи [1]).

Содержаніе апокрифа и по Фабрицію и по Тишендорфу одно и тоже; отдѣльныя выраженія не только сходны, но и тождественны; разность въ собственныхъ именахъ незначительная (Astaroth=Ἀσταροῦθ; Berith=Βεχήρ; Astyages=Ἀστρήγης); дополненій въ греческомъ текстѣ неизвѣстныхъ латинскому всего два [2]); образцы болѣе вѣрнаго чтенія встрѣчаются одинаково въ обѣихъ редакціяхъ [3])— и

[1]) Tischendorf. Acta ap. apocr. p. 243 sq. proleg. p. LXX.

[2]) Греческій текстъ упоминаетъ, что съ Ап. Варѳоломея сперва сняли кожу и потомъ обезглавили (Tischendorf. p. 279, 8); латинскій же о снятіи кожи не говоритъ; затѣмъ греческій текстъ указываетъ перенесеніе мощей Ап. Варѳоломея на островъ Линари; по пс. Авдіевой редакціи «народъ 12 областей, (узнавъ о кончинѣ Апостола), принесъ..... имѣстѣ съ царемъ Полиміемъ и отнесъ съ гимнами и со всякою честію тѣло его»—куда отнесъ, неизвѣстно.

[3]) Такъ «quia Filius Dei» (Fabricius II, 675, cap. IV) менѣе правильно, чѣмъ «εἶτα ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ—εἰ υἱὸς τοῦ Θεοῦ (Tischendorf 249, 6—9); упоминаніе объ одномъ ангелѣ, облетавшемъ четыре угла храма (Fabricius, VII, p. 682) есть извращенное указаніе на четырехъ ангеловъ (Tischendorf, 256, 2); ср. также Fabricius p. 685, c. IX и Tischendorf, 260, 2. Предпочтительнѣе латинскій текстъ p. 670, 2, c. I; p. 674, 9, c. III; 675, 3, c. IV; 675, 20, c. IV; 677, 2, 12 c. IV; 678, 21 — 679, 2, c. IV; 679, 22, c. VI; 680, 16, c. VI; 681, 23, c. VI; 683, 6, c. VII; 684, 14, c. VIII; 686, 1, c. IX.

при всемъ томъ сличеніе текстовъ открываетъ глубокую противуположность тенденціи пс. Авдіева сказанія духу «μαρτύριον Βαρθολομαίου». Редакція латинская составлена несторіаниномъ; редакція греческая строго православна. По пс. Авдіи (Fabricius II, 675, 13, sqq.), Ап. Варооломей проповѣдуетъ *сочетаніе* естествъ во Христѣ,— по греческому памятнику (Tischendorf, p. 247, sec. 19), Апостолъ учитъ *единенію* божества и человѣчества.

«*Filius dei* dignatus est per uterum virginis *nasci cum homine*, ita ut homo in virginis vulva conceptus secum inter ipsa secreta virginis haberet deum . . . Hic simul *cum homine* natus, partu virginis coepit habere initium *nascendi cum homine*, cujus initium ante secula a deo patre est».

«Ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ κατηξίωσεν ἐκ γαστρὸς παρθενικῆς γεννηθῆναι ὡς ἄνθρωπος· ἐν γαστρὶ τῆς παρθένου συνελήφθη, πρὸς ἑαυτὸν τὴν ἀεὶ παρθένον προσελάβετο, ἔχουσαν μεθ' ἑαυτῆς τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν . . . Οὕτος ὁμοίως ὡς ἄνθρωπος γεννηθεὶς ἐκ παρθένου προσελάβετο ἀρχὴν χρονικὴν, ὃ μήτε χρόνου μήτε ἡμερῶν ἀρχὴν ἔχων».

Очевидно, въ греческомъ текстѣ старались избѣжать терминовъ пс. Авдіевой редакціи («filius dei . . . cum homine», «ut homo», «natus cum homine»), не столько связующихъ, сколько раздѣляющихъ двѣ природы Богочеловѣка и замѣняли ихъ словами (ὡς ἄνθρωπος), соотвѣтствующими постановленіямъ III вс. собора. Очищеніе еретической окраски наблюдается и далѣе. Вмѣсто несторіанскаго оборота напр. «homo cum deo» (Fabricius, p. 677, 6, c. V) поставлено выраженіе «Θεὸς καὶ ἄνθρωπος», равносильное термину— «Богочеловѣкъ» (Tischendorf. p. 249, 18); «cum execraretur omnem virum» (Fabricius p. 675, 19, c. IV), т. е. «гнушалась всякаго мужа» обращено въ библейское: «не познала мужа»—«οὐκ ἔγνωσεν ἄνδρα» (Tischendorf. p. 248, 4); мысль, высказанная въ фразѣ «hic ergo cum natus esset, passus est se tentari a diabolo» (Fabricius p. 676, 13, c. IV) передана съ такимъ измѣненіемъ: «οὕτως οὖν ὑπαναχωρήσας ἀπ' αὐτῆς ἄγγελος ἔλαθε τὸν πειρασμὸν τοῦ διαβόλου» (Tischendorf. 248, 20). Редакторъ-грекъ не останавливается и предъ сокращеніями латинскаго текста, когда буквальный переводъ его съ православной точки зрѣнія былъ невозможенъ. Вмѣсто цѣлой тирады

напр., «sicut qui victor exstiterit tyranni mittit comites suos, ut in omnibus locis, quae tyrannus possidet, titulos regis sui victoris et triumphatoris imponant: ita hic homo Christus Iesus, qui vicit, misit nos in omnes provincias, ut expellamus ministros diaboli, qui per templa in statuis habitant. Et homines, qui eos colunt de potestate ejus, qui victus est, auferamus» (Fabricius p. 677, 14 sq. c. V), — въ «Μαρτύριον Βαρθολομαίου» стоятъ только три строки: «ὡς δὲ ἐνίκησε τὸν τύραννον ὁ κύριος, ἀπέστειλε τοὺς ἀποστόλους αὐτοῦ εἰς πάντα τὸν κόσμον, ὅπως λητρώσῃ τὸν λαὸν αὐτοῦ ἐκ τῆς πλανῆς τοῦ διαβόλου· ὧν εἷς εἰμὶ ἐγὼ ἀποστόλος Χριστοῦ». Подобнымъ образомъ конкретное описаніе демонскихъ козней (Fabricius p. 669, c. I: «deus autem falsus hac arte illudit eos» sqq.) переложено въ простой разсказъ о злѣ, причиняемомъ людямъ демонами; изъ рѣчи Апостола бѣсу выпущено ограниченіе: «si vis, ut non te faciam in abyssum mitti» (Fabricius p. 681, 18, c. VI), такъ какъ редактору, конечно, представлялось страннымъ, что демонъ можетъ заслуживать меньшаго наказанія, чѣмъ обычное для него пребываніе въ аду; наконецъ, шаткое, почти еретическое [1]) исповѣданіе вѣры въ Троицу (Fabricius p. 682, 12, c. VII) изложено въ строгомъ соотвѣтствіи никейскому символу [2]).

Всѣ такія очищенія и замѣны убѣждаютъ, что первоначальный несторіанскій характеръ редакціи западной («Дѣянія Ап. Варооломея въ Индіи») былъ переработанъ въ характеръ православный. Предположеніе обратное, (греческій православный текстъ переработанъ несторіанпомъ), невозможно въ виду добавокъ «μαρτύριον Βαρθολομαίου», неизвѣстныхъ пс. Авдіевой редакціи. Указанія, что предъ обезглавленіемъ съ Апостола была содрана кожа и что мощи его перенесены были впослѣдствіи на островъ Липари, принадлежатъ позднему

[1]) «Unus Deus Pater ingenitus et unus Filius Ejus ingenitus, dominus noster Iesus Christus et unus Spiritus sanctus illuminator et doctor nostrarum animarum». Но изд. Mösinger'a p. 59, c. 18: «Unus deus cum Filio Pater, unus etiam cum Spiritu sancto, vere trinus et vere unus, unus Pater ingenitus, unus filius», etc.

[2]) Εἷς Θεὸς ὁ πατὴρ ὁ ἐν υἱῷ καὶ ἁγίῳ πνεύματι γνωριζόμενος, εἷς Θεὸς ὁ υἱὸς ὁ ἐν πατρὶ καὶ ἐν ἁγίῳ πνεύματι δοξαζόμενος, εἷς Θεὸς τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ὁ ἐν πατρὶ καὶ υἱῷ προσκυνούμενος, καὶ ἀληθὼς μονὰς γνωριζομένη, ὁ πατὴρ ἀγέννητος, ὁ υἱὸς γεννητὸς, τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἐκπορευόμενον». Tischendorf 255, 9 sq.).

времени, слѣдовательно и текстъ, къ которому они присоединены, явился позднѣе текста, незнающаго этихъ указаній. Такъ какъ самыя раннія упоминанія [1]) о примѣненіи къ Ап. Варооломею персидской пытки (сдираніе кожи) не древнѣе VI в., а перенесеніе его мощей на островъ Липари по «ἐγκώμιον» Ѳеодора Студита произошло въ 580 г.,—то объ эти добавки ничто не мѣшаетъ даже считать терминомъ для точнаго опредѣленія времени, которому принадлежитъ православная редакція «μαρτύριον Βαρθολομαίου». Она не древнѣе 580 г. и по всей вѣроятности возникла вскорѣ послѣ этого года, можетъ быть, какъ догадывается Линсіусъ [2]), «въ интересахъ мѣстной (на Липари) епископіи». Пс. Авдіевы-же «дѣянія Варѳоломея»,—когда принять въ разсчетъ ихъ несторіанскую тенденцію,—могутъ быть легко пріурочены къ половинѣ V в. (самое раннее), или съ одинаковымъ правомъ отнесены на средину VI столѣтія (самое позднее), такъ какъ о перенесеніи мощей Апостола на островъ Липари имъ ничего неизвѣстно.

Весь интересъ, когда отношеніе несторіанской редакціи «de rebus Bartholomaei» и православнаго «μαρτύριον Βαρθολομαίου» установлено, естественно сосредоточивается на пс. Авдіевомъ сказаніи: оригинально-ли оно или латинскій текстъ только переведенъ съ болѣе древняго греческаго подлинника, недошедшаго до насъ?

Обратимъ вниманіе прежде всего на языкъ пс. Авдіева сказанія. Въ текстѣ встрѣчаются напр. выраженія: «mors regina», «maritus mortis» (Fabricius p. 679, 23, 680, 1, cap. VI). «Mors regina» =«θανάτος βασιλεύς» и, конечно «regina», а не «rex» поставлено на томъ основаніи, что латинское «mors» ж. р., слѣд., болѣе вѣроятно, поставлено переводчикомъ, а не авторомъ, точно такъ какъ дальнѣйшая глосса — «maritus mortis» — легко могла явиться у переводчика съ плохими литературными вкусами, а никакъ не выйти изъ подъ пера

[1]) Pseudo-Hippolyt. ed. Lagarde. Constt. App. p., 283; et ed. Combefis. anct. nov. t. II, p. 831. «Ἐγκώμιον» Ѳеодора Студита ed. Mai, Nova Patr. Bibl. V, 4 p. 152 sq., въ латинскомъ переводѣ Анастасія Библіотекаря ed. d'Achery. Spicileg. Paris 1722, II, 123 sq. и Acta sanct. August. t. V. p. 39, sq.; Pseudo-Augustinus, Soliloquia (Opera, ed. Antwerp. 1700, t. VI, col. 575); Beda, Martyrol. (Oper. ed. Colon. 1688, t. III, 329); Ordericus Vitalis. Hist. eccles. I, 1, cap. 15 (Migne 188, 164 sq.).

[2]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. 2, hf. II p. 71.

писателя. Слова IX гл.—«profectus—in omnibus», очевидно, правильный переводъ греческаго «προκόψας—ἐν πᾶσιν», которое только переписчикъ могъ прочитать «perfectis omnibus». «Passus est» IV гл. соотвѣтствуетъ у Тишендорфа (249, 1.) «ἔλαθεν»; слѣд., въ оригиналѣ стояло «ἔπαθεν», какъ буквально и передано у пс. Авдіи. «Universorum templorum pontifices (гл. VIII) равносильно первоначальному «οἱ ἁπάντων τῶν ἱερῶν ἱερεῖς», а «οἱ ἄπιστοι τῶν ἑλλήνων» (Tischendorf. 258, 1)—позднѣйшій его варіантъ. Напротивъ «ego non everti eum, sed converti» (VIII гл.) представляетъ менѣе удачную передачу подлиннаго «οὐκ ἀπέστρεψα αὐτόν, ἀλλ' ὑπέστρεψε πρὸς τὸν θεόν». (Tischendorf. 258, 13)[1]).

Такимъ образомъ, если судить по слогу, греческая редакція не только не переведена съ латинской, какъ думаетъ Тишендорфъ[2]), но, напротивъ, сама латинская редакція имѣетъ передъ собой древній текстъ греческій.

Далѣе, изъ сопоставленія несторіанской и православной редакцій ясно, что позднѣйшая переработка коснулась главнымъ образомъ тенденціи сказанія, все же остальное за незначительными измѣненіями и дополненіями осталось по прежнему. Вполнѣ естественно заключить отсюда, что православный редакторъ считалъ сюжетъ сказанія неприкосновеннымъ или потому, что знакомъ былъ съ нимъ ранѣе, или потому, что при переработкѣ латинской редакціи имѣлъ въ виду другіе списки сказанія, по которымъ могъ провѣрять все содержаніе пс. Авдіевой редакціи. Допускать, будто сюжетъ не имѣлъ для него никакого значенія, немыслимо, въ силу одного того, что редакторъ—грекъ былъ человѣкъ глубоко православный и слѣд. вѣрившій въ дѣйствительность событій изъ жизни Ап. Варѳоломея, которыя сообщалъ. Такая убѣжденность едва ли бы выросла на почвѣ только латинской редакціи. Гораздо правдоподобнѣе, что въ основѣ ея лежало знаніе текстовъ греческихъ, сообщавшихъ тоже самое сказаніе и этимъ текстамъ православный редакторъ усвоялъ рѣшающее значеніе, вѣроятно, въ силу ихъ глубокой давности.

---

[1]) Ср. также «pleni» (cap. IX Fabric.) и «πνιγέντες» (Tischend. 260, 3); «ibidem» (Fabric. c. IX, p. 687, 1) и «καλῷ» (Tischendorf 260, 4) и т. д.

[2]) Acta ap. apocr. prolegom. p. LXIX.

Наконецъ, не смотря на двукратное очищеніе (несторіанское и православное), сказаніе объ Ап. Варооломеѣ и теперь еще хранитъ несомнѣнные слѣды времени болѣе отдаленнаго, чѣмъ V и VI вѣка. Въ гл. II (Fabric. 672) читаемъ: «ангелы Божіи повинуются ему (Ап. Варооломею) и они ему все возвѣщаютъ. А если вы будете его искать, то онъ, когда захочетъ, явится вамъ, когда не захочетъ, не увидите его». Но гл. IV (ib. p. 675), Апостолъ является царю Полимію «въ спальной комнатѣ, *дверемъ заключеннымъ*». VI гл. дважды отмѣчаетъ, что демонъ Астаротъ былъ «закованъ ангеломъ въ огненныя цѣпи». (ib. p. 679, 680). Явленіе ангела и демона описано (гл. VII, p. 683, 684) такимъ образомъ: «явился ангелъ Господень, блистающій какъ солнце, имѣяй крылья. Онъ, облетая четыре угла храма, перстомъ своимъ начерталъ на квадратныхъ камняхъ знакъ креста». «...И показалъ имъ ангелъ Господень огромнаго сеіона, черпѣйшаго сажи, ужасный видъ имѣющаго, съ длинной бородой и волосами до ногъ, съ глазами сверкающими, какъ раскаленное желѣзо, съ искрами, сыплющимися изо рта и съ пламенемъ молніеноснымъ, выходящимъ изъ ноздрей. Имѣлъ онъ и крылья, усѣянныя иглами, какъ иглы дикообраза; руки его были связаны сзади и весь онъ былъ окованъ огненными цѣпями» . . . «Испустивъ вопль ужаснѣйшій дикимъ голосомъ, демонъ улетѣлъ . . . вознесся и ангелъ Божій въ виду всѣхъ на небо». Параллели подобнымъ выраженіямъ и описаніямъ встрѣчаются только въ апокрифахъ, употреблявшихся у гностиковъ. Первую цитату, почти слово въ слово даютъ «πράξεις Ἀνδρέου» (Ed. Tischend. sec. XVII, XVIII, XXIV, s. s. 148, 149, 156) и «Сирійская исторія мучениковъ Ап. Матоея и Андрея» (ed. Wright. p. 102, 3; 108, 21, 109, 5—9). Второе выраженіе, хотя и напоминаетъ 19 и 26 ст. XX гл. Евангелія Іоанна, однако оттѣнокъ имѣетъ чисто гностическій: апостолу приписывается здѣсь таже неограничимость пространствомъ, о которой, кромѣ только что указанныхъ параллелей, говорятъ напр. «πράξεις Ἀνδρέου» s. s. 135 и 150. Упоминаніе объ огненныхъ цѣпяхъ на демонѣ напоминаетъ «πράξεις Ἀνδρέου» sec. XXX—XXXI, s. 163, 164; «Сирійск. ист.» s. 112, 16; «Μαρτύριον Ματθαίου» ed. Tischend. sec. 18—22; «De reb. gestis a Matthaeo», ed Fabric. § XV, p. 668 и можетъ быть разсматриваемо, какъ варіантъ такихъ описаній. Образъ ангела, «имѣ-

ющаго крылья, начертывающаго знакъ креста», близко сходенъ съ представленіемъ объ ангелахъ въ «πράξεις Ἀνδρέου» sec. XVII, s. 148 и съ гностическими взглядами на крестъ (ib. sec. XIX, s. 149; sec. XXVII, s. 159). Наконецъ, картинное изображеніе демона (Fabricius p. 284) имѣетъ аналогіи и въ «πράξεις Ἀνδρέου», sec. XXVII, s. 159—160, (пар. Сир. ист. s. 110—111), и въ «passio Simonis et Iudae» cap. XXII и въ коптскихъ актахъ Ап. Андрея—Варѳоломея (ed. Malan. p. 109, 93, 95).

Въ цѣломъ, слѣдовательно, гностическіе остатки, присущіе латинской редакціи «дѣяній Ап. Варѳоломея» настолько наглядны, что ихъ нельзя не замѣтить; а съ другой стороны,—какъ аргументъ несамостоятельности несторіанскаго текста,—настолько вѣски, что въ виду ихъ, въ виду особенностей языка пс. Авдіевыхъ «дѣяній» и неприкосновенности сюжета сказанія, исчезаетъ всякое сомнѣніе касательно существованія древняго текста, который положенъ въ основу Индійскихъ «дѣяній Ап. Варѳоломея». Каковъ былъ этотъ оригинальный текстъ, входило-ли въ составъ его и мученичество, или оно присоединилось послѣ, какому вѣку принадлежало начальное сказаніе о дѣяніяхъ Ап. Варѳоломея въ Индіи,—на основаніи пс. Авдіева перевода опредѣлить точно нельзя. Однако, едва-ли вѣрно, будто существованіе редакцій греческой и латинской и отсутствіе сирійской обязываютъ насъ признать, что въ первый разъ это сказаніе явилось въ византійскомъ государствѣ [1]), а никакъ не въ Сиріи, не въ Вавилоніи, или другихъ пунктахъ востока. Историческое значеніе содержанія и характеръ нѣкоторыхъ гностическихъ слѣдовъ пс. Авдіева сказанія объ Ап. Варѳоломеѣ даютъ,—какъ убѣдимся ниже,—совершенно противуположный выводъ. Оказывается, существуетъ связь между «passio Bartholomaei» и группой коптско-еѳіопскихъ апокрифовъ, описывающихъ труды Ап. Варѳоломея и Андрея. Родина этихъ послѣднихъ—страны прилегающіяся къ Черному морю, а по нѣкоторымъ даннымъ Сирія. Вполнѣ вѣроятно, что и оригиналъ пс. Авдіевыхъ дѣяній Ап. Варѳоломея написанъ былъ тоже въ Сиріи, можетъ быть, на сирійскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ имѣлъ происхожденіе восточное, а не западное.

---

[1]) Lipsius, Die Apokr. Apostelgesch. bd. II, hf. 2, s. 71.

Группу коптско-сѳіопскихъ сказаній, о связи которыхъ съ индійскими актами Ап. Варѳоломея упомянуто, составляютъ акты Ап. Андрея (Wüstenfeld.—Synaxarium d. Kopt. Christen s. 154 sqq. «Predigt d. Andreas in d. Länder d. Kurden und .... Ludd» и Malan ... The conflicts of the H. Apostles ... p. 99—117: «The book of the preaching of the bl. Andrew... to the c. of Acradis and to that of Lydia»...); Ап. Варѳоломея (Malan, Ibid. p. 29—39: «The writing of the preaching... in the city of Elwa». Ibid. p. 39—43: «The martyrdom of s. Bartholomew»); Ап. Андрея и Варѳоломея (Zoëga. Catalog. Cod. copticorum p. 235. Tischendorf. Apocal. apocryphae. Proleg. p. XLIX; cod. 132, 133; Wüstenfeld. Synaxarium d. Kopt. Christen (sub 29 Aug.) p. 6, sq. Malan. Ibid. p. 76—99: «The book of the Acts of .... the Andrew and Bartholomew ... in the city of Barthos» etc.). Апокрифы эти мы называемъ *новообразованіями*, такъ какъ они не имѣютъ по содержанію параллельныхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ сказаній и въ большинствѣ составляютъ подражаніе гностическимъ «οἱ περίοδοι τῶν ἀποστόλων». Ни историческая цѣнность ихъ, ни время образованія, ни связь съ греко-латинскими дѣяніями Ап. Варѳоломея до сихъ поръ вполнѣ не выяснены. Издатели и изслѣдователи молчатъ даже объ ихъ взаимномъ отношеніи. Отсюда, на нашъ взглядъ необходимо прежде всего установить связь фрагментовъ (cod. 132, cod. 133a, 133b Zoëga и Synaxarium d. Kopt. Christen,—Wüstenfeld) съ цѣлыми повѣствованіями («The book of the Acts of... the Andrew and Bartholomew ... in the city of Barthos» etc.,—Malan) и этихъ послѣднихъ между собою, а затѣмъ уже перейти къ вопросамъ объ ихъ источникахъ и времени появленія у коптовъ-сѳіоповъ.

Три коптскихъ фрагмента, изданные Zoëg'ой по сагидическимъ рукописямъ (cod. 132, 133a и 133b), несмотря на разность въ названіяхъ, имѣютъ предметомъ одну и ту же проповѣдь Ап. Андрея и Варѳоломея у Парѳянъ и Еламитовъ. Первый фрагментъ описываетъ причину странствованія къ этимъ народамъ и встрѣчу Ап. Андрея съ Ап. Варѳоломеемъ. Второй (cod. 133a) дополняетъ содержаніе перваго, указывая, какимъ чуднымъ способомъ Ап. Андрей со своими спутниками изъ города варварскаго достигъ города Рохонъ (=Іерихо cod. 132), въ странѣ Кадаренъ (Кацаренъ), гдѣ находился Ап. Варѳо-

ломей; какъ оба Апостола трудились въ Рохонѣ, пострадали тамъ, умерли и воскресли. Третій фрагментъ (cod. 133b),—надо полагать,—извлеченъ изъ, недошедшаго до насъ, коптскаго сказанія о проповѣди Ап. Варѳоломея и Андрея у Парояпъ (ср. обѣщаніе Господа послать кинокефала изъ cod. 132 и участіе кинокефала въ просвѣтительной дѣятельности Апостоловъ по cod. 133b). Что касается четвертаго фрагмента,—сказаніе коптскаго Синаксаря подъ 1-мъ Tut, или 29 Августа (Wüstenfeld. p. 6 sqq.),—то, не смотря на перемѣну именъ и мѣста дѣйствія, онъ тоже говоритъ о проповѣди Апостоловъ среди Парѳянъ и Еламитовъ, слѣдовательно, можетъ быть разсматриваемъ, какъ варіантъ cod. 133b, имѣющій логическую связь съ cod. 132 и 133a, въ качествѣ ихъ продолженія.

Параллельно этимъ четыремъ отрывкамъ должна быть поставлена сѳіопская «книга дѣяній Ап. Андрея и Варѳоломея во градѣ Бартосъ, по возвращеніи изъ города Гава, иначе Ельва», которая, замѣняя названія мѣстъ апостольской проповѣди новыми именами («Македаны, или Кацарены» Zoëga, cod. 132=«Мактранъ, Ацріапосъ», Malan, p. 76; «Парояне и Еламиты» Zoëga, cod. 132=«Бартосъ, Ельва, Гава» Malan p. 76 etc.), даетъ разсказъ по существу одинаковый съ разсказомъ фрагментовъ, но болѣе подробный, дополненный многими новыми эпизодами и совершенно неочищенный въ церковномъ духѣ.

Какъ относятся коптскіе фрагменты къ сѳіопской книгѣ объ апостольскихъ дѣяніяхъ въ Бартосѣ? Что изъ чего произошло — книга-ли «дѣяній» составлена изъ отрывковъ, или эти послѣдніе выбраны изъ нея, въ виду наибольшей вѣроятности ихъ содержанія?

Липсіусъ склоненъ признать первое: «Сѳіопская книга дѣяній Андрея и Варѳоломея,—говоритъ онъ,—очевидно, въ существенныхъ частяхъ вѣрный, хотя часто и извращенный, а по мѣстамъ даже изуродованный переводъ коптскаго сказанія .... Кажется, намѣренно измѣненныя въ сѳіопскомъ текстѣ, собственныя имена сохранены кодексами Zoëg'и въ относительно первоначальномъ видѣ»[1]). Если собственныя имена сохранены фрагментами, а въ сѳіопскихъ

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. II, hf. 2, s. 83, 76.

«дѣяніяхъ Ап. Андрея—Варооломея» испорчены, то, конечно, «дѣянія» явились позже фрагментовъ и представляютъ лишь неудачный опытъ ихъ компиляціи.

Но во-первыхъ, какъ объяснить при такомъ предположеніи появленіе въ «книгѣ дѣяній» тѣхъ эпизодовъ, о которыхъ фрагменты вовсе не упоминаютъ (напр. явленіе Христа Ап. Андрею и его спутникамъ въ образѣ мореплавателя, чудесное прибытіе въ Македанъ, изгнаніе демона изъ Лидіи, чудесное прибытіе Апостоловъ въ Бартосъ и т. д.)? Или эти эпизоды—плодъ личной фантазіи компилятора сѳіопа, что сомнительно; или они почерпнуты изъ другихъ какихъ то совершенно намъ неизвѣстныхъ фрагментовъ,—что еще менѣе вѣроятно, чѣмъ предположеніе Липсіуса.

Во-вторыхъ, различіе между фрагментами, и соотвѣтствующимъ каждому изъ нихъ содержаніемъ сѳіопской «книги» слишкомъ велико, чтобы считать появленіе послѣдняго изъ первыхъ возможнымъ. Фрагменты даютъ матерьялъ очищенный отъ гностическихъ примѣсей, чудесный въ церковномъ значеніи; «книга дѣяній» тотъ-же матерьялъ предлагаетъ съ сохраненіемъ всевозможныхъ гностическихъ особенностей. Съ другой стороны, какой богатый запасъ картинъ и образовъ пришлось бы приписать компилятору-сѳіону, — если-бы, слѣдуя предположенію Липсіуса, мы стали объяснять напр. происхожденіе изъ cod. 133b и Вюстенфельдова Синаксаря всѣхъ приключеній, изложенныхъ въ «книгѣ дѣяній» по переводу Malan'a со стр. 91 до стр. 98!

Въ третьихъ, самая главная опора въ предположеніи Липсіуса, что собственныя имена извращены въ «книгѣ дѣяній», а фрагментами сохранены въ относительно первоначальномъ видѣ, оказывается его личнымъ произвольнымъ мнѣніемъ. Совершенно наоборотъ: собственныя имена даны близко сходно съ дѣйствительными именами «книгой дѣяній» и намѣренно передѣланы составителями фрагментовъ. Не говоримъ, что такой выводъ получается въ результатѣ изученія историческаго смысла названій, встрѣчающихся въ сѳіопской «книгѣ», онъ дается просто сопоставленіемъ именъ, какія находимъ въ фрагментахъ, съ собственными именами сѳіопскаго памятника.

Такъ:

1) по Malan'y: Ап. Варооломей проповѣдуетъ въ странѣ Мактранъ, въ городѣ Ацріанось. По Zoëga: Ап. Варооломей проповѣдуетъ въ странѣ Македановъ, или Кацареновъ. По Wüstenfeld'y: Ап. Варооломей проповѣдуетъ въ Вагата.

2) Изъ этихъ мѣстъ Ап. Варѳоломей долженъ идти:

Malan: . . . . . въ города враговъ.

Zoëga: . . . . . на сѣверъ, къ Пароянамъ и Еламитамъ.

Wüstenfeld: . . . . . въ страну Берберовъ, на помощь Ап. Андрею.

3) Ап. Андрей проповѣдуетъ:

M.: въ Сиріи; долженъ идти въ Ацріанось, а отсюда въ Бартосъ и Ельву—Гаву.

Z.: cod. 132: въ землѣ варваровъ; долженъ идти къ Кацарепамъ, а отсюда къ Пароянамъ и Еламитамъ.

W.: . . . . . .

4) M: Ап. Андрей встрѣчается съ Александромъ и Руфомъ, которые изъ города, гдѣ жили, идутъ въ Ацріанось.

Z: cod. 132: Ап. Андрей высаживается на берегу Кацарепъ.
cod. 133a: Ап. Андрей выходитъ изъ варварской земли съ Александромъ и Руфомъ.

5) M.: всѣ идутъ въ Бартосъ и Мекосъ.

Z.: cod. 133a всѣ идутъ къ Кадарепамъ.

6) M.: чудовище выбрасываетъ Апостола со спутниками у города Ацріанось.

Z.: cod. 132: Ап. Андрей приходитъ въ г. Іерихо, гдѣ былъ Ап. Варѳоломей.
cod. 133a: чудовище выбрасываетъ Апостола около г. Рохопъ, на берегу Кадареновъ.

7) M.: Ап. Варѳоломей, Андрей и ученики идутъ въ Македанъ—Македонъ.

Z. cod. 132: Ап. Варѳоломей направляется къ Македанамъ.

8) M.: Ап. Варѳоломей, Андрей и ихъ спутники чудесно являются въ Бартосъ.

Z.: { cod. 132: . . . . . .
cod. 133: Ап. Андрей съ учениками и Ап. Варѳоломеемъ остаются въ г. Рохонъ.

Очевидно: Мактранъ=Мекосъ=Македанъ=Македонъ.
Ацріаносъ=Кацарены=Кадарены=Рохонъ=Іерихо.
Бартосъ=Берберы=Пароянe.
Ельва=Гава=Вагатъ=Еламиты.

Очевидно также, наиболѣе позднему времени принадлежатъ географическія указанія Вюстенфельдова Синаксаря. «Вагатъ» образовалось чрезъ перестановку слоговъ изъ «Гава»; а «Гава» по сѳіопской «книгѣ» тоже что «Ельва». Въ свою очередь «Гава—Ельва» имѣетъ общій корень съ названіемъ «Αὐά», встрѣчающимся, по свидѣтельству Козмы, въ греческой надписи на мраморномъ тронѣ изъ Адулэ[1]). «Гава», «Вагатъ» по Синаксарю,—египетскій оазъ. Надо думать, ко времени появленія записи дѣяній Ап. Варѳоломея—Андрея въ коптскомъ Синаксарѣ, дѣйствительное положеніе «Ельвы — Гавы» забылось, остался только неопредѣленный географическій терминъ, который можно было понимать и такъ и иначе. Составитель Синаксаря пріурочилъ его къ коптской территоріи, дабы убѣдить читателя въ преемствѣ мѣстнаго христіанства отъ апостоловъ, полагая, вѣроятно, что созвучіе древняго «Гава» съ коптскимъ Αὐά можетъ быть къ тому достаточнымъ основаніемъ. Заодно съ этой перемѣной онъ извратилъ и прежнее представленіе о совмѣстной дѣятельности Ап. Варѳоломея и Андрея. Древнія сѳіопско-коптскія сказанія говорили, что Ап. Андрей изъ страны варваровъ пришелъ на помощь Ап. Варѳоломею; авторъ Синаксаря заставляетъ Ап. Варѳоломея идти изъ Вагата на помощь Ап. Андрею, въ страну Берберовъ. Такъ какъ «Вагатъ»—оазъ египетскій, то подобная перетасовка фактовъ нисколько не удивительна. Барбарія, Берберія лежитъ на востокъ отъ Краснаго моря, внутри Аравійскаго полуострова[2]), слѣд. на с.-востокъ отъ области коптовъ, въ томъ именно направленіи, какое намѣчено cod. 132, изд. Цоёгой. Ясно, что путешествовать согласно съ указа-

[1]) Montfaucon. Coll. nov. Patr. II; 140 ff. Corp. Inscr. Gr. III n. 5127, p. 508 ff.
[2]) Montfaucon. Ibid. II, 132, 139. Periplus maris erythraei C. Müller. Geogr. g. m. I. 2, s. 257 sq.

ніемъ этого кодекса приходилось теперь Ап. Варооломею, а не Ап. Андрею, такъ какъ послѣдній, чтобы встрѣтить перваго долженъ былъ отправиться не на сѣверъ, или сѣверо-востокъ, а на югъ, или на юго-западъ.

Вагатомъ и Берберіей топографическія данныя Синаксаря исчерпываются. Положеніе другихъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ ефіопской «книгѣ», автору его совершенно не извѣстно. Разсказывая вкратцѣ содержаніе древняго апокрифа, онъ не знаетъ даже, куда отнести разныя дѣйствія тамъ описанныя и говоритъ: «обитатели града сего» . . . «Апостолы отправились въ этотъ городъ»; «кинокефалъ умертвилъ многихъ изъ жителей города», можетъ быть забывая, а можетъ быть и намѣренно игнорируя собственныя указанія, что Вагатъ вовсе не городъ, а оазъ, равно какъ и Берберія тоже не городъ, а цѣлая страна. На нашъ взглядъ этихъ данныхъ достаточно, чтобы Вюстенфельдовъ фрагментъ считать позднѣйшей и мало удачной попыткой пріурочить древній ефіопскій апокрифъ объ Ап. Варооломеѣ и Андреѣ къ побережью Краснаго моря. Нѣсколько иной характеръ замѣчается въ извлеченіяхъ изъ cod. 132 и 133, обнародованныхъ Цоёгой. Тенденція Синаксаря, такъ сказать, коптско-національная; фрагменты Цоёги представляютъ опытъ пониманія географическихъ данныхъ древняго апокрифа съ библейской точки зрѣнія. «Мактранъ» здѣсь замѣнено словами «Македанъ», «Македонъ», напоминающими Македонію; «Ацріапосъ» обращено сперва въ названіе народа «Кацарены», «Казарены», созвучное[1]) съ Хазары, Козары, затѣмъ въ библейское «Іерихо», т. е. Іерихонъ, наконецъ въ неопредѣленное «Рохонъ»; «Бартосъ»—городъ названъ именемъ народа—«Пареяне»; «Ельва» превращено въ «Еламиты». Объяснить такую замѣну, полагаемъ, можно тѣмъ, что, сокращая и передѣлывая въ церковномъ духѣ древній апокрифъ, редакторъ коптскихъ фрагментовъ встрѣтилъ въ немъ географическія указанія, значенія которыхъ не зналъ и ради доступности своего труда всякому читателю поставилъ вмѣсто забытыхъ названій общеизвѣстныя библейскія имена. Насколько такая замѣна удачна, соотвѣтствуютъ-ли дѣйствительныя разстоянія между, вновь явившимися, географи-

[1]) Lipsius. Die Apostelgesch. bd. II, hf. 2, s. 91.

ческими пунктами разстояніямъ между пунктами, названными въ древнемъ памятникѣ, ему, понятно, и на мысль не приходило, тѣмъ болѣе, что главная цѣль — географическая опредѣленность мѣстъ, гдѣ дѣйствіе совершалось, такой замѣной вполнѣ была достигнута. Читатель фрагментовъ,— представлялъ редакторъ, — поймет, что событія, описанныя въ нихъ, происходятъ на библейской почвѣ, что по содержанію событія эти напоминаютъ священные разсказы о пророкѣ Іонѣ—(чудесное пребываніе Апостоловъ во чревѣ морскаго чудовища, которое приноситъ ихъ къ берегу страны Кадаренъ и выкидываетъ на берегъ около города Рохонъ), о трехъ отрокахъ въ пещи Вавилонской (сожженіе Апостоловъ въ Рохонѣ и ихъ воскресеніе);—для удовлетворенія его благочестивой любознательности такихъ свѣденій и довольно. Не будетъ-же онъ допытываться, гдѣ лежалъ городъ Рохонъ, гдѣ живутъ Кацарены, какое разстояніе между Македоніей и Пароянами, между Еламитами и Іерихономъ, а если-бы и сталъ считать парасанги, отдѣляющіе одну изъ этихъ мѣстностей отъ другой, то кто-же и что-же разувѣритъ его въ достовѣрности чудесъ, которыя по фрагментамъ творились надъ св. Апостолами?! Такимъ образомъ, географическое положеніе дѣйствительныхъ пунктовъ апостольской дѣятельности, указанныхъ въ ефіопской «книгѣ дѣяній», извлеченіямъ Цоёги неизвѣстно; вмѣсто ихъ произвольно показаны здѣсь пункты, частью упоминаемые библіей (Пароія, Еламъ, Іерихонъ), частію вымышленные (Рохонъ). Единственное сходство этихъ послѣднихъ съ первыми состоитъ въ созвучіи названій. Существенное отличіе ефіопской «книги» отъ фрагментовъ въ томъ, что она свои географическіе пункты централизуетъ, точно опредѣляя разстоянія отъ одного мѣста до другаго[1]); пункты, отмѣченные въ фрагментахъ Цоёги, напротивъ, рѣзко разъединены. Опираясь на двѣ эти особенности — употребленіе библейскихъ названій и разъединеніе пунктовъ апостольской дѣятельности,— мы и утверждаемъ, что не фрагменты положены въ основу ефіопскихъ «дѣяній», какъ говоритъ Липсіусъ, а наоборотъ «дѣянія»

[1]) Такъ, чудовище извергаетъ Апостоловъ на берегъ, выше города Ацріаносъ, который отстоялъ къ востоку, отъ мѣста, гдѣ они находились, на четыре дня пути (Malan p. 79). Ацріаносъ отъ Сиріи отстоитъ на 40 дней пути (ср. Malan p. 79 и 81); отъ Бартоса до Ацріаноса 40 дней пути (ib. p. 80) и проч.

эти, какъ матерьалъ ранѣе существовавшій, были подвергнуты очищенію отъ нецерковныхъ элементовъ, изложены въ видѣ подражанія библейскимъ разсказамъ и отдѣльными эпизодами вошли въ составъ коптскихъ кодексовъ. Въ общемъ процессъ появленія ихъ, слѣдовательно, тотъ-же, что и процессъ возникновенія синаксарнаго сказанія. Разность только во времени. Синаксарное сказаніе, судя по его тенденціи, сложилось въ такой вѣкъ, когда сознанію коптовъ предносился интересъ точную историческую дату принятія Абиссиніей христіанства (начало IV в.) слить съ вѣкомъ апостольской проповѣди и чрезъ то включить свою церковь въ рядъ церквей, Апостолами основанныхъ. Полное отсутствіе мѣстной тенденціи въ фрагментахъ Цоёги неопредѣленно говоритъ, что они составлены въ періодъ времени отъ появленія еѳіопской «книги дѣяній» Ап. Андрея и Варѳоломея до завершенія коптскаго Синаксаря; а гипотетическое тожество «Кацареновъ», «Кадареновъ» съ Хозарами[1]), ограничиваетъ эту древность VII столѣтіемъ, такъ какъ имя Хозары, «Χάζαροι» упоминается впервые Ѳеофаномъ[2]), описавшимъ войну Ираклія съ Персами (626 г.).

Переходя отъ соотношенія фрагментовъ и книги «дѣяній» къ связи послѣдней съ коптскими сказаніями о дѣяніяхъ Ап. Варѳоломея въ г. Ельва и о мученической кончинѣ его въ г. Нейдасъ, мы видимъ, что три эти апокрифа составляютъ стройное цѣлое и въ литературномъ и въ генетическомъ отношеніяхъ.

Литературная связь наглядна. По книгѣ «дѣяній Ап. Андрея и Варѳоломея» (Malan, p. 78), Христосъ говоритъ Апостоламъ: «когда жители Бартоса увѣруютъ, возьмите съ собой въ городъ Ельва человѣка съ лицомъ льва, и жители его тоже увѣруютъ»... «Повѣствованіе о проповѣди Ап. Варѳоломея въ г. Ельва» начинается словами: «когда Апостолы собрались, дабы раздѣлить между собою страны земли, палъ жребій Варѳоломею идти проповѣдывать въ Ельва» (ib. p. 30). Конецъ «повѣствованія»: «и удалился Варѳоломей изъ г. Ельва и пошелъ въ г. Нейдасъ» (ib. p. 39). Начало коптскаго «мученичества»: «изъ г. Ельва Ап. Варѳоломей прибылъ въ

[1]) Lipsius, l. c. bd. II, hf. 2, s. 91. Васильевскій. Русско-Византійскіе отрывки. Ж. М. Н. Пр. 1877 г., I кн. стр. 76.

[2]) Chronicon. ed. Bonn. p. 486.

г. Нейдасъ, обширнѣйшій изъ городовъ, выстроенный на берегу моря, жители коего не знали Бога» (ib. p. 39). Конецъ «мученичества»: «и повелѣлъ (царь Акарій) воинамъ своимъ взять мѣшокъ съ пескомъ, навязать его на шею Апостолу и бросить его въ море» (ib. p. 48). Такъ какъ Нейдасъ—приморскій городъ, то можно думать, что Акарій—царь Нейдаса, слѣдовательно, и мученическая кончина Апостола по коптскому сказанію произошла въ Нейдасѣ-же, а не гдѣ либо внѣ его. Нѣкоторое недоумѣніе возникаетъ лишь относительно связи «повѣствованія о проповѣди въ г. Ельва» съ книгой «дѣяній». По «книгѣ» въ Ельва должны идти Ап. Андрей и Варѳоломей, по «повѣствованію» идутъ Ап. Петръ и Варѳоломей; по «книгѣ» должны проповѣдывать въ Ельва Ап. Андрей и Варѳоломей,—по «повѣствованію» проповѣдуетъ одинъ Ап. Варѳоломей; по «книгѣ» Апостоламъ будетъ содѣйствовать при обращеніи въ христіанство жителей Ельва человѣкъ съ лицомъ льва, — по «повѣствованію» обращеніе жителей Ельва производится исключительно Ап. Варѳоломеемъ.

Разногласіе это по существу, однако, не важно и легко устранимо двумя соображеніями, во 1)-хъ тѣмъ, что изначальная коптская редакція «повѣствованія о проповѣди Ап. Варѳоломея въ г. Ельва», имѣвшая тѣсную литературную связь съ книгой «дѣяній», до насъ не дошла и «повѣствованіе», переводъ котораго данъ Malan'омъ, представляетъ продуктъ церковнаго очищенія древней редакціи; во 2)-хъ тѣмъ, что у коптовъ могли одновременно существовать разные варіанты одного и того-же сказанія, какъ существовали они у грековъ и на западѣ. Эти варіанты, будучи всѣ одного корня, могли разниться между собою въ содержаніи,—одни имѣли связь съ апокрифами предшествующими и послѣдующими, другіе только съ послѣдующими, иные-же стояли совершенно внѣ связи съ повѣствованіями однородными. Наше коптское сказаніе о проповѣди Ап. Варѳоломея въ г. Ельва, при такомъ предположеніи, оказывается варіантомъ, литературная связь котораго съ предшествующей книгой «дѣяній» не замѣтна, (изъ дѣйствующихъ лицъ одно оставлено тоже, что и въ «дѣяніяхъ», другое замѣнено, третье (кинокефалъ) совершенно выпущено), за то отношеніе къ апокрифу послѣдующему (къ «мученичеству» Ап. Варѳоломея) сохранено въ томъ самомъ видѣ какъ и въ оригиналѣ, которому подражало коптское

«повѣствованіе». Какое-бы изъ этихъ соображеній мы ни допустили, во всякомъ случаѣ значеніе ихъ усиливается въ виду генетической неразрывности трехъ разсматриваемыхъ апокрифовъ.

Именно, апокрифы эти одинаково представляютъ *подражаніе* гностическимъ дѣяніямъ Апостоловъ. Легенда о хожденіи въ Бартосъ, по которой Ап. Андрей—главное дѣйствующее лицо, напоминаетъ распространенные среди коптовъ и абиссинцевъ, «πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου», «Πέτρου καὶ Ἀνδρέου». Отсюда заимствованы указанія на Александра и Руфа, спутниковъ Андреевыхъ (Malan, p. 78, пар. Wright, p. 104; Tischendorf, p. 161, sqr.), описаніе встрѣчи Апостола со Христомъ, имѣвшимъ видъ кормчаго, (Malan, 79 etc., пар. Tischendorf, p. 136 etc.), описаніе чудесъ, довершившихъ обращеніе жителей Бартоса («небесный огонь, отъ коего никто не могъ убѣжать»,... «разверзлась земля»,... «забила ключемъ сладкая вода»,... «умершимъ отъ страха возвращена жизнь» и т. д. Malan, p. 96—98, пар. Tischendorf, p. 162—163), часто встрѣчающаяся характеристика Іисуса, какъ «благаго Бога», многіе отдѣльные образы и выраженія (напр. Malan, p. 77, 16 и Tischend., p. 161 sq.; Malan, 77, 18—23 и Wright, p. 102, 27—30, 103, 1—2; Malan, p. 77, 24 etc. и Wright, p. 95, 6 etc.; Malan, 82, 20, Wright, 98, 1; Malan, 150, 2; 83 и 226—227 и т. п.).

Сказаніе о проповѣди Ап. Варооломея въ г. Ельвѣ носитъ слѣды знакомства автора съ гностическими актами Ап. Ѳомы. Прежде всего завязка и тамъ и здѣсь одинакова: Апостолъ проданъ господину, нуждающемуся въ виноградарѣ. Затѣмъ и по «актамъ» и по «повѣствованію» Апостолъ одинаково учитъ, чтобы жены воздерживались отъ общенія съ своими мужьями. Сказаніе о змѣѣ, котораго Апостолъ принудилъ взять назадъ ядъ изъ мертваго, приведенное въ «повѣствованіи» (Malan, p. 37—38), также похоже на то, что разсказываютъ акты Ѳомы (Tischendorf, 218). «Мученичество Ап. Варооломея» копировано, по всей вѣроятности, съ двухъ гностическихъ документовъ,—актовъ Ѳомы и актовъ Павла и Ѳеклы. Изъ первыхъ взятъ мотивъ царскаго гнѣва и казни Ап. Варѳоломея:—ученіе его о воздержаніи женъ отъ общенія съ мужьями; изъ вторыхъ—начало апокрифа. Какъ Павелъ въ Иконію, такъ и Варѳоломей въ Нейдасъ приходитъ съ проповѣдью блаженствъ, (Malan, p. 39—40, пар. Ti-

schendorf, p. 42), которыя отличаются отъ евангельскихъ только спеціальными дополненіями, соотвѣтствующими тенденціи апокрифа. При этомъ сходство мученичества съ актами Павла достигаетъ до тожества, потому что слова—«блаженни имѣющіе жену и. не касающіеся ея, ибо они наслѣдятъ землю», — буквально повторяются тамъ и здѣсь. Что касается, наконецъ, общаго вліянія актовъ на коптскій памятникъ, то оно, очевидно, отразилось въ высокомъ значеніи, которое усвояетъ онъ добровольной нищетѣ и раздаянію милостыни.

Во 2)-хъ апокрифы эти одинаково могутъ быть названы по составу *работами компилятивными*. Наиболѣе отчетлива компиляція въ «книгѣ дѣяній». Основной апокрифъ, которымъ пользовался редакторъ—коптъ, судя по логическому строенію «книги», начинался явленіемъ Христа Ап. Варѳоломею и Андрею, какъ оно изложено у Malan'a на стр. 76—77 («бысть по возстаніи Господа нашего изъ мертвыхъ»... «Сей прибылъ сюда и оба пошли въ городъ Бартосъ») и затѣмъ прямо переходилъ къ описанію появленія Апостоловъ въ Бартосѣ: «и встали они на высокой городской башнѣ», (Malan, p. 85, стр. 32). Но у редактора подъ руками кромѣ этого основнаго апокрифа были еще варіантъ къ нему (Malan, p. 78) и два фрагмента, одинъ—сообщавшій о чудесномъ достиженіи Ап. Андреемъ Ацріаноса (Malan, p. 78,—79), другой — описывавшій событія въ городѣ Македоніи (Malan, p. 80—85), сверхъ того чувствовалась нужда наполнить пробѣлъ между прибытіемъ Ап. Андрея въ Ацріаносъ и встрѣчей его съ Ап. Варѳоломеемъ. Варіантъ и фрагменты редакторъ попытался связать съ главнымъ апокрифомъ, а пустоту наполнить подражаніемъ гностическимъ дѣяніямъ Ап. Андрея и Матѳея. Въ результатѣ компилятивной работы получился извѣстный намъ текстъ «коптскихъ дѣяній», изданный Malan'омъ. Безъ всякой видимой послѣдовательности къ разсказу о явленіи Христа Ап. Варѳоломею и Андрею (Malan, p. 76—77) онъ прибавляетъ предложенное ранѣе Христомъ Ап. Варѳоломею увѣщаніе, которое теперь (Malan, p. 78) касается не Апостола, а Апостоловъ. «Въ семъ городѣ учите Евангелію... и нынѣ о вы, благіе ученики, не бойтесь... Когда Господь нашъ утѣшилъ учениковъ своихъ, Онъ вознесся на небо со славою великою». Кто именно эти ученики,—Ап. Андрей-ли только и Варѳоломей, или и

спутники Ап. Андрея Александръ и Руфъ, изъ рѣчи Христа не видно; гдѣ произошло это по всему второе самостоятельное явленіе Христа и когда:—до соединенія-ли Ап. Андрея съ Ап. Варооломеемъ, или послѣ того, какъ они «оба пошли въ городъ Бартосъ», тоже не указано. Редакторъ, очевидно, не мудрствовалъ лукаво, а спокойно списывалъ сперва оригиналъ, потомъ его варіантъ, въ надеждѣ, что благочестивый читатель самъ,—если захочетъ,—логически свяжетъ послѣдующее съ предшествующимъ. «О, отцы мои, или братья, — говоритъ онъ въ заключеніе «книги»,—если я прибавилъ что, или опустилъ нѣчто, или у меня недостаетъ какого либо обстоятельства, простите мнѣ». Также безсвязно введенъ въ «дѣянія» и первый фрагментъ о чудесномъ прибытіи Ап. Андрея со спутниками въ Ацріанось: «утромъ Андрей встрѣтился со своими двумя учениками»... По тому, что сообщаетъ текстъ выше, Ап. Андрей уже соединился съ Ап. Варооломеемъ и находится на пути къ Бартосу, — слѣдовательно, можно ожидать, что встрѣча его съ Александромъ и Руфомъ и пребываніе во чревѣ чудовища случилось на этомъ пути («и всѣ они пошли въ городъ Бартосъ и Мекосъ»). Фрагментъ и весь послѣдующій ходъ событій указываютъ совсѣмъ другое: Ап. Андрей не только не соединился съ Ап. Варооломеемъ, чтобы отправиться въ Бартосъ, но по прежнему остается «на мѣстѣ, гдѣ находился» до явленія Христа и недоумѣваетъ, какъ достигнуть Ацріаноса. «Книгу дѣяній» фабриковали, такимъ образомъ, не зная, что такое логическая послѣдовательность, не замѣчая разницы между предшествующимъ и послѣдующимъ. Этотъ капитальный недостатокъ инстинктивно чувствовался и самимъ редакторомъ. «Нѣсть человѣкъ, да не согрѣшитъ», замѣчаетъ онъ. «Да будетъ милость Божія въ царствѣ небесномъ на томъ, кто написалъ сію книгу и на томъ, кто повелѣлъ ее написать». (Malan p. 99).

«Мученичество» Ап. Варѳоломея компилировано менѣе грубо. Оно состоитъ изъ двухъ сказаній объ одномъ и томъ-же предметѣ, изъ которыхъ первое литературно не закончено, хотя рядъ выставленныхъ фактовъ и показываетъ, что въ результатѣ ихъ была мученическая кончина Апостола. «Изъ Ельва Апостолъ Варѳоломей прибылъ въ г. Нейдасъ... Акарпъ-же царь сказалъ... желаю убить его и уничтожить тѣло его такъ, чтобы оно не было найдено... И

приказалъ предать Апостола самой мучительной смерти»... (Malan, p. 39—42). Второй варіантъ начинается словами: «Варооломей, съ тѣхъ поръ какъ пришелъ въ страну ту, проповѣдывалъ Св. Евангеліе» (Malan, p. 42); кончается указаніемъ дня памяти Св. Апостола («и почилъ Варооломей въ 17 день іюня»). Варіанты разнятся только въ деталяхъ. По первому единственный мотивъ царскаго гнѣва и вытекающей изъ него мученической кончины Ап. Варооломея—проповѣдь о воздержаніи женъ отъ супружескаго общенія съ мужьями. По второму, главный мотивъ—обвиненіе Ап. Варооломея въ политическомъ преступленіи: онъ «возбуждаетъ въ народѣ волненіе и говоритъ худо о царской власти»; (Malan, p. 42); объ ученіи Апостола, напротивъ, говорится косвенно, какъ объ обстоятельствѣ, осложнявшемъ вину: «Акарій услышавъ сіе (оправданіе Апостола) сильно разгнѣвался; ибо онъ въ сердцѣ своемъ имѣлъ то, что жена оставила его» (Malan, p. 43). Первый варіантъ пространный, второй краткій. Первый имѣетъ признаки, указывающіе, что онъ подвергался очищенію[1]), во второмъ напротивъ находимъ интерполяцію[2]). Вѣроятнѣе всего, редакторъ «мученичества» считалъ лишнимъ перерабатывать содержаніе двухъ близко сходныхъ варіантовъ и располагать его въ такой связи, чтобы получилось одно стройное сказаніе; онъ механически списалъ сперва одинъ разсказъ, потомъ другой, а чтобы намекнуть на нѣкоторый синтезъ, добавилъ отъ себя: «царь слыша сіе,... послалъ второй разъ за военачальниками»; хотя понятно, эта добавка не изъ удачныхъ, такъ какъ конецъ перваго варіанта говоритъ о смерти Апостола, а не о помилованіи.

Слабѣе всего компиляція выступаетъ въ апокрифѣ о «проповѣди Ап. Варооломея въ Ельва». Памятникъ стройно изложенъ, дѣйствіе ведется безъ перерыва, логическая связь ясна повсюду. Въ виду та-

---

[1]) Царь: «ты ли Варооломей, ученикъ Іисуса»? Апостолъ: «я не волшебникъ, царь, какъ сказалъ ты. Колдовство мое состоитъ въ удаленіи всякаго зла во имя Христово». (Malan, p. 41). Въ вопросѣ царя нѣтъ и намека на колдовство; отвѣтъ полнѣе по содержанію и прямо говоритъ, что царь имѣлъ въ виду колдовство. Слѣдовательно, вопросъ сокращенъ, слѣдовательно была редакція ранѣйшая, сравнительно съ которой текстъ Malan'a представляетъ очищеніе.

[2]) Такой интерполяціей надо считать, какъ увидимъ ниже, замѣчаніе о погребеніи тѣла Апостола, изнесеннаго моремъ на берегъ.

кихъ качествъ текстъ его, изданный Malan'омъ, можно-бы считать однимъ изъ позднѣйшихъ коптскихъ текстовъ, вполнѣ церковнаго происхожденія. Основа повѣствованія тѣмъ не менѣе гностическая, напоминаетъ, какъ видѣли выше, содержаніе греческихъ актовъ Ап. Ѳомы. Примѣнительно къ вопросу о компилятивномъ процессѣ эта основа и есть единственный показатель того, что такой процессъ, дѣйствительно, былъ, но въ редакціи Malan'а закончилъ и, можетъ быть воспроизведенъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Существовало восточное, быть можетъ, сирійское [1]), быть можетъ армянское[2]), или индійское преданіе о проповѣди Ап. Варѳоломея въ г. Ельва. Это преданіе съ востока перешло къ коптамъ. Коптская церковь пріурочила его къ египетскому оазу Ельва, или Гава и редактировала сообразно съ мѣстными условіями. Разсказывалось, какъ Апостолъ путешествовалъ по пустынѣ, какъ чудесно спасъ караванъ, какъ исцѣлилъ слѣпаго, какъ мало имѣлъ сперва успѣха въ Ельвѣ и наконецъ обратилъ жителей. При первой-ли редакціи, или при послѣдующихъ — въ сущности безразлично, — но къ своему сказанію Копты присоединили затѣмъ завязку «повѣствованія» — продажу Апостола, внесли въ его ученіе тенденцію и увеличили число чудесъ, воспользовавшись гностическими актами Ап. Ѳомы. Дѣйствительная причина подобной компиляціи неизвѣстна. Поводъ-же къ ней одинаково могъ быть и въ желаніи редактора сдѣлать это «повѣствованіе» единообразнымъ по тенденціи съ другими коптскими сказаніями объ Ап. Варѳоломеѣ, что при заимствованіяхъ изъ актовъ Ап. Ѳомы легко достигалось, и въ смѣшеніи апокрифическихъ извѣстій объ Индіи съ представленіемъ о Караманіи, или счастливой Аравіи, какъ объ Индіи, благодаря чему апокрифическая дѣятельность Ап. Ѳомы въ Индіи перенеслась на Варѳоломея—тоже Апостола Индіи, котораго коптская церковь считала своимъ основателемъ. Компилированное изъ мѣстныхъ и гностическихъ данныхъ «повѣствованіе о проповѣди въ г. Ельва», вѣроятно, не разъ подверга-

---

[1]) Сирійская церковь присвоила себѣ проповѣдническую дѣятельность Ап. Варѳоломея, котораго она отождествляетъ съ Нафанаиломъ. (Asseman. Bibliot. Or. IV, p. 3, 5).

[2]) Названіе Elwa или Elwah напоминаетъ имя Арменіи—Aghwah, съ которымъ повидимому и совпадаетъ, такъ какъ «gh» въ Арменіи часто ставится вмѣсто «l» (Malan, p. 30, прим. 2).

лось очищенію, постепенно утратило рѣзкія гностическія особенности и стало тѣмъ, что представляетъ современная его редакція въ переводѣ Malan'a.

Въ 3)-хъ всѣ три апокрифа, о которыхъ идетъ рѣчь, одинаково хранятъ слѣды чисто коптскаго творчества. Въ «повѣствованіи» оно нашло себѣ исходъ, когда редакторъ приступилъ къ описанію пустыни и опасностей, какимъ подвергался караванъ. Въ «мученичествѣ» коптская фантазія нарисовала наивную картину изъ африканской жизни, какъ «военачальники Акарна слѣдили за Варѳоломеемъ». Въ «книгѣ дѣяній Андрея и Варѳоломея» некультурное воображеніе низвело поэзію древнихъ гностическихъ легендъ на степень эпоса полудикихъ народовъ. Такъ, пытки и муки разныхъ родовъ, которымъ подвергаются по этой «книгѣ» Апостолы съ одной стороны на столько ужасны, а съ другой настолько ничтожны въ сравненіи съ всемогуществомъ Бога, что вообразить и сочетать одно съ другимъ могъ-лишь коптъ.

Анализъ еѳіопской «книги дѣяній», «повѣствованія о проповѣди Ап. Варѳоломея въ Ельва» и его «мученичества» даютъ тотъ прочный выводъ, что три эти апокрифа генетически связаны: одинаково они подражаютъ греческимъ гностическимъ дѣяніямъ, одинаково по составу компилятивны и одинаково носятъ отпечатокъ мѣстнаго коптскаго творчества.

Въ иномъ положеніи находится вопросъ объ источникахъ разсматриваемыхъ сказаній. Изъ того, что они подражаютъ древнимъ гностическимъ актамъ не слѣдуетъ непосредственно, что изъ этихъ актовъ и заимствовано ихъ содержаніе. Изъ того, что они по составу компилятивны, также нельзя безъ колебаній вывести, какой матерьялъ подвергался компиляціи—коптскія-ли сказанія, или греческіе варіанты и фрагменты. Принимая генетическую связь за опору, можно предполагать о происхожденіи коптскихъ апокрифовъ лишь слѣдующее; или они сложились въ такой періодъ мѣстной церковной исторіи, когда явилась потребность ознаменовать принятіе коптами христіанства и включить коптскую паству въ число общинъ основанныхъ Апостолами, а это достигалось путемъ пріуроченія коптскаго христіанства къ миссіи Ап. Варѳоломея, такъ какъ Ап. Варѳоломея преданіе называло апостоломъ Индіи—Еѳіопіи; отсюда ис-

точникъ коптскихъ апокрифовъ—гностическія сказанія объ индійской миссіи Ап. Варооломея;—или конт-редакторъ безъ всякихъ патріотическихъ видовъ, только изъ подражанія «πράξεις» Ап. Андрея, Матоея, Петра, Павла и Ѳомы, составилъ группу сказаній объ еоіонской дѣятельности Ап. Варооломея, поводъ къ чему дали древнія географическія указанія мѣстъ, гдѣ послѣдній проповѣдывалъ, смысла которыхъ редакторъ не зналъ, но которыя нашелъ удобнымъ примѣнить къ разнымъ пунктамъ своей территоріи. Въ такомъ случаѣ источникъ коптскихъ апокрифовъ—неизвѣстныя намъ сказанія о проповѣди Ап. Варооломея въ такихъ мѣстахъ, названія которыхъ (Мактранъ, Бартосъ, Ельва и т. д.) читаемъ у Malan'a.

Объ части предположенія имѣютъ, кажется, свою долю значенія. Въ пользу того, что источникомъ коптскихъ сказаній объ Ап. Варооломеѣ, Варооломеѣ и Андреѣ могли быть гностическія дѣянія Ап. Варооломея, писанныя на греческомъ языкѣ, говорятъ прежде всего собственныя имена, произведенныя отъ греческихъ корней, которыя находимъ во всѣхъ трехъ апокрифахъ. Таково имя судьи Бартоса—«Акалабій», имя бога, которому въ Бартосѣ поставлена статуя,—«Магнетъ» (Malan, p. 85, 86, 97); таковы имена «Керепосъ» (ib. p. 36) и «Акаріъ» (Acarpus-Acarpos ib. p. 40, 41). Присутствіе этихъ неконтскихъ именъ въ коптскихъ апокрифахъ совершенно необъяснимо, если бы стали защищать, что подъ руками конта-редактора не было греческихъ источниковъ. Далѣе, текстъ «книги дѣяній» влагаетъ въ уста Христа такое выраженіе: «сколько дней ты—Андрей употребилъ, чтобы дойти сюда (въ Ацріапосъ) изъ Сиріи»? (Malan, p. 81). Если смотрѣть на бесѣду Христа съ Ап. Андреемъ изъ «книги дѣяній» только какъ на подражаніе «книгѣ проповѣди Матоея» (Malan, p. 148), которая ясно говоритъ, что Ап. Андрей, когда явился ему Христосъ, «былъ въ Сиріи», то, понятно, эти слова обнаруживаютъ, что авторъ «Варооломеевыхъ дѣяній» писалъ не ранѣе, чѣмъ появилась эта «книга»; но если въ упоминаніи о Сиріи слышать отзвукъ родины оригинала, который имѣлся въ виду при составленіи «дѣяній», то, очевидно, этотъ оригиналъ какъ и оригиналъ «книги проповѣди Матоея», былъ восточнаго—сирійскаго происхожденія. Наконецъ, болѣе всего убѣждаемся въ существованіи восточнаго гностическаго источника для коптскихъ актовъ Ап. Варѳоломея,

принимая во вниманіе то, что у коптовъ не было и не могло быть никакихъ мѣстныхъ преданій объ Апостольской дѣятельности, такъ какъ они приняли христіанство въ IV в. Слѣдовательно, чтобы составить свои апокрифы о проповѣди Апостоловъ они должны были пользоваться чужими данными; чтобы локализовать апостольскую миссію въ верхнемъ Египтѣ и Еѳіопіи, должны были положить въ основу своихъ мѣстныхъ сказаній такія сказанія древняго времени, которыя говорили о миссіи Апостоловъ въ странахъ, напоминавшихъ Еѳіопію, отождествлявшихся съ Еѳіопіей. Такой страной по взгляду древности была Индія. Такимъ Апостоломъ былъ Ап. Варѳоломей. «Историки различаютъ три Индіи»,—читаемъ въ латинской редакціи дѣяній Ап. Варѳоломея. «Первая та, что лежитъ къ Еѳіопіи; вторая, что простирается къ Мизіи; третья та, которая составляетъ границу; ибо съ одной стороны она имѣетъ страну мрака, съ другой море—океанъ»[1]). По Фабрицію[2]) кромѣ трехъ странъ, указанныхъ Авдіей, имя «Индія» примѣняли и къ Ливіи, и къ Египту, Парѳіи, Аравіи, Палестинѣ и къ Понтійской Синдіи. Редакторъ-коптъ отождествилъ съ Индіей—Караманію, или счастливую Аравію, полагая, вѣроятно, что онъ вдвойнѣ правъ, такъ какъ Аравія называется Индіей и такъ какъ Ап. Варѳоломей по сказаніямъ проповѣдывалъ въ Индіи, слѣдовательно, былъ въ Аравіи, значитъ могъ быть и по сосѣдству—у Коптовъ. Сказанія объ индійской миссіи Ап. Варѳоломея намъ извѣстны, это «μαρτύριον Απ. Βαρθολομαίου» и пс. Авдіево «de rebus per Indiam a beato Bartholomaeo gestis». Могъ-ли коптъ составитель дѣяній Ап. Варѳоломея въ Еѳіопіи воспользоваться пс. Авдіевымъ сказаніемъ объ индійской миссіи Ап. Варѳоломея, какъ источникомъ? Установленная выше[3]), дата пріурочиваетъ латинскія дѣянія Ап. Варѳоломея къ половинѣ V вѣка (самое раннее) и къ половинѣ VI столѣтія (самое позднее). Время образованія коптскихъ дѣяній Ап. Варѳоломея—Андрея точно не опредѣлено, но судя потому, что самый ранній срокъ появленія коптской «книги проповѣди Ап. Матѳея», которая, повидимому, была извѣстна редактору Варѳоломеевыхъ

[1]) Fabricius. C. A. N. T. t. II, p. 669. De rebus per Indiam a b. Bartholomaeo gestis c. I.

[2]) Ibid. t. II, p. 669, n. 1.

[3]) См. стр. 122.

дѣяній[1]), — конецъ IV, начало V в., и потому, что въ коптскомъ «мученичествѣ Ап. Варѳоломея» нѣтъ прямыхъ указаній на перенесеніе его мощей въ Липари, а то выраженіе[2]), которое Линсіусъ считаетъ такимъ указаніемъ, слишкомъ неопредѣленно и можетъ быть принято за интерполяцію; — суда по этимъ даннымъ еѳіопская книга дѣяній въ Бартосѣ и генетически связанные съ нею коптскіе апокрифы явились или одновременно, или вскорѣ послѣ «книги проповѣди Ап. Матѳея въ г. Б'алатсаби», т. е. въ концѣ IV, — половинѣ V вѣка. Такимъ образомъ, первый редакторъ еѳіопско-коптскихъ апокрифовъ едва-ли могъ имѣть своимъ источникомъ пс. Авдіево сказаніе «de rebus per Indiam a b. Bartholomaeo gestis», какъ произведеніе болѣе поздняго времени. Но признаки, что существовалъ восточный греческій, или сирійскій оригиналъ для коптскихъ актовъ Ап. Варѳоломея и при этомъ отрицательномъ выводѣ остаются во всей силѣ. Съ другой стороны, анализъ пс. Авдіева «passio Bartholomaei» приводитъ къ заключенію[3]), что существовалъ древній восточный текстъ, который составлялъ его основу, и что слѣды этого текста имѣютъ аналогіи въ коптскихъ актахъ Ап. Варѳоломея — Андрея. Слѣдовательно, происхожденіе коптскихъ апокрифовъ и латинскаго сказанія объ Ап. Варѳоломеѣ объясняется только предположеніемъ объ общемъ для нихъ источникѣ. Былъ древній или греческій, или сирійскій, во всякомъ случаѣ восточнаго происхожденія апокрифъ — «αἱ πράξεις, οἱ περίοδοι Βαρθολομαίου». Этотъ апокрифъ зналъ коптъ, составившій дѣянія Ап. Варѳоломея — Андрея, имъ пользовался и пс. Авдій. Коптъ, подражая другимъ апокрифическимъ памятникамъ («πράξεις Πέτρου καὶ Ἀνδρέου, πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου» etc.), компилируя и дополняя отъ себя, составилъ на основаніи этого источника три разсказа; пс. Авдій извлекъ изъ него одинъ, но такой, что дѣянія Ап. Варѳоломея объединялись съ его мученической кончиной. Коптъ сознательно — безсознательно въ своемъ трудѣ удержалъ древнія названія мѣстъ, гдѣ Ап. Варѳоломей по словамъ источника проповѣ-

---

[1]) См. стр. 141.

[2]) «Впослѣдствіи море вынесло тѣло его на берегъ и на слѣдующій день благочестивые люди, увѣровавшіе по проповѣди его, взяли тѣло Ап. Варѳоломея, обвили его плащаницею и положили его въ уготованномъ мѣстѣ» (Malan, p. 43).

[3]) См. стр. 125.

дывалъ; пс. Авдія сохранилъ изъ того-же источника собственныя имена дѣйствующихъ лицъ. Собственныя имена пс. Авдіева «passio Bartholomaei», какъ убѣдимся впослѣдствіи, имѣютъ неоспоримую историческую цѣнность и обнаруживаютъ, что источникъ пс. Авдіи излагалъ понтійскую, или босфорскую легенду объ Ап. Варѳоломеѣ. Коптъ отождествилъ Индію съ Караманіей—Аравіей, но древнія географическія указанія, встрѣчающіяся въ его апокрифахъ, свидѣтельствуютъ о томъ же, о чемъ свидѣтельствуютъ и собственныя имена латинской редакціи. Такимъ образомъ, пс. Авдіевы дѣянія Ап. Варѳоломея и коптскіе апокрифы дополняютъ другъ друга взаимно; въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ общій восточный источникъ; легенда, разсказанная въ этомъ источникѣ, латинскимъ текстомъ передана, а коптскими актами переработана, хотя изъ связи послѣднихъ съ дѣяніями «Ап. Андрея—Матоея», «Ап. Андрея—Петра» и видно, что источникъ, бывшій въ распоряженіи копта, излагалъ тѣ именно древнія извѣстія о проповѣди Ап. Варѳоломея въ Черноморскихъ предѣлахъ, какія сообщаетъ пс. Авдія.

Группу коптскихъ апокрифовъ, разсматриваемыхъ нами, завершаетъ «проповѣдь Ап. Андрея въ городахъ Акрадисъ и Луддъ.» Памятникъ состоитъ изъ двухъ отрывковъ, изданныхъ — первый Malan'омъ (p. 99—101) и Wüstenfeld'омъ (Synaxarium d. Copt. Christen p. 154),—второй только Malan'омъ (p. 102—112). Первый въ Синаксарѣ носитъ надписаніе «проповѣдь Ап. Андрея въ странѣ Курдовъ и въ городѣ Луддъ». Отрывки литературно связаны, но вопреки заглавію разсказываютъ единственно о событіяхъ, происшедшихъ въ г. Луддъ, или Лидіи, о томъ-же что было въ Акрадисъ не упоминаютъ. Связи между ними и актами Ап. Андрея—Варѳоломея ни литературной, ни генетической повидимому никакой нѣтъ.

«Коптская проповѣдь Ап. Андрея — говоритъ Липсіусъ[1]) — передаетъ гностическіе «περίοδοι Ἀνδρέου», такъ какъ нельзя въ виду времени съ полной увѣренностью допустить, чтобы она принадлежала къ нимъ первоначально. За гностическій корень ея тѣмъ не менѣе говоритъ декоративность: птицы, бесѣдующія съ Филемономъ на языкѣ, которымъ объяснялись еще во дни Ноевы и пре-

[1]) Die Apokr. Apostelgesch. bd. I, s. 620—621.

красный 12-ти лѣтній отрокъ, т. е. гностическій Христосъ. Разсказъ воскрешеннаго юноши о видѣніяхъ имъ въ аду и въ раю излагаетъ тему также во вкусѣ гностическихъ писаній. Еще рѣшительнѣе указываетъ на гностическія воззрѣнія выраженіе Филемона, что онъ безгрѣшенъ, «ибо былъ съ отцомъ своимъ Адамомъ въ Едемѣ прежде, чѣмъ Ева вышла изъ бока его» (Malan. 104, 4). Иного значенія усвоять этимъ словамъ нельзя кромѣ того, что Филемонъ объявляетъ себя здѣсь духовнымъ сѣменемъ, существовавшимъ ранѣе грѣхопаденія. Слова Ап. Андрея — «всѣ воды стекаются въ море, но море не становится отъ этого полно» (Malan. p. 112, 1) тоже легко изъясняются въ гностическомъ духѣ: рѣчь идетъ о возвращеніи пневматиковъ въ горній міръ, совершенное исполненіе коего состоится впервые въ будущемъ. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ содержанія контской «проповѣди» не находимъ. Однако, обращаетъ на себя вниманіе то, что Ап. Андрей и здѣсь имѣетъ отношеніе съ одной стороны къ Ап. Петру и Матоею, съ другой къ Александру и Руфу; вполнѣ новое лицо—ученикъ Ап. Андрея Филемонъ. Замѣчаніе, что Александръ и Руфъ сопровождаютъ Ап. Матоея, представляетъ, вѣроятно, намекъ на акты Ап. Андрея и Матоея (Tischend. p. 151, 17), Ап. Андрея и Петра (Tischend. Apoc. apocr. p. 162, 2); хотя въ дѣйствительности съ первыми и не сообразно, такъ какъ по «хожденію къ антропофагамъ» ученики Ап. Андрея идутъ во градъ человѣкоядческій не съ Ап. Матоесмъ, а съ Ап. Андреемъ и цѣль ихъ странствованія—освобожденіе Апостола изъ рукъ язычниковъ. «Проповѣдь» эта,—если допустить, что она была первоначально составной частью «περίοδοι Ἀνδρέου»,—должна занимать мѣсто въ началѣ послѣднихъ. Имена городовъ, гдѣ проповѣдуетъ Ап. Андрей — «Акрадисъ» и «Луддъ» испорчены. Malan думаетъ, что подъ «Акрадисъ» надо разумѣть Ахалцыхъ городъ Мингреліи. Вюстенфельдовы «Курды» должны быть помѣщены на юго-востокъ отъ Арменіи». За «Луддъ» или «Лидія», натурально, нельзя считать ни малоазійскую Лидію, ни палестинскій «Луддъ», на пути отъ Іерусалима къ Яфѣ [1]).

Колебаніе Липсіуса чѣмъ считать «контскую проповѣдь»,—передачей-ли гностическихъ «περίοδοι Ἀνδρέου», или ихъ частью, вполнѣ

[1]) Карта Палестины—I-го вѣка по Вильсону, Киперту и Менке.

понятно. Текстъ перваго отрывка носитъ ясные слѣды сокращеній (предполагается напр., что читателю извѣстно первоначальное обращеніе жителей Луддъ въ христіанство Ап. Петромъ) и переработки (рѣчь Филемона напр. напоминаетъ Дѣян. 19, 26, Іер. 17, 20; 25, 6). Второй отрывокъ напротивъ переводитъ гностическій разсказъ. Первый отрывокъ, повторяемый Синаксаремъ, несомнѣнно позднѣйшаго церковнаго происхожденія; второй, излагающій идеи близкія къ идеямъ Сатурнина, принадлежитъ древнему времени. Первый даетъ цѣльное представленіе о проповѣди Апостоловъ въ Луддъ; второй сообщаетъ только эпизодъ изъ этой миссіи, начало котораго, — конечно тоже гностическое, — или забыто, или утрачено. Въ виду такой разности составныхъ частей, о цѣломъ памятникѣ было бы рискованно утверждать, что онъ передача, а не буквальный переводъ, точно также какъ и обратно. Но, съ другой стороны, таже разность позволяетъ ожидать, что во второмъ коптскомъ отрывкѣ мы имѣемъ, дѣйствительно, гностическій апокрифъ, дошедшій въ буквальномъ переводѣ съ греческаго языка. Переводъ этотъ естественно не древнѣе конца IV, половины V в., когда у коптовъ появились переводы и передѣлки вообще гностическихъ «περίοδοι и πράξεις». Оригинальный же текстъ его—восточнаго происхожденія былъ составленъ одновременно съ актами Ап. Андрея—Матѳея, Ап. Андрея — Петра. Кромѣ гностическихъ элементовъ, приведенныхъ Линсіусомъ, въ пользу такой вѣроятности говорятъ географическія указанія «проповѣди въ Луддъ», которыя легко гармонизуются съ аналогичными указаніями «πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου» и убѣждаютъ, что коптская «проповѣдь» не просто ингредіентъ гностическаго сборника но и прологъ цѣлой серіи сказаній объ Апостольской миссіи на Черноморскихъ берегахъ. Именно здѣсь какъ и въ актахъ Ап. Андрея—Матѳея центральная фигура—Ап. Андрей. Ап. Матѳей отправляется въ Ба'алатсаби, т. е. къ антропофагамъ. Руфъ и Александръ провожаютъ его до Тетрапа, а не сопутствуютъ въ Ба'алатсаби, какъ думаетъ Линсіусъ; слѣдовательно, авторъ апокрифа намекаетъ, что они возвратятся къ Ап. Андрею и соединятся съ нимъ вновь. Ап. Петръ удаляется на мѣсто, куда ему повелѣлъ идти Господь. По «πράξεις Ἀνδρέου καὶ Ματθαίου» «Ἀνδρέου καὶ Πέτρου» такимъ «мѣстомъ» оказывается «гора, гдѣ Ап. Петръ училъ». Наконецъ, Ап. Андрей, когда жители Луддъ крещены,

уходитъ въ «близь лежащій городъ, чтобы тамъ выполнить великую высоко-почетную миссію, къ которой призванъ». Каковъ бы ни былъ этотъ городъ,—Акрадисъ-ли, о проповѣди въ которомъ апокрифъ умалчиваетъ, или городъ Ахайи, откуда по сказаніямъ Ап. Андрей направился къ человѣкоядцамъ, безразлично;—термины «великая, высокопочетная», въ примѣненіи къ миссіи Ап. Андрея послѣ обращенія Луддъ, показываютъ, что это была миссія къ народамъ отдаленнымъ, дикимъ, варварскимъ.

Резюмируя содержаніе двухъ первыхъ главъ нашего очерка, посвященныхъ вопросу о времени происхожденія оригинальныхъ, переводныхъ, переработанныхъ и новообразованныхъ апокрифическихъ сказаній объ Апостольской проповѣди по сѣверо-восточному берегу Чернаго моря, находимъ, что:

а) самыя раннія редакціи этихъ сказаній возникли въ I—II вв. и слѣдовательно древнѣе аналогичныхъ краткихъ церковныхъ извѣстій, изъ которыхъ древнѣйшія, какъ увидимъ далѣе, относятся ко временамъ Пантэна и Оригена. Такъ, наличныя редакціи греческихъ «Дѣяній Ап. Андрея и Матоея въ городѣ антропофаговъ» и «Дѣяній Ап. Андрея и Петра въ странѣ варваровъ» принадлежатъ половинѣ II в. и, можетъ быть, концу I-го, началу II столѣтія. Изъ сказаній второй группы сирійская «Исторія мучениковъ, Ап. Матоея и Андрея» въ настоящемъ ея видѣ явилась между срединой II и IV в.; коптскіе апокрифы — «Книга проповѣди Ап. Матоея въ Ba'alatsaby» и «Проповѣдь блаж. Ап. Іуды—Ѳаддея въ Сиріи и Дакіи» не древнѣе конца IV в.; англосаксонская легенда «Андрей» составлена самое раннее во второй половинѣ VII столѣтія. «Мученичество Ап. Матоея», которымъ открываются легенды третьей категоріи, въ редакціи сохранившейся понынѣ, принадлежитъ концу IV, началу V в.; древнѣйшая-же чисто гностическая редакція его относится или къ концу II-го, или къ началу III стол. Входящія въ составъ пс. Авдіева сборника, «Virtutes Andreae», «De rebus gestis a Matthaeo Apostolo et Evangelista», «De sanctis Simone et Juda», «De rebus per Indiam a Bartholomaeo gestis», «De rebus a beato Philippo gestis» всѣ появились въ періодъ времени съ IV по VI стол. включительно и всѣ имѣютъ прототипомъ

гностическіе апокрифы, употреблявшіеся еретиками II и III вв. Наконецъ, еѳіопско-коптскія новообразованія принадлежатъ концу IV, половинѣ V столѣтій и представляютъ подражаніе древнѣйшимъ, не дошедшимъ до насъ, гностическимъ актамъ Ап. Андрея и Варѳоломея.

b) Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ имѣющихся на лицо апокрифическихъ сказаній о миссіи Ап. Андрея и его сотрудниковъ въ предѣлахъ сѣверо-восточнаго Черноморья, бывъ подвергнуты за время своего историческаго существованія неоднократнымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ, утратили не только свою первоначальную еретическую тенденцію, но и первоначальную историческую точность. Утрату тенденціи наблюдаемъ напр. въ сирійской «Исторіи мучениковъ Ап. Матѳея и Андрея» (обработка въ духѣ Сатурнина древней редакціи «Πράξεις Ἀνδρέου» etc. алоговъ), въ «Μαρτύριον Ματθαίου» (церковная переработка валентиніанской, или маркіонитской редакціи), въ «De reb. gest. a Matthaeo Ap. et Evangelista», въ «De sanct. Simone et Juda» пс. Авдіи (церковныя переработки манихейской редакціи) и въ «De reb. per Indiam a Ap. Bartholomaeo gestis» (переработка древнѣйшей редакціи гностической въ несторіанскую и несторіанской въ православную). Утрату первоначальной исторической точности находимъ въ фрагментарныхъ актахъ Ап. Андрея и Варѳоломея, изданныхъ Zoëg'ой и въ сказаніи коптскаго Синаксаря подъ 1 числомъ мѣсяца Tut.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки къ христіанскимъ надписямъ изъ Крыма.

(По сообщеніямъ А. Л. Бертье-Делагарда).

Многоуважаемый А. Л. Бертье-Делагардъ, ознакомившись съ недавно изданнымъ мною «Сборникомъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи», въ письмѣ отъ 22-го марта текущаго 1897 года прислалъ мнѣ длинный рядъ замѣтокъ къ изданнымъ въ этомъ сборникѣ надписямъ и дополненій къ нему. Замѣтки эти, вслѣдствіе общеизвѣстнаго превосходнаго знакомства почтеннаго автора съ топографіею и археологіею Крыма, мнѣ кажутся имѣющими большое значеніе для достиженія наибольшей точности показаній, преимущественно топографическихъ, и потому я рѣшаюсь обнародовать здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя носятъ чисто фактическій характеръ, въ надеждѣ, что почтенный авторъ не посѣтуетъ на меня за такое нарушеніе его скромности въ интересахъ одинаково дорогой намъ научной истины. Въ большинствѣ случаевъ мнѣ придется предоставлять слово самому автору замѣтокъ.

Къ *№ 10*. Г. Бертье-Делагардъ замѣчаетъ, что онъ тщательно просматривалъ граффиты этой колонны для В. Н. Юргевича въ 1885 г. и что показанное мною вполнѣ точно; на концѣ буквъ ΔΙ не было; величина креста—$5^1/_2$ дюймовъ.

Къ *№ 11*. «Замѣчаніе г. Косцюшко совершенно вѣрно. Этотъ крестъ нацарапанъ на той же колоннѣ, едва примѣтными чертами; въ рисункѣ г. Юргевича не совсѣмъ точенъ и прикрашенъ; высота

сго $5^1/_2$ дюймовъ; въ 1885 г. я не могъ разобрать въ немъ ни одной буквы».

Къ *№ 12*. Г. Бертье-Делагардъ сообщаетъ, что плита была найдена подлѣ стѣны храма, а не задѣланною въ стѣну, какъ я предполагалъ на стр. 25-й моего сборника.

Къ *№ 13*. «По всѣмъ вѣроятіямъ полъ въ Эрмитажѣ ни размѣромъ, ни видомъ, ни даже большинствомъ матеріала не тожественъ съ мозаичнымъ поломъ древняго херсонесскаго храма. Молчаніе гр. Уварова о надписи пола удивительно, но можетъ быть объяснено тѣмъ, что она была, вѣроятно, найдена въ той части пола, которую не успѣлъ раскопать самъ гр. Уваровъ[1]) и которая была раскопана послѣ него, при разломкѣ и перевозкѣ пола въ Петербургъ».

Къ *№ 26*. «Эта надпись не на карнизѣ, а на столбикѣ алтарной преграды, почему и писана сверху внизъ; этотъ столбикъ изображенъ на фототипіи, приложенной къ моему сочиненію «Раскопки Херсонеса», л. IV, фиг. 1, наверху справа».

Къ *№ 27*. «Фотографію съ надписи снималъ я и, составляя арку изъ найденныхъ ея клиньевъ, не смогъ бы этого сдѣлать, если бы въ ней не хватало одного изъ среднихъ клиньевъ; вотъ *геометрическое* доказательство цѣлости надписи, какъ она изображена. На сохранившемся у меня фотографическомъ снимкѣ читается гораздо больше, чѣмъ показано; напр., несомнѣнно ΠΕΤΡΩΝΙΟϹ; во второй строкѣ нѣсколько буквъ иначе».

Къ *№ 32*. «Эту надпись, какъ и всѣ пещерныя, я списывалъ всего больше для своихъ соображеній, при помощи высокоуважаемаго В. Н. Юргевича, объясненіямъ котораго обязательно вѣрилъ. Если эти объясненія мѣняются по Вашимъ указаніямъ, то и мои заключенія приходится нѣсколько измѣнить. Надпись № 32 снималъ и повѣрялъ много разъ, особенно ея конецъ, который изобразилъ точно, на сколько могу судить. Мѣсто предполагаемой Вами ′ς не совсѣмъ выбито, на немъ сохранилось чертами въ цѣлости то, что показано на рисункѣ, гдѣ выбитая часть тоже показана зачеркну-

[1]) Ср. *Извлеч. изъ всеподд. отч. за 1853 г.*, стр. 168.

тою, и изъ этого, мнѣ кажется, нельзя сдѣлать ϛ. Знакъ ϟ и слѣдующій за нимъ замѣтно меньше по величинѣ послѣднихъ ѰІ, имѣющихъ явно численное значеніе. Краска, на глазъ, мнѣ кажется масляною (бѣлая по сѣрому у образовъ и черная по сѣрому въ надписи), но анализа ея я не дѣлалъ и могу ошибаться. Строительно-художественныя соображенія состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ церкви (очень маленькой, см. мои Ф. 15 и 16, л. II[1]) алтарная преграда до потолка, сплошная, а такое расположеніе, мнѣ кажется, едва ли вѣроятно въ церкви XIII вѣка. Служили въ ней почти до занятія Крыма русскими, ибо сохранилось все очень хорошо и даже ея названіе (во имя св. Георгія). Остальныя пещерныя церкви Инкермана были заброшены. Въ концѣ концовъ, признавая все значеніе сдѣланныхъ Вами замѣчаній, пока еще колеблюсь; постараюсь вновь все пересмотрѣть и передумать».

Къ *№ 33*. «До этой надписи я добирался, можно сказать, съ опасностью жизни, при помощи лѣстницъ и веревокъ; въ такомъ положеніи списываніе было не особенно легко; однако, два раза его повторилъ и думаю, что сдѣлалъ вѣрно. При вторичномъ осмотрѣ въ 1885 г. (послѣ напечатанія статьи) показалось, что во 2-й строкѣ вторая буква съ конца (0) и въ 3-й строкѣ вторая съ начала (о) на половину выбиты, а въ 5-й строкѣ третья буква съ конца (ф) испорчена совершенно. Такимъ образомъ прибавилось нѣсколько выбитыхъ мѣстъ, а остальное все то же. Назвавъ время татарскимъ, я понималъ то раннее татарское время, когда еще существовало княжество Θеодоро, но формы восточнаго художества сильно и замѣтно проникаютъ въ Крымъ вмѣстѣ съ исламомъ; это время можно считать и византійскимъ».

Къ *№ 34*. По сообщенію г. Бертье-Делагарда упомянутыя въ концѣ описанія рельефныя буквы суть слѣдующія:

[1]) *Зап. Од. Общ.* т. XIV.

Къ *№ 35*. «Это та самая церковь, въ которой находится надпись № 32, сдѣланная подъ запрестольнымъ образомъ Спасителя».

Къ *№ 36*. «Я могъ разобрать на могильной плитѣ только ЄТОVС, ничего больше. Здѣсь, очевидно, было кладбище вокругъ надземной церкви св. Димитрія, которая была цѣла еще въ 1773 году».

Къ *№ 39*. «Эти пещеры у покинутой деревни Мáрмора находятся въ одной группѣ и сдѣланное описаніе относится къ надписямъ, указаннымъ къ №№ 44 и 44 *c* (въ дополненіи)».

Къ *№ 41*. «Описаніе Шишкиной съ совершенною точностью относится только къ церкви нынѣ во имя св. Климента, встарь св. Георгія».

Къ *№ 43*. «Эта надпись не на карнизѣ, а внизу подъ тѣми тремя всадниками, о которыхъ упоминаетъ Ю. А. Кулаковскій (см. дополн. стр. 124). Три всадника не что иное, какъ св. Георгій въ трехъ различныхъ положеніяхъ во время борьбы съ дракономъ. Надпись списывалъ я въ 1884 г., когда она была, вѣроятно, цѣлѣе; буквъ разбиралъ гораздо больше, чѣмъ г. Кулаковскій, и не совсѣмъ такъ, какъ у Васъ показано[1]). Объ этой надписи говоритъ Григоровичъ въ «Запискахъ антиквара», но еще меньше меня и Ю. А. Кулаковскаго. Вся маленькая церковь въ отдѣльномъ кускѣ скалы, скатившемся внизъ на половину горы».

Къ *№ 43 а* (доп. стр. 125). «Счерчивая эту, очень любопытную, маленькую церковь въ 1884 году, я не списалъ съ точностью иконныхъ надписей, но сдѣлалъ замѣтки, какихъ святыхъ прочелъ имена. Въ абсидѣ справа св. Николай, лѣвѣе иконостаса — св. Анастасія, на потолкѣ кажется, св. Давидъ. Въ сѣверо-западномъ углу прочиталъ ΔVNOC, у другого лика рядомъ разбирается ЄKOIMH ».

Къ *№ 44 б* (доп. стр. 126). «Если бы Ю. А. Кулаковскій обслѣдовалъ по многу разъ всѣ пещерныя церкви, обмѣрилъ и пере-

[1]) Важнѣйшіе варіанты копіи г. Бортъе-Делагарда показаны у меня на столько точно, на сколько это можно было сдѣлать при помощи печатнаго шрифта.

чертилъ ихъ на бумагѣ, то думаю, что онъ ни мало бы не сомнѣвался въ томъ, что описываемая есть тоже церковь или часовня, а никакъ не просто пещера; ниша въ стѣнѣ—есть престолъ, обращенный къ востоку; вся церковь съ отдѣльнымъ входомъ, сторожками при входѣ, скамьею и пр., совершенно того же типа, какъ и очень многія крымскія церкви; точно такія церкви (по сути) изображены у меня на фиг. 25, 50 и особенно 39 [1]); еще нѣсколько найдется въ моихъ записныхъ книжкахъ. Та, о которой идетъ рѣчь, изображена на фиг. 45; это очень опростившаяся церковь, но все же церковь. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ надписи 44, 44 *а* и 44 *б*. Въ простыхъ пещерахъ никогда не бываетъ даже и признака такихъ надписей, да по смыслу не слѣдъ имъ тамъ и быть. Всѣ эти надписи находятся въ одной и той же, не признанной Ю. А. Кулаковскимъ церкви, а вся эта группа пещеръ была несомнѣнно монастыремъ».

Къ № *44 с.* (дон. стр. 126). «Эта надпись была мною указана въ концѣ описанія къ № 39. Эту пещеру и г. Кулаковскій призналъ церковью, совершенно правильно, а между тѣмъ въ ней почти ничего церковнаго не примѣтно, такъ что даже я не счелъ нужнымъ сдѣлать ея планъ. Одна стѣна ея совершенно вывалилась, алтарь былъ, вѣроятно, въ углу, отдѣляясь отъ церкви двумя деревянными переборками».

Къ *№ 49.* «Стѣны Мангупа, вообще говоря, и до сихъ поръ хорошо сохранились; камни съ надписями, будто бы вынутые путешественниками, считаю простымъ баснословіемъ, повсюду повторяемымъ. Отголосокъ того же есть и въ разсказѣ Бруна; русскій князь — всего вѣроятнѣе гр. Уваровъ, планы и рисунки котораго для Мангупа, къ несчастію, затеряны, будучи уже напечатанными; конечно, не онъ могъ вынуть надписи и ничего не сказать о томъ. Думаю, что вынимать надписи для того, чтобы спрятать ихъ, никто не станетъ, а заявленія о нихъ нигдѣ и никогда не бывало. Надпись, указываемая Мурзакевичемъ (съ 3 сердцами), находилась въ трудно доступной и мало замѣтной башнѣ съ ка-

[1]) Зап. Од. Общ., т. XIV.

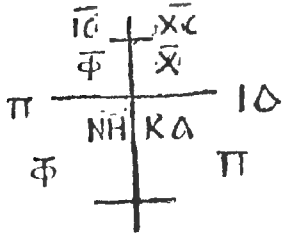
литкой, почему, вѣроятно, и не замѣчена никѣмъ болѣе. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ какіе-то анатолійскіе греки искали въ Мангунѣ клады и, между прочимъ, совершенно разворотили эту башню, при чемъ, вѣроятно, исчезла и эта надпись».

№ 49 а. «Оврагъ Табана-дере въ Мангунѣ перегороженъ внизу второй передовой стѣной, правый флангъ которой упирается въ отвѣсныя скалы, гдѣ выдолблено нѣсколько пещеръ, устроенныхъ въ прямой связи со стѣною и, очевидно, одновременно съ нею. На стѣнѣ одной изъ этихъ пещеръ я примѣтилъ маленькій крестикъ и буквы: ✝ . . ϕ ϒ K Θ; думаю, что было ✝ ЕТϤ ϒ КО = 6729 = 1221. Весьма вѣроятно, что этотъ годъ соотвѣтствуетъ году построенія самой стѣны; онъ хорошо вяжется съ приблизительнымъ временемъ надписей №№ 46 и 47, которыя найдены въ томъ же оврагѣ, на верхней стѣнѣ».

№ 49 б. «Съ южной стороны Мангуна, внизу отвѣсныхъ скалъ, есть большая пещера съ хорошо сохранившеюся пещерною церковью, въ которой, въ алтарной абсидѣ, замѣтенъ осьмиконечный крестъ съ лиственнымъ украшеніемъ внизу, весьма схожій съ крестомъ въ Сюйренѣ (№ 50); по сторонамъ креста буквы ІС ХС / NI KA На стѣнахъ много ликовъ святыхъ съ надписями, изъ которыхъ разобралъ (въ 1885 г.) свв. Григорія, Θеодора, арх. Гавріила и Михаила, Параскеву, Марину, Іоанна и Марію».

№ 49 с. «Точно такой-же крестъ, только съ косой нижней поперечиной, съ тѣми же буквами, находится въ другой пещерной церкви, въ оврагѣ Табана-дере».

Къ *№ 50.* «Все это укрѣпленіе я подробно снялъ и вычертилъ въ 1885 г. Свѣряясь съ моими рисунками, вижу, что крестъ на рисункѣ Караулова немного неточенъ. У креста внизу большія лиственныя украшенія, а буквы по сторонамъ его расположены такъ:



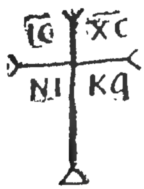
Никакихъ другихъ слѣдовъ буквъ я не примѣтилъ».

Къ *№ 57* (ср. дон. стр. 128). «Съ житейской точки зрѣнія Ю. А. Кулаковскій правъ, называя эту церковь развалиною, потому что она стоитъ безъ крыши, но правъ и я, назвавъ ее отлично сохранившеюся. Въ 1886 г. ея стѣны были совершенно цѣлы, карнизы, перемычки, сводъ абсиды—тоже. Я даже совѣтовалъ крестьянамъ только очистить ее и покрыть крышею, чтобы имѣть готовую церковь. Вообще вся она хорошо построена почти изъ штучнаго камня и служила церковью до самаго выѣзда грековъ изъ Крыма. Конечно, въ описаніи подобныхъ древнихъ сооруженій само собою разумѣется, что деревянныя части пропадаютъ, о чемъ и упоминать не стоитъ, а все остальное здѣсь отлично сохранилось, особенно въ сравненіи со многими другими ей подобными. Что касается до надписей, то приписка мелкими буквами слѣва у № 57 не разбирается и по эстампажу. Обращу Ваше вниманіе на то, что въ этой припискѣ подъ словомъ ЄТОVС вырѣзано явно арабскими цифрами 1593 (а не 1598, какъ вышло на снимкѣ), что соотвѣтствуетъ 7102 отъ сотв. міра, съ ошибкою на одинъ годъ. Но этой ошибки не будетъ, если считать, что январскіе годы идутъ прежде сентябрскихъ, какъ, вѣроятно, считалъ авторъ перечисленія. Сдѣлано это перечисленіе позже надписи, но все же очень давно и, пожалуй, показываетъ, что счетъ отъ Р. Хр. былъ не менѣе знакомъ тогда, чѣмъ счетъ отъ сотворенія міра».

№ 59 а. «Въ наружной стѣнѣ церкви, налѣво отъ входа, имѣется монограмма

подъ нею нацарапано нѣчто совсѣмъ не разборчивое.

№ 59b. «Внутри справа отъ входа, на западной стѣнѣ:

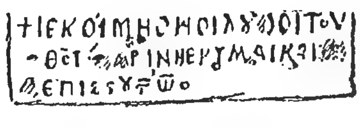


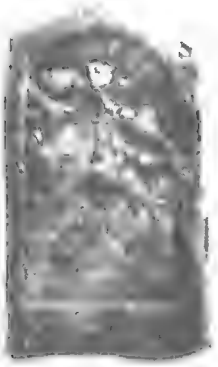
«Вообще на этой церкви очень много разныхъ царапаній и крестовъ, что объясняется мягкимъ известковымъ камнемъ стѣнъ церкви, на которомъ легко чертить любымъ гвоздемъ».

№ 62а. «На кладбищѣ деревни Біа-Сала, переворачивая опрокинутые могильные камни, я нашелъ очень красивое надгробіе съ высѣченными на немъ тремя крестами подъ восточнымъ узоромъ въ видѣ арки луковицею. Подъ крестами двѣ строчки очень мелкихъ греческихъ буквъ, не разобранныхъ за наступившею темнотою, а внизу вполнѣ отчетливо читается ἐτου ςωοα, т. е. 6871 = 1363. Любопытный образчикъ татарскаго времени по рисунку и византійскаго по надписи».

№ 62б. «Подлѣ деревни Улу-Сала, близъ едва примѣтныхъ развалинъ церкви, на кладбищѣ, видѣлъ плиту съ остаткомъ креста и буквъ»:

№ 64а. Въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1897 года г. Бертье-Делагардъ сообщилъ мнѣ, что недавно одинъ земскій дѣятель раскопалъ развалины церкви св. Троицы близъ селеній Лаки и Керменчикъ, при чемъ нашелъ могильную плиту, чрезвычайно похожую на описанную выше подъ № 62*а*. При сообщеніи г. Бертье-Делагарда приложена и фотографія плиты, къ сожалѣнію снятая въ очень маломъ масштабѣ, такъ что находящаяся въ нижней части ея трехстрочная надпись различается лишь при помощи увеличительнаго стекла. Мнѣ удалось разобрать слѣдующее:





Чтеніе второй половины 2-й строки остается весьма сомнительнымъ. Въ остальной части надписи, по исправленной транскрипціи читается слѣдующее:

+ Ἐκοιμήθη (ή) δδ(η) τοῦ
Θ(ε)οῦ ... ρίνη ἐν... καὶ....
ἐπὶ ἔτδ(ς) ,ςωό.

Такимъ образомъ эта надпись, относящаяся къ 6870=1362 году, лишь однимъ годомъ старше № 62 *a*, чѣмъ и объясняется отмѣченное г. Бертье-Делагардомъ сходство ихъ.

Къ *№ 73*. По поводу нашего подстрочнаго примѣчанія на стр. 82 г. Бертье-Делагардъ заявляетъ, что это примѣчаніе вполнѣ вѣрно и что онъ нигдѣ не видѣлъ въ Судакѣ греческихъ надписей, кромѣ церкви у отдѣльно стоящей башни на крайнемъ западѣ. Церковь эта хорошо сохранилась и была вся расписана по стѣнамъ ликами святыхъ; теперь читаются только нѣкоторыя буквы.

Къ *№ 74*. «Церковь армянская, а не греческая, отъ бывшей надписи остались только слабые слѣды. Гораздо лучше сохранилась церковь (тоже армянская) въ сосѣдней бухтѣ Двуякорной, съ двумя большими армянскими надписями».

Къ *№ 92* (стр. 94). «Колонны и капители этой церкви—изъ Прокоппесскаго мрамора, совершенно такія же, какъ описанныя мною въ Херсонисѣ, и явно сборныя, такъ какъ капители по діаметру не сходны съ колоннами. Возможно, что колонны эти изъ М. Азіи, хотя это и очень мало вѣроятно, скорѣе можно думать, что онѣ

добыты изъ Херсониса. Надпись на одной изъ колоннъ вовсе не свидѣтельствуетъ о времени построенія самой церкви св Іоанна, которая, судя по крымской церковной архитектурѣ вообще, не древнѣе XIII вѣка. Объ этомъ я уже говорилъ въ «Раскопкахъ Херсонеса», стр. 49 прим. 4».

Къ *№ 73а* (доп. стр. 129). «Я не вижу никакого основанія считать эту церковь генуэзскою постройкою; въ остальномъ и описаніе и рисунокъ ея даны совершенно вѣрно. Въ греческой старой надписи, сколько ни глядѣлъ на камень, никакъ не могъ угадать годъ».

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ *№ 1*. Директоръ музея Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей проф. Э. Р. фонъ-Штернъ въ августѣ 1897 г. любезно сообщилъ мнѣ хранящіеся въ музеѣ подлинные снимки съ старинныхъ предметовъ, находящихся въ Килійской церкви св. Николая и описанныхъ въ статьяхъ Надеждина и Мурзакевича, помѣщенныхъ въ I и II томахъ «Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей»[1]). Рисунки эти весьма тщательно исполнены въ 1838 году состоявшимъ въ должности командира Килійской инженерной команды инженеръ-штабсъ-капитаномъ П. П. Ушаковымъ и въ слѣдующемъ году представлены имъ при ранортѣ исправлявшему должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, Бессарабскому военному губернатору генералъ-маіору Ѳедорову, а послѣднимъ препровождены въ Общество. Нѣкоторые изъ нихъ оказались изданными въ точныхъ facsimile при указанныхъ статьяхъ Надеждина и Мурзакевича[2]), а другіе только упомянуты въ нихъ. Въ числѣ послѣднихъ оказались и двѣ греческія

---

[1]) Надеждинъ, *Славянская надпись въ Килійской церкви св. Николая*, Зап. Од. Общ. I, стр. 292—300; Мурзакевичъ, *Килійская церковь св. Николая и ея достопримѣчательности*, Зап. т. II, отд. 2, стр. 484—488.

[2]) Именно: 1) Славянская надпись 1648 г. (Зап. I, табл. V), 2) серебряный окладъ Евангелія (т. II, табл. XV) и 3) находящіеся въ этомъ Евангеліи портреты воеводы Матеея Басараба (1633—1654) и супруги его Елены (т. II, табл. XVI). Относительно славянской надписи нелишнимъ считаю замѣтить, что въ присланномъ мнѣ проф. фонъ-Штернъ собраніи имѣются *три* ея копіи: 1) тщательно исполненная тушью шт.-капи-

надписи, изъ коихъ одна издана Мурзакевичемъ въ копіи, сдѣланной обыкновенными печатными маюскулами, и перепечатана нами въ «Сборникѣ» подъ № 1, а другая лишь мимоходомъ упомянута имъ (см. ниже № 1 *а*). Въ виду прекраснаго исполненія копій этихъ надписей Ушаковымъ и палеографическаго ихъ интереса мы считаемъ не лишнимъ предложить здѣсь точныя копіи его рисунковъ съ краткимъ ихъ описаніемъ.

Снимокъ съ надписи, изданной нами подъ № 1, сдѣланъ, повидимому, въ натуральную величину. Дощечка, на которой сдѣлана надпись, имѣетъ на снимкѣ 0,70 м. длины и 0,10 м. вышины; сверху и снизу имѣются карнизы, а по срединѣ сдѣлана надпись весьма тщательно выведенными буквами въ 0,03 м. вышины. Матеріалъ, изъ котораго сдѣлана дощечка, не показанъ ни Ушаковымъ, ни Мурзакевичемъ; буквы въ копіи Ушакова сплошь затушеваны. Вотъ уменьшенный снимокъ съ этой копіи:

Изъ этого снимка видно, что Мурзакевичъ почти вполнѣ вѣрно прочиталъ всю надпись (только вмѣсто IS поставилъ YIOY), но при передачѣ ея обыкновенными печатными буквами долженъ былъ разрѣшить всѣ лигатуры, въ томъ числѣ и 8.

№ 1 а. Непосредственно за переводомъ надписи Димитрія Мурзакевичъ въ ук. статьѣ говоритъ: «Полъ церковный составленъ изъ мраморныхъ надгробныхъ плитъ съ греческою, армянскими и турецкими надписями конца прошлаго вѣка». Объ армянскихъ и турецкихъ надписяхъ сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія въ примѣ-

таномъ Ушаковымъ, съ собственноручною его подписью, 2) еще болѣе тщательная копія тушью не подписанная и 3) довольно небрежный списокъ, сдѣланный отъ руки чернилами, съ надписью: «Надпись на южныхъ дверяхъ Килійской церкви, снята въ 1842». Литографированный снимокъ, приложенный къ 1-му тому «Записокъ Од. Общества», сдѣланъ съ № 2, но съ существеннымъ отступленіемъ отъ подлинника, заключающимся въ томъ, что въ подлинникѣ всѣ буквы сплошь затушеваны, а на литографіи онѣ сдѣланы бѣлыми и лишь оттѣнены тушью.

чаніи къ статьѣ Надеждина въ I томѣ «Записокъ» (стр. 292—3), но греческая тамъ совсѣмъ даже не упомянута. Почему Мурзакевичъ не издалъ ее вмѣстѣ съ надписью Димитрія, сказать трудно, но позволительно предполагать по-просту, что онъ затруднялся ея разборомъ.

Въ присланномъ мнѣ Э. Р. фонъ-Штерномъ собраніи рисунковъ оказались два снимка плиты, на которой начертана эта надпись. Одинъ изъ нихъ подписанъ шт.-капитаномъ Ушаковымъ, а на другомъ подписано: «Снималъ снатуры Килійскаго артиллерійскаго гарнизона фейрверкеръ 4 к. Романовъ» и сверху сдѣлана помѣта: «Крѣпость Килія іюня 2-го дня 1838 года». Изъ приписокъ на снимкахъ видно, кромѣ того, что надпись сдѣлана на бѣломъ мраморѣ, находящемся въ полу церкви св. Николая предъ царскими вратами. Снимокъ Романова по размѣрамъ нѣсколько больше Ушаковскаго и представляетъ довольно замѣтныя отличія въ деталяхъ украшеній. Трудно, конечно, сказать, которому изъ нихъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе по близости къ подлиннику; но всетаки снимокъ Романова представляется намъ болѣе надежнымъ какъ по общему впечатлѣнію, такъ и по передачѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ буквъ надписи, въ особенности послѣдней буквы 1-й строки и 1, 2 и 4 буквъ 2-й строки[1]). Поэтому мы и избрали его для изданія на прилагаемой таблицѣ[2]). Не вдаваясь въ подробности описанія украшеній плиты, которыя ясно видны на снимкѣ, мы прямо перейдемъ къ надписи. Какъ видно изъ снимка, она вырѣзана довольно тщательно, но съ нѣсколькими ошибками и, такъ сказать, особенностями почерка. Къ числу ошибокъ мы относимъ: 1) третью букву 1-й строки (Λ вмѣсто Α), одинаково переданную въ снимкахъ Ушакова и Романова, и 2) первую букву 3-й строки (Ο вм. Α?). Къ особенностямъ почерка слѣдуетъ отнести: 1) прибавленіе кружка къ буквѣ Т въ 1-й строкѣ и къ буквѣ I во 2-й строкѣ, дѣлающее ихъ похожими на Ф, 2) своеобразное начертаніе буквъ А, О и Υ въ словѣ ΙΩΑΝΝΟΥ во 2-й строкѣ и 3) не менѣе своеобразную вязь изъ буквъ ΤΟΥ въ концѣ 1-й строки и изъ буквъ (въ цифровомъ значеніи) ΛΧ въ концѣ 3-й строки.

[1]) На снимкѣ Ушакова въ концѣ 1-й строки дано ы, а въ началѣ второй—
[2]) См. стр. 161.

Цинког. „ПОРЯДОКЪ" Успенская, №75.

Принявъ во вниманіе эти особенности, мы безъ труда прочитаемъ надпись слѣдующимъ образомъ:

Ὁ τ(ά)φος τῦ εὐγενεςάτ8
Θωμᾶ υἱῦ Ἰωάννου
(ἀ)πὸ Νεοχώρη. ,αχπϑ′.

«*Гробница благороднѣйшаго Ѳомы сына Іоанна изъ Неохори. 1689.*»

Къ сожалѣнію, мы лишены въ настоящее время возможности навести надлежащія справки о томъ, можетъ-ли этотъ Ѳома Іоанновъ быть отождествленъ съ какою-либо исторически извѣстною личностью.

Сообщилъ *В. Латышевъ.*

«Graffiti» на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ.

Въ богатой коллекціи предметовъ греческой керамики, хранящейся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, до послѣдняго времени было сравнительно мало такихъ сосудовъ, на донышкахъ или ножкахъ которыхъ встрѣчаются такъ называемые graffiti, надписи, нацарапанныя какимъ-то острымъ инструментомъ или написанныя кускомъ графита на обожженной уже глинѣ. Года три тому назадъ эта группа сосудовъ нашего собранія сразу замѣтнымъ образомъ обогатилась щедрымъ даромъ неутомимаго радѣтеля нашего музея, почетнаго члена Общества ген.-м. А. Л. Бертье-Делагарда. При земляныхъ работахъ, необходимыхъ для устройства Ѳеодосійской гавани, Александръ Львовичъ приказалъ рабочимъ обращать вниманіе на попадающіеся черепки древней посуды, и въ собранной такимъ образомъ значительной массѣ керамическихъ фрагментовъ было не менѣе пятидесяти черепковъ, испещренныхъ разными надписями, монограммами, буквами и знаками.

Изучая продолжительное время эти по большей части загадочныя лигатуры, сокращенія, монограммы и знаки, я убѣдился въ томъ, что можно ихъ дѣлить на извѣстныя категоріи и что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ позволяютъ намъ дойти до небезъинтересныхъ выводовъ относительно общекультурной жизни въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Однако я при этомъ чувствовалъ потребность въ провѣркѣ моихъ наблюденій на болѣе богатомъ матеріалѣ, чѣмъ тотъ, который имѣлся въ коллекціи нашего музея, и оттого я рѣшился обратиться въ Императорскую Археологическую Коммисію съ просьбой, не найдетъ-ли она возможнымъ предоставить мнѣ для моей работы тѣ graffiti, которые найдены были при раскопкахъ

въ Херсонесѣ и хранятся тамъ въ мѣстномъ складѣ древностей. Съ большой предупредительностью Императорская Археологическая Коммисія исполнила мою просьбу, и г. К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, завѣдующій раскопками въ Херсонесѣ, сдѣлалъ любезность снять для меня эстампажи съ этихъ надписей и мнѣ ихъ прислать. Считаю пріятнымъ долгомъ высказать какъ Археологической Коммисіи, такъ и г. Косцюшкѣ свою глубокую благодарность за оказанное мнѣ такимъ образомъ содѣйствіе при настоящемъ изслѣдованіи.

I.

Хотя въ общемъ надписи на предметахъ древней керамики конечно уже давно обращали на себя вниманіе новыхъ ученыхъ, однако главнымъ образомъ это вниманіе сосредоточивалось на надписяхъ, передающихъ намъ имена мастеровъ[1]) или объясняющихъ фигуры и сюжеты изображенныхъ на вазахъ сценъ. Graffiti въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова,—т. е. надписи, буквы, лигатуры и знаки, нацарапанные по преимуществу на нижней части ножки или донышка сосудовъ—сравнительно меньше интересовали ученую публику, и, на сколько я знаю, только одна категорія изъ нихъ, а именно graffiti, дающіе намъ древнія наименованія сосудовъ обыкновенно въ связи съ цифровыми знаками и обозначеніемъ цѣны, подробнѣе обслѣдованы и изучены.

Главная часть собранныхъ въ IV томѣ Corpus Inscrip. Graec. graffiti относится къ этой категоріи, и ею особенно интересовался между прочимъ Letronne, трактовавшій въ цѣломъ рядѣ статей о ихъ значеніи[2]). Его окончательный выводъ, что эти graffiti представляютъ собою «notes commémoratives, écrites par les potiers pour indiquer le nombre de tels ou tels vases, qu'ils étaient chargés de fabriquer ou qu'ils avaient vendus à tel prix; et comme conséquence générale que ces noms n'avaient point nécessairement de rapport au vase même, sous le pied du-

[1]) Срв. Klein: Die griechischen Vasen mit Meistersignaturen, 1883. P. I. Meier: Zu den Vasen mit Meistersignaturen, Archeol. Zeitung 1884. S. Reinach: Traité d'Epigraphie grecque, 1885 p. 443 слѣд. P. Kretschmer: Die griech. Vaseninschriften 1884 и т. д.

[2]) Letronne: Nouvelles annales publiées par la section française de l'Institut archéol. I. 1836. Journal des Savants 1837, p. 750. 1838, p. 1. 1840, p. 427—430.

quel on les avait gravés, avant que ce pied eût été attaché au vase auquel il appartient»—этотъ выводъ его долгое время признавался вполнѣ вѣрнымъ и нашелъ авторитетнаго защитника въ лицѣ извѣстнаго археолога Otto Jahn'a[1]). Только въ 1877 году берлинскій ученый Richard Schoene[2]) снова собралъ весь доступный ему матеріалъ и въ подробномъ изслѣдованіи провѣрилъ добытые его предшественниками результаты. Schoene весьма убѣдительнымъ образомъ доказалъ, что толкованіе Letronne'a и Jahn'a этихъ надписей какъ «notes commémoratives» самихъ мастеровъ-гончаровъ несостоятельно, и остроумно выяснилъ ихъ значеніе: эти надписи сдѣланы торговцами посуды и представляютъ интересныя данныя не только о цѣнѣ отдѣльныхъ сосудовъ въ древнее время, но и объ употребленіи ихъ и о способѣ ихъ сбыта.

Наконецъ и Heydemann[3]) трактовалъ объ этой группѣ graffiti и далъ цѣнныя дополненія къ матеріалу, собранному въ статьѣ Schoene. Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ одна категорія этихъ греческихъ graffiti служила уже предметомъ серьезныхъ ученыхъ изслѣдованій, на остальныя обращено пока сравнительно мало вниманія. Большинство изъ нихъ повидимому еще не издано; но и въ тѣхъ публикаціяхъ, въ которыхъ обнародована часть имѣющагося на лицо матеріала, какъ напр. въ каталогахъ вазъ берлинскаго[4]) и мюнхенскаго[5]) музеевъ, въ Inscriptiones Graecae Insularum Maris Aegaei[6]), въ періодическихъ археологическихъ журналахъ, въ капитальномъ трудѣ объ раскопкахъ въ Навкратисѣ[7]), въ книгѣ Kretschmer'a[8]) и т. д., не сдѣлано попытки систематическаго изученія и объя-

---

[1]) Otto Jahn: Berichte der sach. Gesell. der Wissenschaften VI, 1854, S. 36 слѣд. Beschreibung der Vasensammlung des Königs Ludwig. S. LXXXVIII.

[2]) Schoene: Ueber einige eingeritzte Inschriften griech. Tongefässe. Commentationes in honorem Th. Mommsenii 1877. p. 649 слѣд.

[3]) Heydemann: Epigraphisches auf griech. Vasen. Rh. Museum, 1881, Band 26, S. 465 folg. 617 слѣд.

[4]) Furtwängler: Beschreibung der Vasensammlung im Antiquarium. Berlin 1885, II. Taf. I, II, III.

[5]) Jahn: Beschreibung der Vasensammlung des Königs Ludwig. Taf III—XI.

[6]) Hiller de Gaertringen: Inscript. Graecae Insularum. 1895. № 904 и т. д.

[7]) Naukratis: Pars. I, by Flinders Petrie 1888, Tab. XXXII, XXXIII, XXXIV. Pars. II, by Ernest Gardner 1889, Taf. XXI - XXII.

[8]) P. Kretschmer: Griech. Vaseninschriften 1894, S. 2—6, S. 240.

снешя этого матеріала. На сколько я знаю, существуетъ въ литературѣ только одна такая попытка, или вѣрнѣе, мимоходомъ высказанная гипотеза относительно тѣхъ graffiti, которые не подходятъ подъ разобранную Letronne'омъ и его пріемниками категорію. Профессоръ Robert[1]), трактуя о свинцовыхъ оракульныхъ дощечкахъ изъ Додоны, между прочимъ доказываетъ предположеніе, что нацарапанные часто на ножкахъ аттическихъ вазъ надписи, состоящія изъ двухъ буквъ, представляютъ собою особый родъ инвентарной нумераціи. Основываясь на томъ, что числа 1—24 выражались буквами Α—Ω, онъ полагаетъ, что для выраженія слѣдующаго ряда чиселъ отъ 24—48 ставилась буква Α въ соединеніи съ каждой изъ слѣдующихъ буквъ алфавита, для выраженія чиселъ отъ 48—72 буква Β въ связи съ одной изъ остальныхъ буквъ алфавита и т. д.

Получается такимъ образомъ слѣдующая система нумераціи:

1—24=Α—Ω.
25— 48=ΑΑ, ΑΒ, ΑΓ, ΑΔ и т. д.
49— 72=ΒΑ, ΒΒ, ΒΓ, ΒΔ и т. д.
73— 96=ΓΑ, ΓΒ, ΓΓ, ΓΔ и т. д.
97—120=ΔΑ, ΔΒ, ΔΓ, ΔΔ и т. д.

Мысль проф. Robert'a довольно остроумна, но едва-ли вѣрна. Не говоря уже о томъ, что главное основаніе ученаго профессора, будто въ сочетаніи двухъ буквъ на греческихъ вазахъ всегда первыя буквы алфавита занимаютъ первое мѣсто, не подтверждается нашимъ матеріаломъ, такъ какъ встрѣчаются и сочетанія ΝΙ, ΗΑ, и т. д., т. е. обозначаются по счету Robert'a довольно высокія числа, едва-ли вѣроятныя для инвентаря однородныхъ предметовъ въ мастерской какого-нибудь горшечника,—слѣдуетъ замѣтить, что догадка Robert'a примѣнима именно только къ тѣмъ случаямъ, гдѣ мы имѣемъ сочетаніе двухъ буквъ. Однако почти не рѣже мы находимъ, что на донышкахъ бываютъ нацарапаны три или четыре буквы, напр. ΑΠΟ, ΗΡΑ, ΑΡΙ, ΑΡΤ, ΣΩΤΙΗ и т. д. Эти надписи подъ систему Robert'a уже не подходятъ, для ихъ объясненія

[1]) C. Robert: Ein antikes Nummerirungssystem und die Bleitäfelchen von Dodona. Hermes XVIII (1883), S. 466—472.

надо было-бы придумать другую, и этимъ самымъ уже доказывается несостоятельность всей теоріи Robert'a.

Въ виду такого положенія занимающаго насъ вопроса, предлагаемый здѣсь опытъ изданія и группировки одной, можетъ быть, незначительной, части найденныхъ на почвѣ южной Россіи греческихъ graffiti можетъ конечно претендовать только на значеніе подготовительной и предварительной работы, главная цѣль которой заключается въ желаніи обратить вниманіе нашихъ ученыхъ и коллекціонеровъ на эти graffiti, не лишенные, какъ я надѣюсь выяснить, извѣстнаго историческаго и культурнаго интереса.

Точкой отправленія для группировки и объясненія имѣющихся въ моемъ распоряженіи древне-греческихъ graffiti служило наблюденіе, что на предметахъ античнаго гончарнаго промысла нацарапывались: I) посвященія богамъ, II) имена владѣльцевъ и замѣтки, которыя по своему содержанію могутъ скорѣе всего быть имъ приписаны, III) надписи, изученіемъ которыхъ занимались Letronne, Schœne и другіе—надписи, представляющія помѣты торговцевъ античной посудой. Изучая переданный мнѣ матеріалъ, я поставилъ себѣ на первомъ мѣстѣ вопросъ, подходитъ-ли онъ и насколько именно подходитъ подъ одну изъ этихъ трехъ главныхъ категорій. Трактуя о каждой категоріи въ отдѣльности, я старался отъ извѣстнаго и точно установленнаго дѣлать выводы и переходить къ неизвѣстному, гадательному, выясняя, по мѣрѣ силъ и возможности, причины, заставившія меня ту или другую надпись причислять къ одной или другой изъ этихъ трехъ категорій. Всѣ тѣ случаи, въ которыхъ я не дошелъ до опредѣленнаго результата или въ которыхъ предполагаемое мною объясненіе можетъ казаться сомнительнымъ, я выдѣлилъ въ одинъ общій, четвертый разрядъ. Я не отрицаю возможности болѣе цѣлесообразной группировки матеріала, напр. особенно во второй категоріи,—не отрицаю возможности установленія большаго числа категорій, но при первой вообще попыткѣ объясненія этихъ graffiti мнѣ казалось цѣлесообразнымъ заключить матеріалъ въ возможно широкія рамки. Только съ этой оговоркой смѣю предложить вниманію археологовъ нижеслѣдующій опытъ толкованія и группировки нацарапанныхъ на донышкахъ древне-греческихъ сосудовъ надписей.

II.

Graffiti посвятителей.

Общеизвѣстно, что въ числѣ прочихъ пожертвованій богамъ, древними греками приносились въ храмъ и разныя издѣлія керамическаго промысла, снабженныя надлежащими надписями. Эти посвятительныя надписи бываютъ весьма различной формы: рядомъ съ полными предложеніями, какъ напр. Σημωνίδης μ'ἀνέθηκεν (J. G. A. 1.), Σμῖκρος ἀνέθηκεν τῆι Ἀθηνάαι (Δελτ. ἀρχ. 1888, 154), Παραμένων με ἀνέθηκε τῶπόλλωνι (F. Petrie, Naukratis I, № 5), встрѣчается имя бога въ родительномъ надежѣ въ связи съ вспомогательнымъ глаголомъ εἶναι или безъ него: напр. Ἀπόλλωνός εἰμι (F. Petrie, Naukratis I, № 1ª, 7—23, 147—150) Ἀπόλλωνος (F. Petrie, Naukratis I, № 205, 206, 210, 211); или имя божества ставится въ дательномъ надежѣ,—то въ связи съ именемъ посвятителя въ именительномъ надежѣ, то безъ него: напр. [Ἀπόλλ]ωνι Ἄρδυς (F. Petrie, Naukratis I, № 212) Ἀφ[ρ]ο δίτηι (Gardner, Naukratis II, Taf XXII. № 739) τ]ῷ Ἀπόλλωνι, (Petrie, Naukratis I, № 155, 164), Ἀπόλλωνι (F. Petrie, Naukratis I, № 202), Τοῖς Θεοῖς (F. Petrie, Naukratis I, № 690), Πανδήμωι (Arch. Jahrb. IV, 211)[1]), Διοσκούροις (Gardner, Naukratis II, № 2 833—836, 37, 39) и т. д. Эти посвященія, смотря по величинѣ сосудовъ и пространству свободнаго отъ украшеній мѣста на донышкѣ, дѣлались иногда и въ сокращенной формѣ: на таблицахъ, приложенныхъ къ вышеназванному труду Petrie и Gardner'a о Навкратисѣ, мы имѣемъ не мало примѣровъ, гдѣ имѣются на ножкѣ сосудовъ только начальныя буквы имени божества Ἀπο и Ἀπολλ. Имѣя въ виду эти факты, приступимъ къ разбору и группировкѣ нашего матеріала.

Что греки и на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря придерживались обычая приносить въ храмы боговъ разнаго рода сосуды, засвидѣтельствовано намъ не только показаніями древнихъ авторовъ[1]), но можетъ быть и прямо доказано, по крайней мѣрѣ въ одномъ конкретномъ случаѣ, изъ имѣющагося въ нашемъ музеѣ матеріала.

---

[1]) Срв.. P. Kretschmer: Griechische Vaseninschriften p. 4, A. 6.

[2]) Срв. Arrian: Perip. Pont. Eux. § 32—34 (21—23 изданія Hercher'a), Quintus Smyrnaeus III, 775 слѣд.

№ 1, и 1ª. При раскопкахъ на островѣ Фидониси (Левкѣ), произведенныхъ въ сороковыхъ годахъ по распоряженію г. Бессарабскаго военнаго губернатора П. П. Ѳедорова, между другими достопримѣчательностями найденъ былъ черполаковый сосудъ, на поддонѣ котораго сверху и снизу нацарапаны надписи. Эти надписи изданы были г. Мурзакевичемъ въ Запискахъ Одесск. Общ. Исторіи и Древностей II, стр. 414 и 415. Вотъ что онъ пишетъ по поводу ихъ: «Нѣкто Главкъ, вѣроятно самъ приноситель, хотѣлъ начертать свое обѣтное приношеніе, но бывъ не довольно грамотенъ, начавъ чертить слѣдующія слова: ΓΛΑΥΚΟΣ ΕΞΠΝΝΑΙΟΕΟ, не докончилъ ихъ, а передалъ другому болѣе опытному, и уже второй грамотѣй докончилъ набожное приношеніе въ слѣдующихъ словахъ: ΓΛΑΥΚΟΣ ΜΕ ΑΝΕΘΗΚΕΝ ΑΧΙΛΔΗΙ ΛΕΥΚΗ ΜΕΔΕΟΝΤΙ ΓΑΙΗ ΕΞ ΠΟΣΙΔΗΟ, т. е. «Главкъ изъ Посидія меня посвятилъ Ахиллесу, землею Левки владычествующему». Оставивъ здѣсь пока въ сторонѣ смѣлыя предположенія г. Мурзакевича относительно различныхъ авторовъ этихъ надписей, степени ихъ грамотности и сочетанія разобранныхъ имъ словъ, замѣчу только, что по приложенному на таблицѣ (№ I, 1 и 1ª) факсимиле не трудно убѣдиться въ томъ, что г. Мурзакевичъ не точно передалъ текстъ самихъ надписей. На поддонѣ сверху острымъ инструментомъ нацарапано на черномъ лакѣ довольно небрежнымъ шрифтомъ ΓΛΑΥΚΟΣ ΕΣΠΛΙΝ ΛΙΔΕΟ, т. е. Γλαῦκος εἰσπλ(ε)ῖν αἰδέο(υ), или такъ какъ подъ буквой N есть слѣды еще буквы Υ, то можно думать, что приноситель хотѣлъ написать εἴσπλουν. Та и другая конструкція,—вопрительный надежъ или неопредѣленное наклоненіе,—въ зависимости отъ глагола αἰδεῖσθαι въ одинаковой системѣ возможны[1]). Неслитная форма повелительнаго наклоненія показываетъ, что приноситель дара—іонянинъ. Фраза: «Главкъ, берегись въѣзда, остерегайся въѣхать, будь осторожнымъ при въѣздѣ», заставляетъ думать, что Главкъ при въѣздѣ вечеромъ[2]) въ гавань по неосмотрительности или по другимъ причинамъ подвергся опасности и изъ

[1]) Krüger: Syntax § 46, 10; 55, 3, 18.

[2]) Ночью подплывать къ острову считалось весьма опаснымъ и было запрещено, до вечера всѣ должны были оставлять островъ Левку. (Ср. Quint. Smyr. III. p. 775. Pauly—Wissowa s. v. Achilleus p. 223).

благодарности за спасеніе принесъ свой скромный даръ владычествующему надъ моремъ Ахиллесу.

Снизу на томъ-же поддонѣ болѣе тщательно написано на желтой глинѣ графитомъ: ΓΛΑΥΚΟΣ ΜΕ ΑΝΕΘΗΚΕΝ ΑΧΙΛΛΗΙ ΛΕΥΚΗΙ ΜΕΔΕΟΝΤΙ ΠΑΙ ΕΞ ΠΟΣΙΔΗΟ. Первую часть надписи г. Мурзакевичъ вѣрно разобралъ, но въ концѣ онъ читаетъ ΓΑΙΙ вмѣсто ΠΑΙ, и ΕΞ вмѣсто ΕΞ. Если это не ошибка съ его стороны, а намѣренная поправка текста «болѣе грамотнаго составителя», то едва-ли нужно указывать на полную неудачность подобной поправки. Не говоря уже о томъ, что сочетаніе Λεύκη γαῖα вмѣсто Λεύκη νῆσος или ἀκτή было бы довольно странно даже для мореплавателя, не можемъ не удивляться пылкой фантазіи г. Мурзакевича, считавшаго γαι (!) за дательный падежъ слово γαῖα и соединившаго эту форму безъ всякой оговорки съ именемъ Λεύκη. Этотъ перлъ находитъ свою аналогію въ той беззастѣнчивости, съ которой г. Мурзакевичъ сочетаетъ первое слово предложенія Γλαῦκος съ послѣдними ἐς Ποσιδήο(υ) и переводитъ «Главкъ изъ Посидія».

Но оставимъ толкованіе г. Мурзакевича, заслуги котораго относятся не къ области толкованія и возстановленія греческихъ текстовъ, и обратимся къ самой надписи. Общій смыслъ ея вполнѣ ясенъ: «Главкъ посвятилъ меня Ахиллесу, властителю Левки». Въ первой ея части встрѣчается только одно затрудненіе: Λεύκῃ (безъ подписной іоты рядомъ съ Ἀχιλλῆι) конечно можетъ быть только дательный падежъ; между тѣмъ μεδέων управляетъ, насколько я знаю, всегда родительнымъ. Но съ этой своеобразной конструкціей еще можно кое-какъ мириться въ виду того, что по аналогіи съ μέδομαι Τρωέσσι κακά въ простонародномъ языкѣ неправильное примѣненіе dativus commodi въ данномъ сочетаніи является мыслимымъ и понятнымъ Гораздо болѣе трудностей представляетъ конецъ надписи. Мы знаемъ греческое мужское имя собственное Ποσίδηος; (C. J. G. II. p 746b); оно образовалось по мнѣнію компетентныхъ ученыхъ путемъ сокращенія изъ Ποσιδήιος; можно-ли по этой аналогіи предполагать, что рядомъ съ Ποσιδήιον (храмъ Посидона) и Ποσιδήιος, ια, ιον, принадлежащей Посидону, напр. ποσιδήιον ἄλσος (Hom. Il. II, 506) существовали формы Ποσίδηον, Ποσίδηος? Если этого нельзя допустить, то придется думать, что здѣсь просто по ошибкѣ пропущена іота,

и что слѣдуетъ читать ἐς Ποσιδηίου[1]) «въ храмъ, въ священную округу Посидона». Хотя мы о существованіи храма Посидона въ собственномъ смыслѣ этого слова на островѣ Левкѣ и ничего не знаемъ, однако не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что этотъ богъ, который, какъ гласитъ миѳическое преданіе, по просьбѣ Ѳетиды поднялъ послѣ смерти Ахиллеса этотъ островъ изъ глубины моря, тамъ почитался вмѣстѣ съ послѣднимъ. Такимъ образомъ упоминаніе о его рощѣ и священной округѣ вполнѣ умѣстно, и является вполнѣ въ порядкѣ вещей, что Главкъ свое приношеніе Ахиллесу ἀνέθηκεν ἐς Ποσιδηίου. Но какъ объяснить слово παῖ, стоящее непосредственно передъ ἐς Ποσιδη[ί]ου? Я затрудняюсь на этотъ вопросъ дать рѣшительный отвѣтъ: при тщательномъ исполненіи всей надписи едва-ли можно думать о коренной порчѣ текста, о томъ, что авторъ хотѣлъ написать совершенно другое слово, чѣмъ онъ написалъ; измѣненія отдѣльныхъ буквъ смыслу не помогаютъ; поэтому я пока полагаю, что мы должны остановиться на томъ текстѣ, который мы имѣемъ, помня, что авторомъ этой надписи является не литературно-образованный человѣкъ, а простой морякъ. Какъ на греческихъ надгробныхъ памятникахъ мы часто встрѣчаемъ обращенія къ проходящимъ, къ публикѣ, къ знакомымъ и т. д., такъ авторъ нашей надписи, имѣя въ виду этотъ обычай, почему-то заблагоразсудилъ заставить и посвященный имъ сосудъ обратиться къ какому-то мальчику: «Главкъ меня поставилъ въ честь Ахиллеса, владыки Левки, о мальчикъ, въ священную округу Посидона». Конечно, и разстановку словъ, и это обращеніе къ неизвѣстному мальчику можно находить странными,— однако едва-ли иначе возможно разобрать и объяснить ясно начертанный текстъ, не прибѣгая къ радикальнымъ измѣненіямъ его.

№№ 2 и 3. На островѣ Левкѣ при тѣхъ-же раскопкахъ сороковыхъ годовъ найдены были еще фрагменты двухъ, повидимому, посвятительныхъ надписей. Обѣ очень глубоко вырѣзаны острымъ инструментомъ на выгнутыхъ краяхъ большихъ кратеровъ. Различная ширина найденныхъ обломковъ показываетъ, что они принадлежатъ не одному сосуду, притомъ и характеръ шрифта на обломкахъ

[1]) Ср. Herod. VII, 115... κόλπον τὸν ἐπὶ Ποσιδηίου.

не одинъ и тотъ же. На первомъ фрагментѣ читается: ΕΡΑ ΑΧΙΛΛΕΩΣ, что приблизительно можно дополнить въ γ]έρα[2] Ἀχιλλέως по аналогіи Ἀπόλλωνός εἰμι (срв Petrie, Naukratis I, №№ 1ª, 7—23, 147—150). На другомъ фрагментѣ имѣемъ буквы: ΛΙΤΟΙCΥΝΝΑΥΤ. Сказать о значеніи и первоначальной формѣ этой надписи что нибудь положительное крайне трудно; дошедшія до насъ буквы можно безъ особенныхъ дополненій сочетать въ слова κ]αὶ τοῖς (σ)υνναύταις[1] т. е. «и товарищамъ по плаванію»; но что имъ предшествовало и что за ними слѣдовало, опредѣлить не берусь. Одно, мнѣ кажется, ясно, что и эта надпись принадлежитъ къ категоріи посвятительныхъ.

Къ той же категоріи, по моему, можно отнести и цѣлый рядъ найденныхъ въ Ѳеодосіи graffiti. Всѣ они выцарапаны снизу на донышкахъ маленькихъ, весьма тщательно сработанныхъ блюдечекъ или тарелокъ. Донышки Ѳеодосійскихъ сосудовъ обыкновенно расписаны слѣдующимъ образомъ: въ срединѣ находится черный или желтый кругъ, а затѣмъ слѣдуютъ двѣ полосы чернаго и желтаго цвѣта, расположенныя около этого круга по принципу чередованія красокъ. На небольшомъ свѣтломъ фонѣ выцараны graffiti, состоящіе нерѣдко изъ двухъ, трехъ буквъ. При маленькихъ размѣрахъ имѣвшейся въ распоряженіи площади и сравнительной величинѣ буквъ этихъ graffiti было-бы и трудно помѣстить на этихъ донышкахъ больше, напр. полное имя божества, которому принесенъ данный сосудъ въ даръ. Имѣя въ виду вышеприведенныя аналогіи изъ Навкратиса, гдѣ тоже имя бога обозначено иногда только его начальными буквами, мнѣ кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предполагать, что и тѣ изъ Ѳеодосійскихъ черепковъ отъ сосудовъ, на которыхъ мы читаемъ ясно и притомъ неоднократно буквы, легче всего дополняемыя въ смыслѣ именъ извѣстныхъ божествъ, принадлежали къ разряду посвятительныхъ приношеній, и что эти загадочныя на первый взглядъ graffiti представляютъ собою выраженіе благочестивыхъ чувствъ приносителей—судя по незначительности дара и неуклюжести почерка—людей простыхъ и бѣдныхъ.

---

[2]) О формѣ γέρα срв. Stephanus, Thesaurus s. v. γέρας.

[1]) Что конечный ς сливается съ начальнымъ σ другого слова въ одно, нерѣдко наблюдается; срв. напр. B. C. II. IV, 304, A, стр. 38 Ἀρτέμων Σέσκωδος вмѣсто Ἀρτέμως Σέσκωδος.

Изъ Ѳеодосійскихъ graffiti я считалъ-бы возможнымъ отнести къ этой категоріи слѣдующіе:

№ 4. ΑΙ᾽ т. е. Ἀπό[λλωνι.

№ 5. ΑΙ᾽ т. е. Ἀπ[όλλωνι.

№ 6. ΑΙ᾽ т. е. Ἀπ[όλλωνι. (Буква Η въ лежачемъ положеніи).

№ 7. ΑΙ᾽ т. е. Ἀπ[όλλωνι.

№ 8. ΑΙΟ т. е. Ἀπό[λλωνι.

№ 9. ΑΙ᾽ т. е. Ἀπ[όλλωνι.

№ 10. ΑΘΙΗ т. е. Ἀθη[νᾷ.

№ 11. ΑΡΙ т. е. Ἄρι вмѣсто Ἄρει подъ вліяніемъ итацизма.

№ 12. ΗΡ т. е. Ἡρ[ᾳ или Ἡρ[ακλεῖ.

№ 13. ΗΡ т. е. Ἡρ[ᾳ или Ἡρ[ακλεῖ.

№ 14. ΗΡ т. е. Ἡρ[ᾳ или Ἡρ[ακλεῖ, (Буква Р здѣсь, какъ Η въ № 6, въ лежачемъ положеніи).

№ 15. ΑΡΤ т. е. Ἀρτ[εμίδι.

№ 16. ΑΣ т. е. Ἀσ[κληπιῷ

№ 17. ΑΣ т. е. Ἀσ[κληπιῷ.

Такимъ образомъ изъ пятидесяти Ѳеодосійскихъ graffiti, четырнадцать могли-бы быть, если согласиться съ предложеннымъ здѣсь толкованіемъ, удовлетворительно объяснены; изъ остальныхъ относятся можетъ быть еще четыре, состоящіе, какъ до сихъ поръ приведенные, изъ двухъ буквъ, также къ категоріи посвятительныхъ.

№ 18. ΑΙ.

№ 19. ΑΙ.

№ 20. ΣΩ.

№ 21. ΗΔ

Если допустить, что при № 18 и 19 верхняя черточка второй буквы потерта и что вмѣсто Ι первоначально написано было Γ, то и эти думера возможно было бы дополнить черезъ Ἀπ[όλλωνι.

№ 20. На допушкѣ ΣΩ; эти буквы легко дополняются черезъ Σω[τῆρι]. Срв. № 31, 32.

№ 21 представляетъ уже больше затрудненій; мыслимо, что этотъ graffito можетъ быть принятъ за посвященіе Δή[μητρι], если надпись читать справа на лѣво; но я это объясненіе предлагаю только за неимѣніемъ другой болѣе правдоподобной догадки.

Вообще я вполнѣ сознаю, что рекомендованное мною выше толкованіе означенныхъ graffiti есть только гипотеза; могутъ мнѣ возражать, —и навѣрно и возразятъ,—что съ такимъ же правомъ эти graffiti можно принять за начальныя буквы имени владѣльца сосуда. Обычай, что владѣльцы нацарапывали свои имена на вазахъ и другихъ предметахъ гончарнаго ремесла достаточно засвидѣтельствованъ, и мыслимо въ виду этого, что вышеприведенныя буквы слѣдуетъ дополнить какъ собственныя имена: ΑΠ напр. въ Ἀπ[ολλωδόρου εἰμί], ΣΩ въ Σω[γείου εἰμί] (срв. Schœne, Museo Bocchi № 513), ΑΡΙ въ Αρι[στοῦς εἰμι] (Heydemann: Gr. Vasenbilder S. 14), ΑΙ въ Αἰ[αντίδω εἰμί] (Berl. Vasenkatalog № 4017) и т. д. Я съ этой возможностью считался, но послѣ продолжительнаго изученія вопроса пришелъ къ убѣжденію, что выставленная мною гипотеза заслуживаетъ предпочтенія по слѣдующимъ соображеніямъ.

Во первыхъ, мы ничего не знаемъ о томъ, что владѣльцы сосудовъ обозначали на нихъ свои имена только одними начальными буквами; относительно же посвятительныхъ graffiti въ честь бога существованіе такихъ сокращеній достаточно доказано находками, сдѣланными въ храмахъ Аполлона и Артемиды въ Навкратисѣ. И въ самомъ дѣлѣ, легко понятно, почему въ одномъ случаѣ могли довольствоваться подобнымъ сокращеннымъ обозначеніемъ имени, а въ другомъ нѣтъ. Если-бы владѣльцу какого нибудь сосуда, скажемъ, для примѣра, нѣкоему Аполлодору, вздумалось нацарапать на немъ для обозначенія своихъ правъ собственности только начальныя буквы своего имени ΑΠ—, то для другихъ, кромѣ него самого, осталось бы неизвѣстнымъ, принадлежалъ-ли данный сосудъ ему, или Аполлонію, Аполлониду, Аподемію, Аполексу, Аполласу, Аполлинарію, Аполлобексу, Аполлодоту, Аполлогену, Аполлократу, Апомѳу, Апону и т. д. Наоборотъ, никакихъ сомнѣній и недоразумѣній не могло возникать, если благочестивый грекъ, принося свой скромный даръ въ храмъ извѣстнаго божества или въ святилище, въ которомъ *совмѣстно* почиталось нѣсколько божествъ, нацарапывалъ на немъ начальныя буквы имени того, для котораго предназначено было его приношеніе. Тутъ не только онъ, но и храмовая прислуга, и всѣ остальные, читая бубквы ΑΠ на сосудѣ, сейчасъ знали, что этотъ даръ приносится Аполлону, а не другому богу. У насъ, правда, на этотъ счетъ теперь

могутъ иногда существовать сомнѣнія: читая напр. буквы ΗΡ на донышкѣ, мы не можемъ рѣшить, предназначено было это приношеніе Герѣ или Гераклу, но для древнихъ, которые знали, какія именно божества почитались въ данномъ храмѣ, и такая надпись была вполнѣ ясна и понятна.

Во вторыхъ, въ пользу моей догадки относительно значенія нами разобранныхъ Ѳеодосійскихъ graffiti говоритъ какъ то обстоятельство, что почти всѣ они, слагаясь изъ двухъ или трехъ буквъ, легко дополняются въ смыслѣ именъ извѣстныхъ божествъ, такъ особенно и то, что нѣкоторыя изъ этихъ сочетаній буквъ нѣсколько разъ встрѣчаются: сочетаніе ΑΠ напр. мы имѣемъ шесть разъ, а если считать два сомнительныхъ случая (№ 18 и 19), даже восемь разъ при восемнадцати надписяхъ; это относительно большое количество наводитъ также на предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ остатками когда-то многочисленныхъ приношеній въ святилище божествъ.

Пусть мнѣ не возражаютъ, что при этомъ предположеніи слѣдовало-бы ожидать находки не какихъ-нибудь двухъ десятковъ, а цѣлыхъ сотенъ однородныхъ graffiti, какъ въ Навкратисѣ. Вѣдь наши graffiti случайныя находки, не матеріалъ, добытый систематическими раскопками. Можетъ-быть, въ горѣ, расположенной надъ Ѳеодосійскимъ карантиномъ, находятся еще сотни подобныхъ graffiti; можетъ быть, и нѣтъ, чему тоже не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ Ѳеодосія всегда была населеннымъ мѣстомъ, и одинъ культурный слой смѣнялъ здѣсь другой.

Итакъ, разсмотрѣвъ всесторонне занимающій здѣсь насъ вопросъ и осторожно взвѣсивъ всѣ данныя, мы должны сказать, что противъ выставленной здѣсь гипотезы едва-ли можно сдѣлать серьезныя возраженія и что она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія передъ другими мыслимыми объясненіями этихъ graffiti. Если же согласиться съ нашей догадкой, то изъ нея мы должны необходимымъ образомъ вывести и дальнѣйшее заключеніе, не лишенное культурнаго интереса. О религіозной жизни древне-греческой Ѳеодосіи мы до сихъ поръ ничего не знали; теперь мы можемъ установить, во первыхъ, что и здѣсь существовалъ засвидѣтельствованный между прочимъ для Левки обычай приносить предметы гончарнаго ремесла въ видѣ посвященій богамъ,—во вторыхъ,

что въ Ѳеодосіи почитались Аполлонъ, Гера, Аѳина, Афродита, Асклепій и т. д., и наконецъ, что эти божества, такъ какъ немыслимо предполагать для каждаго изъ нихъ существованіе отдѣльнаго святилища, были θεοὶ σύνναοι, т. е. имѣли одну общую священную округу, одинъ храмъ. Эпиграфическій матеріалъ, доставшійся намъ особенно изъ раскопокъ на островѣ Делосѣ (B. C. H. 1882, p. 333 слѣд. Nenz: Quaestiones Deliacae, 1885, p. 32 слѣд.) наглядным образомъ доказалъ, въ какой широкой мѣрѣ практиковалось это совмѣстное почитаніе различныхъ божествъ; что оно имѣло мѣсто и въ Ѳеодосіи, по моему, подтверждается помимо уже приведеннаго соображенія косвеннымъ образомъ и нашими graffiti; ибо, еслибъ каждый богъ имѣлъ свой отдѣльный храмъ, то, пожалуй, и не нужно было-бы на приносимыхъ ему въ даръ сосудахъ начертывать его имя; если-же нѣсколько божествъ почиталось совмѣстно въ одной священной округѣ, то, понятнымъ образомъ, требовалось обозначеніе на сосудѣ, кому именно изъ нихъ онъ посвящается.

Весьма желанное подтвержденіе правильности моей догадки относительно значенія разобранныхъ до сихъ поръ Ѳеодосійскихъ graffiti далъ мнѣ тотъ матеріалъ, который Императорская Археологическая Коммисія предупредительнымъ образомъ предоставила въ мое распоряженіе. По полученіи этого матеріала, первымъ моимъ дѣломъ конечно было провѣрить добытый мною результатъ на Херсонесскихъ graffiti, — и вотъ оказалось, что почти одна треть изъ нихъ по своему характеру вполнѣ соотвѣтствуетъ только что разсмотрѣннымъ Ѳеодосійскимъ надписямъ и также легче всего поддается объясненію при предположеніи, что данныя сочетанія и лигатуры обозначаютъ начальныя буквы именъ разныхъ божествъ, получавшихъ въ даръ предметы гончарнаго ремесла отъ набожныхъ жителей Херсонеса. Къ этой категоріи принадлежатъ слѣдующія изъ Херсонесскихъ graffiti.

№ 22. Буро-матовая, какъ бы графитомъ потертая тарелка: НРА т. е. Ἡρᾳ или Ἱρα[κλεῖ].

№ 23. Черполаковая тарелка: НРА т. е. Ἡρᾳ или Ἱρα[κλεῖ].

№ 24. Буро-матовое блюдце: НР т. е. лигатура вмѣсто Ἡρ[ᾳ] или Ἱρα[κλεῖ].

№ 25. Буро-матовое блюдце: ΗΡΑ, лигатура буквъ ΗΡΑ т. е. Ἥρᾳ или Ἡρα[κλεῖ].

№ 26. Буро-матовая тарелка ΗΡ; лигатура имени Ἥρ[ᾳ] или начальныя буквы имени Ἡρ[ακλεῖ].

№ 27. Чернолаковая тарелка: ΗΡ ср. № 26.

№ 28. Чернолаковая тарелка: ΗΡΑ полная лигатура Ἥρᾳ или Ἡρα[κλεῖ].

№ 29. Чернолаковая тарелка: ΗΡ т. е. Ἥρ[ᾳ] или Ἡρα[κλεῖ].

№ 30. Чернолаковая тарелка: ΗΡΑ, полная лигатура, но въ иномъ видѣ, какъ у № 25 и 28, буквъ ΗΡΑ т. е. Ἥρ[ᾳ] или Ἡρα[κλεῖ].

№ 31. Чернолаковая тарелка: на одномъ краю CΩ, на другомъ ΗΡ, послѣдняя лигатура опять = Ἥρ[ᾳ] или Ἡρ[ακλεῖ]; первыя двѣ буквы можно (ср. съ № 20) по аналогіи № 32 и 33 дополнить въ смыслѣ Σω[τῆρι].

Если это послѣднее дополненіе правильно, то и разрѣшается сомнѣніе, слѣдуетъ ли лигатуры буквъ ΗΡ и ΗΡΑ считать начальными буквами имени Геры или Геракла, въ пользу послѣдняго имени. Что культъ Геракла въ дорической колоніи является особенно умѣстнымъ и вѣроятнымъ, не нуждается въ подробномъ разъясненіи. Замѣчу только, что эпитетъ Σωτήρ довольно часто придавался Гераклу, какъ доказываютъ Θасосскія и Смирнскія монеты. (ср. Preller-Robert: Griech. Mythol. II, 272).

№ 32. Чернолаковая вазочка: CΩTΗ т. е. Σωτῆ[ρι].

№ 33. Чернолаковая тарелка: CΩTΗ т. е. Σωτῆ[ρι]. По аналогіи съ предыдущими надписями можно бы подумать, что и эти graffiti обозначаютъ посвященіе Гераклу. Однако надо имѣть въ виду, во первыхъ, что Σωτήρ почитался и какъ самостоятельный богъ спасенія, защиты[1]), и во вторыхъ, что этотъ эпитетъ кромѣ Геракла и другихъ божествъ особенно присущъ Зевсу; въ честь этого Зевса Спасителя на пирахъ осушается послѣдній бокалъ и въ виду этого на сосудахъ нерѣдко является надпись Σωτῆρος, чередуясь съ Ἀγαθοῦ Δαίμονος[2]). Такимъ образомъ нельзя съ увѣренностью сказать, что эти

[1]) Herod. VIII, 138.

[2]) Athaeneus, Deipnosophist. XV, 47. Schol. Pind. I, 5, 10. срв. Preller-Robert: Griech. Mythol. I, 121.

два сосуда съ надписями Σωτῆ[ρι или ρος] посвящены Гераклу, хотя по сравнительно большему количеству Херсонесскихъ graffiti въ честь этого бога ясно, что его культъ занималъ въ Херсонесѣ весьма видное мѣсто.

Рядомъ и, вѣроятно, отчасти совмѣстно съ нимъ почитались и другія божества, которымъ также посвящались въ видѣ приношеній въ храмъ различные сосуды. Изъ нашего матеріала относятся сюда слѣдующіе еще graffiti:

№ 34. Темнобурое блюдце: ΔΙ.

№ 35. Черполаковое блюдце: ΔΙ; у поэтовъ Δί вмѣсто Διί, Зевсу, довольно часто встрѣчается.

№ 36. Темнобурая тарелка: ΔΑΜΑ, т. е. Δάμα[τρι], дорическая форма вмѣсто Δήμη[τρι].

№ 37. Черполаковая тарелка: ΔΑ, т е. Δά[ματρι].

№ 38. Темнобурое блюдце: ΔΙΔΙ=Δίᾳ, у дорійцевъ, напр. въ Сикіонѣ, имя Геры.

№ 39. Темнобурое блюдце: ΑΘΑ, т. е. Ἀθα[νᾶ]. Слѣдуетъ обратить вниманіе на дорическую форму этого имени, между тѣмъ какъ на Θеодосійскомъ graffito (№ 10) имѣемъ буквы ΑΘΗ, Ἀθη[νᾶ]. Этотъ фактъ, что мы въ дорической колоніи на сосудѣ встрѣчаемъ буквы Ἀθα, и въ іоническій буквы Ἀθη, мнѣ кажется довольнымъ вѣскимъ подтвержденіемъ нашего взгляда, что эти буквы должны быть приняты за обозначенія именъ боговъ, въ данномъ случаѣ за обозначеніе имени Аѳины.

№ 40. Темнобурое блюдце: ΑΡΙ (буквы ΑΡ въ лигатурѣ).

№ 41. Черполаковая тарелка: ΑΡΙ; въ обоихъ случахъ вѣроятно слѣдуетъ допустить, что Ἄρι подъ вліяніемъ птацизма написано вмѣсто Ἄρει, Аресу. Срв. № 11 изъ Θеодосіи.

№ 42. Черполаковая тарелка: ΑΡ, т. е. по аналогіи съ предыдущими номерами=Ἄρει.

№ 43. Темнобурая тарелка: ΑΡ въ лигатурѣ=Ἄρει.

№ 44. Черполаковое блюдце: ΑΡΤ, буквы ΑΡ въ лигатурѣ; т. е. Ἀρτ[εμίδι], срв. № 15 изъ Θеодосіи

Итакъ изъ 88 Херсонесскихъ graffiti 24[1]) представляютъ собою

[1]) Ср. и №№ 126, 127, 128, которыя по всей вѣроятности также относятся къ этой категоріи. Мы такимъ образомъ имѣемъ 27 посвятительныхъ graffiti изъ 88, т. е. почти одну треть.

посвятительныя надписи. Почти половина изъ нихъ (11) нацарапана на сосудахъ, посвященныхъ Гераклу. Аресу принадлежатъ—4, Сотеру, Зевсу, Деметрѣ—по 2, Гебѣ, Аонидѣ и Артемидѣ—по 1. Это послѣднее обстоятельство, что въ честь главной богини Херсонеса—Артемиды — найденъ до сихъ поръ только одинъ посвятительный graffito, можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ: но не трудно для этого факта придумать разныя объясненія. Помимо возможности усматривать въ немъ простую случайность, надо помнить и о томъ, что Артемида, какъ главная богиня Херсонитовъ, имѣла несомнѣнно свой особый храмъ. На приношеніяхъ, поставленныхъ въ ея честь въ этомъ храмѣ, уже не было надобности нацарапывать начальныя буквы ея имени, разъ въ храмѣ не почитались одновременно и другія божества. Впрочемъ мы имѣемъ немало херсонесскихъ graffiti на донышкахъ сосудовъ, состоящихъ изъ одной буквы А. При значеніи культа Артемиды въ Херсонесѣ довольно соблазнительно было-бы это А принимать за начало имени самой извѣстной тамъ богини и полагать, что именно въ виду ея знаменитости Херсониты считали достаточнымъ дѣлаемое ей приношеніе обозначать только первой буквой ея имени. Но я воздерживаюсь отъ подобной догадки, такъ какъ она можетъ опираться только на соображеніе весьма субъективнаго характера.

Въ имѣющемся въ моемъ распоряженіи матеріалѣ есть еще и другіе такіе graffiti, которые такъ или иначе могли-бы быть отнесены къ группѣ посвятительныхъ. Но я считаю болѣе цѣлесообразнымъ и правильнымъ выдѣлить всѣ эти сомнительные случаи въ особую категорію, которая помѣщена будетъ въ концѣ настоящаго изслѣдованія и прежде приступить къ изученію и разсмотрѣнію тѣхъ graffiti, назначеніе и цѣль которыхъ поддается ясному опредѣленію и объясненію.

III.

Graffiti владѣльцевъ.

Выше уже было упомянуто о существовавшемъ у грековъ обычаѣ, что владѣльцы кубковъ, вазъ, блюдъ и т. д. начертывали на нихъ свои имена,—должно быть, для обозначенія своихъ правъ собственности на данный предметъ или же изъ желанія упрочить за собою исключительное пользованіе даннымъ сосудомъ. Мы этотъ обычай

можемъ сравнить съ нынѣ распространенной въ большихъ курортахъ модой, снабжать отдаваемые сторожу при цѣлебномъ источникѣ стаканы разными знаками, лентами и т. д., во избѣжаніе смѣшенія ихъ съ другими однородными стаканами, или же съ обычаемъ, господствующимъ во многихъ домахъ, имѣть для салфетокъ кольца съ соотвѣтствующими надписями или отличительными знаками. Какъ въ старину, такъ и теперь преслѣдуется при этомъ одна и та-же цѣль: выдѣлить одинъ предметъ изъ массы аналогичныхъ и облегчить владѣльцу его возможность исключительнаго пользованія имъ. Такія надписи на предметахъ античнаго гончарнаго промысла не рѣдкость, примѣры ихъ недавно еще приведены Kretschmann'омъ [1]); онѣ состоятъ изъ имени владѣльца въ родительномъ надежѣ въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ быть въ первомъ лицѣ настоящаго времени, или же изъ родительнаго падежа безъ всякаго прибавленія глагола, напр.: Λευκετοῦς εἰμι (Δελτ. ἀρχ. 1888, стр. 99). Γοργίδαό ἠμι (I. G. A., 247ª), Ηὐθεώ ἐμι (Inscrip. Insul. Maris Aeg. I, 721), Αἰδοίο ἠμί (I. I. M. A. I, 724), или Χρυσίππου (I. G. A., 521) Ἀριαρτίου (Archeol. Anzeiger 1892, 167) и т. д.

Но само собою понятно, хотя страннымъ образомъ до сихъ поръ никѣмъ еще не указано, что категорію этихъ «Besitzerinschriften» слѣдуетъ значительно расширить. Для обезпеченія правъ собственности, пожалуй, требовалось начертаніе имени владѣльца, но для достиженія другой изъ вышеуказанныхъ цѣлей, — возможности исключительнаго пользованія какимъ нибудь предметомъ въ семействѣ и въ домѣ, владѣлецъ могъ конечно снабдить этотъ предметъ и помимо собственнаго имени какой-нибудь другой надписью, будь она только характерна и не имѣй она себѣ репликъ въ кругу тѣхъ лицъ, для которыхъ она предназначена. Несомнѣнно и такія надписи — мы съ ними позже познакомимъ читателя — слѣдуетъ отнести къ разряду надписей владѣльцевъ. Да мало того, нѣтъ причины исключать изъ этой категоріи и такіе graffiti, которые безъ достаточно ясной цѣли, можетъ быть просто для препровожденія времени, нацарапаны на сосудахъ, если только можно доказать, что авторами этихъ элаборатовъ являются безъ сомнѣнія сами владѣльцы этихъ сосудовъ.

[1]) P. Kretschmann: Griech. Vaseninschriften, S. 3, Anm. 6.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ выдѣленію изъ нашего матеріала тѣхъ graffiti, которые могутъ быть пріурочены къ категоріи надписей владѣльцевъ въ вышеустановленномъ смыслѣ этого слова.

№ 45. Черполаковый киликсъ изъ Ольвіи, хорошей работы и сохранности (№ 134 основнаго каталога). Съ внѣшней стороны на верхнемъ краю выцарапаны буквы ΜΗΤΡΟ, т. е. Μήτρο[υ]. Относительно этого имени, Μῆτρος, срв. C. I. A. II, 2, № 3947. Fick: Griech. Personennamen, S. 208.

№ 45. Черполаковый каноаръ изъ Ольвіи; одна ручка отбита (№ 120 основнаго каталога). Съ внѣшней стороны на туловищѣ надпись ΠΥΘΟΥ Σ т. е. Πύθους. Соб. имя Πύθης (Πυθοδώρου) встрѣчается напр. въ надписи, изданной въ Ath. Mitth. VII, 254, № 23; срв. Fick: Griech. Personennamen, S. 245.

№ 47. Черполаковый черепокъ неизвѣстнаго мѣста находки (№ 780 основнаго каталога). На донышкѣ весьма тщательно сдѣланная надпись: ΠΡΟΞΕΝΟΥ т. е. Προξένου. Имя Проксена весьма извѣстно и распространено; каждый на первомъ мѣстѣ конечно вспомнитъ о другѣ Ксенофонта. Относительно образованія этого имени срв. Fick: Griech. Personennamen, S. 243.

№ 48. Донышко черполаковаго сосуда изъ Ѳеодосіи; снизу на краю читаются ясно буквы ΣΩΣΙΒΙΟ т. е. Σωσιβίο[υ]; относительно этого имени срв. Fick, Griech. Personennamen, S. 260. Кромѣ того все донышко испещрено многими буквами, написанными то въ большемъ, то въ меньшемъ размѣрѣ въ разныхъ направленіяхъ. Уже маститый вице-президентъ нашего Общества, В. П. Юргевичъ напрасно старался разгадать смыслъ этой надписи (Зап. Од. Общ. XVIII, стр. 169); отдѣльныя буквы безъ труда можно разобрать; однако эти буквы не сочетаются въ слова, кромѣ одного случая въ строкѣ, написанной болѣе крупнымъ шрифтомъ. Но и это слово ΒΟΡΕΠΑ[Τ?], которое имѣетъ извѣстное сходство съ Βορέης или Βορέας, слишкомъ мало дастъ опоры для выставленія какой-то ни было бы догадки относительно значенія этой уже по изобилію письменныхъ знаковъ любопытной надписи.

№ 49. Ножка отъ киликса изъ Ѳеодосіи; верхняя сторона покрыта тонкимъ чернымъ лакомъ, нижняя небольшая площадь, на которую

опирался сосудъ—свѣтложелтой краской. На этой площади помѣщена слѣдующая надпись: ΒΟΣΠΟΡΙΟ+Ο ΕΙΜΙ ΤΟ ΤΙΜΩΡΙΟ≤ ΚΥΑΙΞ т. е. Βοσπορίχο[υ] εἰμὶ το[ῦ] Τιμώριος κύλιξ[1]). Надпись въ разныхъ отношеніяхъ довольно любопытна. Имя Βοσπόριχος до сихъ поръ, сколько я знаю, встрѣтилось только одинъ разъ; въ рѣчи Демосѳена о вѣнкѣ (18, 90) приводится псефисма Византійцевъ, состоявшаяся ἐπὶ ἱερομνάμονος Βοσπορίχω. Это имя несомнѣнно отзывается Босфоромъ, какъ уже вѣрно замѣтилъ В. Н. Юргевичъ; оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ именъ собственныхъ, которыя образовались изъ уже существовавшихъ именъ,—«Namen aus Namen», какъ Fick ихъ называетъ. Fick впрочемъ не приводитъ ни этого имени, ни характернаго суффикса—ιχος, чему было-бы мѣсто въ его книгѣ на стр. 343 послѣ «Erweiterung durch — ισκος». Имя Τιμωρις тоже уже извѣстно было по найденному на югѣ Россіи штемпелю на амфорной ручкѣ; на этомъ штемпелѣ оно встрѣчается въ связи съ ἀστυνόμου; Bekker ошибочно считалъ Τιμώριος за именительный падежъ. Владѣлецъ киликса и авторъ[2]) надписи, Воспорихъ, сынъ Тимориса, былъ іонянниномъ — на это указываетъ знакъ + для передачи буквы χ[3]). Надпись довольно тщательно начерчена — форма буквъ Π Μ и т. д. свидѣтельствуетъ о томъ, что она относится къ концу V, началу IV вѣка. Съ этимъ опредѣленіемъ согласно и то обстоятельство, что ου передается черезъ простое ο; на аттическихъ надписяхъ, по крайней мѣрѣ, это бываетъ весьма часто до 360 года, а потомъ встрѣчается (до 270 года) только въ видѣ исключенія[4]).

---

[1]) Срв. Ins. G. I. M. A. I, № 719, Φιλτός ἠμι τᾶς καλᾶς ἀ κύλιξ; ἀ ποικίλα.

[2]) Такъ какъ многіе изъ нашихъ археологовъ придерживаются взгляда, будто подобныя надписи начертаны были фабрикантами сосудовъ, то является не лишнимъ замѣтить, что этотъ взглядъ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Фабриканты-гончары пользовались въ старину, какъ и теперь, готовыми штемпелями, которыми выдавливали при желаніи свои имена или фабричныя марки на мягкой еще глинѣ. Graffiti же нацарапаны острымъ инструментомъ на обоженныхъ уже сосудахъ или ихъ владѣльцами или торговцами.

[3]) Впрочемъ, какъ доказываетъ посвятительная надпись изъ Неандріи (Koldewey, Neandria, 51. Berliner Winckelmannsprogramm 1891, S. 28) и въ эолійскомъ алфавитѣ существуетъ этотъ знакъ.

[4]) Meisterhans: Grammatik der attischen Inschriften², S. 5.

№ 50. Донышко черполаковаго сосуда изъ Θеодосіи. На краяхъ снизу нацарапаны буквы ΘΕΥ и ΑΓΗΝ (буквы γην въ лигатурѣ). Можно ΘΕΥ принять за сокращеніе имени владѣльца Θεῦ[μνις] (Хіосъ, Hermes VII, S. 50), Θεῦ[ττις] (Хіосъ, Ionische Inschriften № 194, 1) или Θευ[φίλητος] (Косъ, Paton Hicks 309, № 79), Θευ[δᾶς] и т. д. и лигатуру Ἀγην за сокращенія его отчества Ἀγήν[ορος]; но съ одинаковымъ правомъ можно также это послѣднее сокращеніе считать за имя владѣльца и въ буквахъ ΘΕΥ усмотрѣть указаніе на его родину. Это послѣднее предположеніе— «Агеноръ θеодосіецъ» является довольно соблазнительнымъ въ виду мѣста находки нашего черепка.

№ 51. Фрагментъ тарелки темнобураго цвѣта изъ Херсонеса. На ней буквы ΕΡΜΙΩΝ; первая буква немного потерта, но нѣтъ сомнѣнія, что она была Ε; мы, такимъ образомъ, имѣемъ начертаніе имени Ἑρμίων[ος], уже извѣстнаго изъ эпиграфическаго матеріала.

№ 52. Донышко черполаковой тарелки изъ Херсонеса. Около краевъ снизу слѣдующая надпись: ΔΙΟΔΩ, справа отъ ней буквы ΣΟΙ и лигатура ΠΥΡ, слѣва внизу лигатура ΕΡ и буква Η. Оставляя въ сторонѣ эти лигатуры и отдѣльныя буквы, смыслъ которыхъ разгадать не умѣю, замѣчу только, что буквы ΔΙΟΔΩ по всей вѣроятности представляютъ собою сокращеніе имени владѣльца: Διόδω[ρος][1]).

№ 53. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ надпись CΩΑΝ; единственное имя, въ которое эти буквы могутъ быть дополнены, есть имя Σώαν[δρος]; (срв. C. I. A. II, 3828$_3$; C. I. G. № 5247$_{,5}$, Fick: Griech. Personennamen, S. 258).

№ 54. Темнобурое блюдце изъ Херсонеса. Фрагментъ донышки; надпись: . . . . . ΛΟΥ. Очевидно конецъ имени соб. въ родительномъ падежѣ.

№ 55. Черепокъ темнобураго цвѣта изъ Херсонеса, съ буквами NOC; какъ видно по излому, дошла до насъ только послѣдняя часть надписи; первая изъ сохранившихся буквъ тоже отчасти пропала, такъ какъ передняя «hasta» буквы N начерчена была на не-

[1]) Предполагать что Διόδω есть род. над. отъ имени Διόδως было-бы едва ли правильно. Во первыхъ, такого имени до сихъ поръ не встрѣчалось, (есть Διοδῆς), во вторыхъ аттическое склоненіе Μίνως, род. Μίνω и т. д. въ дорическомъ городѣ вряд ли было въ употребленіи.

достающей части донышка. Буквы NOC представляютъ несомнѣнно конецъ имени собственнаго въ род. падежѣ.

Кромѣ этихъ десяти случаевъ, въ которыхъ имя владѣльца читается или полностью на сосудахъ, или возстановляется съ большой вѣроятностью, къ разсматриваемой категоріи надписей слѣдуетъ отнести еще цѣлый рядъ graffiti изъ нашего матеріала. Свойства и характеръ однихъ изъ этихъ надписей обнаруживаютъ вполнѣ ясно, что только владѣльцы могли быть ихъ авторами, при другихъ graffiti такое предположеніе о ихъ происхожденіи является, по крайней мѣрѣ, самымъ правдоподобнымъ.

№ 56. На поддонѣ черполаковаго сосуда изъ Ѳеодосіи мы имѣемъ надпись MENE, т. е. μένε,—«оставайся». Владѣлецъ, испытавши должно быть не разъ, подобно современнымъ хозяевамъ, какъ безпощадно въ домѣ бьется посуда, начертилъ на любимомъ киликсѣ эту трогательную надпись, которая однако не спасла его отъ общей участи предметовъ гончарнаго ремесла.

№ 57. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ graffito TIME, т. е. τί με, — «къ чему меня»? или τιμή, въ смыслѣ «почетный подарокъ». Τιμή можетъ, конечно, обозначать и «цѣна, стоимость», но тогда ожидается прибавленіе какой нибудь цифры, чего здѣсь нѣтъ. Мнѣ кажется, что первое объясненіе, построенное на переданномъ текстѣ безъ всякихъ поправокъ, заслуживаетъ предпочтенія. Слѣдуетъ при немъ только подразумѣвать какой-нибудь глаголъ, напр., ποιεῖς. «Что ты со мною дѣлаешь, къ чему ты меня употребляешь»—такая надпись по своему содержанію представляла бы аналогію къ только что приведенной «μένε».

№№ 58, 59, 60. На осколкахъ отъ черполаковаго блюдца, на черполаковой крышкѣ сосуда и на такой-же тарелкѣ изъ Херсонеса читаются буквы ME. На тарелкѣ онѣ начерчены въ такой-же точно лигатурѣ, какъ при № 57 TIME. Не только аналогичность начертанія, но и то обстоятельство, что это «меня» представляетъ собою вторую составную часть только что разобранной надписи, послужило для меня поводомъ сопоставить эти номера съ предыдущимъ номеромъ 57-мъ.

№ 61. Фрагментъ донышка черполаковаго сосуда изъ Ѳеодосіи. Снизу на немъ небрежно нацарапаны буквы КАЛ ПА, которыя безъ

труда дополняются въ смыслѣ Καλ[ός] Πα[ῖς][1]). Обычай снабжать росписныя вазы съ изображеніями юношей подобными восклицаніями господствовалъ въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, въ концѣ VI и первой половинѣ V столѣтія. Какъ долго онъ держался въ колоніяхъ, мы не знаемъ. Судя по начертанію буквъ AII, надпись наша относится къ концу V-го или началу IV вѣка. Сомнительно однако, чтобъ она имѣла отношеніе къ какому нибудь изображенію на сосудѣ, такъ какъ только что упомянутыя надписи съ καλός всегда помѣщены надъ или подъ соотвѣтствующимъ изображеніемъ, а не на нижней сторонѣ донышка.

Уже несомнѣнно плодомъ праздпаго досуга владѣльцевъ сосудовъ являются два слѣдующихъ номера нашей коллекціи graffiti.

№ 62. Фрагментъ донышка изъ Ѳеодосіи. Средину занимаетъ K supinum, что по Авеллану обозначаетъ κύλικες (срв. C J. G., IV, 8345 v), по Юргевичу (Зап. Од. Общ. XVIII, 8, 17, стр. 170) κρατήρ. Вокругъ этого K supinum написанъ алфавитъ. Сохранились буквы отъ A до N; остальныя начертаны были на отломанной части донышка. Особеннаго интереса этотъ алфавитъ по начертанію буквъ не представляетъ; можно только отмѣтить, что η предшествуетъ ζ и что ϑ написано безъ точки или крестика въ срединѣ, такъ что похоже на ο. Интереснѣе слѣдующій

№ 63. Подъ днемъ маленькаго сосуда изъ Ѳеодосіи начертанъ довольно тщательно полный алфавитъ въ слѣдующемъ размѣщеніи буквъ: ΑΓΒΕΔΖΗΘΥΚΛΜΝΞΟΠΡΣΤΥ + ΦΨΗ. Итакъ γάμμα предшествуетъ βῆτα, εἶ предшествуетъ δέλτα, далѣе ἰῶτα смѣшано съ ὖ, что въ Аттикѣ имѣетъ мѣсто съ конца IV столѣтія[2]), буквы χεῖ, φεῖ и ψεῖ представляютъ—что довольно характерно,—іоническое начертаніе и наконецъ ὦ отсутствуетъ и вмѣсто нея въ концѣ алфавита вторично поставлена ἦτα. Какихъ нибудь новыхъ данныхъ для исторіи греческаго алфавита изъ этой надписи конечно вывести нельзя; она имѣетъ только извѣстное значеніе съ точки зрѣнія исторіи культурной жизни въ греческой колоніи на отдаленномъ сѣверѣ[3]). Впро-

---

[1]) Объ именахъ, соединенныхъ съ эпитетомъ καλός на вазахъ, срв. спеціальное изслѣдованіе Wernicke: Die griech. Vasen mit Lieblingsnamen, Berl. 1890.

[2]) S. Reinach: Traité d'épigraphie grecque, p. 267.

[3]) Особенно любопытна въ этомъ отношеніи другая находка, сдѣланная въ Ѳеодосіи

чемъ наши осодосійцы со своими начертаніями алфавита на донышкахъ сосудовъ не могутъ претендовать на оригинальность. Въ C. I. G. IV, № 8342 и 8345, изданы два graffiti, которые также представляютъ собою подобные буквари; одинъ изъ нихъ начертанъ до буквы M на вазѣ изъ Адріи (Saggi dell' acad. di Cortona III, tav. X, 11) и другой — силлабарій и древне-греческій алфавитъ — написанъ на вазѣ изъ Церы (Mommsen: Unteritalische Dialecte p. 8).

№ 64. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ буквы ΑΓΑ; можетъ быть Ἀγα[θᾷ τύχᾳ], срв. вазу изъ Нолы, Hyperboreische röm. Stud. I, p. 321, ΤΥΧΕΙ ΑΓΑΤΕΙ (Jahn.: Beschreibung der Vasensamlung Königs Ludwig, S. CXXX, срв. Heydemann: Epigraphisches auf Griech. Vasen, Rh. Museum 1881, 36, S. 618, 19).

№ 65. Буроматовое блюдце изъ Херсонеса: надпись ΑΓΑ въ лигатурѣ; срв. предыдущій № 64. Можетъ быть и

№ 66, черполаковая тарелка съ надписью ΑΓ въ лигатурѣ, изъ Херсонеса, сюда относится. Къ категоріи надписей владѣльцевъ слѣдуетъ причислить и

№№ 67, 68, 69, 70; всѣ четыре черепка изъ Херсонеса; на двухъ первыхъ, буроматовой тарелкѣ и блюдцѣ такого-же цвѣта, читаются буквы ΠΡΟ; на третьемъ черепкѣ, обломкѣ отъ черполаковой вазы — ΕΠΙ, на четвертомъ — фрагментѣ отъ черполаковой тарелки — ΠΡΥ. Трудно сказать что нибудь опредѣленное о значеніи этихъ надписей; не исключена возможность, что мы здѣсь имѣемъ начало какого нибудь изреченія, въ родѣ πρό[πινε μὴ καθῆς] (ср. Jahn l. c. S. CXXX) — но также можетъ быть, что πρό и ἐπί здѣсь и не нуждаются въ дополненіи, а употреблены абсолютно въ смыслѣ нарѣчій «впереди», «назади», и что эти нарѣчія нацарапаны для обозначенія занимаемыхъ сосудами мѣстъ въ шкафу, на полкѣ и т. д. Съ этой точки зрѣнія, можетъ быть, и объясняется надпись — πρυ, сокращенное πρυ[μνός] — «послѣдній» въ мѣстномъ смыслѣ, хотя, конечно, и нельзя возражать, если-бы кто нибудь предпочелъ усмо-

Это — двадцатичетырехгранный кубъ изъ синей стеклянной пасты. На каждой грани вырѣзано по одной буквѣ алфавита. Должно быть, такой кубъ служилъ предметомъ первоначальнаго обученія азбукѣ и подаренъ дѣтямъ, чтобы они, играя, могли изучать алфавитъ, подобно тому, какъ и мы теперь преподносимъ дѣтямъ буквари въ видѣ разныхъ игрушекъ.

трѣть въ этихъ трехъ буквахъ начало собственнаго имени, напр., Πρυ[μνεύς], Πρό[μνω]; но во всякомъ случаѣ подобные graffiti не могутъ быть признаны ни торговыми знаками, ни начальными буквами именъ боговъ, ни сокращенными обозначеніями самихъ сосудовъ и въ виду этого, по всей вѣроятности, относятся къ категоріи надписей владѣльцевъ.

№ 71. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ буквы ΕΥΗΡ, послѣднія двѣ въ лигатурѣ. Можетъ быть эти буквы составляютъ начало слова εὐήρ[ατος] — «весьма любимый, излюбленный». Съ этимъ graffito можно сопоставить слѣдующій номеръ

№ 72. Фрагментъ буроматовой тарелки изъ Херсонеса съ надписью ΕΥ; эти буквы, помимо прочихъ дополненій, напр. εὐ[τυχής], допускаютъ и предложенное при предыдущемъ номерѣ объясненіе.

Наконецъ къ разряду надписей владѣльцевъ слѣдуетъ отнести graffiti, представляющіе собою монограммы[1]). Ибо опять таки естественнѣе всего приписать принадлежность этихъ отчасти весьма тщательно исполненныхъ и сложныхъ монограммъ владѣльцамъ сосудовъ, а не торговцамъ, особенно такъ какъ по всѣмъ аналогіямъ подобныя монограммы можно принять за сокращенное обозначеніе именъ собственныхъ.

№ 73. Матовобурая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ монограмма изъ буквъ Π,Λ,Υ,Ρ, можетъ быть еще — Ι. По всей вѣроятности собственное имя, напр. Πυραι[μένης].

№ 74. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На ней тщательно исполненная монограмма изъ буквъ Λ,Ρ,Ζ,Ο; полагая по центральному мѣсту, которое здѣсь занимаетъ буква Ζ, какъ въ предыдущемъ номерѣ Γ, что эта буква представляетъ собою начальную букву имени, возможно было-бы монограмму разгадать въ смыслѣ Ζάρ[χος] (Ath. Mitthell. IX, 136, № 4) или Ζω-α[γό]ρ[ας] (Ζο вмѣсто Ζω, срв. Ζώπυρος и Ζόπυρο;).

№ 75. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ буква Ι, потомъ монограмма изъ буквъ Λ,Ν,Ρ,Τ или Λ,Ρ,Τ; при послѣднемъ чтеніи надпись, быть можетъ, обозначала сокращеніе имени Ἰάτρ[ων] (ср. I. G. S. I, 313, 1).

[1]) Монограммы на нижней части ножекъ вазъ не рѣдки: срв. Catalogue de la collection Castellani, Rome, 1884, № 77 слѣд.

№ 76. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ монограмма изъ буквъ Е,О или Е,Θ: если послѣднее чтеніе вѣрно,— а оно возможно, такъ какъ черточка при Е немного переходитъ на лѣвую сторону—, то монограмму можно считать за сокращеніе одного изъ тѣхъ немногочисленныхъ именъ, которыя начинаются съ ЕΘ; срв. Fick: Griech. Personennamen, S. 106.

№ 77. Фрагментъ буроматовой тарелки изъ Херсонеса. На немъ начало монограммы, средину которой занимаетъ буква А, съ лѣвой стороны Σ, съ правой на верху одна черточка, вѣроятно слѣдъ буквы Т; главная буква монограммы А; если ее и считать начальной буквы имени, то можно видѣть въ монограммѣ одно изъ дорическихъ именъ: Ἀσ[τήρ] (Спартанецъ у Геродота, V, 63), Ἀστ[έρωπος] (спартанскій эфоръ), Ἀστ[ερίσκος] (Саміецъ, Dittenberger S. I. G. № 396,8), Ἀστ[ερίων] (Thas. Insch., № 20. III, 7).

№ 78. Черепокъ отъ донышка изъ Θеодосіи. На немъ буквы А и Е въ монограммѣ, при чемъ верхняя горизонтальная черта отъ Е до того расширена, что можно ее принять за дугу отъ буквы Р, а нижняя горизонтальная черта имѣетъ надъ собой полукругъ, похожій на небрежно написанную букву Ω. Потомъ слѣдуетъ буква Υ, связанная съ монограммой той же нижней горизонтальной чертой буквы Е. Начиная съ центральной буквы монограммы, мы можемъ ее распространить въ Εὐά[ν]ωρ или Εὐαράω[ν].

№ 79. Донышко отъ сосуда изъ Θеодосіи. На немъ глубоко вырѣзанная монограмма изъ буквъ А, Р, Σ supinum и І. По принятой нами системѣ усматривать въ центральной буквѣ монограммы начальную букву имени, можно полагать, что монограмма обозначаетъ Ἀρσ[πολις] (I. G. S. I, № 2393, 150) или Ἀρσι[άδας] (B. C. H., X, 254, I, 36).

№ 80. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На ней монограмма изъ буквъ Σ, І, М, К, О (М и К получаются, если перевернуть монограмму). Центръ занимаетъ буква Σ; если съ нея начать, то можно монограмму разрѣшить въ смыслѣ Σμ[ά]κω[ν], (B. C. H., V, 582,9.11); или если не считать букву К, которую, можетъ быть, и авторъ монограммы не хотѣлъ обозначить, то монограммѣ соотвѣтствуетъ имя Σῖμος.

№№ 81 и 82. Черполаковыя вазочки изъ Херсонеса. На обѣихъ

монограммы изъ буквъ Е,Υ, или Е,А; смотря по тому, какое чтеніе предпочесть, можно въ этихъ монограммахъ усмотрѣть сокращеніе имени, составленнаго при помощи префикса Ἐλ-(Fick: Griech. Personennamen, S. 107) или префикса Εὐ-(Fick: Griech. Personennamen, S. 117—118).

Изъ имѣющагося для настоящей публикаціи матеріала, по всей вѣроятности, еще нѣсколько graffiti принадлежатъ къ этой категоріи надписей владѣльцевъ, но я и здѣсь предпочитаю, какъ при посвятительныхъ надписяхъ, эти сомнительные случаи выдѣлить въ особую группу и раньше приступить къ изученію тѣхъ graffiti, которые слѣдуетъ считать за разнаго рода помѣтки торговцевъ и продавцевъ античной посуды.

IV.

Graffiti торговцевъ.

Выше было замѣчено, что эта категорія нацарапанныхъ надписей сдѣлалась уже предметомъ нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдованій; главный результатъ наблюденій Schoene, къ которому Reinach [1]) напрасно относится скептически, мнѣ кажется довольно прочно обоснованнымъ—именно, что мы въ полныхъ или сокращенныхъ обозначеніяхъ названій сосудовъ, въ приписанныхъ числахъ, въ выставленной цѣнѣ и т. д. должны усматривать замѣтки содержателей складовъ посуды, торговцевъ предметами античнаго гончарнаго промысла. Мы можемъ, мнѣ кажется, этотъ результатъ наблюденій Schoene еще расширить въ извѣстномъ направленіи: въ нашемъ матеріалѣ имѣются graffiti, представляющія бѣгло нацарапанныя отдѣльныя буквы или числа и кромѣ того разные, повидимому, условные знаки; едва ли ошибемся, отнеся ихъ также къ категоріи надписей торговцевъ; современная практика купцовъ представляетъ въ этомъ отношеніи поучительную аналогію. Мы и теперь на продаваемыхъ въ томъ или другомъ магазинѣ товарахъ нерѣдко встрѣчаемъ отдѣльныя буквы, знаки и цифры. Что обозначаютъ эти надписи теперь, намъ могутъ объяснить только владѣлецъ магазина и его служащіе; что они обозначали въ древности, мы, не имѣя возможности справляться у ихъ авторовъ, разгадать обыкновенно не въ состояніи; но не ли-

[1]) S. Reinach: Traité d'épigraphie grecque, p. 451.

шено значенія установить фактъ ихъ существованія,—установить, что изъ массы имѣющихся у насъ graffiti, извѣстное число, состоящее изъ такихъ-то и такихъ-то знаковъ, буквъ или чиселъ, принадлежитъ къ разряду торговыхъ помѣтокъ.

Что въ древности чувствовалась вообще такая же потребность, какъ въ настоящее время, снабжать продаваемые товары купеческой «factura», это a priori понятно, но можетъ быть и опредѣленно доказано. Въ коллекціи нашего музея хранятся три амфоры — двѣ шарообразной, одна продолговатой формы изъ простой желтой глины, съ плотно закрывающимися крышками, которыя нѣкогда герметически были задѣланы алебастромъ. Амфоры эти, снабженныя четырьмя ручками, двумя большими и двумя маленькими, употреблялись для ввоза вина. Подъ одной ручкой черной краской написаны буквы: на первой амфорѣ $\bar{A}$, на второй ΙΕ̄, на третьей $\bar{H}$; эти цифры 1, 15, 8, не имѣютъ отношенія къ вмѣстительности сосудовъ, а представляютъ собою нумерацію отпускаемыхъ амфоръ вина. Дальше на туловищѣ амфоры читается factura; на двухъ шарообразныхъ амфорахъ она помѣщена въ двухъ строкахъ:

на амфорѣ съ цифрой 1 мы имѣемъ надпись[1]) ΔΙΟΝ
ΣΗΜΗΔ

на амфорѣ съ цифрой 15 — ΔΙΟΝΥ
ΣΙΑ.

Очевидно, въ началѣ этихъ надписей, весьма похожихъ другъ на друга, кроется имя — Διόνυσος, а потомъ уже слѣдуютъ разные для насъ болѣе непонятные торговые знаки. На третьей амфорѣ, съ цифрой 8, надпись помѣщена въ одной строкѣ — ΘΥΙΑΣ — и затѣмъ слѣдуютъ два непонятныхъ знака. Διόνυσος и Θυιάς (вакханка) — довольно знаменательныя надписи для амфоръ, наполняемыхъ виномъ. Но какъ ни толковать значеніе этихъ надписей, важно для насъ здѣсь только установленіе факта, что продаваемые товары дѣйствительно снабжались factura. Въ приведенныхъ случаяхъ эта factura относится къ содержанію сосудовъ,—но если сосуды сами составляли предметъ торговли, то мы вправѣ предполагать, что торговцы дѣлали на одномъ или другомъ изъ нихъ свои помѣтки либо о количе-

[1]) Срв. таб. IV, въ концѣ, №№ I, II, III.

ствѣ запаса или сдѣланнаго имъ заказа, либо о продажной цѣнѣ, о категоріи сосудовъ и т. д. Какъ уже сказано, мы часто едва-ли можемъ рѣшить, какъ понимать ту или другую надпись; мы должны довольствоваться только констатированіемъ того факта, что данный graffito въ общемъ принадлежитъ къ группѣ надписей торговцевъ.

Приступимъ послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ выдѣленію изъ нашего матеріала тѣхъ graffiti, которые по своему характеру и содержанію соотвѣтствуютъ тому или другому изъ указанныхъ признаковъ торговыхъ надписей.

№ 83. Обломокъ отъ донышка маленькаго блюдца изъ Ѳеодосіи. Снизу буквы ΛΑΤΕΑΤΡΙΝΚΟ; надпись не сохранилась цѣликомъ; ясно, что начало и конецъ ея помѣщались на отломанной части донышка. В. П. Юргевичъ (Зап. Од. Общ., XVIII, стр. 141, № 36) дополнилъ надпись въ Πλατεῖα (т. е. ἀγγεῖα) τριή[οντα][1]).

№ 84. Фрагментъ дна и прилегающаго края черполаковаго блюдца изъ Ѳеодосіи. Подъ дномъ, сохранившимся на половину, надпись въ двухъ строкахъ. Въ нижней строкѣ читаются знаки ΓΓΙΙ, т. е. двѣ драхмы и два обола; вѣроятно, на отломанной части донышка было слово τριή — «цѣна», срв. C. J. G. IV, 8344. Надъ этимъ обозначеніемъ цѣны мы читаемъ, повидимому, буквы ΙΙΙ и Π съ вписаной Δ, т. е. 250; на краю блюдца снаружи нацарапаны не поддающіеся толкованію знаки, похожіе на буквы Τ, Ι, Η.

№ 85. Донышко росписной тарелочки изъ Ѳеодосіи. На немъ надпись: ΔΔΔΓ, подъ ней Π со вписаннымъ въ него ο. Первая надпись обозначаетъ 35; Π значитъ 5, а вписанное ο по Беку (C. J. G., № 3140) есть только контрольный знакъ для Γ, «ne majoris summae nota inscribi posset».

№ 86. Донышко черполаковаго сосуда изъ Ѳеодосіи. На немъ нацарапаны знаки ΔΔΠΙ=24.

№ 87. Дно вазочки изъ Ѳеодосіи съ надписью ΔΔ=20.

№ 88. Черепокъ изъ Ѳеодосіи; на немъ ΔΔΓ=20 драхмъ.

№№ 89 и 90. Маленькія солонки изъ Ѳеодосіи; на обѣихъ буква Γ=5.

---

[1]) Срв. надпись подъ дномъ ойнохоэ изъ Кирены (Revue archéol. 1875, 2, 115) Μικρά. Λεῖα ἐννενήκοντα. Ῥαβδωτὰ ἐννενήκοντα.

№№ 91 и 92. На донышкѣ вазы и обломкѣ діоты изъ Ѳеодосіи мы имѣемъ монограммы, которыя по Юргевичу (З. О. Об. XVIII, стр. 170 18, 19) означаютъ три унціи и одну унцію.

№ 93. Фрагментъ черполаковой вазы изъ Ѳеодосіи; на немъ И и знакъ, похожій на лежачее латинское S, или, если смотрѣть на этотъ знакъ въ полуоборотѣ на право[1]), — на латинское S, покоющееся на двухъ, соединенныхъ вертикальнымъ штрихомъ линіяхъ. S можетъ означать $^1/_2$ драхмы (срв. Reinach, Traité d'épigraphie grecque p. 217, 2).

№ 94. На донышкѣ изъ Ѳеодосіи мы читаемъ Δ и Λ (послѣднее въ лежачемъ положеніи). Δ=10.

№ 95. Обломокъ сосуда изъ Ѳеодосіи. На донышкѣ Δ, подъ этой буквой ΛΛΕ. Δ опять=10; Λ,Λ,Ε, какъ въ предыдущемъ номерѣ ⊀, повидимому, условный знакъ торговца.

№ 96. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. Подъ днемъ ΔΔΔ=30.

№№ 97 и 98. Буроматовыя блюдца изъ Херсонеса; на нихъ ΔΔ=20.

№ 99. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ буква Π=5.

№ 100. Буроматовое блюдце изъ Херсонеса. Надпись въ двухъ строкахъ: Δ,Ε, подъ этими буквами крестъ и Δ. Δ=10.

№ 101. Донышко отъ вазы изъ Ѳеодосіи, исцещренное восемью разными знаками, которые похожіе на буквы Σ Ω,Π,Ε,Η,Τ (въ древнѣйшемъ ея видѣ) Δ и Τ.

№ 102. Донышко отъ сосуда изъ Ѳеодосіи; на немъ начало надписи КО [κοτύλη?] и потомъ буква Ψ. Вѣроятно, эта буква имѣетъ здѣсь цифровое значеніе; оно встрѣчается еще два раза, а именно на двухъ слѣдующихъ черепкахъ изъ Ѳеодосіи:

№№ 103 и 104; оба раза въ связи съ косыми штрихами, служащими по эпиграфическимъ памятникамъ, найденнымъ на островѣ Делосѣ, для обозначенія $^1/_{12}$ обола[2]).

№ 105. Плоское, черполаковое блюдо изъ Ольвіи съ втисненнымъ узоромъ изъ листьевъ. Подъ днемъ тоже буква Ψ, а вокругъ ней Π.

---

[1]) Такъ именно эта надпись представлена на прилагаемой таблицѣ III, 93.

[2]) Срв. Hinrichs: Griech. Epigraphik, I. v. Müllers Handbuch I, S. 433.

№ 106 Донышко изъ Ѳеодосіи; на немъ знакъ ∇. которымъ на вазѣ Дарія въ Неаполѣ (Monumenti IX, 50—51) обозначается ½ обола, на другихъ памятникахъ (Reinach, Traité d'épigraphie grecque, p. 217)—половина денара; далѣе слѣдуютъ буквы ΤΕ

Можетъ быть, слѣдовало-бы къ этой категоріи graffiti причислить еще и другіе изъ нашего матеріала, но я, согласно выше высказанному взгляду, считаю болѣе умѣстнымъ выдѣлить въ особую группу всѣ тѣ graffiti, принадлежность которыхъ къ одной изъ трехъ главныхъ, нами до сихъ поръ установленныхъ отдѣловъ можетъ быть сомнительнымъ или спорнымъ. При перечисленіи отдѣльныхъ graffiti отмѣчено будетъ, къ какой группѣ скорѣе всего возможно было-бы отнести ту или другую надпись.

V.

Graffiti сомнительнаго значенія.

Между херсонесскими graffiti мы имѣемъ довольно большое число такихъ, которые состоятъ только изъ одной буквы:

№№ 107—113. Одна буква Λ встрѣчается семь разъ; четыре раза на блюдцахъ чернолаковаго или буроматоваго цвѣта, три раза на тарелкахъ; № 113 — тарелка, занимающая въ подборѣ херсонесскихъ сосудовъ съ надписями особое мѣсто, какъ единственный образчикъ окраски не въ черный или буроматовый, а въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Что значитъ это Λ? Считать эту букву за надпись владѣльцевъ едва-ли возможно, она для этого слишкомъ мало характерна; думать, что она посвятительная надпись, напр. въ честь главной богини Херсонеса Артемиды, опять нельзя, потому что съ этой буквы начинаются имена и другихъ божествъ и обозначеніе имени богини одной только буквой было-бы во всякомъ случаѣ двусмысленнымъ. Притомъ мы видѣли выше, что на посудѣ, посвященной Артемидѣ, нацарапывались три первыя буквы ея имени. Полагать наконецъ, что это начальная буква названія даннаго сосуда, и служитъ его сокращеннымъ обозначеніемъ, опять-таки неумѣстно, такъ какъ эта буква Λ нацарапана на сосудахъ различныхъ формъ. Остается такимъ образомъ только предполагать что Λ, какъ и другія отдѣльныя буквы, которыя нацарапаны подъ

домъ сосудовъ, служили отличительными знаками разныхъ торговыхъ фирмъ.

№№ 114 и 115. Черполаковое и буроматовое блюдца изъ Херсонеса: на донышкахъ буква В.

№ 116. Черепокъ донышка изъ Ѳеодосіи: буква Е. Срв. C. I G., IV, 8345[t].

№ 117. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса: буква Н.

№№ 118, 119, 120. Донышко изъ Ѳеодосіи и два блюдца изъ Херсонеса: буква К. Полагаютъ обыкновенно (срв. C. I. G. IV, № 8345[v]), что буква К служитъ обозначеніемъ рода посуды, κ[ρατῆρ] или κ[ύλιξ]. Изъ вышеизложеннаго ясно, что такое мнѣніе является весьма мало вѣроятнымъ. Тогда надо было-бы полагать, что и А, и Е, и Н, и тѣ буквы, которыя сейчасъ будутъ приведены, также представляютъ собою сокращенныя обозначенія именъ этихъ сосудовъ, на которыхъ они нацарапаны. Но при провѣркѣ такого предположенія на вещественномъ матеріалѣ оказывается, что оно вполнѣ несостоятельно.

№№ 121 и 121. Черполаковая вазочка и блюдце изъ Херсонеса: буква Σ.

№№ 123 и 124. Буроматовая тарелка и блюдце того-же цвѣта изъ Херсонеса: буква Т.

№ 125. Черполаковое блюдце изъ Херсонеса. Подъ домъ крестъ или буква Т въ древнѣйшемъ ея видѣ.

Далѣе подъ эту категорію я подвожу пять graffiti, состоящихъ изъ двухъ буквъ, хотя они по всей вѣроятности относятся къ посвятительнымъ надписямъ.

Что я не прямо помѣстилъ ихъ въ означенную рубрику, объясняется нѣкоторой естественной нерѣшительностью при первой группировкѣ матеріала. Чѣмъ больше я занимался изученіемъ вопроса, тѣмъ прочнѣе стало у меня убѣжденіе, что и эти graffiti—посвятительные, но цинкографическія таблицы съ опредѣленной нумераціею были уже изготовлены, и оттого я вынужденъ ихъ привести на этомъ мѣстѣ, какъ дополненіе къ первому отдѣлу нашихъ graffiti.

№№ 126 и 127. Черполаковая вазочка и буроматовое блюдце изъ Херсонеса. Подъ домъ читается буквы NI. Естественнѣе всего эти буквы дополняются въ смыслѣ имени богини Ники—N[ικη].

№ 128. Буроматовое блюдце изъ Херсонеса. На донышкѣ буквы ΠΑ; я дополняю Πα[ν(].

№ 129. Черепокъ чернолаковаго сосуда изъ Ѳеодосіи. Буквы Πα; т. е. Πα[ν(].

№ 130. Чернолаковая тарелка изъ Херсонеса. На ней нацарапаны буквы ΓΛ или ΠΛ; какое чтеніе вѣрно, рѣшить не берусь; повидимому замѣчается слѣдъ послѣдней вертикальной черточки буквы «πεῖ». Если это чтеніе вѣрно, то и этотъ graffito можетъ быть истолкованъ по примѣру предыдущихъ двухъ.

№ 131. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ выцарапаны буквы ΑΙ. Что касается значенія этихъ двухъ буквъ, то я отказываюсь отъ его объясненія. Считаю однако долгомъ отмѣтить, что, если согласиться съ выше разобранной теоріей проф. Robert'a о системѣ нумераціи на древне-греческихъ вазахъ, то такое объясненіе могло бы быть представлено. По Robert'y ΑΙ обозначаетъ 33. Но, какъ уже замѣчено, я не могу убѣдиться въ вѣрности этой гипотезы и потому предпочитаю оставить вопросъ о значеніи двухъ буквъ ΑΙ въ данномъ случаѣ открытымъ.

№ 132. Подъ дномъ чернолаковаго киликса изъ Неаполя, переданнаго въ одесскій музей изъ коллекціи графа Воронцова, читается надпись:

ΤΔΥΛΙ
ΚΥΛΙ
ΛΥΞΙ.

Оставляя безъ рѣшенія вопросъ, имѣемъ-ли мы здѣсь надпись владѣльца или помѣтку торговца, замѣчу только, что graffito, повидимому, между прочимъ содержитъ названіе даннаго сосуда—κύλι[ξ]. Основываясь на этомъ прецедентѣ и на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что нерѣдко на донышкахъ вазъ начертывались имена разныхъ сосудовъ, то полностью, то въ сокращенной формѣ, то въ связи съ цифровыми данными и обозначеніемъ цѣны, то безъ нихъ,—мы можемъ, конечно въ видѣ гипотезы, отнести сюда еще слѣдующіе пять graffiti.

№ 133. Фрагментъ блюдца или миски изъ Ѳеодосіи. Подъ дномъ надпись ΛΕ: можетъ быть, названіе этого блюда=λε[παστή].

№ 134. Донышко отъ буроматоваго сосуда изъ Херсонеса; на немъ буквы ΟΛ; по аналогіи съ предыдущимъ номеромъ думаю, что и здѣсь начертаны начальныя буквы названія сосуда: ὀλ[πή].

№ 135. Дно маленькаго буроматоваго сосуда изъ Херсонеса; на немъ нацарапаны буквы ΛΥ; я дополняю λύ[χνος], лампа.

№ 136. Буроматовое блюдо изъ Херсонеса; буквы ΦΙ. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ сокращенное обозначеніе самаго предмета: φι[άλη], блюдо.

№ 137. Донышко отъ буроматоваго сосуда изъ Херсонеса; на немъ буквы ΚΛ; по аналогіи съ предыдущимъ номеромъ предлагаю дополненіе κά[λπις] или κά[λπη], т. е блюдо.

№ 138. Донышко сосуда изъ Ѳеодосіи. Вокругъ вписаннаго чернаго круга буквы ΖΟΡ ΟΡ(?). Смыслъ угадать не умѣю; неужели греческими буквами написано латинское soror[is]? Въ такомъ случаѣ это была-бы надпись владѣльца.

№ 139. Маленькій обломокъ изъ Ѳеодосіи. Сохранились на немъ буквы ΟΙ; но ничтожности фрагмента рѣшить нельзя, было-ли первоначально на сосудѣ написано больше, или graffito состоялъ только изъ двухъ буквъ. Уже въ виду этого слѣдуетъ отказаться отъ всякой попытки дополненія.

№ 140. Донышко сосуда изъ Ѳеодосіи; на немъ три буквы. Трудно рѣшить, есть ли первая буква Α или Η; слѣдующія читаются очень ясно ΜΥ. Если первая буква Α, то мы здѣсь, можетъ быть, имѣемъ сокращеніе имени собственнаго, первой составной частью котораго является Ἀμυν-; напр. Ἀμυ[νᾶς] (Polyb IV, 16,9), Ἀμύ[νων], Ἀμύ[ντας] и т. д. Въ такомъ случаѣ этотъ graffito принадлежалъ бы къ группѣ надписей владѣльцевъ.

№ 141, Буроматовое блюдце изъ Херсонеса. На донышкѣ нацарапаны буквы: ΒΑ. Трудно здѣсь предложить вполнѣ убѣдительное дополненіе. Мнѣ кажется, слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ всегда придерживаться того принципа, чтобы прежде всего ставить себѣ вопросъ, нельзя ли понимать данную надпись безъ всякихъ дополненій, и если это невозможно, то уже тогда пытаться объяснить ее при помощи прибавленія недописанныхъ слоговъ. Если подобныя дополненія не напрашиваются сами по себѣ, это всегда доказательство, что graffito едва-ли этимъ путемъ слѣдуетъ быть объясняемъ. Итакъ, колеблясь

въ данномъ случаѣ между разными способами дополненія, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ мыслимъ, прежде всего я остановился на возможности, что нацарапанныя буквы ВА представляютъ полную надпись. Дѣйствительно, въ Ликаоніи мы находимъ женское имя Βᾶ (Dat. Βᾷ, Acc. Βᾶν; срв B. C. H, X, 513. Ath. Mitth. XIII, 266. Headlam Isaur. № 20). Такъ какъ скиоскія имена, встрѣчающіяся въ надписяхъ, найденныхъ въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, часто весьма похожи на «Lallnamen» малоазійскихъ народовъ[1]) и такъ какъ съ другой стороны, судя по нашему эпиграфическому матеріалу, вообще въ населеніи этихъ колоній элементъ малоазійскій не составляетъ исключительнаго явленія, то, мнѣ кажется, ничто не мѣшаетъ предполагать, что въ слогѣ Βᾶ на херсонесскомъ блюдцѣ мы имѣемъ полное имя собственницы сосуда.

№ 142. Черполаковая тарелка изъ Херсонеса: надпись АМАМ. Точно такое-же объясненіе, какъ при предыдущемъ номерѣ, я считалъ бы возможнымъ предложить и для этого graffito, если бы допустить, что надпись слѣдуетъ читать въ обратномъ порядкѣ справа налѣво Μάμα,—по гречески Μαμμία (C. I. A. II, 835, 836, 1585 и т. д.)—имя собственное, довольно обычное въ Лидіи и Фригіи. Если не согласиться съ этимъ предположеніемъ, то все таки слѣдуетъ думать, что надпись принадлежитъ къ категоріи graffiti владѣльцевъ Звуки АМАМ употребляются во многихъ языкахъ для поощренія дѣтей приниматься за ѣду, а также служатъ на дѣтскомъ языкѣ и для обозначенія пищи вообще. И съ этой точки зрѣнія надпись на херсонесской тарелочкѣ пріобрѣтаетъ извѣстный бытовой интересъ.

№ 143. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. Подъ дномъ читаемъ букву А, дважды повторенную, причемъ второй разъ она такъ помѣщена, что первая вертикальная черта ея опирается на закрытый верхній уголъ первой ἄλφα. Трудно рѣшить, случайно-ли, или намѣренно дано этимъ буквамъ подобное размѣщеніе. Если здѣсь предполагать намѣреніе, то можно было-бы подумать и о ли-

[1]) Срв. напр. Latyschev: J. P. E. II, 470, Βάβος; I, 47, 102, 103 Ἄβαβος; II, 443 Μᾶ; II, 66 Ἄρμιον; II, 116 Νᾶ; II, 115 Νάνα; I, 58 Παπάδων; II, 402 Χάχας (малоазійское Κάκκας, Sterrett III, 103) и т. д. и замѣчанія Kretschmer'a: Einleitung in die Geschichte der griech. Sprache, S. 334 слѣд.

гатурѣ трехъ буквъ АГА; относительно ихъ дополненія срв. №№ 64 и 65. Впрочемъ не исключена и та возможность, что мы имѣемъ надпись посвятительную, напр. Ἀγα[θοῦ δαίμονος].

№ 144. Чернолаковая тарелка изъ Херсонеса. На ней буквы АГН; первыя двѣ въ лигатурѣ; относительно дополненія срв № 50.

№ 145. Чернолаковая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ весьма ясно нацарапаны буквы ГАН, первыя двѣ буквы въ лигатурѣ.

№ 146. Буроматовое блюдце изъ Херсонеса. Лигатура изъ буквъ М и А, можетъ быть и Р. Всѣ три послѣдніе graffiti по своему характеру довольно однородны—они всѣ состоятъ изъ трехъ буквъ, изъ которыхъ двѣ первыя написаны въ лигатурѣ; притомъ они нацарапаны съ замѣтной старательностью, такъ что по вышеприведеннымъ аналогіямъ вѣроятнѣе всего усматривать въ нихъ надписи владѣльцевъ. №№ 144 и 146 могли бы быть истолкованы какъ сокращенія именъ собственныхъ, напр. Αγή[νωρ], Ἀγη[σίλαος] Μαρ[αθώνιος], (В. С. Н., XIV, 401; инвентарь 279 года) и т. д., между тѣмъ какъ буквы ГАН въ № 145 допускаютъ только дополненія въ видѣ словъ γλή[νη] «куколка, въ смыслѣ молодой красивой дѣвушки» и γλῆ[νος]—«предметъ, служащій для украшенія». То и другое дополненіе даетъ удовлетворительный смыслъ.

№ 147. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ два штриха, образующіе прямой уголъ или лежачее Г, и потомъ Ω,—по всей вѣроятности условный знакъ торговой фирмы.

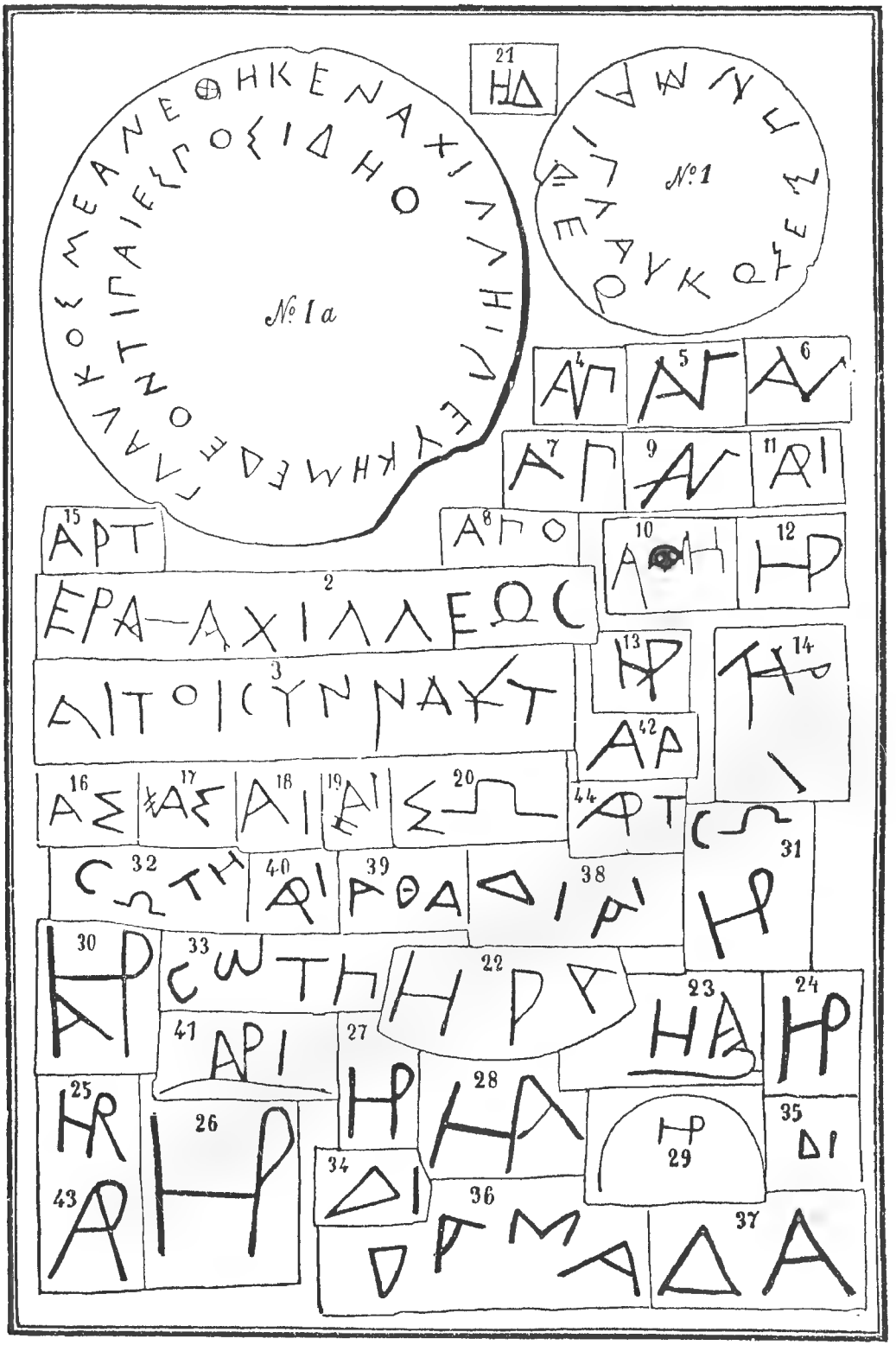
№ 148. Буроматовая тарелка изъ Херсонеса. На донышкѣ нѣсколько нацарапанныхъ штриховъ, о которыхъ трудно сказать, представляютъ-ли они вообще собою буквы.

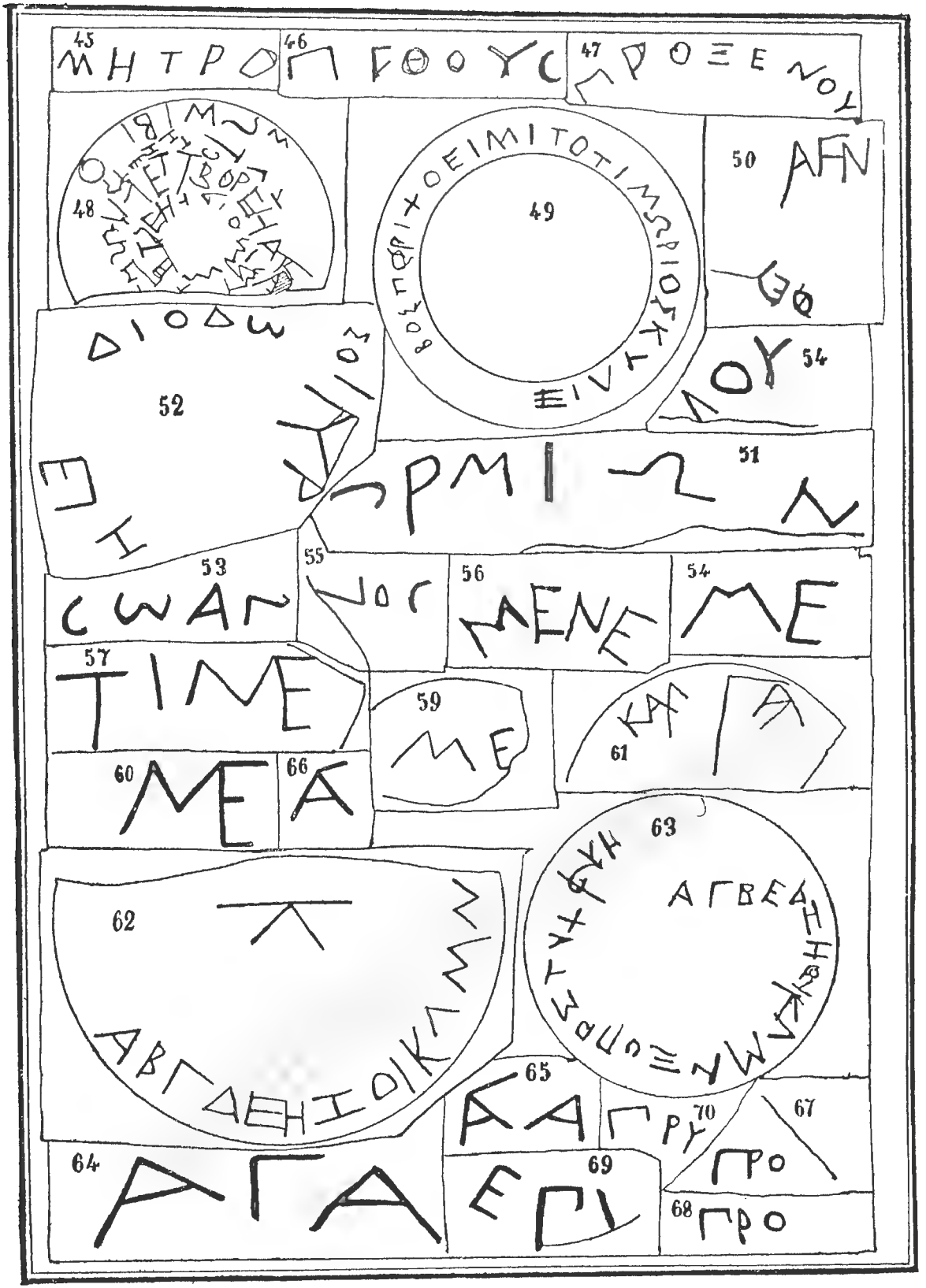
Этимъ имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ исчерпанъ. Я вполнѣ сознаю, что онъ слишкомъ незначителенъ для того, чтобы возможно было считать построенные на немъ выводы окончательными. Я себя и не льщу надеждой, что дальнѣйшія изслѣдованія въ области graffiti не поколеблютъ предложенной здѣсь группировки матеріала и моего толкованія отдѣльныхъ надписей, хотя я пока напр. относительно посвятительныхъ graffiti твердо убѣжденъ въ вѣрности выставленной здѣсь догадки. Но настоящая работа, первая попытка въ незатронутой почти области, и не могла

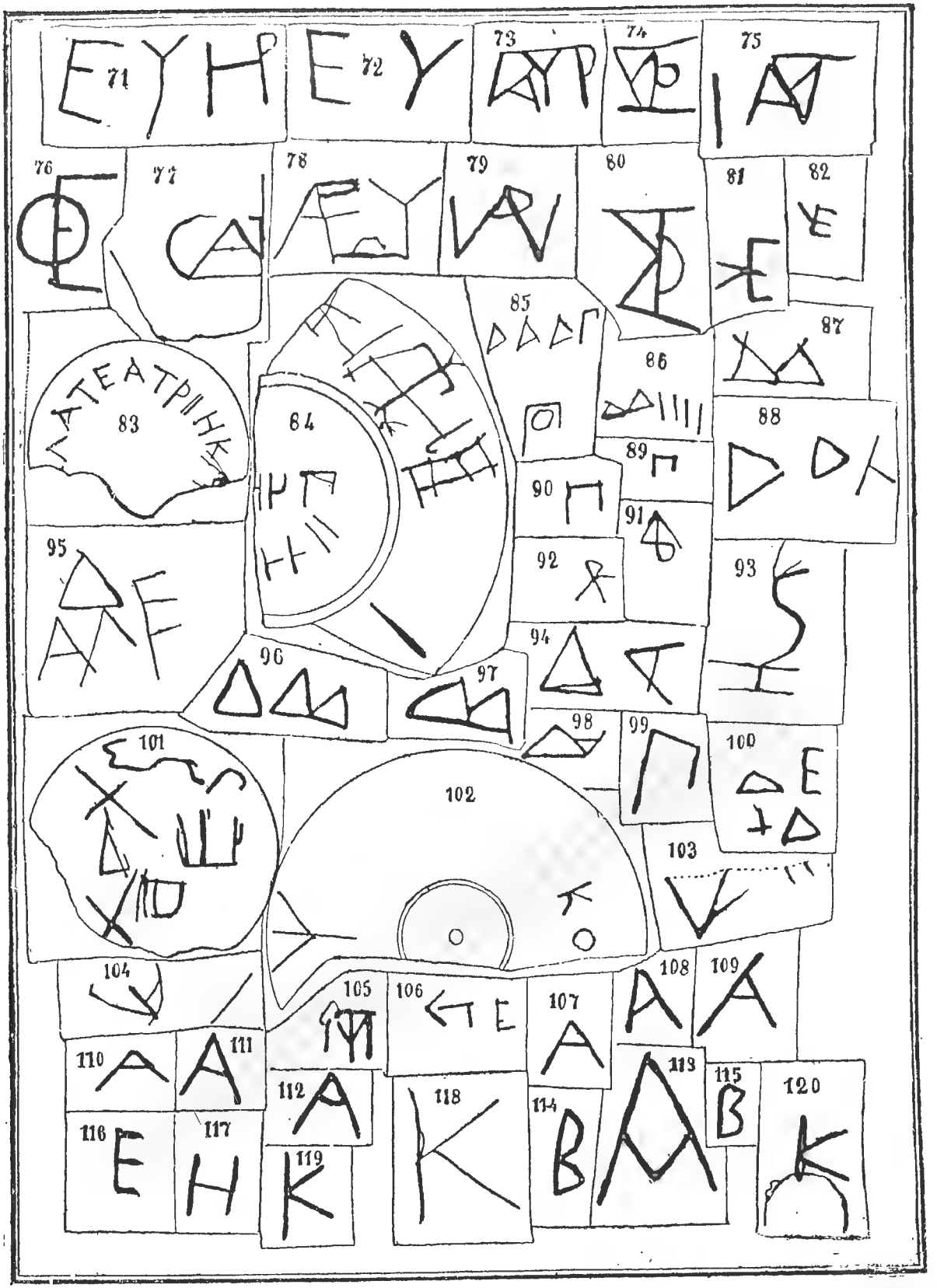
задаваться цѣлью окончательнаго выясненія поднятаго вопроса Цѣль ея болѣе скромна; — я буду радъ если мнѣ удастся обратить вниманіе заинтересованныхъ лицъ на значеніе пренебреженныхъ древне-греческихъ graffiti и дать имъ толчекъ къ собиранію и изданію покоящагося въ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ матеріала. Пусть тогда уже «meliora potentes» возьмутся за дѣло. Если въ такомъ случаѣ и мало останется изъ добытыхъ мною результатовъ—цѣль моей работы я буду считать всетаки достигнутой: она тогда не пропала даромъ.

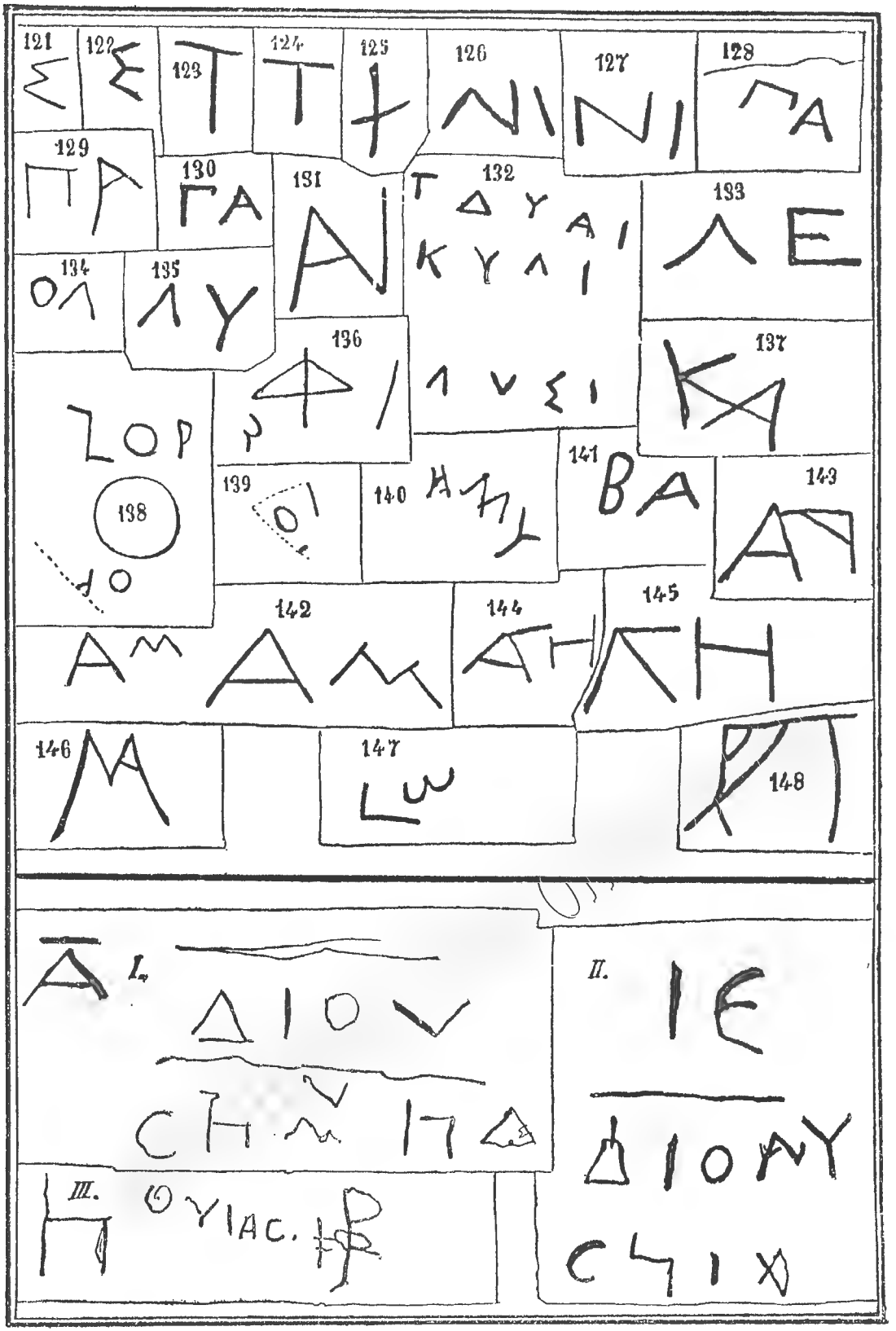
Д. ч. Э. фонъ-Штернъ.

„Graffiti“ на античныхъ южно-русскихъ сосудахъ




45
46
47
48
49
50
52
54
51
53
55
56
54
57
59
61
60
66
63
62
65
70
67
64
69
68


71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120


121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
I.
II.
III.

Предположеніе о созывѣ Коммисіи для составленія проэкта новаго уложенія[1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва-ли не интереснѣйшимъ событіемъ царетвованія Императрицы Екатерины II является созваніе ею Коммисіи для составленія проэкта новаго уложенія, въ которую приглашены были представители всѣхъ частей Россійской Имперіи, и въ томъ числѣ Новороссійской губерніи и Запорожья, преемникомъ коихъ сталъ нынѣшній Новороссійскій край. Въ виду этого, въ день, посвященный памяти знаменитой Государыни, упоминаніе о созванномъ ею представительномъ собраніи не можетъ считаться здѣсь неумѣстнымъ.

Внѣшняя исторія Коммисіи и, главнымъ образомъ, невыработка ею, по какимъ бы то ни было причинамъ, проэкта новаго уложенія, т. е. отсутствіе непосредственныхъ законодательныхъ результатовъ, давали прежде основаніе историкамъ и публицистамъ утверждать, что въ дѣйствительности не столько происходило законодательное собраніе, сколько имѣла мѣсто этнографическая выставка. Но въ настоящее время такое мнѣніе должно быть оставлено. Изученіе работъ Коммисіи и анализъ нашего послѣдующаго законодательства показываютъ между ними чрезвычайно тѣсную связь, точнѣе сказать, зависимость этого законодательства отъ выяснившихся заявленій членовъ Коммисіи; что, впрочемъ, и естественно, ибо въ Коммисіи главную роль играли представители тѣхъ общественныхъ группъ, коимъ Императрица Екатерина слишкомъ многимъ была обязана и въ интересахъ которыхъ она главнымъ образомъ и совершала дальнѣйшія преобразованія во внутреннемъ строѣ своего государства.

Несмотря на такую важность Коммисіи и на обиліе опубликованныхъ уже матерьяловъ для ея исторіи, многіе относящіеся сюда вопросы все же остаются до сихъ поръ не разработанными, и въ томъ числѣ вопросъ о ея предварительной подготовкѣ. Имѣющіеся въ печати матерьялы относительно Коммисіи прямо начинаются указомъ 14 декабря 1766 г. о ея со-

[1]) Сообщено въ засѣданіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 25 Ноября 1896 г.

зывѣ. Затѣмъ извѣстно, что Императрица Екатерина раньше, въ теченіи двухъ лѣтъ, работала надъ составленіемъ знаменитаго Наказа, даннаго Коммиссіи въ руководство при ея работахъ, и мы отчасти знакомы съ самою исторіей составленія этого Наказа. Но подготовка столь значительнаго и сложнаго представительнаго учрежденія, какимъ была Коммиссія, потребовала, безъ сомнѣнія, огромной предварительной работы, и было-бы весьма интересно познакомиться съ нею, такъ какъ здѣсь могли-бы вскрыться взгляды самой Императрицы на предпринимаемое ею важное дѣло. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ матеріаловъ, относящихся къ такой работѣ, повидимому, опубликовано не было; по крайней мѣрѣ мнѣ не могъ указать ихъ даже такой знатокъ этого вопроса, какъ профессоръ А. С. Лаппо-Данилевскій; о незначительномъ въ этомъ отношеніи исключеніи я буду имѣть случай говорить нѣсколько далѣе.

Между тѣмъ можно съ достовѣрностью утверждать, что, когда Императрица Екатерина рѣшилась созвать Коммиссію для выработки проэкта новаго уложенія, она должна была выяснить себѣ, какимъ образомъ слѣдуетъ организовать это важное дѣло, и не только въ главныхъ чертахъ, но и въ деталяхъ. Не приходилось, конечно, самой Императрицѣ технически разработывать проэктъ такой организаціи и было естественно поручить работу кому либо изъ приближенныхъ, сообщивъ ему предварительно нѣсколько руководящихъ принциповъ. Этимъ лицомъ скорѣе всего могъ быть генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, вообще бывшій въ то время докладчикомъ Государыни по внутреннимъ дѣламъ. Вырабатываемые княземъ Вяземскимъ, или, точнѣе, подъ его руководствомъ въ канцеляріи (ибо самъ князь Вяземскій былъ, какъ извѣстно, человѣкъ не особенно подходящій для подобной, все-же литературной работы) проэкты поступали затѣмъ на усмотрѣніе Императрицы Екатерины, были ею исправляемы, или даже измѣняемы, если къ тому времени почему либо измѣнялись взгляды самой Государыни, и въ такомъ видѣ снова возвращались къ князю Вяземскому, который соотвѣтственно съ этими замѣчаніями составлялъ новый проэктъ, и т. д., пока, наконецъ, не былъ вполнѣ редактированъ указъ о созывѣ Коммиссіи въ той формѣ, въ какой онъ былъ изданъ 14 декабря 1766 г.

Что предполагаемая мною предварительная работа по поводу созванія Коммиссіи имѣла мѣсто, видно и изъ тѣхъ немногихъ указаній на нее, которыя отрывочно и случайно сообщены въ извѣстной статьѣ профессора Сергѣевича: «Откуда неудачи Екатерининской законодательной Коммиссіи» (Вѣстн. Европы 1878 г. № 1), причемъ они заимствованы авторомъ изъ относящихся къ подготовкѣ Коммиссіи черновыхъ бумагъ Императрицы Екатерины II, хранящихся, повидимому, въ Архивѣ II Отд. Собств. Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Эти указанія и составляютъ то единственное исключеніе, о коемъ я упомянулъ выше.

Современемъ эти черновыя бумаги Императрицы Екатерины II будутъ опубликованы; нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и въ другихъ архивахъ, или даже у частныхъ лицъ отыщутся тоже относящіеся сюда матерьялы и затѣмъ явятся въ печати, уже въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Мнѣ хотѣлось-бы въ память Императрицы Екатерины II сдѣлать теперь починъ, такъ какъ одинъ изъ проэктовъ созыва Коммиссіи находится въ моемъ распоряженіи.

Проэктъ этотъ написанъ на 7 полулисткахъ и одной отдѣльной четвертушкѣ (см. далѣе) бумаги, для XVIII в. очень хорошей, съ короною въ числѣ водяныхъ знаковъ, съ золотымъ обрѣзомъ, и четкимъ, даже сравнительно краснымъ почеркомъ, съ большими полями; кажется, проэктъ этотъ вырванъ изъ книги или изъ сшитаго дѣла, но уже расшитъ. По внѣшности замѣтно, что проэктъ переписывался старательно; тѣмъ не менѣе въ текстѣ въ двухъ мѣстахъ оказались пропуски, почему пропущенныя мѣста были приписаны съ боку на поляхъ тѣмъ-же почеркомъ, но болѣе мелкимъ письмомъ; есть и иныя незначительныя поправки въ текстѣ; есть даже грубыя описки, оставшіяся неисправленными, напр., вмѣсто «собратій» написано «собраній» и др.

Въ такомъ видѣ проэктъ былъ представленъ Императрицѣ, которая его исправила, сдѣлавъ измѣненія то среди текста, то сбоку на поляхъ, какъ ей было удобнѣе. Въ одномъ мѣстѣ исправленія сбиты въ кучу, но все-же въ нихъ легко разобраться; въ другомъ сдѣланная поправка была затѣмъ замазана, и можно понять, почему именно (см. далѣе). Сдѣланы всѣ эти исправленія совершенно инымъ почеркомъ и иными чернилами, чѣмъ написанъ проэктъ, и засыпаны были серебрянымъ пескомъ, который, приставъ къ чернилу, сохранился кое-гдѣ и по настоящее время.

Что эти поправки были сдѣланы рукою самой Императрицы Екатерины, это доказывается уже почеркомъ, достаточно хорошо извѣстнымъ; не противорѣчатъ тому и иныя внѣшнія данныя, о которыхъ только что было сообщено; затѣмъ, проэктъ явно обращенъ къ Государынѣ, ибо въ немъ есть такія мѣста: «А какъ и въ отечествѣ нашемъ всѣмъ многія недостатки Ваше Императорское Величество проницательно открыть и усмотрѣть изволили», и ихъ нѣсколько; а въ поправкахъ есть такое мѣсто: «подданные наши, какого бы закона не были». Словомъ, принадлежность исправленій въ проэктѣ Императрицѣ Екатеринѣ II, мнѣ кажется, не можетъ возбуждать сомнѣнія.

Проэктъ вышелъ изъ канцеляріи кн. Вяземскаго. Въ его вѣдѣніи по должности генер.-прокурора были въ данное время вообще всѣ внутреннія дѣла Имперіи; самый указъ 14 декабря 1766 г. данъ былъ Сенату, т. е. прошелъ черезъ канцелярію генералъ-прокурора; изъ сообщенныхъ проф. Сергѣевичемъ указаній видно даже (стр. 200), что кн. Вяземскій составлялъ

планъ выборовъ въ Коммисію, хотя и не тотъ, о которомъ я сообщаю (см. далѣе); кн. Вяземскому же поручено было наблюденіе за ходомъ дѣла въ Коммисіи и главное завѣдываніе ея канцеляріей, причемъ ему данъ былъ особый наказъ (какъ онъ составлялся, см. у Сергѣевича стр. 220, примѣч. 1). Косвенное потвержденіе принадлежности кн. Вяземскому того проэкта, которымъ я пользуюсь, я вижу въ томъ, что онъ сохранился вмѣстѣ съ еще нѣкоторыми бумагами, принадлежавшими кн. Вяземскому, и въ томъ числѣ собственноручнымъ письмомъ къ нему Императрицы Екатерины. Какъ проэктъ, такъ и письмо пріобрѣтены мною года три назадъ въ Одессѣ у иностранца-коллекціонера вмѣстѣ съ автографами иныхъ лицъ; причемъ проэктъ и еще нѣсколько автографовъ Императрицы Екатерины вложены были въ особый листъ старой бумаги съ надписью: Екатерина II. Но, какъ и уже говорилъ, вельзи приписывать составленіе проэкта самому кн. Вяземскому; надъ подготовкою созыва Коммисіи съ нимъ работали многія лица: оберъ-прокуроръ Всеволожскій, генералъ-рекетмейстеръ Козловъ, статсъ-секретарь Кузьминъ (см. Латкинъ: Законод. Коммисіи въ Россіи, стр. 191, примѣч. 2), можетъ быть и болѣе извѣстный статсъ-секретарь Императрицы Екатерины II Козицкій (Сборн. Р. И. Общ. IV, стр. 54 примѣч.), хотя послѣдній скорѣе помогалъ Императрицѣ (см. Сергѣевичъ стр. 220, примѣч. 1, съ опечаткой—Карицкій). Кому либо изъ этихъ лицъ и принадлежитъ составленіе проэкта.

Главный интересъ проэкта заключается въ его содержаніи, которое поэтому необходимо сравнить съ содержаніемъ указа 14.го декабря 1766 г.; этимъ путемъ можетъ выясниться, какъ предполагалось сперва созвать Коммисію и въ чемъ Императрица Екатерина отступила отъ первоначальныхъ предположеній.

Раньше всего сдѣлаю оговорку, что полнаго сходства проэкта съ указомъ 14 декабря не могло и быть. Въ указѣ сверхъ предисловія, выясняющаго причины созыва Коммисіи и предстоящую ей задачу, сообщаются очень детальныя и практически примѣнимыя данныя, какъ должна быть эта Коммисія организована. Проэктъ-же представляетъ докладъ составителя Государынѣ о томъ, какъ вообще слѣдуетъ организовать Коммисію и чего слѣдуетъ избѣгать при этомъ, лишь иногда спускаясь до подробностей, да и то скорѣе для потвержденія своихъ соображеній; но, разумѣется, нѣкоторое сходство проэкта съ указомъ, 14 декабря должно было имѣть мѣсто, въ виду ихъ общей задачи.

Еще одна оговорка: сообщаемый мною проэктъ былъ не единственный; это можно было-бы утверждать a priori, но есть и доказательство; въ статьѣ проф. Сергѣевича также указано на существованіе проэкта; но одно приводимое изъ него мѣсто (см. ниже) показываетъ, что это проэкты различные. Который изъ нихъ болѣе ранній, судить, въ виду отрывочности указаній у проф. Сергѣевича, трудно; по нѣкоторымъ соображе-

нiямъ (которыя см. далѣе) я полагаю, что сообщаемый мною проэктъ составленъ позже; но разница между нимъ и указомъ 14 декабря такъ велика, что необходимо допустить существованіе еще одного, или даже нѣсколькихъ послѣдующихъ проэктовъ, приведшихъ, наконецъ, къ редакціи, вошедшей въ указъ, и еще неизвѣстныхъ.

Приступаю къ изложенію содержанія проэкта. Кажется, въ началѣ его чего-то недостаетъ. Хотя въ сохранившемся видѣ онъ начинается вполнѣ подходящимъ и умѣстнымъ предисловіемъ, но нѣтъ заглавія; между тѣмъ въ срединѣ проэкта двѣ части его обозначены особыми заглавіями. Возможно предположеніе, что впереди былъ полулистокъ съ обозначеніемъ названія проэкта и нѣсколькими словами о причинѣ его подачи; во всякомъ случаѣ, если такой полулистокъ и утерянъ (что, впрочемъ, очень жаль), самое содержаніе проэкта отъ этого не пострадало.

Проэктъ состоитъ изъ трехъ частей, рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга незаписанною бумагою. Первую часть составляютъ общія соображенія относительно Коммиссіи, занимающія около трехъ съ половиною полулистовъ. Въ началѣ помѣщено небольшое предисловіе, въ коемъ выясняется причина созыва Коммиссіи и цѣль предстоящихъ ей трудовъ. Этимъ предисловіемъ Императрица Екатерина совершенно не воспользовалась для указа 14 декабря, хотя, повидимому, предполагала это сдѣлать, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ его дополнила, и это единственное сдѣланное ею исправленіе въ первой части проэкта. Предисловіе къ указу 14 декабря 1766 г. (см. П. С. З. т. XVII, № 12,801, стр. 1092—1093) болѣе расплывчато и менѣе опредѣленно, хотя больше по размѣру и заключаетъ въ себѣ историческія указанія, въ проэктѣ отсутствующія; впрочемъ, идея обоихъ предисловій въ сущности одна и таже.

Выяснивъ причины созыва Коммиссіи, проэктъ излагаетъ, какого состоянія люди мнятся быти потребны въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, и устанавливаетъ такихъ состояній шесть:

1) Дворяне.

2) Купечество.

3) Однодворцы, пахотные солдаты и прочіе содержащіе ландмилицію разнаго званія люди.

4) Государственные крестьяне и такъ называемые въ Архангелогородской губерніи половники.

5) Иновѣрцы магометанской и идолопоклонническихъ вѣръ, люди платящіе ясаки и такъ называемые служивые; и

6) Донскіе, Яицкіе, Волжскіе и другіе великороссійскіе козаки.

Изъ проэкта видно, впрочемъ, что подъ терминъ купечество подводились имъ вообще всѣ городскіе обыватели.

Въ планѣ выборовъ, составленномъ, по словамъ проф. Сергѣевича, кн. Вяземскимъ, отъ купцовъ были отдѣлены цѣховые; затѣмъ въ черновомъ спискѣ обряда, писанномъ рукою Императрицы (Сергѣевичъ, стр. 200, примѣч. 1), цѣховые и мѣщане даже выдѣлены въ особую отъ купечества группу избирателей; но, какъ видно, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Императрица рѣшила зачислить ихъ въ одну группу съ купцами и разбираемый проэктъ, слѣдовательно позднѣйшій, имѣетъ въ виду уже вообще горожанъ, называя ихъ заодно купечествомъ; такъ было и еще въ какихъ то черновыхъ наброскахъ, о которыхъ упоминаетъ Сергѣевичъ-же (стр. 204, примѣч. 1), а затѣмъ уже терминъ былъ принятъ болѣе правильный—горожане.

Въ указѣ 14 декабря собственно перечисленія сословій или группъ нѣтъ; но въ пунктѣ, указывающемъ, откуда прислать депутатовъ, принята система довольно сходная съ находящеюся въ проэктѣ, а именно:

1) Отъ различныхъ учрежденій. Сверхъ того въ составъ Коммиссіи вводились и тѣ губернаторы, которые оказывались въ столицѣ во время пребыванія тамъ Коммиссіи.

2) Отъ дворянства.

3) Отъ горожанъ.

4) Отъ однодворцевъ.

5) Отъ пахотныхъ солдатъ и разныхъ службъ служилыхъ людей и прочихъ ландмилицію содержащихъ.

6) Отъ государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ.

7) Отъ некочующихъ разныхъ народовъ, крещеныхъ (или некрещеныхъ, и, наконецъ,

8) Отъ козацкихъ войскъ (и отъ Войска Запорожскаго).

Допущенныя измѣненія не лишены основанія. Полезно было имѣть депутатовъ отъ учрежденій и свѣдущихъ лицъ въ видѣ губернаторовъ; съ другой стороны, однодворцы могли-бы считать себя обиженными смѣшеніемъ ихъ съ пахотными солдатами и т. п.

Читая проэктъ, Императрица Екатерина обратила вниманіе на отсутствіе въ немъ депутатовъ отъ сепаратныхъ областей и начала писать на поляхъ замѣтку соотвѣтственнаго характера; но, вѣроятно, еще не окончивши ея, увидѣла, что проэктъ говоритъ о нихъ нѣсколько ниже, и поэтому замазала свою замѣтку, такъ что ее нелегко и разобрать теперь. Затѣмъ въ проэктѣ объясняется, почему нѣтъ депутатовъ отъ духовенства: прежніе уставы относительно его остаются неизмѣняемыми; въ случаѣ-же въ Коммиссіи дѣло коснулось-бы церковно-служителей, то въ собраніе могли-бы быть приглашены депутаты отъ Святѣйшаго Синода. Мнѣ кажется, такому объясненію можно вѣрить и не искать иной причины, видя напр. въ Императрицѣ Екатеринѣ послѣдовательницу Вольтера, или

полагая, что она опасалась привлечь въ депутаты лицъ, недовольныхъ ея предшествующимъ отношеніемъ къ духовенству: впрочемъ, я на этомъ не настаиваю. Указъ 14 декабря прямо вызвалъ депутата отъ Синода, какъ отъ прочихъ коллегій, не вызывая представителей отъ духовенства.

Точно также объяснено въ проэктѣ, почему не приглашаются представители отъ дворцовыхъ, экономическихъ и помѣщичьихъ крестьянъ: Дворцовая Канцелярія и Коллегія Экономіи приравнены въ данномъ случаѣ къ помѣщикамъ, о крестьянахъ которыхъ сказано такъ: «о распорядкѣ-же ихъ и обрядахъ помѣщики, какъ знать, такъ и о благѣ ихъ нещись долженствуютъ». Не вызвалъ депутатовъ отъ крестьянъ и указъ 14 декабря.

Особый пунктъ въ проэктѣ занимаютъ Малая Россія съ ея городами и полками (очевидно, здѣсь подразумѣвалось и Запорожье), Лифляндія, Эстляндія и Финляндія (или Выборгская губернія), т. е. провинціи на особливыхъ правахъ и привилегіяхъ состоящія. Присылка депутатовъ предоставлена на ихъ волю. Если-бы онѣ захотѣли участвовать во всеобщемъ положеніи правъ или въ поправленіи законовъ, то депутаты отъ нихъ будутъ приняты. Симъ провинціямъ дозволяется и впредь, когда восхотятъ, бить челомъ о допущеніи депутатовъ ихъ въ Коммисію о законахъ. Но, если-бы какая либо провинція, или даже часть ея, депутатовъ не прислали, то онѣ такъ и остались-бы на старыхъ правахъ до тѣхъ поръ, доколѣ будутъ бить челомъ черезъ депутатовъ-же о сравненіи ихъ съ прочими частями государства.

Въ указѣ 14 декабря сепаратныя области не выдѣлены и даже не названы, т. е. слиты просто съ прочими частями Имперіи одинаковаго порядка (губернія, провинція), полки и крейсы сепаратныхъ областей приравнены къ уѣздамъ; запорожцы-же хоти и названы, но тоже слиты съ иными козаками и всѣ эти части уже обязательно должны были выслать депутатовъ. Такое измѣненіе совершенно соотвѣтствовало взгляду Императрицы Екатерины на сепаратныя провинціи, который такъ рельефно выразился въ знаменитой много разъ цитированной инструкціи ея кн. Вяземскому, данной еще въ 1764 г.

Несомнѣваюсь, что кн. Вяземскій, будучи столь близкимъ къ Императрицѣ Екатеринѣ лицомъ, не посмѣлъ-бы, составляя проэктъ, выдѣлить въ немъ сепаратныя области изъ всего государства, если-бы на то не было желанія самой Императрицы. Это доказывается и приведенными у проф. Сергѣевича (стр. 213) фактами, что среди отдѣльныхъ мыслей ея, данныхъ въ руководство кн. Вяземскому и другимъ лицамъ, которымъ было поручено составить планъ выборовъ въ Коммисію, встрѣчается и такая: «Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи отдается на волю прислать депутатовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи какъ нынѣ,

пока не будутъ бить челомъ объ уравненіи», т. е. та самая, которая помѣщена въ проэктѣ, только въ болѣе систематическомъ изложеніи. Точно также и въ замазанной Императрицею замѣткѣ (см. выше) можно ясно прочесть: Лифляндія, Эстляндія, а то, что не вполнѣ ясно, очень похоже на: Финляндія и Малая Россія; очевидно Императрица Екатерина, дѣлая замѣтку на поляхъ проэкта, еще имѣла въ виду говорить о нихъ въ указѣ отдѣльно отъ другихъ частей государства.

Невполнѣ понимаю, почему Императрица Екатерина сперва предполагала допустить такую обособленность сепаратныхъ областей. Кажется, здѣсь имѣла лишь мѣсто простая традиція, всегда до того времени эти области нѣсколько выдѣлявшая, такъ какъ онѣ и въ самомъ дѣлѣ имѣли строй, довольно несхожій съ общегосударственнымъ, преобразовать который намѣревалась Императрица Екатерина. Менѣе вѣроятно, но возможно, это она ожидала отъ этихъ областей при обязательномъ выборѣ депутатовъ, подразумѣвавшемъ выработку одного общаго законодательства, какихъ либо затрудненій,—и не безъ основанія, ибо нѣкоторые выборы въ Малой Россіи сопровождались недоразумѣніями, хотя и легко устраненными. Во всякомъ случаѣ Императрица Екатерина въ концѣ концовъ отказалась отъ первоначальнаго плана и придала Коммисіи характеръ общегосударственнаго учрежденія, безо всякихъ исключеній, и не трудно понять, почему: Стремясь слить сепаратныя области съ остальнымъ государствомъ, она желала этимъ возвести ихъ народы на высшую степень счастья; такъ она выразилась по крайней мѣрѣ при отмѣнѣ въ Малороссіи гетманства, съ чего и началась ломка ея сепаратнаго строя. Тѣмъ болѣе резона имѣла Императрица Екатерина думать такимъ образомъ, созывая Коммисію, которая, по выраженію указа 14 декабря, должна была въ результатѣ сдѣлать подданныхъ ея столь счастливыми и довольными, сколь далеко счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться. Въ виду этого допущеніе депутатовъ сепаратныхъ областей къ выработкѣ общаго уложенія должно было разсматриваться ими, какъ величайшая милость.

Выборы депутатовъ въ Малой Россіи и отчасти ихъ поведеніе въ Коммисіи обнаруживаютъ съ ихъ стороны нѣсколько иную точку зрѣнія, но въ данномъ случаѣ это вопросъ уже посторонній.

Отмѣтимъ кстати, что проэктъ здѣсь предполагаетъ довольно продолжительное существованіе Коммисіи, что ясно и изъ другихъ мѣстъ проэкта (см. далѣе). Таково было и общее мнѣніе; ожидали, что труды ея будутъ длиться 4 года. Указъ не ставитъ такого вопроса, но и изъ него вообще замѣтно, что Коммисія созывается на долгое время.

Послѣ этого въ проэктѣ находится разсужденіе о томъ, что въ столь сложномъ собраніи, какимъ будетъ Коммисія, составленіе законовъ представляется неудобнымъ, почему указывается на необходимость выбора изъ депутатовъ или изъ постороннихъ лицъ небольшого законодательнаго со-

бранія, которое вырабатывало бы законоположенія, согласно съ установленными Императрицею принципами, по указанію большой Коммисіи и въ интересахъ общей пользы, чего будто-бы нельзя ожидать при выработкѣ законовъ общею Коммисіей. Тѣмъ не менѣе всѣ составленные въ законодательномъ собраніи проэкты законовъ должны, еще до утвержденія ихъ Государынею, быть одобрены въ общей Коммисіи.

Въ указъ эти предположенія не вошли и мѣсто одного законодательнаго собранія заняли на практикѣ особыя коммисіи, предназначенныя для выработки частныхъ законоположеній и представленія ихъ затѣмъ въ общую Коммисію; но тотъ фактъ, что въ проэктѣ, извѣстномъ Императрицѣ, предложено было вырабатывать законы въ особомъ, болѣе тѣсномъ законодательномъ собраніи и это предположеніе сперва не встрѣтило возраженій, служитъ опроверженіемъ довольно распространеннаго мнѣнія, что Императрица Екатерина II или ея сотрудники не предвидѣли затрудненій, которыя должны были возникнуть при выработкѣ законовъ въ общей Коммисіи. Наоборотъ, это было предусмотрѣно, и особенно въ виду того, что ожидался созывъ Коммисіи гораздо болѣе многолюдной, чѣмъ состоявшаяся (см. далѣе); но проэктируемая система составленія новаго уложенія была замѣнена потомъ другою, которая казалась болѣе консервативною, и, по моему мнѣнію, основательно; а почему уложеніе не было составлено—это иной вопросъ, на которомъ нѣтъ цѣли здѣсь останавливаться, тѣмъ болѣе что онъ почти безупречно проанализированъ въ статьѣ проф. Сергѣевича.

Далѣе проэктъ опредѣляетъ число депутатовъ отъ дворянства, причемъ предлагаетъ, чтобы уѣзды высылали неодинаковое ихъ количество: по четыре, если дворянъ-помѣщиковъ въ уѣздѣ много (200 и болѣе), и по два, если ихъ мало, но во всякомъ случаѣ не меньше двухъ. Указъ вызвалъ лишь по одному депутату отъ уѣзда, и уѣзды, въ коихъ дворянъ было немного, могли отказаться отъ присылки депутата. Такимъ образомъ число дворянскихъ представителей было сильно сокращено.

Точно также и относительно горожанъ. Проэктъ предлагаетъ вызвать по четыре депутата отъ большихъ городовъ (Москвы, Петербурга, Ярославля, Калуги, Тулы, Казани, Астрахани, Города Архангельска, Вологды, Смоленска, Вязьмы, Пскова, Торопца и т. п.) и по два отъ прочихъ, средней руки. Но отъ малыхъ городовъ, жители которыхъ, купцы или посадскіе, больше заняты хлѣбопашествомъ и рукодѣліемъ, достаточно пригласить по два депутата не отъ города, а отъ провинціи, гдѣ таковые находятся. Указъ опять сильно сократилъ число депутатовъ, вызвавъ лишь по одному отъ жителей каждаго города; причемъ и здѣсь городамъ съ небольшимъ населеніемъ разрѣшалось вовсе не посылать депутатовъ.

Отъ однодворцевъ и вообще лицъ третьей группы проэктъ приглашаетъ по два депутата отъ провинціи; въ указѣ, гдѣ однодворцы выдѣ-

лены отъ этой группы, они высылаютъ по одному депутату, пахатные солдаты и пр. посылаютъ тоже по одному депутату, такъ что общее число ихъ отъ этой группы не измѣнилось для тѣхъ провинцій, гдѣ жили однодворцы, и сокращалось для остальныхъ.

Четвертая группа (государственные крестьяне и половники) тоже по проэкту высылаетъ по два депутата отъ провинціи; указъ потребовалъ лишь одного отъ провинціи-же.

Отъ иновѣрцевъ и пр. проэктъ предлагаетъ пригласить по два депутата изъ каждой губерніи (Они жили въ Казанской, Оренбургской, Сибирской и Астраханской губ.), отъ каждаго народа и каждаго закона (вѣры). Указъ замѣнилъ это однимъ депутатомъ отъ каждаго народа, но изъ каждой провинціи.

Наконецъ, отъ козаковъ проэктировано было вызвать по два депутата отъ каждаго войска; указъ-же предоставляетъ опредѣленіе числа ихъ депутатовъ усмотрѣнію высшаго мѣстнаго начальства.

Такимъ образомъ число депутатовъ указомъ 14 декабря было сильно сокращено сравнительно съ тѣмъ, какое проэктировалось; увеличилось лишь, да и то немного, число представителей отъ иновѣрцевъ, чѣмъ усилился, такъ сказать, этнографическій элементъ Коммисіи. Увеличеніе или уменьшеніе числа депутатовъ отъ козацкихъ войскъ было одинаково возможно; въ дѣйствительности число ихъ сократилось.

Нѣсколько странно, конечно, что такъ сильно было сокращено число депутатовъ отъ дворянъ; надо полагать, что испугались столь громаднаго собранія, какимъ могла явиться Коммисія, если-бы депутаты были вызваны согласно проэкту. И безъ того ихъ прибыло въ Коммисію свыше 550 человѣкъ; по проэкту-же должно было явиться по самому умѣренному разсчету свыше 1500; а организація такого собранія дѣйствительно могла представить непреодолимыя затрудненія.

Выборъ депутатовъ долженъ быть вольный, безъ вмѣшательства начальствующихъ лицъ или учрежденій, которыя будутъ наблюдать за исполненіемъ повелѣнія о выборахъ; болѣе всего возстаетъ проэктъ противъ примѣненія здѣсь мздоимства и взяточничества, рекомендуя, чтобы они были строго запрещены. Въ указѣ это желаніе приведено въ исполненіе.

Относительно порядка выборовъ проэктъ ссылается на особое приложеніе (см. далѣе), добавляя, что губернаторамъ должно быть сдѣлано въ данномъ случаѣ спеціальное предписаніе; причемъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы избраны были въ депутаты люди вполнѣ компетентные и добропорядочные. Наказъ губернаторамъ о производствѣ выборовъ въ Коммисію былъ посланъ (П. С. З. т. XVII, № 12,801, стр. 1105), но безъ такого указанія, о которомъ, впрочемъ, не разъ говорится въ самомъ указѣ о выборахъ.

Наконецъ, проэктъ предлагаетъ, въ виду того, что депутаты все

время составленія законовъ будутъ жить внѣ дома, а большинство изъ нихъ могутъ быть люди бѣдные, назначить на то время каждому по состоянію содержаніе, о чемъ и сдѣлать оповѣщеніе еще до выборовъ. Проэктъ даже опредѣляетъ размѣръ такого жалованья: дворянину назначаетъ 400 рублей въ годъ, купцу 120 руб. и представителю всякой иной группы 37 руб. въ годъ.

Мнѣ кажется, впрочемъ, что цифра 120 руб., назначенныхъ купцу, ошибочна; здѣсь чуть-ли не простая описка вмѣсто 122 руб. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ указѣ, при назначеніи депутатамъ ежегоднаго жалованья, цифры опредѣлены такія: 400 р., 122 р. и 37 р. въ годъ, т.е. какъ-бы согласно съ проэктомъ; во-вторыхъ, на той четвертушкѣ бумаги, которая приложена къ проэкту (см. выше) именно сдѣланъ разсчетъ, сколько нужно денегъ на годъ дворянину, купцу и иному депутату, и выставлены тѣже самыя цифры, какъ и въ указѣ, т. е. купцу 122 руб. Но возможно, что составитель проэкта сперва предполагалъ назначить купцу 120 р., а потомъ снова провѣрилъ предполагаемые расходы его и установилъ болѣе точную цифру въ 122 р., которая и вошла въ указъ.

Упомянутая четвертушка бумаги не лишена интереса и культурнаго и, пожалуй, экономическаго; поэтому я подробно изложу заключающіяся въ ней данныя, тѣмъ болѣе что въ указѣ, конечно, нѣтъ ничего подобнаго.

Какъ сказано уже, дворянину ассигнуется въ годъ 400 р.; очевидно такое жалованье считается достаточнымъ; но почти половина его должна была уйти на наемъ пары лошадей—180 руб.; а, если присоединить еще 8 р., предназначенныхъ на починку коляски (конечно, собственной) и хоть что либо на содержаніе кучера (крѣпостнаго), то дѣйствительно сюда уйдетъ половина жалованья. Положимъ, при разстояніяхъ въ Москвѣ (или, что все равно, въ С.-Петербургѣ, гдѣ раньше предполагалось созвать Коммисію) приходилось разъѣзжать немало; но все-же 180 руб.—громадная цифра, показывающая, какъ дороги были тогда въ столицахъ хорошія наемныя лошади; плохія были дешевле (какъ сейчасъ увидимъ), но дворянину неприлично на такихъ разъѣзжать. Обыкновенно дворяне, пріѣзжая надолго въ Москву, доставляли туда собственныхъ лошадей, и содержаніе ихъ стоило много дешевле 180 руб.

Квартира дворянина оплачивалась 36 руб. въ годъ, отопленіе (дрова) стоило 10 руб., освѣщеніе (свѣчи) 5 руб.

Столъ обходился дворянину въ 70 руб. да чай и сахаръ въ 20 р.

На платье ассигновано было 25 руб. и на обувь (сапоговъ и башмаковъ по парѣ) 5 р.; мойка бѣлья обходилась тоже въ 5 руб.

Содержаніе людей, т. е. прислуги, предполагало—крѣпостной, стоитъ 36 р.

Вотъ и всѣ расходы. Округленность приведенныхъ цифръ, какъ здѣсь, такъ и дальше, показываетъ, что таковыя брались примѣрно.

Расходы купца должны быть много скромнѣе, почему и жалованья ему положено гораздо меньше—всего 122 рубля.

На наемъ лошадей, т. е. вѣроятно одной лошади, да и то неважной, купецъ можетъ тратить всего 12 р., или въ 15 разъ меньше, чѣмъ дворянинъ; на починку экипажа денегъ купцу не положено вовсе; очевидно, не имѣя собственной коляски, онъ можетъ ѣздить и въ прочной нанятой телѣгѣ.

Квартира купца оплачивается 24 р., на дрова и свѣчи гуртомъ положено 12 р.; въ этихъ частяхъ купеческаго бюджета разница съ дворянскимъ не такъ еще велика.

На столъ купецъ можетъ тратить 36 р.; но, какъ это ни странно, на чай и сахаръ денегъ ему не полагается; вѣроятно, онѣ вошли въ общую цифру [1]).

На платье ассигновано 20 р., на обувь (не сказано какую) 4 р. и на мытье бѣлья 2 руб.; въ этой части бюджета разница значительна лишь относительно мытья бѣлья, что и понятно. На содержаніе человѣка положено 12 руб.

Ежегодный расходъ однодворца, половника, козака и т. п. опредѣленъ всего въ 37 руб.

Депутату все же приходится нанимать лошадь и платить за нее 10 руб., ибо разстоянія въ столицѣ слишкомъ велики, а нужно быть аккуратнымъ.

За квартиру онъ платитъ 6 руб., и, вѣроятно, съ отопленіемъ, такъ какъ спеціально на дрова денегъ не назначено; свѣчей-же онъ можетъ сжечь лишь на 1 руб.

На пищу ему ассигновано 12 р., о чаѣ и сахарѣ не можетъ быть и рѣчи.

Шуба, кафтанъ, шапка и рукавицы обойдутся ему въ 6 р. да сапоги въ 2 р.; на мытье бѣлья денегъ уже не полагается.

Тѣмъ менѣе можетъ быть что либо ассигновано на содержаніе человѣка.

Но составитель проэкта понималъ недостаточность назначаемаго жалованья, котораго, при множествѣ депутатовъ (онъ ожидалъ ихъ свыше 1500), въ суммѣ выходило все таки очень много; поэтому онъ допустилъ возможность добровольныхъ субсидій депутатамъ со стороны тѣхъ группъ, которыя ихъ отправляли; причемъ деньги собирались-бы путемъ пропорціональной разверстки ихъ по имуществамъ избирателей. Указъ не говоритъ о такой субсидіи, вѣроятно, въ предположеніи, что въ депутаты избраны будутъ лица лишь съ болѣе или менѣе достаточными средствами, или-же получающія по должности жалованье, которое за ними сохранялось въ бытность ихъ членами Коммисіи; а спеціальное вознагражденіе было-бы поэтому для нихъ именно субсидіей на покрытіе чрезвычайныхъ расхо-

[1]) Проф. А. А. Кочубинскій указалъ мнѣ, что купцы тогда пили сбитень, не требовавшій сахара, а дѣлаемый съ медомъ; во всякомъ случаѣ значитъ сбитень былъ присоединенъ къ остальной пищѣ.

довъ; хотя послѣднее предположеніе могло относиться, за немногими исключеніями, лишь къ дворянамъ.

Другихъ преимуществъ для депутатовъ проэктъ не указываетъ, тогда какъ въ указѣ исчислено ихъ нѣсколько и далеко немаловажныхъ.

Этимъ и оканчивается первая часть проэкта. Вторая, занимающая $2^1/_2$ листка, имѣетъ заглавіе: «Обрядъ о выборѣ депутатовъ»; и любопытно, что въ то время какъ первая часть вызвала со стороны Императрицы Екатерины всего одну поправку, вторая потребовала значительныхъ добавленій, хотя болѣе редакціоннаго характера.

Изъ статьи проф. Сергѣевича видно, какъ интересовалась Императрица Екатерина этимъ обрядомъ: сохранился черновой списокъ его, написанный собственной ея рукою (стр. 200, прим. 1); къ сожалѣнію проф. Сергѣевичъ не дѣлаетъ никакихъ извлеченій изъ этого списка, почему сопоставить его съ имѣющимся въ моемъ распоряженіи невозможно, и я продолжаю лишь сравненіе этого проэкта съ указомъ 14 декабря.

Основное различіе ихъ, болѣе внѣшнее, состоитъ въ томъ, что въ проэктѣ говорится вообще о выборѣ депутатовъ всѣхъ группъ, тогда какъ въ указѣ выборъ этотъ разнесенъ по разнымъ мѣстамъ, гдѣ собрано въ одно все то, что относится къ извѣстной группѣ депутатовъ; но въ сущности, кромѣ небольшого предисловія, обрядъ выборовъ изложенъ въ проэктѣ по тѣмъ-же самымъ группамъ; гораздо важнѣе разница, что въ проэктѣ еще не предполагается избраніе предводителей дворянства и городскихъ головъ, которымъ указъ отводитъ важную роль при выборахъ.

Въ предисловіи говорится о томъ, какъ начальствующія областныя лица должны организовать выборы. Этотъ пунктъ, съ небольшими, касающимися лишь формальностей, измѣненіями, составилъ начало наказа губернаторамъ, въ которомъ тоже вообще сказано о приглашеніи къ выборамъ депутатовъ ото всѣхъ группъ.

Относительно предварительныхъ распоряженій о выборѣ депутатовъ изъ дворянъ въ проэктѣ помѣщено почти то же, что и въ указѣ, только менѣе обширно; я не нашелъ въ указѣ лишь слѣдующихъ немногихъ частностей:

Объявленіе о выборахъ, если нѣтъ на лицо помѣщиковъ, сообщается ихъ управителямъ; имъ-же должны быть доставляемы и письменныя заявленія отъ помѣщиковъ. Въ указѣ объ управителяхъ не упоминается, а сказано, что отсутствующіе помѣщики могутъ присылать письменныя заявленія. Въ проэктѣ мѣсто объ управителяхъ подчеркнуто и, судя по цвѣту чернила, черта эта сдѣлана Императрицею Екатериною.

Срокъ отъ второго опубликованія манифеста до дня выборовъ положенъ 4-хъ-недѣльный; въ указѣ опредѣленіе этого срока предоставлено губернаторамъ.

Допускается передача голоса свойственникамъ и сосѣдямъ, какъ для

отсутствующихъ дворянъ, такъ и вообще для дворянокъ; въ указѣ передачи голоса вовсе нѣтъ; право дворянокъ подобно дворянамъ письменно предлагать депутатовъ за ними сохранено.

Рекомендуется возможно широкое распространеніе манифеста о выборахъ, чтобы всѣ отсутствующіе изъ своихъ деревень помѣщики имѣли возможность знать о нихъ.

Слѣдующій пунктъ въ проэктѣ — о производствѣ самыхъ выборовъ имѣетъ, какъ я сказалъ, то отличіе отъ указа, что не предполагается еще избраніе предводителя дворянства, чему въ указѣ отведено не мало мѣста; функціи его предоставлены начальнику города. За то порядокъ выборовъ дополненъ былъ нѣсколькими приписками Императрицы, которыя я приведу полностью.

Въ проэктѣ было написано: Между тѣмъ какъ публикація манифеста продолжается, начальникъ города губернаторъ или воевода назначаетъ мѣсто въ городѣ, гдѣ выбору быть, избравъ для сего или домъ канцеляріи, или ратушу или другое какое къ тому удобное мѣсто. *Приписано:* и велитъ о томъ прибить листы въ публичныя мѣста, гдѣ указы прибиваютъ.

Въ наказѣ губернаторамъ, гдѣ говорится о приготовленіи дома для выборовъ, эта приписка однако не вошла; нѣтъ ея и при распорядкѣ выборовъ.

Въ проэктѣ: Въ коемъ (удобномъ мѣстѣ; см. выше) поставится столъ, на которомъ поставлены два ящика или большіе стаканы, изъ коихъ на одномъ подписать: быть, а на другомъ: не быть. *Приписано:* И ставитъ «быть» направо, не быть налѣво. *Въ указѣ* говорится уже о ящикѣ, перегороженномъ по срединѣ на двѣ части и покрытомъ сукномъ, и на правой сторонѣ написано: избираю, на лѣвой: не избираю.

Проэктъ: А къ симъ (ящикамъ) приготовляютъ нѣсколько небольшихъ шаровъ или баловъ. А притомъ начальникъ города всѣмъ имѣвшимъ въ его уѣздѣ дворянамъ приготовляетъ вѣрную роспись. *Приписано:* Написавъ тѣхъ напередъ въ роспись, которые первые въ городъ прибыли. Такой порядокъ сохранилъ и *указъ*.

Затѣмъ еще ниже выраженіе *проэкта:* (бываетъ) всѣмъ повѣстка— подчеркнуто и замѣнено: «цаки публикаціи». Публикаціей этой прибывшіе дворяне приглашаются въ соборную церковь для слушанья литургіи съ молебномъ Св Духу (по указу: Спасу[1]), послѣ чего происходятъ освященіе воды и присяга, по окончаніи которой идутъ въ назначенный для выбора домъ, причемъ Императрица Екатерина сдѣлала *приписку*: «по два врядъ», которая примѣнена и въ *указъ*. При выборѣ всѣ размѣщаются не по преимуществу чиновъ, но яко равные между собою люди; въ *указъ* однако принятъ иной порядокъ: по времени прибытія въ городъ. Относительно росписи, которая находится у начальниковъ города и гдѣ означены лица,

[1]) Почему? Скорѣе всего примѣняясь къ общенародному умственному развитію.

баллотирующіяся въ депутаты, Императрица Екатерина сдѣлала *приписку:* «а на росписи моложе двадцати лѣтъ никого не напишутъ». По *указу* въ депутаты выбираются лица не моложе 25 лѣтъ. Описаніе-же баллотировки сходно съ находящимся въ *указѣ*, но только при выборѣ предводителя, а относительно депутата здѣсь сказано, что выборы его совершаются подобнымъ-же образомъ.

О выборахъ изъ городовъ въ *проэктѣ* говорится лишь, что они происходятъ такимъ-же образомъ, какъ у дворянъ, и подъ руководствомъ магистратскаго президента или бургомистра. *Указъ* гораздо болѣе распространяется объ этихъ выборахъ, выдѣливъ ихъ въ особую группу и предоставивъ руководство тоже особо избранному лицу—городскому головѣ.

Выборъ депутатовъ отъ остальныхъ группъ долженъ происходить, по *проэкту*, съ соблюденіемъ аналогичныхъ обрядовъ, но по жеребьямъ, или какое къ тому по ихъ обычаямъ средство и способъ изберутъ. Тоже примѣнено и къ иновѣрцамъ, у которыхъ выборы должны происходить по ихъ обрядамъ. Но для всѣхъ этихъ группъ *проэктъ* устанавливаетъ двухстепенные выборы: сперва избирается по 2 представители отъ мелкихъ единицъ (селеній, слободъ); они съѣзжаются въ провинціальный городъ и избираютъ депутатовъ въ Коммисію. При этомъ избраніи тоже можетъ быть примѣненъ жеребій; но, въ случаѣ желанья избирателей, оно производится баллотировкою. Императрица Екатерина нѣсколько измѣнила редакцію проэкта, но безъ существенныхъ отличій, и важно лишь начало ея *приписки:* «Подданные наши, какого-бы закона не были...», показывающее, что эта приписка сдѣлана именно ею. Въ *указѣ* относительно депутатовъ такихъ группъ (кромѣ иновѣрцевъ) сохранены проэктированныя основанія, только самый обрядъ выборовъ распространенъ, а число представителей сокращено; но выборы установлены трехстепенные: сперва избирается погостный (или аналогичный) представитель; такіе представители жеребьемъ или шарами избираютъ уѣзднаго представителя, а тѣ, тоже жеребьемъ или шарами, провинціальнаго депутата. О выборахъ-же депутатовъ отъ иновѣрцевъ говорится не въ самомъ *указѣ*, а въ *наказѣ* губернаторамъ, что выборы эти должны совершаться, примѣняясь къ образу ихъ (иновѣрцевъ) житія и закона, со стараньемъ, дабы выборъ происходилъ безъ отягощенія для нихъ. Очевидно, Императрица не рѣшилась навязать иновѣрцамъ ритуалъ, можетъ быть, совершенно недоступный ихъ пониманію.

Относительно великороссійскихъ козаковъ въ *проэктѣ* сказано, что обрядъ выборовъ у нихъ долженъ быть одинаковый съ иными группами, а способъ: жеребьемъ, голосами, или иначе по ихъ обычаямъ, остается каждому войску на волю. Въ *указѣ* о порядкѣ выборовъ депутатовъ отъ козацкихъ войскъ (въ число которыхъ входили запорожцы) не сказано ни слова; но въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о порядкѣ выборовъ депутата отъ

иновѣрцевъ, есть такая фраза, которую можно распространить и на козаковъ: этотъ порядокъ выборовъ указывается «для тѣхъ, для которыхъ обрядъ выборовъ не присланъ».

Въ находящихся въ *указѣ* 14 декабря обрядахъ выборовъ депутатовъ отъ различныхъ группъ есть еще не мало подробностей, не нашедшихъ себѣ мѣста въ проэктѣ, т. е. явившихся уже при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о подготовкѣ созыва Коммисіи; но останавливаться на всѣхъ частностяхъ указа я не имѣю основанія.

Третью часть проэкта составляетъ «Форма присягѣ». Она написана на одной страницѣ, да и ту заняла не вполнѣ, обратная-же страница полулистка осталась чистою. Форма присягѣ заключаетъ въ себѣ клятвенное обѣщаніе для избирателей и предполагалась одинаковою для лицъ, избирающихъ депутатовъ ото всѣхъ группъ; причемъ она сохраняетъ многія черты общей присяги. Указъ весь будто-бы особыя присяги для всѣхъ тѣхъ трехъ группъ, о которыхъ онъ подробно говоритъ; но сличеніе показываетъ, что и здѣсь въ сущности одна и таже присяга, и различіе есть лишь въ немногихъ необходимыхъ по смыслу словахъ Гдѣ въ одной присягѣ сказано: отъ дворянства, тамъ въ другой: отъ города, а въ третьей: изъ моихъ собратьевъ и т. п. Въ эту находящуюся въ указѣ присягу вошли очень многія выраженія изъ проэкта; но есть и разница въ редакціи; напр., уже въ началѣ проэкта говорится: Я нижепменованный обѣщаюся и клянуся *предъ* Господомъ всемогущимъ Богомъ Вседержителемъ, что и т. д.; указъ же выражается обычно: Я нижепменованный обѣщаюся и клянуся всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что и т. д. Значеніе этой разницы само собою ясно; можетъ быть, имѣлось въ виду, что по проэктированной присягѣ согласятся присягать раскольники.

Полномочія, какое въ указѣ избиратели даютъ избраннымъ ими лицамъ, проэктъ не предвидитъ; тѣмъ болѣе не могло быть въ немъ полномочія предводителю дворянства или городскому головѣ, ибо лицъ этихъ проэктъ еще не знаетъ.

Вотъ тѣ немногія указанія, которыя могъ я извлечь изъ находящагося у меня проэкта[1]) созыва Коммисіи и которыми я счелъ умѣстнымъ занять вниманіе читателей въ томъ предположеніи, что имъ, какъ и мнѣ, дорога всякая черта, относящаяся къ царствованію Императрицы Екатерины II, а тѣмъ болѣе къ столь важному событію, какъ учрежденіе Коммисіи для составленія проэкта новаго уложенія.

Ал. Маркевичъ.

Одесса, 3 ноября 1896 года.

---

[1]) Переданъ теперь мною въ Императорскую Публичную Библіотеку.

Народное благоденствіе, тишина и спокойство главное свое основаніе имѣетъ на ясныхъ и твердыхъ законоположеніяхъ и на такихъ правахъ, которыя бы согласно со всѣми народными обстоятельствами разумно составлены были, а потому всякому безъ лицепріятія непродолжительной судъ и расправу доставляли, и коими бы всякой въ своемъ званіи обитатель прямымъ и надлежащимъ образомъ былъ управляемъ *и защищаемъ* [1]).

А какъ и въ отечествѣ нашемъ всѣмъ многіе недостатки Ваше Императорское Величество проницательно открыть и усмотрѣть изволили, то и исправленіе и окончательное довершеніе сего, столь нужнаго и полезнаго дѣла, на доскональномъ познаніи нравовъ, обычаевъ, рукодѣлій, торговъ и промысловъ всѣхъ въ Имперіи Вашей по разнымъ провинціямъ различныхъ обитателей премудро поставлять изволите, соизволяя, чтобъ при сочиненіи всеобщихъ правъ изъ всѣхъ въ государствѣ находящихся провинцій различнаго состоянія особы, яко депутаты, находились, дабы посредствомъ тѣхъ, о всѣхъ неудобствахъ, которыя донынѣ жителей иногда отягощали, свѣдавъ, выгодное и полезное положеніе правъ къ благоразумному всѣхъ управленію составить, и которыя бы по собственнымъ объясненіямъ депутатовъ, соглашая со всеобщею пользою въ дѣйство произвесть возможно было.

Къ объясненію жъ нужнаго свѣдѣнія для положенія законовъ слѣдующихъ состояній люди мнятся быть потребны, которые въ общемъ собраніи, всѣ извѣстія каждой о своей части преподавая, и все что до каждаго изъ нихъ касаться будетъ, объяснять могутъ.

1) дворяна

2) купечество

3) однодворцы, пахотные солдаты и прочіе содержащіе ландмилицію разнаго званія люди

4) Государственные крестьяне и такъ называемые въ Архангелогородской губерніи половники

---

[1]) Курсивъ обозначаетъ вездѣ собственноручную поправку Императрицы Екатерины II.

5) Иновѣрцы магометанскаго и идолопоклонническихъ вѣръ люди, платящіе ясаки, и такъ называемые служивые

6) Донскіе, яицкіе, вольскіе и другіе великороссійскіе козаки.

(Приписка сбоку: *Лифляндія, Эстляндія, Финляндія и Малая Россія;* но она замазана).

Что до духовенства касается, Святѣйшій Синодъ, имѣя духовныя и церковныя положенія, остается на прежнихъ своихъ уставахъ. Въ случаѣ же касающагося до церковнослужителей вновь какого либо положенія, то тогда при разсужденіи въ собраніе могуть быть требованы депутаты отъ Святѣйшаго Синода.

Приписные ко дворцу, вѣдомства коллегіи экономіи, равно и помѣщичьи крестьяне отъ выбору депутатовъ и отъ участвованія въ сочиненіи правъ и законовъ исключаются, понеже первые и вторые подъ правительствомъ Дворцовой Канцеляріи и Коллегіи Экономіи, яко помѣщики, а послѣдніе подъ самыми помѣщиками состоять; о распорядкѣ же и ихъ обрядахъ помѣщики, какъ знать, такъ и о благѣ ихъ пещися долженствуютъ.

Малая Россія съ ея городами и полками, равно Лифляндія, Эстляндія и Финляндія съ городами, яко на особливыхъ правахъ и привилегіяхъ состоящимъ провинціямъ, отправленіе депутатовъ оставляется на волю: онѣ могуть тѣхъ прислать, или нѣтъ. Но, буде однакожъ восхотять участвовать во всеобщемъ положеніи правъ и въ поправленіи законовъ, то и отъ нихъ депутаты въ собраніе приняты быть имѣютъ, только бы выбраны были отъ каждаго съ Малой Россіи полку и города, а отъ прочихъ отъ городовъ же и крейсовъ, по предписанному у сего обряду и притомъ требуемыя качества непремѣнно имѣли. Симъ провинціямъ дозволяется и впредь, когда восхотять бить челомъ о допущеніи депутатовъ ихъ въ коммиссію о законахъ.

Если же которая провинція, полкъ малороссійскій, крейзъ и городъ, на особыхъ привилегіяхъ изъ состоящихъ, депутатовъ отъ себя вовсе въ коммиссію о сочиненіи законовъ не пришлютъ, таковые и остаться имѣютъ вовсе на такомъ основаніи, на какомъ они и нынѣ есть, до тѣхъ поръ, доколѣ будутъ бить челомъ чрезъ депутатовъ же о сравненіи ихъ съ прочими частями государства.

Собранію изъ различнаго состоянія людей депутатовъ быть, только съ тѣмъ, что, хотя они всѣ вообще къ увеличиванью государственнаго собранія къ составленію благоразумныхъ законовъ и

согласныхъ пользѣ каждаго состоянія способствовать будутъ, но въ самомъ существѣ, чтобъ не они составители законовъ [1]) были, но особливо выбранное изъ нихъ самихъ, или изъ постороннихъ особъ и не въ столь многомъ числѣ состоящее собраніе, и которое бы всѣ полагаемые правы и законы сообразовало съ предположенными отъ Вашего Императорскаго Величества данными генеральными о законахъ правилами и со всеобщею, и не къ одной которой частии клонящеюся пользою; а большое общество депутатовъ тому законоположительному собранію доскональныя свѣдѣнія о всемъ до нихъ касающемся преподавало.

Инако же, когда все множество различнаго состоянія депутатовъ имѣть право будутъ законоположенія, то кромѣ многихъ затрудненій послѣдовать можетъ и то, что всякой изъ нихъ только пользу и выгоды своихъ собратій наблюдать и о томъ пещися будетъ, неразмышляя о вредѣ отъ того происходящемъ въ другихъ частяхъ и во всеобщей связи.

А чтобъ притомъ таковаго государственнаго собранія знатность и важность сохранить, то, сверхъ всѣхъ наблюденій къ оному наружныхъ почтительныхъ обрядовъ, и постановленные уже въ маломъ собраніи законы еще до высочайшей Вашего Императорскаго Величества рѣшительной апробаціи сему общему всѣхъ собранію полагать и тѣ всѣми подписываны быть имѣютъ.

Число депутатовъ мнится опредѣлить слѣдующее: отъ дворянства со всѣхъ тѣхъ городовъ, которыя въ уѣздахъ своихъ настоящихъ дворянъ помѣщиками имѣютъ и онаго дворянства число до 200 человѣкъ и болѣе простирается, быть въ депутатахъ по четыре человѣка; а въ которомъ уѣздѣ сего числа дворянъ и гораздобъ было меньше, то однакожъ въ депутаты выбрать и отправить по 2 человѣка, а не меньше.

Отъ городовъ, кои въ себѣ именитое и знатноторгующее купечество имѣютъ, какъ то Москва, Петербургъ, Ярославль, Калуга, Тула, Казань, Астрахань, Городъ Архангельскъ, Вологда, Смоленскъ, Вязьма, Псковъ, Торопецъ и прочіе, выбрать въ депутаты по 4 человѣка. Отъ прочихъ же городовъ, кои не столь знатноторгующее купечество имѣютъ, по 2 человѣка депутатовъ быть довольно кажется.

---

[1]) Написано было: заповъ, но сверху приписано: ко, кажется, рукою Императрицы Екатерины.

Отъ малыхъ же городовъ, въ которыхъ купцы или такъ называемые посадскіе не торгомъ и купечествомъ, но хлѣбопашествомъ и рукодѣліями промышляютъ, довольно когда съ каждой провинціи только по 2 человѣка депутатовъ будетъ.

Отъ однодворцовъ, пахотныхъ солдатъ и прочихъ разнаго званія людей, кои ландмилицію содержатъ, съ каждой провинціи, гдѣ таковые есть, по 2 человѣка депутатовъ полагается.

Отъ государственныхъ крестьянъ и такъ называемыхъ половниковъ, каковые въ Архангелогородской губерніи находятся, съ каждой же провинціи по 2 человѣка депутатовъ выбрано и отправлено быть имѣетъ.

Отъ иновѣрцовъ магометанскаго и идолопоклонническаго разныхъ вѣръ людей, каковые находятся въ Казанской, Оренбургской, Сибирской и Астраханской губерніяхъ, съ каждой губерніи отъ каждаго народа и каждаго закона по 2 человѣка.

Отъ донскихъ, яицкихъ, волжскихъ и другихъ великороссійскихъ козаковъ отъ каждаго войска по 2 человѣка депутатовъ быть полагается.

Выборъ отъ дворянства и отъ купцовъ по городамъ, такъ равно и по слободамъ и по селамъ, и другихъ вышеписанныхъ званій людей въ депутаты сдѣлать вольнымъ и чтобъ власть градскихъ начальствъ и правительствъ ни въ чемъ въ другомъ вмѣшиваема не была, какъ только въ доведеніи къ немедлительному повелѣннаго окончанію; а паче, чтобъ въ семъ случаѣ богоненавистное мздоимство и мерзкія взятки помѣститься не могли, что всѣми силами въ изданныхъ для сего повелѣнія(хъ) возбранить нужно.

Какой обрядъ и чиноположеніе при выборахъ въ депутаты изъ дворянъ и купцовъ по городамъ наблюдать, о томъ генеральное правило особо приложено; но сіе сообща при публикованномъ манифестѣ губернаторамъ повелѣть, чтобъ каждой изъ нихъ въ своей губерніи особенно отъ себя учинилъ спеціальныя распоряженія, соотвѣтственныя и согласныя всякому людей состоянію, изъ которыхъ выборъ депутатовъ быть долженъ, предписавъ, дабы къ назначенному точно времен(і)и, какъ сами, такъ и подчиненныя имъ мѣста тѣ выборы въ дѣйство произвели.

Въ главнѣйшій же предметъ при выборѣ депутатовъ то наблюденіе положить, чтобъ каждой депутатъ ясное и доскональное свѣдѣніе во всемъ о той части имѣлъ, отъ которой онъ избираемъ бу-

деть; а при томъ сей избираемой честной и добросовѣстной бы человѣкъ былъ.

Что депутаты во все время сочиненія законовъ пребываніе свое имѣть будутъ отлучено отъ своихъ домовъ, а изъ нихъ большею частью могутъ быть люди бѣдные, то неминуемо на то время достаточное каждому по состоянію содержаніе и опредѣлять слѣдуетъ и о томъ предварительно объявить, чтобъ при выборахъ каждой избираемой въ депутаты зналъ, что сія его государству служба въ отягощеніе домашнихъ его обстоятельствъ обращаться не будетъ.

И для того полагается каждому изъ дворянъ выбранному депутату на годовое содержаніе опредѣлить сумму 400 рублевъ.

На содержаніе купеческихъ депутатовъ полагается каждому въ годъ по 120 рублевъ[1]).

Прочимъ же вышеназначеннымъ въ депутаты, какъ то однодворцамъ, государственнымъ крестьянамъ, половникамъ, иновѣрцамъ, козакамъ, каждому на годовое содержаніе по 37 рублевъ полагается.

Однако, ежели полагаемой на годовое содержаніе каждаго званія депутатамъ суммы дворянство, купечество и прочіе въ своемъ обществѣ заблагоразсудятъ добровольно, сверхъ полагаемаго числа, денегъ отправляемымъ депутатамъ на содержаніе прибавить, то сіе оставляется на собственную ихъ волю; а назначенная необходимо надобная къ содержанію сумма неотмѣнно по расположенію съ числа душъ, съ дворянскихъ деревень для депутатовъ отъ дворянъ, а купецкихъ по числу же купечества, почему придетъ, собрана и отправляемымъ депутатамъ отдана быть имѣетъ. Равно для содержанія отправляемыхъ отъ другихъ званій депутатовъ полагаемая сумма по расположенію съ тѣхъ, отъ которыхъ они отправляются, собрана быть же имѣетъ.

Дворянину въ годъ[2])	Рубли
За квартиру	36
На столъ	70
Платье	25
На содержаніе людей	36

[1]) Кажется, здѣсь описка, а нужно 122 р.; см. Предисловіе.

[2]) Разсчетъ написанъ на особой четвертушкѣ бумаги; но я помѣщаю его здѣсь, такъ какъ это всего умѣстнѣе.

	Рубли
На дрова	10
На наемъ пары лошадей	180
На починку коляски	8
На свѣчи	5
За мытье бѣлья	5
Сапоговъ и башмаковъ по парѣ	5
Чай и сахаръ	20
Всего	400
Купцу въ годъ	
За квартиру	24
На столъ	36
На платье	20
На дрова и свѣчи	12
За мытье бѣлья	2
На обувь	4
На содержаніе человѣка	12
На наемъ лошадей	12
Итого	122
Однодворцу, половнику, козаку и прочимъ такого званія.	
Квартира	6
На пищу	12
На наемъ лошади	10
Шуба, кафтанъ, шапка, рукавицы	6
Сапоги	2
Свѣчи	1
Итого	37

Обрядъ о выборѣ депутатовъ.

Каждой губернаторъ, а въ провинціальныхъ и приписныхъ городахъ воевода, какъ скоро состоявшійся манифестъ о сочиненіи правъ и о избираніи депутатовъ получатъ, то не только въ томъ самомъ городѣ по церквамъ и на публичныхъ мѣстахъ, но и во всемъ уѣздѣ по церквамъ же по три сряду воскресные дни читать и объявлять прикажетъ.

А сверхъ того всякая губернская, провинціальная, тожъ и приписнаго города канцелярія по своимъ уѣздамъ въ помѣщичьихъ селахъ и деревняхъ *рассылаетъ по церквамъ* дѣлаетъ объявленіи, гдѣ есть самымъ помѣщикамъ, а, въ которыхъ нѣтъ, то прикащикамъ, старостамъ или кто надъ таковыми деревнями управленіе имѣетъ[1]), дабы въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія къ назначенному числу въ городъ живущіе по деревнямъ сами помѣщики для выбору депутатовъ собрались, а прикащики и управители отсутственныхъ отъ деревень своихъ помѣщиковъ письменныя объявленія доставили, кого они депутатами быть изъ дворянъ своего уѣзда удостоиваютъ, или же за незнаніемъ своего уѣзда дворянъ на выборъ прочихъ полагаются. На все сіе до дня выбору положить времени 4 недѣли, считая отъ втораго публикованія манифеста.

Отсутственной отъ своихъ деревень, или немогущій за болѣзнью быть при выборѣ дворянинъ можетъ письменно свойственнику или сосѣду своему повѣрить выбирать въ депутаты того изъ дворянъ, кого онъ достойнымъ и способнымъ къ тому быть находитъ, или отсылаетъ прямо имя удостоеваемаго имъ въ свой городъ къ губернатору или воеводѣ, гдѣ выборъ депутатамъ производимъ быть имѣетъ. Равнымъ образомъ и женщины дворянки, вотчины имѣющія, посылаютъ въ свои уѣздные города къ начальникамъ письменныя объявленія, кого и онѣ депутатами быть отъ своего уѣзда удостоиваютъ; таковыя объявленія равно прочимъ голосамъ или балламъ почесться долженствуютъ. Иначе же тѣ помѣщицы даютъ свои къ выбору голоса и письменно сосѣдямъ или свойственникамъ.

Чтобъ всѣ находящіеся въ отсутствіи отъ деревень своихъ помѣщики скорѣй требуемыя о выборѣ депутатовъ объявленія въ свои уѣздные города, гдѣ таковыхъ деревни находятся, доставили, нужно во всѣ правительства и команды указами потвердить[2]).

Когда же нѣкоторые изъ помѣщиковъ, по дальнему отъ своихъ уѣздныхъ городовъ, а потому и отъ деревень отсутствію, къ назначенному для выбору депутатовъ числу ни сами пріѣхать, ни о удостоинствѣ другихъ повѣренностей прислать не ускорятъ, то за

---

[1]) Слова: отъ «гдѣ есть» до «имѣетъ» подчеркнуты и, судя по цвѣту чернила, черта проведена Императрицею Екатериною.

[2]) Этотъ пунктъ весь написанъ на поляхъ и при немъ поставленъ значекъ №; хотя въ текстѣ соотвѣтственнаго значка и нѣтъ, но легко видѣть, что этому пункту мѣсто именно здѣсь.

онными назначеннаго уже дня для выбору не отмѣнять, но выборъ произвесть наличными и съѣхавшимися въ городъ дворянами и по присланнымъ отъ отсутствующихъ помѣщиковъ о удостоинствѣ въ депутаты повѣренностямъ, сколько таковыхъ въ полученіи будетъ.

Между тѣмъ какъ публикація манифеста продолжается, начальникъ города: губернаторъ или воевода назначаетъ мѣсто въ городѣ, гдѣ выбору быть, избравъ для сего или домъ канцеляріи, или ратушу, или другое какое къ тому удобное мѣсто, *и велитъ о томъ прибить листы въ публичные мѣста (какъ то* [1]*) гдѣ указы прибиваютъ.*

Въ коемъ поставится столъ, на которомъ поставлены два ящика или большіе стаканы, изъ коихъ на одномъ подписать: быть, а на другомъ: не быть, *и ставятъ быть на право не быть на лево* [2]). А къ симъ приготовляются нѣсколько небольшихъ шаровъ или баловъ. А притомъ начальникъ города всѣмъ имѣвшимъ въ его уѣздѣ дворянамъ приготовляетъ вѣрную роспись, *написавъ тѣхъ напередъ въ роспись которыя первыя (публикація* [3]*) въ городъ прибыли.*

А какъ все дворянство къ назначенному дню въ городъ съѣдутся, то накапунѣ дня выбору бываетъ *паки публикація* (всѣмъ повѣстка[4]), чтобъ на другой день всѣ собрались въ Соборную церковь въ назначенный часъ для слушанья литургіи и молебна, куда по повѣсткѣ на другой день все дворянство и собирается. По отпѣтіи же литургіи имѣетъ быть пѣтъ молебенъ Святому Духу, послѣ чего отправить освященіе воды, а по окропленіи оною всѣхъ[5]) читанъ быть имѣетъ паки высочайшій манифестъ о сочиненіи правъ и избраніи депутатовъ; причемъ всѣ собравшіеся по приложенной при манифестѣ формѣ присягаютъ въ томъ, что они предлежащій выборъ депутатовъ дѣлать будутъ, какъ истинные и вѣрные слуги Государя и дѣти Отечества, и изберутъ въ депутаты отъ своихъ собратій [6]) такихъ, которыхъ они по чистой совѣсти честными и добросовѣстными людьми быть поставляютъ.

---

[1]) Написано Императрицей Екатериной и зачеркнуто.

[2]) Слова «быть» и «не быть» въ этой фразѣ подчеркнуты.

[3]) Это слово написано Императрицею Екатериною и имѣетъ отношеніе къ дальнѣйшему тексту; но она его зачеркнула, написавъ ниже, чтобы дать мѣсто большой припискѣ.

[4]) Эти слова не зачеркнуты Императрицей, а лишь подчеркнуты.

[5]) Не разобравъ слова «окропленіи», переписчикъ написалъ: «отправленіи» и послѣ слова «всѣхъ» поставилъ точку; это осталось неисправленнымъ.

[6]) Переписчикъ написалъ «собраній» и это тоже не было исправлено.

По окончаніи присяги все дворянство съ благочиніемъ и тихостью идутъ *по два въ рядъ* въ назначенной для выбору домъ, подъ предводительствомъ того города начальника, то есть воеводы или губернатора. А по прибытіи туда всѣ помѣщаются не по преимуществу чиновъ, но яко равные между собою люди. По семъ начинаютъ съ тихостію выборъ Губернаторъ или воевода, имѣя именную роспись, *а на роспись моложе двацети лѣтъ никого ненапишутъ* назовутъ перваго по оной имя, то собравшееся дворянство кладутъ одинъ послѣ другаго розданные имъ шары въ одинъ изъ поставленныхъ на столѣ ящикъ или стаканъ, которые въ то время накрыты сукномъ бываютъ, какъ кто разсудитъ, съ тѣмъ что названной по росписи по его чистой совѣсти можетъ ли быть или не быть депутатомъ? Когда же симъ порядкомъ все собраніе одинъ послѣ другаго шары свои положитъ, то начальникъ города при всѣхъ явно снимаетъ сукно и высыпаетъ шары; сперва изъ того ящика, на которомъ быть подписано, а притомъ объявляетъ и отсутственныхъ дворянъ голоса на того, кого выбирали (буде таковые случатся), и, пріобща тѣ къ числу баловъ одобренія, въ росписи противъ имени записываетъ. Равно-жъ, сочтя балы и изъ ящика не быть, при всемъ собраніи въ росписи противъ имени записываетъ. Симъ образомъ оканчивается выборъ до послѣдняго имени собравшихся и въ росписи написанныхъ дворянъ. А сіе все исполнятъ съ тихостію и молчаніемъ.

Равно сему во всемъ и со всѣми тѣми наблюденіями по городамъ дѣлаютъ выборъ депутатамъ и купечество, которые сбираются въ Соборную же церковь по десятнямъ, предводительствуемы своими начальниками; а выборъ производятъ подъ руководствомъ магистратскаго президента или, гдѣ таковыхъ нѣтъ, подъ смотрѣніемъ бургомистра въ магистратѣ или на ратушѣ.

Прочіе жъ въ слободахъ и селеніяхъ съ наблюденіемъ всего, что о службѣ Божіей и о присягѣ предписано, дѣлаютъ выборъ по жеребьямъ или какое къ тому по ихъ обычаямъ средство и способъ изберутъ; лишь бы все то съ благочиніемъ исполнялось и желаемыхъ качествъ депутаты избраны были.

Равнымъ образомъ (магометане и разныхъ вѣръ идолопоклонники могутъ избирать депутатовъ съ своими къ тому обрядами) *подданные наши какого бъ (тѣ*[1]*) законна не были такъ же Махо-*

[1]) Написано Императрицею Екатериною и зачеркнуто.

метанѣ и (ид[1]*) разныхъ вѣръ идолопоклоники могутъ выбирать депутатовъ по своимъ обрядамъ*; для чего и нужно губернаторамъ, какъ для государственныхъ крестьянъ, такъ однодворцовъ, пахотныхъ солдатъ и половниковъ, такъ и для сихъ иновѣрцовъ, каждому въ своей губерніи, гдѣ таковые есть, сдѣлать спеціальныя о выбору *въ ихъ селеніяхъ* распоряженія, согласуясь ихъ обрядамъ.

А какъ отъ малыхъ городовъ, отъ однодворцовъ, пахотныхъ солдатъ и прочихъ содержащихъ ландмилицію, тожъ отъ государственныхъ крестьянъ и отъ половниковъ только по 2 человѣка депутатовъ выбрать полагается, то тѣмъ однакожъ не меньше всѣ города, волости и слободы съ предписанною по ихъ обычаямъ чиновностью каждая отъ себя по два человѣка депутатовъ избрать имѣетъ [2]), и въ провинціальной городъ отправить, гдѣ изъ оныхъ уже провинціальной воевода, сдѣлавъ по сущей справедливости по жеребью или бало(н)тированьемъ выборъ самыхъ лучшихъ и свѣдущихъ объ всемъ людей, въ коммисію о сочиненіи законовъ отправляетъ. Равно такъ самое и о разнонародныхъ иновѣрцахъ разныхъ законовъ предписывается, которыхъ отъ каждой губерніи и съ каждаго народа и закона по два человѣка депута(*то*[3])въ отправить полагается.

Что же до донскихъ, яицкихъ, волжскихъ и другихъ великороссійскихъ козаковъ касается, онымъ такъ какъ и всѣмъ другимъ, кромѣ иновѣрцовъ, исполненіе церковныхъ молитвъ и присяги предписывается. А порядокъ выбора жеребьемъ ли то или голосами или иначе по ихъ обычаямъ произвесть оставляется каждому войску на волю; только бъ и отъ нихъ избранные депутаты были о всѣхъ обстоятельствахъ свѣдущіе.

Форма присягѣ.

Клятвенное обѣщаніе.

Я нижеименованный обѣщаюся и клянуся предъ Господомъ Всемогущимъ Богомъ Вседержителемъ, что хощу и долженъ при предлежащемъ выборѣ въ депутаты къ сочиненію законовъ такъ

---

[1]) Тоже.

[2]) Слова: «по два» до «имѣетъ» приписаны на поляхъ.

[3]) Исправлено рукою Императрицы Екатерины.

себя вести и въ ономъ выборѣ поступать, какъ истинному и вѣрноподданному рабу Ея Императорскаго Величества и прямому сыну Отечества надлежитъ. И ни для какой собственной корысти, свойства, дружбы и вражды противу должности, присяги и совѣсти не поступлю. Избирать буду въ депутаты такихъ, которые прямо сію должность отправлять могутъ и которыхъ я признаю по собственному своему разсмотрѣнію честными, добросовѣстными и свѣдущими людьми и что они въ семъ возлагаемомъ на нихъ дѣлѣ, согласно всевысочайшему Ея Императорскаго Величества о всеобщей пользѣ Отечества намѣренію достойно и ревнительно споспѣшествовать могутъ. Если же при семъ выборѣ въ депутаты пристрастно или ослабно поступлю, подвергаю себя, какъ невѣрный рабъ Ея Императорскаго Величества и нерадивый о собственной своей и всего Отечества пользѣ и благѣ, въ нынѣшней жизни всеобщему своихъ сограждан презрѣнію, а въ будущей предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ отвѣту. Въ чемъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

Румынскія доблести

Довольно обширный и многолюдный край, извѣстный теперь подъ именемъ «Румынскаго Королевства», долгое время мало былъ извѣстенъ въ Россіи. Для того мы считаемъ нужнымъ напомнить нашимъ читателямъ, что онъ лежитъ между Дунаемъ, Прутомъ и Карпатскими горами и граничитъ съ запада съ Австрійско-Семиградскою областью или Трансильваніею, а съ сѣвера съ Бессарабіею, т. е. Россіею. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, родныхъ по происхожденію и языку народностей, но почти всегда враждебныхъ другъ другу: Валахіи и Молдавіи. Часть послѣдней подъ именемъ Бессарабіи съ 1813 г. принадлежитъ Россіи. Южная часть этой части между Днѣстромъ и «Траяновымъ валомъ» была совершенно другаго происхожденія и обитаема совершенно другими жителями не румынскихъ родовъ. Это Буджакъ, обиталище, а до 1807 года кочевье орды ногайцевъ. Это нынѣшній Аккерманскій, частью Бендерскій и частью бывшій Кагульскій уѣзды Бессарабской Губерніи. Часть западной Бессарабіи по Днѣстру называлась «Хотинской раіей» и принадлежала собственно султанскому двору, а южная обитаемая татарами или Буджакъ—Портѣ Оттоманской только какъ сюзерену, а составляла въ сущности удѣлъ или чефликъ Крымскихъ Хановъ до конца 1770 годовъ.

Таковъ былъ край, называемый теперь «Румыніей»; и многимъ Русскимъ людямъ, мало знакомымъ съ исторіей южной Россіи, любопытно будетъ узнать значеніе этого наименованія Молдавіи и Валахіи. Мы постараемся объяснить это имя по возможности. Турки, завоевавъ въ теченіе XV-го и XVI-го столѣтій всѣ земли Византійской Имперіи и Италіи въ Крыму и на Азовскихъ берегахъ, которую они называли *Румъ*, т. е. Римомъ, оставили за нѣкоторыми частями Имперіи еще живое для нихъ страшное имя Римской провинціи. Такимъ образомъ собственно Грецію называлась да и доселѣ называется у нихъ *Румъ*, городъ Неаполь въ пров. Морей *Наполи ди Романи*, а вся бывшая Македонія и часть древней Болгаріи называлась Румеліей и такъ называется и доселѣ. Но *Румали*, или Румы, какъ нація, обитавшая въ упомянутомъ нами краѣ, никогда не назывались такъ въ старые годы. Это имя скорѣе книжное, или хоть письменное,

но не народное. Одна часть края называется Валахіей, а въ народѣ Муптованами, т. е. горцами, изъ чего Поляки и сдѣлала свое ей названіе *Multany*, или Молдавія дальняя. Нѣтъ сомнѣнія, что названіе Молдавіи и Молдаванъ весьма новое и произошло отъ р. Молдавы, какъ говорятъ историки Польши XVI столѣтія. Но откуда явилось названіе «Валаховъ», «Валахіи» или *Волоши*, какъ называли ихъ воевавшіе съ ними козаки и поляки—опредѣлить трудно. Есть указаніе у Лелевеля и другихъ польскихъ историковъ, что это имя *доисторическое* и произошло отъ Галловъ—тѣхъ Галловъ, коихъ имя пріурочено къ автономамъ: въ Валлійскомъ княжествѣ въ Англіи, въ Галиціи Испанской и даже въ Галичѣ Червонной-Руси. Отъ того нѣкоторые этнографы полагаютъ, что горные Румуны хотя говорятъ однимъ языкомъ съ Молдаванами и исповѣдуетъ одну православную вѣру, называются Волохами или Влахами [1]), а сосѣдніе съ Бессарабіей Молдаване отъ долинъ р. Молдавы, гдѣ они первоначально поселились. Но этотъ вопросъ мы рѣшать не смѣемъ.

Другой вопросъ, кто были первобытные или автономные жители Румынскихъ княжествъ? доныхъ поръ не разрѣшенъ. Древніе и средневѣковые писатели называютъ край этотъ «Дакіей», а главную часть жителей считаютъ Римскими колонистами, т. е. легіонами, пограничными съ тѣми изъ провинцій, куда они были въ наказаніе высылаемы, подобно нашимъ поселенцамъ Сибири. Въ числѣ ихъ былъ и Овидій, злополучный поэтъ и царедворецъ Рима. Въ письмѣ знаменитый поэтъ говоритъ о степяхъ Румуніи и Бессарабіи:

Solitudo Gaetarum
Inermis et inaquosa.

А въ другомъ письмѣ, что варвары къ которымъ его сослали, считали его за «варвара»—незнакомаго даже съ туземнымъ языкомъ. Barbarus hic ego sum quia non intelligor ulli (Ovid. Trist. ex Pont. X). Онъ-бы не могъ сказать этого, если-бы жилъ среди Римлянъ, вольныхъ или сосланныхъ единоземцевъ.

Но мы имѣемъ еще два неоспоримыхъ документа о томъ, изъ какихъ элементовъ составилось существующее народонаселеніе Румыніи. Это этнографическій его составъ въ отношеніи земли, имъ заселенной, и его языкъ. На этотъ послѣдній вопросъ мы имѣемъ довольно серьезное указаніе *Г. Гинкулова* въ его сочиненіи — на Русскомъ языкѣ — объ элементахъ Румынскаго языка [2]). Вотъ что онъ говоритъ на стр. XIII своего предисловія:

«Вообще, въ отношеніи къ количеству словъ, составляющихъ языкъ Румынскій, можно допустить слѣдующую приблизительную пропорцію: отъ

[1]) Любопытно то обстоятельство, что Поляки, слушая разговоръ Итальянцевъ, нагрянувшихъ на Польшу въ XVI в. вмѣстѣ съ королевою Боной-Сфорца, думали, что они говорятъ по валашски, и съ того времени Итальянцевъ Поляки называютъ Wlochy.

[2]) *Начертаніе правилъ Валашско-Молдавской грамматики Г. Гинкулова*. Спб. 1840 г.

$^4/_{10}$ до $^5/_{10}$ словъ въ немъ латинскихъ, около $^3/_{10}$ Славянскихъ, остальныя же заимствованы большею частью изъ языковъ: венгерскаго, турецкаго и греческаго». Но о древнемъ языкѣ туземномъ: гетскомъ и дакійскомъ—не сказано ни слова, хотя цѣлыя сотни словъ и названій молдавскаго языка явно не принадлежатъ къ упомянутымъ языкамъ, а имѣютъ корень въ автономномъ нарѣчіи,—какъ самое названіе Бессарабіи, ибо поэтъ Овидій въ своихъ Tristitia называетъ знакомыхъ ему варваровъ «Бессами». Въ настоящее время судить объ этомъ вопросѣ очень трудно, ибо такъ называемый книжный языкъ у Молдаванъ представляетъ такую смѣсь разныхъ языковъ и нарѣчій, что въ немъ разбираться трудно и безполезно.

Гораздо важнѣе для этнографа Румыніи изученіе географическихъ названій мѣстности, хотя бы напр. въ XVIII столѣтіи, на что имѣются документы въ атласахъ. Такъ въ картѣ Молдавіи 1811 года, изданной въ Вѣнѣ абб. *Гербертомъ* по чертежамъ русскаго инженера *Боура* (1787—1796), мы находимъ чисто русскія или славянскія названія урочищъ, именно: Братунны, Слободи, Глубоко, Солонци, Млады, Кожуши, Коросты, Липовецъ, Владычно и др., рядомъ съ полу-румынскими и полу-славянскими названіями: Вале-Солонци, Вале-Добри, Вале-Соколы, и чисто латинскими: Фогли, Ларги, Гальбин, Галети, Ридни; и это встрѣчается на всякомъ шагу въ сѣверныхъ, т. е. чисто молдавскихъ уѣздахъ.

Но есть имена урочищъ, рѣкъ, долинъ (балоне, вале) и слѣдовательно селеній, гдѣ звучатъ невѣдомыя для насъ названія, вѣроятно туземнаго автономнаго происхожденія,—быть можетъ отъ тѣхъ Гетовъ, Даковъ и даже «Скифовъ», отъ которыхъ и самую страну Овидій называетъ *solitudo Getarum*. Таковы: Балчане, Колцуне, Гинкулъ, Чучулея, Кацалея и т. д.

Мы уже не напоминаемъ о Татарскихъ названіяхъ мѣстностей собственно въ степяхъ Буджака, т. е. южной части Бессарабской губерніи, напр.: Дручинжъ, Чимышлія, Абаклы, Садыклы, Татаръ-Кончакъ, Акманкитъ, Байрамча и др., такъ какъ они появились едва въ XV или XVI столѣтіи, т. е. послѣ завоеванія этой части Южной Россіи Турками и ихъ вассалами—Крымскими и Ногайскими Татарами. Самое названіе главнаго города Бессарабіи—Кишиневъ (Кишла-невъ), т. е. новое селеніе, есть уже смѣсь татарскаго съ латинскимъ, а названіе рѣки Быкъ славянскаго происхожденія.

Но возвращаемся къ языку Румынскихъ народностей, особенно-же къ славянскому. Славянскій языкъ (преимущественно болгарское нарѣчіе) и его письменность имѣютъ большое вліяніе на обитателей Румыніи по слѣдующему обстоятельству. Г. Гинкуловъ говоритъ (1 с. стр. XIV), что «славянская азбука была введена въ молдавскій письменный языкъ въ XV столѣтіи, когда стараніемъ митрополита Ѳеоктиста при Молдавскомъ господарѣ Александрѣ Добромъ въ богослужебныхъ книгахъ ла-

тинскія буквы замѣнены славянскими, да и самый языкъ по немногу введенъ въ употребленіе. Тогда церковныя книги, господарскія грамоты и другіе акты болѣе двухъ столѣтій были писаны и даже печатаны; да и самое богослуженіе въ церквахъ совершалось на языкѣ Дунайскихъ Славянъ (Болгарскомъ)[1]. Но, прибавимъ, что въ то-же время не только народы Румыніи, но и самое духовенство (большею частью) языка Славянъ не понимало. Далѣе почтенный авторъ присовокупляетъ: «Только во время Россійскаго въ княжествахъ управленія (въ 1830 году) правительство наше обратило бдительное вниманіе и на народное образованіе, и вслѣдствіе этого заводило училища, предпринимало періодическія изданія, словомъ дало толчекъ національному просвѣщенію».

А въ политическомъ отношеніи что сдѣлала Россія, т. е. Русское правительство для пользы, спокойствія и развитія въ Румынскихъ княжествахъ—увидимъ ниже.

Предшественники нашихъ полковъ въ юго-западной Россіи: козачество, Литва, а послѣ и Польша въ XVI и XVII столѣтіи имѣли съ владыками-завоевателями Румыніи — Турками и Татарами многія и многія войны. Вся исторія этихъ двухъ столѣтій наполнена событіями разныхъ, всегда почти пагубныхъ и для края и для непріятеля, чисто набѣдническихъ, можно сказать, подвиговъ не только воиновъ запорожскихъ, но даже гетмановъ и королей польскихъ на эти злополучныя области. Всѣмъ извѣстна катастрофа, постигшая короля польскаго Іоанна Альберта въ 1498 году въ лѣсахъ Буковины, гдѣ вся почти его армія погибла и самъ Король едва не палъ, и если Польша не была разорена Валахами, Турками и Татарами—то единственно благодаря жестокой и внезапной зимѣ, постигшей нападавшихъ. Затѣмъ всѣ рыцари—т. е. главные и меньшіе гетманы: Конецпольскій, Замойскій, Жолкѣвскій и др. пробовали счастья завоевать для Польши, или лучше сказать для себя Молдавію. И всѣ эти набѣзды оказывались или безплодны или гибельны для набѣздниковъ: Кн. Вишневецкаго замучили въ Константинополѣ, Жолкѣвскаго убили подъ Цецорой въ Бессарабіи.

Россія, какъ держава еще не порубежная, позже другихъ выступила на этомъ поприщѣ. Всѣмъ извѣстно, что первые военные шаги наши въ этомъ краѣ были весьма для насъ тягостны, хотя руководилъ ими безсмертный монархъ Петръ В. Мы говоримъ о такъ называемомъ Прутскомъ походѣ, предпринятомъ по убѣжденію турецкаго Эмира—Молдавскаго воеводы князя Кантеміра и въ надеждѣ на его содѣйствіе и на помощь Румынъ въ доставленіи—разумѣется за деньги—продовольствія и другихъ припасовъ; о военной-же помощи Молдаванъ и рѣчи не было. Но всѣ обѣщанія исчезли какъ дымъ, когда Русская армія явилась на берегахъ Прута —

[1]) Лучшимъ памятникомъ вліянія славянскаго языка въ Румыніи можетъ служить самое названіе высшихъ тамъ должностей: господарь (хозяинъ), бояре, справникъ.

и при устьяхъ Дуная. Подъ предлогомъ засухи и саранчи войска наши не получали ни хлѣба, ни фуража, не смотря на громадныя суммы, отпущенныя поставщикамъ, и самъ Кантемиръ, не имѣвшій въ княжествахъ никакого значенія, долженъ былъ спасаться въ рядахъ русской арміи, чтобы его собственные подданные не выдали его султану. Но эта кампанія слишкомъ извѣстна всякому Русскому, чтобы еще разъ повторять злополучный ей эпизодъ. Ея послѣдствіемъ было заключеніе съ Турками Прутскаго договора 12 іюля 1711 г., съ потерею Азова и крѣпостей, построенныхъ русскими на берегахъ Азовскаго моря и Днѣпра, и въ томъ числѣ и новаго города на мысѣ Таганрогѣ.

Тоже горькія событія принесла намъ кампанія, окончившаяся бѣлгородскимъ договоромъ 16 Августа 1739 г., не смотря на храбрость русской арміи и побѣды Миниха — взятіе Очакова и Кинбурна, затѣмъ и всей почти сѣверной Бессарабіи. Но русскія войска не могли проникнуть къ югу Бессарабіи, покорить Буджакъ, прогнать въ Крымъ Ногайцевъ и занять Аккерманъ, Бендеры и другія меньшія днѣстровскія крѣпости. Напрасно Лассн билъ хана Крымскаго и разорилъ его владѣнія. Но, благодаря лживой союзницѣ — Австріи, спѣшившей заключить отдѣльный мирный договоръ съ Турціей во вредъ Россіи, русская армія должна была отступить и не спасти ничего изъ Петровскихъ завоеваній,—а главное—не дозволили намъ достигнуть завѣтной мечты Великаго Царя — свободнаго плаванія по Азовскому и Черному морямъ русскимъ, даже торговымъ кораблямъ.

Здѣсь въ первый разъ политическія сношенія Россіи съ Турціей на счетъ Румынскихъ областей опредѣляются категорически. Такъ дополнительными къ бѣлградскому трактату договорами въ Ниссѣ и Константинополѣ 3-го Октября и 28-го Декабря 1739 года опредѣлено: «Крѣпость Хотинъ и всѣ мѣста, занятыя Россіянами въ *Молдавіи*, будутъ возвращены Турціи въ такомъ положеніи, въ какомъ они находились».

Изъ этого договора всѣмъ намъ видно, что Румынія, какъ держава, за 100 лѣтъ не существовала, а ея области возвращаются, какъ утраченная, временно, ея собственность.

Но наши серьезныя политическія сношенія съ Румыніей, или лучше сказать—за Румыновъ начались въ царствованіе Императрицы Екатерины II и продолжались уже болѣе столѣтія — но для ихъ только пользы. Всѣмъ извѣстны достославные договоры, заключенные съ Турціей въ 1774 и въ 1791 годахъ. Въ первомъ, т. е. Кучукъ-Кайнарджинскомъ трактатѣ 10 іюля 1774 года ст. XVI въ 10-ти параграфахъ выражены категорически всѣ тѣ милости, которыя излиты Россіей княжествамъ Молдавскому и Валахскому, добыты жертвой тяжкой войны (1769—1774 г.) съ могущественною тогда Турціей, при поддержкѣ еще ея нашей милой союзницей, — и

жертвъ крови нашего благороднаго русскаго войска и многихъ милліоновъ рублей затраченыхъ на сіи наши кампаніи. Мы списываемъ здѣсь дословно нѣкоторые пункты такихъ договоровъ, чтобы показать современникамъ, какія тяжкія жертвы несло наше отечество для пользы, или лучше сказать политическаго воскресенія православныхъ, хотя и чуждыхъ намъ по языку и обычаямъ народовъ[1]).

«§ 1. Порта возвратитъ княжествамъ всѣ права и преимущества, какими они пользовались до начала войны.

«§ 3. Возвращены будутъ всѣ земли, занятыя во время войны съ Турками, принадлежавшія монастырямъ и частнымъ лицамъ, въ округахъ: Браиловскомъ, Хотинскомъ и Бендерскомъ.

§ 6. Порта не будетъ требовать отъ жителей княжествъ никакой уплаты старыхъ долговъ.

§ 9. Господари сихъ княжествъ будутъ имѣть при Константинопольскомъ Дворѣ уполномоченныхъ отъ себя, съ коими Порта должна поступать благосклонно, какъ съ особами, пользующимися правами народными.

§ 10. Россійскіе посланники при Портѣ имѣютъ право дѣйствовать, если встрѣтятъ въ томъ надобность, въ пользу княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Но «угнетеніе» Россіей Румынскаго «народа» (говоря языкомъ нынѣшней Молдавской интеллигенціи[2]) еще этими милостями не удовольствовалось, какъ видно изъ слѣдующихъ строкъ предварительнаго договора съ Турціей 27 Декабря 1789 года (§ 4), которымъ Императрица Екатерина II потребовала отъ Турціи: «согласія на то, чтобы изъ Молдавіи и Валахіи образовано было независимое государство, коего Монархъ будетъ Греческой вѣры»[3]).

Такъ желало и дѣйствовало наше благородное и великодушное правительство, но союзница Россіи въ этой войнѣ Австрія, видя свои арміи вездѣ разбитыми Турками, воспользовалась благовиднымъ предлогомъ смерти своего Императора Іосифа II и предложила Турціи миръ, пренебрегая военными успѣхами, а тѣмъ болѣе явными интересамъ, предоставляя Россіи одной вѣдаться съ огромнымъ тогда и стойкимъ войскомъ Оттомановъ. Австрія не могла допустить осуществленія такого предложенія Россіи, — мысли объ учрежденіи независимаго государства въ 6.000.000 жителей на Дунайской границѣ, по вѣрѣ и преданіямъ естественныхъ союзниковъ Русскихъ, считая ее угрозой для своего непрочнаго и такъ существованія въ срединѣ Европы—и война продолжалась.

---

[1]) Краткое изложеніе дипломаціи Россійскаго двора соч. И. Кайданова. Спб. 1833 ст. 32—36.

[2]) Статья написана уже давно.

[3]) См. Кайдановъ стр. 67.

Къ счастію и тогда, какъ и теперь, Россія не нуждалась въ союзникахъ, хотя тогда ея армія не была еще велика и едва устроилась по образцу Фридриха В. Послѣ Румянцева, въ 1790 годахъ были во главѣ ея Кутузовъ, Потемкинъ и главный безсмертный истинно-русскій витязь Суворовъ. Ихъ побѣды въ полѣ, взятіе штурмомъ Очакова и Измаила и вслѣдъ за ними крѣпостей придпѣстровскихъ рѣшили кампанію и открыли для Имперіи блистательную политическую будущность. Къ несчастію, хотя Ясскимъ договоромъ 29-го Декабря 1791 года русскій рубежъ на югѣ шелъ по Днѣстру, но Бессарабія до 1812 года, какъ часть Молдавіи, вмѣстѣ съ обоими княжествами возвращена Турціи. Статья IV этого достославнаго договора гласитъ:

«Россія возвращаетъ Турціи Бессарабію, Бендеры, Аккерманъ, Килію и Молдавію съ тѣмъ, чтобы Турція исполняла всѣ обязанности, принятыя ею на себя по прежнимъ договорамъ въ отношеніи княжества Молдавскаго»[1]).

Какъ дополненіе къ предыдущей благодѣтельной статьѣ договора въ пользу Румыновъ можетъ служить слѣдующая конвенція съ Турціей 12 Сентября 1802 года:

«Господари Молдавіи и Валахіи должны пребывать въ своемъ достоинствѣ семь лѣтъ, считая со дня утвержденія ихъ въ ономъ. Прежде истеченія сего срока Порта не имѣетъ права смѣнять ихъ, если только они не будутъ обличены въ явномъ какомъ либо преступленіи и въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противу султана. Если-же случится сіе, то Порта должна предварительно увѣдомить о томъ Россійскаго посланника, находящагося при дворѣ, который, совокупно съ чиновниками Султана, разсмотритъ дѣло Господаря, и буде найдетъ его дѣйствительно виноватымъ, изъявитъ Диванy согласіе на смѣненіе его»[2]).

Эта замѣчательная «Конвенція» была краеугольнымъ камнемъ защиты политической и слѣдственно будущаго развитія полу-автономныхъ Румынскихъ княжествъ. Но Россіи предстояла новая война съ Турціею, именно отъ возложеннаго выше русскаго покровительства. По обычаю, турки не церемонились, подстрекаемые французскимъ правительствомъ,—какъ въ 1850 и 1870 годахъ англійскимъ и австрійскимъ правительствами,—нарушили конвенцію, смѣнивъ безъ согласія Россіи господарей Мурузи и Инсилати. Война снова возгорѣлась на сушѣ и на морѣ и продолжалась почти 5 лѣтъ, не смотря на подвиги Кутузова, Сенявина, Каменскаго и др. Война эта въ тѣхъ-же предѣлахъ и за тѣ-же вопросы была для Россіи тяжелымъ бременемъ, ибо, не смотря на Тильзитское свиданіе и договоръ съ пугаломъ Европы Наполеономъ I, Франція съ огромной своей арміей и съ войсками

[1]) См. стр. 71.
[2]) Ibid. стр. 134.

половины Европы напала на Россію въ 1812 году и вызвала на помощь и силы Порты. Турки въ этомъ случаѣ были жертвою, были всюду побиты, а плодомъ русскихъ подвиговъ было пріобрѣтеніе Бессарабіи, сѣверной т.е. части Молдавіи и южной—Ногайскихъ и Буджакскихъ степей и крѣпостей по Днѣстру, именно: Хотина, Бендеръ и Аккермана. Тогда Россія подтвердила всѣ трактаты къ положенію Молдавіи и Валахіи законными съ присовокупленіемъ очищенія ихъ отъ турецкихъ войскъ и учрежденія собственной народной милиціи. Такимъ образомъ столь важный для Россіи Букарестскій трактатъ, 12 Мая 1812 года, благодаря храбрости нашихъ войскъ, доблести генераловъ и правду сказать усиліямъ дипломатовъ, былъ заключенъ и миръ съ Турками продолжался болѣе 16 лѣтъ сряду.

Вотъ перечень жертвъ и стараній Русскаго двора въ теченіи 50 слишкомъ лѣтъ въ пользу полудикой области, богатой отъ природы, но народы которой, за исключеніемъ святыхъ истинъ православной Христовой церкви, были погружены въ тьму варварства подъ игомъ не только мусульманскихъ владыкъ, но и своей собственной интеллигенціи, воспитанной въ австрійскомъ и французскомъ развратѣ. Но, благодаря упомянутымъ выше, а тѣмъ болѣе близкимъ къ намъ трактатамъ, русское покровительство, обезпечивая безопасность извнѣ и внутри княжества, развило въ Румынахъ и желаніе просвѣщенія духовнаго и свѣтскаго. Но до какой степени еще ихъ безопасность даже въ началѣ текущаго столѣтія была непрочна, мы увидимъ ниже изъ прилагаемыхъ подлинныхъ документовъ, самими Румынами писанныхъ.

Мы вполнѣ увѣрены, что тяжкая война Крымская и недавняя кампанія за невольныхъ Болгаръ слишкомъ извѣстны всѣмъ не только въ Россіи но и во всей Европѣ, чтобы доказывать ихъ вліяніе на благоденствіе княжествъ и на ихъ совершенную неблагодарность къ своимъ спасителямъ и освободителямъ. Довольно вспомнить, какъ сдѣлавшись пріятелями Англичанъ и разумѣется дорогихъ нашихъ союзниковъ, они добились уступки имъ части Бессарабіи на ея главнѣйшемъ рубежѣ — именно устьевъ Дуная отъ Измаила до Систова. Вспомнимъ тѣ безстыдныя жалобы и іереміяды, когда по Берлинскому трактату по-Дунайская Бессарабія возвращена Россіи побѣдительницѣ. Вспомнимъ, наконецъ, и ту дерзость Румыновъ, когда, вызвавъ удаленіе войска изъ княжествъ, они собирались съ оружіемъ въ рукахъ не допускать Болгаръ въ опредѣленныя имъ земли и крѣпости. Но Россія продолжала заботиться о своихъ молдавскихъ подданныхъ и еще недавно уничтожила крѣпостное, т. е. чисто рабское землевладѣніе въ Бессарабіи[1]).

[1]) Въ 1830 годахъ мы видѣли сами въ Бессарабіи даже цѣлыя сотни этихъ рабовъ только съ названіемъ крѣпостныхъ цыганъ; всѣ почти слуги у бояръ и помѣщиковъ набирались изъ этого злосчастнаго народа.

Вотъ перечень, повторимъ, тѣхъ безмѣрныхъ и плодотворныхъ милостей, которыми надѣлила Россія оба княжества, жертвъ войнъ и побѣдъ надъ Турками. Но внутренніе распорядки заведенные, Русскимъ правительствомъ, введеные послѣ войны для возрожденія княжествъ послѣ цѣлыхъ столѣтій политическаго и домашняго рабства, отъ безчинствъ бояръ, варварства народа, грубаго, но трудолюбиваго и честнаго,—но истинѣ безчисленны и скоро приносили плоды сторицей. Учрежденные Россіей «диваны», подъ руководствомъ такихъ государственныхъ людей, какъ графъ Ф. П. Паленъ, а послѣ Киселевъ, поборолн почти всѣ накопившіяся вѣками злоупотребленія, хищничество и духовное безвѣріе. Эти государственные люди увѣряли (что и и самъ лично слышалъ), что простой молдавско-валахскій людъ, не смотря на вѣковое рабство, имѣетъ всѣ элементы добра: трудолюбіе, семейныя добродѣтели, вѣру въ Бога и его православную церковь — но очень тугъ къ «просвѣщенію», на грамоту и книжный разумъ, высшіе же классы, бояре и бей-зая (князья[1]), то что теперь называются интеллигентами, хотя воспитаны вѣнскими и парижскими учителями, а еще болѣе учительницами (актрисами, танцовщицами и т. д.), никогда ни къ чему не способны, кромѣ интригъ и разврата. Это утверждалъ уже 50 лѣтъ назадъ почтенный *Гинкуловъ*, говоря въ упоминаемой нами своей книгѣ, что молдавское дворянство, т. е. князьки, бояре и чиновники не охотно учились сами и учили своихъ дѣтей въ такихъ школахъ, которыя учреждены по начинанію или подъ покровительствомъ Русскаго управленія въ обоихъ княжествахъ. Даже духовныя вѣрованія подверглись разнымъ расколамъ, особенно католическому ученію,—столь противному для простаго румынскаго народа.

Были еще другія большія милости и благодѣянія Румыніи отъ столь ненавистной теперь для бояръ Россіи. Такъ, напримѣръ, тысячи эмигрантовъ всѣхъ сословій, не только спасались отъ Турокъ, но и обогащались въ нашихъ предѣлахъ. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ[2]), какое обширное поле—пріютъ открылось въ 1740—1760 годахъ въ плодородныхъ степяхъ Новороссіи въ рядахъ Новосербскаго поселенія и корпуса для вызываемыхъ и добровольно приходящихъ христіанъ, особенно изъ православныхъ. Сперва образовывались изъ нихъ цѣлые, хотя и небольшіе военные отряды, напр. Молдаво-гусарскій полкъ[3]), а затѣмъ возникли настоящія военныя поселенія, главой которыхъ былъ молдавскій офицеръ *Лупула*, переименовавшійся въ полковн. Звѣрева. Первая усадьба Молдаванъ, большей частью изъ бѣжавшихъ отъ Татаръ плѣнныхъ и ясыря, т. е. захваченныхъ ими въ набѣгѣ на Бессарабію, былъ поселокъ у Днѣпра

[1]) Турки не знаютъ дворянства; въ Молдавіи они допускали: «Бояръ», т. е. земле-владѣльцевъ, и *Бей-зая*, т. е. дѣтей и внуковъ господарскихъ родовъ.

[2]) Хронол. обозр. Ист. Новор. края ч. II подъ 1750—1760 годами.

[3]) Въ 1764 г. въ Молд.-гус. полку считалось уже болѣе 600 душъ обоего пола.

на устьи р. Суры въ 20 верстахъ отъ Половицы, нынѣ Екатеринослава, существующій подъ названіемъ *Волоскіе хутора*, на почтовой дорогѣ отъ сего города до Никополи, бывшей тогда главной пограничной переправы чрезъ Днѣпръ на Крымскую сторону, или Никитской заставы. Въ 1750 и 1760 годахъ число ихъ было довольно значительно, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ Румынами селились и бѣжавшіе въ Турцію въ «прежнія времена» изъ Малороссіи поселенцы. Имъ отведены были многія тысячи десятинъ земли въ сѣверной части нынѣшняго Елисаветградскаго уѣзда, между Ольвіополемъ (Запорожскимъ Орликомъ), Покоархангельскимъ шанцемъ и даже до Буга и отсюда были вытѣснены многіе запорожскіе зимовники и даже усадьбы, за что до конца существованія Сѣчи, т. е. до 1775 г., велась страшная борьба съ козаками.

Кромѣ того за особенныя услуги во время 1770 и 1780 годовъ послѣ Букарестскаго мира многіе Молдаванскіе бояре и чиновники получили большіе участки земли въ Херсонской губ., которые въ 1803 году простирались до 300,000 десятинъ. По оффиціальнымъ земскимъ спискамъ въ Очаковской области, въ Одесскомъ и Тираспольскомъ уѣздахъ дано:

1.	Бригадиру Катаржи	24,000 десят.
2.	Коллежскому Совѣтнику Гаюсу	22,425 »
3.	» » Эм. Бальшу . .	18,765 »
4.	» » Макарескуль . .	17,850 »
5.	Полковнику Кесоглу	14,090 »
6.	Коллежскому Совѣтнику Карнову. . . .	12,280 »
7.	Титулярному Совѣтнику Керстичъ . . .	11,160 »
8.	Полковнику Ромодано	12,374 »
9.	Дѣйств. Ст. Совѣтнику Скарлату-Стурдзѣ[1]) .	12,000 »
10.	Князю Деляръ Кантакузену	10,750 »
11.	Маіору Ремази	12,377 »
12.	Надворному Совѣтнику Стамовичу . . .	7,655 »
13.	Коллежскому Совѣтнику Кука	6,050 »
14.	Подполковнику Куртъ[2])	4,706 »
15.	Братьямъ Граматикъ	6,008 »
16.	Коллежскому Совѣтнику Кука	6,050 »
17.	Портарессу Эскапорити	4,600 »
18.	Титулярному Совѣтнику Эскапорити[3]) . .	4,620 »

Но кромѣ здѣсь поименованныхъ были еще пожалованы въ послѣдствіи земли: Князю Кантакузену по р. Мертвоводу и Бугу (близъ «Соко-

[1]) Онъ былъ отцемъ извѣстнаго духовнаго писателя и дипломата Александра Стурдзы и временнымъ Бессарабскимъ губернаторомъ, хотя не зналъ вовсе русскаго языка.

[2]) Большую часть этой земли и устроенныхъ имъ усадьбъ Куртъ, бездѣтный, завѣщалъ Од. инст. благородныхъ дѣвицъ.

[3]) Взято изъ рапорта Тираспольскаго предв. двор. Туманова въ 1803 году. См. наше Хронол. обозр. ист. Нов кр. ч. II, стр. 331.

коловъ», нынѣшняго Вознесенска), Лунулу (Звѣреву), Адабашу, Акацатову, Алымовымъ и пр. Мы не говоримъ уже о цѣлыхъ обществахъ поселенцевъ, переселившихъ послѣ 1812 г. съ дозволенія правительства на лѣвый берегъ Днѣстра и оставшихся тамъ; прекрасныя селенія ихъ и до сихъ поръ существуютъ.

Замѣтимъ еще, что многіе такіе румынскіе бояре или чиновники получили всякіе чины военные и гражданскіе и считались въ дѣйствительной государственной службѣ, хотя большая часть изъ нихъ ни въ арміяхъ, ни въ администраціи не участвовала.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, на который мы обращаемъ вниманіе нашихъ будущихъ историковъ — это вопросъ духовный, или лучше сказать церковный, православный. Россія послѣ паденія исполинскаго «Рума», т. е. Византійской Имперіи, сохранила съ Константинополемъ, т. е. патріархомъ вселенскимъ, сыновныя, а съ ея провинціями: Румеліей, Романіей, Румынскими и Славянскими областями, братьями по вѣрѣ, дружескія, хотя еще рѣдкія сношенія. Церкви Кіевская и Московская считали себя подчиненными патріаршему престолу, хотя онъ былъ въ полномъ подчиненіи у Турокъ. Это подчиненіе сохранилось лишь до учрежденія въ царствѣ своемъ автономнаго патріаршаго престола въ Москвѣ. Въ то-же время не только духовенство, но и Русскій народъ узнали отъ посѣщавшихъ Кіевъ и Москву Антіохійскихъ, Цареградскихъ и даже Александрійскихъ патріарховъ, или чрезъ ихъ поставленныхъ архіереевъ и монаховъ, въ какомъ положеніи находились цѣлые милліоны духовенства и паствы людей православныхъ. Всѣ эти лица пробирались съ великимъ трудомъ въ Россію «для испрошенія помощи и милостыни для церквей или причтовъ въ Бусурманскихъ владѣніяхъ».

Настоящія сношенія русскаго и румынскаго духовенства начались едва въ XVII столѣтіи во время архіепископства въ Кіевѣ знаменитаго православнаго пастыря *Петра Могилы*, потомка княжескихъ родовъ въ Молдавіи, воспитаннаго на лонѣ русской церкви[1]). Наше духовенство съ удивленіемъ узнало, что 3,000,000 чел. православнаго, но полудикаго народа совершаютъ богослуженіе и читаютъ молитвы по книгамъ, напечатаннымъ на славянскомъ языкѣ, котораго не только простой народъ, но и самое духовенство не понимало. Даже въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія книги церковныя печатались на томъ же языкѣ, а богослуженіе продолжалось по прежнему ритуалу. Только послѣ Адріанопольскаго мира, когда автономія княжествъ подъ покровительствомъ Россіи упрочилась, «диванъ» по просьбѣ населенія и съ согласія русской іерархіи дозволилъ Румунамъ богослуженіе по

[1]) *Петръ Могила*, сынъ Молдавскаго князя Симеона, въ 1625 г. поступилъ монахомъ въ Кіево-Печерскую лавру; въ 1626 былъ уже архимандритомъ, а въ 1630 г. былъ избранъ въ санъ Кіевскаго митрополита.

книгамъ, печатаннымъ на молдаво-влахійскомъ языкѣ. Въ числѣ безмѣрныхъ благодѣяній для Молдавской и вообще восточной церкви, даже за предѣлами Имперіи, должно считать и покровительство нашего правительства къ такъ называемымъ «преклоненнымъ» монастырямъ и церковнымъ землямъ, находящимся между Прутомъ и Днѣстромъ, слѣдовательно въ предѣлахъ Имперіи. Монастыри заграничныхъ обществъ, обреченные по обѣту къ послушанію и бѣдности (paupertati et obedientiae), владѣютъ безплатно недвижимыми имуществами въ Бессарабіи, и это въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда русскіе монастыри въ Имперіи уже давно ихъ не имѣютъ. Въ подлинныхъ, весьма многочисленныхъ молдавскихъ грамотахъ обыкновенно говорится, что господари и частныя лица изъ румынскихъ княжествъ жертвовали «преклоненнымъ своимъ и заграничнымъ (на Востокѣ) православнымъ святынямъ: монастырямъ, скитамъ и церквямъ, преимущественно Аѳонскимъ и Святаго Гроба, земли, лѣса и дачи въ селеніяхъ и городахъ для успокоенія своей совѣсти на славу Божію и въ помощь ближнимъ». Эти драгоцѣнныя и многодоходныя имущества, благодаря покровительству и защитѣ Россіи и, слѣдовательно, политической и внутренней безопасности, сдѣлались въ наше время богаты селеніями и усадьбами. Въ 1870 г. они заключали 214,320 десятинъ земли, въ томъ числѣ болѣе 37,000 выгонной или «кодровъ», т. е. лѣсовъ, и приносили на основаніи послѣдняго контроля до 507,000 р. и 2000 австрійскихъ червонцевъ ежегодно; въ томъ числѣ на долю Молдавскихъ монастырей въ Бессарабіи приходится болѣе 50,000 дес. земли и лѣсовъ, и какихъ лѣсовъ!—и слишкомъ 100 тысячъ руб. ежегоднаго дохода. Бессарабскіе монастыри, ихъ земли и дома въ городахъ управлялись намѣстниками, т. е. повѣренными отъ заграничнаго духовенства или отъ Румынскаго монашескаго начальства, и привели итоги имуществъ въ окончательное разореніе. Русскій контроль показалъ, что монастыри и имущества были въ самомъ ужасномъ запустѣніи, даже церкви въ развалинахъ и неопрятности, quaeque ipse miserrima vidi! Доходъ не поступалъ по принадлежности или поступалъ скудными суммами, ибо всѣ земли и угодія отдавались въ аренду—и большею частью бессарабскимъ чиновникамъ, а кабаки евреямъ. Въ 1870 годахъ одно имѣніе или скорѣе большой строевой лѣсъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ, укрѣпленный спиѣбочно по спору съ казною, по ходатайству генералъ-губернатора возвращенъ былъ такому преклоненному монастырю послѣ 20-лѣтней тяжбы,—и что же? Монахи немедленно продали лѣсъ на срубъ жидамъ, а земля подверглась засухамъ и неурожаю. Еще въ 1860-хъ годахъ благодѣтельное правительство обратило вниманіе на такое постыдное управленіе монастырскимъ, т. е. церковнымъ достояніемъ, и поручило чинамъ министерства государственныхъ имуществъ наблюденіе и контроль надъ ними; но все было напрасно, и въ 1870-хъ годахъ еще разъ возвратилось управленіе въ руки заграничнаго духовенства, но подъ строгимъ наблюде-

пісмъ, чтобы благочестивыя желанія дателей и ихъ цѣли были всекопечно выполнены.

Въ какомъ положеніи была Румынія даже въ первой половинѣ XIX столѣтія, укажутъ прилагаемые здѣсь документы, списанные, съ подлинныхъ актовъ, которыя сохранились съ Высочайшими на нихъ резолюціями. Акты эти взяты изъ драгоцѣнныхъ дѣлъ Одесскаго генералъ-губернаторскаго архива и едва-ли кому-нибудь были досель извѣстны. Русскіе люди, читая ихъ, могутъ вполнѣ убѣдиться въ сказанномъ нами выше, — въ томъ какъ Румынія, т. е. Молдавская и Валанская области, изъ пустыни solitudo Gaetarum обращены въ богатыя княжества, всѣмъ своимъ политическимъ и экономическимъ положеніемъ обязанныя одной Россіи; и не мало удивятся они, чѣмъ Румынія заплатила за столько жертвъ русскому правительству за свое освобожденіе отъ Турціи и избавленіе отъ рабства.

Драгоцѣнные предлагаемые нами акты предетавлены были главнымъ образомъ Великому Государю, освободителю Европы отъ нашествія исполина Наполеона I, въ 1813 году и слѣдовательно въ самую трудную эпоху даже для побѣдителя. Мы будемъ списывать ихъ буквально.

№ 1.

Высочайшій указъ за подписью Государя на имя Херсонскаго военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье:

«Усмотрѣвъ изъ представленія Вашего, что Тираспольскаго уѣзда помѣщики: Бранковапъ, Вицилли и Додоновъ, записавъ въ ревизію въ деревняхъ своихъ, первые два родныхъ своихъ братьевъ, а послѣдній племянника своего съ семействами ихъ, считаютъ себѣ укрѣпленными и въ семъ званіи не токмо употребляютъ ихъ въ работы, но не изъемлютъ даже и отъ тѣлесныхъ наказаній,—въ пресѣченіе сей примѣрной жестокости и корыстолюбія повелѣваю:

1) «Означенныя семейства, яко неправильно и подлогомъ укрѣпленныя, освободить, предоставивъ имъ избрать родъ состоянія по желанію

2) «Помѣщиковъ вышепомянованныхъ за сей поступокъ, противный общему порядку и основанный въ подлогѣ закона, предать суду по закону».

«Въ С.-Петербургѣ
Февраля 27 дня, 1806 года.»

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Графъ В. Кочубей.

№ 2.

Переводъ съ молдавскаго. *Копія.*

Милосердѣйшій Монархъ, Покровитель Православія!

Преданнѣйшіе Тебѣ обитатели Молдавіи, будучи угрожаемы нынѣ страшными бѣдствіями, стремящимися къ совершенной погибели ихъ, съ жалостнѣйшими воплями, до небесъ простирающимися, и съ горячайшими слезами обращаются къ Милосердію Твоему, Августѣйшій Монархъ!

Восемнадцатимѣсячный срокъ уже оканчивается, и съ окончаніемъ оного появляются ужасныя для насъ предзнаменованія. Ибо на берега Прута, которой отдѣляетъ насъ отъ Россіи и которой толь близокъ отъ Ясскъ, что мы оной видимъ изъ домовъ нашихъ, прибыли отъ Порты нарочные чиновники, чтобы избрать мѣста для крѣпостей, кои Порта намѣреваетъ тамъ устроить. Уже утверждаютъ, что новолѣпно назначеннымъ для стражи вооруженнымъ туркамъ итти на Прутъ, и самыя Ясскы, столица Молдавіи, страшится, что бы не быть наполненною войсками оттоманскими подъ предлогомъ пограничной стражи.

Мы видимъ, съ какимъ безчеловѣчіемъ проливается кровь сербовъ, подобныхъ намъ христіанъ. Зримъ, съ какимъ нецстовствомъ мститъ Порта тѣмъ, кои показали преданность свою и усердіе къ оружію православному. Нецастные обитатели Молдавіи, невинные христіане, возжегши въ сердцахъ своихъ ревность къ Престолу Россійскому назадъ тому болѣе нежели за сто лѣтъ, не поганали оной ни во время брани при Минихѣ, ни во время первой и второй войны блаженной памяти Екатерины Великія, и найпаче пламенѣли они усердіемъ своимъ къ войскамъ Вашего Императорскаго Величества въ послѣднюю войну. Свѣту извѣстно, что Молдавія жертвовала всею преданностію своею оружію православному и Престолу Вашего Императорскаго Величества. Турки не скрываютъ ярости своей за сіе. И они по прошествіи восемнадцатимѣсячнаго срока могутъ нѣкоторыхъ изъ насъ умертвить, многихъ повергнуть въ нищету, а всѣхъ привести въ ужасъ. Оставляя мысли о томъ, чѣмъ угрожаетъ намъ будущее время, мы скажемъ о дѣйствительныхъ произшествіяхъ, что ежели и не три крѣпости, какъ слышно, а одна только, или двѣ будутъ сдѣланы на берегахъ Прута, то естественно слѣдуетъ, что мы должны будемъ лишиться помѣстьевъ своихъ, въ разсужденіи положенія ихъ при Прутѣ; а затѣмъ всякую минуту будемъ въ опасности лишиться жизни. Мы находимся въ ужасномъ смятеніи, устремляемъ мысль нашу къ Небесамъ, а очи, проливающія токи слезъ, къ Тебѣ, Августѣйшій Покровитель Православія!

Сжалься надъ нами, Великій Государь! сжалься надъ погибелію душъ нашихъ. Простри надъ нами могущественный Покровъ Твой. Мы Твои, мы жертвовали собою Престолу Твоему. Сила Твоя да спасетъ насъ и да будетъ ей помощію Господь, во славу Царствованія Твоего.

Естли переселиться намъ за Прутъ, то мы прійдемъ въ совершенную нищету, мы должны будемъ лишиться здѣшнихъ нашихъ жилищъ, а монастыри имѣній, посвященныхъ имъ отъ предковъ нашихъ. Ежели остаться намъ здѣсь, то предстоятъ очевидныя опасности. Оттоманская Порта представляетъ намъ, что намъ нельзя будетъ владѣть помѣстьями нашими, за Прутомъ состоящими, застанлиетъ насъ продать оныя, а мы не имѣемъ кому продать не и за-Прутскихъ, ни здѣшнихъ помѣстьевъ своихъ.

Всемилостивѣйшій Государь! Предъ симъ послали мы всепокорнѣйшее прошеніе наше къ Ванему Императорскому Величеству относительно имѣній нашихъ, но не имѣли щастія получить, къ обрадованію нашему, Священнаго рѣшенія Твоего. Ожидаемъ милосердія Твоего на прошеніе сіе, не имѣя кромѣ Тебя, Августѣйшій Монархъ, никого другаго, къ кому бы могли простерти руки наши.

Теперь присовокупляемъ прошеніе и о спасеніи жизни нашея. Посвяти, Милосерднѣйшій Монархъ, одну минуту для пораженныхъ горестію христіанъ-обитателей Молдавіи. Обяжи самаго Господа, поборяющаго оружію Твоему. Устрой спокойствіе наше. Исторгни насъ и нынѣ изъ бездны отчаянія, дабы мы до истеченія срока могли знать, какъ намъ спасти жизнь свою, да вѣдаемъ, благоволяешь ли Ты, Милосерднѣйшій Государь, и на то, чтобы мы владѣли помѣстьями нашими, за Прутомъ находящимися, а равно и священныя обители да вѣдаютъ прибѣжище свое и да возмогутъ возсылать непрестанныя молитвы о превознесенной Имперіи Твоей. Ибо всѣ мы находимся въ опасности жизни.

Вашего Императорскаго Величества

всенокорнѣйшіе рабы

Веніаминъ Митрополитъ Молдавскій.

Константинъ Гика, бывъ велъ логофетъ.
Константинъ Балашъ, бывъ велъ логофетъ.
Нордакій Кантакузинъ, велъ логофетъ.
Нордакій Россетъ Рознованъ, бывъ велъ вистерникъ.

1813 года
Октября 10-го дня.

№ 3.

Переводъ съ молдавскаго. *Копія.*

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивѣйшій Отецъ!

Зная, колико Ваше Высокопреосвященство проникнуты священною должностію любви христіанской, зная привязанность Вашу къ Молдавіи, въ коей провели Вы первые дни жизни Вашей, зная наконецъ христіанскія Ваши чувствованія и прежнюю пріязнь Вашу, обращаемся нынѣ къ Вамъ и возлагаемъ надежду нашу нынѣ на отеческую Вашу помощь, заклиная Васъ Господомъ сохранить сіе въ тайнѣ для безопасности нашей.

Высокопреосвященнѣйшій Отецъ! Мы всѣ обитатели Молдавіи находимся нынѣ въ положеніи, угрожающемъ величайшею опасностію жизни нашей. Примѣръ сербовъ, погибающихъ отъ посѣченія безчеловѣчнаго, отъ плѣна ужаснаго, отъ пролитія крови чадъ предъ очами родителей и родителей предъ очами чадъ ихъ, и затѣмъ прибытіе сюда турковъ для избранія мѣстъ на крѣпости и слухъ о томъ, что идутъ сюда вооруженные турки, назначенные для стражи пограничной на Прутѣ.—все сіе весьма ясно намъ показываетъ предзнаменованія, угрожающія намъ нищетою, потерею помѣстьевъ и опасностію жизни, каковыя бѣдствія неразлучны съ совмѣстнымъ жительствомъ съ нами войскъ турецкихъ и съ непрестаннымъ созерцаніемъ мечей ихъ.

Сіи горести, коими угрожаетъ намъ будущее время, заставили насъ прибѣгнуть къ Милосерднѣйшему Монарху, покровителю православныхъ, коего Императорскому Престолу жертвовали мы съ вѣрностію. Мы составили по секрету сію нашу слезную всепокорнѣйшую просьбу къ Всемилостивѣйшему Государю и посылаемъ оную къ Вашему Высокопреосвященству съ господиномъ спатаремъ Букиневскомъ, отправляющимся отсюда какъ по сему дѣлу, такъ и ради своего имущества, находящагося въ Бессарабіи. Милостивѣйшій Отецъ! окажите ради имени Божіяго отеческое состраданіе въ сіи минуты, толико опасныя для жизни нашей, и соедини по извѣстному намъ добродушію Вашему слезы свои съ нашими, пріимите въ разсужденіе горкія страданія христіанъ — обитателей Молдавіи. Ваше Высокопреосвященство были свидѣтелемъ жертвъ нашихъ къ Престолу Россійскому. Возрите нынѣ на сердечныя слезы наши; явите милость свою къ намъ, переведите немедленно помянутую просьбу нашу, а равно и сіе плачевное наше письмо, и присовокупивъ къ сему усердное представленіе со стороны христіанской души вашей, отправьте въ тайнѣ, какъ возможно скорѣе, къ Монаршимъ Стопамъ съ духовною особою.

Мы не имѣемъ другаго, на кого-бы болѣе устремить очи свои, какъ только на милосердіе Могущественнѣйшаго Императора Всероссійскаго, дабы онъ силою своею, или спасительнымъ своимъ заступленіемъ не допустилъ быть проліянной крови нашей.

Высокопреосвященнѣйшій Отецъ! если мы рѣшимся перейти на ту сторону, то жилища наши, здѣсь находящіяся, святыя обители и церкви, помѣстья и имѣнія, посвященныя монастырямъ, всѣ обзаведенія должны будутъ пропасть. Если-же не перейдемъ и не будетъ сдѣлано особаго положенія для обезпеченія жизни нашей, то мы должны будемъ безъ сомнѣнія подвергнуться опасности.

Уже восемнадцати-мѣсячный срокъ оканчивается, и мы нынѣ утопаемъ въ волнахъ отчаянія. Духовные и гражданскіе чины молдавскіе всѣ со слезами умоляемъ Ваше Высокопреосвященство, отправьте немедленно на счетъ нашъ духовную особу и изъясните предъ Августѣйшимъ Престо-

ломъ слезы наши, да исторгнетъ насъ Милосердѣйшій Монархъ изъ опасности да благоизволитъ наставить насъ и извѣстить насъ, къ упокоенію нашему, о томъ, каковъ будетъ жребій нашъ по прошествіи срока.

Обяжи, Высокопреосвященнѣйшій Отецъ, самаго Господа и души наши. Мы предъ симъ послали прошеніе къ Государю Императору касательно помѣстій монастырскихъ и боярскихъ, находящихся на той сторонѣ Прута, дабы Всемилостивѣйше позволено намъ было владѣть ими Порта предлагаетъ намъ продать ихъ, но мы не имѣемъ ни средствъ къ тому, ни покупщиковъ. Безъ сихъ помѣстьевъ мы лишаемся пропитанія. На просьбу о помѣстьяхъ сихъ, мы не имѣли счастія получить отвѣта отъ Августѣйшаго Монарха. Покорнѣйше просимъ напомнить и о семъ, а паче всего постарайтесь о томъ, дабы жизнь наша обезпечена была на будущее по истеченіи срока время. Постарайтесь, чтобы мы извѣщены были о семъ. Поелику всѣ мы прискорбны нынѣ даже до смерти.

О прочемъ объяснитъ господинъ Букшанеско. Мы же во все теченіе жизни нашей пребудемъ

Вашего Высокопреосвященства

Милостиваго Архипастыря нижайшій о Христѣ братъ и покорнѣйшій слуга

Веніаминъ Митрополитъ Молдавскій.

Покорные Слуги

Константинъ Гика, велъ логофетъ.

Нордакій Кантакузинъ, велъ логофетъ.

Константинъ Балашъ, велъ логофетъ.

Нордакій Россетъ Рознованъ, велъ вѣстіаръ.

Яссы,
1813-го года
Октября, 10 дня.

№ 4.

Переводъ съ молдавскаго. *Копія.*

Высокопреосвященнѣйшій Отецъ!

Его-же любитъ Господь, наказуетъ. Но христіане въ скорбяхъ своихъ прибѣгаютъ къ Святому Милосердію Его, испрашивая спасеніе себѣ. Мы, обитатели Молдавіи, духовныя чада Вашего Высокопреосвященства находимся нынѣ въ положеніи, угрожающемъ величайшею опасностію жизни нашей. Кому не извѣстны пожертвованія, принесенныя обитателями Молдавіи Священному Престолу Россійскому? кто не видитъ ужасныхъ страданій, претерпѣваемыхъ нынѣ отъ Оттоманской ненависти тѣми, кои служили Россіи? Примѣръ Сербовъ, погибающихъ отъ посѣченія безчеловѣчнаго, отъ плѣна ужаснаго, коихъ кровь лiется подобно текущему ручью,

кровь родителей въ виду чадъ и чадъ въ виду матерей — сей примѣръ заставляетъ премногихъ изъ насъ отчаиваться въ жизни своей; а прибытіе Турковъ для устроенія крѣпостей на берегахъ Прута, находящагося предъ глазами нашими, и слухъ о томъ, что идутъ уже на Прутъ вооруженные Турки для содержанія стражи на границахъ — сіи обстоятельства весьма ясно показываютъ намъ, что мы въ Ясехъ принуждены будучи совмѣстно жить съ гвардіею турецкою, содѣлаемся жертвою меча ихъ въ отмщеніе нѣрности нашей къ Престолу Россійскому и потому горесть непрестанно будетъ снѣдать сердца наши, а удовлетвореніе тягостнѣйшихъ требованій Турковъ отъ остатка Молдавіи естественно повергнетъ въ нищету фамиліи наши.

Съ умилиннѣйшими воплями пишемъ сіе и препровождаемъ для свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства копію прозьбы, которую мы дерзнули отправить съ эстафетой, къ покровителю Православія Александру Первому. Но мы обитатели Молдавіи не имѣемъ въ арміи никакого заступника, не имѣемъ никакого знакомаго изъ знаменитыхъ мужей, всѣ великіе защитники наши къ несчастію нашему переселились въ вѣчность. Мы со слезами секретно пишемъ сіе Вашему Высокопреосвященству, отправляя къ Вамъ господина Букшенеска, который кромѣ сего дѣла имѣетъ надобность ѣхать туда и по своему имуществу тамо находящемуся. Милостивѣйшій Отецъ! Окажите отеческое состраданіе намъ въ часы, угрожающіе опасностію жизни нашей. Здѣсь страдаютъ не только древнія фамиліи и весь народъ, но и Святыя обители, на сей сторонѣ находящіяся. Воззрите на слезы душъ нашихъ. Господинъ спатарь Букшенеско подробно объяснитъ Вамъ все. Ради имени Божія пріимите во уваженіе страданія христіанъ.

Ваше Высокопреосвященство сами были свидѣтелемъ жертвъ, принесенныхъ Молдавіею Престолу Россійскому. Явите къ намъ милость, переведите помянутую просьбу и сіе слезное наше письмо, присовокупите и съ своей стороны убѣдительное представленіе и въ тайнѣ отправьте все сіе къ Милосердѣйшему Монарху. Мы, не имѣя другаго, на кого бы могли устремить очи наши, на Его единаго оныя обращаемъ, да сохранитъ Онъ кровь нашу въ воздаяніе за пожертвованія, учиненныя нами въ теченіе жизни нашей Священному Престолу Его, да подастъ намъ помощь къ спасенію жизни нашей, да благоизволитъ показать намъ способъ избавленія нашего. Его Императорское Величество можетъ отвратить отъ насъ столь ужасную опасность, можетъ утѣшить насъ животворнымъ повелѣніемъ и наставленіемъ своимъ. Вся возможна суть могуществу Его.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Если мы вздумаемъ перейти на ту сторону Прута, то здѣшнія наши помѣстья, строенія, домы и Святыя церкви должны погибнуть, а мы прійдемъ въ совершенную нищету. Ежели остаться намъ здѣсь, то жизнь наша подлежитъ опасности. Восемнадцати

мѣсячный срокъ оканчивается, и мы находимся въ ужасномъ замѣшательствѣ. Мы нынѣ погружены въ волнахъ, угрожающихъ намъ величайшимъ ужасомъ. Со слезами просимъ Васъ отправьте на нжданіи нашемъ духовную особу къ Стопамъ Монаршимъ и учините со стороны своей о насъ представленіе: да умилосердится надъ нами Августѣйшій Императоръ и да избавитъ насъ отъ сея бездны погибели.

Порта принуждаетъ насъ продать помѣстья наши, за Прутомъ находящіяся. Но мы не имѣемъ, кому продать, и кромѣ того мы изъ сихъ помѣстьевъ получаемъ содержаніе для нашихъ домовъ, слѣдовательно продавши ихъ должны будемъ подвергнуться бѣдности и лишиться насущнаго хлѣба. Ежели ихъ не продадимъ, то можемъ воздвигнуть на себя еще большую злобу и большую лютость турковъ. Предъ симъ послали мы просьбу къ Милосердѣйшему Монарху, да сотворитъ съ нами милость и Высочайше позволитъ намъ владѣть безпрепятственно помянутыми помѣстьями, но отвѣта на просьбу сію не получили.

Хотя мы твердо и несомнѣнно надѣемся, что Покровитель христіанства Великій Александръ не допуститъ насъ до обиды: однакоже съ болѣзненнымъ сердцемъ просимъ Ваше Высокопреосвященство припомнить и о семъ, да прійдетъ къ намъ отъ Престола Монаршаго лучъ утѣшенія, чтобы мы могли хотя экономически, то есть: подъ другими предлогами сдѣлать обмѣнъ помѣстьямъ нашимъ, основавшись на милосердіи Правительства. Покорнѣйше просимъ отправьте секретно духовную особу, ибо мы погибнемъ, ежели это обнаружится. Бога ради употребите стараніе, чтобы намъ присланъ былъ отвѣтъ. Мы во вѣки пребудемъ благодарны. Пріймите на себя попеченіе о жизни нашей.

Остаемся Вашего Высокопреосвященства Милостиваго Архипастыря и Отца духовные сыны и покорные слуги

Костакій Гика, велъ логофетъ

Константинъ Балашъ, велъ логофетъ

Георгакій Россетъ, велъ вистерникъ.

Яссы
1813 года
Октября 16 дня.

№ 5.

Копія. *Секретно.*

Сіятельнѣйшій Князь

Милостивый Государь и Благодѣтель!

Первостатейные Бояре Молдавскіе, препровождая ко мнѣ съ нарочнымъ копію прозьбы, отправленной ими къ Его Императорскому Величеству, со слезами умоляютъ меня въ двухъ письмахъ своихъ, при семъ въ

подлинникѣ и переводѣ прилагаемыхъ, дабы я секретно употребилъ мое ходатайство у Престола Монаршаго о спасеніи ихъ отъ угрожающей имъ нынѣ со стороны Порты опасности лишиться не только имѣній, но и жизни. Самой нынѣшній Митрополитъ Молдавскій Веніаминъ, доселѣ бывшій ревностнымъ приверженцемъ Порты, или будучи выведенъ нынѣ изъ заблужденія критическимъ положеніемъ отечества своего, или по настоянію Бояръ, подписалъ вмѣстѣ съ другими первостатейными Боярами одно присланное ко мнѣ о семъ письмо.

Я совершенно будучи извѣстенъ, что по злобнымъ внушеніямъ врага всемірнаго спокойствія, дерзнувшаго было вторгнуться и въ предѣлы Богомъ благословенныя Россіи, дѣйствительно предстоитъ нынѣ великая опасность для Молдавіи, не могу быть равнодушнымъ къ плачевнымъ воплямъ бывшей паствы моей, по ея пожертвованій Престолу Всероссійскому не однократно былъ я свидѣтелемъ въ то время, въ которое по Высочайшей волѣ управлялъ оною. Не имѣя-же способовъ исполнить желаній ея, я пріемлю смѣлость обратиться съ помянутыми бумагами къ благотворной душѣ Вашего Сіятельства и вмѣстѣ всепокорнѣйше просить объ оказаніи покровительства и милости народу, погруженному въ отчаяніе. Не откажитесь, высокій Благодѣтель! съ возможною скоростію довести до сострадательнаго слуха Всемилостивѣйшаго нашего Государя прилагаемое при семъ въ переводѣ прошеніе обитателей Молдавіи и сердобольнымъ предстательствомъ Вашимъ исходатайствовать для сихъ нещастныхъ Монаршую защиту, коея они съ мучительнымъ нетерпѣніемъ до окончанія восемнадцати-мѣсячнаго срока ожидаютъ, опасаясь, чтобы съ истеченіемъ онаго не сдѣлаться имъ жертвою лютости Турковъ.

Хотя прошеніе сіе отправлено уже имп съ эстафетою въ армію къ Его Императорскому Величеству, какъ Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть сіе изъ второго письма ихъ ко мнѣ отъ 16-го октября писаннаго, но они сомнѣваются, чтобы оное могло быть вѣрно доставлено, и потому просятъ повергнуть къ Стопамъ Всемилостивѣйшаго Государя у сего прилагаемый переводъ, въ точности изображающій чувствованія и положеніе ихъ изъясненныя въ подлинникѣ.

Простите мнѣ великодушно, Сіятельнѣйшій Князь! что я дерзнулъ вступить въ сіе толико тонкое дѣло. Ежели я вышелъ изъ круга моего дѣйствованія и Ваше Сіятельство сей поступокъ мой изволите признать слишкомъ отважнымъ, то я готовъ съ покорностію моею принять за сіе выговоръ отъ Васъ, Милостивый Благодѣтель! Ибо я рѣшился писать о семъ къ Вашему Сіятельству во-первыхъ будучи сильно пораженъ воплями бывшей паствы моей, которая на меня, яко на бывшаго ея духовнаго отца, полагается болѣе нежели на всякаго другаго въ сохраненіи сего секрета, во-вторыхъ, надѣясь на великодушное снисхожденіе и милости Ва-

шего Сіятельства ко мнѣ. Естли-же столько буду щастливъ, что Ваше Сіятельство не вмѣните сего мнѣ въ вину, а изволите принять благосклонно и одобрительно: то не оставьте, Высокій Благодѣтель! содѣйствовать спасенію поверженныхъ въ отчаяніе сосѣднихъ намъ единовѣрцовъ, которыхъ я поручаю послѣ Бога сострадательному расположенію Вашего Сіятельства, и, ожидая на сіе милостиваго отвѣта, съ достодолжнымъ моимъ высокопочитаніемъ и преданностью честь имѣю быть

Сіятельнѣйшій Князь
Милостивый Государь и Благодѣтель!

Вашего Сіятельства
всепокорнѣйшій слуга и Богомолецъ
Гавріилъ, Митрополитъ Кишеневскій и Ексархъ.

1813 года
Октября 31-го дня
Кишеневъ.

№ 6.

Копія.

О критическомъ состояніи молдавскихъ жителей преданныхъ Россіи.

«Объяснится по сему предмету съ Канцлеромъ и руководствовался его мнѣніемъ».

Собственноручная резолюція Императора Александра I.

Баръ Сюръ-Сенъ.
Генваря 25-го, 1814 г.

Митрополитъ и Екзархъ Гавріилъ, по убѣжденію Молдавскихъ Бояръ, бывшихъ прежде въ его паствѣ, пріемлетъ смѣлость предстательствовать о нихъ предъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь, по содержанію отправленной ими съ нарочнымъ къ Вашему Императорскому Величеству прозьбы, коея списокъ у сего прилагается.

Въ ней заключается слѣдующее:

1) «Турки намѣрены построить на бере«гахъ Прута нѣсколько крѣпостей, а подъ пред«логомъ пограничной стражи ввести войска туда «и якобы къ самый городъ Яссы». Бояре предвидятъ отъ сего одно нещастіе для жителей Молдавіи, и собственно себѣ притѣсненія, а можетъ быть и погибель за оказанное усердіе къ Россіи. Въ примѣръ поставляютъ единовѣрцевъ нашихъ, Сербовъ, которые ужасно пострадали отъ жестокости и мщенія Турокъ за оказанное усердіе къ Россіи.

2) «Настоящее положеніе Бояръ самое критическое. Естли они пере«селятся по сю сторону Прута, то лишатся тамъ прежнихъ жилищъ «своихъ, останутся въ бѣдности, да и монастырскія имущества, посвящен«ныя предками ихъ, также потерпятъ. Естли и не переселятся, то не «менѣе разориться могутъ. Порта предлагаетъ, что имъ нельзя уже бу«детъ владѣть помѣстьями за Прутомъ лежащими, и заставляетъ ихъ про-

«дать: но покупщиковъ въ виду нѣтъ. Между тѣмъ осьмнадцати-мѣсячный «срокъ истекаетъ».

Бояре Молдавскіе и самъ Епархіальный Митрополитъ Веніаминъ въ письмахъ своихъ къ Екзарху слезно умоляютъ его довести *Секретнымъ образомъ* до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества о настоящемъ положеніи Молдавскихъ жителей и исходатайствовать имъ Монаршее покровительство.

Я осмѣливаюся повергнуть полученныя мною отъ Екзарха бумаги, равно и самое его письмо ко мнѣ на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Подлинное подписалъ: Князь Александръ Голицынъ.

С.-Петербургъ.
30 Декабря 1813 года.

№ 7.

Копія.

Съ представленіемъ обратно докладной записки и бумагъ относительно Молдавіи.

«Симъ дѣломъ здесь ни какого способа нетъ заниматся и для того представить по моемъ возвращеніи».

Собственноручная резолюція Императора Александра I.

Парижъ.
Маія 1-го 1814 года.

Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія объяснялся я съ Государственнымъ Канцлеромъ по содержанію доставленныхъ Екзархомъ Бессарабскимъ бумагъ о критическомъ состояніи Молдавіи. Графъ Румянцевъ отозвался, что онъ около двухъ недѣль не занимается уже дѣлами Иностранной Коллегіи.

Не осмѣливаясь самъ собою передать бумагъ Г-ну Вейдемейеру, который только по препорученію Канцлера занимается иностранною частію, и не зная, будетъ ли онъ утвержденъ Вашимъ Величествомъ, я обратился къ Предсѣдательствующему въ Комитетѣ Министровъ. Графъ Салтыковъ также отказался отъ разсмотрѣнія такого предмета, который не относится къ его вѣдѣнію.

Донося о семъ Вашему Императорскому Величеству, пріемлю смѣлость паки представить на Высочайшее усмотрѣніе присланныя Екзархомъ бумаги. Подлинное подписалъ: Князь Александръ Голицынъ.

Санктпетербургъ
28 Февраля 1814 г.

Д. ч. Л. А. Скалковскій.

Акты 1787—1791 годовъ,

извлеченные изъ дѣлъ Кубанскаго Войсковаго Архива и сообщенные дѣйствительнымъ членомъ Е. Д. Фелицинымъ.

(Окончаніе).

Е. Д. Фелицынъ препроводилъ въ Общество въ 1895 году 97 документовъ, касающихся Войска Черноморскаго, извлеченныхъ изъ Кубанскаго Войсковаго Архива. Въ виду значительнаго историческаго матеріала въ этихъ документахъ Общество приступило къ ихъ печатанію въ своихъ Запискахъ, и въ XIX т. уже было напечатано 36 №№ (за 1787—1788 г.); остальные же 61 №№ предназначались для XX т. Записокъ. Между тѣмъ въ настоящее время изданъ И. И. Дмитренкомъ Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго Войска, въ 3-хъ томахъ (Спб. 1896 г.); причемъ II и III томы заключаютъ именно документы, извлеченные изъ Кубанскаго Войсковаго Архива, среди которыхъ находится почти всѣ (81 №№), сообщенные Обществу Е. Д. Фелицинымъ[1]). Въ виду этого не представляется уже интереснымъ печатать въ Запискахъ всѣ доставленные г. Фелицынымъ Обществу акты и ниже сообщается изъ нихъ только 8, въ изданіи И. И. Дмитренка не находящихся; 8 же другихъ напечатаны были уже въ XIX т. Записокъ, гдѣ они обозначены №№ 1, 2, 11, 12, 14, 17, 21 и 36.

№ 37.

Ордеръ Гр. Потемкина Таврическаго г. Полковнику войска опрныхъ казаковъ и кавалеру Чепегь, отъ 27 апрѣля 1789 г. № 277. С.-Петербургъ.

Какъ я увѣренъ, что по извѣстному вашему къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердію и ревности не оставили вы употребить всего

---

[1]) Къ сожалѣнію въ Сборникѣ И. И. Дмитренка акты напечатаны не въ хронологическомъ порядкѣ, безъ точныхъ обозначеній и съ опечатками, особенно въ собственныхъ именахъ.

старанія къ приготовленію себя съ войскомъ на дѣйствія наступающей компаніи, то и предписываю вамъ съ конною командою собравшись расположиться у мостовъ на Бугѣ, доколѣ дальнѣйшее получите приказаніе. Что принадлежитъ до пѣшей команды казаковъ Черноморскихъ, то я оныхъ считаю уже въ Очаковѣ вслѣдствіе посланнаго отъ меня о томъ повелѣнія, которое и чрезъ сіе подтверждаю.

(Дѣло по общ. оп. № 34, 1789 г., св. 2. стр. 24).

№ 38.

Письмо Полк. Исаева Г. Полк. коша вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ атаману и кав. Чепегь отъ 7 Іюня 1789 г. №.

Милостивый Государь!

Къ исполненію сообщаю у сего въ копіи полученное мной отъ г. Ген.-Маіора Голенищева-Кутузова повелѣніе в. высокоблагородія извѣщаю, что я сего числа выступивъ изъ лагеря въ походъ, стараться буду переправиться чрезъ Бугъ въ Соколовкѣ, и завтре послѣдую къ назначенному въ ономъ пункту; пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію.

Милостивый Государь
в. высокоблагородія покорнѣйшій слуга

Иванъ Исаевъ.

(Дѣло по общ. оп. № 51, 1789 г., св. 3, стр. 3.

№ 39.

Ордеръ кн. Потемкина-Таврическаго войска вѣрныхъ казаковъ Черноморскихъ на лодкахъ находящимся: Войск. судьѣ подп. и кав. Головатому, атаманамъ и всему войску отъ 28 Августа 1789 г. Главной квартиры при Новыхъ Дубоссарахъ. № 1086.

Приказалъ я флотамъ атаковать у Аджибея непріятеля; Вамъ повелѣваю быть въ послушаніи полномъ у Контръ-адмирала и кав. Гр. Войновича; покажите при семъ случаѣ храбрость, вамъ сродную, усердіе къ вѣрѣ и вѣрность къ Ея Императорскому Величеству.

(Дѣло по общ. оп. № 54, 1789 г., св. 3, стр. 1).

№ 40.

Приказъ изъ главнаго дежурства арміи екатеринославской[1]) *отъ конн Черноморскихъ казаковъ команды полк. и кав. Чепиги отъ 1 Октября 1789 года № 1257, г. Бѣлграда, что на Днѣстрѣ.*

Его Свѣтлость Главнокомандующій арміею г. Ген.-ф—лъ и разныхъ орденовъ кав. кн. Гр. А. Потемкинъ-Таврическій изволилъ приказать объявить во всемъ войскѣ, что изъ отнятой у непріятеля скотины опредѣляется тѣмъ, кто оную возьметъ, двѣ части, а третью часть представлять непремѣнно въ главное дежурство войскамъ; о чемъ для свѣдѣнія и точнаго исполненія симъ в. высокоблагородію предписывается.

(Дѣло по общ. он. № 34, 1789 г., св. 2, стр. 111).

№ 41.

Приказъ Кн. Потемкина-Таврическаго отъ 15 Октября 1789 года. № 1468.

Всѣмъ войскамъ легкимъ здѣсь находящимся завтра собрать людей своихъ къ полкамъ и придвинуться къ Бѣлграду, ставъ верстахъ въ пяти отъ города къ сторонѣ Паланки.

Послѣ завтра г. бригадиру и кавалеру Платову съ его полками слѣдовать напереди къ Каушанамъ.

За нимъ отправиться г. коневому Чепѣгѣ съ конницею черноморскою.

Потомъ итти г. полк. и кав. Исаіеву съ его командою.

Пѣхота Черноморскихъ казаковъ расположится въ Бѣлградѣ, два полка и одинъ полкъ въ Паланкѣ; а какъ оборона сего укрѣпленія на ихъ будетъ рукахъ, то г. атаману коневому командировать съ полкомъ въ Паланку полковника искуснаго и надежнаго, которому завтра явиться у меня.

Пѣхота казаковъ Черноморскихъ, на лодкахъ находящаяся, съ войсковымъ судьею Головатымъ, по окончаніи переправы, должна по рѣкѣ слѣдовать къ Бендерамъ, и дошедъ, коли Богъ поможетъ, до устья Ботны, тутъ остановиться. Катеру моему итти такъ-же вверхъ по Днѣстру съ г. Головатымъ.

Конвойнымъ моимъ эскадронамъ гусарскимъ завтра отправиться чрезъ Каушаны на Быкъ, такъ-же и казакамъ, оставя только нужное число для конвоеванія обоза.

(То-же дѣло, стр. 116).

---

[1]) Дежурствомъ этимъ въ то время завѣдывалъ генер. І. де-Рибасъ.

№ 42.

Указъ Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина-Таврическаго отъ 26 Февраля 1790 года.

Графъ Григорій Потемкинъ-Таврическій Священныя Римскія Имперіи Князь, Великій Гетманъ Императорскихъ козацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Императорскаго войска вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ кошевому атаману г. бригадиру и кавалеру Чепѣгѣ, войсковымъ старшинамъ и всему обществу.

Объявляю чрезъ сіе, что Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей нашей Государынѣ благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать меня Великимъ Гетманомъ Императорскихъ козацкихъ войскъ Черноморскихъ и Екатеринославскихъ.

Съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества о томъ повелѣнія препровождая при семъ для обнародованія въ войскѣ экземпляръ, надѣюсь я, что войско Черноморское, ознаменовавшее себя отличными подвигами въ теченіи настоящей войны, потщится умноженію оныхъ оказать новые опыты ревностною къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердія и чрезъ то сдѣлаетъ себя достойнѣйшими Высочайшаго Монаршаго благоволенія къ особливой моей и своей единственной чести и славѣ

Князь Потемкинъ-Таврическій.

(Дѣло по общ. оп. № 86, 1790 г. св. 5, стр. 8).

№ 43.

Мѣсто Императорскаго герба.

Указъ Его Свѣтлости Князя Потемкина-Таврическаго отъ 14 Апрѣля 1790 года за № 1317, изъ Ясс[1]).

Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, Всемилостивѣйшей Государыни моей Генералъ-Фельдмаршалъ, Главнокомандующій арміями россійскими, дѣйствующими на югѣ, флотами на Черномъ, Азовскомъ, Каспійскомъ и Средиземномъ моряхъ, и всею легкою конницею регулярной и нерегулярною, сенаторъ, Государственной военной коллегіи пре-

[1]) Въ Сборникѣ изд. Дмитренкомъ т. II, стр. 32, № 63, напечатанъ, совершенно сходный указъ, но Головатому, съ утвержденіемъ его въ званіи войскового судьи.

зедитъ, Екатеринославскій, Таврическій и Харьковскій генералъ-губернаторъ, Ея Величества Генералъ-Адъютантъ, войскъ Генералъ Инспекторъ, дѣйствительный камергеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, корпуса Кавалергардовъ, полку кирасирскаго своего имени, Санкт-петербургскаго драгунскаго и Екатеринославскаго гренадерскаго шефъ, Мастерской оружейной палаты верховный начальникъ и орденовъ россійскихъ: Св. Ап. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, военнаго Св. Великом. и Побѣд. Георгія и Св. Равноап. Кн. Владиміра первыхъ степеней, Королевскихъ: Польскихъ Бѣлаго Орла и Св. Станислава, Прусскаго Чернаго Орла, Датскаго Слона, Шведскаго Серафимовъ и Великокняжескаго Голштинскаго Св. Анны — кавалеръ, Графъ Потемкинъ-Таврическій, Священныя Римскія Имперіи князь, Великій Гетманъ Императорскихъ козацкихъ войскъ Екатеринославскаго и Черноморскаго.

Императорскаго козацкаго войска Черноморскаго кошевому атаману г. бригадиру и кав. Чепѣгѣ.

Вступя во отправленіе Всемилостивѣйше возложеннаго на меня званія великаго гетмана Императорскихъ козацкихъ войскъ, поставляю я по сей Высочайше мнѣ вѣренной власти за первый знакъ признать и утвердить учрежденное въ вѣрномъ войскѣ Черноморскомъ начальство, что симъ исполняя, утверждаю васъ въ настоящемъ вашемъ достоинствѣ кошеваго атамана войска Черноморскаго, и въ знакъ того да служитъ сабля, отъ меня вамъ вручаемая.

Князь Потемкинъ-Таврическій.

Мѣсто Его Свѣтлости Герба.

(Дѣло по общ. он. № 21, 1790 г., св. 1, стр. 12).

№ 44.

Изъ дежурства Его Превосходительства г. Ген.-М. Николая Дмитріевича Арсеньева[1]).

Александропольскаго мушкатерскаго баталіона г. Сек.-М. Тихоновскому.

Съ полученной отъ Его Превосходительства Ген.-М. и разныхъ орденовъ кав. О. М. де-Рибаса, а имъ полученной отъ Его Сіятельства Гр.

[1]) Остальные многочисленные документы, касающіеся осады и взятія г. Измаила, сообщены въ Сборникѣ И. И. Дмитренка.

А. В. Суворова-Рымникскаго диспозиціи на овладѣніе города Измаила, Его Превосходительство Николай Дмитріевичъ приказалъ приложить при семъ въ баталіоны точную копію, коя и препровождается.

По секрету.

Когда чрезъ трубача послано будетъ письмо о сдачѣ крѣпости, чрезъ 24 часа того же дня начинается работа и въ другую ночь оканчивается.

Декабря «. . .» дня по полудни въ 6 часовъ открывается работа противъ праваго и лѣваго фланговъ крѣпости дѣланіемъ четырехъ батарей, каждую на десять орудій, полевой артилеріи и отъ нихъ по комунаціонной линіи, для чего наряжаются въ работу 1000 человѣкъ, полагая на двѣ смѣны по 500 человѣкъ, коимъ имѣть должно 900 лопатокъ, 150 кирокъ, 50 топоровъ, 20 толкушекъ и 250 мѣшковъ; къ построенію каждой батареи потребно имѣть 250 туровъ и 250 фашинъ и по 450 фашинныхъ кольевъ. При строеніи батарей полагается въ резервъ по баталіону за каждою батареею въ 15 шагахъ лежа, карелми, съ полевыми орудіями, которымъ баталіонамъ выставить каждому передъ работами въ 16 шагахъ по 2 пикета, на всякомъ по 30 человѣкъ, конныхъ впереди; въ 30 шагахъ разставить по 4 двойныхъ часовыхъ. Сверхъ того впереди пѣхотной имѣть должно конную цѣпь козаковъ и для того учредить на обѣихъ мѣстахъ при двухъ батареяхъ съ праваго и лѣваго фланговъ и къ срединѣ между батареями, всего 3 козачьихъ пикета, на каждомъ по 21 человѣку, дабы разставить по 3 двойныхъ часовыхъ между собою, въ 300, а отъ пѣхотной цѣпи въ 50 шагахъ, и при томъ еще имѣть должно конные резервы позади карелъ въ 200 шагахъ; на правомъ флангѣ работы противъ валеброса къ берегу, 300 козаковъ, противъ корейныхъ интерваловъ 2 эскадрона саперныхъ карабинеровъ; на лѣвомъ флангѣ отъ батарей въ 200 шагахъ 2 эскадрона гусаръ; оные эскадроны и козаки посылаютъ отъ себя справа и слѣва къ крѣпости разъѣзды противъ новой крѣпости; наши резервы состоять должны каждый изъ 300 козаковъ; они только отъ себя посылаютъ вправо и влѣво разъѣзды.

Число на день.

Для защищенія произведенной ночью работы оставить на батареяхъ по баталіону, а конные резервы отступаютъ назадъ въ полъ версты, остановясь на низкихъ мѣстахъ; дальніе же пѣхотные остаются на своихъ мѣстахъ. Ежели во время переговора съ противной стороны будутъ вылазки, то оныя резервамъ отбивать; затѣмъ отъ работы изъ втораго лагеря въ 250 саженей къ каждымъ 2 батареямъ, противъ ихъ средины, въ резервъ по 2 баталіона съ ихъ орудіями. Когда съ крѣпости на работы будутъ производиться выстрѣлы, то для помѣшательства открыть съ острова съ фланговыхъ батарей канонаду, но тѣмъ баталіонамъ кои лежатъ

противу работы; также и днемъ по открытіи канонады съ крѣпости отвѣтствовать канонадою съ острова; при вылазкѣ рабочіе баталіоны строются позади резервовъ карэями.

Вторая ночь.

Такимъ-же числомъ работниковъ работа всѣхъ баталіоновъ и коммуникаціонная линія оканчаются, дабы къ разсвѣту открыть по данному сигналу со всѣхъ батарей и изъ судовъ канонаду, которая продолжится 6 часовъ; какъ пѣхотные, такъ и конные резервы на сію ночь командируются по прежнему въ тѣ-же мѣста.

Число на день.

Въ 6 часовъ по утру пѣхотные резервы смѣнясь остаются позади батарей, лежа карэями, и конные тамъ-же послѣ смѣны остаются позади въ переднихъ мѣстахъ; рабочіе-же идутъ въ лагерь.

На третью ночь.

Въ 12 часовъ по полудни, то есть въ полночь, откроется паки со всѣхъ батарей сильная канонада, во время которой въ 2 часа пополуночи подвинутся восемь бомбардерскихъ судовъ въ самую ближнюю дистанцію, къ каменной батареѣ; на сихъ судахъ 8 трехъ пудовыхъ гаубицъ и 8 двухъ пудовыхъ единороговъ будутъ безпрерывно стрѣлять горизонтально по опой батареѣ по палисаду и совокупно съ батареею будутъ анфилировать . . . . . и куртину.

Пальба сихъ судовъ и сухопутныхъ всѣхъ батарей будетъ продолжаться безпрерывно до самаго утра 6 часовъ ядрами, а пустыми зарядами до самаго разсвѣта; на сію ночь въ резервѣ при батареяхъ какъ пѣхотные, такъ и конные остаются по прежнему на тѣхъ-же мѣстахъ.

Порядокъ штурма.

За 2 часа предъ разсвѣтомъ по данному сигналу ракетою войска расположенныя на лодкахъ и гребныхъ судахъ, числомъ 8000, поднимутся въ одно время къ противуположному берегу съ обоихъ фланговъ, то есть съ лѣваго фланга крѣпости, запорожскія лодки, дубы и паромы, поднявъ на себѣ 1500 козаковъ, 3500 регулярнаго войска. Предметъ сей высадки занимать берегъ кавалеръ и куртину новаго укрѣпленія. Съ праваго флангу на паромахъ, шлюбкахъ, барказахъ, чектирмахъ и на маленькихъ лаціонахъ 3000 регулярнаго войска, которые вышедъ занимаютъ берегъ старой крѣпости; въ то же самое время 4 колонны регулярнаго и одна изъ не регулярнаго войска идутъ къ штурму на крѣпость, изъ коихъ въ 1-й

Подъ командою

1-я колонна подъ командою г. Генералъ-Маіора и Кавалера Львова. Надъ стрѣлками и первымъ Егерскимъ баталіономъ Полковникъ князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

впереди находиться будетъ 150 Апшеронскихъ стрѣлковъ съ ихъ начальниками, имѣя 75 семи футовыхъ фашинъ на случай надобности, для переходу чрезъ . . . . . ручья; за ними 50 человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ 30 съ топорами

для срубленія палисада, 10 съ лопатками, 10 съ кирками, а 3 съ ломами, за коими первый баталіонъ Бѣлорусской Егерской, 1, 3, 4 Фанагорійскаго Гренадерскаго полку; за ними резервъ въ каре, Фанагорійскій 2-й баталіонъ; сія колонна слѣдуетъ, дойди берегомъ Дуная, чрезъ устье.

Бросившіеся выломать палисадникъ между каменною батареею и съ берега поспѣшаютъ въ тылъ на оную батарею и на куртину къ 1 баталіону.

2-я колонна подъ командою г. генералъ-маіора и кавалера Лассія.

2-я колонна, составленная изъ 4-хъ баталіоновъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, за ними резервъ въ каре, одинъ Бѣлорусскій егерскій баталіонъ; впереди оной колонны—128 стрѣлковъ съ ихъ начальниками; за ними—50 человѣкъ рабочихъ, изъ коихъ 30 съ топорами, 10 съ кирками, 10 съ лопатками; по флангамъ у рабочихъ нести 8 трехсаженныхъ лѣстницъ, потомъ 300 семифутовыхъ фашинъ для наполненія ими рва по длинѣ въ 2 фашины, дабы по нимъ спуститься въ 8 рядовъ. Сія колонна, перешедъ прямо валеброека (?), идетъ на куртину къ воротамъ крѣпости, приставя лѣстницы, всходитъ на валъ, принимая влѣво до хотинскихъ воротъ, поражая противниковъ штыками, за коей послѣдуетъ и 1-я колонна.

3-я колонна подъ командою г. генералъ-маіора и кавалера Меклюба.

Третья колонна, составленная изъ 3-хъ баталіоновъ Лифляндскаго егерскаго корпуса, за ними въ резервъ въ карей 2 баталіона Троицкіе мушкатерскіе; предъ колонною идутъ тоже число стрѣлковъ съ ихъ начальниками и рабочіе съ инструментами; за ними по флангамъ нести 8 четырехсаженныхъ лѣстницъ, 600 семифутовыхъ фашинъ для наполненія рва по длинѣ въ 2 аршина, дабы по нимъ спуститься въ 8 рядовъ. Сія колонна, спустясь въ ровъ, приставя лѣстницы, по коимъ поспѣшаетъ взойти на куртину къ хотинскимъ воротамъ, а взойдя на валъ занимаетъ влѣво до туровъ, отдѣляющихъ по лощинѣ старую отъ новой крѣпости.

4 Колонна подъ командою г. генералъ-маіора и кавалера графа Безбородка.

Ирегулярныхъ войскъ командиръ г. бригадиръ и ка (?)

Четвертая колонна, составленная изъ нерегулярнаго войска Донскихъ казаковъ и арнаутовъ до 5000, за ними резервъ въ карей, 2-й баталіонъ Полоцкой мушкатерской; передъ колонною идутъ 50 человѣкъ съ топорами, кирками и ломами по лощинѣ между старой и новой крѣпости и срубивши палисадникъ расчистятъ входъ въ крѣпость, а взошедши принимаетъ на право по турамъ въ помочь высадкѣ съ флотиліи, а 1000 задніхъ налѣво по бастіонамъ и куртинамъ новой крѣпости.

5 колонна подъ командою г. генералъ-маіора и кавалера Кутузова.

Пятая колонна, составленная изъ трехъ баталіоновъ Бугскаго егерскаго корпуса; за ними резервъ въ карей Полоцкой мушкатерской первой баталіонъ; передъ колонною идутъ тоже

число стрѣлковъ и работниковъ съ инструментомъ съ ихъ начальниками; по флангамъ оныхъ несутъ 8 четырехсаженныхъ лѣстницъ, потомъ 6000 семи футовыхъ фашинъ для наполненія ими рва, клавши по длинѣ по двѣ фашины, дабы по нимъ спустились въ 8 рядовъ; приставя лѣстницу входить на куртину къ килійскимъ воротамъ и взойдя принимаютъ первые два баталіона на право, а послѣдніе на лѣво, по валу новой крѣпости.

Наблюдать во время приближенія колонны къ назначеннымъ имъ пунктамъ, то есть за полтора часа предъ разсвѣтомъ, находиться близъ рва крѣпости; между тѣмъ сія флотилія, имѣя на судахъ 2000 войска, растянется вдоль рѣки и въ 20 саженяхъ отъ противнаго берега становится на якорѣ; въ такой позиціи стоя, очищаетъ берегъ картечью, будучи въ готовности для резерву штурмующимъ.

Всему войску найстрожайше запрещается, взошедъ на валъ, никому внутрь города отнюдь не бросаться и быть въ порядкѣ, стоя на крѣпости до повелѣнія начальства.

Противъ крѣпостныхъ воротъ хотинскихъ, бендерскихъ и браскихъ, далѣе отъ крѣпости картечнаго выстрѣла, имѣя 3 резерва въ каждомъ, по 2 эскадрона карабинеръ и гусаръ подъ командою г. бриг. и кав. Вестфалена, за ними между интервалами 3 полка Донскихъ козаковъ подъ командою г. бриг. и кав. Орлова, а противу килійскихъ воротъ, имѣя также въ резервѣ одинъ Донской казачій полкъ.

Во время штурма оставить при лагерѣ со всѣхъ резервныхъ баталіоновъ съ каждаго по 100 человѣкъ. Всѣмъ резервамъ, находящимся за колоннами, непрежде входить въ крѣпость, какъ когда уже отворены будутъ передъ ними и рабочими крѣпостныя ворота и, взошедъ въ крѣпость, построить фронтъ на эксиланадѣ, то есть между вала и строенія передъ своею колонною; стрѣлкамъ надлежитъ искать подъ баталіонами, нѣтъ-ли казематъ или пороховыхъ погребовъ, нашедши учредить караулъ, дабы не допустить противникамъ зажечь.

По овладѣніи сего крѣпостнаго вала по окончаніи дѣла занимать площади . . . . . мѣста отъ каждой колонны на первый разъ по одному баталіону и кому ближе; пороховой магазинъ, при красной мечетѣ находящійся, занять большимъ карауломъ; на бастіонахъ-же и батареяхъ какъ и при воротахъ учредить пристойные караулы.

Еслибъ случилось, что легкая пѣхота войдетъ въ городъ прежде овладѣнія всего вала, крайне беречься, чтобъ нигдѣ не зажечь и не сдѣлать пожара, дабы отъ того не претерпѣть крайняго вреда взорваніемъ какихъ скрытыхъ магазиновъ съ порохомъ и снарядами. Христіанъ и безоруженныхъ отнюдь не лишать жизни, разумѣя тоже о всѣхъ женщинахъ и дѣтяхъ.

На флотиліи подъ командою г. ген.-м. и кав. де-Рибаса имѣетъ быть регулярнаго войска, за исключеніемъ нерегулярныхъ, а именно:

Одинъ баталіонъ Лифляндскаго.	егерскихъ корпусовъ
Одинъ баталіонъ Бугскаго	
Два баталіона Бѣлорусскаго.	
Два баталіона Херсонскіе	гренадерскіе.
Два баталіона Приморскіе Николаевскіе. . .	

Одинъ баталіонъ Александропольской мушкатерской.

Два баталіона летучіе; изъ нихъ находящіеся нынѣ въ лагерѣ отправлены туда быть должны за сутки предъ штурмомъ.

Сверхъ того г. ген..-м. Арсеньевъ, гвардіи Преображенскаго полка сек.-м. и кав. Марковъ, бриг. и кав. Чепѣга, полк. и кав. Головатый съ прочими чинами долженствуютъ быть подъ начальствомъ ген.-м. и кав. де-Рибаса.

Генералъ Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

(Дѣло по общ. оп. № 104, 1790 г., св. 5, стр. 76.)

Матерьялы по исторіи Запорожья въ XVIII вѣкѣ.

Печатаемые ниже документы извлечены мною изъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба. Они тамъ находятся между дѣлами кн. Потемкина, въ св. 181 (опись 191). Документы эти (въ числѣ другихъ) найдены при уничтоженіи въ 1775 г. Сѣчи Запорожской въ Кошевой церкви, подъ престоломъ. Они обнимаютъ время отъ 1734 г. и до 1756 г. [1]).

Обозначаю ихъ №№ 1, 2 и т. д.

№ 1.

Во время борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII гетманъ малороссійскихъ козаковъ Мазепа почти со всей козачьей «вышней» старшиною перешелъ, какъ извѣстно, на сторону Карла XII, измѣнивъ такимъ образомъ Петру. Къ измѣнѣ Мазепѣ удалось склонить и запорожскихъ козаковъ. Дорого, однако, обошлась послѣднимъ эта измѣна. Ихъ Сѣчь при рѣчкѣ Чертомлыкѣ [2]) была разорена, и имъ пришлось вмѣстѣ со своимъ кошевымъ Костей Гордіенкомъ искать себѣ пріюта на чужбинѣ, въ землѣ тѣхъ самыхъ бусурманъ, съ которыми они раньше нерѣдко вели такую отчаянную борьбу.

Отдавшись подъ «протекцію» крымскаго хана, запорожцы устроили свою сѣчь при Алешкахъ (въ теперь. Таврич. губ.), гдѣ и зажили новою жизнью, преисполненною всякихъ страданій и лишеній, — на что впослѣдствіи такъ горько жаловались сами запорожцы и о чемъ сложили такую пѣсню:

Оленки вдалыся намъ въ знаки,
Що будемъ долго памятаты,
Якъ татаре взяли подъ свои бунчаки
Що просилы вiру ихъ прияты.
Ой Олешки будемъ васъ знаты
Итой лихій день и ту лихую годину,
Охъ будемъ довго памятаты
Тую погану вашу личину [3]).

---

[1]) См. мою библіогр. замѣтку о новыхъ матерьялахъ, касающихся исторіи Малороссіи, въ Кіевской Стар. 1892, XII.

[2]) Р. Чертомлыкъ впадаетъ въ Днѣпръ, на югѣ теп. Екат. губ.

[3]) *Марковичъ* — Очеркъ исторіи запор. козач. Спб. 1878, стр. 68.

Испытывая всевозможныя невзгоды[1]), нѣкоторые изъ запорожцевъ еще въ царствованіе Петра I стали подумывать о возвращеніи подъ русское владычество. Но партія Кости Гордіенка, врага русскаго правительства, была еще довольно сильна въ сѣчи, и голосъ меньшинства, мечтавшаго объ уходѣ изъ—подъ крымскаго ига, долго не бралъ верха; тѣмъ болѣе, что Филипп Орликъ, провозгласившій себя послѣ смерти Мазепы гетманомъ обоихъ береговъ Днѣпра, при посредствѣ своихъ агентовъ и «прелестныхъ» грамотъ, всячески убѣждалъ запорожцевъ крѣпиться, не поддаваться Москвѣ, обнадеживалъ ихъ покровительствомъ шведскаго короля, обѣщалъ въ будущемъ для низоваго войска золотыя горы.

Да и само русское правительство, не желая послѣ прутскаго похода ввязываться изъ-за запорожцевъ въ новую войну съ турками, отказывало имъ въ ихъ просьбахъ о принятіи въ россійское подданство и о позволеніи вновь занять всѣ ихъ бывшія «вольности».

При этомъ, однако, нужно замѣтить, что Петръ Великій не прочь былъ простить раскаивавшихся запорожцевъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они селились не на прежнихъ мѣстахъ, а внутри Малороссіи[2]).

Такимъ-же образомъ относилась къ нимъ и Екатерина I, приказывавшая зорко слѣдить за ними и въ особенности не допускать сношеній ихъ съ украинскимъ населеніемъ. Въ инструкціи, данной по этому поводу императрицей азовскому губернатору Чернышеву, говорится, напр., между прочимъ: «Торговыхъ Великороссійскаго и Малороссійскаго народа людей, которые съ незаповѣдными товары въ Турецкую землю или въ Крымъ похотятъ ѣхать; такожъ ежели изъ Турецкихъ и изъ Крымцевъ торговыхъ людей въ Россійскіе городы съ товары своими пріѣдутъ, такихъ, ради нынѣшняго мирнаго постановленія, пропускать, не задерживая, токмо которые будутъ ѣздить въ Крымъ, тѣмъ объявлять, чтобъ къ запорожцамъ *отнюдь не заѣзжали*, и о томъ учинить заказъ крѣпкій подъ жестокимъ наказаніемъ и отнятіемъ всего того, съ чѣмъ кто туда дерзнетъ поѣхать; а изъ Крымцевъ которые въ губернію его (Азов.) пріѣзжать будутъ, дать знать, чтобы они при себѣ измѣнниковъ запорожцевъ и козаковъ не имѣли. Козаковъ измѣнниковъ запорожцевъ и прочихъ ни съ товары, ни для какихъ дѣлъ въ губерніи и никуда въ Великороссійскіе городы, также и изъ той губерніи, и ниоткуда чрезъ ту губернію туда на запорожье съ товары, ни за добычею и ни съ чѣмъ отнюдь не пропускать»[3]).

---

[1]) *Скальковскій* — Ист. Нов. Сѣчи. Од. 1885 г., ч. II, стр. 27 — 32. *Исторія козак. запорож.* (кн. Мышецкаго). Од. 1852 г., стр. 24 — 27. *Эварницкій* — Ист. запор. коз. т. III, 511, 515, 519.

[2]) *Матеріалы* для исторіи южно-рус. края въ XVIII ст., извлеченные А. А. Андреевскимъ и изд. Имп. Од. Общ. ист. и древ. Одесса, 1886 г., стр. 1.

[3]) *Скальковскій.* Ист. Новой Сѣчи, ч. II, стр. 36, въ пр.

Нѣсколько лучше для запорожцевъ дѣло обстояло въ царствованіе Петра II, который ничего не имѣлъ и противъ переселенія запорожцевъ на старыя мѣста, но находилъ только, что для этого еще не настало удобное время. Вотъ почему на донесеніе гетмана Апостола верховному тайному совѣту о желаніи запорожцевъ, взявъ войсковые клейноты, изъ новой (алешковской) сѣчи перейти въ старую (чертомлыцкую), было приказано въ 1728 г. порубежнымъ властямъ и гетману «дабы тѣхъ запорожцевъ, ежели они въ которые мѣста хотя подъ протекцыю Его Императорскаго Величества придутъ, а *многолюдствомъ* и съ *ружьемъ*, такихъ отнюдь не принимать и въ границы Россіи не впускать ни подъ какимъ видомъ и никакой имъ протекціи и защищенія нигдѣ не давать и отъ границъ отбивать ихъ оружіемъ». Въ то-же время велѣно было «подъ рукою, словеснымъ *къ нимъ приказомъ*», обнадеживать ихъ «секретно», «что при *способномъ* времени приняты они, запорожцы, будутъ»[1]). Объ этомъ приказано было тайно чрезъ вѣрныхъ людей оповѣстить запорожцевъ и изъ нихъ склонныхъ быть наиболѣе преданными интересамъ русскаго правительства всячески одаривать. Правительство при этомъ разрѣшало запорожцамъ, какъ и прежде, переселяться на жительство въ Малороссію, но только небольшими партіями.

Въ сѣчи къ тому времени, очевидно, взяла перевѣсъ партія, противная Костѣ Гордіенку, такъ какъ надежды на шведскаго короля не оправдались, и обѣщанія Орлика оказывались пустыми. Какъ бы то ни было, но въ 1728 г., при совершенно еще не выясненныхъ до настоящаго времени обстоятельствахъ, въ коші произошелъ мятежъ. Изъ нѣкоторыхъ документовъ можно заключить, что въ немъ, между прочимъ, былъ повинепъ запорожскій самарскій полковникъ Иванъ Петровичъ. Въ одномъ изъ нихъ, напр. говорится, что «зъ якихъ де писемъ и скаски присланныхъ запорожцовъ понеже видимо стало, что онъ, полковникъ Самарскій, съ своими Самарскими козаками намѣренн, чили *уже и пошли* до Сѣчи, чтоб тамъ зруинивши сѣчовихъ козаковъ и побравши клейнотовъ и запасы заразъ перешли оттоль въ старую сѣчь, показуючи противными Крымской сторонѣ»[2]).

Отакомъ намѣреніи Самарскаго полковника было освѣдомлено центральное наше правительство, которое и поспѣшило дать совѣтъ сѣчевикамъ не слушать этого полковника и «его наказовъ, сидѣть смирно и тихо до дальшего времени въ новой (т. е. въ Алешковской) сѣчи, да и полковника, отъ легкомысленной завзятости остеречь и повелѣть «чтобы онъ сѣчеваго товарищества до переходу въ старую сѣчь з новой не подбивалъ и самъ бы съ своимъ товарыществомъ въ Самарѣ сидѣли на своихъ мѣстахъ спокойно и ненарушимо»[2]).

---

[1]) *Андреевскій* — Матерьялы для ист. южн.-р. края, стр. 4.
[2]) *Андріевскій*. Матерьялы, стр. 5—7
[3]) Ib.

Однако, совѣты и предостереженія русскаго правительства, видно, не подѣйствовали на запорожцевъ, — въ сѣчи, какъ я сказалъ выше, произошелъ мятежъ, закончившійся низверженіемъ съ кошевства Кости Гордіенка и заключеніи его и войсковаго судьи въ оковы. Кошевымъ былъ избранъ Иванъ Гусакъ, и запорожцы, *забравши войсковые* клейноты, церковную утварь и разныя другія вещи, перешли на мѣсто старой сѣчи, Чертомлыцкой, проживъ въ Алешкахъ 14 лѣтъ.

Въ документѣ № 1, составленномъ по распоряженію кошевого атамана Ивана Малашевича, и сообщается вкратцѣ объ измѣнѣ запорожцевъ Петру, о послѣдствіяхъ измѣны, о пребываніи подъ крымскою «протекціею» и о принятіи вновь въ россійское подданство. Этотъ документъ къ тому же рѣшаетъ окончательно вопросъ, откуда запорожцы двинулись на мѣсто послѣдней своей сѣчи, такъ какъ относительно этого вопроса въ литературѣ по исторіи Запорожья существуетъ путаница, и, напр., г. Скальковскій утверждаетъ, что запорожцы перешли въ новую сѣчь на рѣкѣ Подпольной изъ Алешекъ[1]).

№ 2.

Переселившись на родныя мѣста, запорожцы дѣятельно принялись за устройство своего края—возобновляли паланки, разставляли посты въ разныхъ мѣстахъ и пр. Затѣмъ снарядили въ Петербургъ двѣ депутаціи, которыя и были приняты тамъ милостиво императрицею, обѣщавшей запорожцамъ всегдашнее свое покровительство и защиту, и неприкосновенность «вольностей» отъ турокъ. По возвращеніи депутацій изъ Петербурга, произошло торжественное принятіе запорожцами присяги на вѣрность Россіи и врученіе имъ генераломъ фонъ-Вейсбахомъ пожалованныхъ царицей войсковыхъ клейнотовъ—булавы, бунчука, пернача, большой хоругви, прапора, литавръ и тростей. Войску было назначено хлѣбное и денежное жалованье и на построеніе сѣчи—особое пособіе[2]). И вновь стали оживать запорожскія «вольности»!

Какъ же отнеслись турки, татары и Орликъ къ уходу запорожцевъ изъ подъ крымской «протекціи»? Турки, занятые войною съ Персіей, не обратили на это особеннаго своего вниманія; они только потребовали чрезъ посредство нашего резидента въ Константинополѣ Неплюева, чтобы русское правительство свело запорожцевъ съ занятыхъ ими земель, принадлежавшихъ по прутскому договору Турціи. Что касается Крыма, то ханъ еще не терялъ надежды при помощи Орлика вернуть подъ свою власть измѣнившихъ ему запорожцевъ. Въ письмѣ, отправленномъ ханомъ къ за-

---

[1]) *Скальковскій*—Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 47. См. мою библ. зам. въ Кіевской Ст. 92, XII. Объ этомъ же документѣ см. *Эварницкій*—Ист. Зап., ч. III, 591, пр. 3.

[2]) *Скальковскій*—Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, гл. 2.

порожцамъ, говорится, между прочимъ: «Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и якъ вся бен, мурзы и цѣлое панство Крымское стараются о вашей цѣлости и желаютъ вамъ всяческого добра. Памятайте, же вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ добре». Ханъ обѣщаетъ запорожцамъ великія блага и разрѣшаетъ устроить свой конъ, гдѣ имъ угодно будетъ.

Орликъ тоже въ письмахъ своихъ къ сѣчевикамъ убѣждалъ ихъ остаться вѣрными крымскому хану и не особенно довѣрять русскому правительству—крымскій ханъ дескать «до вашмостей добрыхъ молодцовъ войска запорожскаго (писалъ Орликъ) цѣлымъ сердцемъ прихильный и всего вамъ и отчизнѣ вашей добра желаючій»[1]). На всѣ подобныя посланія запорожцы отвѣчали, что они уже находятся подъ властью россійской императрицы и не намѣрены ей измѣнять. Орликъ, потерявъ такимъ образомъ въ запорожцахъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, проигралъ дѣло, и напрасно онъ, во время начавшейся вскорѣ послѣ того войны русскихъ съ турками обращался съ универсалами къ малороссійскому народу и къ запорожцамъ съ призывомъ стряхнуть съ себя московское иго. Запорожскіе конечные отсылали русскому правительству его посланія даже нераспечатанными.

Документъ № 2—грамота Анны Іоанновны отъ 6 Марта 1735 г. дана была въ отвѣтъ на «прошительный листъ» запорожскаго войска, привезенный въ Петербургъ одной изъ упомянутыхъ выше 2-хъ депутацій, послѣ полученія запорожцами «простительной грамоты[2]). Императрица обнадеживаетъ запорожцевъ своею милостью, хвалитъ ихъ за отсылку графу Вейсбаху въ оригиналахъ писемъ крымскаго хана и Филипина Орлика, видя въ этомъ выраженіе вѣрности къ ней, и повелѣваетъ исполнить приказанія Вейсбаха.

№№ 3—7.

Запорожцы, испытавъ раньше всевозможныя невзгоды, рѣшились крѣпко держаться Москвы, и свою вѣрность къ ней наглядным образомъ доказали во время наступившей вскорѣ войны съ турками. Они оказали тогда цѣлый рядъ подвиговъ,—за что удостоились хорошихъ отзывовъ со стороны, напр., Миниха и наградъ со стороны императрицы.

Въ грамотахъ Анны Іоанновны, приводимыхъ ниже и обозначенныхъ №№ 3—7 и говорится о службѣ запорожцевъ въ продолженіе войны русскихъ съ турками въ царствованіе Анны Іоанновны, о службѣ, снискавшей имъ признательность императрицы.

---

[1]) *Скальковскій*—Ист, Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 49—52.

[2]) Эту грамоту см. у Эварницкаго. Ист. Запор. т. III, стр. 561—562.

№ 8.

Царствованіе Елизаветы Петровны открываетъ, можно сказать, новую эру въ жизни Новороссійскаго края—въ это время полагается начало той обширной правительственной колонизаціи нашего края, которая затѣмъ продолжается и въ послѣдующее царствованіе Екатерины II. Это же царствованіе Елизаветы Петровны было во многихъ отношеніяхъ благопріятно и для первыхъ насельниковъ Новороссійскаго края—запорожцевъ, и г. Скальковскій называетъ даже это время, сливкомъ, впрочемъ, преувеличивая, «золотымъ вѣкомъ запорожской общины»[1]). Вскорѣ по вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны запорожцы отправили въ Петербургъ депутацію во главѣ съ Константиномъ Милашевичемъ (братомъ упомянутаго выше Ивана Милашевича) съ прошеніемъ о жалованьѣ и о прочихъ войсковыхъ нуждахъ. Отвѣтомъ на это прошеніе была Высочайшая грамота, данная въ Москвѣ 16 Сентября 1742 г. Этой грамотой опредѣлялось войску хлѣбное и денежное жалованье, назначалось къ отпуску извѣстное количество пудовъ свинцу и пороху, оказывалось пособіе на окончаніе постройки Покровской церкви въ сѣчи.

Грамота касалась и вопроса о прогнойскихъ озерахъ (въ теперешней Таврической губ.). Дѣло въ томъ, что послѣ измѣны запорожцевъ татары относились къ нимъ (въ особенности, въ первое время) очень недружелюбно. Ногайцы не обращали вниманія на трактатъ 1740 г., заключенный русскими съ турками, устанавливавшій южную границу запорожскихъ «вольностей» по рѣкѣ Конскимъ водамъ, часто заходили за эту пограничную черту со своими стадами и производили здѣсь всякія безчинства. Запорожцы, само собою разумѣется, также не оставались въ долгу передъ татарами. Вслѣдствіе этого возникали безконечныя пререканія между тѣми и другими, осложнявшіяся еще и тѣмъ, что татары стѣсняли свободу запорожцевъ въ рыбной ловлѣ въ разныхъ степныхъ рѣчкахъ на татарской территоріи и въ днѣпровскомъ, и въ бугскомъ лиманахъ, между тѣмъ какъ испоконъ вѣковъ запорожцы, въ силу установившагося обычая, невозбранно ловили рыбу въ этихъ мѣстахъ, да и по силѣ разныхъ трактатовъ, заключенныхъ Россіей съ Турціей, запорожцамъ предоставлялось такое право.

Запорожцы также съ давнихъ поръ свободно брали соль изъ Кинбурнскихъ озеръ («прогноевъ»), и вотъ почему, когда татары стали не позволять имъ самимъ добывать соль изъ этихъ озеръ и требовать покупать ее у Перекопскихъ промышленниковъ, они заволновались и обратились къ русскому правительству съ просьбой побудить крымскаго хана не препятствовать имъ въ рыбной ловлѣ на указанныхъ выше мѣстахъ и въ добываніи соли изъ прогнойскихъ озеръ.

---

[1]) *Скальковскій*—Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 100.

Елизавета Петровна, заявляя въ разсматриваемой грамотѣ, что правительству неизвѣстно о мѣстонахожденіи прогноинскихъ озеръ, требуетъ отъ запорожцевъ воздержаться отъ въѣзда въ турецкія владѣнія, пока не будетъ произведено, на основаніи заключенныхъ трактатовъ, разграниченіе земель между Россіей и Турціей. Такое разграниченіе назначено было на тотъ-же 1742 годъ, и со стороны Россіи въ качествѣ коммиссара былъ отправленъ князь Репнинъ.

Въ особенности, интереснымъ, является 3 пунктъ грамоты. Изъ него явствуетъ, что правительство готово было тогда оберегать право запорожцевъ на занятыя ими земли, и нисколько не склонно было потакать всякимъ любителямъ захватовъ чужой собственности. Это являлось тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что впослѣдствіи, въ особенности, въ царствованіе Екатерины II, центральное правительство мало обращало вниманія на жалобы запорожцевъ на незаконные захваты ихъ территоріи, а мѣстные начальники, въ особенности, изъ недоброжелательно относившихся къ запорожцамъ, подчасъ таки и прямо потакали подобнымъ захватамъ[1]).

Благосклонность Елизаветы Петровны къ запорожцамъ видна и изъ 4 п. грамоты.

Хотя запорожцы и засвидѣтельствовали свою преданность русскому государству цѣлымъ рядомъ подвиговъ въ войну съ турками въ царствованіе Анны Іоанновны, однако, нельзя сказать, чтобы русское правительство относилось къ нимъ тогда съ большимъ довѣріемъ. Тотъ-же самый Минихъ, который расточалъ предъ Анной Іоанновной похвалы доблести запорожскаго войска, взявъ Очаковъ, такъ говорилъ о значеніи этого событія для русскихъ: «Очаковъ пересѣкаетъ всякое сухопутное сообщеніе между турками и татарами крымскими и буджакскими, и при томъ держитъ въ уздѣ *дикихъ* запорожцевъ»[2]).

А въ другой разъ писалъ императрицѣ: «Поступками запорожскихъ козаковъ я очень доволенъ; всѣ мои предписанія они исполняютъ.... Хотя они *люди дикіе*, но своевольныхъ теперь между ними немного, и нельзя думать чтобы они могли затѣять что-либо противное... Однако за поступками ихъ я *прилежно* наблюдаю»[3]). Эти наблюденія, между прочимъ, выражались въ томъ, что въ сѣчи былъ расквартированъ баталіонъ войскъ, и съ 1736 г. находился здѣсь постоянно россійскій полковникъ или вообще штабъ-офицеръ, командиръ новоустроеннаго тутъ укрѣпленія—Новосѣченскаго ретраншемента. Военные посты съ русскими офицерами были размѣщены также въ старой сѣчи (Чертомлыцкой), въ Богородицкомъ и Биркутскомъ форштатахъ и въ Переволочной.

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древ. т. XVII, стр. 151.
[2]) *Соловьевъ:* Ист. Рос. т. XX, стр. 1360.
[3]) ib. 1365.

Нечего говорить, что выражаемое такимъ образомъ недовѣріе правительства къ запорожцамъ могло только раздражать ихъ и не могло содѣйствовать установленію дружелюбныхъ отношеній запорожцевъ къ разставленнымъ на ихъ территоріи русскимъ солдатамъ. Между тѣми и другими происходили столкновенія, въ результатѣ которыхъ были обоюдныя жалобы правительству на обиды.

Елизавета Петровна въ п. 4 и заявляетъ запорожцамъ въ отвѣтъ на подобную жалобу, что ею повелѣно солдатамъ, размѣщеннымъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ запорожской территоріи, жить въ дружбѣ съ козаками, «безъ всякихъ ссоръ и никакихъ обидъ и озлобленій не чинить»,—за чѣмъ долженъ былъ слѣдить Кіевскій генералъ-губернаторъ, которому поручено было также составить вѣдомость для представленія въ Петербургъ съ указаніемъ, въ какихъ мѣстахъ (Запорожья) и зачѣмъ учреждены караулы и настоитъ ли въ нихъ дальнѣйшая надобность.

Пунктомъ 5 предоставляется запорожскимъ козакамъ свободный проѣздъ въ Малороссію по своимъ нуждамъ «не чиня никакихъ излишнихъ отягощеній (при сборѣ въ Малороссіи индукты и пошлины съ ихъ продажныхъ товаровъ) и въ пропускѣ по паспортомъ запрещеній». Запорожцы освобождались при проѣздѣ чрезъ форпосты и на перевозахъ отъ платежа перевознаго и погребельнаго.

Пунктомъ 6 разрѣшается свободный пропускъ въ Запорожье малороссійскихъ купцовъ «съ съѣстными, съ питейными и съ прочими купеческими припасами».

Пунктомъ 7 запрещалась русскимъ купцамъ и «никому» брать у запорожцевъ подводы,—что, конечно, освобождало ихъ отъ довольно тяжелой натуральной повинности.

Характеренъ 10 пунктъ, которымъ императрица разрѣшаетъ запорожцамъ, въ случаѣ надобности, присылать къ ней въ Петербургъ или въ Москву своихъ депутатовъ, но не болѣе 10—20 душъ (со включеніемъ служителей) и не болѣе одного раза въ годъ. Этотъ пунктъ будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что депутаціи эти обходились довольно дорого правительству— приходилось депутатовъ кормить, поить и въ обратную дорогу снаряжать.

№ 9.

По возвращеніи изъ-подъ крымской «протекціи», запорожцамъ, принявшимся за устройство своего края, пришлось подчасъ становиться во враждебныя отношенія къ сосѣдямъ-полякамъ и донскимъ козакамъ.

Поляки пограничныхъ съ запорожцами мѣстностей нападали иногда на запорожскія земли, чинили здѣсь буйство, попадавшихся въ ихъ земляхъ запорожцевъ-торговцовъ вѣшали[1]) и присваивали себѣ запорожскія земли.

[1]) *Скальковскій*. Ист. Нов. С. ч. II, стр. 104,

Запорожцы платили полякамъ тою-же монетой, и въ результатѣ безконечныя пограничныя столкновенія. По жалобѣ запорожцевъ, русское правительство[1]) обратило, наконецъ, вниманіе на эти столкновенія, были сдѣланы извѣстныя представленія польскому правительству и начаты переговоры, приведшіе къ точному разграниченію земель со стороны Польши и Запорожья. За рубежъ была принята межа, раздѣляющая тогдашнія губерніи—Кіевскую, Подольскую и Херсонскую. При этомъ разграниченіи, какъ и вообще при рѣшеніи спорнаго вопроса о пограничныхъ земляхъ между Польшей и Россіей (со стороны Запорожья), русское правительство, какъ видно, между прочимъ, изъ грамоты Елизаветы Петровны отъ 15 Декабря 1744 г. (№ 9), опиралось на тѣ свѣдѣнія, какія могли ему доставить запорожцы— хорошіе знатоки своего края и прилегавшихъ къ нему мѣстностей.

Въ этой же грамотѣ обращаютъ на себя вниманіе слова императрицы, признающей за запорожцами несомнѣнное право собственности на сѣверную часть земель, которыя потомъ были отведены правительствомъ подъ новосербскія поселенія и которыя запорожцы такъ тщетно желали сдѣлать вновь своими.

№ 10.

Нерѣдко у запорожцевъ происходили ссоры и съ донцами. Во время пребыванія первыхъ подъ крымскою «протекціею» послѣдніе захватывали нѣкоторыя запорожскія угодья по рр. Калміусу и Бердѣ и рыбныя ловли на побережьѣ Азовскаго моря. Елизавета Петровна вслѣдствіе жалобъ запорожцевъ повелѣла первоначально коменданту крѣпости св. Анны (на украинской линіи) Вырубову, а затѣмъ спеціально командированному изъ Петербурга подполковнику Билсу произвести разслѣдованіе на мѣстѣ и затѣмъ разграничить земли обоихъ войскъ—что и было исполнено къ 1746 г., когда, по рѣшенію правительствующаго сената, утвержденному императрицею, рѣка Калміусъ была объявлена пограничной рѣкой между землями запорожскими и донскими.

Что касается споровъ запорожцевъ съ донцами изъ-за Кубанской стороны (т. е. земель въ устьѣ рѣки Кубани, гдѣ запорожцы ловили рыбу и имѣли свои шалаши), то этотъ споръ не былъ рѣшенъ въ ихъ пользу, и правительственными указами запорожцамъ не разъ воспрещалось селиться здѣсь, равно какъ и донцамъ,—такъ какъ эта сторона была во владѣніи крымскаго хана.

О рѣшеніи этого-то спорнаго и крайне запутаннаго пограничнаго земельнаго вопроса и трактуетъ обширная грамота Елизаветы Петровны отъ 12 Мая 1746 года (№ 10).

---

[1]) *Андріевскій.* Матерьялы, стр. 17—20.

№ 11.

До 1708 г. т. е. до измѣны Мазепы запорожцы находились, «въ вышней командѣ» малороссійскихъ гетмановъ; съ 1734 г. т. е. съ принятіемъ запорожцевъ вновь въ подданство Россіи, они были подчинены Кіевскому генералъ-губернатору[1]) и находились въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи[2]). Съ возстановленіемъ гетманства въ царствованіе Елизаветы Петровны запорожцы опять были поставлены подъ команду малороссійскаго гетмана, оставаясь, впрочемъ, по-прежнему въ нѣкотораго рода подчиненіи и у Кіевскаго генералъ-губернатора[3]). Универсаломъ своимъ отъ 9 Ноября 1750 г. (№ 11) новоизбранный гетманъ К. Разумовскій даетъ знать запорожцамъ о своемъ избраніи и о Высочайшемъ соизволеніи быть запорожскому войску въ его вѣдомствѣ и «властью своею гетманскою» повелѣваетъ, въ случаѣ надобности, сноситься съ нимъ и съ учрежденнымъ имъ до прибытія его въ Малороссію правительствомъ изъ генеральныхъ старшинъ.

№ 12.

Выше было указано мною о столкновеніяхъ запорожцевъ съ сосѣдями-поляками, донцами и крымцами. Но всѣ эти столкновенія были ничто въ сравненіи со спорами съ новопоселенцами на бывшей запорожской территоріи.

Начало правительственной колонизаціи Новороссійскаго края было положено еще въ царствованіе Петра Великаго, но значительные размѣры она принимаетъ лишь только въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ запорожскихъ «вольностей» являются, благодаря заботамъ правительства, поселенія славяно-сербскія, новосербскія и слободской козачій полкъ, съ жителями, принадлежавшими къ разнообразнымъ народностямъ—тутъ были сербы, болгаре, молдоване, волохи, поляки; тутъ были малороссы и великороссы, вызванные правительствомъ изъ Польши, куда они раньше убѣжали; тутъ было, наконецъ много раскольниковъ—великороссовъ, съ разрѣшенія правительства, переселившихся сюда изъ стародубскихъ слободъ; не было здѣсь только евреевъ, къ которымъ правительство Елизаветы Петровны не благоволило и не разрѣшало имъ селиться въ прежнихъ запорожскихъ палестинахъ.

---

[1]) См. грам. Анны Іоанновны отъ 6 Марта 1735 г. и отъ Сентября 1735 г.

[2]) *Скальковскій*—Ист. Нов. С., ч. II, стр. 297.

[3]) Въ Выс. ук. отъ 19 Октября 1750 г., объявленномъ сенату, сказано: «Повелѣли Мы сѣчевому запорожскому войску съ ихъ атаманомъ и кошемъ, такожде съ ихъ принадлежностями, быть въ вѣдомствѣ у Нашего Малороссійскаго гетмана, какъ то и въ прежнія времена до 1708 г. было». *Скальковскій*. Ист. Нов. Сѣчи. Ч. II, стр. 143. О подчиненіи кіевскому генералъ-губернатору, см. три грамоты гетмана гр. Разумовскаго—въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древн., т. XVI, стр. 218—219.

Всѣ эти поселенцы, сознавая свое привиллегированное положеніе въ краѣ, руководимые часто разными проходимцами, любившими, какъ всегда, ловить рыбу въ мутной водѣ, не довольствуясь отведенными имъ землями, постепенно переходятъ за опредѣленную черту, вторгаются въ самыя хорошія запорожскія земли, позволяютъ себѣ причинять запорожскимъ поселенцамъ всяческія обиды, захватывать ихъ зимовники и хутора,—чѣмъ и вызываютъ противъ себя озлобленіе со стороны сѣчевиковъ и жалобы на незаконные захваты территоріи центральному правительству. Послѣднее, однако, считая поселенцевъ своимъ дѣтищемъ, старается энергически отстаивать ихъ интересы, въ ущербъ часто интересамъ старыхъ хозяевъ края, и не всегда внимательно относится къ этимъ жалобамъ.

По разнымъ документамъ извѣстно, напр., о 2-хъ запорожскихъ депутаціяхъ, отправленныхъ въ Петербургъ около этого времени по разнымъ дѣламъ коша и, между прочимъ, по земельнымъ. Такъ, въ 1755 г., въ кошовство извѣстнаго Григорія Федорова, по прозванію Лантухъ, была послана депутація, въ составъ которой входилъ и не менѣе извѣстный, въ особенности, своей трагической судьбой—войсковой старшина Петръ Калнишевскій. Депутація прожила въ Петербургѣ въ теченіе 1755—1756 г., была тамъ радушно принята, просьбы ея внимательно выслушаны и, благодаря заступничеству сильныхъ тогда при дворѣ малороссовъ (Разумовскаго и др.), удовлетворены, за исключеніемъ просьбы о землѣ. Сенатъ относительно этого вопроса постановилъ: «Когда гетманъ Богданъ Хмельницкій съ народомъ Малороссійскимъ подъ высокославную державу Россійской имперіи въ подданство пришелъ, въ то время всѣ городы, села и деревни и оное войско запорожское состояли въ одной дирекціи гетманской и между Малой Россіей и войскомъ запорожскимъ границы не имѣлось; но гдѣ имѣлись незанятыя поселеніемъ пустыя земли и лѣсныя угодія, тамо какъ запорожцамъ, такъ и малороссійскимъ козакамъ, въ пристойныхъ мѣстахъ: пасѣки держать, рыбу и звѣрей ловить было не возбранно, а къ Сѣчи Запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало»[1]).

На этомъ основаніи повелѣно было чрезъ обоюдныхъ депутатовъ: «всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ учинить описаніе и положа на карту, представить въ правительствующій сенатъ, а на принадлежащія къ ихъ безспорному владѣнію земли и угодья съ обстоятельнымъ описаніемъ къ дачѣ имъ грамоты учинить формуляръ[2])».

Объ этой депутаціи говоритъ довольно подробно авторъ исторіи Новой Сѣчи г. Скальковскій, основываясь на данныхъ имѣющагося у него сѣчеваго архива[3]). Документы, извлеченные мною изъ Московскаго отдѣ-

[1]) *Скальковскій*—Ист. Нов. Сѣчи, ч. II, стр. 168.
[2]) ib. 169.
[3]) ib. 155—169.

ленія общаго архива Главнаго Штаба и обозначенные ниже № 12, касаются той-же депутаціи и дополняютъ сказанное г. Скальковскимъ.

Тутъ мы находимъ краткій дневникъ, веденный запорожцами во время пребыванія ихъ въ Петербургѣ, черновыя бумаги по перепискѣ депутатовъ съ Кошемъ, съ разными правительственными учрежденіями и лицами и оригинальныя письма изъ кона депутатамъ.

Изъ документовъ этихъ видно, какъ относились къ запорожцамъ императрица и разныя важныя лица, къ какимъ средствамъ должны были прибѣгать депутаты, чтобы задобрить и заставить «служить» себѣ разныхъ высоко и низко-поставленныхъ лицъ. «За воровство» и непорядки», пишутъ депутаты въ Сѣчь, «такія немилости, что безъ гостинцевъ ничего не сдѣлали бы, отводили-бъ часъ отъ часу на нѣсколько годовъ». Что это за «непорядки» и «воровство», говорится также въ разсматриваемомъ документѣ.

Въ особенности, большія нареканія приходилось выслушивать депутатамъ отъ разныхъ знатныхъ лицъ за «перемѣну командировъ и ослушаніе Высочайшаго о неперемѣнѣ указа».

Дѣло въ томъ, что при выборѣ козацкой старшины въ сѣчи очень часто происходили страшные безпорядки[1]). Въ виду устраненія этого генералъ-губернаторъ Кіевскій Леонтьевъ, основываясь на мнѣніи бывшаго въ Сѣчи секундъ-маіора Никифорова, сдѣлалъ представленіе сенату (въ отвѣтъ на требованіе его сообщить «какимъ образомъ, запорожскихъ козаковъ отъ своевольства удержать и чинимое ими злодѣйство пресѣчь»), отъ 22 Янв. 1749 г. о необходимости измѣнить порядокъ избранія запорожской старшины въ томъ смыслѣ, чтобы «кошевые атаманы и судьи по аттестатамъ куренныхъ атамановъ жалованы-бъ были командующимъ генералитетомъ, а не выборомъ козачьимъ, и быть бы оными чинамъ до смерти безперемѣнно, а оной бы кошевой атаманъ въ куренные атаманы выбиралъ и опредѣлялъ по своему разсмотрѣнію, коимъ также всегда быть безперемѣнно»[2]). Сенатъ тогда, однако, не согласился съ мнѣніемъ генералъ-губернатора Леонтьева и прислалъ ему довольно интересный отвѣтъ—«какъ и въ 1744 г. уже указомъ его сообщено было, что того чинить за полезное не признаетъ», такъ «и нынѣ предлагаемыя мѣры» учредить Правительствующій Сенатъ, по извѣстному ихъ непостоянному нраву и противу ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интересами несходное быть признаетъ и для того нынѣ онаго не чинить и впредь о томъ въ Правительствующій Сенатъ вамъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать[3]).

---

[1]) *Андріевскій*—Матеріалы, стр. 141, 173.

[2]) *Андріевскій*—Матеріалы, 173.

[3]) ib. 179—180.

Однако, правительство впослѣдствіи измѣнило свой взглядъ на этотъ вопросъ, и, быть можетъ, въ данномъ случаѣ виноваты были нѣкоторыя лица самой запорожской старшины, для которыхъ древній порядокъ избранія приходился не по вкусу. Такъ, въ томъ же 1749 г. запорожскій войсковой писарь Петръ Черняевскій при «покорнѣйшемъ доношеніи» къ генералъ-губернатору Леонтьеву представилъ записку о способахъ удержанія запорожцевъ отъ «своевольствъ», въ которой рекомендовалъ «опредѣлить» въ сѣчи запорожской безперемѣнныхъ коневыхъ, «како то и въ древнихъ лѣтѣхъ въ войску запорожскомъ до гетмана Хмельницкаго и въ правленіе его и послѣ его же безперемѣнные коновые имѣлись». Войсковому писарю Черняевскому казалось большимъ зломъ, что «нынѣ часто перемѣнные коновые выбираются по нольностямъ запорожскихъ козаковъ»; онъ одобряетъ существовавшій яко бы издревле обычай избранія коневыхъ куренными атаманами и знатными заслуженными козаками (старикамп)[1]).

Какъ бы то ни было, но изъ приводимыхъ мною документовъ видно что въ концѣ концовъ былъ изданъ Высочайшій указъ (съ полнымъ содержаніемъ котораго я не могъ ознакомиться, такъ какъ не знаю, гдѣ онъ напечатанъ, да и напечатанъ-ли)? объ измѣненіи порядка избранія запорожской старшины[2]). Однако, прежній порядокъ продолжалъ существовать въ запорожской сѣчи до ея паденія, а послѣ этого свято сохранялся въ Задунайской Сѣчи[3]).

Нечего говорить, что правительство было недовольно упорствомъ запорожцевъ въ данномъ вопросѣ и такъ или иначе выражало свой гнѣвъ,— на что и указываютъ разсматриваемые документы[4]).

Приходилось депутатамъ выслушивать «превеликіе выговоры и ругательства» отъ сенаторовъ «за происходящія часъ отъ часу большія воровства», за потаканіе гайдамакамъ и нападенія на новопоселенцовъ. По этому поводу сенаторы обращались къ депутатамъ съ угрозами, о которыхъ тѣ говорятъ въ письмѣ, посланномъ въ сѣчь изъ Петербурга чрезъ одного изъ депутатовъ—Калишевскаго. Правительство выражало угрозу «принять у руки» запорожцевъ, «волѣ не дать» имъ и «великими командами окружить («до чего не допусти Боже»—писали депутаты»).

Изъ документовъ видно, наконецъ, что запорожскіе депутаты и не могли ожидать со стороны правительства благопріятнаго рѣшенія по земельному вопросу, такъ какъ «фундамента нѣоткуда (было) взять». Депутаты ссылались на представленныя ими копіи разныхъ документовъ, но правительство этихъ копій не признавало. Ссылка на «малороссійскую

---

[1]) *Андріевскій*—Матерьялы, стр. 180—181.

[2]) См. также—*Скальковскій*—Ист. Нов. Сѣчи, ч. I, 64.

[3]) *Кондратовичъ*—Задунайская Сѣчь, стр. 75.

[4]) *Соловьевъ*—Ист. Рос., т. XXIV, стр. 969.

архиву» также мало помогла, такъ какъ «панъ писарь» (Безбородко) заявилъ, что «Хмельницкого архива въ измѣну Мазепи увезена Орликомъ, писаремъ тогданшимъ спералнимъ».

Сообщилъ д. чл. П. Ивановъ.

№ 1.

В памят потомъную сие вѣдомо да будет, много числомъ лѣтъ войско запорожское низовое под крымъскою протекціею мешкало, и в колыкихъ мѣстцех кошемъ своимъ, чыто сѣчью сыдѣніе мѣло, року 1734, мая 29 записуется.

Перве когда покойний Иоанъ Мазена гетманъ, пресвѣтлѣйшему православному монарсѣ московскому сие сеть покойному Петру Алексеевичу первому имъператору змѣнылъ, а до короля шведцкого прысталъ, и войско ж запорожское низовое указамы и прелестными своимы писмами до тосей ж змѣны своей прибывалъ, то по разоренію войскомъ московскимъ за тую змѣну старой сѣчи яка была при чортомлыку да над скарбнымъ, войско запорожское низовое оттудова вныз Днепра в року 1709 мая 12 числа изъбѣгны, и совокупившыся з своимъ же войскомъ якая часть была при помянутому мазепѣ и шведу, когда онъ король шведскій значне под полтавою тог же року 1709 іюня 27 числа от войска ж московского побѣжденъ зосталъ, тамо на низу Днепра подъ крымъскую державу за девлетъ гдерей хана удавшися сѣчъ были себѣ при олешках и кардашину над конскою завелы, где лѣтъ девятнадцать мешкалы, и пакы збунтовавшыся и конецвого себѣ Ивана Гусака изобравши и расколъ между собою вчинивши на тое ж вышномянутое старое мѣстце и к чортомлику в гору днепра сопедлы и сѣчью два года сыдѣлы, а потомъ за беллы гдерей хана указомъ, вныз днепра спустившыся вышше казикермена над камянъкою въ третемъ мѣстцу осѣли булы кошемъ и четири года мешкали, що чынят под крымомъ в тых трех мѣстцахъ всѣхъ лѣтъ числомъ двадесятъ и пить зоставалы, и за благоразсуднымъ поводомъ и уридомъ на той час его милосты пана Ивана Малашевича атамана кошового курѣнnаго пашковскаго, гды Каплань герей ханъ Крымъскій з гетманомъ Орликомъ Станѣславу Лецынскому и з ордами своими иполъ на помощъ под хотѣнь и камянець подолскій проты саса короля полского и проти войска московскаго, хотячи его кролемъ полскимъ постановит и войско запорожское низовое туда ж ганъ крымъскій затягалъ во помощъ, то в той часъ невзволившы рукъ на войско християнское московское поднымат, и жалѣючи кревных своих и всего народу христіанскаго малороссійскаго, же бы орда выбравшы в неволю не запровадыла, з тое помянутой камянъской сѣчы а с под протекціи крымъской, в року вышъ описанъномъ 1734 марта 28 числа рушывшысь,

судомъ воднымъ и трахтомъ степовымъ, и прибувшы того ж марта 31 в гору днепра, и вышше безавлука над подполною мѣстце изобравши, кошемъ по прежнему под владѣніемъ своего ж православного монархи московскаго, сие ест за державы имъператрицы Анны Иоанновны водворылися, именуючыся ей и по ней державцомъ всероссийскимъ во вѣчніе часы служить, чего рады в незабвенную потомъност за кошовства того ж вышпареченнаго пана Ивана Малашевича велено, выжей именованъпънаго ж року и дня записать и лутшаго вѣроятія кто сего потребоватымет войсковою кошовскою печатю при кошѣ подполной утвердить.

(Приложена большая печать войска запорожскаго).

№ 2.

Божіею Милостію отъ Пресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы и Великой Княгини Анны Іоанновны Всероссійской Самодержицы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ обладательницы и наслѣдныя Государыни и проч., и проч., и проч.

Нашего Императорскаго Величества подданному Низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ посполству Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Просителный листъ вашъ отправленный отъ васъ Кошеваго Атамана и всего войска Запорожскаго низоваго съ Иваномъ Бѣлецкимъ и прочими приданными к нему товарищи, Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество получили и какъ изъ онаго, такъ и изустнаго доношенія тѣхъ вашихъ присланныхъ усмотрѣли, что вы Нашу Великой Государыни Нашего Императорского Величества Всемилостивѣйшую грамоту объ отпущеніи винъ вашихъ съ великою радостію приняли, за которую Всенижайше и всепокорнѣйше Намъ благодарствуете и повторительно обнадѣживаете о вѣрности вашей к Намъ, что вы по должности вѣрноподданнической к намъ непремѣно подъ Нашею милостивою протекціею пребывать и противу всѣхъ непріятелей и враговъ Нашихъ, не щадя своего живота стоять будете, покорно прося при томъ, дабы Мы васъ войско Запорожское низовое в своей милости и протекціи содержали и отъ всякихъ нападеній на васъ охраняли. О чемъ о всемъ к намъ и послѣ тѣхъ вашихъ отправленныхъ доносилъ Намъ обстоятельно и пространно Нашъ генералъ и кавалеръ и Кіевской генералъ-губернаторъ графъ фонъ Вейзбахъ.

Мы тѣхъ вашихъ присланныхъ видѣть Наши Императорскія Очи допустили и оныхъ здѣсь до сего времени во всякомъ удоволствіи содержали и съ сею Нашею Великой Государыни Нашего Императорскаго Величества грамотою къ вамъ войску Запорожскому низовому на кошъ милостиво отпустить повелѣли и повторительно обнадѣживаемъ васъ кошеваго атамана и все войско Запорожское низовое Нашею Императорскою милостію и вы-

сокою протекціею, желая дабы вы войско Запорожское низовое по своей подданнической присяжной должности постоянно и непоколебимо въ вѣрности своей к Намъ пребывали и поступали во всемъ противъ того какъ вамъ отъ вышеупомянутаго Нашего генерала и кавалера графа фонъ Вейзбаха приказано и повелено будетъ, который обо всемъ Наши довольные и пространные указы имѣетъ.

Что же вы прелестные и всемъ обманные писма хана Крымского, а особливо измѣнника и клятвопреступника Орлика къ вамъ писанные оригинальные отсылаете къ Нашему генералу и кавалеру графу фонъ Вейзбаху и тѣмъ показуете явно свою к намъ вѣрность, что и впредь чинить вамъ повелѣваемъ, дабы Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество о вашей къ намъ вѣрности столь лучшее обнадѣжены быть могли. О чемъ о всемъ и присланнымъ вашимъ изустно вамъ объявить повелѣно, которые могутъ, яко самовидцы о Нашей къ вамъ милости засвидѣтельствовать и васъ объ оной увѣрить. Данъ въ Санктъ петербурге

17 15 году Марта 6 дня

(Къ грамотѣ придожена большая сюргучная печать).

№ 3.

Божіею Милостію и пр. (какъ въ грам. № 2).

Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ посполству Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Понеже по полученнымъ вѣдомостямъ из Царя-Града от Нашихъ тамо обрѣтающихся министровъ о движенияхъ татарскихъ и о походѣ хана крымского самого из Крыму с восмьюдесять тысячми татаръ, который имѣетъ быть близъ Нашего владѣния и границъ, — Указали Мы Нашему генералу и генералъ-губернатору графу фонъ Вейзбаху, собравъ корпусъ войскъ Нашихъ регулярныхъ и нерегулярныхъ немѣдленно итти на границы и стать в такомъ удобномъ мѣсте, дабы Наше владѣние и границы отъ непріятелскаго впадения не токмо защитить, но в потребномъ случае и знатной над оными поискъ учинить. Того ради Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество сею Нашею Императорскою Милостивѣйшею грамотою повелѣваемъ и вамъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ кошевому атаману и всему Нашему войску низовому Запорожскому и всему посполству по полученіи сей Нашей грамоты быть со всѣмъ войскомъ к тому походу во всякой готовности, дабы по первому указу вышеупомянутого Нашего генерала графа фонъ Вейзбаха могли вы въ тотъ походъ выступить и итти туды куды онъ заблагоразсудитъ и вамъ Нашимъ Императорскимъ указомъ повелитъ и во знакъ своея к Намъ подданнической вѣрности в защищение Нашея православныя христианскія каѳолическия

вѣры и Святаго креста и своего отечества, что отъ него генерала вамъ повелено будетъ в томъ со всякою ревностию и вѣрностию поступать. Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество уповаемъ, что вы сие Наше Всемилостивѣйшее соизволение столь охотно и ревностно исполните, понеже не токмо Нашъ и Нашего Государства интересъ, но и ваша собственная безопасность въ томъ состоитъ, а Наше Императорскаго Величества жалованье ради того походу по прежнему обыкновению съ излишествомъ вамъ выдано будетъ, и Мы Великая Государыня Наше Императорское Величество васъ за то в вящей Нашей милости содержать будемъ. Данъ в санктъ петербурге. іюня 18 дня 1735 года.

(Прилож. больш. сюргуч. печать).

№ 4.

Божіею милостію и пр.

Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго коневому Атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ поспольству Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

На отправленную отъ Нашего Императорскаго Величества къ вамъ подданымъ Нашимъ Іюня 18 сего 1735 году грамоту чрезъ Нашего Генерала и киевского Генералъ-Губернатора графа фонъ Вейзбаха, в которой писано к вамъ по причинѣ вознамѣренного хана крымского с татары походу въ персію чрезъ Наши владѣнія о приуготовленіи вашемъ всего Низоваго войска Запорожскаго не токмо къ супротивлению к онымъ, но в случае потребномъ по опредѣленіямъ помянутаго Нашего Генерала и знатныхъ поисковъ надъ ними, получили мы отъ васъ кошевого атамана и всего товарищества и поспольства Всеподданѣйшее донесеніе сего іюля отъ 1-го числа, изъ котораго Мы со Всемилостивѣйшимъ удовольствомъ усмотрѣли, коимъ образомъ вы кошевой атаманъ, съ войскомъ Низовымъ Запорожскимъ по силѣ выше означенной Нашей Императорскаго Величества грамоты имѣли ко оному воинскому походу надлежаще себя предъ уготовить и противъ оныхъ хана и татаръ помощь и дѣйства чинить. Сею же Нашею Императорскаго Величества грамотою вамъ вѣрнымъ нашимъ подданымъ кошевому атаману и всему низовому войску Запорожскому Мы паки Всемилостивѣйше подтверждаемъ, дабы вы для упрежденія хана крымскаго и татаръ злыхъ и непріятельскихъ противъ Нашихъ Императорскихъ владѣній и земель намѣренія и предпріятія со всѣю вашею войска низоваго Запорожскаго силою безъ всякаго продолженія и замедлѣнія къ скорѣйшему походу и къ службѣ Нашего Императорскаго Величества во всякой готовности были и во всемъ по ордерамъ и опредѣленіямъ Нашего Генерала Графа фонъ Вейзбаха со всякою ревностію поступали и исполняли, въ чемъ Мы на васъ кошеваго атамана и все войско

низовое Запорожское по засвидѣтелной отъ васъ къ Нашему Императорскому Величеству подданнической вѣрности несумнѣнную надежду имѣемъ и за ваши къ намъ вѣрныя службы всегда васъ кошевого атамана и все войско низовое Запорожское будемъ содержать въ Нашей склонной и неотмѣнной милости, якоже по всеподданнѣйшему вашему чрезъ помянутого Нашего Генерала графа фонъ Вейзбаха прошенію и войсковые клейноты к вамъ во знакъ Нашей Императорской высокой милости вскорѣ присланы будутъ. Данъ въ Санктъ петербурге іюля 20 дня 1735 году.

(Прилож. больш. сюргуч. печать).

№ 5.

Божіею Милостію и пр.

Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ посполству Нашего Императорского Величества милостивое слово.

Понеже по смерти Нашего Генерала фонъ Вейзбаха опредѣленъ отъ Насъ надъ тѣмъ корвусомъ войска командиромъ Нашъ Генералъ Лейтенантъ Леонтьевъ. Того ради Наше Императорское Величество сею нашею грамотою вамъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ кошевому атаману и всему низовому войску Запорожскому Всемилостивѣйше повелѣваемъ, поступать в службѣ Нашей и в протчемъ по ордерамъ и опредѣленіямъ помянутаго Нашего Генералъ Лейтенанта Леонтьева з должнымъ послушаніемъ и ревностію, какъ Нашимъ подданнымъ и вѣрнымъ слугамъ надлежитъ. Сверхъ же того отправленъ отъ Насъ на Донъ Главнымъ надъ всѣми Нашими войсками командиромъ Нашъ Генералъ Фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ, которому имѣете вы подданные Наши въ случаяхъ потребныхъ надлежащее послушаніе отдавать и по его ордерамъ и диспозиціямъ службу Нашу со всякимъ прилежаніемъ исправлять, въ чемъ Мы на васъ кошевого атамана и все войско низовое Запорожское по вашей къ Намъ подданической вѣрности несомнѣнную надѣжду имѣемъ и за ваши вѣрныя и усердныя службы всегда васъ подданныхъ Нашихъ будемъ содержать въ Нашей Императорской склонной и несомнѣнной милости.

Данъ в санктъ петербурге сентября « » (число въ текстѣ не указано) 1735 года.

(Прил. больш. сюрт. печать).

№ 6.

Божіе Милостіе и пр.

Нашего Императорскаго Величества подданному низонаго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ поспольству Нашего Императорского Величества Милостивое слово.

Съ какою вѣрностию и усердным прилѣжаніемъ вы кошевой атаманъ и все товарищество и войско низовое Запорожское по своей к намъ подданнической должности въ настоящей кампаніи противъ непріятелей Нашихъ турокъ и татаръ дѣйства чините о томъ намъ по доношеніямъ Нашего генералъ-Фелдъмаршала графа фонъ Миниха обстоятелно извѣстно, которую вашу вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ ревностную службу Мы не инако какъ ко Всемилостивѣйшему Нашему удовольству воспріемлемъ, имѣя несумнѣнную надѣжду, что вы по своей къ Намъ подданнической вѣрности въ тожъ потребное и нужнѣйшее время къ вящей ползе интересовъ Нашихъ и в защищеніе Имперія Нашего и своего отечества противъ помянутыхъ непріятелей надлежащие дѣйства, гдѣ къ тому случай и служба Наша требовать будетъ, съ ревностнымъ радѣніемъ продолжать не оставите за что вы вѣрные Наши подданные содержаны будете в неотмѣнной Нашей Императорской склонной Милости, которой во знакъ и в засвидѣтельствованіе въ показанныхъ вашихъ к намъ службахъ нашего Всемилостивѣйшаго удовольства посланы нынѣ отъ Насъ к вамъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ войсковые клейноты, вновь сдѣланные, которые вамъ отдадутся отъ Нашего Генералъ-Фелдъмаршала графа фонъ Миниха. Мы же пребудемъ к вамъ кошевому атаману и ко всему низовому Запорожскому войску Нашею Императорскою Милостию всегда благосклонны; Данъ въ санктъ петербурге сентября 2 дня 1736.

(Прилож. больш. сюрг. печать).

№ 7.

Божіею Милостію отъ Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы и Великой Княгини Анны Іоанновны Всероссійской Самодержицы и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ обладательницы и Наслѣдной Государыни и прочая и прочая и прочая.

Нашему Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго кошевому атаману Ивану Малашевичу и всему будучему при тебѣ поспольству Нашего Императорскаго Величества милостивое слово.

Какіе прошедшей кампаніи вы вѣрные Наши подданные противъ непріятелей Нашихъ и Креста Христова враговъ турокъ и татаръ при нашей Главной арміи въ Крымскомъ походѣ и въ другихъ случаяхъ мужественныя и ревностныя службы и дѣйства показали и оныя по своей къ Намъ подданнической должности безпрерывно со всякимъ радѣніемъ производите, о томъ Намъ по доношеніямъ Нашего Генерала Фелдъмаршала графа фонъ Миниха обстоятелно извѣстно, которыя ваши вѣрныя усердныя к намъ службы Мы не инако какъ со всѣмилостивѣйшимъ Нашимъ Императорскимъ удовольствомъ пріемлемъ, пребывая въ несумнѣнной надеждѣ, что вы Кошевой Атаманъ и все товарыщество и войско

низовое Запорожское по своей къ намъ вѣрности не токмо въ настоящее зимнее время отъ незапныхъ непріятелскихъ набѣговъ нападѣній какъ на ваши конъ и къ другимъ Нашимъ границамъ по своему искуству ихъ не допускать и пути онымъ пресѣкать, но наипаче надъ оными всякіе удобъ возможные поиски чинить и ихъ партіями и другими способы ущерблять никакого случая не пропустите, но такожде къ будущей кампаніи к сильнымъ противъ тѣхъ непріятелей дѣйствамъ надлежаціе воинскіе приуготовленіи заранѣе учредить и къ тому во всякой готовности быть, прилѣжное тщаніе приложите, дабы въ потребное время по диспозиціямъ и ордерамъ вышеупомянутого Нашего Генерала Фелдъмаршала и другихъ Нашихъ учрежденныхъ Главныхъ Командировъ вы подданные наши въ кампанію немедленно выступить и куда военный случай позоветъ безъ остановки маршировать могли, за что вы подданные Наши можете твердо быть благонадежны о нашей Императорской всегда къ вамъ склонной и неотмѣнной милости и награжденіи, якоже и нынѣ по вашему всеподданнѣйшему прошенію отъ 2 Ноября минувшаго году писанному за показанныя вами къ намъ вѣрные службы повелѣли вамъ кошевому атаману и и всему товарыществу и посполству дать во знакъ Нашей Императорской милости Наше годовое жалованіе противъ прежнихъ обыкновеній, которое къ вамъ подданнымъ пришлется отъ Нашего Генерала Фелдъмаршала графа фонъ миниха по возвращеніи его отъ сюду къ арміе на украйну,— А и впредь Мы видя вашу къ намъ подданическую вѣрность и усердныя службы въ награжденіе Нашимъ Императорскимъ жалованьемъ васъ не оставимъ и пребудемъ къ вамъ подданнымъ Нашимъ кошевому атаману и ко всему Низовому Запорожскому войску Нашею Императорскою милостію всегда благосклонны. Данъ въ санктъ петербурге генваря 14 дня 1737 году. (Прил. большая сюрг. печать).

№ 8.

Божіею Милостію Мы Елисаветъ Первая Императрица и Самодержица Всероссійская и пр., и пр., и пр.

Нашего Императорскаго Величества войска Запорожского низового атаману кошевому Семену Еремеевичю и всему нашему войску Запорожскому.

Минувшаго Апрѣля отъ 28 числа сего 1742 году к нашему Императорскому Величеству присланное отъ васъ всеподданнѣйшее прошеніе о пожалованіи васъ нашимъ Императорскаго величества всемилостивѣйшимъ жалованьемъ и о протчихъ вашихъ войсковыхъ нуждахъ чрезъ присланныхъ вашихъ Константина Милашевича с товарыщи получено; и потому вашему прошенію мы наше Императорское величество въ разсужденіи верныхъ вашихъ къ намъ службъ из Высочайшей нашей Императорской милости всемилостивѣйше указали:

1) нашего Императорскаго всемилостивѣйшаго жалованья вмѣсто прежде отпускаемых червоныхъ золотыхъ и мяхкой рухлѣди и товаровъ какъ тебѣ коневому атаману и старшине и куренным атаманамъ, такъ и на все товарыщство и на духовной чинъ въ мирное и военное время по вся годы всемъ вопще отпускать денегъ по четыре тысячи по пяти сотъ по пятидесятъ рублевъ изъ штатсъ конторы, пороху и свинцу по пятидесятъ пудъ из главной артиллеріи; хлѣба по тысяче четвертей да крупъ на то число по препорціи какъ воинскія дачи производятца не Кременчюцкаго казеннаго магазеина и отпускать оной казенными судами и людми и на прошедшей 1741 и на сей 1742 годы денежное жалованье всего девять тысячъ триста двадцать рублевъ да сверхъ того на покупку къ новостроющейся у васъ въ Запорожье церкви покрова пресвятыя богородицы бѣлого желѣза и на заплату мастеромъ тысячю рублевъ и всѣ тѣ денги такожъ на сей 1742 годъ порохъ и свинецъ при сей Нашего Императорскаго Величества грамотѣ отправленъ къ вамъ с присланными отъ васъ Констянтиномъ милашевичемъ с товарыщи, а для охраненія въ пути отправленъ с ними оберъ-офицеръ съ приличнымъ числомъ салдатъ, а хлѣбное жалованье на оные жъ два года велѣно к вамъ отправить из вышеобявленнаго кременчюцкаго магазейна безъ замедленія, і Всемилостивѣйше уповаемъ, что вы яко наши вѣрно подданные чувствуя къ вамъ такую нашего Императорскаго Величества Высочайшую милость не оставите какъ нынѣ такъ всегда намъ вѣрно и усердно по вашей присяжной должности служить нещадя въ потребномъ случае живота вашего.

2) Третьимъ пунктомъ вышеупомянутого вашего прошенія вы представляли что на предъ сего Запорожскимъ казакамъ въ прогнойскихъ озерахъ волность была соль брать и внизъ по днепру въ водахъ и в протчихъ речкахъ рыбу ловить а нынѣ де слышно что ханъ крымскій не хочетъ ихъ допускать соли въ тѣхъ прогнойскихъ озерахъ брать, и требовали чтоб къ хану крымскому обявить, дабы не возбранялъ имъ никто по прежнему въ прогноихъ соль брать, и на то вамъ нашему войску запорожскому обявляется, понеже означенныя соляныя озера называемые прогнойские в которыхъ мѣстахъ и урочищахъ имѣются въ томъ вашем прошеніи именно не показано и в нашемъ правителствующемъ сенате о томъ не извѣстно; хотя же въ заключенномъ с портою по окончаніи послѣдней войны въ 1739 году мирномъ трактатѣ и конвенціи о границахъ межъ рекъ Буга и Днепра и въ другую сторону отъ днепра до реки миюса за основаніе положенъ прежней 1700 году трактатъ и конвенціи 1705 году по которым вы въ показанныхъ въ техъ мѣстахъ довольство себѣ и имѣли и онымъ ползовались и у бывшихъ при разграниченіи комиссаровъ съ россійской стороны с турками въ 1740 году заключена конвенція, в которой хотя жъ между инымъ и о томъ написано чтоб поддан-

нымъ Всероссійского Имперія въ принадлежащихъ тамо Турецкой державѣ водахъ которые в той провинціи упоминаются и обыменованы рыбу ловить также и в земляхъ ей-жъ другие свои потребности получать смиренно не подавая амбражю, однако жъ для учиненія по вышеозначеннымъ трактату и конвенціи 1739 году границы въ нынѣшнемъ лѣте с обоихъ сторонъ отправлены имѣются въ съѣздъ камисары с россійской стороны нашъ генералъ лейтенантъ князь репнинъ и что у него князя репнина съ турскимъ камисаромъ обономъ постановлено и которыми именно мѣстами граница опредѣлится о томъ по окончаніи оного разграниченія извѣстно быть можетъ, того ради вамъ Нашему войску запорожскому накрепко подтверждается дабы вы до окончанія чрезъ вышеупомянутого генералъ лейтенанта князя репнина съ турскимъ камисаромъ границъ, и постановленія, при томъ о свободныхъ заграницею поддаиныхъ нашимъ промыслахъ, отъ въѣзду вдаль турецкой земли конечно удержалися, отчего вы по сему нашему Всемилостивѣйшему соизволенію всеконечно удержаться должны;

3) въ прежнихъ вашихъ войсковыхъ волностяхъ при урочище тритценевомъ брегадиру апочинину слободъ заводить и ни какова населенія селить Мы не указали, а буде онъ при томъ урочище или въ другихъ вашихъ оседлостяхъ слободу населилъ или селитъ, – оную повелѣли Мы разорить, такожъ и лѣсовъ вашихъ не рубить, ежели жъ при вышепомянутомъ урочище Тритценевомъ і моид...и.цины (?) что заведено оное все разорить-же и где казаки сидятъ оседлостями со пчелами, то у васъ не отнимать и никакихъ обидъ и озлобления вамъ яко нашимъ вѣрнымъ подданнымъ отнюдь не чинить и того накрепко смотреть и престерегать нашему генералу ковалеру и губернатору кіевскому.

4) при перевозахъ лежащихъ к вамъ при койдахъ и каменно-затономъ и при сечи в воротахъ солдатомъ з запорожскими казаками повелели Мы жить безъ всякихъ ссоръ и никакихъ обидъ и озлобленей не чинить и указали Мы смотреть того накрепко оному-жъ губернатору, а в содержаніи тамо карауловъ до ука ..(?) опредѣленны ..(?) поступать по прежнему а какіе и гдѣ именно и для чего великороссійские караулы учреждены, а естли в нихъ по нынѣшнему времяни нужда, о томъ ему киевскому губернатору повелели прислать в нашъ сенатъ вѣдомость, по которой разсмотрѣно и къ вамъ нашему войску запорожскому наша Всемилостивѣйшая грамота прислана будетъ впредь.

5) Кто изъ Запорожскихъ казаковъ пожелаетъ для своихъ нуждъ въ малую россию ехать тѣмъ на фарпостахъ и перевозахъ пропускъ чинить свободный и без взятья перевозного и погребелного, по такимъ пашпортамъ по какимъ и на предъ сего пропускъ былъ чиненъ, а въ платеже въ Малороссіи индукты и пошлин съ продажныхъ ихъ товаровъ поступать съ ними казаками по прежнему какъ въ томъ поступано было на пред

сего непремѣнно не чиня ни какихъ излишнихъ отягощеній и въ пропускѣ по пашпортомъ запрѣщеній.

6) Буде кто изъ купцовъ малороссійскихъ сестными питейными и протчими купеческими припасами в запороже до коша приѣзжать будетъ, оныя по прежнему къ вамъ пропущать и на фарпостахъ остановки и обиды [illegible] чинить.

7) нашимъ курпэромъ и ни кому у васъ подводъ не брать и для взятья оныхъ к вамъ не заѣзжать.

8) Присланные отъ васъ Константинъ Милашевичъ съ товарыщи и рядовые казаки въ бытность ихъ въ Москвѣ і при отпуске нашимъ Императорского Величества Всемилостивѣйшимъ жалованьемъ и в дорогу кормовыми награждены и съ сею нашею Императорского Величества грамотою отпущены к вамъ возвратно и дано им и под отправленое с ними къ вамъ нашего Императорскаго Величества жалованье ямскихъ двадцать подвод.

10) ежели оного нашего запорожскаго войска кошевой атаманъ и протчие старшины для какихъ войсковыхъ нуждъ пожелаютъ ко двору Нашему въ москву или въ санктъпитеръбурхъ быть, оное Всемилости вѣйше отъ насъ вамъ нашему войску запорожскому соизволяется; толко в каждый годъ по единожды и присланных бы не свыше было какъ от десяти до двадцети человѣкъ включая въ томъ числѣ и служителей; и войску нашему запорожскому о томъ вѣдать и чинить по сему нашему Императорского Велучества указу; а въ Малую россію, тако жъ к генералу и къ киевскому генералу губернатору Леонтьеву и въ протчия мѣста указы наши посланы. данъ въ москвѣ 1742 году сентября 16 дня.

По указу Ея Императорскаго Величества Генералъ-фелтъмаршалъ князь Долгорукій, Генералъ фелтъмаршалъ и кавалеръ князь Трубецкой, Канцлеръ князь Алексѣй Черкаской, Генералъ и кавалеръ графъ Григорій Чернышовъ, Генералъ и Гвардіи подполковникъ и кавалеръ Андрей Ушаковъ. Оберъ Шталмейстеръ и кавалеръ князь А. Куракинъ. Дѣйствительной тайной совѣтникъ и кавалеръ Александръ Нарышкинъ.

Генералъ-лейтенантъ князь Михаилъ Голицынъ.

Князь Григорій Урусовъ. Генералъ лейтенантъ и кавалеръ Иванъ Бахметьевъ Штатской дѣйствительной совѣтникъ князь Алексѣй Голицынъ.

Оберъ-Секретарь Павелъ Севергинъ. (Печати нѣтъ).

№ 9.

Божіею Милостію отъ Всепресвѣтлѣйшей и Державнѣйшей Великой Государыни Императрицы и Великой Княгини Елисаветы Петровны Всероссійской Самодержицы и многихъ Государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и Сѣверныхъ обладательницы и наслѣдной Государыни и протчая, и протчая и протчая.

Нашего Императорскаго Величества подданному низоваго войска Запорожскаго кошевому Атаману и всему будучему при тебѣ посполству наше Императорскаго Величества милостивое слово.

Понеже какъ вамъ извѣстно поляки к нашимъ заднепрскимъ за чернымъ лѣсомъ по рѣкамъ висе и синюхе, до рѣки буга лежащимъ мѣстамъ хотя не основательно, однакожъ претензію производятъ, и оные себѣ присвоить покушаются и в тотъ видъ нашимъ подданымъ малоросіянамъ тамо селится препятствуютъ, а разграниченія земель у насъ с полшею по вѣчно мирному трактату еще не было и в тамошнемъ мѣсте по оному трактату о границе которыми именно урочищами вѣдена быть имѣетъ, далѣе черного лѣсу не назначено и окуратного описанія и извѣстія здѣсь о тѣхъ мѣстахъ не имѣется, а сколько здѣсь вѣдомо изстари тѣ мѣста принадлежатъ к Запорожью и во оныхъ рыбные и звѣриные промыслы имѣли и такимъ образомъ ими владѣли наши подданные запорожскіе казаки и о тѣхъ мѣстахъ, и о старинныхъ въ оныхъ границахъ потребному извѣстію без сумнѣнія надлежитъ быть у васъ в войска, для полученія котораго нынѣ отсюду к вамъ в сѣчю по нашему указу изъ нашей колегіи иностранныхъ дѣлъ отправленъ нарвскаго пѣхотнаго полку. Капитанъ Иванъ колюбакинъ; того ради чрезъ сие всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ кошевому атаману и всѣму нашему войску запорожскому о вышеозначенныхъ заднепрскихъ и особливо тѣхъ мѣстахъ на которые поляки споръ производятъ и границахъ во оныхъ с полшею какое бъ у васъ в войскововой канцеляріи об оныхъ извѣстіе находилось письменное или по обявленіямъ старыхъ людей, о чемъ ихъ обстоятелно выспрашивать потребно помянутому капитанту Колюбакину сообщить. в протчемъ мы пребываемъ вамъ нашимъ вѣрноподаннымъ кошевому Атаману и всѣму войску запорожскому нашею Імператорскою милостію благосклонны. Данъ въ Москвѣ, декабря 15 дня 1744 года.

(Подписей нѣтъ; была приложена большая сюргучная печать).

№ 10.

Божіею Милостію Мы Елисаветъ Первая Императрица і Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашего Императорскаго Величества войска Запорожского низового Кошевому Атаману Василію Григорьеву і всему войску Запорожскому.

Въ 743 году майя отъ 25 дня въ нашъ Правительствующій Сенатъ бывшей Запорожской кошевой Атаманъ Константинъ Милашевичъ приносилъ жалобу на войско Донское, что оное чинятъ вамъ не малые обиды и изъ рѣкъ калмиюса и миюса и изъ протчихъ мѣстъ рыболовныхъ вашихъ Запорожскихъ и Болоховыхъ казаковъ отгоняютъ и темъ весма теснятъ, чтобъ овымъ Донцамъ заказать, дабы вамъ въ добычахъ вашихъ никакова препятствия не чинили, и августа 25 дня того-жъ 743 году по

опредѣленію правительствующаго Сената велено Военной Колегіи к войску Донскому накрепко подтвердить, дабы донскіе казаки вамъ въ ловленіи въ вышеупомянутыхъ местахъ рыбы и звери никакова препятствія и обиды отнюдь не чинили подъ тяжкимъ штрафомъ, а та колегія въ Сенатъ представляла,—войско-де донское присланною въ оную Колегію отпискою объ , что Запорожского низового войска казаки ссылаясь на указы и на ордеры присланные отъ Генерала и кавалера Леонтьева и генералъ-лейтенанта князя репнина, которыми яко бы велѣно Запорожскому войску при разграниченіи съ турками земель владеть отъ днепра морскими косами и въпадающими въ Азовское море разными речками, такожъ степными мѣстами отъ вершины Берды до старой границы, яко то миюса и бѣлаго камня и Темерника, которое урочище лежитъ отъ черкаского верстахъ въ пятнадцати для звериныхъ и рыбныхъ ловель и розездовъ и карауловъ, притомъ-же между съезжими въ тамошнихъ мѣстахъ людми заходящихъ ссоръ учиненія расправъ и правосудей прислана отъ васъ войска Запорожскаго нарочная команда и войско де Донское приноситъ жалобы во многихъ учиненныхъ казакамъ ихъ и проезжающимъ не малыхъ обидахъ, грабителствахъ и разореніяхъ и просили, дабы вамъ войску Запорожскому низовому, яко ни мало въ подлежащіе для рыбныхъ и звериныхъ ловель ко владѣнію въ тамошние мѣста въ калмиюсъ въ калчики елапчики а особливо въ миюсъ и темерникъ, також въ морские косы въезд имѣть и вѣдомства войска Донскаго казакамъ обиды приключать указомъ запрѣтить, а довольствоватся бъ вамъ какъ звѣриными такъ и рыбными ловлями противъ прежняго внутри границы, яко то по способности къ вашей сторонѣ вокругъ днепра и въпадающею въ Азовское море рѣчкою Бердою и требовала Военная колегія о вышеписанныхъ произшедшихъ между Донскимъ и Запорожскимъ войсками несогласияхъ и особливо о причиненныхъ отъ вашихъ Запорожскихъ Донскимъ казакамъ и провѣзжающимъ обидахъ, разоренияхъ, грабительствахъ указа и сентября 30-го тогожъ году по опредѣленію Правительствующаго Сената посланъ къ брегадиру и крепости святыя анны коменданту вырубову указъ,—велѣно ему между вами Запорожскимъ и Донскимъ войсками въ рекахъ, въ лѣсахъ, въ степныхъ мѣстахъ и въ прочихъ угодяхъ разобрать по справедливости по имѣющимся у васъ писменнымъ документамъ (ежели есть) буде же письменныхъ документовъ нетъ, то со обоихъ сторонъ старыми и знающими старшиною и казаками и отвесть вамъ Запорожцамъ для довольствия вашего рыбныя и звѣриныя ловли такогожъ степи и протчии угодьи тѣ которыми вы напредъ сего будучи подъ Россійскою державою владѣли, а въ рыбные бъ и звериные ловли и въ степи и въ протчии угоди принадлежащии Донскому войску отнюдь не въезжали, ежели жъ казаки Запорожские зачемъ живутъ на той сторонѣ моря—оныхъ выслать и впредь для житья въездъ имъ туда запрѣтить, о чемъ

въ военную колегію указъ, а къ вамъ войску Запорожскому и Донскому грамоты посланы; а майя 22-го 744 году вы Запорожское войско присланною въ Сенатъ отпискою объявляли что де вашимъ казакамъ не малые отъ донскаго войска прошедшаго года обиды по сей сторонѣ миюса послѣдовали и по косамъ морскимъ многимъ вашимъ казакамъ рыболовамъ донцы знатнымъ насздомъ своимъ разоренiи учинили и шалаши огнемъ пожгли и пожитки забрали и дву казаковъ,—одного убили, а другова огнемъ сожгли до смерти и просили вы, чтобъ опымъ Донцамъ впредь того чинить запрѣтить, такожъ къ козакамъ донскимъ указомъ подтвердить, дабы они казакамъ вашимъ Запорожскимъ по сей сторонѣ миюса рыбу ловить не препятствовали, а июля 31 дня того-жъ году по опредѣленiю правительствующаго Сената велѣно военной колегии для разобрания вышеписанныхъ вашихъ запорожскаго и донского войска ссоръ и показанного размѣжевания въ рекахъ, в лѣсахъ и в другихъ мѣстахъ отправить изъ обретающихся тамо полковъ штабъ-офицера доброго и надежнаго человѣка и велѣть ему въ томъ поступать и о всемъ чинить по самой сущей справедливости, какъ прежде было повелѣно брегадиру вырубову, а къ вамъ войску запорожскому и донскому накрепчайше подтверждено указами, дабы вы з донскими казаками между собою никакихъ ссоръ и другъ другу обидъ не произносили, паче же, не принадлежащие вамъ мѣста отнюдь не въезжали, а всякой бы тѣмъ ползовался, чемъ кто прежде изстари владелъ и ползовался, чего ради и отправленъ шлютелбургского пехотного полку подполковникъ Яковъ Бильсъ, которой въ Нашъ правительствующiй Сенатъ ноября отъ 27 дня прошлого 1745 году репортовалъ, что для того межевания назначено было отъ него мѣсто, гдѣ быть собранию какъ донского такъ и вашего запорожского войскъ капвою при старшинахъ и сторожилахъ, яко, где вашего запорожского войска полковникъ черной всегда съ командою находится к реке еланчикъ, куда и онъ по присылке отъ донского войска конвою жъ и старожиловъ отправился из лагиря при темернике 15 сентября и прибылъ къ усть реки миюса и какъ де хотелъ з донскими казаками на назначенное къ еланчику место чрезъ миюсъ переправится, то предписанной вамъ запорожскiй полковникъ черной чрезъ миюсъ донскихъ казаковъ кромѣ его пропустить не хотелъ и обявилъ, чтобъ онъ на назначенное мѣсто съ имѣющими при немъ солдаты ѣхалъ, а донскую команду чрезъ миюсъ съ нимъ не пропуститъ, а ежеле де оные поедутъ, то они будутъ оборонятца, почему при усть миюса стоять онъ принужденъ, куда и отъ вашего запорожского войска по требованiю ево старшины и сторожилы при писмѣ того войска отъ тебя кошевого Атамана (въ которомъ объявилъ, яко не имѣя къ тому писменныхъ документовъ, что за прошедшую шведскую баталiею потеряны, а основатца на отправленныхъ сторожилахъ по изустнымъ показанiямъ, то можевание учинить) октября 7 дня присланы и въ томъ межe-

ванiи надлежало-бъ разобрать письменными документами точию де оныхъ со обоихъ сторонъ при томъ не показали, для чего отъ старшинъ и старожиловъ взять по прежней должности сказки о рекахъ, лесахъ и протчихъ угодiяхъ о владеющихъ нынѣ вами и по тѣмъ сказкамъ о спорныхъ угодiяхъ обои стороны увѣряютъ къ своей правде, зачемъ и основанiя къ размежеванiю взять нечего, токмо донские старшины и старожилы въ той сказкѣ своей между протчимъ показали, что владели они теми спорными мѣстами и до речки Берды, гдѣ ныне граница положена между Россiйскою Имперiею и портою атаманскою изъ давнихъ лѣтъ, а въ свѣжей де памяти отъ самаго перваго взятья города Азова даже до самовольнаго вашего вступленiя тому назадъ третей годъ, на противу же той сказки присланные со стороны войска вашего Запорожскаго старшины: Иванъ белой, да григорей рожокъ объявили, что довольствуется вы теми спорными мѣстами тому третей годъ и письменно о томъ показали, якобы не самоволно, по потому что когда въ прошломъ 741 году было размежеванiе между Россiйскою Имперiею и портою атаманскою нашимъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ неплюевымъ, тогда де отдано во владенiе портѣ атаманской по той сторонѣ днепра отъ аплыка городового даже до реки Каменки, которымъ вы войскомъ запорожскимъ владели, а въ место оного вамъ опредѣлено отъ него тайнаго совѣтника владѣть тѣми спорными мѣстами, на что де вамъ и грамота отъ него неплюева дана, которая имеется въ Запорожской сечѣ при войсковыхъ дѣлахъ, а въ присланномъ отъ васъ к нему подполковнику отвѣтствiи показано, что ваши войска запорожскаго старшины о томъ, что якобы овладенiи вамъ теми угодiй грамота отъ тайнаго совѣтника Неплюева дана показали за простоту свою принятая данные вамъ отъ нашего-жъ генерала и кавалера князя Репнина и отъ оного тайного совѣтника Неплюева о заключенiи вечнаво мира между россiйскою имперiею и портою атаманскою списанныхъ с инструментовъ и протчихъ договоровъ копiи, с которыхъ сказокъ и со оного вашего отвѣтствiя сообщилъ копiи и требовалъ Нашего Императорскаго Величества указа с какова основанiя въ техъ спорныхъ земляхъ лесахъ и рекахъ и другихъ угодiяхъ по темъ сказкамъ между вами нашими запорожскимъ и донскимъ войсками межеванiе произвесть, ибо де хотя по тѣмъ старожиловымъ отъ войска донскаго показанiямъ въ рекахъ, въ лесахъ въ другихъ местахъ надлежало ему самому освидѣтелствовать, но отправленные отъ васъ запорожцы техъ донскихъ старожиловъ с канвосмъ какъ и выше сего явствуетъ не пропустили, для чего ему собою обезжать тѣ места без показанiя и без канвою никакъ было не можно; а в сообщенныхъ в сенатъ отъ вышепомянутаго подполковника бильса скасок старожиловъ старшины и казаковъ копiяхъ показано, — войска донскаго: Когда-де нашъ вселюбезнейшiй родитель блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Государь Петръ Великiй изволилъ взять въ 698 году городъ Азовъ,

тогда-де люгенская крѣпость, которая за турками была для не пропуску по черкаского в море судами отдана была во владѣніе войску донскому и протчия речки и угодя, а имянно речки чюленки, донской и морской бѣлый камень, самбекъ и черепаха и по всемъ косамъ отъ города троецкаго даже до бердъ и впадающіе въ море косами, яко то петрушиною тубою, золотою лучкою бѣглицкою миюскою кривою, еланчицкою, калміюскою, белосарайскою даже и до бердъ, — на всѣхъ вышеписанныхъ косахъ и рѣчкахъ они казаки войска Донскаго рыбными ловлями доволствовались и добывались, такожъ и по верхамъ отъ рѣчки миюса до крымки речки, которые впали в миюсъ речки: еланчикъ малой, еланчикъ болиной впалижъ въ море на оной вершинѣ и имѣютца леса с пристепками; речка миюсъ устьемъ въ море-жъ в нали, такожъ и на оной вершинѣ леса имѣютца, на которыхъ рѣчкахъ войска донского казаки конканами зверей лавливали, речка волненская падаетъ въ калміюсъ, речка калецъ нала въ калміюсъ къ морю, зенина балка впала жъ въ море, речка берда, где нынѣ граница положена между россійскою и атаманскою Имперіями и по всѣмъ де вышеписанымъ речкамъ и косамъ войска ихъ донскаго казаки какъ рыбною ловлею такъ и звериною доволствовались и по верхамъ оныхъ ихъ калмыки юртовыя кочевали даже до самаго моря; а войску де запорожскому принадлежатъ рѣки: днепръ, самара, волчьи ямы большія и малыя, гайчолъ масковка и протчие впадающие в днепръ реки и речки; да и по темъ де верхамъ ихъ казаки зверей лавливали и конканы ставливали по вышеписаннымъ впадающимъ въ азовское море речкамъ по устьямъ казаки рыбу лавливали, а по ихъ верхамъ, какъ і выше означено зверей бивали, и владѣли они теми реками лесами, степями и протчими угодями безпрепятственно на которыхъ ихъ казачьи и калмыцкіе табуны на предъ сего хаживали до бердъ и не токмо въ лѣтнѣе время но и чрезъ всю зиму въ пастбѣ находились; и владѣли де они донское войско теми урочищи отъ самого взятя города азова даже до вступленія во оные места васъ войска запорожскаго: а въ скаске войска вашего запорожскаго старожиловъ старшинъ и казаковъ показано: при жизни де блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра великаго мѣста отъ реки бардъ и до самаго бѣлаго каменя во владеніи было вашего войска запорожскаго низоваго, яко то рѣки, леса, степи морскіе косы і протчие угодя, а имянно река берда, балка зеленая балка-камышеватая, бѣлосарайская коса, противъ ея пресной лиманъ, балка самарина, балка зенцова, река калміюсъ, балка красный ярокъ, коса забаруйская, балка карагодова, коса безымянная, речка грузкой еланчикъ, кривая коса, средней еланчикъ, сухой еланчикъ, река миюсъ и при ней коса семеновская, коса тожъ бегличкая, коса золотая, туба Петрушина, и оные реки балки и косы впали въ азовское море; а в вышеписанные жъ реки впали жъ речки и балки, а имянно в реку берду береснѣговатая,

каратель, каратинъ, въ реку калміусъ сухая волноваха, мокрая волноваха, бересневатая балка, дубовая, столовая, вербовая, чернецкая, тертовая речка калецъ, а во оную вналъ калчикъ, балки груская, осиковатая въ речку грускої Еланчикъ, балка росовъ въ средней еланчикъ, такожъ вналъ балка росовъ въ реку міюсъ, балка носова, речка соромоцкая речка неклеповка, балка крынка, сухая крынка, великая; и по вышеписаннымъ де рекамъ, балкамъ, степямъ и морскими косами, владели и довольствовались рыбною и звериною ловлями безпрепятственно ваше войско запорожское отъ самаго взятья города азова, даже до отдачи Азова въ турецкое, владение и те де вышеписанные места надлежатъ войску запорожскому низовому, а нынѣ в нынъ правителствующій сенатъ войско донское всеподданнѣйше доносили хотя де по Нашему Императорскаго величества указу подполковнику Билсу между донскимъ и запорожскимъ войсками въ рекахъ, въ лесахъ и въ протчихъ мѣстахъ размѣжеваніе и велѣно учинить, к чему и отъ войска донского старшины с конвоемъ и нѣсколько старожиловъ были опредѣлены, но токмо де по необстоятелному присланныхъ отъ васъ войска запорожскаго старожиловъ обявленію, якобы имѣютца у васъ о владѣніи даже до самаго темерника, которой отъ черкаского лежитъ в двадцати верстахъ степными местами и морскими косами данные отъ нашего генерала и кавалера князя репнина и тайнаго совѣтника неплюева указы, которые обязались ему подполковнику билсу из сечи привесть того разграниченія не учинено, а потомъ продолжая з два мѣсяца прислали отъ кошу к нему въ крепость святыя анны Есаула и казаковъ з доношеніемъ въ которомъ объявили; что у васъ о владѣніи теми мѣстами никакихъ письменныхъ документовъ не имѣетца, а между тѣмъ из вашихъ запорожцовъ немало число в противность Нашихъ Императорского Величества указовъ для рыбныхъ ловель переехавъ на кубанскую сторону моря, и построя шишки де рыбныя ловли отправляли, куда хотя по представленію ихъ посыланъ былъ отъ него подполковника билса подпрапорщикъ разинкинъ, а от войска донского старшина Ларіоновъ, для згоненія оныхъ вашихъ запорожцовъ и сожженія ихъ шишей которыхъ насхавъ в разныхъ косахъ не мало от туда согнали, а шишки ихъ пожгли но потомъ спустя малое время паки вашн запорожцы на кубанскую сторону моря переехали, и построили на техъ же местахъ между чюбурскою и ейскою косами три шишка, о чемъ сколь скоро они уведали то отправили из черкаского нарочныхъ тамошнихъ калмыкъ которые те новостроенные шишки и рыбу сожли, а запорожцы на пяти лоткахъ въ море уехали откуда они продолжая путь свой даже до ей и усмотрѣли въ турецкой сторонѣ на острову построенныхъ еще четыре шишка — одинъ большой а три малыхъ, к которымъ за разлитіемъ воднымъ доехать не могли, — при томъ они войско донское представляли ежели-де запорожские казаки не будутъ отъ тамошнихъ німало ко владѣнію вамъ войску за-

порожскому принадлежащихъ мѣстъ отдалены, то всекопечно отъ того они донские козаки могутъ притти в крайнее разорение и по Нашему Императорскаго Величества указу правительствующій Нашъ сенатъ, по доволномъ о томъ разсуждении и по усмотрѣнію из ландкарты учиненной между россійскою имперіею и портою атаманскою границамъ отъ реки бута до днепра и чрезъ днепръ до реки берды и до протчихъ въ падающихъ в азовское море рекъ калмиюса, еланчика, миюса и темерника до реки дону и до черкаской крепости опредѣлилъ, — понеже какъ отъ вашего запорожского такъ и отъ донского войскъ на выпеобявленые спорные места кому оныя принадлежатъ никакихъ письменныхъ документовъ какъ из выпеобявленного репорта подполковника билса явствуетъ необявлено; а на выпеобявленныхъ от обоихъ сторонъ старожилахъ старшинѣ и казакахъ утвердится невозможно; того ради дабы впредь у васъ войска запорожскаго никакихъ уже отнюдь з донскими казаками споровъ и сеоръ не происходило; отвесть нынѣ во владѣніе земли і реки і лесныя угодья и велѣть владеть; а имянно вамъ войску запорожскому отъ днепра рекою самарою волчьими водами бердою калчикомъ и калмиюсомъ и прочими впадающими в нихъ речками и падлежащими и тѣмъ рекамъ косами и балками і всякими угоди по прежнюю 1714 году границу, которые и по послѣднему с портою атаманскою разграниченію оставлены въ сторонѣ россійской имперіи; а от реки калмиюса –еланчикомъ криюсомъ миюсомъ темерникомъ даже до реки дону и всеми впадающими въ нихъ речками балками и косами и оныхъ вершинами и всякими угоди состоящими по оному жъ разграниченію владѣть донскимъ казакамъ; и для того быть между вами запорожскимъ и донскимъ войсками помянутой реке калмиюсу границею; а отъ вершины оной прямою чертою даже до прежней 1714 года россійской съ портою атаманскою границы учинить приличную межу и поставить грани и притомъ вамъ запорожскимъ и донскимъ старшинѣ и казакамъ объявить съ подпискою чтобъ вы какъ рыбными такъ и звериными промыслами в водахъ и в лесахъ и в степяхъ довольствовалися теми показанными местами безовсякаго спора и впредь войска запорожскаго казаки кромѣ калмиюса до другихъ рекъ еланчика миюса темерника и протчихъ такожъ и въ степи и за калмиюсъ отнюдь кромѣ сосѣдственныхъ необходимыхъ добропорядочныхъ дѣлъ или нуждъ не ездили и донскимъ казакамъ никакихъ обидъ не дѣлали, такимъ же образомъ поступать с вами запорожцами и донскимъ старшинѣ и козакамъ неотменно подонасещемъ на обе стороны жесточайшаго Нашего Императорскаго Величества гнева и истязанія, а при томъ розводѣ никакова упрямства ни с которой стороны какъ то прежде вашего войска запорожскаго полковникъ черной и казаки в приездъ вышепомянутаго подполковника билса показали, что для осмотру и межеванія техъ земель донскихъ козаковъ, кромѣ однихъ солдатъ и старожиловъ не пропустили и темъ Высочайшему Нашего Имие-

раторскаго Величества указу учинили противность, — всеконечно не чинить, для чего жъ тогда вышеобявленную противность оной полковник черной в не пропуске при подполковникѣ билеѣ донскихъ козаковъ за миюсъ учинилъ и хотѣлъ ежелибъ оные донскіе казаки чрезъ миюсъ при немъ подполковнике поехали оборонятся, о томъ взять у него тебѣ кошевому атаману отвѣтъ и прислать в сенатъ и и впредь вашимъ запорожскимъ казакамъ на кубанскую сторону и на не принадлежащіе имъ морскіе косы для рыбныхъ промысловъ и низачемъ отнюдь не ѣздить и шишей не строить подъ тяжкимъ штрафомъ, а о прежде показанных отъ донскихъ казаковъ запорожскимъ а отъ запорожскихъ донскимъ убивствахъ и обидахъ накренко изслѣдовать и решение учинить по силѣ прежнихъ нашихъ указовъ, о чемъ въ военную колегию и къ нашему генералу и кіевскому генералъ губернатору леонтьеву указы и к войску донскому грамота посланы, — и войска запорожскаго низового кошевому атаману василью григорьеву и всему войску запорожскому о томъ вѣдать и чинить по сему Нашего Императорскаго Величества указу. майя «12» дня 1747 году.

(Подписи).

№ 11.

Ея Императорскаго Величества Малой Россіи обоихъ сторонъ Дѣпра и войскъ Запорожскихъ Гетманъ дѣйствительный Камергеръ Императорской Академіи наукъ Президентъ, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку Под-Подполковникъ, разныхъ орденовъ кавалеръ, Россійскія Имперіи Графъ Кириллъ Разумовскій.

Войска запорожскаго господину Атаману Кошовому, старшинѣ тамошней войсковой Атаманамъ Куреннымъ и всему войску Запорожскому Низовому добраго здравія и всякаго благополучія желаемъ.

По волѣ Всемогущаго Бога и по послѣдовавшему Ея Императорскаго Величества соизволенію всѣ духовные и мирскіе чины, войско и весь народъ Малороссійскій вольнымъ и согласнымъ желаніемъ по правамъ и вольностямъ своимъ изобрали Насъ во всей Малой Россіи, обоихъ сторонъ Дѣпра и войскъ Запорожскихъ Гетманомъ, а минувшого Іюня 5 дня сего года Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня именнымъ за подписаніемъ собственныя своея Высокомонаршія руки Указомъ оное избраніе конфирмовать соблагоизволила и потому Мы послѣдуя Высочайшему Ея Императорскаго Величества благоволенію и оныхъ Малороссійскихъ чиновъ войска всего народа желанію то Гетманское достоинство получивъ, при томъ призналы себѣ за надлежащее по должной нашей ко отечеству любвы всякое имѣть о благосостояніи онаго попеченіе, чего для до Нашего въ Малую Россію прибитія дабы тамо во всякихъ дѣлахъ, какъ в войсковой Генеральной канцелярін, такъ и въ судѣ Генеральномъ добропорядочное въ силѣ правъ и привилегіевъ Малороссійскаго народа

происходило правленіе. содержать правительство опредѣленнымъ изъ Генеральныхъ старшинъ персонамъ учредили и дабы всѣ обще и каждій особливо вѣдая о таковой волѣ и опредѣленіи Нашемъ тому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего правительству во всемъ были послушны и въ чемъ подлежитъ в тѣ обѣ правителные мѣста отзывались и требовалы отъ туду надлежащихъ резолюцій в томъ чрезъ посланные отъ Насъ во всѣ Малороссійскіе полкы универсалы подтверждено, а понеже минувшаго Октября въ 19 день сего-жъ года Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая Государыня Высочайшимъ именнымъ за подписаніемъ собственныя своея руки указомъ повелѣть соизволила:

вамъ сѣчовому Запорожскому войску съ вашимъ атаманомъ и Кошемъ такожде съ принадлежностмы быть въ вѣдомствѣ у насъ Гетмана, какъ-то и въ прежнія времена до 1708 года было.

Того рады дабы вы господинъ Атаманъ сѣчового Запорожскаго войска съ старшиною войсковою, атаманы курѣнніе и все войско Запорожское и каждій изъ васъ о таковомъ Высокомонаршемъ Ея Императорскаго Величества именномъ указѣ вѣдали чрезъ сей универсалъ нынѣ вамъ даемъ знати. Вы же будучи въ томъ извѣстны, дабы такъ до насъ Гетмана о состояніи своемъ и въ чемъ нужда и случай укажетъ, яко и къ помянутому учрежденному отъ насъ до прибытія нашего въ Малую-Россію Правителству отзывалися и требовалы во всемъ въ чемъ подлежитъ резолюціи властію нашею гетманскою повелѣваемъ. А мы съ всею Малою Россіею васъ войско Запорожское низовое по вашей къ Ея Императорскому Величеству вѣрности и рачителному къ намъ усердію содержать въ нашей собственной дирекціи и призрѣніи декларуемъ.

Данъ въ Санктъ-Петербурге 1750 года Ноября 9 дня.

Гетманъ Графъ К. Разумовскій (собственноручно).

№ 12.

Черновыя бумаги по перепискѣ Коша съ Прав. Сенатомъ, Коллегіею Иностр. дѣлъ, съ Гр. Разумовскимъ и разными учрежденіями за 1755—1759 г., выясняющія права и привилегіи войска запорожскаго, внутреннія распоряжки и недоразумѣнія съ Крымомъ.

Бумаги запорожскихъ пословъ бывшаго кошевого атамана Даніила Стефанова, Петра Калнишевскаго и Ивана Глобы, бывшихъ по нуждамъ Коша въ С.-Петербургѣ въ 1755—56 году.

«Журналъ». Прибыли в' Пѣтербурхъ 29 іюня рано возимели квартеру в переведерской близ Мойки. в оный день по литургіи ранней в крепости петропавловской за тезоименитство молебен і пушечная доволная палба учинена в пѣтергофѣ. Ея величество і всѣ господа знатние у именинников торжествовали где і я. в. гетманъ бил.

Прибил гетманъ 4-д іюля А 5 ми к нему предстaвленны и по многихъ разговорах трактовании водкою і бил милостив весма і по подани жъ от воіска прошенія которое сам принял і обецался служить і вино чрезъ Совѣтника Теплова доставлено.

8 іюля з листомъ на іми Ея В. от ясnев. у великого Государственнаго канцлера графа Бестужева Румина были приняты и велѣл в коллегию ходить.

10-д іюля билн в вице канцлера графа Воронцова по довольних разговорах трактованн водкою і обѣцался разсмотря дѣло служить.

воной же ден у него цесарскіе посли три министри і гетманъ кушали и бал билъ.

Посланникъ турецкой стоялъ над невою за кадетским корпусом в домѣ каменномъ огромном. принимал весма знатно. аудиенцію імелъ во дворцѣ. Гвардия и протчие полки от кадетовъ до дворца стояли. Даравалъ каретъ у (?) 300 червонними. выехалъ посланник турецкі 12 іюля безъ церемоніи.

Стали на отведенной... квартерѣ въ... в князя урусова 18 іюля

Отправленно чрезъ рейтара по киевской почтѣ в кошъ писмо 17 іюля

вторие писма въ кошъ посланни 26 іюля чрезъ войскового товарищ василя золотаревского.

Прибила всемилостивѣйшая Государия в петербѣ з петергова против 3-д августа с полуночи въ 1 часу с крѣпости і з адмиралтейства палба доволная била.

Отправился чрезъзвичайний посел дѣйствителній статскій Совѣтникъ князь Сергѣй долгоруковъ в царьградъ 26 Сентября.

внехал полковник солтанъ 19 Сентября 1755 г.

в кефѣ іюля 8-д в полудни буря силная із (неба просо и пшеница как дождь пила и зерна присланни.

Бакцисарай вѣтеръ роскидалъ и слѣда нѣтъ на пачайском полѣ видѣние было на небѣ огненная армия брань имѣла такову что кров оттуда какъ дождь силная пила.

В городе Баклове между села Такцима іюл град в три пуда і многих людей побил і строений каменних гори там сверху до низу облити били облаками густими как... (неразборчиво написано) курение дыму и глась трубья всюди бил превеликой. С полтави 15 іюля пісанно от генерала сенатора багреева к брегадиру власьеву в киевъ.

Кушали мы во дворцѣ 5-д Сентября въ началѣ 12 часа с полдня 24 человѣка нашего воіска по іменному Ея В. повелѣнню объявленному намъ чрезъ вице канцлера графа Воронцова при чемъ и маикарадъ бил 1755 году.

Петръ Ивановичъ К (Калнишевскій) отправился 9 февраля 1756 года.

Перенесена экспедиція і наше дѣло із коллегіи в сенатъ 2 февраля.

выслушано наше дѣло сенаторами Апреля 1-д 1756 году.

Опредѣленіе по всему дѣлу от сената объявлено намъ іюля 2-д 1756 года по приказу генерала прокурора...
чрезъ экзекутора сенатского въ экспедиціѣ.

Письмо из Коша 17 іюля 1755 года.

Велможнні Господинъ Коповой Атаманъ Григорій Федоровъ.

Панъ милостивый Государь.

В день Петра і Павла 29 прошедшого іюня прибили ми благополучно в пѣтербургѣ і у ясневл. а от него в государственних канцлеров бестужева і воронцова с представленіем его били і обнадежени милостию ожидать і велели ходить в коллегию іностранних дѣлъ. А во всѣхъ то і слово что крѣпкое нарѣкание за непорядки а паче за перемѣну комендировъ и ослушание высочайшего о неперемѣнѣ указа і я. в. говорит что Ея j. во за то весма не доволна і неостанетца опое втунѣ да і пан писарь безбородко і совѣтникъ Новоторжцовъ то з сожалѣніемъ говорить пану писару писмо и презентъ от велможности вашей да і новоторжцову восѣмь лисиць вручили. Благодарили і обѣщались служить. Панъ писарь милостив и служит хорошо только о самарѣ за богородицами стоить. Однакъ обо всѣмъ что отъ коша прошено все точно в коллегию представленно от ясневл. чрезъ насъ а коллегия з сенатомъ имѣеть разсмотрѣть. Однак непадежно скоро да і богъ зна что буде о таможнѣ милость надежна хоть несовсѣмъ. А о земляхъ фундамента нѣоткудова взять. На малороссійскую Архиву хотя і засилались однак пан писарь объявилъ что Хмелницкого архива в измѣну Мазепи увезена Орликомъ писаремъ тогдашнимъ енералным: а пункта хотя і есть да перевернени на копиях наших не знаетъ чтобъ утвердили. Однак... пункта Хмелницкого служить отчасти нашому сторону могутъ когда приплетця із коллегиі к гетману грамота. О справки і подачѣ презентовъ квартеру ми наняли на 5 р. на мѣсяцъ без дров безъ всего во второй мѣщанской улицѣ на переведерской обнадежили заплатить с коллегіи богъ зна получим ли. Прогоновъ заплатили ми сюда із Глухова на 8 лошадей до 60 р. ибо из Москви до Пѣтербурга весма дорога фура. Мушкатель довезли с трудностию однак не спортилос і мало. Чрезъ Теплова я. ву доставили толко по отдачѣ у я. в. еще не били благодарения не слихали надѣемся будетъ доволенъ бо тутъ вино весма дорого сплная пошлина за него. А бенкети частие да і богатие. — 17 іюля 1755 году.

Дописка — «въ такой же силѣ вторично писано в кошъ 25 іюля 1755 года».

На томъ же листѣ:

Въ генеральную войсковую канцелярию

Покорное доношение.

Для дороги и бития нашего в Санктпѣтербурге (яко там нам по многимъ войсковими уждамъ і забавится небезнадежно) взяли ми з собою двойной водки всяк з нас по пяти вѣдеръ на которую для свободного і безплатежнаго по указамъ провозу генералной войсковой канцеляриі покорнѣйше просимъ повелѣть дать листъ. Іюля 5 1755 году. Глуховъ».

Письмо въ Кошъ 28 Августа 1755 года.

«Велможный Господинъ Атаманъ Григорий Федоров з достойно почтения старшиною і курѣнними Атаманами.

Наши милостиво надежние благодѣтелѣ.

Чрезъ сие велможности вашей доносим дѣло наше производитца таковимъ порядком. Архива споловину розбили толико унѣверсала еще не сискали А имѣють послать въ Москву послѣднюю старинную осмотрет архиву там не сисщут ли А безъ того о земляхъ резолюціи не будет другие в ползу рѣчи прежнихъ гетманов обнадеживают что есть подленно только неудоволствовавши коллежских по нашему дѣлу опредѣленний не объявлять правдою, почему ми хотя нѣкоторих по чести обдарили і отъ них надѣемся помощи толко еще другихъ болших надобно обѣсчать і просить: для того велможности вашей і всего войска покорнѣйше просим не можно ли футеръ чорнихъ вѣнчурнихъ хотя три іли двѣ какъ возможно спскать і прислать чрезъ рейтаръ А господинъ генералъ Костюрин то учинит пс киева всегдашнею сюда почтою а іс коша в киев прислать нарочним, ібо тут весма. в диковинѣ якие б ми отдали совѣтникам коллежским чего они желають і наговорують А ми і свою едну уже туда збули ібо без того крайне обойтис не можно и говорить не хотят весело не давши на кормъ не опредѣленно намъ нѣчего хотя уже і просили говорятъ увидим по дѣлу тогда и резолюцию дадимъ о таможнѣ в сенатѣ разсуждение дѣлается неположенному із коша вещамъ числу в сѣчъ із малой россии а из сѣчи в малую россию в годъ сколко потребно входить взяли в нас ізвѣстіе а ми зъ совѣтомъ пана писара енералного безбородка положили поданной отъ коллегіи реестръ число таково овечихъ кож 60000, рогатого скота кожъ 4000, овецъ 20000, сукна простого аршин 300000, шерсти овечой 100 пуд., гороху 400 пуд., свинцу 500 пуд., ружжа щетомъ 50000 і подано то въ колегию к представлению сенату а зверхъ того панъ безбородко и протчие сумнѣваются что з коша положено хлѣба соли и риби весма числомъ мало положит било втрое де болше пущай би . . . опредѣляли сколко хотели і совѣтовали нам в кошъ о сем писат (тутъ письмо прерывается и слѣдуетъ — «Господинъ іванъ Афанасіевичъ Іа солгати не умелъ и для того по обещанію приходилъ нарочно, а впредъ простѣте.

Слуга в. ъ Іеродіяконъ парніелъ (?) кадетского корпуса».

Дальше—«Спробовати пера и чернила», а затѣмъ — продолженіе письма) представить к ясне в. прибавку хлѣба на всякого человѣка по 3 четверти і число войску положить для того велможности вашей і всему войску донося просим хоть із списковъ по которимъ въ куренях казну роздають и протчихъ неуписнихъ туда прибавить ибо оного числа войску весма здѣсь надобно і по нашей прозбѣ о прибавки казни требують неотмѣнно. да соли и риби прибавте хотя с тѣм резоном что паровыхъ возов не положенно но толко четвер... противъ четвѣре вдвое паровихъ хоживало і положить в двое да горѣлки прибавить борошна гречаного и скоту рогатого з малороссіи неписано положить не худо да полотна добавить надобно разсуждая на всякого человѣка аршинъ въ годъ по 30 а положено толко 40000 А войска не класти менше какъ 20000 ібо мы такъ тутъ объявили.

І оное представление да і намъ ордеръ за ізвѣстие с повеленіемъ о томъ стрява(?) чрезъ нарочнаго въ глухов какъ возможно скоро просим прислать и писать въ генералную канцелярию даби съ почтою беззадержания сюда прислапно да ежели можно і вѣнчури с тою ж посилкою въ глухов прислать і о пересилки сюда просили да і до пана Якубовича писать особливо о томъ: впротчемъ же отдая нашъ уклонъ пребиваемъ. Августа 28 1755 года. Отправленно по Глуховской почтѣ чрезъ войсковаго товарища Затиркевича».

Дальше—«Чрезъ полковника Солтана писано 19 Сентября 1755 въ кошъ.

Чрезъ рейтаръ киевских писано въ кошъ октября 4 дня.

Чрезъ кумпанѣйця Пилипа писано въ Кошъ ноября 24 дня».

Реестръ какихъ товаровъ и вещей сверхъ написанных» (въ доношеніи объ этомъ въ Кіевскую губ. канцелярію кошевого атамана Григорія Федорова отъ 1 мая 1755 г.) «от войска низового запорожского в дополнение про то войско ещо надобно и коликое число по мнѣнію нашему о нихъ въ год тамъ сойти без ізлишества можеть значица подъ числом 1755 году Октября 10».

1755 году декабря 5 д. в государственной коллегиі иностраннихъ дѣлъ прислание отъ запорожского низового воіска по войсковимъ дѣламъ бивший кошовой атаманъ д. с. (Данило Стефановъ), старшина П. К. (Петръ Калнишевскій) І. Г. (Иванъ Глоба) въ пополнѣние о городѣ самарѣ о никитинском і кодацкомъ перевозахъ показали что крѣпость старая Самара состоитъ на самой реки самарѣ разстояниемъ от днепра гдѣ оной самарѣ устье впадаеть въ 7 или болѣе верстахъ Никитинской перевоз подлѣ самой Никитинской слободки а отъ сѣчи вверхъ днепра примѣром въ 25-ти верстахъ чрезъ днепр повише каменного затону до реки конскихъ водъ, кодацкій перевоз от сѣчи ввѣрхъ днѣпра примѣром же во 150 верстахъ

при самомъ мѣстечку Кодаку чрезъ днепр іоба означенние перевози состоять в россійской а не в турецкой границѣ в волностяхъ войсковихъ запорожскихъ а учрежденни оние никитинскии із давнихъ лѣтъ а когда именно неізвѣстно да і в коші точно не вѣдаютъ за неімѣнiемъ записов а кодацкий из старѣй билъ... города кодаку и имѣются оние перевози издревлѣ учрежденние от запорожского войска по необходимой къ переѣзду надобности во владѣнні ихъ яко в волностех ихъ запорожскихъ А о учрежденни оних кромѣ імѣющейся въ коші присланной въ 1743 году о никитинскомъ перевозѣ чтобъ около (?) каменногозатону яко къ чужему берегу не учреждать а имѣть повыше оного по сю сторону реки конских водъ въ удобномъ мѣстѣ Ея І. Ва грамоти указовъ нѣкакихъ нѣтъ в томъ і подписались.

Дальше—«нижайшое допошение»» въ Коллегію Иностр. дѣлъ отъ 10 октября 1755 года съ просьбою объ освобожденіи «от тарифних и пошлинних зборов по учрежденнимъ надъ днѣпромъ таможнихъ с везущихъ в запорожскую сѣчь съестних питейних припасовъ и протчихъ нужних вещей».

---

14 марта 1756 г. запорожскіе послы пишутъ письмо къ сіятельнѣйшему князю Никитѣ Юрьевичу, въ которомъ просятъ исходатайствовать имъ кормовое довольствіе, указываютъ при этомъ на 9 мѣс. пребываніе свое въ Петербургѣ, въ теченіе котораго «прожились и крайне по недостаточеству и далекости нашего войска не имѣемъ пропитанія».

Письмо изъ Коша (отъ октября 1755 г.):

«Высокоблагородний і высокопочтенний Господинъ Бывшій Кошовій Атаманъ мої всегдашній благодѣтель и брате.

Вашего высокоблагородия писание ко мнѣ с товариствомъ присланное я сего Октября 15-го получилъ, и по оному в. в. я. писанию черних смушевих вѣнчуръ дѣ за совѣтомъ старшины войсковой и курѣнних Атамановъ покупленно, которие вѣнчуры також с отправленною к его ясневелможности нашему милостивому Господину гдну гетману с показанiемъ неозначенних вотправленних прошлого мая 9 дня допошений вещамъ, яко то и овцамъ рогатого скота, и овечимъ кожамъ, пороху, свинцу и ружжям вѣсу и число допошения копию при семъ для видѣния посилаются, при чемъ в. висбя моего всегдашнего благодѣтеля с товариствомъ обще я з старшиною войсковою и курѣшими атаманамы прошу в порученномъ отъ войска запорожского низового ваш. высокію дѣлѣ с прошенiемъ на нашу сторону высочайшой отъ Ея Императорскаго Величества милости неусипное прилежание імѣть, и что происходить будеть мене с товари-

ствомъ частими извѣстними не оставлять і чрез сие отдаю вашему высокодію мой с товариствомъ поклонъ пребиваю на всегда таковимъ:

вашого высокоблагородія
моего всегданнего благодѣтеля
и брата доброжелател и во услугѣ
поволни (?)

Атаманъ Коповий
Григорій Федоровъ.

(Приложена упоминаемая въ письмѣ копія съ донешенія гетм. Разумовскому). Дальше слѣдуетъ еще нѣсколько писемъ изъ Коша.

Посланцы запорожскіе отправили изъ Петербурга чрезъ писаря Калнишевскаго въ Кошъ письмо (отъ 1756 г. 9 февраля) слѣдующаго содержанія:

«По многимъ нашимъ писаниямъ хотя не коша потребние справки и прислали и в дѣло наше по представлению нашему введени к докладу сенаторамъ толко одинъ пунктъ о прибавки на войско жалованья остается несовершеній, потому что числа всему войску отъ коша дѣйствително не показанно ибо перве представлено по исчисленію 24000 а въ другомъ уповательно не будетъ толикое число и такъ розбивка великая учинилась и в докладъ не пущенно подлѣпного кто... не увѣрается, а требуютъ неотмѣнно числа и без того о прибавки жалованья нечего не учинятъ, о чемъ ми... разсуждали з совѣтомъ пана писара генералного и протчихъ принуждени нарочно къ велможности вашей и всему войску послать отъ себе товарища Петра Калнишевского за упомянутою потребностию и по другимъ касающимъся до осторожности всего войска и нашимъ нуждамъ, о которих онъ калнишевский будетъ в копѣ говорить обстоятелно, а ми чрезъ сие доносимъ 1-е за происходящии часъ отъ часу болшіе воровства отъ самих сенаторов превеликие виговори и ругателства, почти за нѣкчему уже годних учинении намъ и то ми сколко могли хотя и оправдались и зносили на другихъ близъ запорожя оселяющихся и разних бродякъ точию и слушать не хотятъ обявлян яко уже не толко на чужихъ нападают но и на своихъ кто поручится сербского убили за которого будетъ великій поискъ и турбацѣя и уже болше терпѣти не хотятъ но крайне принят у руки и волѣ не дать и великими командами окружить (до чего не допусти Боже) слѣдуетъ яко для того де и комендантъ всѣчи уже не кнева поставленъ и в его опредѣленіи велѣно обо всѣмъ ему смотрѣть а далѣ еще і не то будетъ; 2) за перемѣну командѣра въ копѣ такъ стараются чтобъ по ихъ неотмѣнно было сжели по посланнимъ повелѣнниямъ пред симъ еще де не послушаютъ то успѣно здѣлаютъ и пошлют гнѣв не малій на всѣхъ, чего къ себѣ не допуская совѣтуютъ люде добрие учинить такови резони отъ всего войска представить, на 1-е воровство и всѣхъ шкостниковъ сами отнинѣ искоренимъ и всѣмъ войскомъ примемося и

впредь не допускать своеволниковъ и очистить свой край имѣемъ, на 2-е о перемѣнѣ кошового атамана просимъ по прежнимъ давнимъ волностямъ хотя с положеніемъ срока посколко ему бить и по выходѣ того срока перемѣнять чесно и что забивства нѣкакого не будетъ увѣрить з доносомъ кто отъ кого впредь то послѣдуетъ то к суду смертному одинъ будетъ в команду и всѣ войскомъ того смотрѣтимутъ а кого опредѣлятъ комендѣра доноситимутъ ясневелможному и до выходу срока не перемѣнитимутъ отиодъ и на оное просить высочайшего опредѣленія а непеременному бить всегда въ такомъ волномъ войску а особливо по простотѣ своей незнающему гдѣ и какъ за излишніе его поступки и обиди просит весма трудно и из немалою обидою войску будетъ представить обстоятелно ясневелможному толко в вишъ писанихъ термѣнахъ даби какой уразп не нанести противъ высокого прежного на то повелѣнія толко с прошеніемъ о числѣ войска реестръ учинить по сколко в каждомъ куренѣ приводи с прежнимъ показаніемъ точно да обявить в надписѣ реестра что вездѣ в запорожскихъ мѣстахъ обрѣтающихся козаковъ и счисляющихся всѣхъ куренихъ всѣхъ по обявленію другъ друга а по справкамъ всякого куреня атамана объявить сумнителства же ни якого не имѣть что съ то число всегда войска било сказуютъ здѣшніе господа наши комендири что того не будетъ (: а хотя б и било такъ отвѣтствовать что войско находное зо всѣхъ сторонъ въ то время било столко а нынѣ потеряли и разойшлись прибавки ж не било). На здѣшное житие просимъ присылкою денегъ сколко можно не оставить чрезъ сего жъ ибо дѣло наше в сенатъ внесенно и в докладахъ еще не скоро за неимѣніемъ всѣхъ справокъ а особливо за многодѣліемъ всего государства уступитъ; з повити же сенатскими секретарами и протчими приказними чрезъ которихъ дѣла справляются писменние и сенаторямъ докладуютъ надобно обознаватси и давать неотмѣнно гостинцу для чего неотмѣнно жъ принуждени из осталнихъ своихъ денегъ червонцовъ вимінятъ 20 а безъ того не можно нѣкакъ прилатие жъ вѣнчури двѣ дай свою ми третюю да еще из денегъ нѣсколко в иностранной колегіи поодавали за выписку дѣла и исправки въ архивахъ ибо за вышеписаніе непоридки и воровства такие немилости отъ всѣхъ что какъ би недачею то ничего бъ и не здѣлали бъ и менше а всебъ толко бъ отводили бъ часъ отъ часу на нѣсколко годовъ а то уже дѣло заготовленно все толко въ докладе и какъ присылки съ коша денегъ не учините то крайне лѣто приходящое жить не начему и всѣ свои денги за того здержимъ ибо какое здесъ житие обявить податель сей всякой день рублемъ не обойтись иного и два пойдетъ въ самих харчахъ кромѣ дачи гостинцовъ по вступленне в сенатъ у сенаторовъ почти во всѣхъ с поклономъ и испрошеннемъ о дѣлѣ били ти обѣщались служить только с вписьписаннимъ и инне пиговоромъ великімъ генералъ аншефъ сенаторъ и кавалеръ графъ петръ ивановичъ Шуваловъ показался милостивъ к намъ и силной весма в сенатѣ и болще

ми его о дѣлѣ станемъ трудить какъ намъ и совѣтуютъ не худо его обслать хорошимъ гостинцемъ войсковимъ и писалъ до генералъ прокурора сенатора и кавалера к князю никиту юревича Трубецкого тожъ ибо чрезъ его все дѣло идетъ хоти б рибою о которой ми писали прежде когда можно и ту рибу к прежним и к нинѣшним господамъ в листахъ не писатъ по сколько а прислать к намъ ми знатимемъ по их дѣламъ и честимъ сколько кому отдать а в листах толко поклони да прошеніе о неоставленіи войска назначить, ясневелможному за содержание и своей високой милости и неоставление насъ такожъ и пану писару генералному пожалуйте благодарение писменное учинѣте с прошеніемъ и впредъ такъ содержать и в дѣлѣ не оставить ибо по дѣламъ и милостию ми доволни какъ то и отправленіем сего почтою одолжени і жалованни в нинѣшній годъ не можно ли намъ при отпуске принять на войско а присилку яко излишнѣй трудъ нарочних оставить ежели соизволение войсковое будетъ ибо нарочнимъ прибели за даликостию да и за многимъ здешнѣмъ отправлениемъ не бываетъ по толко... (неразобралъ) какъ то и прошлогодние получили уповаемъ да и скучали много намъ же здесь будучи при отправки принять по способности о чемъ ежели соизволение ваше будетъ просимъ представит ясневелможному супомнанием видачи намъ по прежнему всего жалования и определеннаго на полковника, писара и асаула жалования и кормових и прогоних денегъ такожъ на удачу напомянуть и просить о пожаловании и на тѣхъ не бившихъ 18 человѣка положено б жалования по восѣмнадцати рублей кромѣ кормових яко то не будетъ издержанное которое ежели сенатъ не откажетъ и пожалуетъ то ми тѣхъ осѣмнадцати человѣкъ жалованье по 18 р. привеземъ в кошъ кромѣ старшинского да прогоновъ яко намъ на возвратной путь прогоновъ и надобно а какъ тое приезжающихъ сюда жалованние откажутъ і не дадутъ то даби на насъ от сторони рядового товарищества не послѣдовало порока просимъ имъ объявить что предаемъ в волю велможности вашей и всего войска какъ соизволите и какъ обономъ такъ и нышеписанний реестръ войску за полученіемъ сего безпродолженія времени просимъ покорно порадя нарочнаго доброго человѣка прислать въ глуховъ и писать в генералную канцелярию о отправленіи сюда безъ и малѣйшого удержанія о чемъ и ордеръ туда посланъ даби остановки далной в тѣхъ вѣдомостях не послѣдовало ибо сей податель за другими справками тоже забавитъся в кошѣ да снце и весенние води настигнутъ.

Б. К. А. с товарищами.

февралн 9

1756 году».

«Нижайшое доношеніе» въ Правит. Сенатъ отъ 17 іюня 1756 г.:

«По извѣстнымъ Прав. Сенату запорожского низового войска нуждамъ съ прошлого 755 года іюня зъ 29-д прибив мы нижайше в Санкпетер-

бургъ для іспрошенія высочайшей милости імѣли хожденіе въ государственной іностранних дѣл коллегіі а отол в правительствующем сенатѣ доселѣ ожидая по учиненим справкамъ і докладу високой резолюціи, а нынѣ високое опредѣленіе Прав. Сен. состоялось і нам объявлено которим милостиво повелѣно по вишеписанним войсковим нуждамъ к дачѣ на осталние землѣ запорожскому войску грамоти жилища і всѣ мѣста запорожскіе також і малороссиян за лѣтѣю вишедших по спору с полтавским полкомъ описат чрез нарочних о прибавки жалованя войску от ясневгосподина гетмана і разних орденов кавалера графа Кирила Григорьевича его сіятелства разумовскаго мнѣние в прав. сенатъ взять а о пропуске на таможних по днѣпру разним числом положенних припасов по сколку высокому Прав. сената собранию доложить сетние же і питейние припаси в сѣчь і из сѣчи рибу до тог високого разсмотрения без взятия пошлин пропускать.

А понеже вишепрописанние справки за далностию великою і описаниемъ земел народа и протчего весма много замедлѣть могут мы же нижайшіе здѣсь до окончанія і присилки тѣхъ справокъ будем напрасно да и не малое время къ томуж і нѣначемъ крайне ібо будучи тутъ до цѣлого уже года да і путь немалий сюда імѣвши хотя от высочайшей милости получили на кормъ 60 р. однакъ по здешнему отданию і долговременности і заведенное все іздержать принуждени.

Того ради Правительствующему сенату доноси нижайше просимъ до окончания тѣхъ справокъ і провожденія к послѣднему рѣшенію всѣхъ прописаних войсковых нуждъ милостивий отпускъ намъ учинить і до сѣчи запорожской прогонними денгами на смекие лошади под нас нижайших трехъ да на служителей (зачеркнуто въ текстѣ) мающихся при насъ двухъ козаковъ також і отпускним всемилостивѣйшимъ жалованіемъ какъ прежде присилающихся от войска з. старшинъ жаловано (о чем в коллегіі иностранних дѣл уже опредѣление било учинено толко до отпуску нашего удержано) милостиво нам не оставить высокого разсмотрения просить.

П. А. Иванов.

Смѣсь.

Копія.

Письмо Аббата Николя.

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Получа извѣщеніе, что по условію, сдѣланному мною сообразно данной мною довѣренности г-ну капитану 2-го ранга и кавалеру Томасу совершена въ севастопольской портовой конторѣ уступка моего трактира, близъ Севастополя находящагося, въ вѣдѣніе черноморскаго адмиралтейства съ полученіемъ по смерть мою ежегодно по 1500 рублей, я желаю получать сіи деньги по третямъ года. Посему всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предписать черноморской исполнительной экспедиціи доставлять сію по моему желанію плату въ Одессу на имя Его Высокоблагородія г. капитана надъ одесскимъ портомъ Егора Ермолаевича Коронелли. Впрочемъ, съ отличнѣйшимъ моимъ къ Вамъ уваженіемъ имѣю честь пребыть

Вашего Превосходительства
Милостиваго Государя
всепокорнѣйшимъ слугою
Аббатъ Николь.

№ 140.
2-го апрѣля,
1819 г.

Его Превосходительству,
Алексѣю Самойловичу Грейгу.

(Изъ дѣлъ бывшаго Ришельевскаго Лицея за 1819 годъ № 8, листъ 1 й. Списано Профессоромъ А. И. Маркевичемъ).

Грамота Папы Григорія XVI Я. Де-Негри, 1839 года.

Любезному сыну Нашему Якову де-Негри

Григорій XVI.

Любезному сыну Нашему здравіе и апостольское благословеніе! Мы охотно удостоиваемъ высшими почестями мужей, которые, украшенные отличными качествами души, и преданные Престолу Св. Петра, и всѣми силами стараются о благѣ каѳолической религіи. Съ большимъ удовольствіемъ мы приняли дошедшіе до Насъ весьма важныя свидѣтельства, что Вы, пребывая въ Одессѣ, заслужили общую похвалу за испытанное Ваше благоправіе, благочестіе и человѣколюбіе; что Вы намъ и Нашему Апостольскому Престолу преданы; что Вы, отлично исправляя въ упомянутомъ городѣ должность Синдика каѳолической церкви, приложили все стараніе, прилежаніе и попеченіе о пользѣ ея; и что Вы не жалѣете никакихъ трудовъ, чтобы быть полезнымъ тамошнимъ каѳоликамъ, какъ Вы это ясно и явно доказали въ то время, когда холера и другія заразы плачевнымъ образомъ сокрушили упомянутый городъ. Почему Мы охотно и радостно возимѣли рѣшеніе ознаменовать Нашу къ Вамъ благосклонность, въ той надеждѣ, что Вы постарайтесь оказать каѳолической религіи вящія услуги. Желая украсить Васъ особенною почестью и разрѣшая Васъ ради сего отъ всякаго Церковнаго отлученія, запрещенія и отъ всѣхъ другихъ церковныхъ замѣчаній, приговоровъ и наказаній, какимъ Вы могли подверг-

Dilecto Filio Jacobo de Negri

Gregorius PP. XVI.

Dilecte fili! Salutem et Apostolicam Benedictionem. Amplioribus honorum muneribus eos profecto viros libenter afficere solemus, qui egregiis animi dotibus ornati, atque huic Petri Cathedrae adhaerentes de Catholica Religione optime mereri summopere curant. Non mediocri certe animi Nostri voluptate ex gravissimis testimoniis accepimus, Te in Odessa Urbe morantem, morum gravitate, pietatis atque humanitatis laude spectatum, Nobis atque huic Apostolicae sedi addictum, atque ea in civitate Syndici munere Catholicae Ecclesiae insignitum omni cura, studio, diligentia in rem Catholicam procurandam incumbere, nihilque inausum nihilque intentatum relinquere, ut Tuam utilem operam iis praebeas, qui Catholicam religionem inibi profitentur, quemadmodum clare aperteque declarasti, cum cholerica pestilitas aliaeque pestilentiae civitatem ipsam miserandum in modum vexarunt. Itaque aliquam Nostrae in Te propensae voluntatis significationem alacri, libentique animo tribuendam censuimus ea profecta spe freti fore ut magis magisque de Catholica Religione praeclare mereri contendas. Peculiari ergo Te honore decorare volentes et a quibusvis excommunicationibus et interdictis aliisque Ecclesiasticis censuris, sententiis et poenis, quovis modo vel quavis de causa latissi quas forte incurristi hujus tantum

нуться, и какимъ бы то нибыло образомъ и по какой бы причинѣ они могли быть на Васъ наложены, и считая это разрѣшеніе дѣйствительнымъ, Мы избираемъ, жалуемъ и торжественно объявляемъ Васъ, по силѣ сей грамоты и по Нашей Апостольской власти, не только Кавалеромъ золотаго Нашего воинства, но и Графомъ Нашего Латеранскаго Двора и Апостольскаго Дворца. Ради сего даемъ Вамъ право и позволеніе носить свободно и безпрепятственно золотую цѣпочку, мечъ и золотыя шпоры; пользоваться и наслаждаться какъ общими такъ и частными правами, привилегіями и преимуществами, коими другіе кавалеры и Дворцовые графы по принятому обыкновенію пользуются и наслаждаются или пользоваться и наслаждаться могутъ, нынѣ и впредь за исключеніемъ однакожъ имуществъ, отнятыхъ Тридентскимъ Соборомъ, за утвержденіемъ Папской власти независимо отъ другихъ постановленій и Апостольскихъ Орденовъ. Мы повелѣваемъ Вамъ непремѣнно носить золотой крестъ, образецъ коего Мы Вамъ повелѣли передать, по предписанной предшественникомъ Нашимъ Бенедиктомъ XIV, формѣ, подъ опасеніемъ лишиться правъ сей грамоты.

Дано въ Римѣ у Св. Петра съ приложеніемъ Нашей печати, 8-го Января 1839-го года Понтификата Нашего осьмаго

Е. Кард. де Лезони.

rei gratia absolventes et absolutum fore censentes. Te hisce litteris, auctoritate Nostra Apostolica non solum Auratae Nostrae Militiae Equitem, verum etiam Aulae Nostrae Lateranensis, et Palatii Apostolici Comitem eligimus, renuntiamus et constituimus. Quocirca Tibi concedimus et indulgemus ut torquem aureum, et ensem et aurata calcaria libere et licite gestare possis, atque utaris, fruaris omnibus et singulis juribus, privilegiis, indultis, quibus alii Equites et Comites veteri in usu et consuetudine utuntur, fruuntur, vel uti ac frui possunt et poterunt, citra tamen facultates sublatas a Concilio Tridentino hujus Sedis auctoritate confirmato non obstantibus constitutionibus et ordinibus Apostolicis ceterisque contrariis quibuscumque. Volumus vero, ut Crucem Auream, cujus schema Tibi tradiandamus ex modo et forma a fel rec. Benedicto XIV Predecessore Nostro praescripta omnino gestes, alioquin ac hujus indulti juribus exeidas.

Datum Romae apud S. Petrum sub annulo Piscatoris die VIII Januarii. MDCCCXXXIX. Pontificatus Nostri Anno octavo.

E. Card. de Lezoni.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Въ лѣтописяхъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей памятенъ Александръ Ѳедоровичъ Негри; но Яковъ де-Негри, которому дана печатаемая грамота, кажется, принадлежитъ къ совершенно иной фамиліи. А. Ѳ. Негри былъ грекъ и православный; Я. де-Негри католикъ и, по семейнымъ преданіямъ, итальянецъ по происхожденію. Изъ сохранившагося формуляра видно, что Яковъ Павловичъ де-Негри въ маѣ 1838 г. имѣлъ 49 лѣтъ, значитъ родился приблизительно въ 1789 г. и повидимому въ Одессѣ; по крайней мѣрѣ здѣсь жилъ его отецъ, ибо Я. П. де-Негри имѣлъ въ Одессѣ каменный домъ, показанный въ формулярѣ, какъ его родовое имущество. Происходилъ де-Негри изъ дворянъ, а по семейному преданію былъ родомъ изъ римскихъ графовъ, почему и имѣлъ право на бронзовую медаль, установленную въ память 1812 г. На службу онъ поступилъ въ Одесскій портовый карантинъ въ должность надзирателя 27 февраля 1818 г. Затѣмъ по формуляру свѣдѣнія о его жизни получаются слѣдующія:

Чинъ губернскаго регистратора получилъ 26 февр. 1819 г.

Чинъ коллежскаго регистратора 31 дек. 1821 г.

22 сент. 1822 г. уволенъ въ отставку, въ которой пробылъ по 13 августа 1823 г. Повидимому, эта отставка была несовсѣмъ добровольная и сопровождалась наказаніемъ, ибо далѣе въ формулярѣ говорится такъ:

«Въ вознагражденіе отличныхъ трудовъ и усердія за спасеніе на купеческомъ суднѣ людей потерпѣвшихъ при штурмѣ бѣдствіе и за безпрерывное нахожденіе въ чумномъ кварталѣ Одесскаго карантина по знанію имъ разныхъ иностранныхъ языковъ Всемилостивѣйше награжденъ тѣмъ же чиномъ коллежскаго регистратора 10 Іюня 1823 г.». Но все же онъ тогда не былъ на службѣ, на которую снова опредѣленъ 13 августа этого года помощникомъ надзирателя къ таможенному присмотру. Въ это время де Негри уже былъ женатъ, такъ какъ сынъ его Петръ родился не позже начала 1824 г. (въ маѣ 1838 г. ему было 14 лѣтъ); затѣмъ де-Негри 21 ноября 1825 г. произведенъ былъ въ губернскіе секретари и 14 декабря 1828 г. назначенъ таможеннымъ надзирателемъ; за усердіе по службѣ онъ получилъ въ этомъ же году 300 р. награды, а въ 1826 г. — 400 р.; 15 мая 1828 г. онъ снова оставилъ службу и былъ въ отставкѣ по 21 ноября 1831 г.; но въ это время онъ всеже исполнялъ нѣкоторыя оффиціальныя порученія; такъ ему было поручено наблюденіе за здоровьемъ жителей хуторовъ и селеній, состоявшихъ на городской землѣ за чертою портофранко. За отлично усердное исполненіе этой обязанности де-Негри получилъ 1 октября 1829 г. благодарность Гр. Воронцова, о чемъ доведено было до свѣдѣнія высшей власти; съ 23 ноября 1829 г. по 14 февр. 1830 г. онъ по распоряженію Гр. Воронцова состоялъ переводчикомъ при отправ-

лявшемся въ С.-Петербургѣ турецкомъ посольствѣ и при окончаніи занятій получилъ въ награду 200 червонныхъ. Снова поступилъ де-Негри на службу 21 ноября 1831 г. въ коммиссію, распоряжавшуюся доставленіемъ потребностей къ арміи дѣйствовавшей противъ турокъ (кажется, онъ сталъ работать въ ней съ 21 февраля этого года, но безъ правъ службы — если въ имѣющихся его документахъ нѣтъ гдѣ либо ошибки); въ коммиссіи этой онъ занимался письменными дѣлами по канцеляріи. Въ виду закрытія коммиссіи де-Негри 30 апрѣля 1832 г. уволенъ изъ ея вѣдомства и 15 декабря того же года въ награду за службу произведенъ былъ въ коллежскіе секретари со старшинствомъ съ 6 апрѣля этого года. Кажется, послѣ этого де-Негри болѣе не поступалъ на службу; вѣроятно, онъ сталъ тогда же синдикатомъ католической церкви въ Одессѣ; тѣмъ не менѣе имѣются указанія еще на 2 случая его оффиціальной дѣятельности: въ 1833 г. при неурожаѣ хлѣба онъ былъ попечителемъ бѣдныхъ при Новороссійскомъ женскомъ обществѣ, за что получилъ Монаршее благоволѣніе; относительно же дѣятельности его въ 1837 г. Гр. Воронцовъ предписаніемъ отъ 23 февраля 1838 г. поставилъ себѣ первымъ долгомъ изъявить ему совершенную свою признательность за понесенные имъ на общую пользу труды по принятымъ начальствомъ мѣрамъ къ прекращенію существовавшей въ 1837 г. заразы, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ неутомимымъ усердіемъ и самоотверженіемъ; Гр. Воронцовъ считалъ священнымъ долгомъ о трудахъ де-Негри довести до Высочайшаго свѣдѣнія.

Имѣло ли это какой либо результатъ, мнѣ неизвѣстно, но въ началѣ 1839 г. де-Негри получилъ грамоту отъ Папы Григорія XVI, здѣсь сообщаемую. Какъ эта грамота, такъ и другіе документы де-Негри находятся у меня въ копіяхъ, но современныхъ; причемъ копія папской грамоты, написанная параллельно на латинскомъ и русскомъ языкахъ, сдѣлана правильно, только плохо сохранилась; копіи же иныхъ документовъ довольно неисправны.

Въ копіи формуляра де-Негри, выданнаго ему изъ Одесскаго уѣзднаго суда за подписью уѣзднаго судьи Стурдзы-Сандула, показано, что благопріобрѣтеннаго имущества у де-Негри не было, а у жены его не было ни родового, ни благопріобрѣтеннаго. О семейномъ же положеніи де-Негри сказано: женатъ, имѣетъ сына Петра 14 лѣтъ, который находится при немъ. Мужъ дочери этого Петра Яковлевича де-Негри Маріи Петровны бывшій профессоръ И. Новоросс. Университета и дѣйствительный членъ нашего Общества В. И. Модестовъ передалъ имѣвшіеся у него документы Я. П. де-Негри, при моемъ посредничествѣ, въ распоряженіе Общества.

Д. ч. Ал. Маркевичъ.

Божіею Милостію Мы Екатерина Вторая,
Императрица и Самодержица Всероссійская
и прочая, и прочая, и прочая.

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что Мы княжества Молдавскаго Ясскаго Агу Маіора Константина Филодора, во уваженіе на его къ службѣ Нашей усердіе въ Наши подполковники тысяча семьсотъ девяносто втораго года іюня втораго дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; яко же Мы симъ жалуемъ и учреждаемъ, повелѣвая всѣмъ Нашимъ помянутаго Константина Филодора за Нашего подполковника надлежащимъ образомъ признавать и почитать: напротивъ чего и мы надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ Насъ Всемилостивѣйше пожалованномъ новомъ чинѣ, такъ вѣрно и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство того Мы сіе Собственною Нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли. Данъ въ Санктпетербургѣ, лѣта 1792, іюля 15 дня[1]).

Екатерина[2]).

Мѣсто печати

. . . . . [3]).

Въ военной коллегіи записанъ подъ № 24.

На оборотѣ: при запечатаніи въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ № 34.

Жалованная грамота Императрицы Екатерины II подполковнику и княжества Молдавскаго Ясскому Агѣ Филодору[4]).

Божіею поспѣшествующею милостію Мы Екатерина Вторая Императрица Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса-Таврическаго, государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ; государыня и великая княгиня Новагорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская,

---

[1]) Грамота печатная, но мѣсяцъ и число приписаны.

[2]) Собственноручная подпись.

[3]) Подпись не разборчивая.

[4]) На пергаментѣ; великолѣпный экземпляръ съ портретомъ Императрицы и съ гербами русскихъ губерній, но нѣсколько пострадавшій отъ времени; принадлежитъ потомкамъ г-на Филодора.

Кондійская, Витепская, Мстиславская и всея сѣверныя страны повелительница и государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная государыня и обладательница.

Объявляемъ симъ, что мы во уваженіи на вѣрность и усердіе къ Россіи подполковника и княжества Молдавскаго Яскаго Аги Филодора пожаловали ему въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Полоцкой губерніи оставшіеся Велижскаго староства изъ части Качегаровской пятьдесятъ душъ, маетности Семичевой сорокъ четыре души, деревни Верхитиѣ четырнадцать душъ; да въ Могилевской губерніи Радновскаго староства въ деревнѣ Зятицѣ двенадцать душъ, изъ Чудянскаго старпства четыре души и городничества Мстиславскаго въ селѣ Тѣпанкѣ шесть душъ, всего мужска полу сто тридцать душъ съ принадлежащими къ нимъ землями и угодьями. А какъ онъ Нашъ Подполковникъ на тѣ души жалованной грамоты не имѣетъ, того ради Мы по самодержавной Нашей Императорской власти силою сея Нашея жалованныя грамоты ему Нашему Подполковнику съ потомками его мужскаго и женскаго пола означенныя души со всѣми принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, селеніями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, съ сѣнными покосами и рыбными ловлями, ничего не выключая изъ всего того, что къ показаннымъ душамъ принадлежитъ и потому впредь правдою и судомъ по пристопиству присовокуплено быть можетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Всемилостивѣйше утверждаемъ, и оныя Ему и потомкамъ его продать, заложить и по правамъ укрѣпить позволяемъ, токмо чтобъ обыкновенные публичные сборы, равно какъ съ прочихъ наслѣдныхъ шляхетныхъ имѣній плачены были, притомъ показанному нашему Подполковнику и потомкамъ его не токмо вышеобъявленными душами со всѣми къ нимъ принадлежностями пользоваться Всемилостивѣйше повелѣваемъ; но и всѣмъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ накрѣпко подтверждаемъ въ спокойномъ владѣніи оныхъ никакого ему препятствія не чинить, а въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ всякими мѣрами защищать и охранять. Во утвержденіе же всего вышеписаннаго Мы сію Нашу Императорскую жалованную Грамоту Нашею собственною рукою подписали и государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли, дана въ Санктпетербургѣ лѣта тысяча седьмь сотъ девяносто четвертаго мѣсяца . . . ря[1]) двадесять осмаго дня. Государствованія Нашего тридесять третіяго года.

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

---

[1]) Кажется, сентября; см. дальше.

На оборотѣ: Съ Высочайше пожалованныхъ упоминаемому въ сей грамотѣ подполковнику Филодору душъ въ Полоцкой губерніи указныя пошлины на основаніи указа Правительствующаго Сената 1774 года октября 9 дня по пятнадцати копѣекъ съ души всего со ста осьми душъ шестнадцать рублей двадцать копѣекъ съ него Филодора въ Полоцкой казенной палатѣ какъ изъ репорта ея отъ 6 октября прошлаго 1793 года видно, взысканы и въ приходъ записаны. Августа 3 дня 1794 года.

Секретарь Сергѣй Подобѣдовъ.

Регистраторъ Василій Рябининъ (?).

Съ сей высочайше конфирмованной грамоты, по силѣ имѣющаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества сего 1794 года іюня 23 дня указа съ вышеписанныхъ пожалованныхъ въ Могилевской губерніи двадцати двухъ душъ пошлинныя деньги осмнадцать рублей при сенатскомъ расходѣ взяты. Августа 3 дня 1794 года.

Секретарь Сергѣй Подобѣдовъ.

Коллежскій Ассесоръ Петръ Поповъ (?).

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ запечатана въ 6 де сентября 1794 г.

Подписи Императрицы Екатерины на грамотѣ не сохранилось. Она могла быть стертою съ пергамента; но вотъ что странно: нѣтъ ни печати, ни даже слѣдовъ ея. Не имѣемъ ли мы передъ собою собственно брульона грамоты? Она могла быть приготовлена, всѣ требуемыя формальности выполнены заблаговременно (см. то, что помѣщено на оборотѣ; оно все написано не позже 6 сентября 1794 года, тогда какъ грамота не могла быть выдана раньше 28 сентября 1794 года), но осталась неподписанною государыней, можетъ быть просто потому, что нечетко или съ исправленіями были вписаны даты, что видно и на самой грамотѣ. Если это брульонъ, то онъ могъ быть взятъ г. Филодоромъ просто, какъ красивая вещь. Но неневозможно, что г. Филодору выдали подобную грамоту и какъ оффиціальный актъ, благо онъ не могъ разобраться въ этихъ формальностяхъ.

Письмо Великаго Князя Константина Павловича князю П. П. Шаховскому.

Князь Петръ Ивановичъ!

Мой екепажъ и полковые обозы съ тягостями лейбъ-гвардіи полковъ: конпаго, драгунскаго и уланскаго я приказалъ отправить въ Псковъ, которые прошу ваше сіятельство принять подъ ваше покровительство доставленіемъ всѣхъ нужныхъ имъ пособій.

При семъ случаѣ примитѣ увѣреніе въ моемъ къ вамъ истинномъ расположеніи и уваженіи.

Константинъ.

Г. Свенціаны,
19 іюня 1812 года.

При началѣ отечественной войны Цесаревичъ Константинъ Павловичъ командовалъ резервнымъ (5-мъ) корпусомъ 1-ой арміи, который стоялъ въ г. Свѣнцянахъ (Богдановичъ, Ист. Отеч. Войны I, стр. 111 и 119). Когда рѣшено было отступленіе 1-ой арміи, то она прошла черезъ Свѣнцяны, откуда 21 іюня продолжала отступленіе (ibid. 154). Цесаревичъ же передъ этимъ и распорядился отправить обозъ въ Псковъ, о чемъ и сообщилъ псковскому губернатору П. И. Шаховскому, который получилъ это письмо, какъ видно по помѣтѣ, 22 іюня въ ночи въ дорогѣ отъ Пскова къ Острову.

Д. ч. А. В. Лонгиновъ.

Цементъ водопровода древняго Херсонеса.

Во время экскурсіи въ маѣ 1893 года профессора нашего университета Ф. М. Каменскій и П. Ѳ. Бараковъ посѣтили между прочимъ и развалины древняго Херсонеса. Не ускользнули отъ ихъ вниманія и любознательности ни водопроводъ этого древняго города, свидѣтель былой высокой культуры, ни цементъ, служившій при постройкѣ этого водопровода. Давно ли цивилизація, которою мы такъ гордимся, познакомила наши города съ комфортомъ водопровода и много-ли городовъ пользуются этимъ комфортомъ? Ни одинъ городъ въ Крыму не имѣетъ теперь водопровода. Жители древняго Херсонеса съумѣли, однако, устроить прекрасный водопроводъ. Для проведенія воды они пользовались прочными гончарными трубами, которыя соединялись и скрѣплялись цементомъ. Цементъ этотъ такъ твердъ, такъ крѣпокъ, что при попыткѣ разъединить связанныя этимъ цементомъ части водопровода, онѣ скорѣе ломаются, чѣмъ самый цементъ. Профессора Ф. М. Каменскій и П. Ѳ. Бараковъ не преминули достать образецъ этого цемента и привезли его въ химическую лабораторію Новороссійскаго университета для химическаго изслѣдованія и опредѣленія, какого рода цементомъ пользовались строители херсонесскаго водопровода. Обыкновенный-ли это издавна извѣстный строительный цементъ, котораго крѣпость растетъ пропорціонально натиску времени и который сохранили намъ даже ассирійскія и ниневійскія сооруженія, или, быть можетъ, строителямъ херсонесскаго водопровода было извѣстно приготовленіе и употребленіе даже гидравлическаго цемента?

Съ большимъ интересомъ приступилъ я къ изслѣдованію этого цемента. Цементъ херсонесскаго водопровода представляетъ однородную твердую свѣтло-сѣрую, почти бѣлую массу, въ которой незамѣтно крупинокъ кварцеваго песка. Даже подъ лупой незамѣтно, чтобы въ этой однородной массѣ была примѣсь какихъ либо болѣе твердыхъ крупинокъ. Между тѣмъ обыкновенный воздушный цементъ всегда состоитъ изъ смѣси извести съ кварцовымъ пескомъ. Твердая масса цемента легко поддается напильнику, а также легко измельчается и растирается въ однородный порошокъ, что опять таки указываетъ на отсутствіе кварцеваго песку въ этомъ цементѣ. Въ виду этого можно было предположить, что мы имѣемъ дѣло скорѣе съ гидравлическимъ цементомъ, чѣмъ съ воздушнымъ. Но химическій анализъ показалъ противное.

Цементъ этотъ легко растворяется въ слабой соляной кислотѣ, выдѣляя угольную кислоту и оставляя незначительное количество нерастворимой глины. Этотъ нерастворимый осадокъ составляетъ всего только 1,47% вѣса, взятаго какъ есть (безъ предварительной сушки) цемента. Въ гидравлическомъ же цементѣ содержится не менѣе 25% глины. Въ растворѣ найдено: 0,30% кремневой кислоты; 2,11% окиси алюминія и желѣза; 53,62% окиси кальція и слѣды магнія. Если къ этому прибавить еще, что содержаніе угольной кислоты въ цементѣ опредѣлилось въ 40,20% и что при сушкѣ въ воздушной банѣ до 150° С. онъ теряетъ 2,07% своего вѣса, то получимъ слѣдующій полный составъ цемента:

Воды	2,07%
Глины	1,47%
Растворимаго кремнезема	0,30%
Окиси алюминія и желѣза	2,11%
Окиси кальція	53,62%
Угольной кислоты	40,20%
	99,77%

Итакъ цементъ, употреблявшійся для соединенія гончарныхъ трубъ херсонесскаго водопровода, состоялъ изъ одной только извести, въ которой были незначительныя количества (не болѣе 5%) неизбѣжныхъ естественныхъ примѣсей известняковъ, обжиганіемъ которыхъ получается употребляющаяся при постройкахъ известь. Известь, заложенная между трубами, медленно превращалась въ углекислую известь и образовывала весьма твердую и прочную связь. Большую часть потребной для этого превращенія угольной кислоты доставила вѣроятно сама вода водопровода, ибо всѣ крымскія воды содержатъ кислую углекислую известь, которая должна была отдать извести цемента половину своей угольной кислоты. Этотъ случай представляетъ новое доказательство въ пользу установившагося недавно мнѣнія о причинѣ затвердѣванія воздушнаго известковаго цемента. Доказано теперь,

что, если при высыханіи гашеной извести уменьшить доступъ воздуха и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуть ее значительному давленію, то она, по превращеніи въ углекислую известь, пріобрѣтаетъ твердость мрамора. На основаніи этого можно было бы для связыванія кирпичей и камней употреблять одну только известь безъ песку; но, такъ какъ поверхность кирпичей очень неровна и для заполненія неровностей приходилось бы брать толстый слой известковаго тѣста, то при высыханіи известь уменьшалась бы въ объемѣ и происходили бы трещины. Во избѣжаніе этого и для сбереженія извести и примѣшиваютъ къ ней песокъ. Примѣсь кремнезема увеличиваетъ крѣпость цемента, дѣйствуя и химически, образуя силикаты, но дѣйствіе это весьма медленное и совершается столѣтіями.

Проф. С. Танатаръ.

Одесса Химическая лабораторія.
Мая 1893 года.

Бумаги П. О. Бурачкова.

Родственники покойнаго почетнаго члена нашего Общества Платона Осиповича Бурачкова предоставили въ мое распоряженіе сохранившіяся у нихъ бумаги, на основаніи которыхъ я предполагалъ составить записку о его жизни. Но, разобравъ эти бумаги, я замѣтилъ, что (ихъ слишкомъ недостаточно для намѣченной мною цѣли; съ другой стороны, составленіе такой записки, если желать сдѣлать ее обстоятельною, можетъ быть, еще и несвоевременно. Въ виду этого я, съ согласія лицъ, передавшихъ мнѣ бумаги П. О. Бурачкова, передаю ихъ въ Общество для того, чтобы кто либо въ будущемъ могъ выполнить задачу, на которую я не могъ рѣшиться въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, въ сохранившихся бумагахъ П. О. Бурачкова есть не мало такихъ, которыя достойны храненія и, въ будущемъ, напечатанія.

Опись бумагамъ.

Во первыхъ, *девять* большихъ, хотя и не особенно полныхъ конвертовъ, въ которыхъ находятся бумаги, распредѣленныя по конвертамъ самимъ П. О. Бурачковымъ, причемъ онъ вездѣ сдѣлалъ имъ надписи:

I. Бумаги по Крестьянскому комитету, числомъ 6, съ 1858 г. по 1863 г.; изъ бумагъ этихъ видно, что П. О. Бурачковъ былъ членомъ Губернскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и затѣмъ мировымъ посредникомъ.

II. Бумаги по уѣздному и губернскому земству, числомъ 13, съ 1868 г. по 1874 г. (приблизительно); причемъ есть 4 заявленія, поданныя земскимъ собраніямъ П. О. Бурачковымъ, какъ гласнымъ, или иными лицами.

III. Бумаги по мировымъ учрежденіямъ, числомъ 3, отъ 1870 г., когда П. О. Бурачковъ былъ Предсѣдателемъ мироваго съѣзда Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи.

IV. Бумаги по Училищному совѣту, числомъ 6, съ 1867 г. 1893 г.

V. Бумага по Херсонскому Земскому Банку, числомъ 1, отъ 1867 г.

VI. Бумага по Симферопольскому Александро-Невскому братству 1, отъ 1869 г., по Императорскому Обществу Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, 1, отъ 1866 г., и по дѣлу объ увольненіи изъ крѣпостнаго владѣнія родныхъ матроса Веселаго, 1, отъ 1856 г.

VII. Бумаги о пожертвованіяхъ, числомъ 21, съ 1873 по 1893 г.; здѣсь же старая газета съ извѣстіемъ о вещахъ, пожертвованныхъ П. О. Бурачковымъ въ Императорскій Русскій Историческій Музей, и вырѣзка изъ другой газеты съ извѣстіемъ о покупкѣ коллекціи П. О. Бурачкова для этого Музея.

VIII. Метрическое свидѣтельство П. О. Бурачкова; свидѣтельство объ окончаніи имъ этико-политическаго факультета Императорскаго Харьковскаго Университета въ 1835 г.; свидѣтельство о полученіи имъ серебряной медали за сочиненіе въ томъ же году; двѣ бумаги о служебныхъ назначеніяхъ; двѣ грамоты на пожалованные ордена; аттестатъ объ отставкѣ и 6 дипломовъ на членство въ различныхъ обществахъ.

IX. Письма: 1) *А. А. Васильчикова* (директора Императорскаго Эрмитажа) 1, писанное немедленно по занятіи имъ мѣста члена Императорской Археологической Коммиссіи, съ предложеніемъ объ уступкѣ коллекціи П. О. Бурачкова Императорскому Эрмитажу.

2) *Султана А. Крымъ Гирея* 1, отъ 1842 г., частнаго содержанія.

3) *Кн. Антн. Любомирскаго* 1, отъ 1856 г., тоже; не безъинтересное.

4) *Гр. А. С. Уварова* 2, отъ 1883 г., касающіяся пріобрѣтенія коллекціи П. О. Бурачкова Императорскимъ Русскимъ Музеемъ.

5) *Гл. П. С. Уваровой* 1, отъ 1888 г., относительно предстоящихъ въ Херсонской губ. раскопокъ; очень интересное, но конфиденціальное.

6) *Кн. П. С. Щербатова* 1, отъ 1885 г., о смерти Гр. А. С. Уварова и о дѣлахъ Императорскаго Русскаго Историческаго Музея.

7) *Лица, фамилія котораго мною не разобрана*, 1, отъ 1868 г., частнаго содержанія, и 1 записка о керченской монетѣ.

Во вторыхъ цѣлая пачка съ письмами къ П. О. Бурачкову слѣдующихъ лицъ:

1. *Max'a Bahrfeldt'a* (повидимому, заграничн. коллекціонера) 1, 1884 г.
2. *Е. В. Барсова* . . . . . 1, 1886 г.
3. *Проф. Ф. К Брунa* . . . . . 4, 1865—1875 г.
4. *Проф. А. Л. Воронова* (Кіевской Духовной Академіи) . 1, 1876 г.
5. *Проф. К. Герца* . . . . . 3, 1876—1882 г.
6. *Еписк. Далмата* . . . . . 1, 1883 г.
7. *Архим. Евгенія* (Херсонскаго) . . . . . 4, 1880 годовъ.
   Любопытны для его біографіи и характеристики.
8. *Иверена.* . . . . . 2, 1882—1883 г.
9. *Еписк. Іустина*, надпись на книгѣ . . . . . 1, 1890 г.
10. *Г-жи Карповичъ* (жены Херсонскаго вице-губернатора) 1, 1871 г.
11. *Проф. Н. П. Кондакова* . . . . . 3, 1884 г.
12. *Кулена* (доктора изъ Кюстенджи) письмо къ Н. Н. Мурзакевичу. Кажется, нужно читать *Мак-Кулена* . . . 1, 1874 г.
13. *Акад. А. А. Куника* . . . . . 1, 1875 г.
14. *Кустовскаго* (директора Херсонской гимназіи) . . . 2, 1887 г.
15. *Акад. В. В. Латышева* . . . . . 11, 1883—1885 г.
    Письма имѣютъ научный интересъ. Одно изъ писемъ В. В. Латышева написано къ Александру Аркадьевичу—конечно, Ростовскому, внуку П. О. Бурачкова, но назначено для послѣдняго.
16. *А. Е. Люценка* . . . . . 6, 1864—1873 г.
17. *Е. Е. Люценка* . . . . . 10, 1871—1880 г.
    Письма обоихъ, особенно А Е. Люценка, имѣютъ научный интересъ.
18. *Акад. Л. Н. Майкова* . . . . . 1, 1875 г.
19. *Марголи* (Херсонскаго, потомъ Новгородскаго чиновника) 2, —
20. *Проф. Амвр. Метлинскаго* (товарища Бурачкова по Университету) . . . . . 2, 1878 г.
    Важны для его біографіи, вообще малоизвѣстной.
21. *П. Н. Мурзакевича* . . . . . 42, 1863—1881 г.
    Не лишены значенія для исторіи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и его изданій.
22. *Еписк. Иванаила* (изъ Архангельска) . . . . 2, 1870 годовъ.
    Одно интересно для его характеристики.
23. *А. В. Орлинкова* . . . . . 42, 1883—1891 г.
    Имѣютъ значительный научный интересъ.
24. *Проф. Н. І. Палимпсестова* . . . . . 1, 1893 г.
    Не лишено значенія для его біографіи.

25. *А. М. Подшивалова* . . . . . 24, 1882—1886 г.
Имѣютъ научный интересъ. На одномъ изъ писемъ сохранился брульонъ отвѣта П. О. Бурачкова.
26. *Проф. И. В. Помяловскаго* . . . . . 2, 1884—1885 г.
27. *Вл. И. Сизова.* . . . . . 19, 1882—1889 г.
Интересны для исторіи Московскаго Историческаго Музея. Одно изъ писемъ написано А. Сизовою за больного мужа.
28. *М. Льв. Слезкина*, генерала (изъ Херсона) . . 7, 1870 годовъ.
29. *Адріана Сонцова* (жителя сперва г. Симферополя, потомъ г. Севастополя) . . . . . 3, 1865—1876 г.
Имѣютъ научный интересъ.
30. *А. Стодольскаго* тайн. сов. . . . . 5, 1883—1885 г.
31. *Бар. К. Сталя* . . . . . 2, 1882 г.
Любопытны для его характеристики.
32. *Е. П. Стеблина-Каменскаго* (Директора Лицея Кн. Безбородка, потомъ Виленскаго губернатора, товарища П. О. Бурачкова по Университету) . . . . . 1, 1876 г.
33. *Проф. Ѳ. А. Струве* . . . . . 34, 1865—1876 г.
Не безъинтересны для исторіи изданій Общества.
34. *Д. М. Струкова* (художника) . . . . . 1, ок. 1874 г.
35. *Гавр. Судковскаго*, отца извѣстнаго живописца. . . 2, 1868 г.
Интересны для біографіи этого живописца.
36. *В. Г. Тизенгаузена.* . . . . . 4, 1874—1877 г.
37. *Г. Дм. Филимонова* . . . . . 1, 1875 г.
Къ этому письму приложено письмо къ Г. Дм. Филимонову мастера въ Педехѣ Евгр. Бѣлоусова.
38. *Проф. Ѳ. С. Цицурина* (извѣстнаго медика) . . 3, 1840 годовъ.
Важны для его біографіи и характеристики. На одномъ письмѣ гравюра, изображающая Тоуэръ.
39. *Проф. Штрака* (изъ Берлина) . . . . . 1, 1876 г.
40. *А. Л. Ямковскаго* . . . . . 2, 1882—1883 г.

Къ сожалѣнію, это письма не всѣхъ лицъ, вступившихъ съ П. О. Бурачковымъ въ переписку болѣе или менѣе научнаго характера. Сохранилось 2 списка лицъ, съ которыми П. О. Бурачковъ былъ въ такой перепискѣ; первый перечисляетъ почти всѣхъ названныхъ мною выше лицъ, кромѣ: А. Д. Воронова (письмо къ которому находилось среди писемъ В. Г. Тизенгаузена), Еписк. Далмата, Еписк. Іустина (автографъ), Еписк. Нафанаила и И. І. Палимпсестова; названъ еще Филоновъ (отдѣльно отъ Филимонова), но это, кажется, ошибка, оставшаяся неисправленною по нежеланію начать списокъ, какъ это видно изъ самого списка.

Въ другомъ спискѣ указаны: Анастасьева, Анучинъ (конечно, Д. И.), Беглингъ (вѣроятно, академикъ), Гаркави (конечно, профессоръ), Гаусманъ, Жуковскій (Таврическій губернаторъ), Забѣлинъ (конечно, И. Е.), Мейеръ (можетъ быть, докторъ Г. М.), Мережковскій, Палимпсестовъ (конечно, профессоръ), Пащенко (вѣроятно, Херсонскій вице-губернаторъ), Пелино, Ролень, Рудзевичъ, Серафимовъ (конечно, Одесскій священникъ), Сухомлиновъ (вѣроятно, Ѳ. П.—директоръ Херсонскаго Земскаго Банка), Федоровецъ (фотографъ), Юнгферъ и Яковлевъ (конечно, профессоръ). Какъ видно, изъ составленнаго мною списка сохранилось лишь одно письмо проф. Палимпсестова. Впрочемъ, въ бумагахъ П. О. Бурачкова, о которыхъ сказано было раньше, находятся дѣловыя бумаги, подписанныя проф. Анучинымъ, Жуковскимъ, Забѣлинымъ, Сухомлиновымъ и проф. Яковлевымъ; но едва ли П. О. Бурачковъ имѣлъ въ виду эти бумаги при перечисленіи своихъ корреспондентовъ; тѣмъ болѣе, что въ бумагахъ встрѣчаются подписи еще многихъ лицъ (Гр. Уварова, Дашкова, Румянцова, Юргевича и др.), въ спискѣ корреспондентовъ неуказанныхъ. Затѣмъ сохранился 1 конвертъ отъ письма къ П. О. Бурачкову Кн. Воронцова и визитная карточка Барона Александра Вревскаго.

Въ третьей папкѣ находятся: 5 бумагъ объ избраніи П. О. Бурачкова въ члены различныхъ ученыхъ обществъ, 1 бумага отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества о наградѣ за труды серебряною медалью, 1 росписка гр. А. С. Уварова съ Коммиссіей о принятіи Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Музеемъ коллекціи монетъ, проданной Музею П. О. Бурачковымъ, 21 нумеръ оффиціальныхъ бумагъ, посланныхъ П. О. Бурачкову отъ различныхъ учрежденій, и 1 корректура какой то греческой надписи.

Въ той же папкѣ находятся еще двѣ обособленныхъ тетради. Въ первой заключается 2 письма къ Херсонскому епископу (кажется, Николаю), писанныхъ въ 1891 г. «однимъ изъ малыхъ братій Крестовоздвиженскаго Херсонскаго братства», вѣроятно, П. О. Бурачковымъ, рукою которою написана рукопись; письма посвящены вопросу о штундистахъ. Не знаю, были ли эти письма напечатаны, но для сообщенія въ Запискахъ они представляются невполнѣ удобными; умѣстнѣе была бы передача ихъ въ какой либо изъ духовныхъ журналовъ.

Во второй тетради находятся: 1) Журналъ работамъ, произведеннымъ въ 1872 г. на сѣверной покатости горы Митридата (въ г. Керчи), выше Татарской слободки, въ сплошныхъ могильныхъ насыпяхъ; онъ подписанъ: Е. Люценко и составленъ въ С.-Петербургѣ въ февралѣ 1873 года. Журналъ этотъ имѣетъ научный интересъ, но, вѣроятно, онъ былъ уже напечатанъ въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи.

2) «Археологическая Ода» (а въ сущности сатира), посвященная

В. Г. Т., т. е. В. Г. Тизенгаузену, и сатирически изображающая въ недурныхъ стихахъ его раскопки въ 1870 г. въ присутствіи иныхъ археологовъ—И. Е. Забѣлина, И. О. Бурачкова, И. И. Мурзакевича и, кажется, К. Герца, довольно мѣтко очерченныхъ. Кѣмъ сочинена Ода, не видно, но возможно, что А. Е. Люценко, въ письмахъ котораго къ П. О. Бурачкову не мало остроумія; написана «Ода» рукою П. О. Бурачкова.

Д. чл. А. И. Маркевичъ.

25 Марта 1896 г.

Некрологи.

I.

Высокопреосвященный Савва архіепископъ Тверской.

13 октября 1896 года скончался одинъ изъ видныхъ почетныхъ членовъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Савва архіепископъ тверской и кашинскій. Онъ не принималъ въ трудахъ Общества непосредственнаго участія, такъ какъ мѣсто его служенія постоянно находилось вдали отъ Одессы и вообще Юга Россіи, но ученые заслуги его для исторіи и археологіи вообще были столь велики, что Общество считало своимъ долгомъ выразить свое уваженіе къ этимъ заслугамъ избраніемъ его въ почетные свои члены. Высокопреосвященный Савва былъ сыномъ бѣднаго причетника села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи и родился 15 Марта 1819 года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего отца. Членъ многочисленной семьи, воспитанный въ сиротствѣ и крайней бѣдности Иванъ Михайловичъ Тихомировъ — таково мірское имя высокопреосвященнаго—съ раннихъ лѣтъ воспиталъ въ себѣ ту высокую дѣятельную любовь къ ближнимъ, которая побуждаетъ человѣка жертвовать для другихъ своими выгодами, наклонностями, мечтами. Учился онъ въ Шуйскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ во Владимірской семинаріи, разумѣется, какъ сирота, на казенный счетъ, и учился отлично. Въ 1840 году, онъ окончилъ курсъ семинаріи однимъ изъ первыхъ студентовъ и былъ предназначенъ начальствомъ къ поступленію въ Московскую духовную академію для дальнѣйшаго образованія, но сначала болѣзнь, а потомъ нѣкоторыя другія обстоятельства заставили его отказаться отъ этого назначенія и поступить въ священники въ концѣ 1841 года. Но его священническое служеніе и тихая семейная жизнь продолжались недолго. Лишившись въ самое короткое время, въ теченіе двухъ лѣтъ, супруги и единственнаго сына, Іоаннъ Тихомировъ въ 1846 году поступилъ въ Московскую духовную академію, а въ 1848 принялъ монашество. Въ теченіи студенческихъ лѣтъ онъ обнаружилъ аккуратность въ исполненіи своихъ студенческихъ и монашескихъ обязан-

постей и необыкновенную любовь къ чтенію и книжнымъ занятіямъ. Это послѣднее обстоятельство и все вообще поведеніе молодаго іеромонаха обратило на себя вниманіе митрополита Филарета, который въ то время весьма былъ озабоченъ приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ синодальной ризницы и библіотеки. Вслѣдствіе этого іеромонахъ Савва по окончаніи курса однимъ изъ первыхъ магистровъ былъ назначенъ въ 1850 году синодальнымъ ризничимъ. Находясь въ этомъ званіи въ теченіе 8 лѣтъ, о. Савва успѣлъ оказать наукѣ столько важныхъ услугъ, что его имя стало рядомъ съ именами лучшихъ археологовъ того времени, нашихъ и иностранныхъ. Его указанія и руководство при пользованіи сокровищами синодальной библіотеки казались большинству ученыхъ столь драгоцѣнными и даже необходимыми, что они готовы были настоять на его несмѣняемости. Но о. Савва, бывшій въ то время уже архимандритомъ, постоянно обнаруживалъ такія высокія свойства характера и ума, что церковное правительство не могло оставлять его долго въ скромномъ званіи ризничаго и не воспользоваться его административными талантами для достиженія высшихъ церковныхъ задачъ. Въ 1861 году онъ сдѣланъ былъ ректоромъ Московской духовной академіи вмѣсто архимандрита Сергія, нынѣ митрополита Московскаго, а ранѣе архіепископа Одесскаго, а затѣмъ въ 1862 году епископомъ Можайскимъ, викаріемъ Московской епархіи, помощникомъ митрополита Филарета. Въ званіи викарія преосвященный Савва пробылъ почти четыре года (1862—1866) и своею дѣятельностью постоянно доставлялъ особое удовольствіе престарѣлому, но строгому митрополиту, который встрѣтилъ съ большимъ сожалѣніемъ назначеніе его на самостоятельную Полоцкую епархію, хотя и самъ способствовалъ этому назначенію. Прослуживъ съ честью восемь лѣтъ (1866—1874) на этомъ весьма отвѣтственномъ въ то время посту, преосвященный Савва переведенъ былъ въ Харьковъ, гдѣ пробылъ до іюня 1879 года. Послѣднимъ мѣстомъ его служенія была Тверь, гдѣ онъ и скончался въ званіи архіепископа 13-го Октября 1896 года съ репутаціей выдающагося архипастыря и незауряднаго ученаго.

Начало научно-литературной дѣятельности покойнаго архипастыря относится къ тому времени, когда онъ занималъ должность синодальнаго ризничаго и библіотекаря. Первымъ его и самымъ цѣннымъ его трудомъ былъ «Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки (Москва. 1855 г.)». Уже самое первое изданіе его, не вполнѣ обработанное и притомъ урѣзанное нѣсколько цензурою, обратило на себя вниманіе не только публики, но и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Оно быстро разошлось, такъ что потребовалось почти немедленно новое изданіе. Это новое изданіе, дополненное и исправленное, вышло въ 1858 году и окончательно упрочило за авторомъ репу-

тацію выдающагося ученаго археолога. За это изданіе онъ получилъ Высочайшую денежную награду, а отъ Императорской Академіи Наукъ полную Демидовскую премію, на основаніи отзыва извѣстнаго ученаго академика И. И. Срезневскаго. Въ самомъ дѣлѣ трудъ этотъ, и доселѣ не потерявшій своей цѣны, для своего времени былъ какъ-бы нѣкотораго рода откровеніемъ. «Указатель» преосв. Саввы не былъ простымъ путеводителемъ, но въ тоже время надежнымъ руководствомъ къ научному изслѣдованію указанныхъ въ немъ предметовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ его изданія было необыкновенно быстрое увеличеніе числа изслѣдованій, основанныхъ на разборѣ рукописей синодальной библіотеки, вскрытіе новаго матеріала, въ высшей степени важнаго для русской исторической науки, представители которой не могли этого не цѣнить. Едва явилось первое изданіе «Указателя», какъ авторъ его былъ избранъ въ члены-соревнователи Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, а позднѣе въ 1864 году Московское археологическое Общество, едва успѣло появиться на свѣтъ, какъ въ первомъ-же засѣданіи своемъ избрало преосвященнаго Савву въ дѣйствительные члены, а въ слѣдующемъ году постановило составленный имъ «Указатель» рязницы взять въ основаніе и въ качествѣ источника къ матеріаламъ для археологическаго словаря, издаваемымъ Обществомъ; въ 1865 году преосвященный Савва избранъ былъ въ дѣйствительные члены Общества древне-русскаго искусства, а въ 1866 году въ почетные члены Московскаго и Одесскаго Общества исторіи и древностей. Упроченію его извѣстности какъ выдающагося археолога особенно много способствовали, кромѣ «Указателя» изданные имъ въ 1863 г. «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской синодальной библіотеки VI—XVII вѣка (Москва. 1863)». Знаменитые западные палеографы Тишендорфъ и Гартгаузенъ въ свое время отозвались о нихъ съ самой лучшей стороны. Это изданіе сохраняетъ свое важное значеніе и въ настоящее время и сохранитъ его навсегда. Кромѣ означенныхъ двухъ археологическихъ трудовъ преосвященнаго Саввы, не оставлявшаго научныхъ занятій во всю свою жизнь, не смотря на множество другихъ дѣлъ по званію епископа, принадлежатъ еще и многія другія весьма объемистыя и весьма важныя для исторической науки, особенно церковной русской исторіи новѣйшаго времени, изданія. Таковы: 1) «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ»; 2) «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита Московскаго по дѣламъ православной церкви на Востокѣ»; 3) «Письма Московскаго митрополита Филарета къ архіепископу Тверскому Алексію»; 4) «Письма его-же къ Высочайшимъ Особамъ и разнымъ другимъ лицамъ»; 5) «Письма его-же къ игумену Спасо-Бородинскаго монастыря

Сергіи»; 6) «Сборникъ писемъ духовныхъ лицъ XVIII в. къ преосвященному Арсенію (Верещагину) архіепископу Ростовско-Ярославскому»; 7) «Воспоминанія о преосвященномъ Леонидѣ, архіепископѣ Ярославскомъ и Ростовскомъ»; 8) «Воспоминанія о Священномъ Коронованіи... Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны». Мы не упоминаемъ здѣсь о рѣчахъ преосвященнаго Саввы и о нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ его статьяхъ, но не можемъ не упомянуть здѣсь еще о посмертномъ трудѣ покойнаго архіепископа, а именно, объ автобіографическихъ его запискахъ подъ заглавіемъ: «Хроника моей жизни» (1819—1896). Эта «Хроника» печатается теперь въ приложеніяхъ къ «Богословскому Вѣстнику» (1897 г.) и обѣщаетъ дать прекрасный матеріалъ для исторіи русской церковной жизни за три четверти текущаго столѣтія. До самой своей смерти высокопреосвященный Савва не оставлялъ своихъ ученыхъ работъ и въ ученыхъ кругахъ пользовался громаднымъ авторитетомъ. Въ 1890 году по случаю 25-лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Общества онъ приглашенъ былъ на Московскій археологическій съѣздъ и принималъ участіе въ его работахъ, предсѣдательствуя на нѣкоторыхъ его засѣданіяхъ. Въ 1894 году святѣйшій синодъ по ходатайству совѣта Московской духовной академіи присудилъ ему ученую степень доктора церковной исторіи.

Проф. И. Красносельцевъ.

II.

Николай Федоровичъ Фанъ-деръ-Флитъ.

Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ не былъ ученымъ; но его постоянное служеніе дѣлу народнаго образованія, существенная помощь едвали не всѣмъ ученымъ обществамъ г. Одессы и, наконецъ, самое значеніе его въ Одесской жизни даютъ ему право на помѣщеніе его некролога въ Запискахъ нашего Общества, котораго притомъ онъ былъ дѣйствительнымъ членомъ; и я съ благоговѣніемъ вношу на эти страницы свои небольшія замѣтки о свѣтломъ дѣятелѣ, расположеніемъ и покровительствомъ котораго я пользовался въ теченіи долгаго времени.

Фанъ-деръ-Флиты родъ голландскаго происхожденія, но давно обрусѣвшій, и Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ, не смотря на иностранную фамилію, былъ вполнѣ русскій человѣкъ и по самосознанію и по всѣмъ симпатіямъ, даже до нѣкоторой исключительности, впрочемъ, въ предѣлахъ общей гуманности.

Отецъ Н. Ф—ча былъ довольно видный сановникъ и богатый псковской помѣщикъ. Родился Н. Ф—чъ въ 1840 г. и первоначальное образованіе по-

лучилъ дома, а затѣмъ въ Александровскомъ Лицеѣ, по окончаніи котораго служилъ въ Министерствѣ Финансовъ, гдѣ скоро выдвинулся по своей энергіи. Уже въ 1862 г. онъ былъ командированъ въ Лондонъ для устройства на всемірной выставкѣ русскаго отдѣла; затѣмъ ему поручено было введеніе единства кассъ государственнаго казначейства въ нѣсколькихъ губерніяхъ и, наконецъ, онъ сталъ секретаремъ ученаго комитета Министерства Финансовъ; въ бесѣдахъ со мной объ этомъ времени Н. Ф—чъ особенно подчеркивалъ фактъ, что имъ была тогда организована при Министерствѣ Финансовъ обширная спеціальная библіотека, до того вовсе не существовавшая.

Но параллельно съ этою служебною дѣятельностью Н. Ф—ча шла другая, гораздо болѣе его привлекавшая—земская; это былъ, можно сказать, идеальный земскій дѣятель. Владѣя большимъ имѣніемъ Быстрецовымъ въ Псковской губерніи, онъ не только былъ благотворительнымъ помѣщикомъ, но не жалѣлъ средствъ для болѣе широкой помощи окрестному населенію; такъ имъ устроены были здѣсь образцовая народная школа, народная библіотека, больница и ссудо-сберегательное товарищество, одно изъ найболѣе раннихъ въ Россіи. Всѣ эти учрежденія его чрезвычайно занимали, особенно школа, въ которой онъ былъ безсмѣннымъ попечителемъ и куда обязательно каждый годъ являлся на экзамены, какъ бы ни былъ онъ въ это время занятъ. Былъ онъ, разумѣется, и земскимъ гласнымъ (уѣзднымъ и губернскимъ) и постоянно посѣщалъ собранія, являясь здѣсь энергическимъ работникомъ и принимая на себя различныя обязанности въ родѣ члена ревизіонной коммиссіи, попечителя разнообразныхъ земскихъ учрежденій, почетнаго мирового судьи. И всѣ эти обязанности несъ онъ не номинально; онѣ отнимали у него лѣто, которое онъ всегда проводилъ въ Быстрецовѣ будтобы ради отдыха; а случалось ему въ виду какихъ либо экстренныхъ требованій и не въ урочное время оставлять ради земскихъ дѣлъ иныя служебныя обязанности. Разсказы о такой земской дѣятельности доставляли ему величайшее удовольствіе.

Свое общественное служеніе переносилъ Н. Ф—чъ и въ Петербургъ, гдѣ постоянно проживалъ зимою; какъ крупный сельскій хозяинъ, онъ бывалъ приглашаемъ въ коммиссіи, имѣвшія цѣлью изслѣдованіе условій нашего хозяйства или касающіяся промышленности и торговли, а, главное, онъ былъ самымъ энергичнымъ членомъ комитета грамотности, который издалъ на его средства много книгъ для народнаго чтенія, широко распространяемыхъ Н. Ф—чемъ; его полезная въ этомъ отношеніи дѣятельность была отмѣчена Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, присудившимъ ему золотую медаль.

Такъ протекла жизнь Н. Ф—ча до 1877 г., когда наступила война за освобожденіе славянъ. Директоръ Русскаго Общества Пароходства и Тор-

говли, съ которымъ въ то время была соединена и Одесская желѣзная дорога, Н. М. Чихачовъ назначенъ былъ начальникомъ черноморской флотиліи, почему и отказался временно отъ директорства. Какъ крупный акціонеръ Общества и членъ совѣта его, Н. Ф—чъ согласился, оставивъ государственную службу, временно занять должность директора, для чего и прибылъ въ Одессу. Съ недовѣріемъ отнеслись моряки къ этому молодому статскому, взявшему въ свои руки наслѣдство послѣ такого директора, какимъ былъ Н. М. Чихачовъ, но вскорѣ убѣдились, что отсутствіе спеціальныхъ морскихъ свѣдѣній не помѣшало Н. Ф—чу быть отличнымъ администраторомъ и притомъ въ столь тревожное время, когда по Одесской жел. дорогѣ перевезена была вся русская армія. Если въ этомъ случаѣ еще и были значительные недочеты, то перевозка арміи обратно изъ Санъ-Стефано и Бургаса въ Россію по окончаніи войны на пароходахъ Р. О. П. и Торговли совершена была блистательно и Общество удостоилось Всемилостивѣйшаго Манифеста. Н. Ф—чъ всегда гордился этимъ эпизодомъ своей біографіи, равно какъ и тѣмъ сочувствіемъ, какое онъ пріобрѣлъ въ своихъ подчиненныхъ, среди которыхъ (чѣмъ онъ тоже не прочь былъ похвалиться) были будущіе Министръ Финансовъ и Одесскій Градоначальникъ. Когда по окончаніи войны Н. М. Чихачовъ возвратился къ своимъ прежнимъ обязанностямъ, Н. Ф—чъ уѣхалъ въ Петербургъ; причемъ служившими съ нимъ лицами ему поднесена была на память большая картина Айвазовскаго.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, раздѣлились Р. О. П. и Торговли и Одесская жел. дорога, затѣмъ Н. М. Чихачовъ занялъ высокій постъ Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, и тогда Н. Ф—чъ явился въ Одессу его преемникомъ уже на продолжительное время.

Около 12 лѣтъ длилось его директорство; въ это время дѣятельность Р. О. П. и Торговли стала особенно развиваться, чѣму содѣйствовалъ и новый контрактъ, заключенный Обществомъ и Правительствомъ; увеличилось число срочныхъ пассажирскихъ и грузовыхъ линій и рейсовъ, преимущественно въ сношеніи съ крымскимъ и кавказскимъ побережьемъ; пріобрѣтено было много новыхъ пароходовъ, отличающихся комфортомъ и быстрымъ ходомъ, развилась дѣятельность севастопольскаго адмиралтейства, выстроившаго нѣсколько броненосцевъ и иныхъ военныхъ судовъ. Едвали не спеціально Н. Ф—чу обязано Общество налаженіемъ перевозки черезъ Одессу внутрь Россіи и заграницу нефтяныхъ грузовъ, что дало ему большой заработокъ. По иниціативѣ же Н. Ф—ча была учреждена для служащихъ въ Р. О. ссудо-сберегательная касса, на которую ежегодно отчисляется часть прибылей Общества; а главное въ Обществѣ установился духъ порядочности и гуманности; Н. Ф—чъ сумѣлъ объединить служащихъ въ одну семью. Мнѣ неоднократно приходилось видѣть, какъ относился

онъ къ нимъ во время постоянныхъ поѣздокъ по портамъ Чернаго моря, или какъ онъ принималъ этихъ служащихъ во время ихъ пріѣзда въ Одессу; это были встрѣчи съ близкими людьми: даже выговоръ служащему, крайне рѣдкій, превращался въ устахъ Н. Ф—ча въ пріятный сердечный разговоръ, не оставлявшій горечи въ томъ лицѣ, которое такой выговоръ получило. Зато служащіе въ Обществѣ, можно сказать, боготворили Н. Ф—ча.

Одновременно съ занятіемъ мѣста директора Р. О. П. и Торговли Н. Ф—чъ былъ избранъ сперва членомъ, а затѣмъ и Предсѣдателемъ Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ и эту обязанность исполнялъ въ теченіи 10 лѣтъ. Такъ какъ я почти все это время состоялъ секретаремъ Комитета, то мнѣ пришлось сначала по служебнымъ занятіямъ сблизится съ Н. Ф—чемъ, а потомъ и я, подобно всѣмъ его подчиненнымъ, былъ всѣмъ сердцемъ привлеченъ къ его свѣтлой личности. Незбалованный отношеніями къ разнообразному начальству на продолжительной государственной службѣ я, какъ въ эдемѣ, очутился въ этомъ отношеніи, работая въ Одесскихъ Комитетахъ Мануфактуръ и Торговли и Биржевомъ, и не умѣю сказать, гдѣ отнеслись ко мнѣ сердечнѣе и деликатнѣе, прощая мои промахи на новомъ еще для меня поприщѣ и стараясь лишь научить меня требуемому дѣлу; о такомъ отношеніи ко мнѣ Н. Ф—ча я теперь, когда его уже нѣтъ, не могу вспомнить безъ слезъ.

Долговременная работа совмѣстно съ Н. Ф—чемъ даетъ мнѣ полную возможность охарактеризовать его, какъ Предсѣдателя Комитета Торговли и Мануфактуръ. Не во всѣхъ, разумѣется, ихъ отрасляхъ онъ былъ свѣдущимъ, но все же знанія его были обширны и только обычная его скромность ихъ часто маскировала; по экономическимъ убѣжденіямъ онъ скорѣе былъ фритредеръ, но умѣренный и въ иныхъ случаяхъ признавалъ полезнымъ вмѣшательство Государства въ экономическую жизнь народа. Комитетъ Торговли и Мануфактуръ — учрежденіе болѣе совѣщательное, призываемое въ случаѣ надобности въ качествѣ эксперта по различнымъ торгово-промышленнымъ вопросамъ. Нечего и говорить, что всѣ доклады Комитета имѣли въ виду интересы отечественной промышленности и торговли, и въ частности Одесской, если это только не противорѣчило общимъ интересамъ: но доклады и отчетъ Комитета были всегда очень обстоятельны; причемъ Н. Ф—чъ былъ однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ работниковъ. Неоднократно онъ, по собственной иниціативѣ или по хорошо мотивированному ходатайству иныхъ лицъ, дѣлалъ представленія объ экономическихъ нуждахъ Одессы и, если они не всегда были уважены, то зачастую ими бывали парализованы какія либо недостаточно обдуманныя и неудобныя проэктированныя мѣры. Упомяну еще, что въ это время Комитетъ долженъ былъ высказать свое мнѣніе относительно предстоящаго договора Р. О. П. и Т. съ Правительствомъ. Несмотря на большую заинтересованность въ

этомъ дѣлѣ, Н. Ф—чъ совершенно устранился отъ него, передавъ предсѣдательство иному лицу, и не высказалъ даже мнѣ ни капли неудовольствія на то, что Комитетъ высказался кое въ чемъ не въ интересахъ Р. О. Н. и Торговли.

Но я замѣчаю, что я сильно распространился относительно такой стороны дѣятельности Н. Ф—ча, которая, имѣя вообще большое значеніе, можетъ быть не особенно интересна для нашего Общества, и поэтому перехожу къ другимъ сторонамъ этой дѣятельности.

Не знаю, было ли въ Одессѣ хоть одно общество, которое не считало бы Н. Ф—ча въ числѣ своихъ членовъ? Конечно, его состояніе и огромное жалованье по должности директора Р. О. Н. и Т. давали ему полную возможность не только уплачивать небольшіе въ сущности членскіе взносы, но дѣлать и крупныя пожертвованія; однако извѣстны и еще болѣе состоятельные люди съ совершенно инымъ складомъ дѣятельности. Болѣе всего жертвовалъ Н. Ф—чъ на цѣли религіозно-благотворительныя, что объясняется его глубокою религіозностью; о многочисленныхъ его пожертвованіяхъ не знали часто даже самыя близкія къ нему лица и о многихъ я напр. узналъ случайно. Затѣмъ щедры были обычно его жертвы и для научныхъ цѣлей. Какъ директоръ Р. О. Н. и Т., онъ всегда имѣлъ возможность предоставить въ распоряженіе ученаго съѣзда, ученой или учебной экскурсіи пароходъ и на продолжительное время, а нерѣдко, какъ это имѣло мѣсто напр. при студенческихъ экскурсіяхъ, принималъ содержаніе экскурсантовъ на свое личное иждивеніе. Особенно много такихъ услугъ оказалъ онъ Обществу Естествоиспытателей при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, весьма заботясь и о Севастопольской Зоологической станціи. Въ Крымскомъ горномъ клубѣ онъ 2 года былъ президентомъ и не только содѣйствовалъ экскурсіямъ клуба, но по его иниціативѣ и благодаря его пожертвованіямъ начались столь полезныя ученическія экскурсіи, въ ознаменованіе чего клубъ въ настоящее время образуетъ спеціальный фондъ имени Н. Ф. Фанъ-деръ-Флита для подобныхъ экскурсій. И наше Общество неоднократно пользовалось услугами Р. О. Н. и Т., при Н. Ф—чѣ, охотно выдававшемъ билеты членамъ Общества на безплатный проѣздъ по дѣламъ его или ради археологическихъ экскурсій. Въ благодарность за это, а также принимая во вниманіе всю дѣятельность Н. Ф—ча и его значеніе въ Одессѣ, наше Общество 28 мая 1887 г. избрало его въ дѣйствительные члены, и въ этомъ званіи онъ, благодаря значительному единовременному пожертвованію, оставался до самой смерти.

Не могу не отмѣтить еще, что Н. Ф—чъ былъ человѣкъ очень общественный и гостепріимный, и притомъ чрезвычайно простой, и покладистый; всякій у него чувствовалъ себя какъ дома; но на немъ, равно и на уважаемой его супругѣ, всегда лежалъ какой то колоритъ тихой грусти, объ-

ясняемый семейными утратами. Бывая у Н. Ф—ча, и я не могъ не поддаваться этой грусти при мысли, что такимъ людямъ именно не суждены семейныя заботы....

Въ послѣдніе годы пребыванія въ Одессѣ Н. Ф—чъ сталъ тяготиться службою въ Р. О. П. и Т.; измѣнившіяся экономическія условія и развивающаяся на Черномъ морѣ конкурренція дѣлали доходы Общества хотя и достаточными по номинальной стоимости акцій, но не соотвѣтствующими ихъ биржевой цѣнѣ; Н. Ф—чъ предполагалъ, что это сокращеніе доходности могутъ приписать недостаточной его хозяйственности, а, пожалуй, и его гуманности, и потому не разъ выражалъ желаніе сложить съ себя званіе директора; акціонеры постоянно отклоняли его отъ этого намѣренія; но весною 1894 г., онъ рѣшительно отказался, сложивъ и другія принятыя имъ на себя обязанности, и уѣхалъ въ деревню, а на зиму переселился въ Петербургъ; отъѣздъ его вызвалъ въ Одессѣ всеобщія сожалѣнія, выразившіяся въ адрессахъ и иныхъ овиціяхъ.

Н. Ф—чъ остался членомъ совѣта Р. О. П. и Т.; но такъ какъ это требовало неособенно большихъ занятій, а въ немъ такъ много было еще жизни, то онъ и въ Петербургѣ предался общественной дѣятельности; онъ сталъ вице-предсѣдателемъ въ комитетѣ о сельскихъ кассахъ и товариществахъ и работалъ здѣсь съ обычною энергіей. Весною 1895 г. разнесся было слухъ о его опасной болѣзни, бывшей слѣдствіемъ жестокой инфлюэнцы; но, когда я посѣтилъ его въ Петербургѣ зимою во время праздниковъ, онъ казался уже совершенно здоровымъ и весьма интересовался различными экономическими вопросами. Потомъ я прочелъ въ газетахъ, что онъ сталъ попечителемъ С.-Петербургскаго пріюта слѣпыхъ; къ лѣту 1896 г. подъ его руководствомъ и при его ближайшемъ участіи былъ выработанъ проэктъ устава союза промышленныхъ и потребительныхъ товариществъ, который былъ сообщенъ на съѣздъ въ Нижнемъ Новгородѣ и вызвалъ всеобщее одобреніе; словомъ, не было никакихъ признаковъ близкой катастрофы. Осенью уже этого года Н. Ф—чъ былъ приглашенъ въ качествѣ представителя отъ сельскихъ хозяевъ Псковской губерніи въ Совѣщаніе о жел. дор. тарифахъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ, но долго не являлся, такъ какъ былъ еще въ деревнѣ. Когда мы встрѣтились, наконецъ, въ Совѣщаніи, онъ все же казался здоровымъ, хотя и жаловался на болѣзнь почекъ. Я выразилъ сожалѣніе, что онъ смѣнилъ сравнительно теплую Одессу на Петербургъ, гдѣ болѣзни почекъ развиваются особенно быстро; но Н. Ф—чъ отпарировалъ мое замѣчаніе тѣмъ, что онъ всегда можетъ уѣхать въ еще болѣе теплые, чѣмъ Одесса, края, и, видимо, не смотря на жалобы, онъ нисколько не сознавалъ серьезности своего положенія; онъ нисколько не берегся, выѣзжалъ въ сырую погоду и пр. Такимъ образомъ, когда въ половинѣ ноября пронеслось въ

Одессѣ извѣстіе объ опасной болѣзни П. Ф—ча и предстоящей поѣздкѣ его въ южную Францію, а затѣмъ пришла телеграмма о его смерти 27 ноября — все это явилось страшною неожиданностью. Такъ недавно еще былъ онъ среди насъ — и мы присутствуемъ на панихидѣ по немъ! Не вѣрилось этому. Но — невѣроятное часто бываетъ достовѣрнымъ.

Миръ праху одного изъ самыхъ симпатичныхъ русскихъ дѣятелей, честно несшаго миръ на своемъ жизненномъ знамени. Память о немъ навсегда сохранится среди людей его любившихъ, а такими были всѣ его знавшіе.

Д. ч. Ал. Маркевичъ.

III.

Протоіерей Петръ Гавріиловичъ Лебединцевъ.

3 декабря 1896 г. послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни скончался одинъ изъ видныхъ дѣйствительныхъ членовъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей каѳедральный протоіерей Кіево-Софійскаго собора Петръ Гавріиловичъ Лебединцевъ. Онъ не принималъ непосредственнаго участія въ трудахъ Общества, такъ какъ, служа нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Кіевской епархіи, вполнѣ естественно посвятилъ ей большую часть своихъ церковно-археологическихъ трудовъ; но его ученыя заслуги, какъ знатока исторіи и археологіи юго-западной Руси, были настолько внушительны, что Общество сочло своей обязанностью выразить свое уваженіе къ этимъ заслугамъ избраніемъ его въ свои члены.

Петръ Гавріиловичъ Лебединцевъ родился 21 декабря 1819 г. въ селѣ Зеленомъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Отецъ его, имѣвшій многочисленную семью былъ, конечно, весьма бѣденъ и терпѣлъ во всемъ нужду. Сыну, отъ природы надѣленному недюжиннымъ умомъ, притомъ оригинальнымъ, настойчивому, съ характеромъ рѣшительнымъ, съ сильной волей, пришлось самому проложить себѣ въ жизни дорогу. Среднее образованіе онъ получилъ въ Кіевской духовной семинаріи, а высшее въ Кіевской духовной Академіи, которую окончилъ въ 1843 году со степенью магистра. 31 октября того-же года П. Г. Лебединцевъ опредѣленъ былъ въ Орловскую семинарію профессоромъ по каѳедрѣ словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ. 22 апрѣля 1895 г. онъ переведенъ былъ въ Кіевскую семинарію на каѳедру логики и психологіи; 18 февраля 1851 г. рукоположенъ во священника и назначенъ законоучителемъ въ Бѣлоцерковскую гимназію; въ то-же время ему въ качествѣ благочиннаго было поручено наблюденіе за окрестными церквами. Изъ выдающихся служебныхъ обстоятельствъ за время пребыванія покойнаго П. Г. Лебединцева въ Бѣлой церкви можно отмѣтить дѣятельное уча-

стіе его въ успокоеніи крестьянскихъ волненій 1859 г., возникшихъ вслѣдствіе распространенія ложныхъ слуховъ о надѣлѣ земельными имуществами. Съ 1861 г. служеніе Петра Гавр. Лебединцева принадлежитъ исключительно Кіеву и его ученымъ, учебнымъ и административнымъ учрежденіямъ. Одинъ сухой перечень разнообразныхъ должностей, которыя занималъ покойный въ теченіи полувѣковаго служенія церкви и родинѣ, уже достаточно внушительно свидѣтельствуетъ объ его трудахъ. Такъ, онъ 8 лѣтъ состоялъ преподавателемъ духовныхъ семинарій, 17 лѣтъ—законоучителемъ гимназій, 33 года членомъ консисторіи и почти столько-же главнымъ распорядителемъ Кіевскаго женскаго духовнаго училища, 3 года—членомъ Высочайше учрежденной при Св. Синодѣ коммиссіи по преобразованію духовно-судебной части, 25 лѣтъ—членомъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, 29 лѣтъ—членомъ губернскаго присутствія по устройству церквей и зданій для причтовъ, болѣе 10 лѣтъ былъ благочиннымъ, 22 года редактировалъ Кіевскія епархіальныя Вѣдомости, руководилъ «Кіевской Стариной», былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ-учредителей и сотрудниковъ «Общества Нестора Лѣтописца» и почти 30 лѣтъ состоялъ каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора.

Начало научно-литературной дѣятельности покойнаго П. Г. Лебединцева совпадаетъ съ переселеніемъ его въ Кіевъ въ 1861 году. Такимъ образомъ, имя его, какъ трудолюбиваго изслѣдователя и незаурядnаго археолога, давно извѣстно въ церковно-исторической литературѣ. Многочисленныя работы его могутъ быть раздѣлены на слѣдующія три группы.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе акты и матеріалы по исторіи Кіевской епархіи и южно-русской церкви, обнародованные покойнымъ. Изъ нихъ наиболѣе важны слѣдующіе: 1) матеріалы, относящіеся къ исторіи Кіевской митрополіи XVI вѣка; 2) акты касательно состоянія православія и уніи въ Кіевѣ въ первой половинѣ XVII столѣтія; 3) акты стариннаго судопроизводства; 4) документы по древней исторіи церквей и монастырей Кіевской епархіи; 5) росписной списокъ Кіева 1700 г.; 6) опись Кіевскаго замка 1545 г.; 7) матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія южно-русской штунды и 8) документы, касающіеся волненій среди крестьянъ Кіевской губерніи. Высокое научное значеніе этихъ матеріаловъ обусловливается тѣмъ, что при своихъ архивныхъ розысканіяхъ покойный имѣлъ въ виду существующій запасъ свѣдѣній по тому или другому вопросу и обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на такіе документы, которые могутъ служить подспорьемъ къ уясненію и рѣшенію этихъ вопросовъ. Отсюда одни изъ этихъ документовъ дополняютъ историческія свѣдѣнія, другіе даютъ извѣстнымъ событіямъ и лицамъ новое болѣе вѣрное освѣщеніе, иные даже вскрываютъ цѣлые историческіе эпизоды. Обширный историческій матеріалъ покойный П. Г. Лебединцевъ извлекалъ

изъ архивовъ—Сунодальнаго, Сенатскаго, Главнаго Штаба, инженернаго Управленія—въ Петербургѣ, Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Министерства Юстиціи—въ Москвѣ, а также нѣкоторыхъ мѣстныхъ архивовъ и монастырскихъ библіотекъ.

Въ составъ второй группы входятъ церковно-историческія изслѣдованія. По объему они большею частью не велики, но многочисленны и представляютъ живой интересъ то по новости сообщаемыхъ въ нихъ свѣдѣній, то по критическому разбору и новому освѣщенію фактовъ общеизвѣстныхъ, то по установкѣ болѣе широкаго взгляда на разныя событія, по исправленію историческихъ ошибокъ и т. п. Таковы напр. «Описаніе Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора», «Кіево-Печерская Лавра въ ея прошломъ и настоящемъ состояніи», «Изслѣдованіе о св. Софіи Кіевской», «Михаилъ, Митрополитъ Кіевскій XII в.», «О возобновленіи стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры», «Возобновленіе Кіево-Софійскаго Собора въ 1843—1853 гг.», «Историческія замѣтки о Кіевѣ», «Викторъ, епископъ Переяславскій и Борисполькій, коадьюторъ Кіевской митрополіи», «Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты?», «Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ?» и т. п., всего до 36 статей, помѣщенныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Третью категорію трудовъ покойнаго П. Г. Лебединцева образуютъ историко-археологическія изслѣдованія. Почившій былъ однимъ изъ первыхъ духовныхъ лицъ, понявшихъ важное значеніе для науки памятниковъ старины. Еще въ бытность свою въ м. Бѣлая-Церковь онъ спасъ своими заботами и ходатайствомъ нѣкоторые церковные памятники отъ грозившаго имъ разрушенія. Переселившись въ Кіевъ, изобилующій памятниками старины, покойный ревностно занялся ихъ изученіемъ и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность одного изъ лучшихъ знатоковъ кіевской старины, нерѣдко оказывая своими глубокими познаніями существенное содѣйствіе археологическимъ обществамъ. Какъ выдающійся археологъ, онъ принесъ не мало пользы и Кіево-Софійскому каѳедральному собору. При немъ открыты и реставрированы на стѣнахъ собора фрески; при немъ и, главнымъ образомъ, по его настоянію реставрированъ прежній видъ Софійскаго собора: окна въ главномъ куполѣ увеличены, крыша понижена, открыты и освобождены изъ подъ крыши новые куполы. Вся эта работа была выполнена подъ непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ протоіерея Петра Гавріиловича. Съ трудами по реставраціи Софійскаго собора неразрывно связанъ рядъ литературныхъ археологическихъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ. Таковы напр.: 1) О времени написанія фресокъ Кіево-Софійскаго собора; 2) Софія—премудрость Божія въ иконографіи сѣвера и юга Россіи; 3) Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. Княгиня Ольга и имѣемъ-ли мы ихъ подлинники? 4) Остатки церквей

въ развалинахъ древняго Корсуня, ихъ открытіе и значеніе; 5) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго собора; 6) Можетъ-ли подлежать сомнѣнію, что открытое во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра? 7) Выносъ плащаницы и крестный ходъ съ нею.—Археологическій элементъ заключаютъ въ себѣ также разныя изслѣдованія и очерки покойнаго по древней топографіи г. Кіева и его окрестностей, въ родѣ слѣдующихъ: «Какая мѣстность въ древности называлась Олеговой могилой?»; «О мѣстоположеніи древняго города Торческа»; «О Копыревѣ концѣ г. Кіева»; «О мѣстоположеніи древнихъ кіевскихъ церквей»; «О планахъ г. Кіева въ XVIII в.», равно какъ и изданные протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, снимки со старинныхъ гравюръ и портретовъ. Какъ особенно цѣнный вкладъ почившаго въ археологическую науку, нельзя не отмѣтить планы г. Кіева XVII в., извлеченные имъ изъ архива главнаго инженернаго Управленія и переданные для напечатанія въ Кіевскую Археографическую комиссію по поводу ея 50-лѣтней дѣятельности.

Такова была учено-литературная дѣятельность протоіерея П. Г. Лебединцева. Она заслужила ему почетную извѣстность въ русскомъ ученомъ мірѣ. На третьемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1874 г. онъ былъ избранъ и состоялъ предсѣдателемъ по отдѣлу церковныхъ древностей. Постепенно онъ избирался и состоялъ или дѣйствительнымъ, или почетнымъ членомъ разныхъ русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а именно: Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Общества Нестора Лѣтописца, Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, Кіевской Духовной Академіи и Кіевскаго Университета.

Мы не упоминаемъ здѣсь о рѣчахъ и словахъ, произнесенныхъ Протоіереемъ П. Г. съ церковной каѳедры и о нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ его произведеніяхъ, но не можемъ обойти молчаніемъ разнообразные автобіографическіе матеріялы, завѣщанные покойнымъ Кіевской Духовной Академіи. Матеріялы эти обѣщаютъ со временемъ дать много новаго, интереснаго и цѣннаго для исторіи русской церковной жизни, особенно Малороссіи за три четверти текущаго столѣтія.

До самой своей смерти протоіерей П. Г. не оставлялъ своихъ ученыхъ работъ, и поглощенъ былъ самой живой, самой кипучей дѣятельностью. Во время болѣзни онъ не переставалъ заниматься, даже болѣзненный бредъ его былъ бредомъ о служебныхъ дѣлахъ. До конца онъ вѣрилъ и надѣялся, что встанетъ.

Изъ высшихъ наградъ, доступныхъ духовенству, покойный П. Г. имѣлъ палицу, митру, золотой крестъ съ брилліантами, выданный изъ кабинета Его Величества и всѣ ордена включительно до ордена св. Анны I степени.

Свящ. С. Петровскій.

IV.

Аббатъ Амедео Винья.

12 февраля (новаго стиля) 1897 года скончался одинъ изъ видныхъ иностранныхъ дѣйствительныхъ членовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, аббатъ Амедео Винья. Родился онъ 30-го августа 1825-го года, въ Туринѣ. Еще юношей, онъ вступилъ въ Орденъ Доминиканцевъ, гдѣ и закончилъ свои занятія исторіей, философіей и богословіемъ. Оттуда онъ былъ посланъ миссіонеромъ въ Египетъ и въ своихъ странствованіяхъ по Востоку посѣтилъ развалины Вавилона. Затѣмъ онъ поселился въ Константинополѣ, именно въ Галатѣ, гдѣ и былъ въ 1851 году назначенъ священникомъ въ церкви Св. Петра, принадлежащей Доминиканскому Ордену.

Три года спустя, по причинѣ разстроеннаго здоровья, о. Амедео принужденъ былъ вернуться въ Италію и утвердиться на постоянное жительство въ Генуѣ, которую не покидалъ болѣе пилоть до своей кончины. Тутъ онъ посвятилъ свои досуги занятіямъ исторіей и археологіей и первыми плодами его симпатичныхъ изслѣдованій въ этой области были статьи, озаглавленныя: «L'antica Collegiata di S. M. di Castello», изд. въ 1859 г. и, немного спустя,—другая—«Illustrazione storica, artistika ed epigrafica», относящаяся къ той же базиликѣ Св. Маріи. Оба труда, по любви къ дѣлу и добросовѣстности, съ какою выполнены, какъ нельзя болѣе достойны этого древняго и прекраснаго храма, который, послѣ собора, занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ приходскихъ церквей Генуи. S. Maria di Castello, не только по своей древности, но и по своей роли въ исторіи, занимаетъ выдающееся мѣсто среди генуэзскихъ религіозныхъ памятниковъ: съ нею связаны и судьбы рода Висконти, и всѣ болѣе или менѣе памятныя событія, послѣдовавшія за основаніемъ нашей славной и могучей республики.

Живописные берега Босфора, съ которыми, по собственному признанію отца Амедео, могли сравниться развѣ только окрестности Генуи,—особенно долина Польчевера, гдѣ какъ и въ Галатѣ еще понынѣ возвышаются могучіе замки эпохи Генуэзскаго владычества, вдохновили нашего почтеннаго соотечественника. У него зародилось непреодолимое желаніе сохранить для потомства память о славномъ прошломъ лигурійскихъ предковъ и плодомъ его трудовъ въ этой области явились прекрасно составленный «Сборникъ Генуэзскихъ надписей въ Галатѣ» и «Дипломатическій Кодексъ Тавро-Лигурійскихъ Колоній» Codice Diplomatico delle Colonie Tauro Liguri (3 толстыхъ тома in-quarto, около 1000 страницъ каждый томъ). Эти работы аббата Виньи были напечатаны въ «Atti della Società Ligure di Storia Patria», ихъ появленіе встрѣтило самый восторженный пріемъ не только среди итальянскихъ ученыхъ, но и на Востокѣ въ кругу многочисленныхъ изслѣдователей Черноморскаго побережья.

Изъ его предисловія къ первому тому видно, сколько трудовъ стоило почтенному аббату изданіе этихъ изслѣдованій, гдѣ генеральные списки консуловъ и чиновниковъ Каффы, Сольдайи, Чембало и другихъ меньшихъ колоній иллюстрированы событіями, статутами и предметами церковной археологіи:

«Когда, въ засѣданіи Историческаго отдѣла Società Ligure di Storia Patria,—говоритъ онъ,—состоявшемся 11-го авг. 1865 г., Милостивые Государи и досточтимые Коллеги, прочелъ я Вамъ,—если помните,—мною составленный историческій очеркъ политическихъ сношеній Генуэзской Республики съ ея колоніями въ Константинополѣ и международныхъ сношеній упомянутой Общины съ разными европейскими и восточными дворами въ первой половинѣ XV в.,—то, заканчивая свое сообщеніе, я обѣщалъ Вамъ не только продолжать, но даже ускорить мои послѣдующія изслѣдованія въ этой области, включая въ нихъ всѣ Генуэзскія колоніи на Востокѣ. Я сдержалъ свое обѣщаніе, М.м. Г.г., и въ теченіи послѣднихъ лѣтъ единственною моею заботою было пересмотрѣть какъ можно болѣе томовъ рукописей, имѣющихъ отношеніе къ упомянутымъ колоніямъ и хранящимся, преимущественно, въ архивѣ Св. Георгія, а также и въ разныхъ домашнихъ архивахъ.

«Если въ этой работѣ мнѣ хоть отчасти удалось оправдать возложенныя на меня ожиданія,—на что я не смѣю надѣяться,—то признаюсь Вамъ чистосердечно, что я не щадилъ ни силъ, ни труда, чтобы, по мѣрѣ возможности, служить блеску и величію нашего учрежденія. Мнѣ хотѣлось доказать, что въ наше время можно съ большей пользою служить отечеству научными трудами, чѣмъ побѣдами на полѣ брани, такъ какъ каждый народъ, который имѣетъ цѣлью прочно утвердиться въ конституціонномъ устройствѣ, болѣе нуждается въ мудрости и зрѣлости государственнаго смысла, чѣмъ въ силѣ и военныхъ подвигахъ».

Когда были закончены работы по Дипломатическому Кодексу,—работы, за которыя аббатъ Виньи получилъ отъ правительства званіе профессора исторіи и крестъ Италіанской короны, то взоры его опять обратились къ монастырю S. Maria di Castello. Имъ были изданы въ отдѣльныхъ томахъ исторія епископовъ и выдающихся доминиканцевъ этой обители. Затѣмъ онъ помѣстилъ въ трудахъ Общества, исторію монастыря и сельскихъ церквей, принадлежащихъ къ Доминиканскому Ордену. Книга эта, обладающая серьезными научными достоинствами, недавно вышла въ свѣтъ. Одновременно съ нею появились и другія его работы изъ области церковной археологіи, напечатанныя въ Генуѣ съ 1860 г.

Неутомимая дѣятельность ученаго аббата была причиной того, что Лигурійское Общество возложило на него званіе президента,—званіе, которое онъ сложилъ съ себя только въ октябрѣ 1896 г., чтобы принять ди-

ректуру коллегіи Barolo въ Пьемонтѣ. Тогда же онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Лигурійскаго Общества и Королевской Депутаціи, завѣдующей изученіемъ отечественной исторіи въ Туринѣ.

Оживленіе Лигурійскаго Общества со времени его избранія, почетныя обязанности, возложенныя на него, послѣ того какъ, по выходѣ изъ Ордена, онъ долго жилъ всѣми забытый,—все это, вмѣстѣ взятое, удвоивало его энергію и способность къ труду и дало ему силы блистательно закончить описаніе церкви S. Maria di Castello. О немъ можно сказать, что послѣдній часъ засталъ его надъ послѣдней страницей, отъ которой онъ перешелъ къ вѣчному покою. Смерть какъ-бы подкралась къ нему, хотя все-же не настолько тайно, чтобы выхватить его изъ этого міра безъ напутствія и утѣшенія религіи. Тотъ, кто всю жизнь посвятилъ заботамъ о сохраненіи для потомства памятниковъ родной страны, и послѣ смерти будетъ вѣчно жить въ своихъ трудахъ.

Маркизъ І. Θ. де Феррари.

298 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

28-го Сентября 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, д. чл. *А. А. Кочубинскій*, *Х. П. Ящуржинскій*, *В. П. Мочульскій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *М. П. Истоминъ*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *С. Л. Дени*, *Г. П. Перетятковичъ*, *С. В. Петровскій* и членъ-сотрудникъ *П. А. Ивановъ*.

Слушали:

I. Чтеніе статьи д. ч. В. В. Шкорпила съ описаніемъ 12 камней съ греческими надписями, пріобрѣтенныхъ въ этомъ году для Мелекъ-Чесменскаго музея.

1) Снизу обломанное надгробіе изъ плотнаго известняка (выш. справа 1,24 м., слѣва 1,13, шир. 0,54, толщ. 0,14), найденное въ началѣ февраля 1896 г. за Братскою церковью, на землѣ Т. Овсѣенко, по лѣвую сторону отъ дороги, ведущей изъ Керчи къ Новому карантину: Φιλόξενος|Στρατώναχτος|Θευδοσιεύς.

По характеру письма надпись можетъ быть отнесена къ IV в. до Р. Хр.

2. Въ началѣ мая 1896 г. въ Эльтыгенѣ на землѣ А. В. Новикова найдено на двѣ части разбитое надгробіе изъ мѣстнаго известняка выш. 1,09 м., шир. 0,51, толщ. 0,14.

На разстояніи 0,035 м. подъ рельефомъ, отъ котораго остались внизу слѣды трехъ изображеній: въ углу на лѣво отъ зрителя, кажется, фигурки дѣвочки, рядомъ съ ней фигуры женской и, наконецъ, на право алтаря, небрежно высѣчено по линейкамъ пять строкъ надписи римскихъ временъ: Μύρον γυνὴ Δη-|μητρίου|καὶ τέκνα Χρήστ-|η καὶ [Π]αρ(ρ)ησία,| χαίρετε.

3. 11-го февраля 1896 г. найдена на Глинищѣ въ саду К. Фульдэ сверху отбитая плита изъ мѣстнаго известняка. Вышина уцѣлѣвшей части 0,60 м., шир. 0,55, толщ. 0,16. Зеркало, наполненное надписью, имѣетъ въ ширину 0,37 м.; вышина сохранившейся части 0,46, выс. буквъ 0,065 м.

Надпись въ пяти строкахъ: [ἀνέστησα]|τειμῆς χά-|ριν ἐν τῷ|αιφ' ἔτει.| χαίρετε имѣетъ дату: 511 годъ босп. эры=214 г. по Р. Хр.:

4. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мѣстнаго известняка выш. 1,19 м., шир. 0,47—0,50, толщ. 0,12. Подъ фронтономъ въ углубленіи (выш. 0,53 м., шир. 0,31) изображенъ стоящій en face воинъ съ продолговатымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ и съ копьемъ въ правой; за правымъ плечемъ воина виситъ колчанъ, а изъ подъ щита виднѣется конецъ меча. Воинъ одѣтъ въ хитонъ и иматій, который почти одинаковой длины съ хитономъ. Внизу плита срѣзана для укрѣпленія въ постаментѣ. Надгробіе найдено въ концѣ февраля 1896 года за Братскою церковью, по лѣвую сторону отъ дороги въ Новый карантинъ.

Непосредственно подъ рельефомъ вырѣзаны двѣ строки надписи римскихъ временъ: Στάφυλος Γλαυκίου,|χαῖρε.

5. Вполнѣ сохранившееся надгробіе изъ мѣстнаго известняка, внизу обрѣзанное для вставки въ постаментъ, выш. 1,13 м., шир. 0,47, толщ. 0,16. Подъ фронтономъ изображенъ всадникъ съ поднятой правой рукой и съ развѣвающимся отъ быстрой ѣзды плащемъ, сидящій на скачущей направо (отъ зрителя) лошади. За нимъ стоитъ воинъ съ копьемъ на плечѣ; онъ одѣтъ въ штаны, хитонъ и плащъ, который застегнутъ на правомъ плечѣ и переброшенъ черезъ лѣвое. Камень найденъ за Братскою церковью возлѣ вѣтряной мельницы, находящейся рядомъ съ дачей бывшаго директора Керченскаго музея Ѳ. И. Гросса.

Подъ рельефомъ высѣчена по линейкамъ двухстрочная надпись римскихъ временъ: Σαδάλα Σαδάλου,|χαῖρε.

У А. Ашика (Воспорское царство, II, стр. 68) и В. Латышева (Inscr. P. II, 198) издано надгробіе съ такою-же надписью, о которомъ неизвѣстно, гдѣ теперь находится. Внѣшній видъ нашего камня и распредѣленіе буквъ доказываютъ, что передъ нами совершенно другой памятникъ.

6. Сверху обломанная известковая плита выш. съ лѣвой стороны 0,79 м., съ правой 0,67, шир. 0,42, толщ. 0,12—0,14. Отъ рельефнаго изображенія, помѣщеннаго въ углубленіи между антами, осталось больше половины мужской фигуры, одѣтой въ длинный иматій, и мальчикъ, стоящій въ лѣвомъ углу. Надгробіе срѣзано съ боковъ для вставки въ постаментъ. Камень найденъ въ частномъ дворѣ на Глинищѣ, налѣво отъ дороги, ведущей въ деревню Аджи-Мушкай.

Подъ рельефомъ съ трудомъ читаются четыре строки сильно вывѣтрившейся надписи: Ἀλέξανδρε|υἱὲ|Ἕρωτος,|χαῖρε.

7. При рытьѣ той-же гробницы, гдѣ нашли предъидущій памятникъ, найдена сверху отбитая известковая плита, выш. 1,45 метра, шир. 0,56, толщ. 0,175. Отъ рельефнаго изображенія, извѣстнаго подъ именемъ «погребальнаго пира», сохранилась только нижняя часть.

Подъ рельефомъ вырѣзаны буквами весьма позднихъ римскихъ временъ двѣ строки греческой надписи: Ἴλαρε Ἔρωτος | χαῖρε.

8. На двѣ части разбитая известковая плита плохой сохранности выш. 1 м., шир. 0,58 м., толщ. 0,15—0.17. Рельефъ изображаетъ всадника на конѣ, обращенномъ на лѣво, и женщину, стоящую лицомъ къ всаднику, съ поднятою къ щекѣ лѣвою рукою. Камень найденъ на Глинищѣ и купленъ въ январѣ 1896 г. у торговца древностями С. Головлева.

Подъ рельефомъ вырѣзана двухстрочная надпись: [Χ]αιρέφανε[ς] Ἀργοδα.., | χαῖρε

9. Сверху и снизу отбитая известковая плита выш. съ правой стороны 1,18 м., съ лѣвой 1,02, шир. 0,55 м., толщ., 0,17. Въ глубокой нишѣ горельефомъ изображена женщина, сидящая въ креслѣ лицомъ къ зрителю, съ поднятою къ лицу лѣвою рукою. Голова женщины, къ сожалѣнію, отбита. Кресло, на которомъ возсѣдаетъ женщина, имѣетъ точеныя ножки и на концахъ ручекъ (ὄρκωνες) львиныя головки. Передъ кресломъ обычная скамейка. Налѣво отъ зрителя, на пьедесталѣ, который доходитъ до ручекъ кресла, изображена маленькая женская фигура съ отбитымъ бюстомъ. Возлѣ пьедестала стоитъ дѣвочка въ задумчивой позѣ, а съ правой стороны обычная фигура съ ящикомъ въ рукахъ. Весь рельефъ сдѣланъ съ большимъ умѣніемъ и стараніемъ. Плита найдена въ мартѣ 1896 г. на Глинищѣ и куплена у С. Головлева.

Подъ рельефомъ свободно читается четырехстрочная надпись: Θεονεί|κη γυνὴ | Χρύσου καὶ θυγά- | τριον Ἑλικωνιάς, | χαίρετε.

10. На двѣ части разбитая известковая плита выш. 1,03 м., шир. 0,48, толщ. 0,14. Подъ фронтономъ въ углубленіи находится рельефъ, представляющій женщину въ обычной задумчивой позѣ съ поднятою къ лицу лѣвою рукою; женщина сидитъ на креслѣ (спинка его, повидимому, отбита), обращенная лицомъ направо (отъ зрителя), и передъ ней стоитъ фигура дѣвушки съ цилиндрическимъ ящикомъ въ рукахъ. Надгробіе найдено въ январѣ 1896 г. на Глинищѣ.

Непосредственно подъ рельефомъ по линейкамъ вырѣзана двухстрочная надпись римскихъ временъ: Οἰνάνθη Διομή- | δου, χαῖρε.

11. 7-го марта 1896 года недалеко отъ того мѣста, гдѣ найденъ христіанскій памятникъ, изданный мною въ Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, т. 18, стр. 180, найдено въ могилѣ пять обломковъ другаго христіанскаго надгробія изъ плотнаго известняка съ изображеніемъ двухъ крестовъ и надписью. Надгробіе куплено у артели, раскапывающей древнее кладбище на Глинищѣ въ саду К. Верле: [†] † ἐνθά- | δε κατ- | άκιτε | Ἀνίκη- | τος. |

12. Въ маѣ 1896 г. А. В. Новиковъ подарилъ Мелекъ-Чесменскому

музею хорошо сохранившееся известковое надгробіе съ надписью, Ἠδοῦς Ζμά-|δητος, χαῖρε, изданною уже дважды: Х. П. Яцуржинскимъ въ Изв. Таврич. арх. коммиссіи, № 34, стр. 100, № 3, и В. В. Латышевымъ въ дополненіяхъ и поправкахъ къ собранію древнихъ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря. III. С.-Пб. 1894, стр. 19, № 158 (оттискъ изъ VII т. Имп. Р. Арх. Общества).

Постановили: въ извлеченіи напечатать въ протоколѣ, а статью передать въ издательскій комитетъ.

II. Статью П. П. Короленки: «Исторія крѣпости Ачуева съ 1697—1897».—(Построена она турками въ 1697 году при устьѣ Черной Протоки, текущей изъ рѣки Кубани въ Азовское море).

Постановили: передать на разсмотрѣніе д. чл. Г. И. Перетятковичу съ просьбою дать отчетъ о ней въ слѣдующемъ засѣданіи.

III. Статью почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда: «О поддѣлкѣ древностей на югѣ Россіи».

Постановили: печатать въ XIX т. Записокъ Общества.

IV. Краткое описаніе бывшей турецкой крѣпости Измаила, представленное д. ч. о. П. Т. Коломойцевымъ съ приложеніемъ къ нему составленнаго учителемъ Измаильскаго городскаго училища Алексѣемъ Степановскимъ фотографическаго снимка съ планомъ штурма Измаила $^{11}/_{22}$ декабря 1790 года и планомъ мѣстности, которую занимала разрушенная въ 1856 году крѣпость.

Постановили: передать описаніе и планъ въ издательскій комитетъ, а г. Степановскаго благодарить.

V. Статью д. ч. о. К. В. Шкорпила: «Доисторическіе памятники, открытые въ Болгаріи».

Постановили: печатать въ XIX т. Записокъ.

VI. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 19 іюня № 1203 съ увѣдомленіемъ, въ отвѣтъ на отношеніе Общества отъ 19 мая за № 308, что древняя турецкая крѣпость въ Аккерманѣ передана въ вѣдѣніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и по соглашенію его съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, о чемъ министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ 3 апрѣля сего года Бессарабскому губернатору и Императорской Археологической Коммиссіи. Права и обязанности общества по отношенію означенной крѣпости въ отношеніи г. министра не указаны, но, по мнѣнію Археологической Коммиссіи, должны быть такія-же, какія были возложены по этому предмету на мѣстное губернское начальство, согласно строительному уставу.

VII. Отношеніе Аккерманскаго полиціймейстера отъ 3 іюня, № 3101, съ увѣдомленіемъ о предписаніи Бессарабскаго губернатора передать ту-

рецкую крѣпость въ Аккерманѣ въ вѣдѣніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и съ просьбою распоряженія общества о командированіи одного изъ своихъ членовъ для передачи выше названной крѣпости на законномъ основаніи При этомъ вице-президентъ заявилъ, что имъ командированъ былъ д. ч. о. А. А. Кочубинскій, которымъ представлено помѣщенное ниже донесеніе о поѣздкѣ и актъ о принятіи крѣпости въ вѣдѣніе общества отъ Аккерманскаго полиціймейстера Ѳ. Кузнецова.

Постановили: согласно представленію совѣта, благодарить г. д. члена А. А. Кочубинскаго за исполненіе порученія съ полнымъ соблюденіемъ интересовъ Общества и передать наблюденіе за крѣпостью мѣстному Аккерманскому нотаріусу г. Штулькерцу. Донесеніе д. чл. А. А. Кочубинскаго, равно какъ и документы, относящіеся къ передачѣ крѣпости Обществу напечатать въ протоколѣ.

Донесеніе дѣйствительнаго члена А. А. Кочубинскаго: Во исполненіе предложенія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 16-го іюня за № 465 я былъ въ Аккерманѣ и 20-го іюня принялъ старую крѣпость въ вѣдѣніе Общества. Крѣпость обойдена отъ суши и отъ воды, разсмотрѣна внутри. Состояніе крѣпости во время передачи отмѣчено въ самомъ актѣ передачи, подписанномъ мною и г. полиціймейстеромъ, Кузнецовымъ. Подлинный актъ прилагается у сего, а копія съ него отправлена г. Бессарабскому губернатору.

По подписаніи акта я набросилъ объявленіе для всеобщаго на мѣстѣ свѣдѣнія о состоявшемся переходѣ крѣпости изъ вѣдѣнія города въ вѣдѣніе Общества, и въ немъ-же указалъ на то, что отнынѣ возбраняется по отношенію къ крѣпости, а именно: выпасъ всякаго скота и птицъ, ломка стѣнъ, скалъ, копанье земли внутри и во рву, вывозъ камня, бревенъ, спускъ воды, ввозъ сметья, сора, нечистотъ, вообще всякое поврежденіе, засореніе или эксплоатація. Г. полиціймейстеръ, по отпечатаніи на мѣстѣ, выразилъ полную готовность сейчасъ прибить объявленія у входовъ въ крѣпость, поставить городоваго — слѣдить за исполненіемъ указанныхъ пунктовъ и вообще принимать возможныя мѣры охраны.

Пока въ крѣпости живетъ для охраны имущества Варшавскаго (купца, которому Общество разрѣшило выстроить будку, но не домъ, за 5 рублей въ годъ, во рву у воды) сторожъ сего послѣдняго. Этотъ сторожъ порученъ мною особому вниманію г. полиціймейстера. Но Варшавскій права отнынѣ не имѣетъ держать въ крѣпости что-либо, поэтому необходимо предложить ему войти съ Обществомъ въ *точныя* обязательства. Помимо этого, г. полиціймейстеръ, по моей просьбѣ, сейчасъ-же сообщитъ имѣлъ, о передачѣ крѣпости всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя имѣли отношеніе къ крѣпости: они указаны въ актѣ.

Что касается *первыхъ* мѣръ для матеріальной поддержки старины, то я полагалъ-бы прежде всего

1) закрыть входъ со стороны лимана,

2) поставить ворота въ главномъ входѣ крѣпости и

3) закрыть городскую канаву въ крѣпостной ровъ, что сдѣлано городомъ.

Въ частности, я полагалъ-бы принять мѣры къ сохраненію стараго турецкаго минарета въ первомъ дворѣ; каменная винтомъ лѣстница внутри его едва держится. Указанный Варшавскій изъявилъ готовность забить входъ въ минаретъ досками, что я ему и разрѣшилъ.

Въ лучшей изъ башенъ, что на югъ, помѣщается складъ пороха частнаго лица (см. Актъ). Не знаю, насколько удобно подобное пользованіе башней. Но, быть можетъ, Общество найдетъ возможнымъ — за приличное вознагражденіе и съ обязательствомъ держать безотлучно сторожа (онъ служилъ-бы и Обществу) — предоставить для склада пороха тому-же или иному лицу особое помѣщеніе для боевыхъ снарядовъ, указанное въ актѣ

Время и обстоятельства укажутъ, какъ можетъ быть эксплоатированъ берегъ, что у крѣпости, земля, что подъ крѣпостью, ровъ.

Вообще, крѣпость въ ея настоящемъ состояніи—болѣе или менѣе одна развалины, не исключая и «высокихъ башенъ», воспѣтыхъ Пушкинымъ. Всякій, кто какъ хотѣлъ, тотъ такъ и тормошилъ ея многовѣковыя стѣны. Лучшая иллюстрація—огромная канава, сдѣланная отъ Городскаго Управленія въ 70-хъ годахъ для спуска воды въ крѣпостной ровъ съ улицъ города, и тѣ домики, которые прилѣплены къ самой стѣнѣ или къ облицовкѣ рва: вмѣсто оконъ продѣланы отверстія въ стѣнѣ, для спуска къ лиману разобрана стѣна и пр. Что дѣлать съ этими домовладѣльцами? Они—бѣдняки, отставные солдаты, городъ терпѣлъ ихъ хозяйничанье

Дѣйствительный членъ общества *А. Кочубинскій.*

Одесса,
26 іюня 1896 года.

№ 3101.

АКТЪ.

1896 года іюня 20 дня. Вслѣдствіе предписанія Его Превосходительства Господина Бессарабскаго Губернатора отъ 30 Мая сего года за № 3911, Аккерманскій полиціймейстеръ Кузнецовъ передалъ находящуюся въ г. Аккерманѣ древнюю турецкую крѣпость командированному для принятія таковой дѣйствительному члену Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей ординарному профессору Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Александру Александровичу Кочубинскому въ слѣдующемъ состояніи:

1) Съ южной стороны отъ зданія женской гимназіи проведена канава для стока воды въ крѣпостной ровъ, отъ чего эта часть рва полуразрушена. Немного дальше отъ этой канавы, на пространствѣ около 12 саженей, разобрана первая внѣшняя стѣна крѣпостнаго рва настолько, что въ крѣпостной ровъ образовался совершенно свободный проходъ.

2) Въ разстояніи 10—15 саж. отъ этого прохода усматривается разобранной внутренняя стѣна крѣпостнаго рва на пространствѣ 20 саженей.

3) Вблизи устроенныхъ у крѣпостнаго рва жилыхъ помѣщеній также разобрана первая внѣшняя стѣна — облицовка крѣпостнаго рва — на пространствѣ около десяти саженей.

4) Отъ дома отставнаго солдата Скибы продѣланъ въ крѣпостной ровъ особенный ходъ съ калиткой, а отъ дома Сергѣя Ивануты продѣлана въ стѣнѣ крѣпостнаго рва дыра, напротивъ-же дома Ивануты, внутренняя стѣна крѣпостнаго рва разобрана.

5) Отставной солдатъ Андрей Канушковъ пристроилъ къ крѣпостной стѣнѣ домъ. Затѣмъ ровъ оканчивается у воды лимана, которая доходитъ подъ самую крѣпость, стѣна которой, съ этой стороны, поддерживается каменными подпорками.

6) Со стороны Днѣстровскаго лимана, въ наружной крѣпостной стѣнѣ, сдѣлана небольшихъ размѣровъ брешь.

7) Ворота отъ лимана открыты, и башня у воды развалена.

8) Слѣдующая стѣна у воды въ развалинахъ. Отъ этой стѣны осталась одна небольшая часть въ натуральную ея величину.

9) Дальше усматриваются слѣды еще недавняго добыванія камня въ скалахъ, на которыхъ покоится крѣпость, вслѣдствіе чего стѣна цитадели едва держится. Независимо сего также видны слѣды недавняго разрушенія башни цитадели. Затѣмъ усматривается свѣжая ломка камня въ скалахъ, служащихъ фундаментомъ стѣнъ цитадели, на протяженіи около 30 саженей, отъ чего стѣны цитадели подались въ своихъ основаніяхъ.

10) У начала крѣпостнаго рва со стороны пристани Р. О. П. и Т. сдѣлана небольшая постройка купцомъ Варшавскимъ съ условнаго разрѣшенія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, деревянный заборъ и деревянныя ворота, внутри-же рва на значительномъ разстояніи отъ воротъ, тѣмъ-же Варшавскимъ сдѣланъ, самовольно, деревянный заборъ.

11) Въѣздъ въ крѣпость заваленъ навозомъ, черезъ который и происходитъ сообщеніе съ крѣпостью.

12) Въ крѣпости, при входѣ, съ лѣвой стороны сторожка, въ которой живетъ сторожъ Варшавскаго. На-право—развалины гауптвахты, а налѣво, на большомъ пространствѣ, сложено 15 крупныхъ стоговъ крупнаго камыша, принадлежащаго, какъ оказалось, Варшавскому. Дальше на лѣво, въ

брустверѣ, двѣ камеры, подъ сводами, оштукатурены, съ темною миною на-лѣво. Городъ приготовлялъ эти помѣщенія для храненія боевыхъ снарядовъ, для мѣстнаго воинскаго начальника. Еще дальше въ южной башнѣ хранится порохъ Зися Литвина, въ количествѣ до 30 пудовъ. Дверь заперта и поэтому помѣщеніе не осмотрѣно. Отъ гауптвахты въ глубь крѣпостнаго двора стоитъ минаретъ безъ дверей и съ верхушкою нѣсколько порушенной. За минаретомъ въ двухъ мѣстахъ видны остатки стѣнъ отъ жилыхъ помѣщеній. Затѣмъ вправо отъ нихъ, черезъ весь крѣпостной дворъ, съ юга на сѣверъ, устроенъ городскою управою крытый камышемъ навѣсъ для лошадей.

13) Второй дворъ, примыкающій къ цитадели, соединяется съ первымъ новыми деревянными воротами. Налѣво отъ входа развалины стѣнъ отъ громадныхъ конюшенъ. Въ углу налѣво проломъ, черезъ который проходъ къ лиману.

14) Третья часть, цитадель — правильный квадратъ съ низкими и широкими круглыми башнями у угловъ. Изъ нихъ три въ хорошей сохранности, а четвертая недавно обрушилась по причинамъ, указаннымъ въ 9 пунктѣ настоящаго акта. Внутри цитадели обломки стѣнъ отъ старыхъ небольшихъ жилыхъ помѣщеній и одна обширная камера въ землѣ въ довольно хорошо сохранившемся видѣ, съ остатками старыхъ деревянныхъ дверей. Въ угольныхъ башняхъ цитадели усматривается хорошо сохранившіеся куполообразные камеры.

Указаннаго числа крѣпость принялъ дѣйствительный членъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Александръ Александровъ Кочубинскій*.

Крѣпость сдалъ Аккерманскій Полиціймейстеръ

Ѳ. Кузнецовъ.

VIII. Отношеніе «Науковаго Товариства» имени Шевченка, отъ 9 Іюня н. с. съ увѣдомленіемъ, что адресованныя на имя Общества ученыя изданія цензура возвращаетъ назадъ, даже безъ поясненія причинъ возвращенія, вслѣдствіе чего Товарищество проситъ Общество исходатайствовать для себя дозволеніе цензуры на право безпрепятственнаго полученія всѣхъ изданій товарищества.

Постановили: просить Главное Управленіе по дѣламъ печати о разрѣшеніи получать изданія «Товарищества».

IX. Отношеніе Нѣжинскаго Филологическаго Общества отъ 27 Іюля съ препровожденіемъ экземпляра 1-го тома Сборника своихъ трудовъ и просьбой не отказать вступить въ обмѣнъ изданіями.

Постановили: вступить въ обмѣнъ.

X. Вице-президентъ предъявилъ: 1) присланныя въ даръ Императорскою Археологическою коммиссіей три амфорныя ручки, найденныя въ Августѣ 1871 года, въ Богдановкѣ, Адмираломъ Аркасомъ (№ 1) и въ Ольвіи (№№ 2 и 3). На первой изъ нихъ вытиснута въ лавровомъ вѣнкѣ буква N; на второй Ѳазосской (ΘΑΣΙΩΝ) имя горшечника ΠΥΘΙΩΝ, которое находимъ въ CIA 2 № 247, и эмблема молодая луна возлѣ шестилучной звѣзды; на третьей читаемъ ΑΙΣΧΙΝΟ | ΑΣΤΥΝΟ Λ.ΚΡΑ, т. е. Αἰσχίνου ἀστυνόμου (Φι)λ(ο)κράτου, гдѣ эсхинъ астиномъ, какъ на изданныхъ мною трехъ Ѳеодосійскихъ ручкахъ Зап. Общ. т. XVIII с. 47 и показанныхъ тамъ-же пяти другихъ. Филократъ горшечникъ тамъ-же с. 37 № 10. На штемпелѣ эмблема лавровый вѣнокъ.

2) Принесенные въ даръ почетнымъ членомъ А. Л. Бертье-Делагардомъ вещи и монеты.

а) Вещи:

Чернолаковый кратеръ съ росписными вакхическими фигурами, изъ Ольвіи.

Терракоттовая группа. Афродита и Эротъ, изъ Керчи.

Свѣтильникъ большой съ фигурою Кибелы, изъ Ольвіи.

Большая чернолаковая, съ тисненымъ узоромъ, тарелка, изъ Ольвіи.

Канеаръ чернолаковый съ рисункомъ желтою краскою, изъ Ольвіи.

Чернолаковая подставка, изъ Ольвіи.

Свѣтильникъ маленькій и черепица съ клеймомъ.

Бронзовая фигурка барана, изъ Ольвіи.

б) Монеты:

Æ Ольвія, Аполлонъ и орелъ.
» Томи, Адріанъ и вѣнокъ.
» Дія, Діонисъ и циста, очень рѣдкая.
» Севастополь, Діонисъ и циста, очень рѣдкая.
» Германикополь, Ю. Домна и змѣя, непзд.
» Зела, Каракалла и храмъ, рѣдкая.
» Юліополь, Отацилла и Артемида, непзд.
» Амисъ, Салонина и Зевсъ.
» Никомедія, Антонинъ и корабль.
» » Коммодъ и орелъ.
» Кій, Кій и галера, рѣдкая.
» Кромна, Тихе и амфора съ дельфиномъ, очень рѣдкая.
Æ Гераклея, Геракл и полов. быка, рѣдкая.
» Синопа, Тихе и орелъ на дельфинѣ.
» » тоже, но иначе.
» Византія, Быкъ и квадраты.
» » Полъ быка и трезубецъ, рѣдкая.

Æ Тій, Коммодъ и циста.
» » Гордіанъ и Гадесъ.
» » Алекс. Северъ и Тій, рѣдкая.
» Прусій II, Прусій и Гераклъ.
» Деньга 1700 года, очень рѣдкая.
» Полушка 1786 года, очень рѣдкая.

А всего, 5 серебряныхъ и 18 мѣдныхъ, всѣ поступившіяся въ нашихъ коллекціяхъ.

Постановили: выразить глубокую признательность за теплое отношеніе къ интересамъ музея Общества.

3) Священное изображеніе маслянными красками на деревянной доскѣ Честнаго Древа, исполненное художникомъ посада Березневатаго (Херсонскаго уѣзда) и принесенное въ даръ священникомъ этого посада Александромъ Григорьевичемъ Траутскимъ, чрезъ посредство д. ч. о. Александра Лукича Крылова. Подъ изображеніемъ надпись:

Происхожденіе Честныхъ Древъ.

Адамъ, егда разболѣся ко смерти, посла сына своего Сиѳа къ раю, ко ангелу хранящему рай, просити отъ Ангела врачевства соблюденія ради здравія, и продолженія ради жизни на земли: врачевства же отъ елея милосердія, отъ негоже Богъ послати ему обѣща, изгони и отъ рая. Елей Богомъ обѣщанный Адаму, знаменованіе Сына Божія, егоже имѣ Богъ послати на землю, на искупленіе рода человѣческаго отъ вѣчныя смерти. Адамъ же о вещественномъ врачебномъ елеи мня, просити того веляніе Ангелъ убо Божіимъ велѣніемъ, отъ древа заповѣданнаго, отъ негоже Адамъ вкусивъ преступи заповѣдь Божію, даде ему три зерна. Да отъ коего древа начатся грѣхъ человѣческъ, отъ того и спасеніе устроится человѣческому роду. Сиѳъ же отъ Ангела тыи зерна пріемши, возвратися ко отцу своему Адаму, и уже не обрѣте его въ живыхъ, но умерша и погребена посади убо зерна тыя въ землю при гробѣ отчемъ. Отъ тѣхъ зернъ прозябоша три лѣторасли: кедрова, кипариса и финикова, яже и палмова (или по Исаіину реченію пеукова) таже лѣторасли тыя срастошася во едино древо веліе, отъ корене убо до верха едино бяше древо, въ верху же вѣтви коегождо древа раздѣлишася.

Собрано св. Димитр. Ростовск. отъ книгъ различныхъ. Зрѣ въ Розыск. част. 2-й въ главѣ 24-й.

Постановили: благодарить жертвователя, текстъ напечатать и просить отца Траутскаго и о дальнѣйшемъ участіи къ интересамъ Общества.

4) Принесенные въ даръ дворянином Степаномъ Дрѣвецкимъ 32 книги разнаго, преимущественно археолого-нумизматическаго содержанія:

Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa von Albin Kohn u. Dr. E. Mehlis, 2 Bände. Jena 1879.

Тамъ-же 4 Kapitel Archäologische Einzelobjecte aus dem östlichen Europa.

Pieniądze Piastow od czasow najdawniejszych do roku 1300, Stronczyńskiego K. Warszawa 1847.

Wycieczki archeologiczne po prawym brzegu Wisły spisał Józ Przyborowski, Warsz. 1874.

Odpowiedź Kijowskiej Archeologicznej Kommissyi na zarzuty niektórych gazet i dziennikow z powodu wydania drugiej części Archivum południowo—zachodniej Rossyi. Kijów 1861.

Numizmatyka krajowa opisana przez Kaźmierza Władysława Stężyńskiego Band kiego. T. 1, 2. Warsb. 1839, 1840.

Wiadomości archeologiczne spostrzeżenia lat ostatnich w dziedzinie starożytności krajowych—artikuły różnych pisarzy. 3 tomy 1873, 1874, 1875, Warsz.

Wycieczka archeologiczna w niektóre strony gubernii. Radomskiej F. M. Sobieszczańskiego 1852. Warsz.

Revue archéologique. Nouvelle série 20-me année VII, VIII, IX, X, XI и Nouvelle série 20-me année trente septième vol. 1879.

Objaśnienie Mappy słowiańszczyzny Lechickiej z wieku IX — XII i Prus z wieku X—XIII ułożone przez Jana Papłońskiego Warsz. 1862.

Dwutygodnik naukowy poświęcony archeologii, historyi i lingwistyce pod redakcyią T. Ziemięckiego t. II № 1, z 1878 Kraków.

Przegląd archeologiczny Rok 1 zesz. 1. i 8 1876 we Lwowie.

Rzut oka na zrzódła archeologii krajowej (czyli opisanie zabytków niektórych starożytności, odkrytych w zachodnich guberniach cesarstwa Rossyiskiego przez Enst. Hr. Tyszkiewicza Wilno 1842.

Les ages de la pierre, instruments, armes et ornements par John Evans, traduit de l'anglais par E. Barbier Paris 1878.

Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwe oder Teufelsböte Kurlands von C. Grewingk Dorp. 1878.

Zur archäologie des Balticum und Russlands von Grewingk Dorp. 1877.

Przechadzki archeologiczne po Lwowie. Stanis. Kunasiewicza zesz. 1 Lwów 1874.

Mémoires de l'académie des sciences de St.-Pétersbourg. VII série T. XXI № 6. T. XVII № 4, T XIII № 2, T. XXI № 5, T. XX № 5, T. XIV № 1, T. XX № 1 (1869, 1871, 1872, 1873, 1874).

Album Kopernika. Z niego tylko przedruk przedmowy Kopernika, z dzieła o obrotach ciał niebeskich. Переводъ стр 317—320 въ статьѣ проф.

К. Гревингка помѣщенное въ Archiv für Antropologie, чит. на съѣздѣ въ Казани въ 1878 г.

Archiv für die Naturkunde Liv. Ehst. u. Kurlands, herausgegeben von der Dorpater Naturforscher Gesellschaft, 2 Band 1861.

Pomniki historyi i literatury Polskiej wydet Mich. Wiszniewski w Krakowie T. 1. i razem Rozprawy Tad. Czackiego o rzeczy mennieczej w Polszce i Litwie, pisana 1810 r.

Ueber die Hoplocrinus dipentas u. Bacrocrinus Ungarus von G. Grewingk. Dorp. 1867.

Книга безъ заглавнаго листа, кажется переводъ Циммермана «Міръ передъ сотвореніемъ человѣка». Хранилище лѣтописей допотопнаго міра, образованіе планетной системы, образованіе земли, населеніе земли, первобытныя растенія, животныя, формаціи, застываніе земной поверхности, плутоническая и вулканическая дѣятельность, землетрисенія, руда и ея положеніе.

Отъ того-же С. Држенецкаго три коробки съ разными кремневыми осколками каменнаго вѣка неизвѣстнаго происхожденія и маленькій алавастръ неизвѣстно откуда.

Постановили: книги передать въ библіотеку, вещи въ музей и благодарить жертвователя.

5) Принесенныя въ даръ дѣйств. членомъ Ив. Ѳед. Федоровымъ: а) письмо крымскаго хана Крымъ-Гирея къ запорожскому главному кошевому; б) книги своего сочиненія: Одесса. Историческій и торгово-экономическій очеркъ. Одесса 1881 г. Народный Календарь для Южной Россіи на 1890 годъ и Столѣтіе Одессы съ портретами административныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Постановили: благодарить жертвователя, книги передать въ библіотеку, а ярлыкъ въ музей Общества.

XI. Секретарь предъявилъ присланныя въ даръ для библіотеки Общества книги:

Сообщеніе Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, Апрѣль 1896, Іюнь 1896; Православный Палестинскій Сборникъ 46 и 47 вып. 1896 г.; Извѣстія Имп. Академіи Наукъ т. IV, № 5 и томъ V №№ 1 и 2 1896 г.; Матеріалы для словаря древне-русскаго языка И. Срезневскаго, изд. Академіи т. II, вып. 1 1895.; Записки Имп. Академіи Наукъ «О нѣкоторыхъ греч. текстахъ житій святыхъ Никитскаго, С.-Пет. 1895 г.; Отчетъ о 35 присужденіи наградъ гр. Уварова; Отчетъ о 36 присужденіи наградъ гр. Уварова, С.-Пет. 1895; Записки Имп. Акад. т. LXXV, кн. II 1895; Отчетъ о пятомъ присужденіи преміи Макарія митрополита Московскаго, приложеніе къ 75 тому Зап. Акад. Н. 1895; Публичное собраніе Имп. Академіи Наукъ въ память поч. члена Дм. Алексан. Ровинскаго,

1896; Catalogus librorum impressorum hebraicorum in Museo Asiatico Imperiali Acad. Petrop. asservator. opera Samuelis Wiener fascic. II, 1895; Изслѣдованія по русскому языку изд. Акад. II. т. I, 1895; Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи: Резьянскіе тексты собр. и перевод. П. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ; Отчетъ Имп. Публичн. Библіотеки за 1893 г.; Записки Историко-Филологич. Факультета Имп. С.-Петерб. ун. ч. XXXVIII, 1896; Ученыя Записки Имп. Юрьевскаго унив. 1896, №№ 1—2; Ученыя Записки Имп. Казанскаго унив 1896, кн. V, VI—VII; Записки Имп. Русскаго Археологич. Общества т. VIII, вып. 3 и 4 1895; Записки Крымскаго Горнаго Клуба 1896, №№ 5—6 и 7—8; Лѣтопись Историко-Филологич. Общества при Имп. Новороссійскомъ унив. Одесса 1895; Отчетъ о дѣятельности рязанской ученой арх. коммиссіи за 1894 г.; Отчетъ Александровской Публич. Библіотеки въ Самарѣ за 1895 г.; Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи 1895 г.; Чтеніе въ историч. Обществѣ Нестора лѣтописца кн. X. 1896; Сборникъ Историко-Филологич. Обществ. при Институтѣ кн. Безбородко, Кіевъ т. I, 1896; Извѣстія Имп. Русскаго Географич. Общест. т. XXXII вып. I и II 1896; Личный составъ въ Имп. Юрьевскомъ Унив. къ 1 октяб. 1895; Личный составъ въ Имп. Юрьевскомъ Унив. 1896 г. сем. 1: Обозрѣніе лекцій въ Имп. Юрьев. Унив. 1895 г. сем. 2; Starohrvatska Prosvjeta God. II. Br. 4 u Kninu 1896; Starohrvatska Prosvjeta God. II. Br. II. Bihač u Splitu drugo Izvješic Zader 1896; Jugoslavenske Akademie znanosti i umjet. kn. CXXIV, XLIII. 1895—starine knjiga XXVII 1895; Památky Archaeolog. Dil XVI Ročnik 1893, 1894, 1895; Památky archaeologicke a mistopisne Dilu XVII, sešit 1 roku 1896; Památky Dilu XVI sesit VII—VIII roku 1894, Dilu XVI sesit IX—X XI—XII 1895; Bulletino di Archeologia e storia Dalmata Anno XIX 1896 №№ 5, 6, 7, 8, 9; Mittheilungen aus der livländischen Geschichte XVI Bandes 2 Heft 1896; Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur u. Kunst u. Jahresbericht aus dem Jahre 1895, Mitau; Варшавскія университетскія извѣстія 1896—IV; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу №№ 5, 6, 7, 8; Книга бытія моего. Епископа Порфирія Успенскаго, ч. III. 1896 г. С.-Петербургъ; Die alt-türkischen Inschriften der Mongolei von W. Radloff, Petersbourg, 1895; Thirteenth Annual Report of the Bureau of Ethnology 1891—1892. J. W. Powell director 1896; Berliner Münzblätter A. Weyl, №№ 183, 184 Nov. Dec. 1895; Numismatischer Verkehr, Juli № 5, 6; Archiv für Bracteatenkunde von Rudolf v. Höfken, III Band, Bogen IX—XI; Программа изданія Χριστιανικὴ Ἁγιογραφία τῶν ἐννέα πρώτων αἰώνων; Onoranze centenarie a Galileo Galilei. Dicembre 1892, Universite di Podova; The Numismatic Chronicle. Lond. 1896, Part. II; A manual of Aesopic fable literature, Baltimore, by George Keidel, 1896; Kwartalnik historyczny Roczn. X, zeszyt III 1896:—Гробница съ драгоцѣннымъ ожерельемъ най-

денная въ Херсонесѣ. Косцюшко-Валюжинничъ. Севастополь 1896.—Каталогъ геммъ, собранныхъ въ Южной Россіи Т. В. Кибальчичемъ. Кіевъ 1896. Кубанскіе казаки П. П. Короленко (безъ года).—Древнія свѣдѣнія о Межигорскомъ монастырѣ П. П. Короленко. Екатеринодаръ 1885.—Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и ихъ прирученіи въ Россіи Д. Н. Анучина С.-Пет. 1896. Описаніе монетъ и медалей, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ университета св. Владиміра. Вып. I. Монеты древняго міра. Сост. проф. В. Антоновичъ.

XII. Отношеніе археологическаго Общества, открытаго 28 іюля сего года въ Перновѣ, отъ 19 сент. за № 8, съ просьбой выслать, если возможно, безплатно хоть часть прежнихъ научныхъ работъ и впредь обмѣниваться изданіями.

Постановили: выслать имѣющіеся томы Записокъ.

XIII. Хранитель музея заявилъ о покупкѣ для музея въ сентябрѣ 1896 года: 1) 6 древнихъ стеклянныхъ сосудовъ хорошей сохранности различныхъ формъ, не имѣвшихся еще въ музеѣ; 2) деревянной бапочки изъ керченской гробницы съ узоромъ; 3) трехъ глиняныхъ сосудовъ—на одномъ штемпель фабриканта ΔΗΜΗΤΡΟΥ; остальные два римской эпохи; 4) 2 браслетовъ мѣдныхъ—конецъ въ формѣ трубы, съ узоромъ,— всѣ эти 12 предметовъ изъ Керчи; 5) 3 глиняныхъ сосудовъ изъ Ольвіи; миски, кубка и флакона, —всѣ формъ, не имѣвшихся до сихъ поръ въ музеѣ; 6) 1 бусы—мозаичной, 1 фибулы «Bogenfiebel», ольвійской монеты № 195 по каталогу Бурачкова, 1 свинцовой головки быка,—всѣ эти 7 предметовъ изъ Ольвіи.

XIV. Казначей заявилъ о поступленіи въ сентябрѣ: отъ д. чл. А. В. Новикова 5 руб. членскаго взноса, отъ д. чл. И. А. Шлякова—10 р., отъ д. чл. С. А. Селиванова — 5 р., отъ В. К. Ернштедта за дипломъ и членскій взносъ—15 р., отъ д. чл. В. П. Мочульскаго чл. взносъ 5 р. и пособія отъ правительства—839 р. 34 к.

299 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

24-го Октября 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. Н. Юревича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, д. чл. *Шмидтѣ*, *А. И. Маркевичѣ*, *А. В. Лонгиновѣ*, *М. П. Истоминѣ*, *Л. С. Мацѣевичѣ*, *С. В. Петровскомъ*, *Н. Ѳ. Красносельцевѣ*, *А. В. Никитскомъ*, *О. Ѳ. Базинеръ*, *И. А. Линниченко*, *Э. Р. фонъ-Штернѣ*, *В. Н. Гошкевичѣ*, *С. Д. Пападимитріу* и *Х. П. Ящуржинскомъ*.

Слушали:

I. Чтеніе статьи дѣйств. члена отца Сергія Васильевича Петровскаго «Вопросъ объ авторѣ первой редакціи апокрифовъ объ Апостолѣ Андреѣ».

Постановили: благодарить референта, а рефератъ передать въ издательскій комитетъ.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе: д. чл. И. А. Линниченко, Н. Ѳ. Красносельцевъ, Э. Р. фонъ-Штернъ и А. В. Никитскій.

II. Отношеніе симферопольскаго декана римско-и армяно-католическихъ церквей Таврической губерніи, настоятеля Ѳеодосійской армяно-католической церкви священника Григорія Сапарова отъ 19 Октября, № 231, съ просьбой дозволить ему пристроить къ церковному дому въ Судакской крѣпости комнату для помѣщенія сторожа, по той причинѣ, что священникъ, пріѣзжая въ Судакъ для исполненія тамошнимъ католикамъ духовныхъ требъ и останавливаясь въ церковномъ домѣ въ крѣпости, слишкомъ стѣсненъ, такъ какъ въ этомъ маленькомъ домикѣ живетъ сторожъ церкви.

Постановили: отклонить просьбу.

III. Предложеніе Бреславльскаго Археологическаго общества въ письмѣ предсѣдателя его д-ра Гремплера на имя д. члена общества Э. Р. фонъ-Штерна объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: вступить въ обмѣнъ.

IV. Отношеніе управляющаго Московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. Самоквасова отъ 16 Октября, № 102, съ препровожденіемъ только-что изданной десятой книги «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи» и просьбой увѣдомить о полученіи и впредь не оставить присылкою своихъ изданій архиву.

Постановили: благодарить и просить о присылкѣ недостающихъ томовъ.

V. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Отъ Палестинскаго Общества: а) древнія Палестинскія обители, б) Чтенія о Святой землѣ В. А. Елеонскаго: 5 книжекъ чтеній 1896 года, 31-ое чтеніе протоіерея П. Смирнова, 32-ое и 33-е чтенія Д. С. Дмитревскаго, в) Сообщенія Имп. Палестин. Общества Августъ 1896 г. — Ученыя записки Имп. Казанскаго университета г. LXIII Авг. Сент.—Ученыя записки Имп. Юрьевскаго университета г. 4 № 3. — Записки Крымскаго Горнаго Клуба 1896 № 9.—Извѣстія X-го Археологическаго Съѣзда въ Ригѣ.—Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи т. XIII, вып. 4. — Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи кн. 10-ая 1896.—Циркуляръ по Одесскому учебному округу 1896, № 9.—Numismatischer Verkehr 1896, № 7 и 8. — Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongressen, Riga. 1896. Mit 34 Lichtdrucktafel; Bibliographie der Archäologie Liv-, Est- und Kurlands, Riga. 1896.

Принесенныя въ даръ книги отъ д. чл. *С. Д. Пападимитріу*, Стефанъ Сахликисъ и его стихотворенія «Αφήγησις παράξενος». Одесса. 1896 и *В. И. Гошкевича*: «Списокъ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи и статистическія данныя о каждомъ поселеніи». Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Херсонъ. 1896; Обзоръ Херсонской губерніи за 1895 г. Приложеніе ко всеподданнѣйшему отчету Херсонскаго губернатора. Херсонъ. 1896 г.

Отъ т. сов. *Дм. А. Кобеко*: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, Спб. 1887; Наказъ Царя Алексѣя Михайловича Махмету Исупу Касимову, посланному въ 1675 году къ Великому Моголу Аурянову. Спб. 1884; Поѣздка митрополита Хрисанѳа къ Далай-Ламѣ въ 1792 году.

VI. Хранитель музея предъявилъ слѣдующія вещи, поступившія въ музей въ даръ: 1) отъ г. *Шиманскаго* 3 серебряныя восточныя монеты и одна мѣдная римская Діоклетіана; 2) отъ торговца древностями N. N. поддѣльный мраморный рельефъ съ безсмысленной надписью; мѣсто фабрикаціи такого рода рельефовъ, въ послѣднее время весьма распространенныхъ, — Севастополь, и поддѣльный медальонъ терракотовый изъ Керчи, пожертвованный тѣмъ-же торговцемъ N. N.

Куплено для музея: 1) большая ваза изъ Ольвіи, весьма изящной формы, подъ одной ручкой іонійская колонна, подъ другой—треножникъ; на шейкѣ бѣлыя пальметты. Вышина — 60 см.; 2) кувшинъ изъ Ольвіи съ слѣдами накладной красной краски. Вышина—32 см.; 3) Арибаллъ изъ

Ольвіи, безъ ручки, на немъ краснофигурное изображеніе сфинкса; по стилю рисунка арибаллъ принадлежитъ къ концу V или началу VI в. до Р. Х. Вышина—14 см.; 4) чернолаковая амфора изъ Ольвіи. Вышина—17 см.; 5) чернолаковый канеаръ, туловище желобчатое, на шеѣ орнаментъ изъ красныхъ листьевъ. Изъ Ольвіи. Вышина—10 см.; 6) горшечекъ съ одной ручкой, тонкая красная глина, на туловищѣ тисненный орнаментъ изъ вертикальныхъ штриховъ. Вышина—9 см. Изъ Керчи; 7) мечъ древній изъ Керчи; 8) мѣдная статуэтка изъ Керчи; ноги отломаны; 9) 3 византійскія мѣдныя монеты хорошей сохранности: 2 Юстиніана, одна Никифора Фоки; 10) кусокъ кирпича съ штемпелемъ:

ΙΔΟΥ
ΑΣΤΥΝΟ
ΣΙΝΩΠΙ

по характеру буквъ IV столѣтія.

VII. Вице-президентъ заявилъ общему собранію о смерти д. чл. Общества профессора Варшавскаго университета Адольфа Ивановича *Павинскаго*.

Постановили: почтить вставаніемъ.

VIII. По постановленію предъидущаго общаго собранія статья д. чл. П. П. Короленко была передана для просмотра члену издательскаго комитета проф. Г. И. Перетятковичу и, по отзыву его, издательскій комитетъ постановилъ напечатать статью П. П. Короленко «Исторія крѣпости Ачуева съ 1697—1897 года» вмѣстѣ съ приложеннымъ планомъ въ XIX томѣ Записокъ.

IX. Д. чл. А. И. Маркевичъ обратилъ вниманіе на статью проф. А. Л. Потылицына «О составѣ и происхожденіи золота надгробной пластинки изъ города Ольвіи» въ Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ т. XXVII, вып. 4, стр. 282—284.

Постановили: перепечатать эту статью въ протоколѣ.

Пластинка эта принадлежитъ проф. Кіевскаго университета А. В. Прахову, благодаря любезности котораго я получилъ возможность ее изслѣдовать. Она представляетъ четырехугольный листъ кованнаго золота, толщиною около $^1/_5$ миллім., въ 15,8 см. длины и въ 10 см. ширины. Края ея, чтобы не разрывались легко, подогнуты назадъ. Средину пластинки занимаетъ надпись на древне-греческомъ языкѣ:

ΗΡΑΚΛΕΩΝ ΝΕΙΚΟΥ
ΑΝΤΙΟΧΕΥ ΧΡΗΣΤΕ
ΧΑΙΡΕ ΟΛΒΙΟ

Въ переводѣ проф. Н. И. Новосадскаго она значитъ: «Гераклеонъ, сынъ Ника, доблестный Антіохіецъ, прощай! Ольвіо(политы)». Поля вокругъ

надписи украшены орнаментомъ; послѣдній состоитъ изъ трехъ полосокъ идущихъ параллельно краямъ пластинки. Одну изъ нихъ занимаютъ довольно хорошо выбитыя изображенія различныхъ животныхъ: львовъ, слона, медвѣдя, волка, зайца и другихъ, а внизу изображены два, какъ-бы подающія другъ другу лану, грифона.

Золото пластинки густаго желтаго цвѣта. Для анализа отрѣзано было нѣсколько полосокъ отъ загнутаго кран, всего вѣсомъ около 0,07—0,08 гр. При обработкѣ отвѣшеннаго количества металла царской водкой въ стеклянной чашечкѣ, золото перешло въ растворъ, а серебро превратилось въ хлористое и осталось на днѣ чашечки въ видѣ хрупкаго остова взятыхъ обрѣзковъ. Оно въ томъ-же растворѣ размельчено было осторожно стеклянной палочкой въ порошокъ и еще нагрѣто съ царской водкой; затѣмъ растворъ разбавленъ водой и спустя нѣсколько часовъ процѣженъ для отдѣленія хлористаго серебра. Золото изъ полученнаго отцѣда осаждено было чистой возогнанной щавелевой кислотой, собрано на цѣдилку и взвѣшено; оставшійся растворъ выпаренъ до суха, избытокъ щавелевой кислоты удаленъ отгонкой при слабомъ нагрѣваніи. Полученный нелетучій остатокъ заключалъ слѣды хлористаго серебра, мѣди и желѣза. Онъ былъ растворенъ въ слабой азотной кислотѣ; растворъ процѣженъ для отдѣленія слѣдовъ хлористаго серебра и обработанъ сѣроводородомъ (сѣроводородной водой). Отсѣвшая сѣрнистая мѣдь превращена была въ окись и въ этомъ видѣ взвѣшена. Растворъ оставшійся по удаленіи мѣди заключилъ слѣды желѣза, которое не могло быть опредѣлено количественно.

Въ золотѣ пластинки заключается:

золота	81,91%
серебра	17,00 »
мѣди	0,86 »
слѣды желѣз. потери.	0,23 »
Итого	100,00%

Анализъ этотъ показываетъ, что пластинка сдѣлана изъ природнаго золота, а не изъ искусственнаго сплава, который долженъ былъ-бы заключать гораздо больше мѣди.

По мнѣнію археологовъ пластинка эта сдѣлана вѣроятно во II-мъ вѣкѣ до Р. Х. Греческая колонія Ольвія (на берегу Буга) во II-мъ вѣкѣ и раньше находилась въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Скиѳами, занимавшими по сказанію Геродота, нынѣшнюю южную Россію отъ береговъ Дуная до Волги. А на сѣверо-востокъ отъ Скиѳовъ обитали еще менѣе извѣстные племена—Исседоны, Аримаспы—въ области которыхъ находились горы, богатые золотомъ.

Рядомъ съ этимъ преданіемъ существуютъ и положительныя указанія на добываніе металловъ въ древности на Уралѣ и особенно въ Западномъ

Алтаѣ («чудскія копи»). Эти горы и слѣдуетъ считать мѣсторожденіемъ золота, обращавшагося въ тѣ времена среди народовъ Предкавказья и побережья Чернаго моря и которое въ такомъ обилiи находятъ еще до сихъ поръ въ курганахъ южной Россіи.

Если сравнить по составу золото этихъ мѣсторожденій съ золотомъ, изъ котораго сдѣлана пластинка, то оказывается, что болѣе всего оно подходитъ къ уральскому. По анализу Густ. Розе (Pogg. Ann. B. 23, стр. 161) и Авдѣева (Pogg. Ann. B. 53, стр. 153) золото изъ розсыпей и жилъ различныхъ мѣстностей Урала содержитъ отъ 0,16% до 17,15 и 28,3% серебра, небольшое количество мѣди (доли процента) и слѣды желѣза всего мѣди и желѣза отъ 0,33 до 0,66 и 0,84%.

Ближе всѣхъ къ золоту пластинки подходятъ по составу образцы золота изъ Богословскаго пріиска и изъ розсыпей Нижне-Тагильска.

1) Петро-Павловское (около Богословска) золото:

серебра	13,19%
золота	86,81 »
мѣдь, желѣзо и потери . .	0,30 »

2) Борушпинское (около Нижне-Тагильска) золото:

серебра	16,15%
золото, нѣсколько мѣди, желѣза и потери	83,85 »

3) Борушпинское (другой образецъ):

серебра	8,35%
золота	91,36 »
мѣдь, желѣзо и потери . .	0,29 »

4) Горушпинское (около Нижне-Тагильска) золото (два образца):

серебра	12,12—12,41 %
золота	87,31—87,17 »
мѣди	0,08— 0,05 »
желѣза	0,24— 0,23 »
	99,75—99,86%

5) Третій образецъ золота изъ той-же мѣстности содержитъ.

серебра	12,30%
золота, нѣкот. количество мѣди, желѣза и потери . .	87,70 »

Алтайское золото, по анализамъ Клапрота и Густ. Розе, содержитъ отъ 31 до 38% серебра, иногда слѣды желѣза и не заключаетъ мѣди (напр. Спреновское золото).

Замѣчу еще, что жители греческихъ колоній южной Россіи, судя по составу золота пластинки, пользовались для издѣлій своихъ природнымъ золотомъ, не очищеннымъ отъ мѣди и желѣза, хотя процессъ купеллиро-

вапія извѣстенъ былъ уже за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. египтянамъ и грекамъ.

Х. Д. ч. А. И. Маркевичъ—передалъ въ даръ Обществу собственноручное письмо Императрицы Екатерины II — генералу прокурору князю Вяземскому.

Постановили: напечатать въ протоколѣ съ объясненіемъ А. И. Маркевича, а самое письмо передать въ музей.

Въ виду истекающаго 6 Ноября столѣтія со дня смерти приснопамятной Императрицы Екатерины II позволяю себѣ принесть въ даръ Обществу собственноручное письмо Ея къ генералъ-прокурору князю Вяземскому.

Письмо это слѣдующее:

«слушай Князъ остерегись Дюранъ пишетъ что онъ имѣлъ выпись изъ твоихъ денежныхъ регистровъ и щетовъ во что стала нынешная война, и что оныя показываютъ будь то болѣе пятидесяти пяти милионовъ рублей на ней изашло да золотомъ изъ нашихъ заводовъ 13. милионовъ ливровъ французскихъ, хто то ему переноситъ или же его обманываетъ подобными расказами только онъ давно говоритъ что онъ много генер. прокурорскихъ бумагъ имѣетъ

Осматрись хто то у
тебя или блиско те
бя безделникъ».

Скошенныя строки обозначаютъ, что письмо было написано на бумагѣ, у которой кусокъ былъ оторванъ *раньше*, чѣмъ Императрица написала письмо.

Ни бумага, ни чернила, ни почеркъ Императрицы Екатерины II, мнѣ достаточно извѣстный, ни правописаніе не внушаютъ подозрѣнія относительно подлинности письма.

Что оно написано къ генералъ-прокурору кн. А. А. Вяземскому, ясно само собою; относительно-же времени письма можно представить слѣдующія соображенія:

Дюранъ (Durand de Destroff) былъ французскимъ уполномоченнымъ министромъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ съ іюля 1772 г. (инструкція ему датирована 24 іюля н. с. 1772 г.; см. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France V. IX, p. 286). Въ этомъ изданіи находятся и вообще свѣдѣнія о дипломатической дѣятельности Дюрана которыя можно здѣсь отыскать по указателю собственныхъ именъ, по весну 1775 г. (Инструкція преемнику Дюрана Де-Жинье помѣчена 20 мая 1775 года — ibid. 309); къ этому времени, конечно, относится и письмо Императрицы и, скорѣе, къ концу трехлѣтія, ибо она пишетъ, что Дюранъ давно хвастается добытыми имъ свѣдѣніями. Но, мнѣ кажется, можно и нѣсколько точнѣе опредѣлить время письма. Императрица Екатерина вы-

ражается: «Дюранъ *пишетъ*»; значитъ, она узнала о сообщеніи Дюрана изъ прочитаннаго письма его и это тѣмъ вѣроятнѣе, что онъ постоянно писалъ французскому министру герц. де-Броль секретныя шифрованныя письма (ibid. 285). Не невозможно, разумѣется, что письма эти подвергались перелюстраціи, которая у насъ тогда несомнѣнно практиковалась; но, чтобы прочесть ихъ, необходимо было имѣть ключъ къ шифру, какимъ они были писаны. Между тѣмъ въ началѣ 1774 г. (объ этомъ писалъ король Людовикъ XV 6 апрѣля 1774 г.) письма Дюрана къ герц. де-Броль были дешифрированы и прочитаны въ Вѣнѣ, откуда и могло быть сообщено въ С.-Петербургъ ихъ содержаніе (ibid. 285). Такимъ образомъ, есть основаніе предполагать, что сообщаемое мною письмо Императрицы Екатерины относится къ веснѣ 1774 г.

Война, о которой упоминается въ письмѣ, конечно, первая турецкая. Она закончилась 10 (21) іюля 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, но военныя дѣйствія чередовались съ переговорами, начатыми даже гораздо раньше (см. ихъ изложеніе у Соловьева И. Р. въ т. 28 и 29) и Императрица Екатерина сильно желала мира, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ концѣ 1773 г. наши дѣйствія противъ турокъ были далеко не неудачны (весною 1774 г. дѣла поправились) и Императрица была ими огорчена (Соловьевъ т. 29, стр. 19 и слѣд., также стр. 25 и др.). Крайне недоброжелательно относившійся къ ней Дюранъ, видимо, сообщилъ въ своемъ письмѣ о фактахъ, для Россіи неблагопріятныхъ, и въ томъ числѣ о громадныхъ, по тому времени, денежныхъ затратахъ. Узнавъ объ этомъ, разсерженная Императрица и написала кн. Вяземскому сообщаемое письмо, которое несомнѣнно имѣетъ признаки сильнаго ея неудовольствія. Но приходится сознаться, что Дюранъ едва-ли не былъ правъ въ своемъ показаніи; война обошлась очень дорого; да, повидимому, и сама Императрица допускаетъ возможность, что Дюрану сообщены были положительныя данныя.

Что Императрица Екатерина II была очень недовольна Дюраномъ, и отчасти за подобныя сообщенія, видно изъ того, что она писала своему извѣстному корреспонденту Гримму 16 августа 1775 г. по случаю прибытія въ Петербургъ новаго французскаго уполномоченнаго: Votre M. de Juigné est arrivé. Le l'ai vu hier. Sti-là (т. е. Celui-là; такъ часто писала Императрица Екатерина) n'a pas lair d'un étourdi: je prie Dieu qu'il lui élève l'esprit au-dessus des rêves creux, des fièvres chaudes, *des grosses et lourdes calomnies*, des bêtises et des transports au cerveau politiques de ces prédecesseurs, et sutrout qu'il préserve du radotage sur toutes les matières du dernier» (т. е. Дюрана—Recueil, IX, 308).

Приведенныя соображенія могутъ служить хоть и косвеннымъ, но довольно сильнымъ подтвержденіемъ подлинности сообщаемаго мною въ настоящее время письма Императрицы Екатерины II къ кн. Вяземскому.

Письмо это пріобрѣтено мною года три назадъ въ числѣ многихъ другихъ бумагъ разныхъ лицъ, и въ томъ числѣ кн. А. А. Вяземскаго, у какого-то француза, продававшаго эту коллекцію въ Одессѣ. При этомъ оно было завернуто въ бумажку (при семъ прилагаемую) съ надписью почеркомъ 40-хъ годовъ:

«Собственноручная записка Екатерины къ князю Вяземскому, найденная въ бумагахъ покойнаго князя С. Ю. Урусова 17 октября 1841 года въ С.-Петербургѣ». Относительно Сергѣя Юрьевича Урусова можемъ сообщить, что онъ былъ тайный совѣтникъ и умеръ 29 іюня 1840 г.; повидимому, онъ былъ бездѣтенъ (см. Россійск. Родосл. Книгу изд. кн. П. Долгоруковымъ ч. 2, Спб. 1855 г., стр. 30—31).

Затѣмъ на той-же бумажкѣ была какая-то надпись карандашомъ, почти стершаяся, въ которой я могу разобрать лишь слова: «У Екатерины.....»; но надпись эта по почерку тоже приблизительно 40-хъ годовъ.

Изъ той-же пріобрѣтенной мною коллекціи находится еще одинъ полулистъ бумаги, въ углу котораго написано рукою Императрицы Екатерины II: «Генералу Прокурору князю Вяземскому», а съ боку приклеена небольшая красная сюргучная печать съ монограмою Императрицы Екатерины II и съ Императорскою короною. Печать эта вырѣзана изъ другаго мѣста этого-же листа и наклеена вмѣстѣ съ оставшеюся подъ нею бумагою; въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была раньше, остался слѣдъ сюргуча и есть вырѣзка.

Можно-бы полагать, что это оторванный полулистъ отъ приведеннаго выше письма, но этому совершенно противорѣчатъ сохранившіеся на обоихъ листахъ и не совпадающія водяныя линіи; такъ что оторванный полулистъ видимо принадлежитъ къ другому письму. Не невозможно, впрочемъ, предположить, что Императрица, написавши письмо на одномъ клочкѣ бумажки, завернула его въ другой клочокъ, на которомъ и написала адресъ. Относительная-же бѣлизна втораго клочка сравнительно съ первымъ, очень пожелтѣлымъ, можетъ быть объяснена тѣмъ, что онъ, какъ менѣе интересный, меньше ходилъ по рукамъ. И этотъ клочекъ съ адресомъ и печатью я тоже препровождаю въ Общество.

Дѣйствительный членъ Общества Ал. Маркевичъ.

24 октября 1896 г. Одесса.

300 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

25-го Ноября 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, д. чл. *А. А. Кочубинскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *С. В. Петровскій*, *Х. П. Ящуржинскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. П. Маркевичъ*, *В. П. Пироговъ*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *О. Ѳ. Базинеръ*, *П. Ѳ. Краснопольцевъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *Г. П. Перетятковичъ*, *А. П. Деревицкій* и *П. А. Линниченко*.

Слушали:

Вице-президентъ открылъ засѣданіе заявленіемъ, что нынѣшнее ноябрьское очередное засѣданіе Совѣтъ Общества постановилъ посвятить памяти Императрицы Екатерины II, столѣтняя годовщина смерти которой исполнилась 6 ноября сего года, и обратился къ вице-президенту и д. чл. А. И. Маркевичу и И. А. Линниченко съ просьбою приготовить соотвѣтствующіе случаю доклады. Въ настоящее время въ виду отказа д. члена И. А. Линниченко приготовить рефератъ за краткостью предоставленнаго ему для этого времени, будутъ прочитаны рефераты вице-президента В. П. Юргевича «Объ археологіи въ царствованіе Императрицы Екатерины II» и д. чл. А. И. Маркевича «О подготовкѣ къ учрежденію Императрицею Екатериною II коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія».

Во время засѣданія, согласно съ постановленіемъ Совѣта, въ залѣ засѣданія были выставлены изданія, автографы, граматы, медали и монеты времени Императрицы Екатерины II и ея бронзовый бюстъ.

Мм. Гг.

I. По поводу столѣтія кончины Императрицы Екатерины II Совѣтъ Общества, желая почтить Великую Монархиню, поручилъ мнѣ приготовить къ настоящему засѣданію краткій очеркъ того, что сдѣлано было въ ея

царствованіе для классической археологіи. Я долженъ признаться, однакожъ, что о наукѣ, только начинавшейся тогда, у насъ, можно сказать, знали не много и прошу извинить, когда повторю сказанное мною о томъ же предметѣ и томъ же времени по другому случаю. (См. Историч. очеркъ 50-лѣтія Од. Общества). Такъ какъ земли, составляющія теперешнюю Южную Россію завоеваны были при Екатеринѣ, а въ нихъ преимущественно открывались неисчерпанные еще и до сихъ поръ разнообразные памятники древняго греческаго искусства, то неудивительно, что нашъ край, долгое время прежде находившійся подъ властью враждебныхъ татаръ и турокъ и недоступный для путешественниковъ и ученыхъ, возбуждалъ послѣ его завоеванія всеобщее любопытство и обращалъ на себя вниманіе историковъ и археологовъ и что классическая археологія въ Россіи, найдя здѣсь богатый матеріалъ, зародилась собственно на нашемъ югѣ. При Екатеринѣ, правда, мы видимъ только ея первые шаги и прошло не мало времени, пока она достигла того развитія и пріобрѣла то значеніе, которымъ пользуется теперь въ Россіи. Сначала, когда только знакомились съ краемъ, когда въ немъ по немногу селились и устраивались русскіе, не было еще ни времени, ни людей, которые могли-бы заняться на мѣстѣ географическимъ, историческимъ и археологическимъ изслѣдованіемъ мѣстностей, гдѣ жили въ древности греческіе поселенцы и гдѣ остались ихъ слѣды въ курганныхъ и пещерныхъ могилахъ и въ развалинахъ бывшихъ здѣсь городовъ. Нѣкоторые предпринимавшіе тогда поѣздки по этому краю путешественники ѣздили по повелѣнію Императрицы, но обыкновенно съ цѣлью государственною, а не для изслѣдованія классическихъ мѣстностей. По присоединеніи Крыма въ 1783 году капитанъ Берсеневъ осматривалъ крымскіе берега для того, чтобы избрать удобный портъ въ Черномъ морѣ и представилъ Императрицѣ въ 1785 году описаніе Крымскихъ береговъ отъ Кинбурнской косы до татарской деревни Ахтіара и оттуда до Еникальскаго пролива. На мѣстѣ Ахтіара въ томъ же году основанъ былъ Севастополь. Подобнымъ образомъ послѣ заключенія Ясскаго мира (1791) Екатеринославскій губернаторъ Коховскій обозрѣвалъ пріобрѣтенныя отъ Турціи земли между Бугомъ и Днѣстромъ. Сама Екатерина, желая познакомиться съ Крымомъ, совершила въ 1787 г. путешествіе въ эту недавно завоеванную страну, открывая такимъ образомъ дорогу другимъ путешественникамъ. Во время этого путешествія генуэзскій писатель аббатъ Гаспаръ Лунджи Одерико поднесъ Императрицѣ въ рукописи составленное имъ описаніе генуэзскихъ памятниковъ въ Каффѣ (названной у насъ впервые именемъ Ѳеодосіи) и другихъ городахъ и мѣстностяхъ, принадлежавшихъ нѣкоторое время генуэзцамъ въ Крыму[1]).

[1]) Lettere Ligustiche... con le Memorie storiche di Caffa ed altri luoghi della Crimea posseduti un tempo da genovesi etc. Bassano 1792.

Первая ученая экспедиція отправлена была по повелѣнію Екатерины въ Оренбургскую и Астраханскую губерніи; ею руководилъ академикъ Иванъ Антонъ Гюльденштедтъ, оставившій намъ описаніе своего путешествія въ Южную Россію чрезъ Новороссійскій край въ 1773—1774 гг., изданное академикомъ Палласомъ въ 1791 году. Съ ученою цѣлью путешествовалъ также въ 1781—1782 г. посланный академіей наукъ въ Херсонъ, для изслѣдованія земель между Бугомъ и Днѣстромъ, устья Днѣпра и его лимана академикъ Василій Зуевъ. Узнаемъ также изъ письма вице-губернатора таврич. Габлица къ полковн. войска черномор. Бѣлому въ Тамань, что въ 1793 г. ѣздилъ въ Фанагорію знаменитый и достопочтенный, какъ его называетъ Габлицъ, гр. Потоцкій ради обозрѣнія тамошнихъ мѣстоположеній [1]). Самое интересное и богатое разнообразными научными подробностями было путешествіе, совершенное въ Крымъ въ 1794 году подъ конецъ царствованія Екатерины знаменитымъ русскимъ академикомъ Палласомъ, которымъ описаны классическія мѣста и находящіеся въ нихъ древніе остатки. Къ сожалѣнію его описаніе, познакомившее съ Крымомъ Россію и Европу, вышло спустя нѣсколько лѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ въ 1803 году, а на французскомъ немного раньше въ Лейпцигѣ 1799—1801 г. съ дополненіями, сдѣланными во время новыхъ путешествій и сообщенными вѣроятно крымскимъ жителемъ, его другомъ, таврическимъ вице-губернаторомъ К Габлицемъ. Точно также описаніе путешествія Marie Guthrie, совершеннаго въ 1795—1796 г., съ картою береговъ Чернаго моря отъ Днѣстра до Кубани и рисунками памятниковъ, надписей, монетъ и медалей вышло въ Лондонѣ въ 1802 году. Тому же времени принадлежатъ сочиненіе митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи Богуша Сестренцевича «Исторія Тавриды», изданное на французскомъ языкѣ въ Брунсвикѣ въ 1800 году, и описанія путешествій Леона Вакселя въ 1797—1798 гг. и Павла Сумарокова въ 1799 г. Послѣдній написалъ, кромѣ того, сочиненіе «Досуги крымскаго судьи», первое изданіе котораго вышло въ Москвѣ въ 1800 году. Такимъ образомъ археологія Южной Россіи только начиналась въ концѣ XVIII вѣка. Многое оставалось неизслѣдованнымъ и упоминаемые древними писателями изчезнувшіе города не пріурочены ни къ какой мѣстности. Сумароковъ, путешествуя въ 1799 г., не зналъ, куда дѣвались знаменитые города Тира, Танаисъ, Ольвія и другіе извѣстные намъ изъ периплова и другихъ описаній. Даже Пантикапею искали тогда въ 6 верстахъ отъ Керчи около Карантина или въ 11-ти при Еникале. Охота къ розысканіямъ съ каждымъ годомъ увеличивалась, въ особенности вслѣдствіе находокъ въ могилахъ и гробницахъ,

[1]) См. Сборникъ историч. матеріаловъ по исторіи Кубанск. Казач. Войска II. с. 411.

скрытыхъ въ древнихъ курганахъ. Первая такая находка замѣчательныхъ археологическихъ сокровищъ, о которой я не могу не упомянуть здѣсь, была сдѣлана въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, въ 1763 году, въ курганѣ около рѣчки Тасьмины, въ 30 верстахъ отъ крѣпости св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ) генералъ-поручикомъ Л. П. Мельгуновымъ, смѣнившимъ генерала Хорвата, первато заселителя Новой Сербіи и управлявшаго затѣмъ Новороссійскою губерніею, въ составъ которой вошла Новая Сербія и Славено-Сербія. Описаніе найденныхъ тогда драгоцѣннѣйшихъ вещей, препровожденныхъ въ Академію наукъ помѣщено въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ Академіи и извѣстіяхъ объ ученыхъ дѣлахъ за 1764 годъ. При разрытіи кургана сверху оказался черноземъ на два фута; подъ нимъ найдена каменная баба изъ песчаника грубой отдѣлки, изображеніе женщины. На глубинѣ шесть футовъ была гробница, обложенная каменными плитами; тутъ найдены: 1) золотая цѣпь изъ трехъ рядовъ сплетенныхъ колечекъ съ 11-ю пряжками, изъ коихъ въ срединную вставленъ былъ круглый сердоликъ; на концѣ цѣпи висѣло по 6 шариковъ вѣсу $56^1/_2$ золотниковъ, 2) золотое толстое кольцо, вѣсомъ почти въ 6 золотниковъ, 3) 17 мѣдныхъ бляхъ, на которыхъ были изображены хищные птицы безъ ногъ; на внутренней сторонѣ бляхъ по четыре ушка, 4) два серебряныхъ подсвѣчника на плоской ножкѣ, съ позолоченнымъ вѣнкомъ по верхней части, 5) пять серебряныхъ наставокъ отъ подсвѣчниковъ, вѣсомъ 58 золотниковъ, 6) черепокъ кинжала, обтянутый золотою бляхою съ чеканомъ, 7) ножны отъ кинжала, покрытые золотою съ чеканомъ бляхою, на коей представлены изображенія, похожія на кентавровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ человѣческія и грифоновыя головы, ноги съ копытами и когтями, хвосты разнообразныхъ животныхъ; у каждаго кентавра большая съ боку рыба. На концѣ ноженъ представлены два сидящихъ медвѣдя, одинъ противъ другаго, 8) двойная толстоватая золотая бляха, прикрѣпленная гвоздями, на которой съ обѣихъ сторонъ представленъ лежащій олень чеканной работы; она вѣсомъ $14^1/_2$ золотниковъ и 9 граммъ, 9) золотая бляха, которая кажется принадлежала къ ножнамъ; на ней кромѣ кентавра изображены два крылатыхъ человѣка, держащихъ въ рукахъ подобіе кадильницъ, предъ каждымъ изъ нихъ дерево, между деревомъ же о семи свѣчахъ подсвѣчникъ, позади ихъ по одной розѣ, вѣсомъ $7^3/_4$ золотниковъ, 10) три разломанныя золотыя бляхи, изъ коихъ на одной изображеніе такого-же кентавра, какъ на ножнахъ, на другой два журавля, а на третьей обезьяна (?), вѣсомъ $3^3/_4$ зол., 11) сорокъ мѣдныхъ стрѣлъ, 12) разныхъ мелкихъ вещей $11^3/_4$ зол., 13) разныхъ серебряныхъ кусочковъ, вѣсомъ $12^1/_2$ зол., 14) 20 серебряныхъ гвоздей, коихъ шляпки обтянуты серебромъ, и три шляпки отъ гвоздей, 15) двѣ мѣдныя перержавленныя вещи съ позолотою мѣстами, 16) куски желѣза, можетъ быть, отъ черенка и кольцо желѣзное,

можетъ быть, для привѣшиванія оружія. 17) глыбы отъ перегорѣвшихъ костей, имѣвшіе синеватый цвѣтъ. Подобныя и даже болѣе драгоцѣнныя вещи были найдены въ нашемъ столѣтіи въ курганахъ Куль-Оба въ 1830 г. и въ Александровскомъ, или Луговой могилѣ, въ 1852—1856 гг., въ Толстой или Чертомлыцкой могилѣ 1862 и 1863 гг. и въ другихъ. Кромѣ находки, сейчасъ описанной, сдѣланы были въ разныхъ мѣстахъ подъ конецъ царствованія Екатерины, по присоединеніи всего края, и нѣкоторыя другія, важныя въ томъ отношеніи, что открывали классическія мѣстности для будущихъ изслѣдователей, не только археологовъ, но и для любителей кладовъ и искателей золота и драгоцѣнностей. Путешественникъ Кларке въ своемъ путешествіи по Россіи разсказываетъ о раскопкѣ кургановъ близъ Фонагоріи[1]) генераломъ фанъ-деръ-Вейде[2]) и о доставленномъ генералу золотомъ массивномъ браслетѣ, вѣсомъ $^3/_4$ фунта, представляющемъ змѣи съ двумя головами, со вставленными вмѣсто глазъ рубинами и вдѣланными на головахъ для украшенія двумя рядами драгоцѣнныхъ камней. Къ сожалѣнію другія драгоцѣнности были расхищены солдатами. Палласъ, описывая развалины Херсонеса въ упомянутомъ выше путешествіи, говоритъ о найденныхъ тамъ мраморныхъ плитахъ съ греческими надписями, между прочимъ о надписи имп. Зинона 471—491, мраморной капители колонны коринѳскаго ордена, большомъ количествѣ обработаннаго мрамора, привозимаго изъ архипелага, о монетахъ Гордіана, Авреліана, Аврелія, Константа, даже Августа, встрѣчающихся нерѣдко, о монетахъ византійскаго имп. Романа I и о черепкахъ эмали и стекла. Въ другомъ мѣстѣ онъ, описывая мѣстность между Таманскимъ лиманомъ и Темрюкскимъ заливомъ, говоритъ о домикѣ, который останавливаетъ вниманіе путешественниковъ, когда ѣдутъ изъ города Тамани. Это небольшой домикъ, построенный по повелѣнію блаженной памяти Монархини (Екатерины II) въ 1793 г. для сохраненія въ немъ мрамора съ древнею русскою надписью князя Глѣба Тмутараканскаго[3]). Камень найденъ маіоромъ Розенбергомъ у казармы стоявшаго въ Тамани егерскаго баталіона, гдѣ служилъ порогомъ у дверей.

---

[1]) См. Voyage en Russie т. 1, с. 527.

[2]) У Палласа онъ названъ инженеромъ.

[3]) Въ упомянутомъ выше Сборникѣ истор. матеріаловъ по ист. Кубан. Казач. Войска находимъ письмо Габлица къ судьѣ Головатому изъ Симферополя 13 Сент. 1793 г. Во исполненіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія ради огражденія извѣстнаго камня, найденнаго на островѣ Фанагоріи и взятаго было господиномъ бригадиромъ Пустошкинымъ, по исчисленію землемѣра Самбулова при семъ отправленный нужный камень $3^1/_2$ кубическихъ сажени, глины 76 возовъ да песку 15. В. Высокобл. не оставьте на мѣсто показанное доставить и для построенія того огражденія отрядить изъ войска черноморскаго потребное число рабочихъ людей, а также и для храненія камня караульныхъ.

Вице-адмиралъ Пустошкинъ, находясь съ флотиліей въ тамошнихъ водахъ, узналъ о камнѣ и перевезъ его въ Николаевъ, откуда, по повелѣнію Императрицы, онъ былъ, какъ историческій памятникъ, перевезенъ и возстановленъ обратно на мѣстѣ его первоначальнаго открытія. Мы можемъ угадывать мысль Екатерины, которая хотѣла, чтобы камень сохранилъ мѣстное значеніе, какъ памятникъ, напоминающій о владычествѣ русскихъ князей въ этихъ мѣстахъ въ XI столѣтіи. Какъ она интересовалась имъ, видно изъ того, что для устраненія могущаго возникнуть сомнѣнія о его подлинности написано и издано было въ 1794 г. въ С.-Петербургѣ, тайнымъ совѣтникомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, по ея повелѣнію, изслѣдованіе «о мѣстоположеніи древняго россійскаго Тмутараканскаго княженія». Памятникъ, какъ описываетъ его Палласъ, состоитъ изъ бѣлаго мрамора и имѣетъ три аршина и три вершка длины; нижняя часть его и края выполированы, верхняя же неполирована и въ ней пробита дыра, какъ бы для двернаго пробоя или крюка, и, кажется, онъ былъ придѣланъ къ двери или къ воротамъ. Надпись изсѣчена на одной изъ оконечностей камня, который находится нынѣ, вопреки желанію Екатерины, въ эрмитажѣ: «Въ лѣто 6576 (1068) индикта 6, Глѣбъ князь[1]) мѣрилъ море по леду отъ Тмутаракани до Керчева 10000 и 4000 саженъ».

Въ тоже самое время дѣлались случайныя находки въ другихъ мѣстахъ края. Въ мѣстности, гдѣ лежала въ древности знаменитая Ольвія, поселяне села Парутина (Ильинское тоже), принадлежавшаго тогда графу Кушелеву-Безбородко открывали надгробные мраморы, надписи, монеты и золотые туалетные предметы. Находки попадались въ руки путешественниковъ и, дѣлались извѣстными, развивали въ Россіи вкусъ къ такъ называемымъ тогда антикамъ. Для Петербургской и Московской аристократіи много значилъ примѣръ самой Екатерины, которая, будучи любительницей всего изящнаго, интересовалась статуями, рѣзными камнями и медалями Храповицкій въ своемъ дневникѣ записалъ интересныя для насъ подробности о томъ, какъ онъ самъ и другіе, желая сдѣлать ей удовольствіе, подносили ей рѣзные камни и другіе антики (за которые обыкновенно Императрица возвращала уплаченныя деньги), какъ она купила собраніе рѣзныхъ камней дюка Орлеанскаго (Людовика), состоявшее изъ 1467 №№ и составляющее нынѣ одну изъ достопримѣчательностей эрмитажа, какъ въ 1789 году за 15 камней, купленныхъ у Лондонскаго рѣзчика Бровна заплатила 982 ф. ст. Отъ того же Бровна получались заказы изъ Англіи въ 1791 и 1792. Любопытна замѣтка, которую находимъ въ дневникѣ подъ 29 Мая 1788 г.: «поднесъ дешевые антики. Посмотря сказали (т. е. Императрица) что не надобны. Я лучше куплю быка, чтобы послать солдатамъ».

[1]) Глѣбъ Святославичъ.

Это было во время войны со Швеціей въ Финляндіи. Можно бы думать, что у Екатерины вкусъ къ антикамъ развился послѣ ея поѣздки въ Крымъ въ 1787 году, потому что раньше мы не находимъ у Храповицкаго, чтобы она занималась разборомъ камней или интересовалась статуями (какъ древней статуей Медицейской Венеры въ гротѣ лѣтняго сада) или поручала выбрать лучшие античные бюсты въ Царскомъ Селѣ для отливки въ мѣди и покупала, какъ въ 1792 году, большія головы in taglio Авреліи матери Августа, и Мецената. Извѣстно, что Рибасъ поднесъ Императрицѣ въ 1792 году чрезъ Попова, управлявшаго дѣлами Потемкина, головку молодаго Ахиллеса, вырѣзанную на камнѣ.

Таково было у насъ начало классической археологіи послѣ завоеванія Новороссійскаго края и ближайшаго знакомства съ его исторіей и его археологическими богатствами, знакомства, побудившаго заняться изслѣдованіемъ классическихъ мѣстностей и соглашеніемъ сохранившихся объ нихъ извѣстій древнихъ писателей. Благодаря этому знакомству и добытымъ изслѣдователями результатамъ мы научились уважать нашу науку и ожидаемъ отъ нея разъясненія историческихъ и географическихъ темныхъ вопросовъ съ помощью открываемыхъ памятниковъ. Этимъ объясняется возникновеніе столькихъ ученыхъ археологическихъ Обществъ и учрежденныхъ ими музеевъ, которыхъ не было еще при Екатеринѣ.

Постановили: благодарить и напечатать въ протоколѣ.

II. Сообщеніе д. чл. А. И. Маркевича «О подготовкѣ къ учрежденію Императрицею Екатериною II коммиссіи для составленія проэкта новаго уложенія».

Замѣтивъ вообще о важности созыва Императрицею Екатериною II этой коммиссіи, референтъ указалъ на то, какъ мало разработанъ вопросъ о предварительныхъ работахъ для ея учрежденія, и познакомилъ присутствующихъ съ находящимся у него однимъ изъ проэктовъ того, въ какомъ видѣ сперва предполагалось организовать эту коммиссію. Проэктъ этотъ, по соображеніямъ А. И. Маркевича, представленъ былъ кн. Вяземскимъ Императрицѣ Екатеринѣ II, сдѣлавшей въ немъ нѣкоторыя исправленія. Потомъ А. И. Маркевичемъ сдѣлано было подробное сличеніе проэкта съ указомъ 14 декабря 1766 г., которымъ учреждена была коммиссія, и этимъ путемъ выяснено, что указъ во многомъ отступилъ отъ проэкта, напр. въ распредѣленіи тѣхъ группъ, отъ которыхъ вызывались въ коммиссію депутаты (въ приказѣ объяснено, почему не вызваны депутаты отъ духовенства и отъ крѣпостныхъ крестьянъ), въ приглашеніи депутатовъ отъ сепаратныхъ областей (Малой Россіи съ Запорожьемъ и др.), въ вопросѣ о предварительной выработкѣ законоположеній, въ числѣ депутатовъ и пр. Любопытную частность проэкта представляетъ подробное выясненіе расходовъ, необходимыхъ депутату отъ дворянъ, купцовъ и пр., во время пребыванія

въ коммиссіи, соотвѣтственно съ чѣмъ и было установлено имъ ежегодное жалованье. Такимъ же образомъ сличены были А. И. Маркевичемъ съ находящимися въ указѣ 14 декабря 1766 г. проэктъ выборъ депутатовъ и ихъ присяги, причемъ и здѣсь вскрывается небезынтересная разница.

Постановили: благодарить и передать въ издательскую коммиссію.

III. Совѣтъ Общества предложилъ Общему Собранію слѣдующихъ кандидатовъ: *въ дѣйствительные члены:* тайнаго совѣтн. *Дм. О. Кобеко*, свящ. отца *Іоанна Христиновича Стрыльбицкаго*, приватъ-доцентовъ по каѳедрѣ исторіи и теоріи искусствъ: Императорскаго Казанскаго Университета, магистра теоріи и исторіи искусствъ *Дмитрія Власьевича Айналова* и Харьковскаго Университета магистранта *Георгія Кузьмича Рѣдина* и *въ члены-сотрудники:* окончившаго курсъ съ дипломомъ 1-й степени по историко-филологическому факультету *Мстислава Владиміровича Фармаковскаго*, Аккерманскаго нотаріуса *Владиміра Исаковича Штулькерца* и есаула Кубанскаго войска *Ивана Ивановича Дмитренко.*

Постановили: баллотировать въ будущемъ засѣданіи, причемъ большинствомъ голосовъ рѣшено баллотировать г. Дмитренко въ дѣйствительные члены Общества.

IV. Секретарь предъявилъ слѣдующія поступившія въ Общество книги: 1) Сборникъ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго казачьяго войска. Собраны и изданы *И. И. Дмитренко.* 3 т. Спб. 1896. 2) Отчетъ о дѣятельности Рязанской ученой архивной коммиссіи за 1895 годъ. Рязань. 1896. 3) Чтенія о святой землѣ. Изданіе Имп. Православнаго Палестинскаго Общества: a) VI, VII и VIII. Прот. *И. Л. Елеонскаго*, Описаніе святой земли; b) XXXIV. *А. И. Львовскаго*, Инославные въ святой землѣ; c) XXXV. *И. В. Малиновскаго.* Императорское Православное Палестинское Общество; 4) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ т. V, № 3 и 4, 1896 (Октябрь и Ноябрь). 5) Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ т. XIII, кн. 5. 1896. 6) Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, бывшаго благочиннаго церквей южнаго берега Крыма къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніемъ о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя. 7) Kwartalnik historyczny, Organ Towarzystwa historycznego w Lwowie. Rocznik X, zeszyt IV 1896. 8) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1896. VI. 9) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Часть LXIII, кн. X. (Октябрь). 10) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ VIII, вып. 1 и 2-й. Труды Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи. Кн. I. 1895. 11) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Кн. XXI. 12) Bulletino di archeologia e storia Dalmata, pubblicato per

cura di Fr. prof. Bulić. Anno XIX. Ottobre № 10. 13) Отчетъ Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета за 1895 годъ. 14) Древнѣйшій планъ города Кіева 1638 года Издалъ *Б. И. Хоненко*. Кіевъ 1896. 15) Отчетъ о дѣятельности Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1895 годъ Иркутскъ. 1896 г. 16) Протоколы обыкновеннаго общаго собранія Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣла № 7, засѣданіе 17 Ноября 1895 г. и № 3, засѣданіе 13 Марта 1896 года. 17) Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу 1896 г. № 10.

Отъ д. чл. *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* Кіевъ и Университетъ Св. Владиміра при Императорѣ Николаѣ I Кіевъ 1895 г.

Отъ д. чл. В. В. Шкорпила фотографіи ввѣреннаго ему Мелекъ-Чесменскаго музея.

V. Совѣтъ Общества въ засѣданіи своемъ 19 Ноября сего года, заслушавъ извѣщеніе секретаря Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества о предполагаемомъ 15 Декабря празднованіи 50-лѣтія дѣятельности этого Общества, постановилъ просить члена Совѣта А. И. Деревицкаго составить привѣтствіе Обществу, а въ засѣданіи своемъ 25 Ноября, заслушавъ составленное А. И. Деревицкимъ привѣтствіе, вполнѣ одобрилъ его и постановилъ представить его Общему Собранію и предложить Общему Собранію просить г. президента Общества принять на себя передачу этого привѣтствія президенту Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества на торжественномъ актѣ юбилея.

Текстъ привѣтствія: Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей въ славную годовщину полувѣковой плодотворной и многообразной дѣятельности своего высокочтимаго собрата, Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, спѣшитъ присоединить свой голосъ къ тысячеголосному хору задушевныхъ поздравленій и благопожеланій, несущихся къ нему въ этотъ благознаменательный день со всѣхъ концовъ Россіи.

Полвѣка тому назадъ подъ скромнымъ именемъ «Археологическо-нумизматическаго Общества» для труднаго подвига совмѣстнаго изученія отечественныхъ древностей впервые сплотился ученый союзъ немногихъ лицъ, одушевлявшихся мыслью создать такое общество, «посредствомъ котораго любители археологіи и нумизматики могли бы находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ и, сообщая взаимно плоды розысканій и трудовъ своихъ, принести нѣкоторую пользу наукамъ въ отечествѣ». Это было то зерно, изъ котораго развилась широкая и многообъемлющая дѣятельность Общества, справляющаго нынѣ въ справедливомъ сознаніи счастливыхъ ея результатовъ радостный праздникъ своего полусоглѣтняго юбилея.

Праздникъ этотъ есть праздникъ русской науки вообще,—одно изъ тѣхъ свѣтлыхъ торжествъ, которыя имѣютъ универсальное значеніе, ко-

торыя заставляютъ смолкать всѣ страсти, примиряютъ всѣ нестройныя разногласія личныхъ побужденій и частныхъ интересовъ и поддерживаютъ въ людяхъ прекрасный духъ единенія во имя вѣчныхъ идей истины, добра и красоты.

Императорское Русское Археологическое Общество, подводя итогъ своихъ полувѣковыхъ работъ, можетъ съ гордостью указать на цѣлую библіотеку своихъ изданій, относящихся къ самымъ разнообразнымъ областямъ обширной науки о древностяхъ. Съ неослабною энергіею, съ живою благородною преданностью интересамъ науки, оно умѣло привлекать въ свои ряды талантливѣйшихъ изслѣдователей и достойно оцѣнивать и поощрить ихъ труды, умѣло ставить на очередь важные научные вопросы и вызывать ихъ рѣшеніе, умѣло организовать цѣлый рядъ археологическихъ раскопокъ и, развѣтвившись на три отдѣленія, охватить своими предѣлами древности классическія, русскія и восточныя.

Съ признательною мыслью объ этихъ многосторонихъ заслугахъ, Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, принося своему высокочтимому собрату въ радостный юбилейный день горячее поздравленіе, проситъ вѣрить искренности одушевляющихъ его чувствъ сердечной симпатіи и принять его живѣйшее пожеланіе Императорскому Русскому Археологическому Обществу продленія его многополезной дѣятельности на многіе вѣка».

Постановили: одобрить постановленіе Совѣта и просить президента принять трудъ прочтенія названнаго привѣтствія, о чемъ и сообщивъ Совѣту Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

301 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

23-го Декабря 1896 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице президента *В. Н. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, д. чл. *С. Д. Пападимитріу*, *Г. Р. Шмидтъ*, *М. П. Истоминъ*, *А. И. Маркевичъ*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *С. В. Петровскій*, *И. Ю. Вучина*, *В. Н. Пироговъ*, *О. Ѳ. Базинеръ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *А. И. Деревицкій* и *Э. Р. фонъ-Штернъ* и члены сотрудники *Е. В. Князевъ* и *И. А. Ивановъ*.

Слушали:

I. Отношеніе Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 27-го октября, № 24395, по Высочайшему повелѣнію, на имя президента Общества о томъ, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. Министра въ 27 день сего октября Всемилостивѣйше соизволилъ на принятіе отчета о состояніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1895 годъ.

II. Предложеніе Совѣта Общества въ члены-сотрудники свящ. отца Петра Еланскаго, законоучителя Александровской мужской гимназіи въ городѣ Николаевѣ

Постановили: баллотировать въ ближайшемъ засѣданіи.

III. Баллотированы въ дѣйствительные члены и выбраны: тайн. сов. Дмитрій Ѳомичъ Кобеко, пр.-доц. Императорскаго Казанскаго Университета Дмитрій Власьевичъ Айналовъ, пр.-доц. Императорскаго Харьковскаго Университета Георгій Кузьмичъ Рѣдинъ, есаулъ Иванъ Ивановичъ Дмитренко — единогласно, свящ. о. Іоаннъ Хрисанѳовичъ Стрѣльбицкій — большинствомъ. Въ члены-сотрудники: Мстиславъ Владиміровичъ Фармаковскій и Владиміръ Исаковичъ Штулькерцъ — единогласно.

IV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества съ просьбою о присылкѣ депутатовъ въ предварительный комитетъ для подготовленія XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ.

Постановили: просить д. чл. А. П. Маркевича, А. А. Кочубинскаго, Э. Р. фонъ-Штерна, А. П. Кириличникова и П. А. Лашиченка быть представителями Общества на засѣданіяхъ предварительнаго Комитета въ Москвѣ отъ 4—7 января 1897 года.

V. Секретарь предъявилъ слѣдующія поступившія въ Общество книги: отъ проф. *Д. П. Шестакова* — Обозрѣніе медалей и монетъ Екатерининской эпохи, хранящихся въ нумизматическомъ музеѣ Императорскаго Казанскаго Университета, Казань 1896 г. Отъ законоучителя Николаевской Александровской гимназіи, священника *о. Петра Еланскаго* — Мѣстныя историческія монографіи, Николаевъ 1896 г. и Бытовые Очерки г. Николаева, I. Религіозно-патріотическія торжества, Одесса 1893 г. Отъ д. ч. *П. П. Короленко* — Двухсотлѣтіе Кубанскаго Казачьяго войска (1696—1896 г.). Историческій очеркъ, Екатеринодаръ 1896 г. Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, XII т. 1896 г. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 25 (годъ десятый), Симферополь 1896 г. Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета. Годъ LXIII (одиннадцатая книга) Ноябрь, Казань 1896 г. Записки Крымскаго Горнаго Клуба, № 10, 1896 г. Варшавскія Университетскія Извѣстія 1896 г., VII т. Новыя данныя о союзахъ нежнатой молодежи на югѣ Россіи, В. Ястребова, Кіевъ 1896 г. Православный Палестинскій Сборникъ 41 и 46 вып. Спб. 1896 г.

VI. Хранитель музея предъявилъ слѣдующія вещи, поступившія въ музей:

1) Въ даръ отъ поч. члена *А. Л. Бертье-Делагарда:*

А. Вещи.

Глиняная яйцевидная чашка, изъ Керчи, съ красными узорами.
Костяная ручка съ фигурою собаки на верху, изъ Керчи.
Три свинцовыя фигурки, изъ Ольвіи.
Бронзовый ключъ въ видѣ черта, изъ Херсонеса.
Три бронзовыхъ крестика, изъ Херсонеса.
Бронзовая застежка съ фигурами, византійская, изъ Херсонеса.
Черполаковый арибалъ съ красною фигурою, изъ Ольвіи.
Черполаковая чашка съ тисненными узорами, изъ Ольвіи.
Черполаковый свѣтильникъ съ ручкою, изъ Ольвіи.
Чашка съ тисненными украшеніями, изъ Ольвіи.
Десять мѣдныхъ колецъ съ рѣзными изображеніями, изъ Керчи.
Рѣзной камень съ надписью, изъ Керчи.
Три рѣзныхъ камня отъ печатей, изъ Феодосіи и Аккермана.
Четыре свинцевыхъ печати.

B. Монеты

Æ Ольвія. Артемида и оружіе.
Æ Херсонесъ. Александръ.
— Одессъ. Комодъ и Аполлонъ.
— Мостисъ. Зевсъ и Орелъ (неиздана).
— Котисъ и Рискупоридъ. Бюсты и всадникъ (неиздана).
— Филиппополь. Комодъ и Діонисъ.
— Аполлонія. Фаустина и жертвенникъ (неиздана).
— Визія Гермесъ и кадуцей (неиздана).
— Кратія. Гета и Императоръ (рѣдкая).
— Амосія. С. Северъ и Тихе.
— Гераклея. Микринъ и Тихе (неиздана).
— id. Бальбины и Тихе (неиздана).
— id. Каракалла и Гераклъ (рѣдкая).
— Зела. С. Северъ и храмъ (неиздана).
— Амострія. Требон. Галлъ, Совѣтъ и Народъ (неиздана).
— id. Саловина и Тихе (неиздана).
— Никея. Галліенъ и Діонисъ.
— id. Траянъ Декій и Гигея.
— id. Плавтилла и храмъ.
— Амисъ Аполлонъ и треножникъ (неиздана).
Æ id. Адріанъ и Посейдонъ (очень рѣдкая).
— id. Нимфа и Сова.
Æ Византійская. Зенонъ и Побѣда (рѣдкая).

Всего 1 золотая, 3 серебряныхъ и 19 мѣдныхъ, всѣ поимѣвшіяся у насъ.

C. Планы.

Faxsimile плана и вида Аккерманской крѣпости 1770 года изъ Уч. Арх. Главн. Штаба.

Планъ Бендеръ 1770 года.

Три литографіи Одесскихъ видовъ 1850 года.

Постановили: благодарить жертвователя и въ ознаменованіе признательности Общества за многочисленныя пожертвованія и за цѣлый рядъ цѣнныхъ услугъ, оказанныхъ Обществу, помѣстить въ музеѣ портретъ поч. чл. А. Л. Бертье-Делагарда.

2) Принесено въ даръ г. Valmir-Westerlund, Директора гельсингфорскаго торговаго Института:

3 серебр. финляндскія монеты (1 марка, 50 и 25 пфениговъ) и одна мѣдная (10 пфениговъ).

3) Въ даръ отъ д. чл. А. П. Новикова въ Керчи:

Три античныхъ стекляныхъ сосуда.

4) Въ даръ отъ д. чл. А. А. Дирина въ Керчи:

Четыре стеклянныхъ сосуда, двѣ глиняныхъ возочки и одна глиняная лампочка на высокой ножкѣ.

Постановили: благодарить жертвователей.

5) Изъ Мелекъ-Чесменскаго кургана:

18 античныхъ стеклянныхъ сосудовъ, 12 стеклянныхъ бусъ, 3 мѣдныхъ фигурки, одна изъ синей массы, 1 рѣзной камень, цвѣтной стеклянный подвѣсокъ съ изображеніемъ Аѳины, мѣдное зеркало съ знакомъ , часто встрѣчающимся на Керченскихъ камняхъ, 1 гипсовая фигура (звѣрь) и 12 монетъ.

6) Отъ г. П. В. Новицкаго—римская серебряная монета императора Антонина; она найдена въ маѣ 1895 года въ деревнѣ Скосаревкѣ (Херсонской губ., Ананьевскаго уѣзда, Исаевской волости) въ 120 верстахъ отъ г. Одессы, на землѣ помѣщиковъ Новицкихъ, при обработкѣ ея подъ огородъ, у самаго берега рѣки Тилигула, и лежала близко, не болѣе полъаршина отъ поверхности земли; больше въ этомъ мѣстѣ не найдено ничего.

7) Отъ г. Я. С. Яновскаго:

15 татарскихъ маленькихъ монетъ.

8) На средства Общества куплено хранителемъ музея:

6 вазъ и чашъ изъ Ольвіи, одна изъ нихъ съ краснофигурнымъ изображеніемъ, формъ, которыхъ еще не имѣлось въ музеѣ, 2 гипсовыя маски изъ Керчи и медаль Петра I отъ 20 декабря 1717 года

VII. Казначей сообщилъ о поступившихъ въ кассу Общества суммахъ: членскіе взносы отъ Н. Ѳ. Красносельцева 5 р., отъ протоіерея А. Пефани (за 1894 и 1895 гг.) 10 р., отъ Х. П. Ящуржинскаго (за 1895 г.) 5 р., отъ В. М. Штулькерца взносъ за право выгона коровы въ Аккерманской крѣпости 7 р., отъ Г. Г. фонъ-Кизеритцкаго—членскій взносъ 5 р. и за дипломъ 10 р., отъ А. В. Орѣшникова—членскій взносъ за 1896 и 1897 гг. 10 р., за проданные представителю фирмы Бера въ Франкфуртѣ дублеты библіотеки — 15 руб. и за проданные дублеты русскихъ монетъ — 10 р., отъ Д. П. Иловайскаго членскій взносъ 1892—1896 г.) 25 р., за проданные г. Н. Н. Веселовскому Записки Общества — 18 р., отъ А. К. фонъ-Резона членскій взносъ 5 р., отъ П. П. Короленко 5 р., отъ С. Д. Нападимитріу 5 р.

VIII. Докладъ вице-президента *В. П. Юргевича:* Договоръ о 5-лѣтнемъ перемиріи и союзѣ, заключенномъ въ 1412 г. между Сигизмундомъ, королемъ римскимъ и венгерскимъ, и Владиславомъ (Ягелломъ), королемъ польскимъ.

Постановили: просить д. чл. А. П. Маркевича составить введеніе.

IX. Докладъ д. чл. *Э. Р. фонъ-Штерна*: «О новѣйшихъ поддѣлкахъ въ области керамики на югѣ Россіи».

Мм. Гг.

Въ убѣжденіи что наилучшее средство бороться съ фальсификаціей древностей и съ сбытомъ яко-бы античныхъ предметовъ—передавать продѣлки работающей у насъ съ такимъ успѣхомъ шайки поддѣлывателей наибольшей гласности, позволю себѣ представить вниманію почтеннаго собранія нѣсколько замѣтокъ о новой отрасли ихъ дѣятельности. Мои замѣтки, долженствующія служить дополненіемъ къ изложенному мною въ статьѣ: «О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи» (Ж. М. Н. П., декабрь 1896 г.), коснутся на этотъ разъ сбыта росписныхъ вазъ, находимыхъ будто въ Ольвіи.

Какъ извѣстно, и прежде уже попадались на нашемъ рынкѣ древностей поддѣльныя роспись вазы, но онѣ представляли собою наименѣе удачный продуктъ фальсификаторскаго промысла и при нѣкоторой осмотрительности и нѣкоторомъ знакомствѣ съ древней керамикой едва-ли возможно было быть ими введеннымъ въ заблужденіе. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ предлагаемымъ нынѣ товаромъ. Но прежде чѣмъ остановиться на описаніи этихъ вазъ и установленіи ихъ характерныхъ признаковъ, считаю небезынтереснымъ сообщить нѣсколько подробностей о попыткахъ сбыта этихъ вазъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ проживающій въ Нарутинѣ еврей Гершка Эрлихъ или Элликъ и николаевскій торговецъ Хаимъ Янпрбергъ продали мнѣ въ музеѣ нѣсколько штукъ античной ольвійской гончарной посуды; послѣ обѣда того-же дня, уже въ сумеркахъ, они явились ко мнѣ на квартиру съ двумя росписными вазами: одна—лекана, крышка которой украшена была большими женскими головками и пальметтами, другая—кувшинъ, ровный, безъ изгибовъ, съ витой ручкой; лицевая сторона покрыта была большой женской головой въ остроконечномъ колпакѣ, задняя сторона занята была громадной пальметтой, такъ что нерасписанной чернолаковой площади оставалось весьма немного. Торговцы разсказали, что вещи эти имъ предложены машинистомъ парохода, получившимъ ихъ отъ Гохмана въ Очаковѣ; они хотѣли узнать «хороши-ли» (т. е. подлинны-ли) эти вазы и стоитъ-ли ихъ пріобрѣсти. Владѣлецъ, по ихъ словамъ, требовалъ за нихъ 50 руб. Я тогда тщательно осмотрѣлъ эти вещи и меня сразу поразили два обстоятельства. Во-первыхъ, какъ извѣстно, большинство греческой посуды, найденной до сихъ поръ въ греческихъ колоніяхъ черноморскаго побережья, составляютъ товары аттическаго производства; встрѣчаются рядомъ, не говоря о сосудахъ мѣстнаго происхожденія, небольшое число коринѳскихъ, милетскихъ и родосскихъ вазъ и сосуды изъ такъ назыв. terra sigillata;

но вазы предлагаемаго теперь стиля и типа до сихъ поръ не попадались. Во-вторыхъ обратили на себя мое вниманіе какой-то металлическій блескъ лака, красный тонъ глинянаго цвѣта и весьма сильное обжиганіе сосудовъ,— все, правда, техническія мелочи, но мелочи, насколько я знаю, странныя и непаблюдаемыя при продуктахъ античнаго гончарнаго промысла. Я въ виду этого отъ торговцевъ не скрывалъ, что сомнѣваюсь въ античномъ происхожденіи этихъ сосудовъ и купить ихъ не намѣренъ. Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ Гершка Эрлихъ съ новымъ транспортомъ ольвійскихъ древностей; между простыми, несомнѣнно подлинными сосудами, находились двѣ, только что описаннаго типа: довольно большая гидрія, украшенная большими пальметтами и женской головой въ остроконечномъ уборѣ и ойнохоэ, съ высокой ручкой и тонкимъ горлышкомъ, на которой изображены (на лицевой сторонѣ) большая женская голова, на задней — крупная пальметта. По стилю и рисунку, но не по цвѣту, ближайшій pendant къ гидріи составляетъ южно-италійская гидрія изъ коллекціи, пожертвованной графомъ Воронцовымъ нашему музею. На этотъ разъ Гершка сначала утверждалъ, что эти вазы несомнѣнно античнаго происхожденія, и что онѣ найдены на участкѣ того-же мужика, у котораго лѣтомъ открыта была гробница съ богатыми золотыми сокровищами, поступившими въ Императорскую Археологическую Коммиссію. За гидрію онъ потребовалъ 50 р., за ойнохоэ 25 р. Но при дальнѣйшемъ разспросѣ онъ началъ путаться въ своихъ показаніяхъ и въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться, что именно эти вазы, правда, не найдены въ самой Ольвіи, а въ окрестностяхъ Очакова, т. е. другими словами, получены имъ отъ Гохмана. Что эта интерпретація его словъ была вѣрна, скоро выяснилось. Ибо спустя нѣсколько времени пріѣхалъ Леонъ Гохманъ самъ, зашелъ утромъ рано ко мнѣ на квартиру и пригласилъ меня зайхать къ нему въ гостиницу,— у него для музея замѣчательныя ваза. На столикѣ въ занимаемомъ Гохманомъ номерѣ гостиницы «Америка» устроена была обычная выставка; нѣсколько штукъ простой ольвійской посуды и между ней, какъ «great attraction», довольно большая росписная гидрія. На задней сторонѣ она украшена большой пальметтой, подъ двумя горизонтальными ручками нарисованы знакомыя намъ уже женскія головы въ остроконечныхъ шапкахъ, лицевая сторона украшена слѣдующимъ изображеніемъ: площадь раздѣлена на двѣ половины іоническою колонной, увѣнчанной какимъ-то бѣлымъ, неопредѣленнымъ остроконечнымъ предметомъ; слѣва отъ колонны мы имѣемъ нагую фигуру сидящаго юноши съ вѣнкомъ въ правой рукѣ; фигура эта, за исключеніемъ волосъ, нарисована весьма тщательно въ техникѣ свободнаго стиля V вѣка до Р. Х. На правой сторонѣ отъ колонны находятся два юноша, изъ которыхъ одинъ предетавленъ въ видѣ бюста или гермы безъ ногъ. Когда мы съ А. А. Павловскимъ продолжительно и молча осматривали эту гидрію (цѣна которой опре-

дѣлена была продавцомъ въ 125 р.), г. Гохманъ не выдержалъ и обратился къ намъ съ вопросомъ: «можетъ быть вы считаете вазу поддѣлкой?» — и не ожидая нашего отвѣта, съ краснорѣчивостью «advocati diaboli», сталъ защищать подлинность своей гидріи, указывая при этомъ конечно и на то, что горлышко было разбито и имъ склеено, и что къ вазѣ крѣпко присталъ известковый налетъ. Когда г. Гохманъ кончилъ, я не скрылъ своего мнѣнія и сказалъ ему, что по моему ни гидрія, ни прежде предложенныя мнѣ однородныя вазы не могутъ считаться античными. Какъ слѣдовало ожидать, Гохманъ не успокоился на этомъ приговорѣ. Самъ уѣзжая, онъ оставилъ гидрію и предложенную мнѣ раньше Гершкомъ Эрлихомъ ойнохоэ, которая хотя яко-бы найдена была Гершкомъ въ Ольвіи, теперь очутилась въ рукахъ Гохмана, у торговца Наделя и просилъ послѣдняго показать эти вазы болѣе компетентнымъ судьямъ, чтобы возстановить его напрасно мною заподозрѣнную честность.

Такъ какъ эти вазы была такимъ образомъ довольно долгое время въ Одессѣ, я имѣлъ полную возможность ихъ тщательно и продолжительно изучить; это изученіе не привело меня къ измѣненію моего приговора, а только къ установленію не лишенной въ данномъ случаѣ интереса мелочи: оказалось именно, что этотъ крѣпко приставшій известковый налетъ приклеенъ посредствомъ синдетика или gummi-arabicum. Какъ опытный дипломатъ г. Гохманъ держался по нѣмецкой пословицѣ: «zwei Eisen im Feuer». Предлагая всѣ эти яко-бы ольвійскія вазы нашему музею, онъ одновременно подготовлялъ г. Суручана къ ихъ покупкѣ, сообщая ему неоднократно письменно, что парутинскіе мужики, при своихъ раскопкахъ, натолкнулись на мѣсто, изъ котораго извлекаютъ цѣлый рядъ «этрусскихъ» вазъ. Но, увы! Гохманъ обманулся въ надеждѣ сбыть эти вазы г. Суручану. Когда послѣдній пріѣхалъ въ Одессу и ихъ осмотрѣлъ, еще не зная ничего о моемъ мнѣніи относительно предлагаемой коллекціи, онъ дошелъ самостоятельно также до результата, что эти вазы не античнаго происхожденія. Тогда г. Гохманъ уже рѣшился ихъ продать въ одиночку: нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ у Л. Ф. Брупа и предложилъ ему вышеописанную ойнохоэ, которая дѣйствительно скорѣе всего можетъ быть принята, какъ продуктъ древняго гончарнаго промысла; но ни у Людвига Филипповича, ни у другихъ, насколько я знаю, его попытки продать эти вазы до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ исторія попытокъ сбыта этихъ вазъ; гораздо важнѣе, чѣмъ эта траги-комедія, вопросъ: что эти вазы, дѣйствительно представляютъ собою?

Всѣ пять вышеописанныхъ сосудовъ и по техническимъ особенностямъ — матовому металлическому блеску, красному тону глины, сильному об-

жигу, и по постоянному повторенію главнаго мотива украшенія — большихъ пальметтъ и женской головы съ своеобразнымъ головнымъ уборомъ, и по стилю исполненія составляютъ одну цѣльную группу. Скорѣе всего можно было бы ихъ отнести, по всей концепціи, къ такъ наз южно-италійскимъ или этрусскимъ вазамъ. Если-бы они дѣйствительно найдены были въ Ольвіи, то можно было-бы установить тотъ любопытный фактъ, что въ греческихъ колоніяхъ черноморскаго побережья, кромѣ ввоза изъ Аоиіи, Іоніи и Малой Азіи, поддерживались прямыя торговыя сношенія и съ городами Италіи, и что и послѣднія снабжали нашихъ колонистовъ гончарной посудой и росписными вазами.

Но какъ до сихъ поръ не было найдено въ Ольвіи вазъ подобнаго стиля, такъ и эти вазы не покоились въ нѣдрахъ ольвійской территоріи. Свидѣтельство Герика Эрлиха, проживающаго въ Нарутинѣ, является въ этомъ отношеніи рѣшающимъ; а онъ въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться, что въ Нарутинѣ о ихъ находкѣ ничего неизвѣстно и что онѣ всѣ «раскопаны» Гохманомъ.

Установленіе этого факта лишаетъ эти вазы въ значительной степени того интереса, который они могли-бы имѣть для насъ. Но можетъ быть возразятъ мнѣ, и дѣйствительно уже возразили, что эти вазы, хотя и привозныя, но все таки древнія. Это предположеніе является, сознаюсь, маловѣроятнымъ. Во-первыхъ, мнѣ неизвѣстна аналогія изъ продуктовъ древнеиталійской вазной фабрикаціи, которая могла-бы оправдать такое смѣшеніе стилей, какое мы находимъ на предложенной Гохманомъ гидріи[1]), во-вторыхъ, этимъ вазамъ, подозрительнымъ и по техническимъ особенностямъ, приданъ несомнѣнно искусственнымъ образомъ античный видъ; и въ третьихъ, какъ видно изъ вышеназванныхъ цѣнъ, за всѣ пять вазъ продавцы требовали всего 250 рублей. Такъ какъ извѣстно, что они всегда много запрашиваютъ, то я увѣренъ, что можно было-бы эту серію купить за 160 рублей. Я немного знакомъ по коллекціи моего бывшаго товарища, извѣстнаго знатока античной вазной живописи Фридриха Гаузера съ прежними и теперешними цѣнами въ Италіи, и утверждаю, что и лѣтъ 25 тому назадъ пять настоящихъ античныхъ росписныхъ вазъ подобной сохранности за эту цѣну и тамъ купить было нельзя.

Конечно, я на этотъ послѣдній аргументъ не налегаю; открыта всегда возможность, что по какому нибудь случаю античныя вещи, проходившія

---

[1]) Женская голова въ остроконечномъ головномъ уборѣ, правда, встрѣчается часто на южно-италійскихъ вазахъ; срв. напр., Blümner: Das Kunstgewerbe im Altertum. S. 70. Fig. 49; о стилѣ этихъ вазъ срв. стр. 68–69.

черезъ многія руки, продаются ниже ихъ настоящей цѣны; я заговорилъ о цѣнѣ только, чтобы показать, что на итальянскомъ рынкѣ древностей такія настоящія вазы дороже цѣнятся, чѣмъ онѣ оцѣнены нашими продавцами; что это не лишено нѣкотораго значенія, явствуетъ изъ слѣдующаго: извѣстно, что въ Италіи существуютъ фабрики, спеціально изготовляющія вазы въ древнемъ вкусѣ и стилѣ, которыя, какъ мы видѣли, продаются довольно недорого. Онѣ весьма недурно сработаны и можно ихъ имѣть во всѣхъ главныхъ городахъ Европы въ магазинахъ спеціально итальянскихъ издѣлій. Мнѣ два года тому назадъ на итальянской выставкѣ въ Берлинѣ случилось видѣть цѣлый рядъ такихъ подражаній.

Господа Гохманы, которые такъ усердно заботились о распространеніи яко-бы южно-русскихъ древностей по всему міру, хотѣли обогатить спеціально и нашъ музей. Зная, что у насъ средствъ не хватитъ на пріобрѣтеніе тіаръ Сайтафарна и золотыхъ издѣлій въ этомъ родѣ и что мы въ послѣдніе годы обратили большое вниманіе на пополненіе нашей коллекціи мѣстныхъ вазъ, они рѣшились способствовать нашимъ цѣлямъ. Пріобрѣли они нѣсколько продуктовъ современной итальянской вазной фабрикаціи, разбили ихъ и потомъ склеили, прикрѣпили посредствомъ «спидетика» известь и глину и въ такомъ видѣ разсчитывали на выгодный сбытъ этого недорогаго товара. Неудача была для нихъ неожидана и г. Леонъ Гохманъ позволилъ сильно разгнѣваться: «Богъ знаетъ, чего вы хотите, и что вы понимаете: за дрянь, стоющую шесть рублей, вы платите бѣшеныя деньги (онъ имѣлъ въ виду большую вазу изъ Ольвіи весьма рѣдкой формы, пріобрѣтенную за 50 рублей), а если вамъ привозятъ изящную и интересную вещь, то вы ее не покупаете», съ этими уничтожающими меня словами г. Гохманъ окончилъ наши переговоры.

X. Хранитель музея, д. ч. Э. фонъ-Штернъ, представилъ собранію фрагменты серебряной пластинки, давно уже, во время завѣдыванія музеемъ Мурзакевичемъ, поступившей въ коллекцію Общества. Пластинка эта покрыта была толстымъ слоемъ окиси, такъ что изображеніе на ней не поддавалось объясненію. Въ виду того, что окисленное серебро почти непозможно чистить, пластинка не обратила на себя заслуженнаго вниманія. Хранитель музея однако осенью этого года началъ тщательнѣе изучать фрагменты этой пластинки и при попыткѣ ихъ чистить оказалось, что пластинка покрыта тонкимъ слоемъ листоваго золота, отъ котораго при большой осторожности возможно было снять окись, распространившуюся надъ нимъ, какъ-бы изъ гнѣзда, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ тонкій слой былъ поврежденъ и серебро осталось непокрытымъ. По очисткѣ оказалось, что пластинка представляетъ рельефъ, изображающій силеновъ, играющихъ на сирингѣ и сидящихъ верхомъ поперегъ на лошадяхъ. По всей вѣроятности,

эта пластинкабыла «umbiculum» щита. Г. хранитель музея готовитъ болѣе подробное описаніе и публикацію этихъ вновь открытыхъ фрагментовъ, представляющихъ большой интересъ въ стилистическомъ отношеніи, такъ какъ они являются типичными образчиками искусства такъ называемаго «греко-скиѳскаго» періода.

302 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

31-го Января 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. Н. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *М. П. Нетоминъ*, *А. Н. Маркевичъ*, *Х. Н. Ящуржинскій*, *В. Н. Мочульскій*, *А. В. Лонгиновъ*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *С. А. Селивановъ*, *А. Н. Алмазовъ*, *І. Х. Стрильбицкій*, *С. Д. Нападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *Н. А. Линниченко*, *М. Ю. Попруженко* и членъ-сотрудникъ *П. А. Поповъ*.

Слушали:

I. Представленіе Совѣта: просить Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Михайловича, какъ интересующагося археологіей вообще и произведшаго уже важныя раскопки въ имѣніи своемъ Ай-Тодоръ въ Крыму, принять званіе почетнаго члена Общества.

Постановили: просить.

II. Сообщеніе управляющаго дѣлами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михайловича о высылкѣ Обществу одного экземпляра новаго труда Его Императорскаго Высочества: «Монеты царствованій Императрицы Елисаветы I и Императора Петра III», нынѣ полученнаго уже Обществомъ.

Постановили: благодарить Его Императорское Высочество.

III. Отчетъ казначея Общества Э. Р. фонъ-Штерна о приходѣ и расходѣ суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за истекшій 1896 годъ.

Постановили: признавъ правильнымъ, утвердить, а для провѣрки кассы и документовъ въ ревизіонную коммисію избрать дѣйств. членовъ: А. В. Лонгинова и Г. И. Перетятковича.

IV. Смѣту доходовъ и расходовъ на будущій 1897 годъ, составленную казначеемъ, одобренную и представляемую Общему Собранію Совѣтомъ.

Постановили: одобрить и напечатать въ протоколѣ.

V. Отчетъ о состояніи Ѳеодосійскаго музея древностей за истекшій 1896 годъ, представленный хранителемъ названнаго музея О. Ф. Ретовскимъ.

Постановили: отчетъ утвердить.

VI. Постановленіе Совѣта о высылкѣ Харьковской Общественной Библіотекѣ, согласно просьбѣ ея управленія, вышедшихъ томовъ Записокъ, начиная съ IV-го, и высылкѣ и впредь имѣющихъ выйти томовъ.

VII. Постановленіе Совѣта о вступленіи въ обмѣнъ изданіями, начиная съ XIX тома Записокъ Общества, съ Крымскимъ Горнымъ Клубомъ, согласно предложенію этого послѣдняго.

VIII. Отношенія съ выраженіемъ благодарности за XIX томъ Записокъ: отъ г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Императорской Археологической Коммисіи, Церковно Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко, Рязанской Ученой Архивной Коммисіи, Севастопольской морской офицерской библіотеки, Подольскаго Епархіальнаго Историко-Статистическаго Комитета и отъ д. чл. В. К. Трутовскаго.

IX. Письма отъ тайн. совѣтн. Дмитрія Ѳомича *Кобеко* и отъ Аккерманскаго нотаріуса Владиміра Исааковича *Штулькерца* съ благодарностью за избраніе: перваго — въ дѣйствительные члены, втораго—въ члены-сотрудники.

X. Представленіе Совѣта: избрать новаго библіотекаря на мѣсто выбывшаго за назначеніемъ бывшаго библіотекаря А. В. Никитскаго профессоромъ въ Императорскій Юрьевскій Университетъ.

По баллотировкѣ, большинствомъ голосовъ, избранъ дѣйств. чл. проф. А. И Алмазовъ.

XI. Постановленіе предыдущаго Общаго Собранія: произвести въ этомъ засѣданіи баллотировку въ члены-сотрудники законоучителя Александровской мужской гимназіи въ городѣ Николаевѣ священника отца Петра Еланскаго.

Избранъ большинствомъ голосовъ.

XII. Постановленіе Совѣта по поводу представленныхъ одесскимъ купцомъ Василіемъ Петровичемъ Бѣловымъ описи, плана мѣстности и объяснительныхъ записей, выдавленныхъ на мѣдныхъ доскахъ, изъ коихъ явствуетъ, что на Хаджибейскомъ лиманѣ, на участкахъ земли, принадлежащихъ гг. Бѣлову и Семенютѣ, имѣются клады, зарытые запорожскими казаками, согласно просьбѣ г. Бѣлова, буде послѣдній приступитъ къ раскопкамъ на означенномъ мѣстѣ, просить кого-либо изъ членовъ Общества присутствовать при этихъ раскопкахъ.

Постановили: согласиться съ мнѣніемъ Совѣта и просить д. ч. проф. А. А. Кочубинскаго присутствовать при раскопкахъ, которыя должны быть производимы не ранѣе мая мѣсяца.

XIII. Секретарь предъявилъ присланныя Обществу книги: *Иверсенъ*, Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ. Т. 3-й. Спб. 1896 — отъ автора; Труды Московскаго Предварительнаго Комитета X-го Археологическаго Съѣзда въ г. Ригѣ. Вып. II-й. Москва 1896; Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. V Москва 1896; Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXIII, кн. 12; Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета 1896 г. № 4; Записки Научнаго Товарищества имени Шевченка, V годъ, т. XI и XII; Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. 9; Варшавскія Университетскія Извѣстія 1896—VII; Bulletino di Archeologia e storia Dalmata, anno XIX; Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. т. XIII, вып. 6; Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, томъ V, № 5. Спб. 1896, декабрь, и томъ VI, № 1, 1897, январь; Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, октябрь 1896; Отчетъ о дѣятельности Севастопольской морской офицерской библіотеки за 1895 г.; Циркуляръ по Одесскому Учебному Округу 1896 г., №№ 11 и 12; Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, томъ XXXII, 1896, вып. IV; Kwartalnik historyczny. Rocznik XI, zeszyt I, 1897. We Lwowie.

Въ даръ отъ поч. члена *А. Л. Бертье-Делагарда:* Mithridate Eupator roi de Pont par *Théodore Reinach.* Paris 1890.

Въ даръ отъ дѣйств. члена *Л. Л. Дена:* Thesaurus nummorum Sveo-Gothicorum vetustus studio indefesso Eliae Brenneri L. annorum studio collectus, secundum seriem temporum dispositus et e tenebris in lucem protractus. Holmiae. Anno 1731.

Отъ дѣйств. члена отца І. Х Стрѣльбицкаго его труды: Пятидесятилѣтіе возсоединенія Бѣлорусскихъ уніятовъ (1839—1889), Вильна 1889; Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, Одесса, 1892; Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Одесса, 1891; Св. Модестъ преосв. Іерусалимскій (Сказаніе пролога, дополненное по греческимъ источникамъ), Одесса, 1892; Краткій очеркъ штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію, Одесса, 1896; Обличеніе раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства, Одесса, 1896.

XIV. Докладъ д. чл. проф. *А. И. Маркевича:* «Борьба запорожскаго кошевого И. И. Калнышевскаго съ гайдамаками», на основаніи ордера, который г. Маркевичъ въ подлинникѣ подарилъ музею Общества.

«Какъ извѣстно, гайдамаки, нерѣдко опустошавшіе въ XVIII в. южныя русскія области Рѣчи Посполитой, въ большинствѣ случаевъ формировали свои отряды при благосклонномъ участіи войска запорожскаго, особенно наиболѣе демократическихъ его элементовъ, и выходили изъ степей, при-

надлежавшихъ Запорожью; въ эти-же стѣны зачастую спасались они въ случаѣ преслѣдованія со стороны польскихъ войскъ и Запорожье, конечно, ихъ не выдавало. Однако съ теченіемъ времени Запорожье, или по крайней мѣрѣ господствовавшая въ немъ своего рода аристократическая партія, стали смотрѣть на гайдамаковъ, какъ на весьма вредный анти-государственный элементъ, опасный еще и въ томъ отношеніи, что онъ могъ по старымъ традиціямъ навлекать подозрѣніе русскаго правительства на самую Сѣчь, какъ на источникъ подобнаго гайдамачества. Въ силу этихъ соображеній запорожская старшина, особенно при долголѣтнемъ правленіи Калнышевскаго, не только не покровительствовала гайдамакамъ, но даже вела съ ними безпрерывную борьбу, которая, между прочимъ, изображена въ извѣстномъ сочиненіи А. А. Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи». Сообщаемый ордеръ относится именно къ такой борьбѣ. Появленіе же его вызвано слѣдующими обстоятельствами:

Въ 1768 г. вспыхнула въ южной части Кіевщины знаменитая коліивщина, въ которой энергичное участіе приняли запорожскіе козаки съ Заливанкомъ во главѣ. При слабости въ то время Рѣчи Посполитой, гдѣ шла борьба правительства съ барскими конфедератами, роль защитника польскаго панства отъ гайдамаковъ приняло на себя, къ сожалѣнію, русское правительство, войсками котораго гайдамачина и была прекращена. Во время ея подавленія нашимъ администраторамъ важно было лишить гайдамаковъ помощи Запорожья или даже заставить его принять участіе въ ихъ истребленіи. Въ такомъ духѣ и написаны были сперва къ кошевому Калнышевскому предостереженія отъ кіевскаго генер.-губернатора Воейкова отъ 24 іюня и отъ малороссійскаго генер.-губернатора гр. Румянцева отъ 2 іюля, а затѣмъ и грозная грамота войску самой Императрицы отъ 12 іюля (Скальковскій op. cit. ч. II, стр. 341—349). Испуганный кошъ, еще раньше полученія этой грамоты, принялъ мѣры для истребленія гайдамакъ и, въ томъ числѣ, отправилъ къ р. Бугу отрядъ подъ начальствомъ войсковаго эсаула Сидора Бѣлаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ кошъ распорядился, чтобы старшины бугогардовской паланки, т. е. именно прилегавшей къ р. Бугу, содѣйствовали Бѣлому въ его поискахъ за гайдамаками; объ этомъ именно и говорится въ ордерѣ, отправленномъ изъ коша 27 іюля 1768 года. Впрочемъ, раньше, чѣмъ этотъ отрядъ явился къ польской границѣ, главныя силы гайдамакъ уже были истреблены русскими войсками, и выразилось-ли далѣе въ чемъ участіе войскъ запорожскихъ, не знаю; вѣроятно, кое-какихъ отдѣльныхъ гайдамакъ они все таки переловили.

Сообщаемый ордеръ любопытенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ собственноручно подписанъ запорожскимъ кошевымъ Петромъ Калнышевскимъ. Я имѣю и еще одинъ документъ за его подписью; между тѣмъ А. А. Скальковскій говоритъ (ibid., стр. 266), что Калнышевскій не зналъ грамоты, хотя и считаетъ его довольно образованнымъ.

Ордеръ сохранился вполнѣ, не исключая и печати войска запорожскаго, совершенно сходной съ тою, которая находится на заглавномъ листѣ въ I части сочиненія А. А. Скальковскаго.

ОРДЕРЪ

Ізъ коша войска Запорожского нызового панамъ курѣннымъ атаманамъ ввѣдомствѣ Бугоgардовомъ нинѣ находящымся.

№ 2717 за . . . . (неразобрано)

Вкошѣ полученно ізвѣстие, что в урочищѣ Романковомъ до ста и болѣе человѣкъ и въ другихъ тамошних скритихъ мѣстах до не мала конно и пѣшо собралось и намѣреваются ітить вполшу к възбунтовавшимся на грабителства: а какъ от високих командъ скиева и глухова многие с(т)рогіи повелѣніи о всеконечномъ іскоренении таковых гайдамакъ еже часто и кошъ насилаются ізонимы куріеръ за куріеромъ прибѣгаютъ стѣмъ что ежелы іскорененны не будутъ убѣгающие сполщы не переловлятся іздѣшние подчиненные будутъ иты вполшу на грабытелство а невздержатся неминуемо безштрафа і истязания какъ старшини такъ и курѣнние атаманы не останутся; того рады к крайному таковых всѣхъ іскоренению и истреблению вномощь квамъ отправленъ господинь войсковой асаулъ Сидоръ Бѣлий а вамъ предлагается чрезъ сие буди таковие собырающиесь илы уже собравшиесь на зло компанѣй увѣдаете или вамъ господинъ войсковый асаулъ дастъ знать собравсь вамъ доволнимъ числомъ скомандамы к тѣмъ мѣстам где пристановища воровские есть подойти і онимъ обявить чтобъ оны доброволно од своих злихъ намѣреній впрежние ихъ мѣста возвратились. Ежелижъ словеснаго уговора не послушаютъ то какъ возможно старатся переловит всѣхъ а вслучаи прітомъ сопротивленія сонимы поступать какъ с разбойниками і неприятелмы ибо селы сии худосты вскорѣ не прекратятся то до того доидетъ, что и здѣсь прису(т)ствующие такъ и курѣнные атаманы подвержены будутъ не малому істязанию и отвѣту.

Атаманъ кошевой Петръ Калнышевскій с товарыствомъ.

1768 году
Іюля 27 дня.

На оборотѣ второго полулиста:

Изъ Коша войска запорожского низового панамъ курѣннимъ атаманамъ в вѣдомствѣ бугоgардовском нинѣ находящимся.

№ 2717.

Печать
войска
запорожского

Постановили: благодарить А. И. Маркевича, а ордеръ передать въ музей.

XV. Докладъ члена сотрудника *П. А. Иванова:* «Новый матеріалъ по исторіи Запорожья въ XVIII вѣкѣ».

«Занимаясь лѣтомъ 1892 г. въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго Штаба, я имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, какой богатый матеріалъ по исторіи Новороссійскаго края прошлаго вѣка хранится здѣсь. Между многими интересными дѣлами тутъ, напр., сохраняются бумаги, найденныя при уничтоженіи Сѣчи Запорожской ген.-пор. Текелли въ сундукѣ подъ престоломъ сѣченой церкви.

Бумаги эти, несомнѣнно, представляютъ собою часть того довольно обширнаго сѣчеваго архива, изъ котораго черпалъ свои драгоцѣнныя свѣдѣнія авторъ «Исторіи Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго» — г. Скальковскій.

Эти документы составляютъ небольшую связку (опись 194, св. № 181), въ которой находятся: 1) грамоты императрицъ — Анны Іоанновны (6 подлинныхъ и 1 копія), Елизаветы Петровны (46 подл. и 2 копіи), Екатерины II (1); 2) копія универсала гетм. Богдана Хмельницкаго отъ 15 янв. 1655 г.; 3) «выписка з листа з договору вѣчного мира Россійского с Поляками 1686 г. третего пункта в Бѣлоцерковки»; 4) Высочайшій указъ 14 іюня 1688 г. на имя кошевого атамана Григорія Сагайдачнаго о построеніи города на р. Самарѣ и о движеніяхъ запорожцевъ на промыселъ противъ крымцевъ; 5) записка, составленная по распоряженію кошевого атамана Ивана Малашевича подъ заглавіемъ: «Въ память потомную сие вѣдомо да будетъ, много числомъ лѣтъ войско запорожское низовое под крымъскою протекціею мешкало, и в колькихъ мѣстцехъ кошемъ своимъ, чыто сѣчью сыдѣніе мѣло, року 1734 мая 29 записуется»; 6) подлинный универсалъ запорожскому войску гетмана гр Разумовскаго 9 ноября 1750 г.; 7) Черновыя бумаги по перепискѣ Коша съ Прав Сенатомъ, съ коллегіею иностранныхъ дѣлъ, съ гр. Разумовскимъ и разными учрежденіями за 1755—1759 г.

Просмотрѣвъ эти документы, большая часть которыхъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не напечатана, нѣкоторые изъ нихъ я переписалъ цѣликомъ, а изъ нѣкоторыхъ сдѣлалъ выписки, и теперь всѣ эти извлеченные мною матеріалы позволю себѣ представить благосклонному Вашему вниманію, милостивые государи».

Постановили: передать въ издательскую коммисію.

XVI. Заявленіе вице-президента о смерти д. чл. отца протоіерея П. Г. Лебединцева.

Постановили: почтить вставаньемъ.

СМѢТА

прихода и расхода денежныхъ суммъ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1897 г.

ПРИХОДЪ	Въ 1897 году		Дѣйствительно поступило въ 1896 году	
	Рубли	Коп	Рубли	Коп.
1. Остатокъ къ 1 Января 1897 года:				
На рукахъ у Казначея	10	18	6	29
По текущему счету Одесскаго Общества Взаимнаго Кредита, книжка 3824	250	—	254	98
2. % по текущему счету Одесскаго Общ. Взаимн. Кредита за 1896 годъ	24	68	16	84
% на капиталъ Общества (5100 р.) . . .	193	80	193	80
3. Высочайше дарованнаго въ ежегодное пособіе Обществу	2500	—	2500	—
4. За дипломы отъ дѣйствительныхъ членовъ . .	40	—	40	—
5 Ежегоднаго членскаго взноса отъ дѣйствительныхъ членовъ	200	—	265 (въ 1895: 130 р.)	—
6. Отъ продажи изданныхъ Обществомъ Записокъ, дубликатовъ изъ библіотеки и т. д.	90	—	137	88
7. Отъ продажи издаваемыхъ въ этомъ году «терракотъ Одесскаго Музея»	100	—	—	—
8. Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за пользованіе пристанью въ Судакѣ . . .	150	—	150	—
9. Случайныхъ доходовъ: % съ капитала преміи А. Л. Бертье-Делагарда	57	—	57	—
	3615	66	—	—

РАСХОДЪ	Въ 1897 году		Дѣйствительно израсходовано въ 1896 году	
	Рубли	Коп.	Рубли	Коп.
1. На выписку русскихъ и иностранныхъ журналовъ и книгъ	100	—	115	—
2. Жалованье служащимъ	840	—	824	35
Пособія имъ и наградныя	120	—	119	02
3. а) Печатаніе протоколовъ и XX тома Записокъ.	750	—	856	50
б) Печатаніе отчета и дипломовъ	100	—	107	50
в) Печатаніе текста къ изданію «Терракотъ» .	200	—	—	—
4. На выдачу субсидіи Мелекъ-Чесменскому музею	100	—	100	—
5. На переплетъ книгъ, картъ и рукописей . .	100	—	24	15
6. Расходы на уплату столярныхъ и другихъ работъ по устройству музея и библіотеки . . .	200	—	309	46
7. Уплата почтовыхъ, канцелярскихъ и хозяйственныхъ расходовъ	70	—	67	26
8. Отопленіе музея, ремонтъ и т. п.	200	—	110	40
9. Пріобрѣтеніе предметовъ древности, экстренные расходы, фотографическіе предметы, командировку членовъ съ археологической цѣлью . .	750	—	778	35
	3530	—	—	—

Казначей *Э. Фонъ-Штеринъ.*

303 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

27-го Февраля 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. А. Кочубинскій*, *М. П. Истоминъ*, *Г. Р. Шмидтъ*, *В. П. Пироговъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *А. П. Маркевичъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *С. Д. Пападимитріу*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *П. А. Линниченко*, *Г. П. Перетятковичъ*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *С. А. Селивановъ* и гость *М. П. Мандесъ*.

Обсуждали:

I. а) Отношеніе директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, какъ члена Предварительнаго Комитета по устройству Международнаго Археологическаго Съѣзда, имѣющаго быть въ Аѳинахъ 26 (14) апрѣля сего года, по поводу исполненія 50-лѣтія существованія Французской Археологической Школы (Ecole Française), съ приглашеніемъ послать на съѣздъ представителя Общества и б) представленіе Совѣта привѣтствовать Французскую Школу въ день ея 50-ти-лѣтняго юбилея адрессомъ, а представителями Общества на съѣздѣ просить быть гг. дѣйствительныхъ членовъ Ѳ. И. Успенскаго, директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, и секретаря Общества А. А. Павловскаго.

Постановили: просить принять на себя обязанности депутатовъ секретаря Общества, д. чл. А. А. Павловскаго и д. чл. Ѳ. И. Успенскаго.

II. Отчетъ о состояніи Мелекъ-Чесменскаго музея за 1896 годъ, представленный хранителемъ названнаго музея, д. чл. *В. В. Шкорпиломъ*.

Постановили: утвердить и напечатать въ общемъ отчетѣ.

III. Представляемый Совѣтомъ отчетъ о дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1896 годъ.

Постановили: утвердить и напечатать.

IV. Представленія Совѣта о высылкѣ IV—XIX тома Записокъ Общества, а равно о своевременной высылкѣ имѣющихъ впредь выйти томовъ а) въ отдѣленіе среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія Императорскаго Эрмитажа, и b) въ С.-Петербургскій Артиллерійскій Музей.

Постановили: исполнить.

V. Письма привать-доц. Императорскаго Казанскаго Университета *Д. В. Айналова*, прив.-доц. Императорскаго Харьковскаго Университета *Е. К. Рѣдина* и отъ священника отца *Петра И. Елпискаго* — съ благодарностью за избраніе: первыхъ двухъ—въ дѣйствительные члены, третьяго—въ члены-сотрудники.

VI. Отношенія г. Попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, директора Императорской Публичной Библіотеки, Ректора Императорскаго Казанскаго Университета, Бюро американской этнологіи и Смитсоніановскаго Института, Уральскаго Общества любителей естествознанія въ г. Екатеринбургѣ съ благодарностью за присылку XIX тома Записокъ Общества.

VII. Письма отъ поч. члена *И. Е. Забѣлина* и дѣйств. члена *И. И. Короленко* съ благодарностью за присылку XIX тома Записокъ.

VIII. Отношеніе Ферганскаго областнаго Публичнаго Музея съ благодарностью за присылку IV—XVIII томовъ Записокъ Общества.

IX. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Предметный указатель руководственныхъ постановленій и распоряженій, объявленныхъ въ «Циркулярѣ по Одесскому учебному округу» за 1896 годъ. «Циркуляръ по Одесскому учебному округу» 1897 годъ, № 1; Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, т. XIV, вып. 1; Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1895 и 1999 гг. съ приложеніями, прибавленіемъ денежнаго отчета и бюджета. Спб. 1896 г.; Изданія Общества: Ѳедора Грибоѣдова, Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли русской. По списку С.-Петербургской Духовной Академіи. Сообщеніе *С. Ѳ. Платонова* и *В. В. Майкова*. Спб. 1896 г.; Рѣчь тонкословія греческаго. Русско-греческіе разговоры XV—XVI вѣка. Сообщ. *Ник. Никольскаго*. Спб. 1896 г.; Древне-русскія сказанія о птицахъ. Сообщ. *Хр. Лопарева*. Спб. 1896 г.; Матеріалы для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ. Объ исправленіи устава церковнаго въ 1682 году и мѣсячныхъ миней въ 1689—1691 годахъ. Сообщ. протоіерея *Конст. Никольскаго*. Спб. 1896 г.; Сунодикъ Двинскаго Михайло-Архангельскаго монастыря. Сообщ. *Никанора, еписк. Смоленскаго*. Спб. 1896 г.; Терновскій календарь 1275 года по списку Франца Миклошича. Матеріалы для греко славянской агіологіи. Сообщеніе *И. И. Тихонова*. Спб. 1896 г.; Дневникъ поручика Васильева съ предисловіемъ *Е. Щепкиной*. Спб. 1896 г.;

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, г. LXIV (1897), кн. 1; Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1896—IX. Варшава 1896 г.; Императорскій Россійскій историческій музей имени Императора Александра III-го. Описаніе памятниковъ, вып. I Русскія монеты до 1547 г. Описаніе составилъ хранитель музея *А. Ортынскій*. Москва 1896 г.; Записки Крымскаго горнаго клуба 1896 г., 11—12 кн. Одесса 1897 г.; Матеріалы по археологіи восточныхъ губерній Россіи, собранные и изданные Императорскимъ Московскимъ Археолог. Обществомъ. Вып. II. Москва 1896 г.; The numismatic chronicle and journal of the numismatic society. 1896, part. IV; Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1895 г. Москва 1896 г.; Отчетъ коммиссіи по административно-хозяйственному управленію Ростовскимъ кремлемъ за 1894—1895 годы. Ярославль 1896 г. При немъ 3 фотографіи съ іерарнаго дома въ Ростовскомъ кремлѣ; Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Knjiga CXXVII, CXXIX, Razredi filologijsko-historijski i filosofijsko-juridički, XLV, XLVI; Starine. Knjiga XXVIII; Книга бытія мое го. Дневники и автобіографическія записки епископа *Порфирія Успенскаго*. Ч. IV, съ 18 марта 1850—3 апрѣля 1853 г. Спб. 1896; Этнографическое обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 1897 г., № 1; Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. VI (1897), № 2; Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Рѣчь, читанная академикомъ Л. Н. Майковымъ въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 11 января 1897 г. Спб. 1897; Bulletino di Archeologia e storia Dalmata. Anno XIX (1897), № 1; Императорскій С.-Петербургскій Университетъ. Каталогъ библіотеки музея древностей. Спб. 1896.

Отъ д. чл. *В. В. Латышева* — Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Т. I. Греческіе писатели, вып. 2. Спб. 1896 г.

Отъ д. чл. *П. И. Короленко*—Матеріалы по исторіи Войска Запорожскаго, извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива. Харьковъ 1896 г.

Отъ д. чл. *Е. К. Рѣдина:* Мозаики Равенскихъ церквей. Спб. 1896 г.; Сирійскія рукописи съ миніатюрами Парижской Національной Библіотеки и Британскаго музея. Москва 1896 г.; Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Спб. 1896 г.; Мозаики IV и V вѣковъ *Д. В. Айналова*. Спб. 1895 г.; Миніатюры апокрифическаго арабскаго евангелія дѣтства Христа Лавренціанской библіотеки во Флоренціи. Спб. 1894 г.; Аполлонъ Михайловичъ Матушинскій. Къ исторіи Харьковскаго Университета. Харьковъ 1894 г.; Пластинка отъ кресла епископа Максимиліана въ Равеннѣ изъ собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ. Спб. 1893 г.; Триклиній бази-

лики Урса къ Равеннѣ. Спб. 1896 г.: Диптихъ Эчміадзинской библіотеки. Спб. 1896 г.: Замѣтки по христіанской археологіи.

Отъ д. чл. *П. А. Шлякова* — Памятники древней письменности: Ростовскіе колокола и звоны. свящ. *Аристарха Изранлева*. Спб. 1884 г.

Постановили: передать всѣ книги въ библіотеку.

Куплены: 1) Pittura di vasi fittili esibite dal cav. Francesco *Inghirami* per servire di studio alla mitologia ed alla storia degli antichi popoli. IV tomi. Poligrafia Fiesolana. 1833—37. 2) Antiquities of Kertch and Researches in the Cimmerian Bosphorus, with remarks on the ethnological and physical history of the Crimea by Duncan Mc Pherson M. D. London 1857.

X. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества: Пособіе государственное за 1-ю треть 833 р. 33 к., отъ д. чл. свящ. отца Стрѣльбицкаго: за дипломъ 10 р., членскій взносъ за 1897 г. 5 р., отъ члена-сотрудника свящ. отца Еланскаго за дипломъ 10 р., отъ д. чл. Щелкова членскій взносъ за 1897 г. 5 р., отъ П. К. Суручана членскій взносъ за 1897 г. 5 р.

XI. Хранитель музея предъявилъ пріобрѣтенныя для музея и присланные въ даръ предметы:

Отъ почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда:

а) Вещи:

Два стеклянныхъ сосуда изъ Керчи.
Двѣ терракоттовыхъ таблички съ изображеніями.

б) Монеты.

Æ Аѳины, тетрадрахма.
— id. id. иначе.
— Сиракузы, тетрадрахма.
— Аполлонія, дидрахма.
— Эгина, id.
Æ Ольвія. Зевсъ и Орелъ.
— Томи. Зевсъ и конь.
— id. id. иначе.
— id. Аполлонъ и треножникъ.
— id. id. и звѣзды.
— id. Гордіанъ и Кивелла.
— Каллатіи, Паллада и палица.
— Визія, Адріанъ и Асклепій.
— Одиссъ. Элагабалъ и Деметра.
— Котисъ IV и Трофей.
— Риметалкъ III и Калигула (очень рѣдкая).

Æ Мессемврія, тетрадрахма Александра.
— Византія, быкъ и трезубецъ.
— Амисъ, Нимфа и сова.
Æ Синопъ, Арей и мечъ.
— Гераклея, Гераклъ и столъ.
— Никомедія, Юл. Домна и Деметра.
— Никея, Галлиенъ и Кивелла.
— Клавдіополь, Домиціанъ и палица (рѣдкая)
— Трапезунтъ, Отакилла и Мэнъ (неиздана).
— id. Каракалла и Тихе (неиздана).
— Пруса, Максилитъ и Тихе.
— id. Филиппъ младш. и всадникъ.
— Абонотихъ, Троянъ и Діонисъ (неиздана).
— Кій и Адріаны, М. Аврелій и Гигея (неиздана).
— id. Адріанъ и Деметра (неиздана).
— Кій, Орбіана и Тихе (неиздана).
— — Каракалла и Гадесъ.
AV Двухрублевикъ Екатерины I.
— Червонецъ Петра II.
— id. Елисаветы.

Золотыхъ 3, серебряныхъ 8, мѣдныхъ 25; всего 36. Всѣ такія, которыхъ не было въ нашемъ собраніи.

Отъ Императорской Археологической Коммисіи — серебряный слитокъ (рубль), найденный въ Казанской губерніи.

Пріобрѣтено: 1) серія вещей, найденная въ керченской могилѣ въ 1896 году; 2) серебряная табакерка съ медальономъ Великаго Князя Павла и Великой Княгини Маріи Θеодоровны по поводу ихъ бракосочетанія 26 сентября 1776 года; 3) черполаковая ойнохоэ съ краснофигурнымъ изображеніемъ изъ Ольвіи; 4) оксибофонъ черполаковый съ изображеніемъ: на одной сторонѣ — женская голова и грифонъ, на другой — двѣ фигуры въ мантіяхъ; 5) стекляный стаканчикъ, красноглиняная ойнохоэ (terra sigillata) съ тиснутымъ узоромъ; 6) такое-же красноглиняное блюдце; 7) глиняная лампочка съ красивымъ узоромъ, — всѣ вещи изъ Ольвіи.

XII. Докладъ д. чл. *Э. Р. фонъ-Штерна*: «О золотыхъ вещахъ, найденныхъ въ Керчи весною 1896 года».

Постановили: передать въ издательскую коммисію.

XIII. Докладъ д. чл. *А. В. Лонгинова*: «О жалованной грамотѣ Императрицы Екатерины II подполковнику Княжества Молдавскаго Ясскаго Агѣ Филодору и письмо Императора Александра I-го Голенищеву-Кутузову.

Постановили: передать въ издательскую коммисію.

XIV. Докладъ д. чл. *Г. В. Шкорпила*: «О древностяхъ, найденныхъ въ Болгаріи».

I.

У дороги, ведущей изъ города Карнабата въ древнюю столицу болгарскихъ царей Преславъ, у сѣверной подошвы Балканъ находится деревня Вербица; деревня эта расположена въ долинѣ рѣчки Герилы, притока р. Бешюкъ-Камчика. По долинѣ разбросано множество кургановъ, число которыхъ доходитъ до двадцати. Въ одномъ изъ кургановъ еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ открыта каменная гробница; въ ней найдены: человѣческій остовъ, стеклянный сосудъ съ узкимъ горлышкомъ и шесть желѣзныхъ гвоздей. Болѣе интересное открытіе сдѣлано десять лѣтъ тому назадъ въ курганѣ, находящемся возлѣ самой деревни: открыта гробница длиною въ 2,50 м. при ширинѣ 1,80 м. Гробница расположена отъ сѣвера къ югу и раздѣлена на два отдѣленія. Въ южномъ найдена большая амфора изъ простой глины (выш. 1 метръ), наполненная землею и золой, въ сѣверномъ же слѣдующіе предметы:

1) мѣдный сосудъ выш. 0,195 м. съ ручкой, которая на обоихъ концахъ украшена рельефными головками (табл. I, рис. 1); на рисункѣ видна только одна голова бородатаго мужчины, которой заканчивается нижняя часть ручки;

Табл. I, рис. 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

2) серебряный кувшинъ выш. 0,18 м. (табл. I, рис. 2);

3) серебряная чаша выш. 0,085 м. съ остатками позолоты (табл. I, рис. 3);

4) тонкія серебряныя, позолоченныя блинки съ головами Медузы и парящаго Эрота (табл. I, рис. 4 и 6) и бронзовая рельефная голова Сатира (табл. I, рис. 5), внутри залитая свинцомъ.

Кромѣ того найдено множество серебряныхъ бляшекъ, украшенныхъ скапью и финифтью; узоръ отличается большимъ разнообразіемъ и сильно напоминаетъ орнаментъ классическихъ древностей, находимыхъ въ южной Россіи. Нѣкоторыя бляшки оказались мѣдными. Въ одной части бляшекъ сдѣланы по сторонамъ дырки, а въ нѣкоторыхъ сохранились даже маленькіе гвоздики, что̀ указываетъ на то, что эти пластинки или пришивались къ одеждѣ или прикрѣплялись къ ремнямъ, въ качествѣ украшеній.

Далѣе найдено:

5) бронзовое, немного попорченное ситечко, ручки котораго оканчиваются лебедиными головками; длина ситечка съ ручками 0,20 м., безъ ручекъ 0,10 м. (табл. II, рис. 1);

Табл. II, рис. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

6) бронзовая ручка какого-то сосуда или ложки, имѣющая форму бараньей головы (табл. II, рис 5);

7) стеклянная синяя буса съ бѣлыми точками (табл. II, рис. 2); выш. бусы 0,023 м.;

8) костяная ручка какого-то орудія, можетъ быть, ножа (табл. II, рис. 4); также найдены обломки какого-то другаго костянаго орудія;

9) глиняный плоскій сосудъ, подобный тѣмъ, которые попадаются также въ Керчи (табл. II, рис. 3);

10) два одинаковыхъ глиняныхъ сосуда безъ ручекъ выш. 0,06 м. (табл. II, рис 6);

11) нѣсколько большихъ глиняныхъ предметовъ, можетъ быть, дѣтскихъ игрушекъ: маленькій горшечекъ изъ простой глины (табл. II, рис. 7); небольшое глиняное блюдце; глиняный кружочекъ, имѣющій въ діаметрѣ 0,035 м. при толщинѣ въ 0,013 м.; посреди кружка отверстіе въ 0,01 м.; глиняный кубикъ, сторона котораго равняется 0,02 м.; глиняный конусообразный предметъ, вышина котораго — 0,025 м.; по поверхности конуса проведены четыре желобочка;

12) глиняное грузило выш. 0,02 м.;

13) двѣ морскія раковины (Cyrtaea) съ отверстіями: служили, вѣроятно, украшеніями, какъ видно изъ Керченскихъ находокъ, гдѣ эти ракушки находятся обыкновенно возлѣ шеи остова среди другихъ подвѣсокъ и бусъ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ найдены куски сильно заржавленнаго желѣза, нѣсколько мѣдныхъ сосудовъ въ обломкахъ: одинъ сосудъ имѣлъ форму блюда, и дно его было украшено большой розеткой; далѣе найдено нѣсколько ручекъ сосудовъ, имѣвшихъ форму небольшихъ котловъ: одна ручка имѣетъ въ длину 0,08 м., въ шир. 0.05; тутъ же было дно какого-то бронзоваго сосуда съ діаметромъ въ 0,12 м. и круглое дно (діам. 0,065 м.) съ четырьмя отверстіями.

II.

Возлѣ древней дороги, соединяющей Филиппополь съ Родопой и Македоніей, лежитъ небольшая, табачными плантаціями окруженная, деревушка Пастуша (см. Const. Jireček, Cesty po Bulharsku. Praha 1888, p. 312 и его-же, Das Fürstenthum Bulgarien. Prag 1891, p. 445). Отъ Пастуши древняя дорога направлялась черезъ Ясыкуру, Фотенъ и Довленъ къ Гьозъ-Тепе (выс. 1646 м.), гдѣ, по всей вѣроятности, находился извѣстный въ древности храмъ Діониса, охраняемый оракійскимъ племенемъ Бессовъ. Недалеко отъ Пастуши возвышаются два огромныхъ кургана, изъ коихъ одинъ извѣстенъ подъ именемъ «Банова могила», а другой—подъ именемъ «Дукова могила». Возлѣ первой изъ нихъ, высота которой болѣе 20 метровъ, тридцать лѣтъ тому назадъ случайно наткнулись на чрезвычайно интересную археологическую находку. Распахивая у сѣвернаго подножія кургана поле, какой-то поселянинъ плугомъ задѣлъ желѣзные обручи колесъ. Когда затѣмъ начали раскапывать это мѣсто, нашли шестнадцать ямъ, отстоящихъ другъ отъ друга на разстояніе 4,50 м. и расположенныхъ въ двухъ линіяхъ, идущихъ отъ востока къ западу въ сорока шагахъ отъ кургана. Въ ямахъ найдены колесницы съ остовами муловъ (въ нѣкоторыхъ ямахъ, какъ мнѣ сообщено, находились по два скелета, въ другихъ—по четыре), сильно заржавѣлыя удила, серебряныя украшенія збруи и большое количество бронзовыхъ фигурокъ. Отъ колесницъ уцѣлѣли одни обручи, по которымъ можно было судить, что колесницы были о четырехъ колесахъ; два колеса были меньше, два больше; деревянныя части колесницы совершенно истлѣли. При этихъ раскопкахъ присутствовали тогдашній австрійскій вице-консулъ въ Филиппополѣ, г. Берти, и русскій вице-консулъ, также изъ Филиппополя, г. Найденъ-Геровъ. Г. Берти взялъ себѣ изъ найденныхъ вещей двѣ рельефныя бронзовыя головки муловъ съ гла-

зами, сдѣланными изъ серебра, а г. Геровъ пріобрѣлъ бронзовое изображеніе Пана. Эта фигурка, находящаяся до сихъ поръ у г. Герова, снабжена сзади ручкой (табл. III), а снизу отверстіемъ. Вышина статуэтки

Табл. III.

0,16 м.; нижнее отверстіе имѣетъ 0,04 м. ширины и 0,05 м. длины; круглая ручка, прикрѣпленная къ спинѣ, имѣетъ въ выш. 0,065 м., самое большое разстояніе отъ спины—0,045 м. Въ правой рукѣ Панъ держитъ сиринту, а въ лѣвой—посохъ (*λαγωβόλον, καλαῦροψ*: K. Müller, Handbuch der Archaeologie der Kunst. 2 Aufl. Breslau 1835, p. 578). Тамъ же, какъ мнѣ сообщили, найдено около тридцати другихъ фигурокъ, изображающихъ разныхъ животныхъ, напр. скачущихъ лошадей, поднявшихся на заднія лапы мѣдвѣдей и т. п. Кажется, что всѣ эти фигурки служили украшеніемъ тутъ же найденныхъ колесницъ, потому что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ и у статуэтки Пана, снизу было отверстіе; очевидцы передавали мнѣ, что при рытьѣ ямъ видѣли вверхъ торчащіе куски желѣза, къ которымъ, повидимому, фигурки были прикрѣплены. Присутствовавшіе крестьяне сравнивали эти куски желѣза съ фонарями экипажей.

III.

Къ сѣверо-западу отъ Бешюкъ-Монастыря Каваклійскаго округа, возлѣ Талашманки, открытъ на глубинѣ двухъ метровъ подъ вершиной кургана черный, съ золою перемѣшанный слой земли; въ этой землѣ найденъ глиняный сосудъ, слезница съ сильной призаціей и золотое украшеніе. Эта золотая вещица (табл. IV), имѣющая кѣсъ турецкой лиры, приготовлена

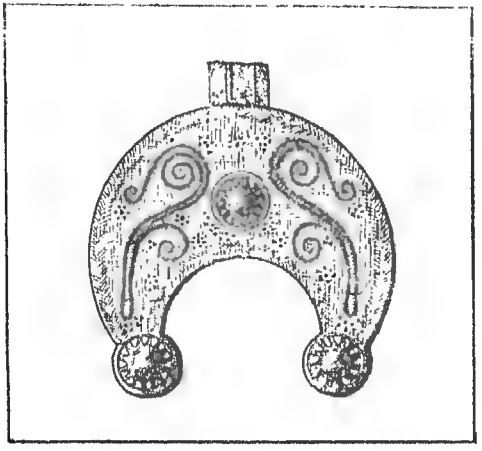


Табл. IV.

изъ золотой, съ большимъ искусствомъ отдѣланной пластинки. Это была, по всей вѣроятности, подвѣска, какъ видно изъ остатковъ серебряной цѣпочки, составленной изъ четырехъ кусковъ тонкой проволоки. Цѣпочка была продѣта черезъ верхнее ушко. Подвѣска украшена тремя камешками красновато-желтаго цвѣта. Это та же самая находка, о которой говоритъ только по наслышкѣ К. Иречекъ въ вышеупомянутомъ чешскомъ сочиненіи (Cesty po Bulharsku, стр. 517).

IV.

Въ гробницѣ у Пятакіой Казалагачскаго округа, на возвышенности Баа-Тепе (Кирезъ-Банръ) найдена интересная урна, наполненная черною землею и золой, и два глиняныхъ сосуда цилиндрической формы съ овечьими костями. Урна имѣетъ 0,25 м вышины; круглый верхъ съ максимальнымъ діаметромъ въ 0,35 м. имѣетъ круглое отверстіе съ поперечникомъ въ 0,15 м. Часть, находящаяся между отверстіемъ и максимальнымъ кругомъ корпуса, украшена тринадцатью рельефными кругами. Внизу урна съуживается; круглое дно имѣетъ поперечникъ въ 0,15 м. Къ верхнему краю прикрѣплены со всѣхъ четырехъ сторонъ ручки, между которыми вырѣзаны

четыре изображенія страннаго животнаго (табл. V). Урна — темной-сѣрой, плохо выжженной глины).

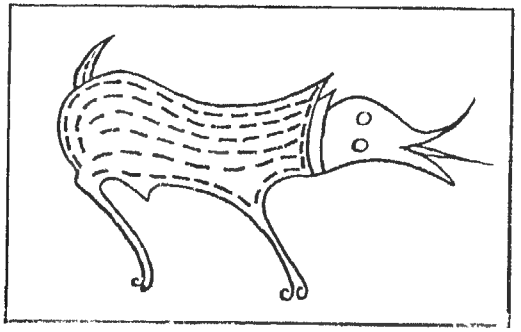


Табл. V.

V.

Возлѣ деревни Бѣлы, у дороги, соединяющей Врацу съ Орханіей, найденъ тридцать лѣтъ тому назадъ человѣческій скелетъ и бронзовые предметы: фибулы четырехъ видовъ, браслеты, спиральныя трубочки и украшенія съ ноженъ меча.

Фибула перваго типа, изображенная на табл. VI, рис. 1, имѣетъ въ длину 0,04 м ; вышина изгиба 0,02 м. Найденъ только одинъ экземпляръ.

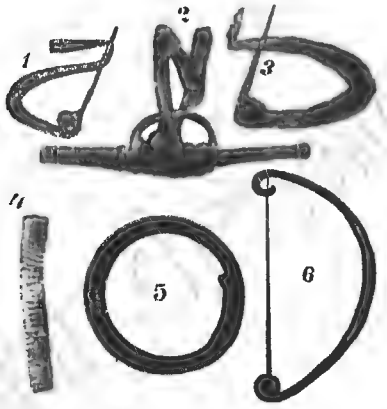


Табл. VI, рис, 1, 2, 3, 4, 5, 6.

Фибула втораго типа (табл. VI, рис. 2) имѣетъ 0,07 м. длины; длина передней части, къ которой прикрѣплено основаніе застежки, — 0,06 м., высота изгиба—0,02 м. Фибула сдѣлана изъ бронзы, но игла и часть пружины — изъ мѣди, внутренняя же ось этой передней части желѣзная! Найденъ только одинъ экземпляръ.

Фибула третьяго типа (табл. VI, рис. 3) имѣетъ въ длину 0,05 м. при ширинѣ изгиба въ 0,03 м.; поверхность изогнутой части украшена орнаментомъ, состоящимъ изъ черточекъ. Найдена только одна фибула такого вида.

Фибулъ четвертаго типа (табл. VI, рис. 6) найдено шесть: длина ихъ 0,10 м., вышина изгиба 0,05 м.

Далѣе найдено девять браслетовъ: одинъ изъ нихъ (табл. VI, рис. 5) представляетъ собою правильный кругъ съ поперечникомъ въ 0,06 м.; оба конца утолщены. Другой браслетъ имѣетъ эллиптическую форму съ діаметромъ 0,07 м. и 0,08 м.; концы не заходятъ другъ за друга, какъ у перваго браслета, но соприкасаются только въ одномъ мѣстѣ.

Спиральныхъ трубочекъ найдено большое количество (всего 8,54 фунта); изображенный на табл. VI, рис. 4 экземпляръ имѣетъ въ длину 0,07 м.

Постановили: напечатать въ протоколѣ.

XV. Совѣтъ Общества представляетъ въ дѣйствительные члены члена-сотрудника *П. А. Иванова.*

Постановили: баллотировать въ будущемъ засѣданіи.

XVI. Представленіе Совѣта по поводу отношеній a) Уральскаго Общества любителей естествознанія и b) Bureau of American ethnology съ просьбой выслать предыдущіе томы—по установленіи какихъ томовъ эти учрежденія не получали—выслать имѣющіеся въ распоряженіи Общества томы.

Постановили: исполнить согласно съ представленіемъ Совѣта.

XVII. Докладъ ревизіонной коммисіи о томъ, что по произведенной провѣркѣ оправдательные документы о денежныхъ суммахъ и веденіе книгъ и отчета найдены въ порядкѣ.

Постановили: отчетъ утвердить, а членовъ ревизіонной коммисіи благодарить.

304 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

26-го Марта 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. И. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, гг. дѣйствительные члены: *А. В. Лонгиновъ*, *Н. О. Красносельцевъ*, *М. И. Истоминъ*, *Х. П. Ящуржинскій*, *В. И. Пироговъ*, *С. В. Петровскій*, *Э. Р. фонъ-Штернъ*, *А. И. Маркевичъ* и *Е. И. Перетятковичъ*.

Обсуждали:

I. Письмо завѣдующаго Аккерманской крѣпостью, члена-сотр. В. И. Штулькерца отъ 15-го марта 1897 года съ предложеніями мѣръ охраненія Аккерманской крѣпости и эксплуатаціи внутреннихъ пространствъ ея:

Мѣстные торговцы обратились ко мнѣ съ просьбой исходатайствовать имъ слѣдующее разрѣшеніе: 1) Аккерманскій купецъ Аронъ Варшавскій проситъ разрѣшить ему въ первомъ дворѣ крѣпости складывать камышъ небольшими партіями и обязывается платить въ годъ по 25 р.; 2) онъ-же обязывается платить 5 р. въ годъ за пристроенную къ внѣшней сторонѣ стѣны крѣпости будку для сторожа (пристройка сдѣлана до перехода Обществу); 3) купецъ Штейнбергъ проситъ разрѣшить ему въ первомъ дворѣ крѣпости, гдѣ въ двухъ мѣстахъ находятся небольшія помѣщенія, имѣющія два аршина ширины и около восьми аршинъ длины (въ валахъ) складывать по десяти боченковъ фотожена или масла, а также придѣлать на свой счетъ къ этимъ помѣщеніямъ двери, исправить развалившіяся стѣны и содержать этотъ матеріалъ подъ замкомъ. Предлагаетъ платить за полъ года 30 руб.; 4) Аккерманскій купецъ Зисъ Литвинъ проситъ оставить ему подъ складъ пороха угловую башню, которую онъ еще три года тому назадъ исправилъ, придѣлавъ къ ней желѣзныя двери и, укрѣпивъ развалившійся сводъ, пользовался ею до сего времени, а теперь предлагаетъ платить по 30 руб. въ годъ по полугодично; 5) воинскій на-

чальникъ и командиръ мѣстнаго баталіона просятъ разрѣшить имъ для молодыхъ солдатъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, производить въ первомъ дворѣ крѣпости прицѣльную стрѣльбу на разстояніи 200 шаговъ въ теченіи 3-хъ—4-хъ дней. Всѣ эти ходатайства представляю на усмотрѣніе Совѣта Общества и о послѣдующемъ прошу сообщить мнѣ.

Съ своей стороны о вышеизложенныхъ ходатайствахъ могу сказать слѣдующее: а) помѣщенія, которыя Аккерманскіе торговцы желаютъ занять—очень невелики, требуютъ исправленія и плата вполнѣ подходящая; б) всѣ они выдадутъ обязательства сдать къ сроку помѣщенія въ исправномъ видѣ, платить впередъ аккуратно наемныя деньги и требуемые мѣстной администраціей порядокъ и способъ безопаснаго храненія и надзора исполнять. Что-же касается до ходатайства гг. воинскаго начальника и баталіоннаго командира, то, въ случаѣ разрѣшенія, обязать ихъ: передъ мишенью устроить валъ изъ камней, разбросанныхъ по двору крѣпости, укрѣпить обвалившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны и закрыть лишніе ходы со стороны лимана».

Совѣтъ полагалъ бы согласиться съ предложеніями завѣдующаго за исключеніемъ 4-го пункта письма, по которому затребовать подробное разъясненіе относительно того, съ чьего разрѣшенія, по какому условію и на какой срокъ былъ устроенъ складъ пороха, сколько въ немъ обыкновенно хранится пороху одновременно и въ какихъ вмѣстилищахъ и какія мѣры предохраненія вообще принимаются. Всѣ условія Совѣтъ предполагалъ бы заключать не болѣе, какъ на 1 годъ.

Постановили: въ виду полученныхъ отъ г. завѣдующаго дополнительныхъ свѣдѣній по 4-му пункту, въ общемъ согласиться съ предложеніемъ Совѣта, складъ же пороху обязать устранить.

II. Докладъ, по порученію Совѣта, члена Совѣта А. В. Лонгинова о мѣрахъ, которыя необходимо принять Обществу для выясненія и обезпеченія межъ участка земли Общества при Судакской крѣпости:

Въ виду полученныхъ Совѣтомъ Общества свѣдѣній о томъ, что межевые знаки, отграничивающіе предоставленную казною въ вѣдѣніе Общества, вмѣстѣ съ Судакскою крѣпостью, землю мѣстами давно уже совершенно изгладились, въ Совѣтѣ возникла мысль о надлежащей повѣркѣ этихъ свѣдѣній. При обозрѣніи мною, по порученію Совѣта, самаго дѣла объ отводѣ земли въ немъ не нашлось подробнаго описанія къ переданному Обществу плану спеціальнаго межеванія уступленнаго Обществу участка земли. По выслушаніи моего доклада Совѣтъ обратился въ Таврическое управленіе государственныхъ имуществъ съ просьбою о высылкѣ относящейся къ тому плану межевой книги, которая нынѣ, благодаря любезному содѣйствію управляющаго государственными имуществами, извлечена изъ архива и доставлена Совѣту. Такимъ образомъ оказывается воз-

можнымъ приступить къ возстановленію уничтоженныхъ межевыхъ знаковъ, послѣ предварительнаго осмотра земли въ натурѣ членами Общества, если оно признаетъ таковой и съ своей стороны цѣлесообразнымъ.

Постановили: просить д. чл. А. В. Лонгинова, А. А. Кочубинскаго, А. И. Маркевича, совмѣстно съ завѣдующимъ крѣпостью, принять на себя провѣрку межъ на мѣстѣ въ теченіи лѣта этого года.

III. Постановленіе предъидущаго общаго собранія произвести въ этомъ засѣданіи баллотировку въ дѣйствительные члены чл.-сотр., прив.-доц. Императорскаго Новороссійскаго Университета Павла Андреевича Иванова.

Избранъ большинствомъ.

IV. Отношенія управляющаго дѣлами Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Георгія Михаиловича съ благодарностью за поднесеніе Отчета Общества за 1895 г. и XIX т. Записокъ.

V. Письма д. чл. И. И. Дмитренко и чл.-сотр. Мст. Вл. Фармаковскаго съ благодарностью за избраніе ихъ въ члены Общества.

VI. Отношеніе завѣдующаго Историческимъ Артиллерійскимъ Музеемъ отъ 3-го марта за № 21-мъ съ благодарностью за присылку въ библіотеку Музея IV—XIX тт. Записокъ Общества и съ увѣдомленіемъ о высылкѣ въ обмѣнъ въ даръ Обществу четырехъ изданій Артиллерійскаго Управленія.

VII. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 18-го марта 1897 г. за № 552 съ увѣдомленіемъ отъ имени директора Французской Школы въ Аѳинахъ о перенесеніи международнаго археологическаго съѣзда на сентябрь мѣсяцъ.

VIII. Письмо почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда съ благодарностью за постановленіе Общества поставить портретъ его въ залѣ засѣданія Общества.

Постановили: позаботиться объ изготовленіи портрета масляными красками.

IX. Докладъ д. чл. С. В. Петровскаго: «Собственныя имена въ легендахъ св. апостола Андрея».

Постановили: передать въ издательскую коммиссію.

X. Докладъ д. чл. В. В. Шкорпила «Нимфея и первый списокъ Нимфейскихъ гражданъ».

Постановили: передать въ издательскую коммиссію.

XI. Хранитель музея предъявилъ: a) принесенную въ даръ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича чрезъ поч. члена Общества А. Л. Бертье-Делагарда монету Томи—голова Гермеса, на оборотѣ Кадуцей; b) принесенный въ даръ музею, чрезъ посредство прив.-доц. Императорскаго Новороссійскаго Университета К. М. Смирнова,

помѣщикомъ *К. И. Даласомъ*, найденный въ его имѣніи Скинены, Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губ., кувшинъ со 122 мѣдными древне-греческими монетами; с) пожертвованную В. В. Шкорпиломъ модель римскаго замка, съ устройствомъ, описаннымъ у J. Marquardt'a: Das Privatleben der Römer, I, 227,— модель сдѣлана въ слесарной школѣ города Крáгова Градеце (Königsgrütz); d) присланную Императорской Археологической Коммиссіею византт. золотую монету Ираклія и его сына Ираклія Константина; е) отъ преподавателя Керченской гимназіи С. А. Красника 2 монеты—одна мѣдная—Антонина, на оборотѣ τριαναν, другая серебряная Антонина (Coten p. 318, № 314) пріобрѣтена въ Тирѣ, монета 156 года.

Куплены завѣдующимъ музеемъ: 1 черполаковая чашка, 2 черполаковыхъ арибалла съ краснофигурными изображеніями, 1 красноглиняная миска и 1 красноглиняный геритъ—всѣ изъ Ольвіи.

Постановили: передать въ музей, жертвователей благодарить.

XII. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, г. LXIV (1897), кн. 2; Извѣстія Императорскаго Варшавскаго Университета, 1897, кн. 1; Труды Рязанской ученой архивной коммиссіи, г. XII (1896); Алфавитъ на именныя книги пехотнаго Азовскаго полку, званія и имянъ съ отечества и съ прозвища нижепоказанныхъ разныхъ чиновъ людей, сколько за кѣмъ положено въ окладъ мужскаго полу душъ, за помѣщики и за разночинцы, съ предисловіемъ *П. П. Милюкова*. Рязань 1897; Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи, г. XI (1879), № 26; Этнографическое обозрѣніе 1897 г. № 2 и 3; Записки Крымскаго горнаго клуба за 1897, № 1 и 2; *Д. П. Струковъ*. Архивъ русской артиллеріи, т. I (1700—1718), Спб. 1889; *И. Е. Бранденбургъ*. 500-лѣтіе русской артиллеріи, Спб. 1899; *И. Е. Бранденбургъ*. Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи. Приказъ артиллеріи (1701—1720); *И. Е. Бранденбургъ*, Каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея, ч. I и III-я, Спб. 1877 и 1889; *Fr. Winter*, Eine attische Lekythos des Berliner Museums. 51-tes Programm zum Winckelmannsfeste. Berlin 1895; *Fr. Pernice*. Griechisches Pferdegeschirr im Antiquarium des königlichen Museums. 58-tes Programm zum Winckelmannsfeste. Berlin 1896; Записки науковаго товариства имени Шевченки, ч. VI, т. I; Bulletino di archeologia e storia Dalmate, ann. XX (1897), № 3; *И. П. Кондаковъ*, Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода, т. I. Спб. 1896; Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета, 1897, № 1; Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя профессорами *П. Р. Армашевскимъ* и *Вл. Б. Антоновичемъ* въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, въ мартѣ 1896 г. Кіевъ 1897.

Постановили: передать въ библіотеку.

XIII. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества членскихъ взносовъ: Г. И. Перетятковича—5 р., А. И. Новикова—5 р., А. А. Дирина—5 р., В. В. Шкорпила—5 р., К. В. Шкорпила—5 р., Г. В. Шкорпила—5 р. и отъ И. И. Дмитренко—5 р.—всѣ за 1897 годъ; отъ И. И. Дмитренко—10 р. за дипломъ; за проданные томы 21 р.,—всего 66 р.

XIV. Отношеніе правленія Харьковской общественной библіотеки отъ 26 февраля 1897 г. за № 3097 съ благодарностью за высылку ей IV—XIX тт. Записокъ Общества.

XV. Отношеніе распорядительнаго комитета X-го съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ съ приглашеніемъ прислать на него представителей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Постановили: просить д. чл. И. А. Линниченко быть депутатомъ Общества.

XVI. Заявленіе вице-президента о смерти д. чл. гофмейстера Аркадія Александровича Талызина въ Москвѣ, аббата Амедео Винья въ Ренуѣ и Симы Любича въ Загребѣ и чл.-сотр. Александра Сергѣевича Князева въ Псковѣ.

Постановили: почтить ихъ память вставаніемъ.

XVII. Докладъ д. чл. А. И. Маркевича объ интересныхъ документахъ, касающихся исторіи Одессы, изъ сборника Дмитренко:

Въ недавно изданномъ Сборникѣ историческихъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго войска (т. I—III, Спб. 1896), гдѣ напечатаны акты, извлеченные И. И. Дмитренко изъ Московскаго отдѣленія арх. главн. штаба и изъ Кубанскаго войсковаго архива, есть нѣсколько относящихся къ исторіи г. Гаджибея—Одессы. Такъ въ I томѣ находится (№ 21) рапортъ генерала Гудовича князю Потемкину о взятіи Гаджибея, написанный 14 сентября 1789 г., т. е. немедленно по совершеніи событія; далѣе (№ 22) рапортъ генералъ де-Рибаса генералу Гудовичу о взятіи Гаджибея, болѣе обстоятельный, но почти современный этому взятію (между 14 и 18 сентября), и, наконецъ, рапортъ же (№ 28) генерала Гудовича князю Потемкину о взятіи Гаджибея, посланный 18 сентября и составленный на основаніи предшествующаго рапорта генерала де-Рибаса. Этими документами уже пользовались историки г. Одессы (Скальковскій, Смольянниновъ), но напечатаны рапорты до сихъ поръ не были. Во II и III т. Сборника есть не мало документовъ, относящихся къ военнымъ операціямъ, предшествовавшимъ взятію Гаджибея, равно и къ его послѣдующей исторіи.

Любопытную новинку представляютъ документы, выясняющіе старанія де-Рибаса привлечь въ Гаджибей нѣкоторыхъ черноморскихъ казаковъ, не переселившихся на Тамань (т. II, №№ 439—441 и т. I, № 38); сохранилась (т. I, № 39) и вѣдомость о числѣ такихъ козаковъ, собранныхъ въ Гаджибей къ 20 августа 1794 г.; причемъ видно, что ихъ было 434 и въ

числѣ ихъ находились полковой есаулъ, старшина и пр. Рапортъ де-Рибаса графу Зубову о гаджибейскихъ козакахъ и вѣдомость имѣютъ дату: Гаджибей 21 августа 1794 года, т. е. писаны де-Рибасомъ наканунѣ того дня, къ которому иные историки относятъ закладку первыхъ Одесскихъ церквей. Де-Рибасъ не упоминаетъ въ рапортѣ графу Зубову о предстоящемъ торжествѣ, но, быть можетъ, потому, что рапортъ его имѣетъ спеціальный характеръ.

Нечего и говорить, что въ Сборникѣ напечатано множество документовъ, касающихся дѣятельности такихъ лицъ, которыя, какъ напр. де-Рибасъ, Суворовъ и др., вписали свои имена въ исторію Одессы, но я укажу лишь на одну группу документовъ, относящихся къ сравнительно малоизвѣстной личности Евтея Кленова, одного изъ первыхъ крупныхъ торговцевъ г. Одессы и бургомистра ея въ то время, когда городскому управленію пришла въ голову благодарная мысль объ отправкѣ Императору Павлу въ подарокъ апельсиновъ. Изъ Сборника видно (т. I, №№ 41—43, 45; т. II, №№ 236 и 237, т. III, №№ 447, 841, 842 и 986; хотя здѣсь опечатка: Евтей Кленовъ, названъ Евгеніемъ Сленовымъ), что Елисаветградскій купецъ Евтей Кленовъ былъ во время турецкой войны, при арміи, занимаясь вытаскиваніемъ пушекъ и якорей изъ Днѣпровскаго и Очаковскаго лимановъ и р. Дуная послѣ бывшихъ здѣсь морскихъ сраженій, причемъ ему приходилось даже въ нихъ участвовать. Лѣтомъ 1791 г., т. е. все еще во время войны, Кленовъ взялъ на откупъ рыбныя ловли въ устьяхъ р. Дуная, вслѣдствіе чего оказался сосѣдомъ запорожцевъ, поселившихся на правомъ берегу Дуная, послѣ разгрома Сѣчи. Многіе изъ нихъ тяготились своимъ пребываніемъ въ Турціи и, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые документы Сборника, когда было учреждено Черноморское войско, они выходили въ Россію и поступали въ него. Кленовъ, по желанію князя Потемкина, его лично знавшаго и къ нему благоволившаго, сталъ переманивать и остальныхъ запорожцевъ, и съ такимъ успѣхомъ, что ихъ до конца 1791 г. поступило въ Черноморское войско 550 человѣкъ; а послѣ того и еще не мало; за это по заключеніи мира ему 21 апрѣля 1793 г. пожалованъ былъ Кошемъ чинъ полковаго старшины при лестномъ аттестатѣ. Въ тоже время Кленовъ продолжалъ вытаскивать пушки и якоря изъ Дуная и покупалъ въ Гаджибеѣ муку, приготовленную для Черноморскаго войска и теперь ему уже не нужную; сверхъ того онъ имѣлъ какія то дѣла въ Херсонѣ, или, кажется, тогда жилъ тамъ. По заключеніи мира Кленовъ уже долго оставаться не могъ на р. Дунаѣ и къ веснѣ 1794 г. поднялъ тамъ свои послѣдніе заводы, устроивъ заблаговременно вмѣсто нихъ рыбныя лавки на Тамани, куда переселились Черноморцы. Тогда же сдалъ онъ въ казну вытащенные имъ пушки и якоря, требуя, по силѣ уложенія Петра Перваго, третьей части того, что стоилъ матеріалъ. Но де-Рибасъ пожелалъ утилизировать дѣятельность Кленова, подобно князю По-

темкину, иначе, почему и послалъ его весною 1794 г. къ дунайскимъ запорожцамъ съ Милостивымъ манифестомъ, Кленовъ же взялъ туда и товары на продажу. Непогода занесла его въ Константинополь, но онъ и тамъ съумѣлъ продать свои товары и накупить другихъ для Россіи, послѣ чего и вернулся въ Херсонъ.

Осенью 1795 г. вопросъ о вызовѣ запорожцевъ съ Дуная въ Россію снова былъ поднятъ де-Рибасомъ; живя тогда въ Одессѣ, онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Турціи и, зная, что Кленовъ, переселившійся въ Одессу, хорошо знакомъ съ кошевымъ дунайскихъ запорожцевъ Трофимомъ Номеломъ, онъ, съ помощью Кленова, вызвалъ его въ Одессу и, очевидно послѣ соглашенія, отправилъ его, какъ уговаривать запорожцевъ къ возвращенію въ Россію, такъ и для собиранія свѣдѣній о турецкихъ дѣлахъ, о чемъ донесъ графу Зубову 4 октября, ходатайствуя о награжденіи Номела, въ случаѣ успѣха штабъ-офицерскимъ чиномъ съ соотвѣтствующимъ жалованьемъ. Графъ Зубовъ немедленно написалъ Всеподданнѣйшее донесеніе, прося объ удовлетвореніи ходатайства де-Рибаса. По-видимому, дѣятельность Номела оказалась успѣшною, такъ какъ 19 декабря 1795 г. де-Рибасъ изъ Одессы рапортовалъ графу Зубову, что по силѣ его повелѣнія отъ 18 ноября онъ объявилъ кошевому Номелу о пожалованіи ему секундъ-маіорскаго чина и привелъ его къ присягѣ на вѣрность Россіи.

Укажу еще, пожалуй, что въ Сборникѣ оказываются еще свѣдѣнія, не безъинтересныя для археологіи, напр. относящіеся къ исторіи извѣстнаго тмутараканскаго камня, или для исторіи русской литературы, напр. указывающія на близость Головатаго къ Ф. И. Квиткѣ, отцу знаменитаго писателя, позднѣе написавшаго біографію Головатаго.

305 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

5-го Мая 1897 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента *В. П. Юргевича*, при секретарѣ *А. А. Павловскомъ*, поч. членъ *А. Л. Бертье-Делагардъ* и дѣйствительные члены: *М. П. Истоминъ*, *Г. Р. Шмидтъ*, *Ю. А. Кулаковскій*, *В. П. Мочульскій*, *Л. С. Мацѣевичъ*, *А. П. Деревицкій*, *П. Ѳ. Красносельцевъ*, *Л. Ф. Брунъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *О. Ѳ. Базинеръ*, *Э. Р. фонъ-Штеринъ*, *Х. П. Яцуржинскій*, *В. Н. Пироговъ*, *С. В. Петровскій*, *А. И. Маркевичъ*, *С. А. Селивановъ*, *А. И. Алмазовъ*.

Обсуждали:

I. Отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 25 февраля 1897 года за № 4949 о томъ, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ принять экземпляръ XIX тома Записокъ Общества.

II. Отношеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 20 февраля 1897 года за № 4690 о томъ, что имъ представлено было 2 экземпляра XIX тома Записокъ Ихъ Императорскимъ Высочествамъ В. К. Сергѣю Александровичу и Константину Константиновичу, при чемъ Ихъ Высочества поручили благодарить Общество за означенное подношеніе.

III. Предложеніе Совѣта объ удовлетвореніи просьбы Херсонскаго Губернатора въ отношеніи его отъ 23 апрѣля 1897 года за № 171 о высылкѣ въ даръ вновь основанному музею мѣстныхъ древностей всѣхъ вышедшихъ и имѣющихъ выйти томовъ Записокъ Общества.

Постановили: удовлетворить.

IV. Письмо д. члена И. И. Дмитренко и отношеніе ректора Императорскаго Харьковскаго Университета съ благодарностью за высылку XIX тома Записокъ.

V. Отношеніе старшаго хранителя отдѣленія среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія Императорскаго Эрмитажа съ благодарностью за высылку IV—XIX томовъ Записокъ Общества.

VI. Представленіе Совѣта о дѣятельности коммиссіи по изданію, по порученію Общества, I-го вып. Музея Одесскаго Общ. Ист. и Древностей. Терракоты.

Постановили: утвердить постановленіе Совѣта.

Коммиссія, избранная для изданія терракоттъ Одесскаго Музея, имѣетъ честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что порученная ей работа выполнена.

Изданіе въ итогѣ стоило 485 р., и такъ какъ премія Княжевича составляла 416 р. 18 коп., то Коммиссія вышла изъ своего бюджета на 68 р. 82 коп. Эта сумма, взятая пока изъ средствъ Общества, возвращена будетъ по продажѣ изданія. Изданіе печатано въ количествѣ 200 экземпляровъ. Изъ нихъ 100 уже проданы книгопродавцу Беру за 300 руб. Въ распоряженіи Общества остаются такимъ образомъ 100 экземпляровъ.

Съ ними Коммиссія предлагаетъ поступить слѣдующимъ образомъ:

1) Преподнести экземпляры Его Императорскому Величеству Государю Императору, Августѣйшему Покровителю Общества, Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ, почетнымъ членамъ Общества и Его Сіятельству г. Министру . . .	7 экз.
2) Послать 2 экземпляра сестрамъ Княжевичамъ . . .	2 экз.
3) Выдать членамъ Совѣта и издательской Коммиссіи, а также хранителямъ Музеевъ и библіотекарю . . .	14 экз.
4) Выдать тремъ издателямъ по 5 экземпляровъ	15 экз.
Всего . . .	38 экз.

Остаются такимъ образомъ въ распоряженіи Общества 62 экз. Изъ нихъ предложила-бы Коммиссія 12 отложить въ запасъ, въ библіотеку музея, а 50 назначить для продажи членамъ Общества и русскимъ музеямъ по 3 рубля за экземпляръ (по цѣнѣ, за которую книга продана Беру), частнымъ же лицамъ, не членамъ Общества, по 6 рублей.

VII. Письмо М. И. Княжевичъ на имя вице-президента:

Не могу выразить, какъ мнѣ совѣстно, что до сихъ поръ не благодарила Васъ за присылку намъ XIX тома Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а равно и протоколовъ засѣданій Общества; но у насъ были то больные, то пріѣзжіе, такъ что время шло не своимъ обыкновеннымъ порядкомъ и только изрѣдка, на самое короткое время, можно было взяться за перо. — Исполняю это теперь отъ искренняго сердца.

Записки прочитали мы съ большимъ интересомъ. Все въ нихъ приковываетъ вниманіе.

Въ протоколѣ засѣданія № 289 нашли посланную Вамъ выписку изъ письма отца моего. Въ ней особенно замѣчательно, какое живое участіе принимало въ то время все высшее Общество Одессы и вся интеллигенція

въ дѣлахъ Общества. Приписываю это отчасти той всеобщей любви, которою пользовался всегда отецъ мой.

Въ этомъ-же засѣданіи опредѣлено просить меня посодѣйствовать передачѣ въ Общество корреспонденціи отца, находящейся яко-бы въ Крыму у племянника моего.

Къ сожалѣнію, корреспонденціи этой осталась очень небольшая часть, которую теперь мы перечитываемъ и, если найдемъ въ ней что-нибудь интереснаго для Общества, то я сообщу вамъ. Большая часть переписки хранилась у покойнаго брата моего, осталось въ рукахъ вдовы его, моей невѣстки, и, кажется, была продана ею на макулатуру. Эта именно часть переписки его съ старшимъ братомъ своимъ (бывшимъ Министромъ Финансовъ) навѣрное могла имѣть для Общества много интереснаго.

По протоколамъ засѣданій, вижу, съ радостью, что Общество процвѣтаетъ и продолжаетъ быть очень дѣятельнымъ. Какъ-бы радовало это его основателя и перваго президента!!

VIII. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 21 апрѣля 1897 года за № 648 о высылкѣ въ даръ Обществу серебрянаго монетнаго слитка изъ числа найденныхъ близъ деревни Ивановки, Одоевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Постановили: благодарить.

IX. Представленіе Совѣта удовлетворить просьбу Ярославской архивной коммиссіи въ отношеніи отъ 2 апрѣля 1897 года за № 61 о высылкѣ въ даръ Коммиссіи слѣдующихъ изданій Общества: 1) Описаніе куфическихъ монетъ X в., найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 г. М. Григорьева 1839 г. 2) Указатель Ѳеодоссійскаго Музея Древностей и 3) Перечень статей, помѣщенныхъ въ 13 томахъ Записокъ Общества.

Постановили: утвердить представленіе Совѣта.

X. Секретарь предъявилъ присланныя для библіотеки Общества книги: Отъ д. чл. *В. К. Мальмберга*, его труды: 1) Метопы древне-греческихъ храмовъ. Изслѣдованіе въ области декоративной скульптуры. Дерптъ 1892 г. 2) Къ вопросу о древне-греческомъ вооруженіи. Щиты съ ковриками (Оттискъ). 3) Къ вопросу о композиціи эгинскихъ фронтоновъ (Оттискъ). 4) Замѣтки къ вопросу о метопахъ Парѳенона (Оттискъ). 5) Успѣхи современной археологіи. Актовая рѣчь 1895 г.

Отъ д. чл. *П. А. Шлякова:* Очеркъ по возстановленію Ростовскаго кремля. Ярославль 1897 г.

Отъ д. чл. *П. А. Вахрамѣева*: Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія д. ч. Имп. Русскаго Археологич. Общ. П. А. Вахрамѣеву. Сост. *А. А. Титовымъ*, вып. 4. Сергіевъ посадъ 1897 г.

Отъ д. ч. *К. К. Косцюшко-Валюжинича*: Археологическія раскопки Херсонеса въ 1896 г. Севастополь 1897 г.

Отъ д. ч. *Г. Г. Кизерицкаго*: Императорскій Эрмитажъ. Музей древней скульптуры. 3-е изд. Спб 1896.

1) Отчетъ церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1896 годъ И. И. Петрова. 2) Записки Крымскаго горнаго клуба въ г. Одессѣ. 1897 г. № 3. 3) Сообщенія Императорскаго православнаго Палестинскаго Общества, Декабрь 1896, Февраль 1897 г. Приложеніе т. VII 1897. 4) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1892 годъ. 5) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета 1897, 3 и 4. 6) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. 1897, т. VI, вып. 3. 7) Чтенія о святой землѣ: XXXVI и XXXVII. *А. И. Пыпина*, Древне-русское паломничество I и II; XXXVIII. *В. И. Хитрово*, Русскіе паломники святой земли. Путь до Іерусалима; XXXIX и LX. *В. И. Хитрово*, Русскіе паломники святой земли. Іерусалимъ и его окрестности I и II. 8) Циркуляръ по Одесскому учебному Округу. 1897 г. 3, 4. 9) Записки Наукового товарищества имени Шевченки. Т. VI, вып. II. 1897. 10) Kwartalnik historyczny Rocznik XI, zeszyt II. 1897. 11) Numismatischer Verkehr 1896. № 3 и 4. April. 12) Bulletino di archeologia e storia Dalmata. Anno. XX, 4. 13) Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft von Dorpat. 16 B 4 H. 17 и 18. Dorpat 1896. 14) Этнографическое обозрѣніе. 1896. № 4. 15) Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею за 1896 годъ. Минусинскъ 1897. 16) Извѣстія Императорскаго Варшавскаго Университета 1897 г. вып. III. 17) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета 1897

XI. Хранитель музея предъявилъ:

Пожертвованныя *М. В. Пуришкевичемъ*:

Монеты:

1 рубль Анны 1734.
1 рубль Петра I 1724.
3 серебряныхъ тетрадрахмы Θасоса, римскихъ типовъ.
1 серебряная македонская (первой провинціи).
1 серебряная тетрадрахма аѳинская (IV в.).
1 » » варварская (Филиппа голова).
3 серебряныя монеты Константина II.
1 серебряная Іовіана.
1 серебряная Антонина IIія (денаръ).
1 » республики Рагузы (очень рѣдкая) 1627 (три гроша)
1 » Сигизмунда III. польская (1622).
1 золотая византійская Мануила (1143—80. Sabbatier. 55, 5).
1 » » Андроника II и Михаила IX. (1297—1320. Sabbatier 60, 13).

Д. ч. *П. В. Эрдели*:

1 серебряная монета (Сассанидовъ).

1 серебряная монета—римскій денарь.
1 слезница.

Императорской Археологической Коммиссіею:

1 Новгород. серебряная гривна (слитокъ).

Поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагардома:*

Æ Макріанополя. Гордіанъ и Транквиллина, Паллада
— Истра. Гордіанъ и Сераписъ.
— Сердики. Ю. Домна и орелъ
— Никополя Оракійск. Гета и Гадесъ.
— Пилемена. Голова быка и кадуцей (оч. рѣдкая).
— Гераклеи. Гордіанъ и Геракль.
— Германикополя Каракалла — быкъ (рѣдкая).
— Таулары. Арей и мечь (очень рѣдкая).
Æ Три разныхъ тетрадрахмы Александра чекан. въ Одессѣ.
— Синопы. Нимфа и орелъ.
— Кія. Аполлонъ и носъ корабля.
— Гераклеи. Геракль и квадраты.
— Византіи. Деметра и Посейдонъ.
— Римской республики.
Æ Косона. Брутъ и орелъ.

Всего 8 мѣдныхъ, 6 серебряныхъ и 1 золотая; всѣ непмѣвшіяся въ нашей коллекціи.

Вещи.

1 золотая блящка съ тисненымъ узоромъ изъ Керчи
1 золотая индикація Рискупориса VII.
2 бронзовыя фибулы и подвѣска въ видѣ гермы изъ Херсонеса
Два крестика изъ Херсонеса.

Д. с. с. Ленцомъ:

1 рукопись.

Д. ч. *А. А. Дирином:*

Поддѣльная греческая надпись, о которой В. Н. Юргевичъ сообщилъ по поводу статьи А. Л. Бертье-Делагарда: «О поддѣлкѣ предметовъ классич. Древн. на югѣ Россіи».

Купленныя хранителями музеевъ въ Одессѣ и Керчи.

1) Богатая серія вещей (конская сбруя и т. д.) изъ одной могилы въ Керчи (предметы предъявлены будутъ послѣ).

2) Семь терракоттъ (всѣ найдены въ одной могилѣ) изъ Керчи, пріобрѣтены В. В. Шкорпиломъ.

3) 1 ваза съ накладными красками,—уцѣлѣла только одна фигура; кольчуга, три гипсовыя фигуры, 2 предмета изъ янтаря и рукоятка изъ стеклянной массы. Всѣ изъ Керчи, куплены В. В. Шкорпиломъ.

4) Ваза рѣдкой формы съ орнаментомъ въ черной и красной краскахъ изъ Ольвіи. Куплена Э. Р. фонъ-Штерномъ.

5) Крестъ и 3 мѣдныя монеты: одна херсонесская, одна пантикопейская, одна римская; куплены у Головлева въ Керчи.

6) Семь монетъ русскихъ и англійскихъ пожертвованы В. В. Шкорпиломъ.

Постановили: благодарить жертвователей и передать въ музей.

XII. Казначей доложилъ о поступившихъ въ кассу Общества членскихъ взносахъ: В. П. Гошкевича за 1896 г.—5 р., Д. О. Кобеко—100 р. и за дипломъ 10 р., отъ Ю. А Кулаковскаго членскій взносъ за 1895 г.—5 р. и В. К. Еренштедта за 1897 г.—5 р.

XIII. Докладъ д. чл. *Ю. А. Кулаковскаго* «О христіанствѣ Аланъ». Въ обсужденіи реферата принимали участіе п. ч. А. Л. Бертье-Делагардъ и д. ч. А. И. Маркевичъ, А. А. Кочубинскій и В. Н. Пироговъ.

Вопросъ о началѣ христіанства у Аланъ былъ поставленъ въ русской ученой литературѣ только въ трудѣ преосв. Макарія. Исторія христіанства на Руси до Владиміра (2 изд. 1868). Не провѣряя свидѣтельствъ древнихъ писателей и дополнивъ случайныя замѣчанія, сдѣланныя западными учеными по этому вопросу, самостоятельными домыслами и гипотезами, преосв. Макарій утверждалъ, что Аланы стали христіанами еще въ IV вѣкѣ и представляли самостоятельную епархію уже въ VIII вѣкѣ. Не входя въ разборъ и критику изложенія преосв. Макарія, въ виду несостоятельности его аргументаціи, референтъ указалъ на источникъ, оставшійся неизвѣстнымъ преосв. Макарію, а именно: письма Патріарха Николая Мистика (занималъ Константинопольскій престолъ дважды: отъ 901 до 907 и отъ 912 до 925 г.). Точныя извѣстія патріарха Николая ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ, что Аланы на своей прикавказской родинѣ приняли христіанство лишь въ началѣ X вѣка, благодаря просвѣтительной дѣятельности въ ихъ странѣ Константинопольскихъ миссіонеровъ, монаха Евенмія и Архіепископа Петра. Съ этихъ поръ начинается исторія аланской епархіи, состоявшей сначала въ рангѣ архіепископіи, а съ XI вѣка—митрополіи. Утверждаемая референтомъ дата начала христіанства у Аланъ находитъ себѣ подтвержденіе въ свидѣтельствѣ списковъ епархій Константинопольскаго престола (Notitiae episcopatuum, ταχτικά). Древнѣйшіе изъ этихъ списковъ, принадлежащіе VIII—IX вѣкамъ, не заключаютъ въ себѣ упоминанія объ аланской епархіи; впервые она названа въ томъ спискѣ, въ которомъ есть уже и Россія, причемъ обѣ митрополіи стоятъ рядомъ (60 и 61 мѣсто). — Сопоставивъ затѣмъ свидѣтельства о христіанствѣ у Аланъ, какъ народной религіи, отъ XIII до XV вѣковъ (доминиканецъ Юліанъ, епископъ Аланскій Ѳедоръ, Рубруквисъ, Пахимеръ, папскія буллы 1329 и 1333 годовъ, Іосафатъ Барбаро. Лаоникъ

Халкондилъ, Георгій Интеріанъ), референтъ перешелъ къ сопоставленію свѣдѣній о судьбахъ аланской епархіи. Лекіенъ въ своемъ Oriens Christianus собралъ свѣдѣнія о семи представителяхъ этой каѳедры, изъ которыхъ лишь три извѣстны по именамъ, а послѣдній, Лаврентій, участвовалъ въ соборѣ 1347 года. Къ этимъ семи можно прибавить просвѣтителя Аланіи, архіепископа Петра, и двухъ архіереевъ изъ второй половины XIV вѣка, оспаривавшихъ другъ у друга эту каѳедру: Симеона и Каллиста. Ихъ соперничество, окончившееся побѣдой Симеона, относится къ 1356 году и разсказано намъ у Никифора Григоры (III сар. 6 и сл.). Дѣятельность Симеона въ Аланіи освѣщаетъ одинъ документъ изъ собранія актовъ Константинопольскаго патріархата Миклошича и Мюллера (Acta Patr. Const. I n. 162), въ которомъ между прочимъ засвидѣтельствовано о притязаніяхъ Симеона на городъ Тану. Сопоставляя свидѣтельства писателей XIII вѣка (Рубруквисъ, Рукнеддинъ Бейбарсъ) объ аланскихъ купцахъ въ Крыму и южно-русскихъ степяхъ, а также нашей лѣтописи — о христіанскомъ (но не русскомъ) населеніи въ городахъ на Дону въ XII вѣкѣ, референтъ приходилъ къ заключенію о непрерывности аланскаго христіанскаго населенія на Дону и высказалъ предположеніе, что митрополитъ Симеонъ претендовалъ на Тану въ силу своего титула «митрополитъ *всей* Аланіи», каковымъ пользовались уже и его предшественники (подпись Лаврентія въ 1347 году).

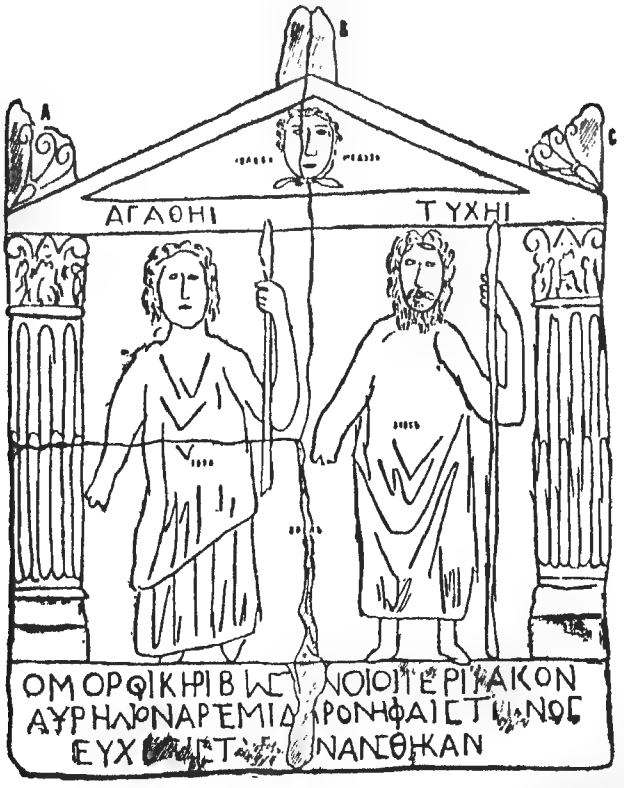
XIV. Докладъ д. чл. *К. В. Шкорпила*: «Древнія надписи, найденныя въ Болгаріи»[1]).

Къ сѣверо-востоку отъ Варны, на мысу, находящемся между княжескимъ замкомъ Эвксиноградомъ и монастыремъ св. Константина, найдены два мраморныхъ памятника съ рельефами и греческими надписями. Найдены они въ развалинахъ, гдѣ, по всей вѣроятности, находился городъ Макрополь; ими воспользовались для постройки какого-то средневѣковаго укрѣпленія. Оба камня хранятся теперь въ Евксиноградѣ.

Первая, изъ плитъ, разбитая на три части, имѣетъ въ ширину 0,39 м., въ вышину 0,35, въ толщину 0,085. Верхняя часть памятника украшена фронтономъ съ акротеріями и головкою Медузы; фронтонъ (поле его имѣетъ 0,28 м. шир. и 0,065 выш.) покоится на двухъ коринѳскихъ колоннахъ, между которыми рельефно изображены Гера, Зевсъ и орелъ посреди ихъ. Оба божества представлены стоящими съ копьями въ лѣвой рукѣ и, кажется, съ чашами въ правой. Такое изображеніе Геры встрѣчается на ѳракійскихъ памятникахъ не въ первый разъ: см. A. Dumont, Inscriptions et monuments figurés de la Thrace. Paris 1876, № 9; В. и К. Шкорпилы, Археологическія изслѣдованія Ѳракіи, Пловдивъ 1885, стр. 81 и 82 = Roscher, Lexikon der griech. und röm. Mythologie s. v. Hera, p. 2083. Рельефъ занимаетъ пространство въ 0,29 м. ширины и 0,28 м. ширины.

[1]) Продолженіе. См. протоколы 291 и 296 засѣданій.

Обѣтная надпись состоитъ изъ четырехъ строкъ, изъ которыхъ первая помѣщена между фронтономъ и рельефомъ, а остальныя три подъ рельефомъ, наполняя полоску въ 0,07 м. ширины.



Ἀγαθῇ τύχῃ.

Рельефъ.

Ὅμοροι Κηριβωτη[ν]οὶ οἱ περὶ [Κ]ᾶκον
Λυρήλιον Ἀρτεμίδωρον Ἡφαιστίωνος
εὐχ[αρι]στ[ήριο]ν ἀνέθηκαν.

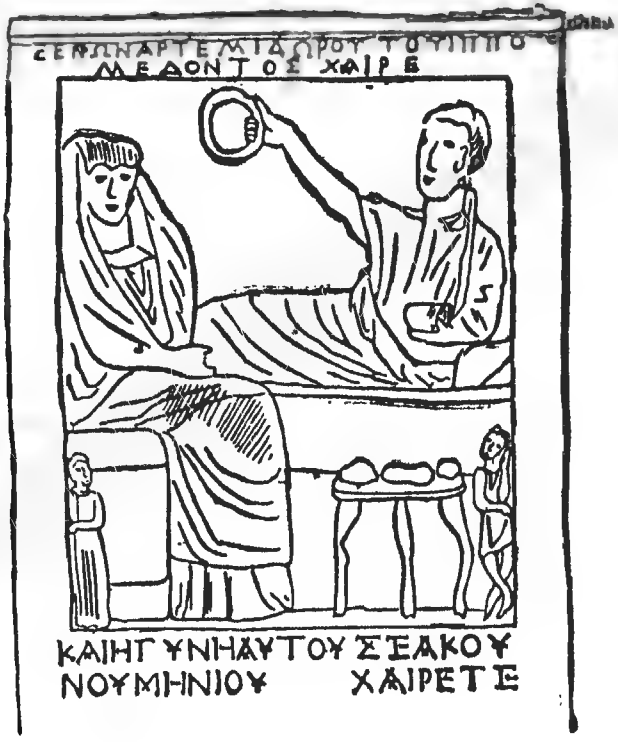
Въ первомъ имени я добавилъ букву К, потому что прилагательное Ἰακὸς едва-ли употреблялось въ качествѣ личнаго имени, а М[ᾶκος] не помѣщается въ оставшейся лакунѣ; можно было бы думать, что тутъ лигатура, но внимательное всматриваніе въ надпись не подтверждаетъ этого предположенія.

Гораздо больше затрудненія представляетъ второе слово второй, строки: Κηριβωσ[η]νοί. Это можетъ быть только опредѣленіе слова ὅμοροι прилагательное, произведенное отъ неизвѣстнаго намъ географическаго имени. Тутъ возможны однѣ догадки: намъ кажется, что въ первой части слова тотъ же корень, который заключается въ древнемъ названіи близкаго города Каллатиса (Plin. n. h. IV, 11, 44: . . . Cellatimque quae antea Cerbatis

vocabatur), въ названіи ѳракійскаго укрѣпленія Κηριοπάρων (sc. φρούριον: Proc. de aedif. IV, 11) и, наконецъ, въ названіи страны, гдѣ найдена надпись; вся мѣстность, которая находилась между Діонисополемъ и Каллатіей, называлась Карійей, тутъ же находилась «гавань Карійцевъ» (Arriani peripl. Ponti Eux. 35: ἐι Καρῶν λιμένα . . . καὶ ἡ γῆ ἐν κύκλω τοῦ λιμένος Καρία κλῄζεται. Срв. Anonymi peripl. Ponti 75 и Pomp. Melae de situ orbis II.: et partus Caria). Остается, стало быть, ждать, что найдется памятникъ, который намъ передастъ названіе общины, отъ имени которой произошло прилагательное κηριβωσ[η]νός (срв. Ἀπαισηνός: Steph. Byz. s. v. Ἀπαισός; Βαργασηνός, Γερασηνός, Ἐμεσηνός s. v. Βάργασα).

Въ заключеніе скажемъ еще, во-первыхъ, что обѣтный памятникъ относится къ императорскимъ временамъ, какъ указываетъ имя Αὐρήλιος, и, во-вторыхъ, что голова Медузы, украшающая вмѣсто обычной розетки середину фронтона, имѣетъ или декоративное значеніе, или является въ то же время въ качествѣ ἀποτρόπαιον, какъ на саркофагахъ и другихъ предметахъ древности (см. Roscher l. c. s. v. Gorgones, pp. 1697, 1704 и 1727).

6) Второй мраморный памятникъ, найденный и хранящійся тамъ же гдѣ и предыдущій, имѣетъ 0,94 м. выш., 0,54 шир. и 0,12 толщ. Верхній край надгробія украшенъ простымъ, 0,022 м. ширины карнизомъ. Подъ карнизомъ на полосѣ шир. въ 0,033 м., вырѣзаны первые двѣ строки надписи. Ниже въ углубленіи шир. 0,44 м. и выш. 0,54, находится рельефное



изображеніе «семейной трапезы» или «погребальнаго пира»: на ложѣ возлежитъ мужчина, держащій въ правой приподнятой рукѣ кѣнокъ, а въ лѣвой чашу, съ лѣвой стороны (отъ зрителя) сидитъ на креслѣ женщина въ задумчивой позѣ; въ правомъ углу стоитъ мальчикъ, а въ лѣвомъ дѣвочка, которые такъ же, какъ и женщина, подпираютъ голову лѣвой рукой. Мальчикъ не подастъ возлежащему мужчинѣ кубка и не наливаетъ ему вина, какъ часто бываетъ на боспорскихъ памятникахъ (см. Юл. Кулаковскій, Двѣ керченскія катакомбы съ фресками. Спб. 1896, стр. 44 и слѣд.). Передъ ложемъ стоитъ обычный столъ о трехъ ножкахъ (τράπεζα τρισκελής), уставленный жертвеннымъ печеньемъ.

Подъ рельефомъ, на подосѣ шир. въ 0,62 м., вырѣзаны третья и четвертая строки надписи. Вся остальная часть плиты, подъ надписью, и задняя сторона обтесаны небрежно, что доказываетъ, что надгробіе когда-то было вдѣлано въ стѣну.

Надпись написана въ два пріема, какъ видно изъ двукратнаго χαῖρε и χαίρετε: первая часть вырѣзана надъ рельефомъ послѣ смерти Ксенона, другая же высѣчена подъ рельефомъ уже послѣ смерти жены, пережившей своего мужа.

а) Ξένων Ἀρτεμιδώρου τοῦ Ἱππο-
μέδοντος, χαῖρε.

Рельефъ.

б) Καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ Σεάκου
Νουμηνίου, χαίρετε.

Всѣ личныя имена этой надписи хорошо извѣстны изъ эпиграфическихъ памятниковъ, кромѣ варварскаго Σεάκος, которое напоминаетъ мужское имя Σεβάκος танаидской надписи, изданной В. В. Латышевымъ въ извѣстномъ сборникѣ надписей сѣвернаго побережья Чернаго моря (Inscr. Ponti II, № 447). Странно то, что во второй части надписи не обозначено имя покойницы, а только имена ея отца и дѣда.

XV. Письмо д. чл. В. В. Шкорпила на имя д. чл. А. П. Деревицкаго о двухъ терракоттахъ, найденныхъ на Глинищѣ въ Керчи и принадлежащихъ А. А. Дирину.

Обѣ терракотты подобны тѣмъ, которыя изображены въ атласѣ Reinach'a (Antiquités du Bosphore Cimmérien) на табл. LXXI, рис. 4 и 5.

Первая терракотта представляетъ сосудъ въ формѣ стоящаго барана; выш. 0,205 м., длина 0,25 м.; длина пьедестала 0,155, а шир. 0,65 м. Отверстіе горлышка 0.04. 0,05 м. Глина красновато-желтая. (Вещь найдена на Глинищѣ). По серединѣ головы, спины и ручки проходитъ шовъ, который доказываетъ, что терракотта и ея ручка склеены изъ двухъ половинъ; горлышко придѣлано уже послѣ того, когда сосудъ былъ составленъ изъ двухъ частей. Сосудъ имѣетъ два отверстія: кромѣ горлышка, сдѣлано отверстіе во рту животнаго.

Вторая терракотта съ задней стороны точно такая, какъ у Reinach'a табл. LXXI, рис. 4, и 4а. Вышина—0,08 м., длина пьедестала 0,04. Съ лицевой стороны изображенъ не то сидящій, не то лежащій подъ навѣсомъ Вакхъ, который правой рукой держитъ валяющійся передъ нимъ мѣхъ вина (ἀσκός); съ правой стороны (отъ зрителя) стоитъ кувшинъ, а съ лѣвой, на потолкѣ навѣса, виситъ кисть винограда. По обѣимъ сторонамъ безбородаго лица молодаго бога ниспадаютъ длинные локоны, точно такъ какъ у извѣстной статуи Луврскаго музея. Навѣсъ обозначаетъ, по всему вѣроятію, пещеру, въ которой Вакхъ наслаждается прохладою (срв. Paus. V, 19,1: ἐν ἄντρῳ κατακείμενος у K. Müller'a Handbuch der Archaeologie der Kunst. 2 Aufl. Breslau 1835, p. 568). Добавлю еще то, что только задняя сторона сосуда и горлышко покрыты чернымъ лакомъ. Сосудъ найденъ на Митридатѣ.

При этомъ письмѣ посылаю двѣ фотографіи обѣихъ древностей и прошу доложить о нихъ Обществу.

XVI. Пожертвованную г. Ленцомъ рукопись «Царствованіе Бориса Ѳеодоровича Годунова», проситъ разсмотрѣть д. чл. А. И. Маркевича.

www.library.chersonesos.org

806.59.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи:

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества, Дмитрія Максимовича Княжевича, учреждена въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичами.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты по 1000 руб каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія первой по времени преміи наступилъ 14 ноября 1894 года. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1899 года.

II. Вторая, временная, премія—Одесской Городской Думы, въ 500 р., за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края, выдается съ тѣмъ условіемъ, что сочиненіе, помимо всего другаго, должно быть рукописное и, при удостоеніи, печатается на счетъ города. Срокъ выдачи преміи не опредѣленъ и конкурсъ на нее открытъ въ теченіи всего года.

III. Третья, временная, премія учреждена 1-го января 1894 года на средства, жертвуемыя почетнымъ членомъ Общества, А. Л. Бертье-Делагардомъ, въ размѣрѣ 600 рублей, за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на любомъ изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе предоставляется на имя Общества къ 1 января наступающаго года, до тѣхъ поръ, пока на данную тему не будетъ выдана награда или сама тема не будетъ снята съ очереди. Присужденіе преміи имѣетъ мѣсто не позже апрѣля соотвѣтствующаго года. Въ 1891 г. предложены были на соисканіе преміи слѣдующія двѣ темы:

1) «Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно какъ по этнографическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана».

2) «Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII—X вѣкахъ».

Къ 4 января 1897 г. отвѣты на предложенныя темы не были представлены, и въ виду того темы не сняты съ очереди.

IV. Такъ какъ почетный членъ Общества А. Л. Бертье-Делагардъ 1 января 1895 г. пожертвовалъ еще 600 р. съ тою-же цѣлью, то предложены на соисканіе этой новой преміи въ размѣрѣ названной суммы, двѣ еще темы:

1) «Торговыя сношенія греческихъ колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ эпоху древняго міра».

2) «Южная Русь и Византія, въ ихъ сношеніяхъ, въ XI столѣтіи».

Кромѣ означенныхъ темъ на соисканіе послѣднихъ двухъ премій имени А. Л. Бертье-Делагарда могутъ быть представляемы рукописныя и оригинальныя сочиненія на любую тему по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма.

www.library.odessa.ua

Изданія Общества:

1) Торжественное собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Descriptio musei publici Odessani pars I, continens nummophylacium Odessanum *N. Mursakewicz.* Odessa 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева* С-Петербургъ 1841, in 4.

4) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner* Odessa. 1845, in 8.

5) Исторія о Козакахъ запорожскихъ князи *Мышецкаго*, Одесса 1851, in 8.

6) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *И. Мурзакевича.* Одесса 1861, in 8.

7) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей. *В. Юргевича.* Одесса 1890, in 8.

8) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des memoires par *Ph. Brunn.* Odessa 1875. in 12.

9) Die orientalischen Münzen des Museums der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr O. Blau*, Odessa 1876, in 4.

10) Указатель Феодосійскаго Музея Древностей, Одесса 1890, in 8.

11) Каталогъ партамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда*, Одесса, 1888, in 8.

12) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса 1844—1896, XIX томовъ (XV in 4 и VI in 8).

13) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества, Одесса 1883 г.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1888), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

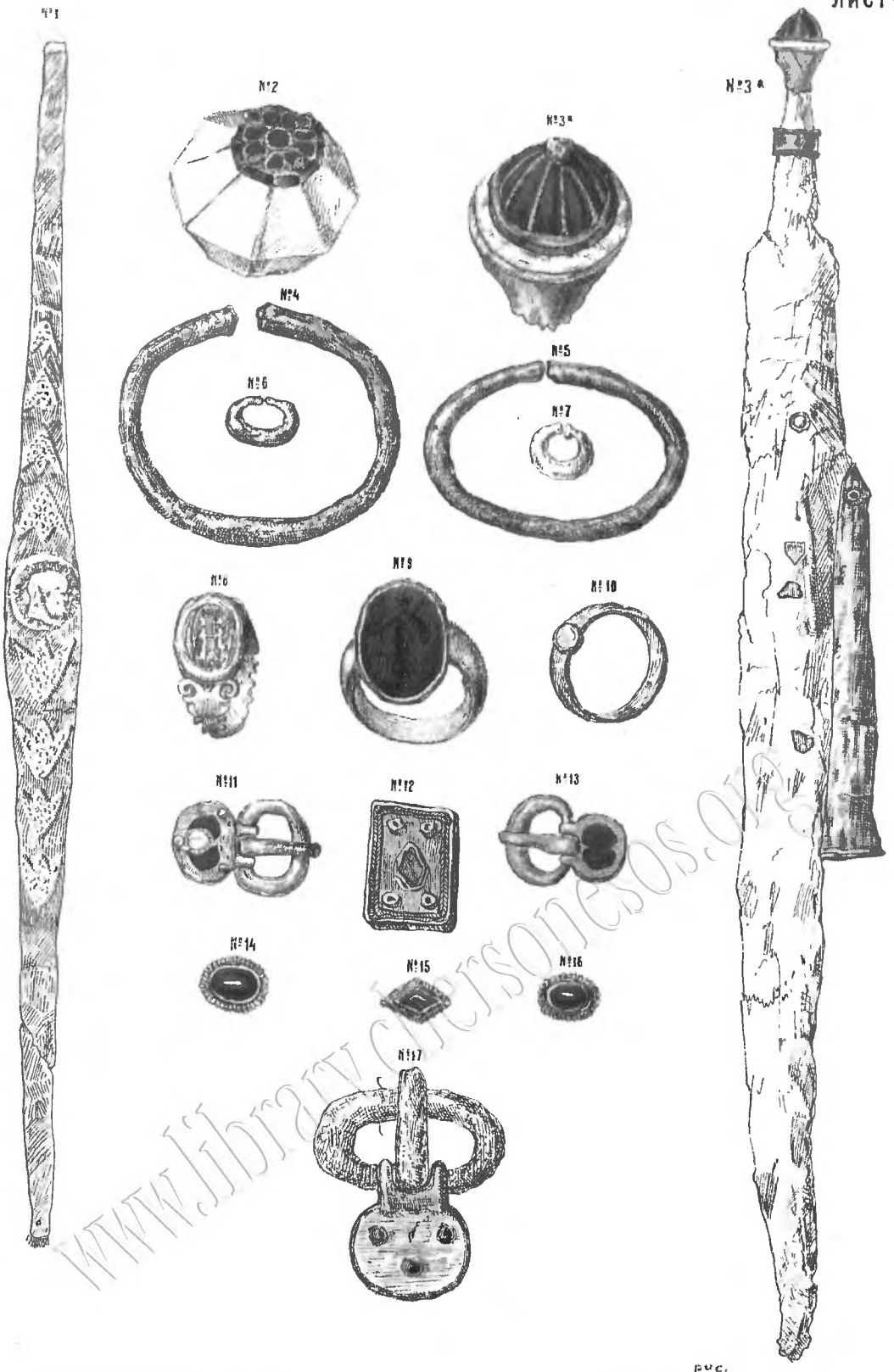
15) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Составилъ секретарь Общества *В. А. Яковлевъ*, Одесса 1892 г.

16) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I. Терракотты, Одесса 1896.

Печатается: Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. II. Терракотты.

Печатается: Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (Приложеніе къ XX тому).

www.library.chersonesos.org



www.library.chersonesos.org

рис. Мст. Двуженовскій